Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский: Воспоминания самовидцев

От издателей

Невозможно в одной книге охватить даже небольшую часть того, что связано с именем Всероссийского Батюшки: так обширны были его знакомства, велика и щедра его благотворительность, неисчислимы и значительны дела пастырства и храмоздательства, так разнообразна география его поездок, так дивны чудеса, творимые Создателем по молитвам святого праведника. И тем не менее эта книга является попыткой собрать то лучшее из воспоминаний самовидцев, что позволяет достоверно воссоздать личность кронштадтского пастыря в атмосфере его времени, понять его влияние на само это время и на его современников, начиная от первых лиц великого государства и кончая беднейшими его соотечественниками.

От издателей

Предлагаемая благочестивому читателю книга содержит воспоминания современников святого праведного Иоанна Кронштадтского, лично видевших, знавших, почитавших его людей, молившихся вместе с ним, сослуживших ему, а также тех, кто получил по Батюшкиным молитвам благодатную помощь и исцеление.

Наряду с российскими чудотворцами – святыми преподобными Сергием Радонежским и Серафимом Саровским, святой праведный Иоанн Кронштадтский является, по словам современников, высшей точкой нашего церковно-религиозного развития. И сегодня, когда уже без малого сто лет отделяет нас от его праведной кончины, образ Батюшки, вся жизнь которого была беспримерным духовным подвигом, продолжает источать свет Христовой любви.

Невозможно в одной книге охватить даже небольшую часть того, что связано с именем Всероссийского Батюшки: так обширны были его знакомства, велика и щедра его

благотворительность, неисчислимы и значительны дела пастырства и храмоздательства, так разнообразна география его поездок, так дивны чудеса, творимые Создателем по молитвам святого праведника. И тем не менее эта книга является попыткой наиболее полно собрать то лучшее из воспоминаний самовидцев, что позволяет достоверно воссоздать личность кронштадтского пастыря в атмосфере его времени, понять его влияние на само это время, на современников, начиная от первых лиц великого государства и кончая беднейшими его соотечественниками.

Настоящая книга включает воспоминания более 45 авторов. Среди этих воспоминаний есть уже знакомые современному читателю (например, по книге «Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев», составленной А.Н. Стрижевым и выпущенной нашим издательством в 1998 г.), так и не известные доныне извлечения из дореволюционной печати.

Вошедшие в книгу тексты сопровождены указаниями на источники публикаций и основными сведениями об авторах, а также указателями имен и географических названий.

Святой праведный отче Иоанне, моли Бога о нас!

Сознаю высоту священнического сана и соединенных с ним обязанностей, чувствую свою немощь и недостоинство к прохождению величайшего на земле служения священнического, но уповаю на благодать и милость Божию, «немощная врачующую и оскудевающая восполняющую», знаю, что может сделать меня более или менее достойным этого сана и способным проходить это звание – это любовь ко Христу и к вам, возлюбленные братие мои. Потому-то и Господь, восстанавливая отрекшегося ученика в звании апостола, троекратно вопросил его: «Любишь ли Мя?» И после каждого ответа его: «Люблю Тя» – говорил ему: «Паси овцы Моя, паси агнцы Моя» (Ин.21, 15–17). Любовь – великая сила: она и немощного делает сильным, и малого великим, и незначительного достопочтенным, и прежде незнакомого и чужого делает скоро близким, и знаемым, и любезным. Таково свойство любви чистой, евангельской; да даст и мне

любвеобильный ко всем Господь искру этой любви, да воспламенит во мне Духом Своим Святым!

Из первой проповеди отца Иоанна

Святой праведный Иоанн Кронштадский о себе.

Я мыслю Отцем, говорю Словом,
дышу Духом Святым.
Святой праведный Иоанн Кронштадтский
«Моя жизнь во Христе»

Автобиография

Я – сын причетника Архангельской губернии, Пинежского уезда, из села Сурского и родился в 1829 году. Почти нисколько не подготовленный к школе, едва умевший читать по складам, я поступил в архангельское приходское училище своекоштным воспитанником в 1839 году, на десятом году возраста. Туго давалась мне грамота; руководителей ближайших не было; до всего должен был доходить сам. Немалая скорбь была у меня по поводу моей неразвитости и непонятливости. Но с детства будучи приучен примером отца и матери к молитве, я был благочестиво настроенным мальчиком и любил молитву и общественное богослужение, особенно – хорошее пение. Скорбя о неудаче учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне смысл и разум, – и я помню, как вдруг спала точно завеса с моего ума и я стал хорошо понимать учение. Чем более я возрастал, тем лучше и лучше успевал в науках, так что почти из последних возвысился до первых учеников, особенно в семинарии, в которой окончил курс первым студентом в 1851 году, и был послан в Санкт-Петербургскую духовную академию на казенный счет. В академическом правлении тогда занимали места письмоводителей студенты за самую ничтожную плату (около девяти руб. в месяц), и я, имея мать, бедную вдову, нуждавшуюся в моей помощи, на предложение секретаря академического правления с радостью согласился занять это место.

Окончив курс кандидатом богословия в 1855 году, я поступил священником в Кронштадт в декабре месяце, женившись на дочери местного протоиерея К.П. Несвицкого, Елисавете, находящейся в живых и доселе; детей у меня нет. С первых же дней своего высокого служения Церкви я поставил себе за правило: сколь возможно искреннее относиться к своему делу, к пастырству и священнослужению, и строго следить за собою, за своею внутреннею жизнью. С этой целью прежде всего я принялся за чтение Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, извлекая из него назидание для себя

как для человека вообще, священника и члена общества. Потом я стал вести дневник, в котором записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу и всегдашнюю помощь и защищение от Него, и свои благодарные чувства ко Господу за избавление от искушений, скорбей и напастей. Почти каждый воскресный и праздничный день произносил я в церкви слова и беседы или собственного сочинения, или проповеди митрополита Григория. Некоторые из моих бесед изданы, а весьма многое осталось в рукописи. Изданы беседы: «О Пресвятой Троице», «О сотворении мира», «О Промысле Божием», «О мире» и «О блаженствах Евангельских». Кроме проповедничества, с самого начала священствования я возымел попечение о бедных – и лет около 20 назад провел печатно мысль об устройстве в Кронштадте Дома трудолюбия для бедных, который и помог Господь устроить лет 10 тому назад. Этот дом послужил примером и образцом для такого же дома в столице. Теперь он находится в цветущем состоянии, благодаря хорошему составу членов совета попечительства и хорошим воспитательницам детей, – так как в Доме трудолюбия есть школа для малолетних на 150 человек, и благодаря хорошим мастерам и мастерицам, – так как есть в нем некоторые мастерства: сапожное, швейное, – и составу врачей, бесплатно пользующих больных бедных попечительства. Громкую известность я получил, нимало не желая и не ища ее, от некоторых случаев чудесных исцелений, бывших в Кронштадте и в Петербурге, без моего ведома и согласия опубликованных в газетах.

Беседа с сарапульскими пастырями

В бытность Преосвященного Михея епископом Сарапульским, викарием Вятской епархии, по его приглашению в г. Сарапул 20 июня 1904 г. прибыл ныне в Бозе почивший протоиерей отец Иоанн Ильич Сергиев, духовный отец и друг Преосвященного. Пробыв здесь три дня, Батюшка большую часть времени посвятил своему обычному молитвенному подвигу, утром ежедневно совершая Божественную литургию, а после неё до вечера совершая молебствия в домах боголюбивых сарапульских граждан. Постоянное пребывание отца Иоанна в молитвенных подвигах, притом в разных местах, скрывало его от взоров многочисленной братии, жаждущей видеть и слышать слово великого молитвенника. Между тем всеми, и в особенности духовенством, ощущалась насущная потребность в живом обмене мыслей с досточтимым пастырем. Идя навстречу этой потребности и желая показать сарапульским пастырям живое и тесное общение с ними отца Иоанна как близкого их соработника на ниве Божией, владыка попросил Батюшку уделить несколько времени на собеседование с сарапульским духовенством. С любовью и полною готовностью изъявил отец Иоанн свое согласие на просьбу владыки и назначил для беседы вечер 21 июня.

Эта беседа отца Иоанна с пастырями Сарапульского викариатства была напечатана в № 39 «Церковных ведомостей» за 1904 г., затем перепечатана в «Вятских епархиальных ведомостях». Но Преосвященный Михей, желая воспроизвести беседу досточтимого Батюшки в более полном и точном виде и, кроме того, желая иметь отдельные оттиски ее для распространения среди духовенства, нашел возможным через некоторых участников беседы почти дословно воспроизвести и записать ее. Затем тщательно проверенная рукопись была отправлена владыкою для просмотра самому отцу Иоанну, который сам окончательно редактировал ее, сделав в ней некоторые поправки, дополнения и выпуски. Возвращая рукопись, отец Иоанн в письме к Архипастырю

благодарил «всю дружественную ему братию сарапульскую, с которой Господь привел ему служить литургию и беседовать». По поводу же предполагаемого печатания беседы он замечает: «Если б я знал (что беседа будет напечатана), то больше обдумал бы свою беседу заблаговременно».

Составление беседы, исправление ее, затем просмотр рукописи самим отцом Иоанном заняло немало времени. Поэтому излагаемая «Беседа» появилась в печати уже в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» за 1904 г., так как в «Вятских епархиальных ведомостях» она была напечатана в иной редакции.

По указанию Преосвященного владыки печатаем упомянутую беседу в нашем епархиальном органе (то есть в «Вятских епархиальных ведомостях), как могущую показать те пути и средства, которыми почивший отец протоиерей достиг великого молитвенного дерзновения пред Богом и соделался мощным носителем вседействующей благости Божией в своих пастырских трудах.

Беседа происходила в зале местного духовного училища, где собралось многочисленное духовенство. При появлении дорогого всем Батюшки в сопровождении владыки сонм присутствующих пропел стихиру: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...», во время пения которой отец Иоанн прошел в училищный храм; вернувшись в зал, он пригласил всех присутствующих сесть к столу.

«Мне весьма приятно видеть вас здесь, – начал Батюшка беседу, – и побеседовать с вами, приятно потому, что ваше многочисленное собрание явно показывает, что между нами существует общение, взаимная любовь, а по словам псалмопевца, *добро жити братии вкупе* (Пс.132:1). При взаимном общении даже трудная работа делается легче и идет успешнее. Благодарю вас за это взаимное общение; особо благодарю тех, кто сослужил мне сегодня при совершении литургии. Вероятно, очень многие из вас задают себе вопрос, как я имею дерзновение обращаться к Богу за такое множество людей, особенно страждущих, и ездить по всей России. Без сомнения, дорогие отцы и братия, я не решился бы сам на такое

важное и великое дело без особого на то указания Божия. Вот послушайте, что я вам расскажу о себе.

Всем вам, вероятно, известно, что родился я в Архангельской губернии, а курс окончил в Петербургской духовной академии. Непосредственно по окончании Академии я поступил на настоящее место, в город Кронштадт – священником к Андреевскому собору. Город этот военный: здесь на каждом шагу встречаешь военных, матросов, мастеровых из гавани и проч. Матросы, большую часть времени проводящие в море, на своих судах, попав на берег, стараются использовать свое свободное время во всю ширь, получить как можно больше удовольствий. Поэтому здесь всегда можно было встретить на улицах пьяных и слышать о многих безобразиях. С первых же дней своего служения мое сердце стало болеть при виде такой нехорошей, греховной жизни, и естественно явилось твердое намерение как-нибудь исправить этот пьяный, но хороший по своей душе народ. Особенно тяжело было видеть пьяных утром при возвращении домой после литургии. Поэтому я начал как можно чаще обращаться к ним со словом обличения, увещания и вразумления, убеждая их бороться со своей страстью и для этого как можно чаще посещать храм Божий, чтобы хотя утро проводить в трезвости. На первых порах, конечно, пришлось перенести мне много горя и неприятностей, но это не приводило в упадок мой дух, а напротив, еще сильнее укрепляло и закаляло для новой борьбы со злом[1]. В это время я боролся со злом обычными в пастырском делании мерами и не только не выступал как общий молитвенник и предстатель пред Богом, но даже и в глубине своей души такого желания и намерения не имел. Господу Богу угодно было поставить меня на другой путь. Случилось это таким образом.

В Кронштадте жила благочестивая, прекрасной души женщина, Параскева Ивановна Ковригина (родом костромичка), отдавшая себя на служение ближним. Она стала убедительно просить меня помолиться за того или иного страждущего, уверяя меня, что молитва моя за них будет действенна и для них полезна. Я же все время отказывался, совершенно не

считая себя достойным быть особенным посредником между людьми, нуждающимися в помощи Божией, и Богом. Но неотступные просьбы и уверения Параскевы Ивановны в помощи Божией наконец победили меня, и я с твердым упованием и надеждой стал обращаться с мольбой к Богу об исцелении болящих и расслабленных душой и телом. Господь слышал мои, хотя и недостойные, молитвы и исполнял их: больные и расслабленные исцелялись. Это меня ободрило и укрепило. Я все чаще и чаще стал обращаться к Богу по просьбе тех или других лиц, и Господь за молитвы наши общие творил и творит доселе многие дивные дела. Много чудес очевидных совершилось и ныне совершается. В этом я вижу указание Божие мне, особое послушание от Бога – молиться за всех, просящих себе от Бога милости. Поэтому я никому не отказываю в своей молитве и для посещения болящих езжу по просьбам их по всей России. Бывали случаи, когда просили меня изгонять бесов, и бесы повиновались и выходили из людей по моей молитве. Но были и такие случаи, когда мои старания не увенчивались успехом – бесы не выходили. Правда, бесы эти заявляли о себе, что они самые жестокие, самые упорные... И мои усилия в этих случаях потому не увенчались успехом, что я сам был недостаточно подготовлен, не держал строгого поста, а по словам Самого Иисуса Христа, *сей род ничимже исходит, токмо молитвою и постом* (Мф.17:21), или недостаточно времени уделял данному лицу. При моих разнообразных и многочисленных трудах мне не приходится уделять много времени одному лицу, так как ожидающих моей молитвы и благословения было всегда множество. А так как при настоящей моей жизни мне постоянно приходится быть в мире, посещая дома людей всякого звания и состояния, где предлагается угощение, которое мне часто приходится принимать, чтобы отказом не огорчать предлагающих с любовью, то, естественно, мне не представляется возможности держать строгий пост. Вообще в своей жизни я не брал на себя никаких особенных подвигов, не потому, конечно, что не считаю их нужными, а потому, что условия моей жизни не позволяют мне этого, и я никогда не

показывал себя ни постником, ни подвижником и т.д., хотя ем и пью я умеренно и живу воздержно.

Относительно того, как создалась моя настоящая известность, я должен сказать, что для этого я не принимал со своей стороны никаких мер и никаких усилий: все произошло само собой, помимо меня. С тех пор, как случаи исцелений чрез меня стали умножаться, свидетели и очевидцы этого, или же сами лица, испытавшие на себе благодать Божию, не желая оставаться неблагодарными пред Богом, объявляли о происшедшем в повременной прессе. Чрез это случаи исцелений делались известными читающей публике и привлекали ко мне новые массы людей, жаждущих Христова утешения и милости Божией[2].

Излишне говорить, что все случаи чудесных исцелений публикованы не мною, а самими испытавшими, и я не только не считаю себя сколько-нибудь лучше других иереев, но справедливо полагаю себя худшим, самым последним из вас и вообще всех иереев Русской Православной Церкви, потому что все, что есть во мне доброго, – это от благодати Божией, а все, что несовершенно и худо, то все мое, и если бы богатство благодати Божией, данное мне Богом, было бы у кого-нибудь другого, достойнейшего, он сделал бы добра много больше, чем я.

Враг рода человеческого с первых же дней моего пастырского служения стал подвергать меня разного рода искушениям. Прежде всего, он стал внушать мне какой-то безотчетный страх при совершении молитвословий и Таинств, особенно при совершении Таинства Крещения и Божественной литургии, а потом стал колебать меня борьбой мыслей. Тогда я понял, что лишь постоянным и непрестанным наблюдением за собой и непрестанной молитвой я могу бороться с этим тайным и неусыпающим врагом. Я стал стараться сколь можно глубже познать самого себя, то есть познать свою душу, свою природу, свои немощи и недостатки. Чтобы это наблюдение за собою было постоянным, я с первых же дней своего служения начал вести дневник. До сего времени я поставляю себе за правило записывать все выдающееся в моей духовной жизни – и ту

внутреннюю борьбу, которую я веду сам с собою, и горечь поражения со стороны князя власти воздушной, и сладость победы, и ту благодатную помощь, которую подает мне Господь в борьбе. По временам, перечитывая свой дневник и как бы оглядываясь назад на себя, видишь отчетливо, вперед ли идешь, или же остановился в своем движении, или даже назад подался. Поэтому ведение дневника я считаю настолько важным, что стараюсь ни одного дня не пропустить без записи хотя бы самой краткой заметки. Всегда следя за собою и все более и более познавая себя, познаешь и свою беспомощность во всех отношениях без помощи благодати Божией, особенно в побеждении зла, а чрез это приходишь к смирению, к покорности воле Божией, всегда и во всем благой и совершенной, а также поучаешься смотреть и на других людей с любовью, сочувственно, с готовностью всегда и во всем помочь им.

Чтобы подавить в себе все нечистое, худое и быть всегда готовым обращаться к Богу, я стараюсь всегда усиленно следить за своим сердцем и подавлять все нечистые желания сейчас же, как только замечу их. Главное здесь не давать греховному помыслу или чувству укрепиться в душе, овладеть умом, сердцем и всем существом своим и поставить их на камне веры и заповедей Божиих. Когда нечистое желание или чувство только зарождается, тогда гораздо легче вырвать его и победить в себе, чем после того, как оно глубоко укоренится. Дело непрестанной внутренней борьбы с собой вначале крайне трудно, так как это борьба с хитрым, коварным и опытным врагом – диаволом. Он употребляет всевозможные способы овладеть человеком и, пораженный в одном случае, сейчас же употребляет другой способ, более тонкий. Вот почему нужно непрестанно и весьма внимательно бодрствовать над собой».

Здесь речь отца Иоанна была прервана одним из слушателей пастырей.

«Научите нас, многоуважаемый Батюшка, как поступать в тех случаях, когда все усилия отогнать от себя врага, победить его в себе не приводят ни к чему. Тогда невольно рождается уныние, воля слабеет и руки опускаются при работе. Верный ли

будет способ борьбы в этом случае, если стараться не обращать внимания на внушения врага, так сказать, плевать на него?»

Отец Иоанн с живостью возразил: «Да, да, так и следует поступать: именно, нужно усердным призыванием имени Иисуса Христа, с тайным, глубоким покаянием, низлагать тайных врагов, не обращать на них внимания, не заниматься ими и все внушаемое ими считать за вредную мечту. Унывать же при сильных искушениях никогда не следует. Господь всегда близок к нам и готов по первому же призыванию имени Его защищать и прогонять борющих нас врагов невидимых. *Призови Мя в день скорби твоея* – говорит Он чрез пророка, – *и Я избавлю тебя и ты прославишь Меня* (Пс.49:15)».

«Позвольте еще спросить Вас, Батюшка: часто приходится переживать чрезвычайно тяжелое чувство при виде торжествующего зла. Как и чем побеждать в себе этого рода уныние?»

«Действительно, чрезвычайно тяжелое чувство испытываешь при виде торжествующего зла; подобное состояние и мне приходится переживать часто. И всего больнее здесь сознание, что и пастырская ревность здесь бессильна – часто приходится мириться... Утешение себе в этих случаях можно найти в сознании, что это явление лишь временное, допускаемое Промыслом Божиим с особыми, известными лишь Богу, целями, и что рано или поздно зло будет побеждено и будет торжествовать добро. И в этих случаях нужно подкреплять себя молитвою. Но ни на одну минуту не забывайте, как Господь многомилостив и скоропослушлив, что Он всегда приклоняет ухо Свое к молитве нашей и весьма быстро исполняет просьбы наши и помогает нам, если мы всецело и совершенно предаемся Его святой воле».

Обратившись к слушателям, отец Иоанн продолжал свою беседу:

«Скажу вам всем, возлюбленные отцы, что молитва должна быть постоянным спутником нашим. И я всегда поддерживаю в себе постоянное молитвенное настроение: благодарю, хвалю и прославляю Благодетеля Бога *на всяком месте владычествия Его* (Пс.102:22). Молитва – это жизнь моей души; без молитвы я

не могу быть. Для поддержания в себе постоянного молитвенного настроения и общения с благодатью Божией я стараюсь как можно чаще служить, по возможности ежедневно, и причащаться Святого Тела и Крови Христовой, каждый раз почерпая в этом святейшем источнике богатые и могучие силы для разнообразных пастырских трудов.

При своих молитвенных обращениях к Богу я употребляю молитвы, положенные в Требнике. Эта книга представляет такое богатство, из которого каждый человек может почерпнуть все нужное при своих многоразличных нуждах и молитвенных воздыханиях к Богу. Здесь Святая Церковь, как человеколюбивая мать, старательно собрала все, что необходимо нам в разных случаях жизни.

Во время, свободное от богослужений и пастырской деятельности я читаю Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, особенно же Святое Евангелие – это драгоценнейшее для нас благовестие о нашем спасении. При чтении я стараюсь вдумываться в каждый стих, в каждую фразу, даже в отдельные слова и выражения. И тогда, при таком внимательном отношении к святой книге, как бы приподнимается покрывало: даже в отдельных выражениях Священного Писания открывается богатство мыслей, такое богатство основоположений для проповедей, что никакому проповеднику не исчерпать этой глубины Божией. И когда приходится говорить проповедь, например, на дневное чтение Священного Писания, то иногда не знаешь, какую мысль выбрать, которую предпочесть: так они назидательны. А как дивно раскрыта в Писании душа человеческая: кажется, нет ни одного душевного состояния, которое бы не нашло здесь себе отклика. При беглом же и недостаточно вдумчивом чтении Священного Писания это необъятное богатство его ускользает.

Чтобы не отставать от текущей жизни, я в свободные минуты прочитываю по выбору современные периодические издания».

Один из присутствующих обратился к отцу Иоанну: «Вам, Батюшка, при Ваших постоянных разъездах по России и дома почти постоянно приходится служить все с новыми лицами,

причем случаются часто ошибки, замешательства среди сослужащих Вам. И Вы как будто не замечаете их; посмотришь – чрез минуту Вы уже снова в глубокой и сосредоточенной молитве. Скажите, пожалуйста, как и чем достигли Вы этого?»[3]

«Только привычкою – ответил отец Иоанн, – привычкою всегда молиться. Когда какое-нибудь состояние человека делается для него обычным, он очень быстро переходит в это состояние. Так и я, усвоив себе привычку быть в постоянном молитвенном настроении, могу очень быстро сосредоточиваться в молитве».

Собеседник продолжал: «Скажите, Батюшка, какое молитвенное правило исполняете Вы пред совершением литургии при своих многоразличных трудах, требующих от Вас времени и большого напряжения сил?»

«В данном случае я выполняю обыкновенное молитвенное правило, положенное Церковью для приступающих ко Святому Причащению, в случае же совершенной невозможности выполнить правило, по недостатку ли времени, или по другим причинам, я правило сокращаю, но молитвы пред Святым Причащением прочитываю всегда неизменно. При этом я руковожусь тем соображением, что Богу от нас нужны и приятны не многочисленные слова и молитвы, а внимательное и усердное, от всей души приносимое, моление. Поэтому лучше малое количество молитв прочесть с полным вниманием и сердечным умилением, чем много с поспешностью и рассеянно. Но особенно сильно возвышает меня и молитвенно настраивает пред совершением Божественной литургии чтение канонов на утрени. Каноны на утрени я всегда читаю сам. Какое богатство содержится здесь, какое глубокое содержание, какие чудные примеры горячей веры в Бога, терпения в скорбях, верности долгу в самых лютых мучениях предлагает нам здесь Церковь ежедневно! Чрез чтение канонов душа мало-помалу сама проникается высокими чувствами и настроением тех праведников, которых прославляет Церковь, живет среди церковных воспоминаний и чрез то привыкает к церковной жизни. И я, можно сказать, воспитался в церковной жизни на этом чтении, почему и другим, кто искренне желает приобрести

духовное богатство, советую обращать серьезное внимание на чтение канонов по Октоиху, Минее или Триоди. И вам, дорогие отцы, скажу: стоит кому-либо из вас положить за правило ежедневное чтение канона, как он на себе испытает все, что я сказал сейчас; при внимательном отношении к сему чтению он будет ежедневно подниматься в духовной жизни и расположит себя к подражанию тому угоднику или великому сонму угодников Божиих, которые будут ежедневно проходить пред его духовным взором.

Вот, дорогие отцы и братия, я раскрыл пред вами свою душу, так сказать, показал физиономию своей души, чтобы вы видели, каким способом я достиг того, что вы во мне видите. Жизнь моя – это долгая, упорная и непрестанная борьба с самим собою, борьба, которую я веду и в настоящее время при постоянном подкреплении благодати Божией. И каждый из вас может достигнуть таких же результатов, если постоянно и упорно будет следить за собою с целью борьбы со своим ветхим человеком и с духами злобы, чтобы при помощи благодати Божией быть светильником, не *под спудом горящим,* но на *свещнице* (Мф.5:15). Искренне, от всей души желаю всем вам этого.

Все, что я сказал вам, сказал, не приготовившись заранее, а говорил лишь то, что мне Господь на душу положил.

Благодарю вас за то любовное отношение ко мне, которое вы проявили во время кратковременного пребывания моего здесь, в вашем городе, и я очень доволен, что с благосклонного разрешения владыки мне представилась возможность побеседовать с вами».

Отец Иоанн кончил, но слушатели просили его еще высказаться по некоторым животрепещущим вопросам. Прежде всего, речь зашла о задачах современного пастырства. Отец Иоанн сказал, что выполнение дела Христова в современном обществе все более и более осложняется, так как, с одной стороны, осложняется жизнь народная, ее требования, а с другой – и враги Церкви, стремясь поколебать этот вечный *столп и утверждение истины* (1Тим.3:15), прибегают к новым, более утонченным способам борьбы. Поэтому-то современным

пастырям, как строителям дела Христова на земле, и, кроме обширного и разностороннего образования, необходимы великая и мудрая осторожность и твердость с верностью своему долгу, чтобы достойно стоять на страже вверенной им Богом паствы.

Высказывая свой взгляд на разные стороны современной жизни, Батюшка особенно остановился на стремлении лиц, самовольно взявших на себя роль народных руководителей, развлекать народ театрами и проч. Самое стремление к развлечениям отец Иоанн назвал «общественной болезнью». «Это – сказал он, – очевидный признак оскудения духа, извращенное понимание жизни, отсутствие других, более серьезных и ценных, интересов. И всего более удивительно здесь то, что, утратив сами истинный смысл жизни и разменяв глубокое и серьезное содержание духовной жизни на блестящие пустяки, так называемые интеллигенты стремятся привить свои взгляды и народу, который и понятия не имеет об излюбленном ими времяпрепровождении. Народу нашему нужно просвещение, а не игрушки. Вот где для пастырей широкое поле для деятельности – приучить народ к серьезному, здоровому и согласному с христианским настроением времяпрепровождению».

На этом беседа с отцом Иоанном окончилась.

Все присутствующие, глубоко взволнованные, дружно благодарили отца Иоанна за отеческое внимание к ним и назидательную и полезную беседу, а владыку за доставленную всем возможность так близко побыть с дорогим всем отцом Иоанном и насладиться его беседой.

Слово на 25-летие служения в сане иерея отца Иоанна Кронштадтского

Благодарю Вас, любезные братья, что вы благосклонно и благоволительно воззрели на мое 25-летнее служение в сане иерея и в знак вашего ко мне благосклонного внимания подносите мне этот драгоценный крест. Не знаю, кому больше честь в этом преподнесении: вам или мне. Я думаю, что вам, сочувственно отнесшимся к моему посильному служению делу нашего общего освящения и спасения; да, вам, теплоте вашей веры и любви, вашего христианского чувства. Настоящий день, в который исполнилось 25 лет со дня моего посвящения в сан священника, мог пройти не отмеченным никаким особенным знаком внимания к моему скромному служению, как и проходят подобные дни в служении весьма многих из братии моей. Но вы, добрые, просвещенные чада Церкви, не любите пропускать эти дни в жизни деятелей Церкви незамеченными. Вы уже выразили ваше внимание и сочувствие в подобном случае бывшему достоуважаемому о. диакону, ныне иерею храма сего. Теперь же удостаиваете вашего особого внимания и меня. Да будет же вам прежде всего честь за ваше благосклонное отношение к моим немощам. Я говорю – к немощам. Да, я исполнен немощей и знаю мои немощи, но *сила* Божия *в немощи совершается* (2Кор.12:9). И она дивно совершалась во мне в продолжении 25 лет, и дерзну сказать, чрез меня во многих. Говорю вам об этой силе Божией во мне, о великой благодати Божией во мне, чтобы вы вместе со мною прославили Господа Иисуса Христа, сила коего сказалась во мне богато, дивно! Вы не знаете, братья, множества искушений в жизни и служении священника, бакающихся[4] иногда вдруг с крайнею силою, подобно порывистой буре. Тяжки эти бури ада, исходящие от змия бездны; подобно утлой ладье в море, застигнутой бурей, душу бросают эти бури, как малую щепку, и готовы сейчас же потопить ее; и вот тут-то является всегда великая помощь Божия, и истинным чудом спасается бедствующая душа от потопления адова, и радуется и торжествует всякий раз после

такой помощи Божией, как спасается от потопления или как от адского пламени. Вы стоите спокойно, например, в Церкви, при богослужении, а между тем священник, совершающий службу Богу, совершает как бы вид подвига единоборства с духовным Голиафом, то есть сатаною. Но подите поборитесь с ним хотя раз: вперед не пожелаете. Кто дает священнику силу в борьбе с этим ужасным Голиафом, коего и одно мгновенное дыхание может сразу убить душу? Господь наш всемогущий, истинный Царь, коего Давид был прообразом и указанием. От каких бурь, страстей, грехов, скорбей, печалей не избавлял меня Господь, призываемый с верою, в покаянии нелицемерном? Каких немощей моих не врачевал? От каких бед не избавлял? – Слава Его спасению и помощи. Его милостью, силою я спасался в один день сто раз – сколько же было спасений и милостей Божиих в продолжение 25 лет? Несть им числа. Несть числа и моей благодарности ко Господу. И я всякий день благодарю Господа; всякий день вносил в памятную книгу мою милости Господни: да не забыты пребудут до века, да память об них укрепляет мою веру и надежду и на будущее время. Братия! Высоко служение священника; оно есть служение небесное на земле, служение ангельское, служение примирения людей с Богом; при содействии нашего служения Господь очищает от греховной скверны, освящает, утверждает всех нас в вере, избавляет от власти диавола. Но чем выше служение наше, тем, естественно, более возбуждает против священника брань свою общий наш супостат, и священнику приходится первому принимать на себя разожженные стрелы его, испытывать палящий яд смертельного жала его, и заранее знаешь, когда он из-за угла своего пустит в тебя тучи стрел. И увы! Чувствуешь, как они вонзаются в твою душу; чувствуешь, как душа пьет яд смертоносный. Но слава Богу, что эта беда не до конца настигает тебя; приходит Господь и спасает: и спасенные души торжествуют, радуясь о спасении Божием. Итак, за все слава Господу; мои только немощи и грехи. Что же касается служения моего священномолитвенного, то, служа спасению ваших душ, служу вместе и своему спасению.

Да благословит и да спасет нас всех Господь Бог наш.

Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 года

Дней лет наших – семьдесят лет, и при большей крепости – восемьдесят лет.
Пс.89:10

Сегодня мне, Божией милостью, исполнилось семьдесят лет жизни, благодати священства, воспринятой мною от Господа – почти сорок четыре года. Почитаю справедливым и должным для себя оглянуться на прожитое время и вспомнить милости Божии ко мне. Велика милость Божия, что я дожил до таких лет. Истинно *сила* Божия *в немощи совершается* (2Кор.12:9). Кто из знавших меня в младенчестве мог думать, что я доживу до восьмого десятка лет, который, по пророку, составляет крайний предел жизни человека, земного странника. Рос я болезненным, слабым, и в самом младенчестве тяжкая болезнь – оспа – едва не свела меня в могилу, на волосок был от смерти, по меткой молве человеческой. Господь сохранил мне жизнь: я оправился и стал возрастать. Приспело время учиться – я отвезен был в школу. Наука была темна для меня, я не был подготовлен дома; самому надо было доходить до разумения и познания; сознавал и чувствовал я свою беспомощность, ревниво смотрел на успехи товарищей и стал просить помощи и разумения у Бога, дающего всем просящим *просто и без упреков* (Иак.1:5), по выражению апостола Иакова, и открыл мне Господь разум: я озарился светом Божиим; грамота стала ясна для меня, и стал я успевать в соответствующих возрасту и воспитательной цели науках. Но и тогда, во время учения, сколько я перенес тяжких болезней!

При слабых физических силах прошел я три образовательные и воспитательные школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевные силы: разум, сердце и волю как образ тричастной, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы, души. Высшая духовная школа, коей присвоено название Духовной академии, имела на меня особое благотворное влияние. Богословские,

философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили мое миросозерцание, и я, Божией благодатью, стал входить в глубину богословского созерцания, познавая более и более глубину благости Божией, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинившей все создания твердым жизненным гармоническим законам; особенно пленил мой ум и сердце премудрый, дивный план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия Иисуса Христа, *вземлющего грехи мира* (Ин.1:29); во мне развилось и окрепло религиозное чувство, которое было в меня вселено еще благочестивыми родителями. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста и других древних отцов, также и русского златоустого Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его. Размышляя о чудном, любвеобильном домостроительстве Божием в спасении рода человеческого, я проливал обильные и горячие слезы, сгорая желанием содействовать спасению погибающего человечества. И Господь исполнил мое желание. Вскоре по окончании высшей школы я возведен был на высоту священнического сана.

И вот сорок четвертый год прохожу это звание, принося Богу *молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть* (1Тим.2:1:2) и принося почти ежедневно Бескровную Жертву, примиряя тварей с Творцом, ибо Господь дал священникам *служение примирения* (2Кор.5:18), чрез которое и сам я примиряюсь ежедневно с Праведным Судиею, мною прогневляемым ежедневно, и людей примиряю, отвращая праведный Его гнев, движимый на нас ради грехов наших, отводя их от кривых, погибельных путей и указывая пути правые. Благодарю Господа, подавшего мне возможность и удобство чрез частое совершение богослужения изучить весь круг наших богослужебных книг, познать их мудрый состав и богатство содержания и образы величайшего спасительного покаяния грешных и милосердия Божия к

кающимся, всю глубину богословия, всю сладость славословия Божия и дивные хвалы Божией Матери, любовь к Богу и различные подвиги бесчисленных святых.

Благодарю Господа, что Он удостоил меня родиться, и воспитаться, и быть священником в Святой Соборной и Апостольской Церкви и членом ее, хотя и недостойным, и удостоиться ходатайства ее пред Богом, на которое и надеюсь, что оно не посрамит меня, ибо не надеюсь на свои дела, которых не имею, а на заслуги Господа Иисуса Христа, искупившего меня Кровью Своею от греха, проклятия и смерти, на молитвы Божией Матери, святых Ангелов и всех святых. Они умолят за меня Господа, и Он введет меня в Царствие Свое Небесное.

Дорогие братия, иереи и сопастыри словесного стада Христова! Нам вверено от Бога величайшее служение. Мы облечены благодатью священства, мы уполномочены благодатью вседействующего и всеосвящающего Духа Божия совершать величайшие Тайны Божии в Церкви возрождения и освящения грешного человечества, обновления, примирения себя и его с Богом, мы предстоим Престолу Вседержителя лицом к Лицу, беседуем с Ним, умоляем Его, прославляем и благодарим Его, непрестанно обращаемся к Нему, как ближайшие Его *слуги и строители таин Его* (1Кор.4:1). Какая требуется от нас вера, какое благоговение, какое внимание к себе непрестанное, какая чистота сердца, какое бесстрастие, какое упование на Бога, какая любовь к Богу и ближнему, какое дерзновение, какая мудрость и простота, какое отрешение от всякого зла, какое милосердие и сострадание к людям, погрязающим во грехах!

Священник, живя на земле, должен быть небесным, *горняя мудрствующим, а не земная* (Кол.3:2), и весь предан Богу и спасению людей. Где нам взять все это, откуда почерпнуть такую обильную благодать? Бог дал нам всякую благодать. Мы должны непрестанно испытывать себя, пробуждать себя от усыпления, которым враг старается непрестанно обкрадывать нас; должны *возгревать дар* благодати *Божией* (2Тим.1:6), данный нам при рукоположении, должны быть день и ночь на

страже и себя и своих паств. Мы облечены благодатью священства, благодатью ходатайства за народ и за весь мир, благодатью совершать великие христианские Тайны, которые сильно могут содействовать и нашему спасению, умудрению, укреплению духа и тела и спасению наших ближних. Святые были подобострастные нам люди, но спаслись и сами и спасли многих-многих послушных им людей.

Спасемся и мы сами и других спасем, если будем ревнительны, *ибо Сам Дух* Святый *ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными* (Рим.8:26).

И слава Богу! Пастыри ныне горячо взялись за свое святое дело пастырства, возбуждаемые и поощряемые своими архипастырями. Училища в духе церковном умножаются и растут, плоды учительства видны всюду; народ просвещается. И это необходимо. Ныне шаткое, мятежное, бурное время. Сектанты и раскольники усердно сеют плевелы ложных учений в народе, стараясь отторгнуть от Церкви простодушный народ, но благодать Божия сильнее вражьих козней, *больше Тот, Который в нас,* то есть Господь, *нежели тот, который в мире,* то есть дух лести и злобы (1Ин.4:4).

Господь положил *вся враги Своя под ноги Свои* (1Кор.15:25). А мы будем усердными Ему споспешниками, как говорит апостол: *Богу бо есмы споспешницы* (1Кор.3:9).

Сорок четыре года я Божией милостью священствую, да поможет мне Господь и еще священствовать во славу Его и во спасение людей Его, и да сподобит Он меня и вас достигнуть возможного совершенства в деле спасения нашего *в меру возраста Христова* (Еф.4:13), желаю этого от души всем сопастырям, желаю и всем людям Божиим быть беспорочными и святыми. Аминь.

Всероссийский пастырь

Будущие беспристрастные историки жизни России, описывая вторую половицу XIX века, остановятся с изумлением на необычайном в истории явлении, на том, как простой православный священник в течение четверти века приковывал к себе внимание населения всей России, а отчасти и за пределами ее, какое он имел влияние на православноверующих, начиная с первого сына Церкви – Царя и кончая миллионами безвестных мирян, какое дивное сочетание выразителей национального духа дала жизнь в лице этого пастыря.

Протоиерей Иосиф Фудель. Посещение города Вильны отцом Иоанном Кронштадским

Редкое и небывалое духовное торжество пережил наш город 4 октября 1893 г. В этот незабвенный для всех истинных людей день происходил в Вильне воистину «пир веры и любви Христовой». Известный не только в России, но и в других образованных государствах, глубокочтимый и преисполняющий всех святого к себе благоговения молитвенник Христовой Церкви, муж святости, Божий избранник, отец Иоанн Кронштадтский (протоиерей Иоанн Ильич Сергиев), удостоил 4 числа город Вильну не только своего посещения, но и молитвы общественной в храмах и частной в посещенных им, по приглашению, домах отдельных лиц. Верное и меткое описание встречи любимейшего всеми пастыря и того энтузиазма, который широкою волною охватил все слои общества при появлении отца Иоанна – выше слова человеческого. Встречи, оказанные отцу Иоанну во всех посещенных им храмах и учреждениях – небывалые встречи: пред величием нравственной силы его преклонялись народные массы без различия образования и положения, пола и возраста, народности и вероисповедания. И тем замечательнее подобные встречи, что они созданы непосредственностью живого чувства человеческих сердец, без всяких предварительных приготовлений; они дышали христианскою искренностью и простотой, какие и могла только дать застигнутая этим событием почти врасплох обычная будничная жизнь нашего города.

Официальных извещений о проезде через Вильну глубокочтимого пастыря не было, но частные слухи о поездке его в Варшаву уже циркулировали по городу с последних чисел месяца сентября, и все прибывавшие на станцию Вильну из Санкт-Петербурга поезда привлекали к себе массу народа. Накануне же приезда отца Иоанна были получены представителями духовенства и некоторыми отдельными лицами в городе частные извещения о счел для себя

необходимым выехать навстречу глубокочтимому пастырю до станции Свенцяны, где, по прибытии петербургского поезда, имел счастье представиться отцу Иоанну и удостоиться его отеческой ласковой беседы. На пути от Свенцян до Вильны выяснилось из беседы, что отец Иоанн желает ехать в Леснинский монастырь не чрез Барановичи-Брест, а чрез Варшаву и что он ошибочно сел в Петербурге не в подлежащий поезд, вследствие чего вынужден иметь в Вильне остановку до 7 часов вечера. Причем отец Иоанн заявил о своем обычае ежедневно совершать Божественную литургию и, спросив отца Митрофана, при какой церкви он служит, есть ли возможность у него остановиться и нельзя ли в его церкви совершить богослужение, с решительностью высказал намерение помолиться в Николаевской церкви, пригласив к участию в том и отца Митрофана, не хотевшего верить такому неожиданному для Вильны, для Николаевского прихода и особенно для его дома счастью. С таким намерением приближался досточтимый отец Иоанн к Вильне, причем уже от станции Вилейка вагон его наполнился множеством лиц, искавших его благословения, молитвы и совета. Прибытие поезда в Вильну – поистине библейская картина: тысячные толпы наполняли вплотную дебаркадер железнодорожной станции, осаждали все здание вокзала, многие хватались за двигавшийся еще поезд, плакали от радости, молились, кричали, некоторые падали на землю, другие крестились. Здоровые и больные, богатые и бедные, угнетенные судьбой и счастливые жизнью тела, но ищущие духовного утешения – все слились в одном стремлении благословиться у Божия человека. В директорских покоях, чрез которые направили отца Иоанна, народ буквально нес на руках досточтимого пастыря, рвался к нему с такою силою, что не устояли окна и двери помещения, хватался за края его одежды, и едва-едва удалось власти провести пастыря к подъезду, где он, сев в открытый экипаж с настоятелем Николаевской церкви отцом Митрофаном Померанцевым, направился в его квартиру в ожидании начала богослужения.

Публика, с напряженным вниманием следившая за отбытием отца Иоанна со станции железной дороги в город,

узнав о месте остановки и служения высокочтимейшего пастыря, бурным потоком устремилась по улицам города, ведущим к Николаевской церкви. Едва успел высокий гость вступить в церковный дом, как квартира настоятеля церкви, церковный двор и прилегающая к церкви широкая улица моментально наполнились народом, жаждавшим благословения и молитвенной помощи служителя церкви, отца Иоанна. Двери настоятельской квартиры не затворялись; в ней происходил беспрестанный прилив и отлив людей; одни торопливо стремились подойти к отцу Иоанну, другие, получив благословение, великодушно уступали место вновь прибывавшим. Здесь можно было видеть достоуважаемую мать игуменью Виленского женского монастыря с сестрами обители, представителей городского духовенства, высокопоставленных лиц военного и гражданского ведомства, особ высшего образованного общества, лиц чиновного и учебного ведомства и множество разночинцев без различия вероисповеданий. Так прошло времени около 3/4 часа, пока в церкви делались приготовления к богослужению.

По докладе настоятеля о том, что все готово к богослужению, отец Иоанн, окруженный толпою народа, проследовал в церковь, уже переполненную народом настолько, что вход в алтарь был почти невозможен. На солее, пред Царскими вратами, настоятель церкви отец Митрофан Померанцев встретил досточестнейшего пастыря с крестом в руках и в облачении и приветствовал следующими словами: «Да будет благословен вход твой, молитвенник земли Русской, в наш город, в наш приход и в сей древнейший храм!» После чего отец Иоанн приложился ко святому кресту, дав поцеловать оный и отцу настоятелю, и вошел в алтарь, где подана была отцу Иоанну святая вода, которою почтенный пастырь окропил себя и отца настоятеля церкви. Облачившись в священные одежды, отец Иоанн вышел на солею и стал служить канон дневному святому, причем сам вычитывал все положенные Церковью стихи и молитвословия. Чтение благоговейнейшего пастыря – необыкновенно для слуха и для сердца: его мерный, возвышенный, совершенно отчетливый и чистый голос ясно

раздается по всему храму, несмотря на то что пастырь стеснен со всех сторон молящимся народом. Каждое произносимое им слово показывало, что благоговейный чтец, как исполненный высокого молитвенного настроения и глубокого духовного опыта, влагал в каждое читаемое слово всю ту силу, полноту и глубину его содержания, какую влагала Церковь в самый момент составления ее молитвословий. Как тогда живое непосредственное религиозное чувство составителей церковных молитв и канонов обильным ключом исторгалось из глубины озаренных благодатью верующих сердец наружу и выливалось в разнообразные формы огненного молитвенного слова, так ныне в облагодатствованной душе отца Иоанна все церковные молитвы воскрешены во всей своей свежести, силе и непосредственности. Из его благоговейных уст льется не чужое молитвенное слово, не чужая, сердцем его не пережитая мысль и чувства, а слова, мысли и чувства, усвоенные им в Церкви и воспринятые его религиозною душою от Церкви в такой мере, что они отождествились с его духовным настроением, стали его внутренним содержанием и жизнью; он сам весь в этих молитвенных словах и воздыханиях – это уже стали его собственные слова и мысли, и огонь веры и любви первых составителей священных песнопений ярким пламенем объемлет сего молитвенника современной нам Христовой Церкви. И неотразимы такое чтение и молитвы! Они приковывают к себе внимание рассеянного, согревают холодного, ободряют унылого – всех сливают в единство веры и любви… Понятно после этого, какое неизъяснимое религиозное утешение, какую великую силу и значение могло иметь принесение Бескровной Жертвы на алтаре Господнем молитвенником Бога любви – отцом Иоанном. Хотя литургия началась довольно поздно, но никто не чувствовал ни малейшего утомления; все поглощены были совершавшимся священнодействием до полного забвения земных интересов. Божественную литургию отец Иоанн совершал в сослужении настоятеля церкви отца Митрофана Померанцева, при участии протодиакона кафедрального собора и диакона. Благодаря известной доброте и любезности отца ректора семинарии, пение

на клиросе исполняли с обычным усердием и талантливым искусством воспитанники VI класса семинарии. Величественную и не поддающуюся описанию картину представлял алтарь и весь храм святителя Николая во время совершения в нем литургии отцом Иоанном: все городское духовенство, во главе с отцом ректором семинарии, архимандритом Алексием и кафедральным протоиереем П.Я. Левицким, а также военное духовенство и монашествующие с матерью игуменьей Антонией наполняли алтарь, с чувством глубокого благоговения взирая на предстоявшего святому престолу отца Иоанна, как яркий светильник горевшего пламенем сокрушенной молитвы и сиявшего небесною добротой и чистотой веры и любви. Он весь был вера и молитва; все священнодействия службы были излиянием как бы его собственного духа пред милосердным Богом, Которому он предстоял, как предстояли святые мужи, полный трепета и благоговения, живо ощущая Его присутствие и величие и произнося с непосредственностью веры, как бы в Лице Сущему Богу возгласы и молитвы литургии.

Просьбы о поминовении, записки и письма с именами сыпались в алтарь в несчетном числе. Отец Иоанн всех поминал, за всех молился с одинаковою любовью и теплотой. По временам он смиренно преклонял главу пред святым престолом и глубоко-глубоко входил в себя и молился или подходил к жертвеннику и, сложив в умилении на груди руки, слезно и тихо молился за просивших его о том. Алтарь поистине был земным небом. Между тем весь остальной храм, наполненный народом, ловил с замиранием сердца каждое действие и слово Божия служителя, возносившего к Богу все нужды и чаяния предстоящих во храме с полным самоотречением и любовью. Когда отец Иоанн выходил в Царские врата к народу, народ в глубоком благоговении преклонялся на землю, целовал края его священных одежд, со слезами умиления касался его ног. В церкви присутствовал за литургией г. виленский губернатор и много высокопоставленных лиц. Весь храм был исполнен необычайного религиозного напряжения, царили полная тишина и благоговение; казалось, сами Небесные Силы витали тогда под сводами небольшого

Николаевского храма, возвещая людям благодать от Бога, любовь и всепрощение. Литургия окончилась около 1 часа пополудни. За поздним временем отец Иоанн отказался совершить молебен и исповедь, так как ему предлежало представиться в загородном архиерейском доме его Высокопреосвященству, а также г. генерал-губернатору и посетить, по приглашению, больных и монастыри.

Выход из церкви после литургии чрез среднюю часть храма оказался совершенно невозможным, так как молящиеся представляли одну сплошную непроницаемую массу людей, и потому отец Иоанн со всем духовенством направился через боковую алтарную дверь. Но и вне церкви глазам представилось то же умилительное зрелище: церковный двор и улица за оградой церкви были переполнены народом, бедные и больные бросились к ногам отца Иоанна, матери со слезами умиления поднимали на руках своих детей, дети простирали к нему руки – все взывали к избраннику Божию о помощи и утешении. Отец Иоанн, видимо, сильно возбужденный и как бы приподнятый над уровнем обычного состояния духа после высочайших моментов живого, сердечного общения с Богом через умиленную молитву, исполненный Духа Святаго от теснейшего общения с Ним в Таинстве искренно совершенной им Евхаристии (Причащения) – предстоял народу в величии бесхитростной прямоты веры, в неотразимой обаятельности небесной чистоты и в могуществе всепобеждающей силы Божественной любви.

Это был момент, наиболее ясно и наглядно показывавший, в чем кроется сущность и сила неотразимого обаяния сего молитвенника Церкви Христовой и почему таким естественным является повсеместное, не иначе как восторженно-умиленное всенародное преклонение пред этой могучей христиански-нравственной силой. Этот момент достоин того, чтобы на нем остановиться, хотя, надо заметить, слово человеческое здесь является бессильным. Отойдя от алтаря Господня, где отец Иоанн только что пребывал в личном, живом, посредствуемом церковными формами, общении с Верховным Личным Существом и вдыхал естественное по природе для разумной

человеческой души дыхание Живого Личного Духа, Бога любви, всепрощения и благодати, где он искренно изливал свою душу пред Тем, Кто ее сотворил и Кто ее ныне живит и возвышает, он казался явившимся из страны света и правды, милости и любви, истины, добра и красоты. Глядя на истинного Божия служителя в этот момент, всякий беспристрастный человек видел, что это был, по сравнению с обыкновенными людьми, просто нормальный человек, впущенный Богом в мир грешных и скорбных людей, весь прозрачный в детской чистоте, доверчивый, благожелательный, любвеобильный, но сильный и твердый в своей чистоте. На нем был отпечаток того Личного Духа, Который с кроткою любовью, но вместе и властным спокойствием свободно взирал через него на мятущуюся в грехах и скорбях, в земных заботах и вожделениях толпу людей – людей, удрученных бременем самоохотных стремлений, склоняющихся пред обилием духовного света и величием нравственной силы и ищущих, лишь как милости, прощения и освежения, утешения и подкрепления. Пред народом стоял живой, от людей взятый и ограниченный, как и всякий человек, но более других очищенный искренним покаянием, искреннею верою, искренним принятием от Церкви Таинства и молитвы при чистоте жизни, образ Того, Кто сотворил по Своему образу и всякого человека. Казалось, этот человек указанными очистительными средствами как бы стряхнул с себя пыль земного и плотского мудрования и, поправ гибельное лукавство безрассудных сомнений, выступал пред всеми с расширенным, обнимающим больший обыкновенного круг предметов умом, сердцем и волею. Он ввел указанными средствами в свой духовный мир новое положительное и светлое содержание, сделавшее его человеком в лучшем, преимущественном пред многими другими, смысле этого слова, более отображающем в себе Бога – избранным сосудом Его благодати и силы. Окружающие его казались нравственными пигмеями, бессильными поднять поникший к земле взор и ум, чтобы видеть источник сей благодати, силы и истинной жизни своего духа... И в то же время, сколько в нем было глубокого смирения, доброты и милосердия ко всем! «Здравствуйте,

братья и сестры! – говорил он. – Здравствуйте, отцы, матери и дети, здравствуйте, друзья!» Вы, – как бы слышалось в этих обращениях, – те же образы Того же Общего нашего Отца, Личного, Свободного Бога. Да, эти ласковые слова «отцы, матери, братья, сестры и дети» прозвучали в совести многих и многих людей как бесподобный по кротости, но могучий, глубокий призыв к братству и родству в Боге любви, чистоты и правды, как упрек царствующему в мире внутренне разъединяющему людей греху и рабству страстям, лишившему самые эти слова в устах людей истинного их содержания, оставив лишь форму.

Когда отец Иоанн говорил это народу, в его огненных, но отечески добрых глазах и в каждом его движении сквозил пронизывающий душу свет. Этот взор не всякий мог выдерживать, а равнодушным оставаться не мог никто. Слезы и крики народа христианского и не христианского служили тому доказательством. Отец Иоанн торопливо, но отечески-нежно ласкал и как бы принимал к своей чистой душе эти многочисленные образы Божии, своих «братьев и сестер», всем от полноты души благожелал, всех благословлял, бедным отдавал то, что ему приносили на молитву и поминовение. Это была картина истинного христианства, созданная не вновь и не впервые совершающаяся пред глазами людей, а уже в миллионный раз воспроизводимая воочию мира от начала христианства чистыми душами искренно живших и живущих в Боге людей. Но благословить всех не было никакой возможности, и отец Иоанн поторопился войти в церковный дом. Посетив по дороге квартиру отца протоиерея Иоанна Шверубовича и встреченный радостно хозяином, досточтимый пастырь прошел в квартиру настоятеля церкви. Между тем настойчивые и неудержимые крики народа, наполнявшего двор и улицу, о благословении не умолкали. Отец Иоанн вышел на балкон. Появление его вызвало взрыв народного чувства радости и умиления, толпа как один человек обнажила головы и засуетилась. Отец Иоанн, сняв шляпу и перекрестившись, теплым-теплым отеческим благословением благословил народ на все стороны, ласково улыбаясь и приветливо кланяясь всем.

Все смолкло и как бы застыло. На глазах всех выступили слезы! Отец Иоанн вошел внутрь квартиры. Здесь комнаты и лестница оказались переполненными посетителями, во главе которых можно было видеть г. виленского губернатора, г. вице-губернатора с супругой, генерал-майора Свищевского с супругой, все духовенство и много высокопоставленных лиц всякого звания. Отец Иоанн оживленно, дружески и продолжительно беседовал с г. губернатором и г. вице-губернатором и всех присутствующих благословлял порознь. В то же время к нему стали приносить некоторых больных, о которых отец Иоанн пламенно и с любовью молился, забывая о том, что был уже второй час дня и что он был еще натощак и после дороги и службы. Удовлетворив всех присутствовавших, отец Иоанн откушал немного чаю и, сев в любезно предложенный отцом ректором семинарии экипаж, сквозь густую толпу народа направился в сопровождении отца настоятеля Николаевской церкви в Свято-Троицкий монастырь и в рассадник духовного просвещения – литовскую семинарию.

Хотя посещение отцом Иоанном Свято-Троицкого монастыря и помещающейся при нем литовской семинарии, вслед за богослужением в Николаевской церкви, было делом окончательно решенным почти за несколько минут до осуществления его, тем не менее вся Вильна, знавшая о пребывании в городе высокоуважаемого кронштадтского пастыря, была уже сосредоточена здесь ко времени его приезда. Народ стоял густою стеною и на улице, под величественными въездными воротами в монастырь, наполнял собою и весь путь в монастырскую церковь, и весь обширный монастырский двор, и поместительный храм Святой Троицы. Въезд в монастырский двор был крайне затруднителен и лишь чрезмерными усилиями полицейских властей сделан возможным. Но чувства людей, казалось, презирали опасности и неудобства: многие бросались в экипаж к ногам отца Иоанна, хватали его руки, другие бросали ему письма и записки с просьбами о молитве. Вид всего монастыря и семинарии в момент приезда отца Иоанна был неописуем! Море человеческих голов волновалось и широкою волною

охватывало подножие красующегося грандиозностью монастырского храма, величественно выступавшего, как незыблемый оазис, посреди мятущейся тысячной толпы людей. В церковь и через церковь отец Иоанн не шел: его буквально нес и влек своими руками народ. При обильном, праздничном освещении храм Святой Троицы имел необыкновенно торжественный вид и, при величественном и одушевленном пении воспитанниками семинарии тропаря Пресвятой Богородице, производил в общем дивное впечатление. Проследовав через Царские врата в алтарь и приложившись к святому престолу, отец Иоанн надел на себя епитрахиль и с крестом в руках вышел приложиться к чудотворной иконе Богоматери. Поклонившись пред нею в землю, отец Иоанн припал к образу и несколько минут углубленно, сосредоточенно и тихо молился. Вся церковь в этот момент стихла: из чистой души Божия служителя лилась в эту минуту святая молитва Владычице мира за народ, за его веру, за любовь. Да, это была жертва кроткого Авеля, пламенного Илии, тихим облаком воздымавшаяся от земли на небо! Затем, еще раз сделав земной поклон, молитвенник Христов со слезами на глазах осенил святым крестом народ, весь как волна заколыхавшийся под осенением креста, и снова направился в алтарь, долго, впрочем, удерживаемый упавшими к его ногам больными. Путь из церкви в семинарское здание оказался совершенно отрезанным тысячной толпою, и, видя это, отец ректор провел достоуважаемейшего пастыря чрез боковую алтарную дверь и монастырский корпус внутренним ходом прямо в свою квартиру. Нечего говорить о том, какое это было шествие: кажется, если бы родного отца отрывали и уводили от горячо любящих его детей, то последние не рвались бы за ним с такою силою и самозабвением, как рвался народ в монастырское здание вслед за отцом Иоанном.

В квартире ректора семинарии собралось городское духовенство, начальствующие и преподаватели духовно-учебных заведений, бывший в то время в городе Вильне г. ревизор сих учебных заведений, действительный статский советник Григоревский и много других лиц, наполнявших

ректорские покои. Здесь отец Иоанн благословил всех подходивших к нему и на несколько минут удалился в особую комнату для беседы с лицами, испросившими у него отдельной беседы. Между тем радушным хозяином уже было приготовлено все к обеденному столу, и, по выходе отца Иоанна, высокий гость, духовенство и несколько из светских лиц были приглашены к столу. Но и за столом отцу Иоанну некогда было отдаваться простой душевной беседе: ему более приходилось выслушивать просьбы о посещении больных и о духовной помощи. Между прочим, тут же за столом отец Иоанн был приглашен одним знакомым ему по Петербургу лицом к больному ребенку на Юрьевский переулок, а так как им еще в Николаевской церкви было дано обещание посетить больного восьмилетнего сына врачебного военного инспектора И.С. Самохвалова, то отец Иоанн поспешил отказаться от долгого угощения и, несмотря на усиленные просьбы доброго хозяина разделить трапезу до конца, отведал лишь немного вина в честь хозяина и одного только обеденного блюда, дружески поблагодарил отца ректора за радушный прием, поздравил его с новым назначением на епископскую кафедру и, простившись с сотрапезниками, оставил ректорскую квартиру. В семинарском коридоре, чрез который лежал путь к выходу, уже давно с нетерпением ожидали облагодатствованного Богом пастыря Церкви юные питомцы семинарии, готовящие себя к тому же высокому званию священнослужителей. Встреча досточтимого пастыря с воспитанниками семинарии – встреча апостола Христова с чадами первенствующей Церкви Христовой, как описываются таковые в книгах Нового Завета! С каким детским доверием и умилением смотрели эти питомцы, юные еще чада Христа, на кроткого, но сильного духом носителя обильной Божественной благодати – досточтимого пастыря! И с какою отеческою любовью приветствовал их избранный служитель Бога отец Иоанн! «Здравствуйте, – сказал он, – господа семинаристы! Здравствуйте, будущие пастыри Христовой Церкви, братия мои! Здравствуйте, мои друзья!» «Молитесь за нас, избранник Божий! Благословите нас, молитвенник Христов!», – дружно и со слезами на глазах отвечали юные

питомцы. Теснимый со всех сторон окружившими его в узком коридоре, отец Иоанн остановился и кротко дружески, но в упор глядя на своих юных друзей, продолжал свою истинно апостольскую беседу. «Да даст вам Бог щедрот – говорил он, – преспеяние жития и веры, и разума духовного (слова литургийной молитвы)! Да просветит вас познанием святой Его воли и да приуготовит из вас Своих служителей истины и любви в просвещение людей светом богопознания и богоугодной жизни, да знает мир своего Спасителя Христа!» Когда он это говорил, казалось, что этот любвеобильный пастырь Христов хотел перелить в юные сердца будущих пастырей свой мощный пастырский дух. Его благожелание было глубоким движением живущего во Христе сердца, движением, порождающим и в сердцах слушателей живое ощущение близости и силы истинно сущего Бога, Спасителя людей. Говоря кротко, но с силою и из глубины души, он, естественно, являл им содержание своего внутреннего мира – мира, полного неложной любви к людям и духовной красоты, света и разума, он дохнул на них благодатным дыханием своей жизни во Христе и как бы коснулся краем своего облагодатствованного сердца их мягких сердец. Когда отец Иоанн в отеческой беседе пребывал среди юных кандидатов священства, то всякий беспристрастный зритель чувствовал, что внутренний человек сего Божия служителя стал рядом и лицом к лицу с внутренним человеком каждого из слушателей и, мало того, как бы заключил всех их в свои теплые, полные братской любви объятия. Его простое по-видимому обращение и безыскусственные слова оставили в жизни наших питомцев минуты неописуемого человеческим пером нравственного блаженства и неведомой слушателям человеческой мудрости и сладости духа. Это был язык Христа, язык Евангелия. Таким языком мгновенно воспламеняются человеческие души, и, понятно, слушатели, как младенцы к матери, бросались к Христову пастырю, словно их юные души хотели приобщиться его облагодатствованного духа. Они свободно и по любви к нему отдались беззаветно его отеческому сердцу и слову, как и сам этот духовный владыка, в свою очередь, свободно и по любви с младенчески искренним

доверием и сердцем отдался и отдается Христу. «Учитесь, друзья – продолжал пастырь Христов, обращаясь к семинаристам, – прилежно изучайте все науки, познавайте через них величие и премудрость Творца, будьте благонравны и послушны Церкви Божией и вашим наставникам, и Бог возрастит ваши души *в меру возраста совершенна* (Еф.4:13). Да благословит, да укрепит и возрастит вас Бог мудростью и силою духа!..» Здесь последовал взрыв юношеской радости и умиления, и отец Иоанн, осыпанный лобзаниями семинаристов, направился к выходу, где, сев в предоставленную ему нарочито г. генерал-губернатором карету, отбыл при народных криках на Юрьевский переулок. Здесь отец Иоанн оставался недолго и тотчас после молитвы у постели ребенка отбыл в карете во дворец, где провел более продолжительное время в беседе с г. генерал-губернатором, генерал-лейтенантом, сенатором П.В. Оржевским и его супругой Наталией Ивановной. При этом ее высокопревосходительство, как представительница благотворительных учреждений города Вильны, пригласила отца Иоанна посетить Дом трудолюбия (на Антоколе), при учреждении которого было дано благословение и материальное пожертвование отцом Иоанном. Добрый пастырь радостно принял это приглашение и вместе с ее высокопревосходительством Н.И. Оржевской отбыл из дворца в Дом трудолюбия.

Ко времени приезда отца Иоанна в Дом трудолюбия здесь собралась масса публики: сюда прибыл г. виленский губернатор, тайный советник барон Н.А. Гревениц с супругой, генерал Бертгольдт, Н.А. Бельцова, М.К. Бунина, члены общества «Доброхотной копейки», администрация военного госпиталя, сестры милосердия, во главе с помощницей начальницы общины А.Н. Спасской и старшей сестрой А.В. Павловой, отец ректор семинарии с настоятелем Николаевской церкви отцом Митрофаном Померанцевым, священник госпитальной церкви И.М. Погодин и много других лиц. По прибытии отца Иоанна с Наталией Ивановной Оржевской все присутствовавшие должностные лица, а также и сестры милосердия были представлены отцу Иоанну, и добрый пастырь, приветствовав

всех «братьями и сестрами», благословил всех и направился в дом, где помещаются труждающиеся. Эти последние, выстроившись рядами пред входом в их помещения, приветствовали высокочтимого пастыря глубоким благоговейным поклоном, на который отец Иоанн, сняв шляпу, ответствовал дружеским обращением: «Здравствуйте, отцы, матери, братья и сестры, труждающиеся!» В самом помещении Дома трудолюбия было приготовлено все для молебна, и, по входе туда отца Иоанна, священник госпитальной церкви И.М. Погодин начал служить молебен Спасителю, причем отец Иоанн сам пел все положенное по уставу Церкви. По окончании молебна нищелюбивый пастырь осматривал помещения бедных труждающихся, хвалил состояние этих помещений, и, выйдя к нищим, милосердный пастырь стал отечески разговаривать с ними и раздавать милостыню без счета денег, сколько кому вынимала из кармана его благодатная десница. Напутствуемый слезами благодарности труждающихся и умиленными благожеланиями всех присутствовавших, отец Иоанн отбыл из Дома трудолюбия в квартиру военно-медицинского инспектора, действительного статского советника И.С. Самохвалова, на Завальную улицу, куда приглашен был еще с утра помолиться над больным ребенком. В квартире И.С. Самохвалова находились, по прибытии отца Иоанна, родные хозяина, проживающий в соседней квартире г. начальник штаба Виленского военного округа генерал-майор Л.Н. Соболев с супругой, настоятель Николаевской церкви – сопутствовавший ему всюду – отец Митрофан Померанцев и несколько других лиц. Здесь отец Иоанн, обратясь к иконам, стоя перед столиком с водою для освящения, долго и горячо молился. Кто не знает и не видал того, что называется истинной молитвой, тот мог получить живое и полное понятие о том, видя этого истинного молитвенника Христова в настоящий момент. Он, служитель Бога любви и милосердия, как горячо любящий Его сын, открытою душою, просто, искренно и с полным доверием и преданностью обращается к своему Отцу, излагая нужды своих любимых братьев и сестер, в скорбной семье которых он находится.

Его молитва есть воистину возношение ума и сердца к Богу, как об этом преподают с малолетства всем христианам! И как непринужденно свободным потоком из глубины души льются у него слова молитв: содержание их далеко опережает в его сердце внешнюю их форму и обрядовое выражение. Во время молитвы отец Иоанн несколько раз опускается на колени, простирает руки к Богу пред Его священными изображениями и с детскими слезами горячей искренности вслух всех (все молитвы он читает громко) взывает к Нему милосердному быть милостивым Отцом в эту минуту для просящих у Него помощи. «Как младенец на руках многоболеющей о его судьбе матери – говорит отец Иоанн, – простирает свои слабые руки к ее лицу и нежно смотрит в ее полные материнской любви глаза, выжидая от нее участия к себе и материнской ласки, так мы, верующие, к Тебе, Боже любви и милосердия, простираем свои детские по вере, хотя и запятнанные неправдами жизни, руки и устремляем к Тебе наши просительные взоры. Прими нас, как мать свое дитя, услышь нас, как слышит она свое родное чадо!..» В обращении к Божией Матери молитвенник Христов умоляет Ее распространить Свое материнское чувство чистой любви и на всех, ставших через искупление братьями и сестрами Ее Божественного Сына, быть Матерью и Заступницей всем, чрез сердечную веру и любовь к Ее Сыну пребывающим и с Нею в общении живых детских чувств доверия и любви. «Ты, – говорит молитвенник Божий, – Матерь всех христиан, видишь нужды и слезы всех доверившихся Твоему Сыну и за всех воздеваешь Свои Пречистые руки к Нему, преклоняя Его на милость, – воздвигни же и ныне, в эту минуту, Свои Матерние руки за нас, просящих помощи, ибо и мы Твои дети, но только бедные духовно и слабые...»

Все присутствующие стоят в благоговейном трепете также на коленях. После молитвословий отец Иоанн совершил водосвятие, дал всем присутствовавшим выпить святой воды, которой приобщился и сам, и, подойдя к больному, ласково спрашивал его об испытываемых им страданиях и мазал святой водой больные места. Затем, благословив и поцеловав больного, отец Иоанн глубоко вздохнул, простился с семьёй

И.С. Самохвалова и перешел в квартиру г. начальника окружного штаба Л.Н. Соболева. Здесь в присутствии Наталии Ивановны Оржевской и многих высокопоставленных лиц отец Иоанн совершил краткое молитвословие о здравии и спасении благочестивой семьи, пригласившей его, и, благословив всех и простившись с Наталией Ивановной Оржевской, предоставившей в распоряжение достоуважаемого пастыря генерал-губернаторский экипаж, в сопровождении настоятеля Николаевской церкви отца Митрофана Померанцева отбыл в загородный архиерейский дом «Тринополь» представиться его Преосвященству.

Естественный путь для следования с Завальной улицы в загородный архиерейский дом «Тринополь» пролегает по улицам Трокской, Благовещенской, Дворцовой, Московской и предместью Снипишки. Так как на Снипишках сооружается ныне оконченная уже вчерне Чудовская церковь-школа (в честь чуда Архистратига Михаила), мимо которого предстояло проезжать отцу Иоанну, то спутник его, отец Митрофан Померанцев, еще в начале пути просил досточтимого пастыря сделать остановку у Чудовской церкви, войти в нее, вознести молитвы и сообщить свое благословение на преуспеяние святого дела сооружения церкви-школы, на что добрый отец Иоанн согласился. Но для наглядного ознакомления высокоуважаемого пастыря с внутренним расположением церкви-школы явилась необходимость в литографированном плане сей постройки, хранившемся у отца Митрофана на дому, вследствие чего путь был изменён, и отец Иоанн прямо последовал по Немецкой и Большой улице к Николаевской церкви, где на несколько минут карета и приостановилась. Между тем, как выяснилось впоследствии, отца Иоанна ожидали на Благовещенской улице, к сожалению, тщетно, воспитанницы высшего женского Мариинского училища с начальствующими и служащими в сем заведении. В течение 3–5 минут остановки у Николаевской церкви около кареты отца Иоанна уже успела образоваться значительная кучка людей и, между прочим, возвращавшихся около того времени из классов гимназисток, которых отец Иоанн ласково благословлял. Вообще, надо заметить, что где ни

показывалась по городу карета, в которой следовал отец Иоанн, всюду и все без исключения встречавшиеся на улицах города с какою-то особенною радостью и благоговением воздавали почтение известному, очевидно, всем от мала до велика, *от Иудея до Эллина и от раба до господина* пастырю Христову (Деян.19:10; 20:21). По крайней мере за всю обширную поездку по городу не пришлось наблюсти буквально ни одного случая, чтобы кто из встречавшихся на дороге не заметил отца Иоанна и не оказал бы ему почтения, даже из детей. А где карета останавливалась, там моментально, словно из земли, вырастала толпа людей. Во всех подобных случаях отец Иоанн скромно замечал: «Видите, как вера сближает людей и объединяет, а неверие разделяет. Их привлекаю не я, а живущий во мне Христос...» Во время пути отец Иоанн живо интересовался в незнакомом ему городе всем, что по дороге привлекало его взор. Следуя по Георгиевскому проспекту и части Виленской улицы, ведущей на Снипишки, отец Иоанн обратил внимание на Александро-Невскую часовню и расспрашивал отца Митрофана о сем памятнике. У Чудовской церкви на Снипишках отец Иоанн был встречен местными полицейскими властями и вошел в здание церкви-школы, осмотрел его, ознакомился с его планом и, узнав, покровительству какого святого вверяется сие здание, стоя почти на пороге двери, ведущей из классной комнаты в храм, набожно крестился и несколько минут тихо молился и благословлял здание, произнося про себя ему одному известные слова благословения. Все здание церкви-школы произвело на отца Иоанна весьма хорошее, даже неожиданное для спутника впечатление, не говоря об идее его. Прямодушный и добрый пастырь несколько раз восторгался величественным видом храма и с истинным удовольствием говорил, что с именем нашей церкви-школы он соединял представление о более скромном здании и что он вообще не предполагал встретить и где-либо, а тем более в провинциальном городе да еще на окраине России, такой величественной капитальной постройки церкви-школы, где бы и каменный сравнительно обширный храм и каменные здания школы могли, каждое само

по себе, так широко служить целям богослужения и обучения и по своей величественности и красоте быть украшением губернского города. При сем искренний пастырь прибавил, что он и сам устроил у себя на родине, в Архангельской губернии, церковь-школу, но то здание деревянное и притом устроено по типу молитвенных домов. Уезжая с места постройки, отец Иоанн расспрашивал об обстоятельствах возникновения сооружаемого здания, источниках материальных средств на сооружение этого, по его словам, прекраснейшего и полезнейшего учреждения, а также и о том, какие имеются предположения у епархиального начальства относительно приходского положения строящегося храма и причта при нем и состава учителей. По пути следования далее в «Тринополь» отец Иоанн любовался живописными окрестностями Вильны и редким по красоте местоположением архиерейских владений.

У ворот архиерейского сада, где надлежало остановиться для следования пешком через сад (дорога во двор архиерейского дома размыта), отец Иоанн был встречен крестовым иеромонахом его Высокопреосвященства, отцом ключарем кафедрального собора священником М.С. Голенкевичем, наехавшими сюда в многочисленных экипажах нарочно для получения благословения у отца Иоанна городскими жителями и всеми проживающими в «Тринополе» и его окрестностях, кто только успел узнать о намерении достоуважаемого пастыря прибыть в «Тринополь». В сопровождении этих лиц отец Иоанн быстро проследовал через сад в архиерейские покои, где любезно был принят его Высокопреосвященством, откушал чаю и провел некоторое время в оживлённейшей беседе с владыкой и в общих дорогих воспоминаниях как о С.-Петербургской духовной академии, в которой владыка и отец Иоанн одновременно (но не в одном курсе) учились, так и о городе Архангельске, родном городе для отца Иоанна и близко знакомом его Высокопреосвященству по месту служения его там в должности ректора архангельской семинарии. При сем отец Иоанн поднес его Высокопреосвященству много книг своего сочинения, и так как время было уже позднее, то отец Иоанн поспешил

поблагодарить владыку за милостивый и ласковый прием и взять благословение на дальнейшее следование. При прощании его Высокопреосвященство просил молитвенника Христова заехать в Братский дом на Заречье помолиться у больного миссионера Павла Иоанникиевича Дрейзина (из крещенных иудейских раввинов), на что отец Иоанн смиренно согласился и, сопровождаемый всеми собравшимися, отбыл уже в 5 часов пополудни обратно в город.

Около 5 часов вечера отец Иоанн прибыл в Братский дом, помещающийся на Заречье, за Пречистенским собором. Едва генерал-губернаторская карета, в которой следовал отец Иоанн, показалась во дворе Братского дома, как все жильцы этого дома, состоящего из 46 дешевых квартир для бедных, во главе с смотрителем дома Г.Я. Сандригайло, вышли навстречу достопочтенному пастырю и с ним пришли в особый флигель, где помещается миссионер для обращающихся из иудейства П.И.Дрейзин, лежавший в то время на одре болезни и с нетерпением ожидавший счастья видеть отца Иоанна. Войдя к больному, милосердный пастырь сел у него на кровати, благословил его и продолжительно с особенным интересом, теплотой и искренностью беседовал с больным миссионером, после чего стал молиться об успехе христианской деятельности больного и о здравии самого миссионера, предварительно ласково поговорив с женой г. Дрейзина (иудейского вероисповедания), которую добрый пастырь также поминал громко в читанных им молитвах.

Вообще необходимо заметить, что вся сущность действенной молитвы отца Иоанна и высокая сила ее духа заключается в том, что сей молитвенник Христовой Церкви в своих молитвенных воззваниях к Богу обнимает своим искренно верующим и любящим сердцем и своим духовным взором в одно и то же время не только просящих его в данный момент о молитве и не только молящихся с ним всех предстоящих, но и весь искупленный Богом грешный мир, в скорбях погибающий; он как бы слышит стоны страждущих на земле в удалении от Бога всех людей, и эти вопли грешной земли он умиленно возносит к искупившему Своим неизреченным милосердием эту

землю Спасителю мира, за Свое милосердие распятому миром, но все еще и еще продолжающему любить людей и бесконечно милосердствовать им. Когда облагодатствованный Христов молитвенник горит пламенною молитвою к Богу, то невольно чувствуется и прямо слышится в самых его словах, что он как бы преклоняет небо на милость к земле и умоляет Бога объединить их в милосердии Своем, дабы токи милосердия Божия нистекли в широко открытые верою сердца людей и исполнили их жизнерадостных Отчих благ души и тела...

Окончив молитву и благословив миссионера Дрейзина и всех присутствовавших, отец Иоанн проехал к Пречистенскому собору, у входа в который он был встречен настоятелем собора протоиереем И.А. Котовичем, прочими членами причта, семьёй отца протоиерея и успевшим собраться сюда народом. Высокий посетитель с интересом осматривал древнейший и главнейший некогда храм, причем протоиерей И.А. Котович сообщил краткие исторические сведения о соборе. Войдя далее в алтарь, отец Иоанн несколько минут коленопреклоненный углубленно молился перед святым престолом. После молитвы отец Иоанн расспросил бывших там членов причта о времени службы их и летах и вышел к народу. Благословив еще раз всех, он направился в женский Мариинский монастырь.

Минуты религиозного возбуждения, какие приходилось переживать в бытность избранника Христова отца Иоанна в Мариинском монастыре, – редкие минуты: они вполне достойны, с одной стороны, того жизнерадостного евангельского духа, который всюду вносит с собой истинный служитель Христов, с другой – той беззаветной преданности вере и горячности религиозного чувства, на которое способно только женское христианское сердце. Уже у монастырских ворот можно было видеть почти всех в нем обитающих во главе с достоуважаемой матерью игуменьей Антонией, с благоговением и слезами радости на глазах, приветствовавших пастыря Христова. У входных же дверей в большой монастырский храм, к которому, по указанию матушки игуменьи, прямо проследовал отец Иоанн, высокого гостя встретили монашествующие, воспитанницы приюта, прибывшие городские жители, которые

представляли собою как бы одну общую семью объятых восторгом радости детей, встречавших горячо любимого и общего их отца. Войти в храм было невозможно некоторое время, пока не улеглись первые минуты религиозного энтузиазма. По входе в храм высокоуважаемый пастырь приветствовал встретивших его словами: «Здравствуйте, матери, и сестры, и дети!» – и, охраняемый монастырским духовенством, стал благословлять всех, кому удалось подступиться к нему в толпе. Юные питомицы монастырского приюта, глубоко тронутые счастьем воочию видеть давно известного им по слуху и делам светильника Христовой Церкви, настолько поддались охватившей их радости, что не могли иначе выразить своих невинных детских чувств, как только безмолвными слезами и, закрывши свои лица руками, тихо, обильно рыдали... Сопутствуемый духовенством монастыря и матерью игуменьей, отец Иоанн прошел чрез алтарь главной церкви в придел и, теснимый народом, вошел в покои настоятельницы монастыря игуменьи Антонии. Здесь отцу Иоанну был предложен достопочтенной хозяйкой чай, за которым высокоуважаемый пастырь и провел некоторое время в отеческой беседе с матушкой игуменьей в присутствии всех сестер и массы сторонних лиц, наполняющих покои. Отдохнув некоторое время и откушав чаю, неутомимый пастырь, в виду позднего времени, должен был проститься с матерью игуменьей и сестрами обители и в 5 часов 45 минут вечера оставить Мариинский монастырь для следования в мужской Свято-Духов монастырь.

По Пивному переулку отец Иоанн проследовал чрез Острые ворота, проезжая которые, пастырь благоговейно молился, к Свято-Духову монастырю, буквально заполненному давно уже ожидавшим его многочисленным народом. У входа в монастырский двор были выстроены шпалерами воспитанницы женского духовного училища, которых духовный пастырь сердечно благословил из кареты, а весь двор монастыря и храм были наполнены народом. До какой степени затруднительно было всеми уважаемому пастырю пройти чрез народ в пещеру приложиться к святым мученикам, можно судить по тому, что это

шествие, задерживаемое на каждом шагу, продолжалось не менее 15 минут. Храм сиял пасхальным освещением, и пещера, где почивают нетленные мощи святых виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, была залита огнями многочисленных лампад. С большими усилиями светильник Христовой веры пробрался к раке святых мучеников, благоговейно приложился к их священным стопам и, отойдя к южному краю раки, возложил на нее свои руки и, опустив на них голову, отдался глубокой, сосредоточенной и тихой – слезной молитве!.. Из пещеры отец Иоанн был, по обычаю, пронесен чрез толпу людей к алтарю верхнего храма, где приложился к святому престолу и, избегая непреодолимой давки народа, вышел боковыми алтарными дверями к ожидавшей его карете. При выходе из храма достоуважаемый пастырь встречен был Преосвященнейшим Христофором, епископом Ковенским, и отцом наместником Свято-Духова монастыря архимандритом Нестором. Смиренный пастырь, почтительно попросив архипастырского благословения у его Преосвященства и братски приветствовав отца наместника, был удостоен его Преосвященством краткой ласковой беседы и, еще раз испросив себе благословения его Преосвященства на дорогу, отбыл в сопровождении отца Митрофана Померанцева сквозь густую толпу народа снова к Николаевской церкви.

Был уже 7-й час вечера, когда отец Иоанн возвратился опять к начальному пункту своего пастырского посещения города Вильны – в квартиру настоятеля Николаевской церкви отца Митрофана Померанцева. К тому времени известие об отъезде высокоуважаемого пастыря из Вильны с вечерним поездом в 7 часов 15 минут успело облететь весь город и привлекло к месту городской остановки отца Иоанна множество людей. По прибытии в квартиру настоятеля Николаевской церкви, полную и на этот раз народа, отец Иоанн, хотя и казался несколько утомленным, но никого не оставил ни своим благословением, ни ласковым словом, ни отеческим участием в нуждах. Зная, что неутомимый отец Иоанн в течение целого дня нигде не принимал надлежащим образом пищи, счастливые хозяева предложили ему подкрепиться скромной трапезой, на

что добрый отец Иоанн охотно согласился и разделил прощальную трапезу при скромной обстановке, в семейной половине квартиры отца Митрофана и в тесном кругу всей семьи его и законоучителя учительского института и 2-й гимназии отца Николая Пашкевича. Непродолжительна по времени и скромна по обстановке была эта трапеза, но неизгладимою останется она навсегда в сердцах сотрапезников высокого гостя по тем минутам духовного утешения и блага, которые пришлось им испытать. Ласково поблагодарив за прием и высказав свои теплые отеческие пожелания сотрапезникам, отец Иоанн поспешил к народу, с которым провел еще несколько последних минут, и затем произошло трогательное в высшей степени прощание высокоуважаемого пастыря со всеми бывшими в квартире отца Митрофана. Сев в генерал-губернаторскую карету с настоятелем Николаевской церкви отцом Митрофаном Померанцевым и его супругой, высокий, Богом посланный гость мирно тронулся в путь к вокзалу. Как только колокольный звон на Николаевской церкви возвестил жителям города о минуте отбытия высокоуважаемого пастыря, весь народ обнажил головы, перекрестился, задвигался и стал взывать вслед уезжающему Божию служителю: «Отец родной, прости! Батюшка, благослови нас!.. помолись за нас!.. не забывай нас!..» Растроганный пастырь приветливо кланялся народу и от души благословлял тысячную толпу людей.

Встреченный на вокзале г. виленским полицмейстером, отец Иоанн проследовал в отведенные ему железнодорожным начальством директорские покои, куда собрались для прощания лица из городского духовенства, посторонние почитатели, а также и г. управляющий виленским учебным округом, помощник попечителя действительный статский советник А.В. Белецкий, продолжительно беседовавший с досточтимым пастырем. Все время пребывания отца Иоанна в вокзале длинной чередой, но в стройном и образцовом, благодаря г. полицмейстеру, порядке подходили под благословение разные лица. Так как желавшие провожать редкого и досточтимого гостя составляли, можно сказать, весь город, то станционное начальство предусмотрительно отгородило вход в директорские покои от

дебаркадера станции особым барьером, сдерживавшим напор публики. Но и эта мера, ввиду многотысячного стечения народа, наполнявшего все свободное вдоль вокзала пространство вплоть до поезда, не казалась надежной, и потому отведенный исключительно для отца Иоанна особый вагон был подан к особому боковому выходу (ведущему через сад). В сопровождении г. помощника попечителя А.В. Белецкого, железнодорожного начальства и всех находившихся здесь лиц отец Иоанн занял ему отведенный вагон, моментально наполнившийся народом. К этому времени изволили прибыть для получения прощального благословения высокоуважаемейшего пастыря и личной беседы с ним его высокопревосходительство г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, сенатор, генерал-лейтенант П.В. Оржевский с супругою и провели некоторое время до отхода поезда в сердечной беседе с отъезжающим пастырем. На дебаркадере же находились представители всех ведомств и управлений и почти вся интеллигентная Вильна и люди всех вероисповеданий и положений. Что происходило здесь все это время до ухода поезда, трудно передать; поезд стоял буквально погруженный в море людей; кому не оказалось места на платформе, те унизывали вагоны поезда, наполняя площадки и ступени их. Вагон же отца Иоанна оказалось необходимым запереть. По требованию народа усталый, но самоотверженный и смиренный пастырь много раз показывался в окно вагона, благословлял народ, утешал и благодарил всех. Тронутый сильною верою людей и глубокою их приверженностью к Богу, высокий служитель Божий несколько раз закрывал окно и, сложив крестообразно руки, склонив голову, предавался глубокой слезной молитве за эти тысячи людей, за их доверие к смиренному Божию служителю и за их братскую христианскую любовь... Потом благословлял, снова благодарил всех. Когда поезд тронулся, тысячи почитателей отца Иоанна обнажили головы, слезно прощались и посылали вслед удалявшемуся пастырю Христову свои неудержимые теплые благожелания, просьбы и благодарности. Многие бежали за поездом, доколе представилась возможность. Благословив в

последний раз покидаемый им город, отец Иоанн произнес: «Никогда не забуду встречи в Вильне». До станции Ландворово высокого редкого виленского гостя удостоились сопровождать: настоятель Николаевской церкви отец Митрофан Померанцев с супругой, г. директор отделения железнодорожного управления, товарищ прокурора виленского окружного суда Н.В. Гарин, военные и другие лица, имевшие в том духовную потребность. Простившись с светильником современной Христовой Церкви, отцом Иоанном, все возвратились домой, точно с праздника, довольные и счастливые, переживая высочайшие минуты нравственного освежения, отрады и утешения, внесенные в личную, семейную и общественную жизнь виленцев великой нравственной силой Христова служителя... Так, точно сон, промчался незабвенный для Вильны день 4 октября 1893 года.

Да, и Вильна, с своей стороны, никогда не забудет своего высокого и редкого посетителя. Отныне для многих и многих в нашем уголке Божия мира он станет оплотом веры и любви.

Сия есть победа, победившая мир, вера наша (1Ин.5:4).

«Ты победитель, Галилеянин», – повторил, умирая в кровавой битве против христиан, несколько веков спустя император Юлиан Отступник[5].

Профессор И.А. Сикорский. Отец Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) и его пребывание в Киеве

Приезд отца Иоанна в Киев и пребывание в нем представляют собою выдающееся событие местной жизни, которое должно быть занесено в летописи.

Около двух месяцев кряду, не прекращаясь, ходили слухи о приезде в Киев отца Иоанна, и люди всех возрастов, классов и состояний жадно прислушивались к вестям о приезде человека, которого Киев еще никогда не видел, но которого он уже хорошо знал, как и вся Россия.

С начала фоминой недели ко всякому поезду Курско-Киевской дороги собиралась многочисленная публика встречать отца Иоанна. Несмотря на сохранение всевозможной тайны, которою окружен был приезд отца Иоанна в Киев, несмотря на то, что им был избран путь не на Москву и Курск, а на Белосток, прихода поезда 16 апреля ждала многочисленная публика. Киев встретил отца Иоанна и приветствовал так, как его встречают и приветствуют везде в России.

Уже в день приезда многочисленная публика наполняла улицу, где остановился отец Иоанн. Многие провели на улице ночь в благоговейном ожидании увидеть Батюшку.

Отец Иоанн прибыл в Киев в 8 часов вечера 16 апреля, и уже с трех часов пополуночи со всех концов Киева собрались массы народа: весь Киев узнал о приезде отца Иоанна. С 4 часов утра отец Иоанн начал прием *труждающихся и обремененных* (Мф.11:28), ищущих утешения. В 8 часов утра 17 апреля отец Иоанн с великим трудом сквозь густые массы народа достиг генерал-губернаторского дома, где в домовой церкви совершил обедню.

Уже с 10 часов утра население Киева было на ногах; одушевление, которым все были проникнуты, можно назвать беспримерным. Во всех концах города собиралась публика и в благоговейной тишине ожидала его приезда. Никто не знал, где он будет, его везде ждали. Повсюду, где показывался отец Иоанн, одушевление было необычно и велико, и его нельзя

охарактеризовать иными словами, как мольба, молитва, благоговение, жажда видеть его. Таково было всеобщее настроение.

Вслед за окончанием обедни в доме генерал-губернатора отец Иоанн посетил Высокопреосвященного митрополита Иоанникия в Лавре. Одушевление тысяч богомольцев, наполнявших обширный погост вокруг Великой Лаврской церкви, не может быть передано словами.

В 2 часа дня отец Иоанн посетил Ее Императорское Высочество Государыню Великую Княгиню Александру Петровну. Повсюду на пути следования отца Иоанна его встречали, сопровождали и следовали массы людей, ища его благословения.

Из Покровского монастыря отец Иоанн проследовал в Андреевскую церковь, видимо горя желанием посетить и узреть собственными глазами священные и исторические местности Киева. Быстро поднялся, почти взбежал отец Иоанн по чугунной лестнице на площадку Андреевской церкви, откуда открывается обширный и весной особенно поразительный вид на Подол, Днепр, Заднепровье и на окрестные горы. Благоговейно, в молчании отец Иоанн рассматривал ближайшие и отдаленные окрестности, и в молитвенном настроении его всепроницающая мысль перенеслась к тому отдаленному времени, когда апостол Андрей Первозванный стоял на этом самом месте, предрекая великую историческую судьбу Киеву. Всею силою своего горячего чувства отец Иоанн переживал в своей душе исторические судьбы отечества и христианства.

В продолжении немногих минут площадка Андреевской церкви наполнилась массой посетителей, которые со всех сторон устремились к Андреевской церкви, как только стало известно, что здесь находится отец Иоанн. На площадке и в самой церкви отца Иоанна увидели многочисленные пришлые богомольцы Киева. С этого момента начинается ряд нескончаемых трогательных оваций, предметом которых сделался отец Иоанн. Единодушие, с которым люди всех званий и состояний приветствовали его и стремились к нему, не поддается описанию. Многократно отец Иоанн молился и

молитвенно радовался, отвечая на приветствия. Его радость вытекала из сознания, что люди объединяются и что религия является могущественной объединяющей силой человечества.

Посетив Михайловский монастырь и Преосвященного Иакова, отец Иоанн направился к памятнику святому Владимиру. Его сопровождали массы народа; тут были и богомольцы, и публика, и учащиеся – все искали видеть отца Иоанна, принять от него благословение. В ответах отца Иоанна на приветствия окружающих сказывалась постоянно та безграничная любовь к людям и та проницательность, которая так свойственна отцу Иоанну и которая отличает его от тысяч и миллионов людей. Давши благословение двум подошедшим к нему взрослым гимназистам, он пожелал им хорошо выдержать экзамены и поступить в студенты. Подошедшему студенту университета пожелал трудиться и не переставать трудиться. Приблизившись к памятнику святому Владимиру, отец Иоанн предался воспоминаниям о протекших исторических судьбах России, и с пламенным чувством и благоговением он то подымал взор к монументу Просветителя России, то опускал его долу, где находится место Крещения Руси.

От памятника святому Владимиру отец Иоанн пешком спустился на Александровский спуск и отсюда проследовал в Никольский монастырь к Преосвященному Иоаннику, епископу Уманскому. Отсюда отец Иоанн пожелал проехать на Аскольдову Могилу.

Посещение этого первого кладбища христианских мучеников произвело особенное впечатление на отца Иоанна. Здесь впервые для окружающих стали видимы те глубокие черты характера, которые свойственны отцу Иоанну и которые составляют источник его беспримерного влияния на людей. Можно сказать, что в течение почти целого дня отец Иоанн находится в состоянии величайшего психического возбуждения, которое является то в форме молитвы без слов, то в виде возвышеннейшего настроения, граничащего с молитвой, то, наконец, в форме мысленного переживания высших идеалов. Можно сказать, что то возвышенное настроение, которое у обыкновенного человека наступает изредка, в исключительные

минуты, у отца Иоанна является обычным и не оставляет его почти в течение целого дня. Отец Иоанн представляется обыкновенным человеком лишь в минуты крайнего утомления или во время принятия пищи; во все же остальное время дня он находится в состоянии возвышеннейшего одушевления и живет самой полной, самой широкой идеальной жизнью, какая только доступна человеку. Внешние впечатления застают его всегда готовым к той удивительной, высокой душевной реакции, которая так поражает наблюдателя и так глубоко и благотворно действует на всех. Основную, видимую черту характера отца Иоанна составляют искренность, кротость и величайшая любовь к человеку: с этими качествами неразлучно связана ласковость в отношениях к людям и обаятельность, превосходящая всякие ожидания. Все это написано на лице отца Иоанна, и всякий, кто даже в первый раз видит этого человека, верит и уповает. Таково впечатление, производимое отцом Иоанном на всех людей...

Приближаясь к Аскольдовой Могиле, отец Иоанн умолк, что обозначает у него переход к его обычному благоговейному настроению. Едва экипаж остановился, как отец Иоанн стремительно направился в ворота кладбища. Через две или три минуты его уже окружала многочисленная толпа людей: его всюду узнавали и бежали за ним. Войдя в церковь в сопровождении кладбищенского иеромонаха, отец Иоанн несколько минут пламенно молча молился. Его настроение отразилось на окружающих. Среди царившей общей тишины к отцу Иоанну обратилась старуха крестьянка и твердо громким голосом сказала: «Батюшка, отец Иоанн! Благослови меня, грешницу, блудницу, воровку; благослови меня в далекий путь-дороженьку – на тот свет». Отец Иоанн благословил старуху. Вся сцена произвела большое впечатление на окружающих. В сопровождении кладбищенского иеромонаха отец Иоанн спустился в подвальный этаж церкви, и, когда увидел Могилу Аскольда, его благоговейное настроение еще более усилилось, он стал громко молиться, импровизируя, по своему обыкновению, молитвы со свойственными ему простотой и

силой. Посещением Аскольдовой Могилы закончился первый день пребывания отца Иоанна в Киеве.

Второй день пребывания в Киеве 18 апреля в воскресенье отец Иоанн начал Божественной службой в Покровском женском монастыре, где имеет пребывание Ее Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Александра Петровна. Отец Иоанн прибыл в Покровский монастырь к 8 часам утра, но уже на рассвете в монастыре и около стали собираться массы народа, искавшие видеть отца Иоанна. Ко времени его приезда число ждавшей публики доходило до десяти-пятнадцати тысяч. Густые массы народа запрудили буквально весь двор монастыря и смежные улицы. По окончании обедни отец Иоанн посетил Ее Высочество в Ее собственных покоях и затем посетил монастырскую больницу. Лишь с трудом через густые массы народа отец Иоанн достиг здания больницы. Поражающая чистота и уютный вид больницы произвели благоприятное впечатление на отца Иоанна. С обычной ласковостью он обошел всех больных, благословлял их, утешал и молился.

Откланявшись Ее Высочеству, отец Иоанн из Покровского монастыря проследовал через Глубочицу и затем по Вознесенскому спуску на Старый Город. Вид гор производил на отца Иоанна впечатление, как и вообще вся природа и местность Киева. В этом впечатлении все сливалось: и благоговейное чувство религиозного человека, и наблюдательность мыслителя, углублявшегося в историю геологических переворотов нашей местности, и, наконец, увлечение красотами природы, которая в Киеве представляет так много эстетических сторон. Эти чувства охватывали его всякий раз, когда взору его представлялись те или другие выдающиеся виды Киева, например, вид с Андреевской церкви на Подол, с Лаврских гор и Аскольдовой Могилы на Днепр и Заднепровье и с Подола на Андреевскую церковь. Созерцая виды природы, отец Иоанн и молится, и восхищается как любитель, и предается глубоким философским размышлениям о далеком прошедшем, о мироздании.

Несмотря на кратковременность пребывания в Киеве и на недостаток времени, отец Иоанн горел желанием посетить строящийся Владимирский собор. Внутренний вид храма, его живопись и орнаменты произвели необычайно живое и сильное впечатление на отзывчивую, высокоодаренную натуру отца Иоанна. Лики святых и стенные изображения событий библейской и христианской историй привели отца Иоанна в состояние духовного восхищения. Он переносился мысленным взором к отдаленным временам, к моментам самих событий, и вся его фигура, его лицо и телодвижения озарились тем чудным огнем идеальной жизни, который едва ли доступен изображению и анализу и который невольно заставляет вас чувствовать, что вы находитесь вблизи великого человека. Всегда живущий мыслью о людях, о их нравственном усовершенствовании, отец Иоанн предался размышлениям о том благотворном влиянии, которое будет иметь для Киева и для России Владимирский собор – этот памятник христианской и культурной жизни России. Возможность видеть Владимирский собор в законченном виде и молиться в нем представлялась отцу Иоанну особенным счастьем, которого он хотел бы достигнуть.

Осмотрев Владимирский собор, отец Иоанн проехал на Подол в Братский монастырь к Преосвященному Сильвестру, епископу Каневскому. Массы народа уже наполняли погост монастыря, и отец Иоанн с величайшим трудом проник в квартиру Преосвященного. Между отцом Иоанном и Преосвященным завязался разговор, поводом которому служило одушевление народных масс, стремившихся видеть отца Иоанна. Собеседники заговорили о возможности объединения людей. В это время в квартиру Преосвященного были приглашены студенты Духовной академии. Отец Иоанн, всегда умеющий придать теплый характер своему обращению, быстро поднялся с места и тоном любви, облеченной в форму сотоварищества, с живостью заговорил: «Студенты Академии! Христос Воскресе! Здравствуйте, друзья мои, здравствуйте, милые однокашники, дети всем нам общей духовной школы...» За речью отца Иоанна последовали со стороны студентов

Академии самые горячие, самые непринужденные проявления радости, признательности, удивления и сыновних чувств в отношении отца Иоанна.

Выход отца Иоанна из покоев Преосвященного был сопряжен с едва одолимыми трудностями ввиду общего желания многочисленной публики приблизиться к отцу Иоанну, увидеть его, получить благословение. Среди публики, особенно простой, высказывалось желание обратиться по телеграфу с прошением на Высочайшее Имя, дабы отцу Иоанну повелено было оставаться в Киеве целую неделю.

С Подола отец Иоанн направился в Институт благородных девиц, оттуда в Левашовский пансион, где его давно ожидали. В большой зале верхнего этажа здания собраны были воспитанницы и начальство, и отец Иоанн, отслужив молебен, окропил всех святой водой. Затем, по предложению начальницы пансиона графини Апраксиной, отец Иоанн посетил больницу, где с обычной ему любовью и лаской утешал и ободрял больных. В числе больных ему указали на девочку, которая страдала тяжелым тифом и у которой незадолго перед тем вскрыт был обширный гнойник вблизи уха. Девочка неподвижно лежала вся в повязках. Едва взглянул отец Иоанн на больную, как вся его фигура внезапно озарилась огнем чувства. Он быстро подошел к больной, припал к кровати и, стоя на коленях, приник к лицу страдалицы, осыпая ее нежнейшими ласками и поцелуями. Тут сказалась вся богато одаренная душа отца Иоанна. На минуту он все забыл: и окружающую обстановку, и свои 63 года – и как самая любящая мать ласкал и утешал болящую. «Милое дитятко, тебе не больно, ах ты, страдалица моя», – приговаривал он... Воцарилось совершенное безмолвие, и вся сцена произвела глубочайшее впечатление на окружающих. Это впечатление нельзя передать или описать!

Еще возможно было бы вспомнить сказанные слова, возможно бы описать отдельные подробности, но нет средств передать тон, оттенки голоса и все переливы несравненной мелодии чувства, которое вылилось из души любвеобильного отца Иоанна... Достаточно было видеть описанную сцену, чтобы

у вас не оставалось сомнения в том, что вы присутствовали при самых глубоких проявлениях, на которые способна человеческая душа. Тут все сказалось: и пыл беззаветного чувства, и безграничная любовь, и захватывающая душу жалость и скорбь у постели больного человека, и, наконец, несравненная симпатия, со всеми оттенками и модуляциями могучего чувства.

В Левашовском пансионе случилось и другое событие, которое произвело особенное влияние на окружающих. Между лицами, присутствовавшими на молебне, в числе многих оказалась дама, приехавшая нарочно из Харькова с целью увидеть отца Иоанна и получить от него благословение. Обстоятельства ее жизни делали для нее особенно необходимым нравственное утешение, которое так умеет подать отец Иоанн. Дама случайно попала в Левашовский пансион и находилась среди густой толпы. Благословляя всех, отец Иоанн с особенным участием отнесся к ней, обласкал ее, обнял и отличил особенным вниманием. Дама эта, полная радости и счастья, рассказывала всем о случившемся, пораженная проницательностью отца Иоанна, так как она еще не имела случая обменяться с ним хотя бы одним словом. И в самом деле, проницательность отца Иоанна поразительна, и мы имели случай неоднократно убедиться в том, что отец Иоанн обладает способностью быстро, с первого раза, иногда при одном внимательном взгляде на человека, определить безошибочно его душевное состояние, в особенности его настроение. В этом отношении его диагностические способности необычайны. Видя перед собой массу людей, он как бы гениальным чутьем угадывает тех *труждающихся и обремененных,* которым более всего нужна его помощь, и оказывает им эту помощь предпочтительно пред другими присутствующими. Почти с такою же безошибочностью он читает в сердцах людей, которые лишены искренности и чужды тех высоких качеств, которыми он сам богат и которые стремится развить в других.

Из Левашовского института отец Иоанн направился в Училище слепых. Здесь он благословил детей, обласкал их, расспросил каждого из них, кто, когда потерял зрение и помнит

ли солнечный свет. С особенным участием он отнесся к тем, которые ослепли в раннем детстве и которые на вопросы, помнят ли они свет, отвечали отрицательно. Отец Иоанн утешил слепых, сказавши им, что, кроме зрения телесного, есть зрение умственное и, если они и лишены первого, у них остается второе. Конечно, большое несчастье, поучал отец Иоанн, не видеть солнечного света, но гораздо более несчастны те, которые лишены никогда не меркнущего света Божественного.

Следующий (третий) день пребывания отца Иоанна в Киеве начался Божественною службою в доме генерал-губернатора. По окончании обедни отец Иоанн посетил Кадетский корпус.

Около трех часов пополудни отец Иоанн направился в Лавру поклониться святым угодникам Печерским. Несмотря на утомление, вызванное предшествовавшими посещениями, отец Иоанн находился в особенном нравственном возбуждении; почти весь путь в Лавру он мысленно молился. Экипаж отца Иоанна проследовал мимо лаврской гостиницы и остановился у входа в галерею, ведущую в Ближние Пещеры. Здесь отец Иоанн был встречен наместником Лавры. Отец Иоанн был молчалив и находился в глубоком молитвенном настроении. Отец наместник предложил пройти в Ближние Пещеры не через галерею, а через сад. Из сада открывался восхитительный вид на горы, на Лаврские храмы и пещеры, на Днепр и Заднепровье. Отец Иоанн в величайшем нервном напряжении спросил: «Где же, где же пещеры?» Ему указали. Мгновенно все его существо озарилось огнем благоговения. Он остановился и, обратившись в сторону пещер, громко воскликнул: «Отцы святые, мира отвергшиеся и Христа возлюбившие! Христос Воскресе!» Он обращался к угодникам Печерским, как к живым людям, и это чувство близости и единения с ними не оставляло отца Иоанна все время, пока он находился в стенах Лавры. Спустившись в Пещеры, отец Иоанн все время громко молился. Молитва его носила характер пламенных импровизаций, в которых выражалось удивление, благоговение и мольба к небожителям. Эти небожители когда-то были обыкновенными людьми и подвизались здесь, они ископали эти пещеры своими руками и оставили в них следы своей жизни, своих трудов, своего

благочестия. Они – угодники Божии – представляют собою образцы тех добродетелей, того нравственного самоусовершенствования, которое составляло и составляет цель и задачу его собственной жизни. Теперь, на 63-м году своей жизни, он впервые присутствует на месте их подвигов, где всюду находятся следы их жизни и деятельности. Такими словами можно передать настроение отца Иоанна. Он пламенно молился. «О, други Божии, други Божии», – часто повторял он. «Святый Павле, чадо послушания, научи нас послушанию», – молился он у мощей Павла Послушливого. «Святый Иоанне, страсти сожегший, научи нас гореть пламенем любви», – молился он у мощей Иоанна Многострадального. Повсюду молитва его носила характер необычайной простоты и силы. По временам он умолкал, и из груди его вырывались лишь мимолетные тихие вздохи, столь характерные для отца Иоанна и свидетельствующие о глубоком душевном умилении, не требующем слов. Посетив келью и церковь Антония и феодосия, он был особенно растроган. У выхода из Ближних Пещер отец Иоанн обернулся и произнес: «О, мудрецы, о, философы! О, философы, о, богословы, мир удивившие!» В Великой церкви, поклонившись мощам Михаила, первого митрополита Киевского, отец Иоанн отступил и громко воскликнул, обращаясь к мощам, как к живому человеку: «Первоначальниче веры, святителю Божий, воззри, колико чада твои – вся Русь православная!»

Возвышенное настроение не покидало отца Иоанна и во время перехода из Ближних Пещер в Дальние. Шли по галерее, отец Иоанн шел с такою быстротой, что спутники едва поспевали за ним. Он был молчалив и горел огнем внутреннего одушевления... Круто спускались по длинной лестнице, примыкающей к церкви Дальних Пещер. Послышались молящие вопли тысячи голосов: «Отец Иоанн, благослови». С минуту отец Иоанн искал взором народ... Через железную решетку окна, находившегося на высоте, откуда пробивался слабый свет, просовывались десятки рук и виднелась масса людей. Как птицы небесные, люди лепились у окна, ища видеть отца Иоанна и получить его благословение. Из церкви Дальних

Пещер вышло монашество с зажженными свечами. Отец Иоанн воскликнул: «Свет Христов просвещает всех! Христос воскресе, братия!»

Из Дальних Пещер отец Иоанн отправился в Великую Лаврскую церковь. Здесь он поклонился мощам угодников, спустился и также поклонился нетленно почивающему телу Павла, епископа Тобольского. Затем посетил наместника Лавры в его покоях. Здесь отец Иоанн слушал пение лаврского хора. Прослушавши пропетый отрывок церковной песни, отец Иоанн был восхищен. Низко поклонившись хору, сказал: «Братия! Я весь пленен вашим пением! Это гром небесный, это музыка божественная!» Затем отцом Иоанном были прослушаны еще многие церковные песни: все время, пока продолжалось пение, он мысленно молился.

Возвращаясь из Лавры, отец Иоанн посетил женское епархиальное духовное училище. Он явился сюда, озаренный всем, что было испытано в Лавре. Собранные в церкви воспитанницы училища были особенно серьезно настроены, судя по тому, что они сохраняли, несмотря на общее возбуждение, порядок почти столь же полный, как тот, который замечался в Лавре, где при одном напоминании наместника о послушании, как первом долге монаха, братия соблюдала порядок. Дети, несмотря на видимую сдержанность, чувствовали полным сердцем присутствие в их среде необыкновенного человека. Помолившись у наместных икон церкви, отец Иоанн обратился к детям и, окинув их испытующим взором, произнес торжественным голосом: «Милые дети, цветущие здоровьем и красотой! Христос Воскресе!..» Отец Иоанн сказал воспитанницам несколько поучительных слов; изъявление радости и восторга воспитанниц, несмотря на их сдержанность, было глубоко и трогательно. С теми из воспитанниц, которых отец Иоанн лично благословил, он был в высшей степени нежен, прося передать его любовь всем остальным.

В этот день вечером отец Иоанн уехал из Киева в Курск. Публике не был известен день отъезда, и несмотря на то, на вокзале собралась масса народа провожать отца Иоанна.

Публика соблюдала образцовый порядок. Когда отец Иоанн показался у выхода, все обнажили головы, прося благословения. Настроение публики, провожавшей отца Иоанна, можно охарактеризовать словом: благоговение. По обе стороны поезда стояли густые массы публики, треть которой составляли воспитанники учебных заведений и преимущественно студенты Академии и Университета. Отец Иоанн, по просьбе публики, переходил то к одному, то к другому окну, благословляя провожающих. В проводах ничего не было шумного, все было тихо, но во всем было столько сердца, столько задушевности, столько простоты и величия, что несомненно – Киев пережил глубокие душевные минуты.

Но что же это за человек, который способен вызвать такие необыкновенные и единодушные проявления у множества людей? Что ищут люди, чего домогаются, когда, собираясь массами, благоговейно стоят, как в церкви, по целым часам, часто по целым ночам в ожидании увидеть его, услышать его голос, получить его благословение?

Не толпа ищет отца Иоанна, но люди всякого звания, всякого образования и всех возрастов. Вы увидите здесь и образованного человека, и чернорабочего, учащегося и студента; вы увидите взрослых и детей, господ и их прислугу; увидите скромных тружениц и падших женщин; увидите больных, истеричных, испорченных и преступных людей. Вы встретите здесь различные религии, различные национальности. Всех приводит к отцу Иоанну одно и то же чувство, и, несомненно, хорошее чувство. Оно заставляет людей, приехавших в каретах, выйти из экипажа и стать рядом с обыкновенным серым человеком; оно объединяет господ и их прислугу; оно побуждает истерических и капризных женщин оставить свои капризы и притворство; оно поднимает падшую женщину из грязи и делает ее человеком. Это Божья искра, это стремление к идеалу! Вот что влечет людей к отцу Иоанну. В его присутствии у самого дурного, самого одичалого человека пробуждается совесть, а у всех неиспорченных людей освежаются и оживляются лучшие, идеальные стороны их характера. Отец Иоанн, столь чуткий и отзывчивый ко всем

лучшим проявлениям человеческой природы, приходит в умиление при виде благочестия и симпатий, обнаруживаемых в его присутствии. «О, милые киевляне и киевлянки – говаривал он при виде благоговейных народных масс. – И здесь то же, что по целой России, тот же дух, то же благочестие», – говорил он. Часто он бывал глубоко тронут проявлениями сердечности и благоговения. «Добрый русский народ, его любовь так и брызжет... Есть ли в свете народ искреннее и добрее русского народа?» – говорил он. Приведенные отзывы, высказанные таким тончайшим диагностом душевных движений, каким является отец Иоанн, имеют особенное значение. Впрочем, и для обыкновенного человека вполне ясно, что массы, группирующиеся вокруг отца Иоанна, одушевлены лучшими, возвышенными стремлениями.

Нам случалось слышать мнение, выражаемое людьми, даже не лишенными образования, будто увлечение отцом Иоанном есть явление психопатическое, или особого рода модное движение. Подобное мнение совершенно безосновательно, даже легкомысленно. Наблюдения, которые нам удалось сделать относительно настроения масс, показали совершенно противоположное. Мы почти нигде не видели проявлений истерии, не наблюдали каких-либо неумеренных слез, не было и шума, неизбежного при большом скоплении людей; напротив, наблюдалось почти необычное самообладание. Это показывает, что собравшиеся люди не только были одушевлены лучшими чувствами, но и самая воля их была подкреплена. Следовательно, это увлечение масс имеет свойства бодрого, здорового психического проявления и ни в каком случае не болезненного.

Наибольшая часть людей, обращающихся к отцу Иоанну, ищут утешения или исцеления от нравственных зол. Это люди, или потрясенные своими собственными ошибками, или постигнутые какими-либо несчастиями, или, наконец, впавшие в уныние и утратившие волю. В подобных случаях человек, в целях нравственного самосохранения, обращается к доброму совету и поддержке друзей и близких. Отец Иоанн, по своему характеру и своим свойствам, является самым искренним,

самым верным другом человечества, и к нему естественно стремятся все нуждающиеся в опоре и поддержке, в особенности те, кто ищет, кроме дружеской поддержки, религиозного утешения. В течение многих лет отец Иоанн был посредником в подаянии той и другой помощи. Но в последние годы его значение возросло, расширилось и далеко вышло за первоначальный предел. Теперь он уже не просто пастырь кронштадтской церкви, но общий молитвенник, целитель, народный герой, общий патрон и советник, общий отец-батюшка. Он едва ли не самый известный и популярный человек в России. Подобное значение мог приобрести лишь выдающийся, талантливый человек. Таковым, несомненно, следует признать отца Иоанна. Все качества, которыми он наделен, таковы, что им сначала невольно удивляешься и лишь потом анализируешь. Все проявления чувства у отца Иоанна отличаются необыкновенной глубиной и полнотой, превосходящей обычные пределы. Его проницательность и тонкость, с которыми он распознает психическое состояние человека, совершенно исключительны. Если к этому присоединить колоссальную волю, то мы составим некоторое понятие о размерах его дарований. Самое здоровье его стоит в полной гармонии с его душевными способностями: несмотря на свои 63 года, он выглядит человеком, имеющим не более 45 лет; он постоянно бодр, свеж, неутомим. Недостаточный сон и крайнее напряжение сил, которого требует его сложная миссия, не только не оказывают вредного влияния на его здоровье, но, по-видимому, только укрепляют и закаляют его на новые подвиги. На лице отца Иоанна и во всем внешнем виде его отпечатлены необыкновенная доброта, кротость и приветливость, и нам вполне понятно стремление масс видеть отца Иоанна, взглянуть на него. В этом стремлении, несомненно, сказывается потребность видеть этого исключительного, истинного человека – видеть и поучаться.

Когда мы говорим о выдающихся дарованиях какого-либо лица, мы ищем доказательств и следов его деятельности – в науке, поэзии, искусствах и практической жизни; мы задаем себе вопрос о специальности такого человека, о его трудах, его

деятельности. Специальность отца Иоанна – нравственное усовершенствование себя и других. Его труды записаны не в книгах, не на полотне, но в миллионах сердец; записаны и запечатлены так прочно, как не всегда запечатлевается в нашем уме то, что мы видим, слышим, читаем. Этот живой носитель и проповедник идеалов, проводящий ежедневно 15–20 часов то в храме, то под открытым небом, то в многолюдных собраниях, не печатает своих трудов. Он словом, делом, примером, а более всего своей личностью воспитывает общество. Он преподает науку жизни. По-видимому, такой науки не существует. Конечно, нет! Уменье жить – это не наука, но философия. Греческие мыслители были правы, утверждая, что прожить жизнь есть великое искусство и что только мудрец сумеет правильно осуществить эту задачу.

В наши дни таким мудрецом, таким нравственным философом является отец Иоанн Кронштадтский. Единодушное стремление к нему есть знамение времени. Оно показывает, какую цену для людей имеет нравственность и как дороги всякие успехи в ней!

С.Д. Отец Иоанн среди народа

28 декабря 1894 года мне привелось видеть отца Иоанна (Кронштадтского) в Клину, куда его приглашал здешний помещик Д.А. Ч-в. Я сопровождал Батюшку в этот день и ехал с ним в одном вагоне до Москвы.

Сообщаю некоторые подробности и передаю свои впечатления.

Предполагалось, что отец Иоанн будет служить обедню в сельской церкви (в 8-ми верстах от Клина), посетит Ч-ва и с 5-часовым пассажирским поездом выедет в Москву, куда его экстренно приглашали.

В 8 часов 50 минут подошел поезд, масса ожидающей публики бросилась к последнему вагону, откуда быстро вышел отец Иоанн, как и всегда бодрый и веселый. Первыми его словами было, что служить обедню он не будет, ибо торопится в Москву. Всех это очень опечалило, но я, по какому-то предчувствию, ожидал, что служба непременно состоится. Предположения мои оправдались. Отец Иоанн, приехав в дом Ч-ва, был обступлен такими убедительнейшими просьбами, что тут же громко сказал: «Едем в церковь!»

Надо знать, что для Батюшки не служить обедни – величайшее лишение: принятие Святых Таин поистине его духовная пища, после службы он всегда чувствует в себе удивительную энергию, которая придает его молитвам всем известную силу! Храм Казанской иконы Божией Матери, где предполагалось служение, отстоял в 150-ти саженях от дома, поэтому через каких-нибудь две-три минуты мы были уж там.

Масса народа стояла около церкви и за оградой. Все ждали с самого утра приезда отца Иоанна, но слух о том, что службы не будет, уже стал известен, поэтому многие разошлись. Надо было видеть радостные и изумленные лица, когда завидели подъезжающий экипаж с отцом Иоанном. Все, как один человек, сняли шапки и громким голосом приветствовали дорогого Батюшку.

«Здравствуйте, православные, отцы, братья, сестры! Народ Божий, здравствуйте! – отвечал отец Иоанн и, увидев, что многие упали на колена, сказал, – Богу кланяйтесь, а не мне, недостойному пастырю, я приехал помолиться с вами». Тут все бросились под благословение: кто хватал руку, кто целовал одежду, кто плакал; ребятишки с криком протягивали свои ручонки, всякий спешил чем-нибудь выразить свою радость и восторг.

Отец Иоанн находил каждому слово утешения. Мы подошли к церкви; я видел все лица, слышал все, что говорилось кругом, глубоко запечатлел в себе эту чудную картину встречи и привета дорогого пастыря, которого чтит вся Россия, любит и уважает весь православный народ!

Надо самому видеть, чтобы судить, какое сильное впечатление производит это умилительное зрелище, как обходителен отец Иоанн и как искренно любят его все! Мне невольно вспомнились слова незабвенного Царя-Миротворца отцу Иоанну, какие он сказал ему за несколько минут до своей кончины. «Вас любит народ – сказал государь, – да потому что он знает, кто вы и что вы для него!» Глубокая истина! Народ вполне оценил великие заслуги отца Иоанна, поэтому и любит его, благоговея перед ним, искренно веруя в силу молитв глубокоуважаемого пастыря.

При колокольном звоне отец Иоанн вошел в церковь. Как и всегда, утреню он начал петь, а канон читал своим чудным, звучным, крайне приятным голосом, делая ударения на особо знаменательных местах. Обращаясь ко всем, он просил слушать с полным вниманием чтение канона, молиться и отнюдь не нарушать шумом благоговения в храме.

Служба длилась около двух часов.

Вместе с Батюшкой служили два священника, а на клиросе пел хор наскоро собранных певчих и сельские дьячки. С полным усердием молилась вся церковь; изредка тишина нарушалась от необыкновенной тесноты массою прибывающего народа. Не в первый раз мне приходится видеть отца Иоанна во время богослужения, и я всегда чувствую чрезвычайную охоту к молитве, когда он служит. То же слышал я и от других.

Особенно сильное впечатление производят возгласы при совершении им Таинства Евхаристии. Весь проникнутый, с полной душою, как будто переживая великие минуты Тайной вечери и те слова, какие произнес Иисус Христос, отец Иоанн громким голосом возглашает: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое – и с особенным ударением: – еже за вы ломимое во оставление грехов. Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов. – И наконец: – Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся!» Это необыкновенно сильно, с большим чувством произносится им!..

Переживаешь очень много в этот момент! Конечно, передать трудно – надо видеть и слышать.

По окончании службы отец Иоанн подал мне просфору, сказав:

– Поздравляю, бери во здравие!

Я принял этот ценный для меня подарок с глубокою благодарностью.

28 декабря в моей жизни было всегда днем особо знаменательным – теперь же еще более дорого по этим чудным воспоминаниям!

Сопровождаемый массой народа, отец Иоанн отбыл на дом к Ч-ву, где отслужил молебен с водосвятием, затем вышел благословлять народ, сбежавшийся со всей окружающей местности. Много больных и увечных было среди массы жаждущих получить благословение от отца Иоанна.

Особенное внимание обратила на себя крестьянка, по имени Иулитта, которую подвели к Батюшке силою. Она неистово кричала; отец Иоанн обласкал ее и спросил, как зовут; затем приподнял ее за голову и заставил сказать свое христианское имя. Женщина имени своего не говорила, а, опустив голову вниз, продолжала кричать.

Отец Иоанн сказал мне:

– Бесноватая!

И с этим словом стал крестить ее, потом, как ребенка, гладил и уговаривал сказать свое имя. Женщина, неестественно

вскрикнув, подняла голову и медленно стала произносить свое имя:

– У-л-и-т-а!

Отец Иоанн заставил ее повторить это три раза и, помолившись, отпустил. Иулитта, крестясь, молча пошла за ним.

Случай этот навел страх на всех, на меня же произвел глубокое впечатление...

Толпа все увеличивалась. Каждый старался как можно ближе подойти к Батюшке и передать ему свое горе.

Одна, например, спрашивает:

– Батюшка, обижают меня дома, некуда головы мне приклонить!

– Кто обижает? – спрашивает отец Иоанн.

– Домашние, Батюшка!

– Иди домой, помирись, больше, даст Бог, не будут обижать.

Та идет совершенно успокоенная, с верою принимая эти слова.

Или:

– Сын пропал у меня, родимый, как молиться мне за него, за здравие или за упокой?

– Домой иди – сказал отец Иоанн, – там увидишь.

Как передавал потом Ч-в, случай этот изумил всех, так как женщина, вернувшись домой, нашла сына, пропадавшего три года, у себя дома. Совпадение ли это обстоятельств, или женщина особенно усердно молилась в храме в эту службу, что Господь так утешил ее – Бог знает. Я передаю только факт.

Одна просила Батюшку благословить ее дочь, которую просватала:

– Бог благословит – сказал отец Иоанн, – был бы муж богобоязненный и добрый, любил бы ее, а тебя почитал.

Помню, кто-то спросил, идти ли ему в монастырь. Батюшка подробно справился, кто он, подумал ли прежде, чем решиться на такой шаг, расспрашивал семейные обстоятельства его, затем благословил идти в ближайшую обитель.

Вопросов подобных предлагалось очень много, и на все отец Иоанн находил что сказать: плачущих утешал, больным давал советы, благословлял же всех, прибавляя:

– Бог благословит, буди вам по вере вашей!

Слова отца Иоанна глубоко западали в душу каждого – это было видно по лицам, слушавшим с полным умилением дорогие советы Батюшки. Точно обновленным отходил от него всякий из них.

Подкрепившись пищей, отец Иоанн пожелал совершить прогулку. До поезда оставалось с лишком три часа. Мы обошли весь парк и прилегающие стройки. Батюшка любовался каждым пригорком, деревцем; всякий кустик оглядит и похвалит, прославляя в видимой природе творение Божие. Походка его чрезвычайно быстрая – в некоторых местах мы чуть не бегом следовали за ним. Осмотрели оранжереи и питомник. Яркая зелень тепличных растений произвела приятное впечатление и вызвала восторженные замечания отца Иоанна в похвалу тому, кто насадил и выходил их.

– Трудящийся достоин награды за труд свой – сказал он.

После прогулки, почувствовав утомление, Батюшка пожелал отдохнуть.

Народ все время окружал дом Ч-ва. Более смелые подбирались к самым окнам и терпеливо поджидали появления отца Иоанна.

К обеденному времени Батюшка вышел совершенно бодрый и веселый. Приятно было сидеть с ним за одним столом! Кушал он очень немного и более заботился о других. Заметив, что около окон стоят и ждут его, отец Иоанн поклонился в ту сторону и, сделав рукою приветственный знак, сказал:

– Божий народ!

Одинаковый к богатому и бедному, отец Иоанн снискал себе от всех искреннюю любовь и всякий, кто только немного побудет с ним и послушает бесед его, очаровывается этим поистине чудным человеком!

Мне было не до еды: я все свое внимание устремил на Батюшку, стараясь запомнить каждое его слово и движение.

Увидев, что он обратился в мою сторону, я позволил себе сказать, что чувствую себя здесь, подле него, необыкновенно хорошо и невольно думаю, каково тем, искренно преданным и уважающим Батюшку, которые лишены приятного случая трапезовать с ним.

Отец Иоанн с улыбкой поклонился на эти слова и проговорил:

– Спасибо, Бог благословит их.

В конце обеда Батюшка обратил наше внимание на то, как щедр и милостив Господь, как велики Его благодеяния!

– Мне пришло в голову – сказал он, – что в этот час, кроме нас всех, здесь присутствующих, какое множество народа питается, кормится, и каждый получает все от одних щедрот, из одной руки всемогущего Бога.

«Какая бездна премудрости и благости Божией. Какое всемогущество Творца Небесного!..»

В четыре часа дня, благословив народ, собравшийся около дома, отец Иоанн отбыл в Клин. При въезде в город и по всему пути его жители выходили из домов и, кланяясь отцу Иоанну, просили его благословения.

У вокзала собралась такая масса народа, что пришлось объехать окружным путем, и тогда только удалось пройти в приготовленные Батюшке комнаты. Весь зал и платформы были сплошь заняты публикой, а кто не умещался, становился на окна и карнизы.

Администрация города и станционное начальство просили отца Иоанна отслужить общий молебен. В зале I и II классов для этого было все приготовлено.

Батюшка, войдя, обратился ко всем со следующим словом:

– Помните, отцы, братья и сестры, что *где двое или трое собраны во имя* Божие, *там* Сам Господь невидимо присутствует, и *все, о чем ни попросите* Его полезного душам нашим *в молитвах* своих *с верою, получите* (Мф.18:20; 21:22). Помолимся же Ему, милосердому, всемогущему Богу, искренно, горячо!

С полным умилением молился весь народ, некоторые вслух высказывали свое горе, многие плакали, иные громко просили

Батюшку помянуть их в своих молитвах...

Когда отец Иоанн стал освящать воду, часть публики, стоящая на платформе, желая проникнуть в зал, стала сильно теснить. Окна и двери не выдержали.

Чтобы избежать толкотни, Батюшка не решился кропить святой водой каждого, а, преподав общее благословение, поторопился перейти в приготовленный ему вагон.

Тяжко больных и особенно нуждающихся в советах он благословил раньше, в парадных комнатах.

С 5-часовым пассажирским поездом отец Иоанн отбыл в Москву.

Дорогой я узнал, что Батюшка накануне служил обедню в Мраморном дворце Великого Князя Константина Константиновича. «Какие резкие переходы – подумал я, – в жизни этого необыкновенного человека: вчера в роскошном храме, среди лучшего цвета столичного общества, сегодня – в сельской церкви среди бедного простого народа!..»

Везде он один, со всеми одинаковый, обходительный, ласковый и приветливый – чудная и удивительная натура! Мало любить такого человека – перед ним благоговеешь!

Поезд шел очень медленно. Батюшка после первой же остановки достал свое дорожное Евангелие и начал читать вслух Соборное послание апостола Петра, наудачу раскрыв это место. Каждый текст, особенно с изречениями из ветхозаветной Церкви, отец Иоанн обстоятельно разъяснял, ссылался на многие источники, приравнивая учение апостола к быту современной жизни. 19-й текст 2-й главы (2-го послания) вызвал у него знаменательное замечание (2Пет.2:19).

– Люди толкуют о свободе – сказал он, – а сами рабствуют греху – к чему же такая свобода? Освободитесь прежде от греха и не поддавайтесь соблазну – вот к чему все должны стремиться для своего блага.

В заключение Батюшка напомнил, какою смертью прославил Бога апостол Петр и почему он распят был не так, как Спаситель, а головою вниз.

На всех станциях и полустанках народ массами подходил к вагону, отец Иоанн раскрывал окно и многих благословлял.

Подъезжая к Москве, он обратил внимание на зарево пожара. В этот вечер горело в Грузинах; пожар, как оказалось, принимал громадные размеры, но, благодаря Богу, скоро прекратился. Долго стоял Батюшка у открытого окна и глядел в ту сторону. Мне показалось, что он молился – я видел слезы на его глазах...

Поезд подходил к вокзалу, тяжело было расставаться с Батюшкой – я с грустью подошел к нему, прося благословения себе и семейству моему. Отец Иоанн сказал мне несколько утешительных слов, обнял и, благословляя, пожелал истинных благ от милосердого Бога.

Я простился с ним.

Глубокое впечатление дня, проведенного в обществе такого чудного, дорогого пастыря, навеки сохранится в моей памяти; оно понудило меня написать эти несколько строк на память себе и знающим его. Без преувеличения скажу, что я провел лучший день в моей жизни.

С. Животовский. На Север с отцом Иоанном

От автора

Пишущему эти строки привелось провести в минувшее лето (1903 г. – *Ред.)* тридцать четыре дня неразлучно с отцом Иоанном.

Тридцать четыре дня я видел перед собою человека, имя которого так дорого не только русскому православному люду, но и всякому иностранцу и иноверцу, которому приходилось когда-либо сталкиваться с кронштадтским Батюшкой или обращаться к нему с какою-нибудь просьбой.

И эти тридцать четыре дня, прошедшие как чудный сон, несомненно, оставят в моем сердце глубокий след на всю жизнь.

В наш практический век, когда личный эгоизм заставляет человека быть крайне осторожным и заботиться главным образом о личной выгоде и благополучии, когда дети нередко слышат от своих родителей наставления вроде «правдой – не проживешь», такое явление, как личность отца Иоанна, представляет из себя тот оазис среди знойной пустыни, в котором усталый путник может напиться свежей, живой воды и набраться силы для дальнейшей тяжелой дороги.

Отец Иоанн представляет из себя живое доказательство того, что можно жить правдой, можно жить без обмана, вразрез с установившимся современным мнением, – можно жить совершенно бескорыстно и быть счастливым.

И он счастлив, счастлив вполне.

Счастлив потому, что все, что он ни делает – делает искренно, так, как ему подсказывает его христианское сердце.

Помню я те нападки на отца Иоанна, которые я слышал от некоторых лиц по возвращении из путешествия, по поводу его писем о евреях.

– Помилуйте – говорили мне, – отчего такая непоследовательность: сначала он возмутился поступком христиан, совершивших насилие над евреями, а потом вдруг стал жалеть тех же христиан, да ещё и денежную помощь им послал!

Согласен с тем, что это, быть может, и непоследовательно, а, главное, и нерасчетливо со стороны отца Иоанна. Гораздо выгоднее было бы для него вести «одну линию», то есть, заступившись за евреев и укорив христиан, в том же духе и продолжать, чтобы быть «последовательным».

Но отец Иоанн живет сердцем, а не расчетом. А его христианское пастырское сердце подсказало ему, что он не совсем был прав, обвиняя только христиан. Целый ряд писем, полученных им от русских людей с юга России, доказал ему, что христиане, допустившие незаконное насилие над евреями, хотя и виновны, но заслуживают снисхождения, так как их насилия были вызваны насилиями со стороны евреев же.

Теперь, когда я близко узнал этого замечательного человека, я понимаю, что иначе поступить он и не мог – не мог потому, что он всегда привык быть искренним и этой искренностью он покорил всех.

От Кронштадта до далекой Суры на севере и на обратном пути до Ярославля на Волге мы проехали тысячи верст по озерам, каналам и рекам.

В дороге я наглядно увидел весь триумф, все торжество честной, бескорыстной жизни на пользу ближних отца Иоанна. Я видел, как оценил эту жизнь простой русский народ и как он ее выражает.

Большая часть печатаемых здесь очерков и рисунков была помещена в приложениях к газете «Петербургский Листок». И очерки, и иллюстрации мне приходилось посылать с дороги во время путешествия. Трудно рисовать к сроку во время движения все время вздрагивающего от толчков машины парохода – вот почему добрую половину моих иллюстраций составляют фотографии, к которым вообще я не люблю прибегать.

Настоящим изданием автор отвечает на те многочисленные письма почитателей отца Иоанна, которые были получаемы и конторой «Петербургского Листка» и автором лично и в которых заключалась просьба – выслать номера газеты с путевыми очерками «На Север с отцом Иоанном». Все таковые номера очень быстро распродавались, а потому осталось одно

средство удовлетворить желание почитателей отца Иоанна – это издать очерки отдельно, что нами и исполнено в возможно скорый срок.

Глава I. Отъезд из Кронштадта. – «Шестовец» и «Агафья». – Каналы. – Новая Ладога. – По реке Свири.

25 мая – день Святой Троицы. В Кронштадте большое оживление.

Отец Иоанн в последний раз перед отъездом на родину торжественно служит в Андреевском соборе обедню и молебен по случаю дня рождения Государыни Императрицы.

Яркий солнечный день, после двух дней беспрерывного дождя, способствует праздничному настроению публики, которая к концу службы в соборе высыпала на улицы Кронштадта и густой массой скопилась в тех местах, где должен был проехать отец Иоанн.

С трудом пробрался я на дамбу так называемого Усть-канала в военной гавани, где в ожидании Батюшки уже стоял его собственный пароход «Любезный». Сюда публику пропускали только по билетам.

К половине второго дня, когда по отдаленному крику и волнению в толпе можно было догадаться, что отец Иоанн уже едет, на палубе маленького «Любезного» скопилась такая масса провожающих до Петербурга лиц, что я недоумевал: куда же поместится сам отец Иоанн? Но, слава Богу, кое-как уместились. Трудно только было отчалить от берега, так как провожающие со слезами на глазах, ухватившись за борт парохода, долго не хотели отпускать последний. Когда же, наконец, пароход отделился от берега, из толпы раздался громкий голос:

– Батюшка, родной! Я бедный чиновник, четыре раза добивался увидеть вас, и все напрасно! Помогите, ради Бога! В семье у меня горе!

Батюшка попросил подойти пароходу к пристани и передал просившему пакет с деньгами.

Наконец «Любезный» отвалил и направился к выходу из гавани. В это время из-за военных судов показалась Петровская набережная и на ней целое море человеческих голов.

Послышались крики, плач, замелькали платки в воздухе, а от берега отделилось несколько яликов и направилось наперерез нашему пароходу.

Но вот и выход из порта; мы прошли мимо нескольких красавцев, грозных крейсеров и броненосцев, на которых в это время по случаю Царского дня развевались флаги всех стран и гремела музыка, и вышли в залив.

Далеко впереди, среди подернутого дымкой горизонта, заблестел купол Исаакиевского собора, а сзади, точно крылья белых чаек, мелькали в воздухе платки духовных детей отца Иоанна.

В Петербурге мы остановились для того, чтобы высадить провожающих из Кронштадта. На Английской набережной отца Иоанна приветствовала игуменья основанного недавно им Иоанновского монастыря на речке Карповке в Петербурге, мать Ангелина с монахиней Евпраксией. Какие-то купцы рыбники поднесли Батюшке аршинную живую стерлядь, а на тротуаре против пристани моментально выросла толпа.

– Дорогой Батюшка, отец ты наш, прощай! Счастливо плавать! Приезжай скорей!

Все эти благопожелания доносились до нас со всех сторон.

Когда мы тронулись, толпа бросилась бежать по набережной вслед за нами. Многие бежали вплоть до Калашниковской пристани и остановились только потому, что здесь пароход наш круто повернул к охтенскому берегу и скрылся за барками. Когда мы поравнялись с церковью Михаила Архангела, два ялика отделились от берега и подплыли к нам; монахи Никифоровского подворья приветствовали отца Иоанна хлебом-солью.

В Шлиссельбург мы пришли только к 11 часам вечера. Здесь нас уже ждали два парохода – «Шестовец» и «Агафья», предоставленные для путешествия отца Иоанна вытегорским купцом А. Лопаревым, так как «Любезный» сидит очень глубоко и для плавания по каналам неудобен. С большим трудом мы пересели на новые пароходы.

Вечером, еще за несколько верст до Шлиссельбурга, палубу «Любезного» покрыла такая масса каких-то особенных мошек,

похожих на моль, только гораздо крупнее последней, что многие, давя ее ногами, скользили и рисковали свалиться.

Так как за день все очень устали и пора было ложиться спать, то отец Иоанн перешел в каюту маленького «Шестовца», на котором его поджидал уже сам хозяин парохода, приехавший встречать Батюшку из Вытегры, а я и сопровождающий отца Иоанна настоятель Никифоровского монастыря иеромонах Георгий устроились на «Агафьи». Простившись с последними провожающими, мы немедленно отчалили и вошли в канал Александра II. Впереди шел «Шестовец», вслед за ним поплелась «Агафья».

По каналам обыкновенные пароходы имеют право идти не более 7 верст в час, но мы шли со скоростью 10 верст, и потому к 9 часам утра 26 мая были уже в Ладоге.

Неожиданная остановка отца Иоанна в Новой Ладоге всполошила все население города. Весть, что отец Иоанн будет служить обедню в церкви святого Климента, с быстротой молнии облетела все окрестности, и народ валом повалил к церкви. Когда окончилась обедня, на площади перед церковью была громадная толпа народа.

Отец Иоанн, с трудом усевшись в поданную ему тройку, поехал в дом купца Спирова, куда его пригласили к обеду.

И вот вся эта масса зашевелилась и бросилась вдогонку за экипажем. Я, ехавший в другой коляске следом за Батюшкой, все время должен был кричать вместе с кучером из опасения раздавить кого-нибудь. Несмотря на все предосторожности, в квартиру г. Спирова, кроме нас, спутников отца Иоанна, и приглашенных почетных гостей, попало человек сорок из толпы. Всякий жаловался на свои невзгоды и болезни и просил благословения.

Отец Иоанн всех обласкал и всех благословил. Пообедав после краткого молебна и поблагодарив хозяев за их радушие, мы отправились к своим пароходам и сейчас же двинулись в дальнейший путь. Пройдя широкое и довольно оживленное устье Волхова, мы опять вошли в скучный однообразный канал. Потянулась бесконечная, поросшая низким ивняком плотина, из-за которой изредка показывается серое, как сталь,

Ладожское озеро с одной стороны и такой же бесконечный бечевник с другой стороны.

За бечевником тянутся на многие версты залитые луга, и кое-где только на пригорке виднеются группы деревьев да изредка покажется селенье с белой церковью.

В середине лета безотрадная картина Приладожья оживляется бесконечным рядом идущих по каналам одна за другой барок или, как их здесь называют, полу-лодок. Унылая песня, отвратительная ругань и свист погонщиков несчастных лошадок-бурлачков будет висеть в воздухе с раннего утра и до поздней ночи.

Теперь еще не настала навигационная страда, и потому только изредка попадаются суда с лесом. Несчастные лошади тащат эти суда. Трудно себе представить что-нибудь печальнее этих животных. Маленькие, изможденные, по фигуре напоминающие скорее заморенных коров, плетутся они, понуря голову; плетутся гуськом одна за другой, тяжко вздыхая, пока одна из них, наконец, истощив остаток своих сил, не упадет с тем, чтобы никогда уже не вставать.

Благодаря тому, что канал теперь почти свободен от судов, мы шли без задержек и к 6 часам вечера 26 мая пришли в Свирицу.

Свирица – небольшое селение, сосредоточенное главным образом у конторы цепного пароходства. Здесь мы пересели на большой пароход морского типа «Баян» и, взяв опустевшего «Шестовца» на буксир, вошли в устье реки Свири. Тут местность сразу изменилась. Вместо скучных низких берегов канала началась свободная, живая и быстрая красавица Свирь.

Мы уже в пределах Олонецкой губернии.

Чем выше подымаемся мы по реке, тем берега ее делаются гористее. Среди леса, возвышенных лугов и засеянных хлебом полей то и дело попадаются селения, обитатели которых, издали узнав, кто едет на нашем пароходе, пестрой толпой высыпают на берег, кланяются в землю, бросают кверху шапки и всячески стараются выразить отцу Иоанну свои симпатии. Стоило нам остановиться у одной пристани для получения дров, как сейчас группа молодых девушек поднесла Батюшке

несколько букетов ландышей. Сколько радости, сколько счастья было написано на лице каждой старушки, которой удалось получить благословение отца Иоанна! Отец Иоанн гладит по голове, хлопает по плечам, проводит по глазам больных, и последние, осчастливленные, с огромным нравственным подъемом возвращаются домой.

Мы рассчитывали попасть в с. Вознесенье 27 мая утром, но в час ночи наш пароход вдруг остановился в одной версте от Подандевского порога. Оказалось, что с верхней площадки лоцман наш заметил, что над порогом стоит густой туман.

Делать было нечего; мы пристали к берегу и только в пять часов утра тронулись в дальнейший путь. Утром 27 мая мы прошли грозный и самый большой на Свири порог Сиговец, получивший свое название от обилия ловящихся здесь всегда сигов.

Местность к северу от Сиговца замечательно красива. На каждом шагу, среди девственного леса, попадаются селения с типичными олонецкими избами. Обилие леса выразилось здесь в огромных, иногда трехэтажных избах, под крышами которых непременно лепится балкончик. Ближе к Онежскому озеру берега Свири постепенно понижаются, и потому менее интересны, чем в средней ее части. Наконец в 5 часов вечера мы пришли в Вознесенье и, набрав дров, вышли в Онежское озеро, отпустив на свободу «Шестовца», который пошел в Вытегру каналом.

Глава II. Онежское озеро. – Река Вытегра. – В гостях у А.П. Лопаревой. – Вытегорский погост

Мы вышли в Онежское озеро, оставив в Вознесенье разочарованную публику: все надеялись увидеть Батюшку, поэтому большой толпой собрались на пристани, где мы грузили дрова, но отец Иоанн в это время отдыхал в каюте и вышел на палубу только тогда, когда пароход плыл уже по гладкому как зеркало озеру.

Был мертвый штиль. Мы шли по прямой линии на восток, к устью реки Вытегры. Направо виднеются олонецкие горы, а с левой стороны водное пространство сливается с небом и кажется одной серой массой, по которой то и дело мелькают белые крылья чаек, с криком летят стаи диких уток, а внизу, на расстоянии нескольких саженей от парохода, резвятся на просторе тюлени.

На северо-запад от нас осталась полоса далеких скал, известных своими каменоломнями. Из каменоломен, между прочим, были взяты шокшинский порфир, из которого сделана гробница Наполеона I в Париже, и соломенский камень (в 7 верстах от Петрозаводска), взятый для украшения Исаакиевского собора в Петербурге.

– Вот когда я отдыхаю вполне – говорит подошедший ко мне отец Иоанн, – только на пароходе и есть возможность провести время в полном спокойствии. Тяжела мне подчас бывает моя популярность: никуда нельзя показаться, нигде нельзя свободно пройти незамеченным.

И действительно, стоит только где-нибудь отцу Иоанну ступить на берег, как толпа окружает его со всех сторон, и нужны большие усилия, чтобы освободиться из ее объятий. Он принадлежит сам себе только тогда, когда окружен со всех сторон водой. На маленькой палубе в несколько квадратных аршин он имеет на короткое время свободу в награду за целый год жизни исключительно для других. Впрочем, и в это короткое время досуга я редко вижу Батюшку без дела. То он читает Святое Евангелие, то записывает в дневник свои впечатления,

то обдумывает проповедь к следующему дню, так как редкий день мы не останавливаемся где-нибудь, чтобы отслужить обедню. И только изредка ходит он по палубе, созерцая природу и восторгаясь ею.

Благодаря хорошей погоде мы довольно скоро прошли Онежское озеро и вошли в устье реки Вытегры. Странное впечатление производит эта река. Узкая, точно канал, все время одинаковой ширины, красивыми извилинами проходит она по залитым лугам. Вместо берегов видны верхушки ярко-зеленой травы, потонувшей в воде.

Волны, бегущие в обе стороны от нашего парохода, налетают на эти живые зеленые ковры и колышут их. Получается очень красивое зрелище. Трудно себе представить, что эта узенькая болотная речонка так глубока, что может быть судоходна; а между тем, по Вытегре свободно проходят большие морские суда под парами.

Почти у самого города Вытегры мы нагнали огромную паровую шхуну, идущую в Каспийское море. Находившиеся на ней персы с недоумением смотрели на нас со своей высокой палубы, не понимая, почему перед нашим пароходом русский народ почтительно снимает шапки и так низко кланяется. В Вытегре встреча отца Иоанна была особенно торжественна. Несмотря на то, что было уже поздно, весь город высыпал на набережную, где на разукрашенной флагами и покрытой красным сукном пристани духовенство и власти города встретили Батюшку. В нескольких экипажах мы отправились в имение Лопаревых, отстоящее от города Вытегры в трех верстах, и остановились в знаменитом Лопаревском палаццо.

Покойный Лопарев происходил из кучеров; благодаря русской смекалке и выгодным подрядам по постройке шлюзов на Мариинской системе он сделался миллионером и решил выстроить дом, в котором не стыдно было бы принять заезжих высокопоставленных лиц. Дом обширный, деревянный, в русском стиле. Резные потолки и стены, майоликовые камины и печи, колоссальные зеркала, тяжеловесная резная мебель и картины в богатых рамах свидетельствуют о том, что хозяин не

жалел средств на устройство дома. Отец Иоанн уже девять лет подряд останавливается здесь.

Утром 28 мая отец Иоанн служил обедню в городе Вытегре и сказал слово против раскольников, которых здесь много. После обедни в доме Лопаревых был предложен нам гостеприимной хозяйкой А.П. Лопаревой обед, на котором присутствовало около 35 человек приглашенных. Много говорилось в честь отца Иоанна речей, но самой сердечной и симпатичной была коротенькая речь, сказанная экспромтом миссионером вытегорского округа священником Н. Георгиевским. Вот приблизительное содержание ее: «Глубокочтимый отец протоиерей! В прошлом году в вытегорском соборе в своем слове вы сказали: «Мне доставляет большую радость ездить по всем городам дорогой мне России». А для нас вы всегда доставляете истинное наслаждение! В самом деле – лишь только вступаете вы, Батюшка, в какую-либо весь или город, несмотря на будни, слышится радостный, торжественный звон большого колокола, собирается собор служащих с вами, купцы запирают лавки, крестьяне бросают в поле бороны и сохи, матери во множестве несут для приобщения детей! Замечается религиозный подъем духа, усиливается теплота молитвы. И неудивительно: вы, Батюшка, пламень молитвы. Как от обыкновенного огня нагреваются окружающие предметы, часто загораются и горят огромным общим огнем, так и ваш молитвенный пламень охватывает всех, как служащих, так и молящихся, и вся церковь молится с вами усерднее, теплее!»

Вечером отец Иоанн долго гулял по небольшому садику и в саду же прочел вечернее правило.

На следующий день утром мы совершили поездку на вытегорский погост, где Батюшка служил обедню.

Замечательно интересна по своей архитектуре двадцатидвухглавая церковь вытегорского погоста. Выстроена она по собственноручному чертежу Великого Петра в 1788 году и до сих пор сохранилась в первоначальном виде. Другая церковь, стоящая в нескольких саженях от первой, построена несколько позднее и не так интересна снаружи, зато внутри я

нашел очень редкие в настоящее время деревянные фигуры Спасителя и святого Нила.

Глава III. На тройках по бечевнику. – В шлюзах. – На заводе Неворотина. – Белозерский канал. – Ночная тревога в Горицком женском монастыре

В Вытегре мы распростились с «Баяном», имеющим глубокую осадку.

Перегрузив багаж на подоспевшего к этому времени «Шестовца» и новый пароход «Кему», предоставленный Батюшке купцом Неворотиным, мы отправили оба парохода за несколько часов до нашего отъезда вперед. Сами же решили сделать переезд в 26 верст на лошадях, чтобы избежать скучных стоянок в находящихся здесь 19 шлюзах.

Около пяти часов вечера 29 мая, распростившись с гостеприимной хозяйкой, длинным кортежем двинулись мы на нескольких тройках в путь.

Дорога здесь очень разнообразна. То мчимся мы по гладкому и узкому бечевнику, поминутно заставляя сворачивать в сторону встречных лошадок-бурлачков, понуря тянувших свою бечеву, то перескакиваем через плотину, с грохотом несемся по мостику и, взлетев на горку, проезжаем по улице селения.

Берега Вытегры здесь холмисты и живописны, хотя сама река по своей форме ничем не отличается от обыкновенного канала: все время одинаково узка и не имеет заливов. Незаметно проехали мы 26 верст и спустились к пристани Канальского пароходства, где в это время уже ждали нас «Шестовец» и «Кема», успевшие пройти 19 препятствий «как хотели». Нам оставалось пройти еще несколько шлюзов по Ново-Мариинскому каналу. В каждом шлюзе происходила трогательная сцена встречи Батюшки с моментально собиравшимся народом.

«Солнышко ты наше красное! Голубчик ты ненаглядный! Помолись ты за нас, грешных!» – слышалось из толпы, протягивавшей к нашему пароходу из-за перил шлюза десятки сложенных для благословения рук. Когда впущенная в шлюз вода поднимала наш пароход на высоту его бортов, нам стоило

больших трудов отчалить, так как стоящие на берегу люди, уцепившись крепко за пароход, долго его не отпускали.

Всем хотелось пожаловаться на свои невзгоды и получить утешение. Батюшка многим раздавал медные образки и крестики, хотя это было и нелегко, потому что происходила свалка и люди рисковали свалиться в воду.

Пройдя с большими задержками шлюзы святого Петра, святого Георгия и святого Александра, мы вошли в реку Ковжу и к трем часам ночи пришли к устью речки Удашки, где находится большой лесопильный завод Неворотина, выделывающий досок при 120 рабочих с лишком на 90 тысяч рублей. При заводе имеется образцовая пожарная команда и большой дом с садом владельцев завода братьев Неворотиных. Здесь мы остановились.

Так как было уже три часа ночи, то мы остались до утра на пароходах. Утром отец Иоанн служил обедню в 9 верстах от завода, в Воскресенском приходе, где сказал проповедь на тему «Как мы должны жить в любви и согласии». После обедни Батюшка, по обыкновению, зашел к местному священнику. В это время у дома Неворотиных уже собралась толпа рабочих с женами и детьми. Здесь отец Иоанн отслужил молебен, после которого очень долго благословлял и утешал страждущих. Каких-каких только жалоб не пришлось Батюшке выслушивать!

В особенности много прибегает к его помощи женщин. У той муж пьяница, у другой детей нет, у третьей какая-нибудь неизлечимая болезнь... И всех-то отец Иоанн утешит, всех обласкает, всем даст надежду.

После молебна нам был предложен обед, во время которого хор местных любителей пел духовные вещи.

Когда подали шампанское, начались тосты за отца Иоанна, хозяев, местное духовенство и проч., отец Иоанн вспомнил и бедняков, в поте лица своего зарабатывающих кусок хлеба, и, взяв бокал с шампанским, пошел в соседнюю комнату, где из-за спин хористов глядело на нашу трапезу несколько десятков глаз рабочих, женщин и детей.

Нужно было видеть, с каким благоговением эти труженики крестились и отпивали по глотку вина из рук глубокочтимого

пастыря.

Около двух часов пополудни под сильным дождем отправились мы в дальнейший путь, сопровождаемые владельцами наших пароходов гг. Неворотиным и Лопаревым.

Вскоре река Ковжа незаметно перешла в Белозерский канал, и с палубы мы увидели Белое озеро. Картина почти та же, что и на приладожских каналах, только берега Белозерского канала, пожалуй, несколько выше первых.

Около 9 часов вечера мы прошли мимо Белозерска. Безотрадную картину захолустья представляет древняя резиденция Синеуса под нависшими дождевыми тучами, когда вы смотрите на Белозерск с парохода. Только главы его четырнадцати церквей несколько оживляют монотонную картину.

Около одиннадцати часов вечера мы вышли из канала и вошли в широкую красивую Шексну. После тесных рамок канала широко разлившаяся и затопившая луга река производит какое-то радостное впечатление. Несмотря на ночь, вам поминутно встречаются большие пароходы с зелеными и красными глазами фонарей. Тянутся караваны барж. Раздаются свистки и крики людей...

Около часу ночи вдали, на высоком берегу Шексны, забелели постройки Горицкого женского монастыря, где ждали Батюшку и где он собирался утром служить обедню. Не желая, однако, тревожить обитель ночью, Батюшка решил остановиться в пяти верстах от монастыря и переночевать в каюте «Шестовца» с тем, чтобы утром подойти к монастырю.

Так как в каюте парохода было спать не совсем удобно, тем более что лучшее место давно уже было занято читавшим свое вечернее правило иеромонахом Георгием, то я с провожавшим нас из Вытегры исправником И.В. Качаловым решили ехать до монастыря на «Кеме» с тем, чтобы переночевать в монастырской гостинице. К сожалению, это повлекло за собой маленькое недоразумение.

Когда мы подходили уже к монастырю, нам пришлось обогнать один частный пароходик, вследствие чего следившие с колокольни монахини, увидя два парохода, идущих вместе,

подумали, что едет отец Иоанн, и потому начали трезвонить. Мы стали им махать платками, желая прекратить колокольный звон, монахини же приняли это за приветствия и потому не унимались. Вскоре весь монастырь с игуменьей во главе был уже на берегу. Появился пристав с урядниками; из соседнего с монастырем селения бежали разбуженные люди... И все оказалось напрасно. Сконфуженные вышли мы с исправником на берег и объявили, что на пароходе, кроме молившегося и ничего не слыхавшего отца Георгия, никого нет.

В 8 час утра приплыл на «Шестовце» и Батюшка и прямо с пристани направился в монастырскую церковь, где отслужил обедню и приобщил монахинь Святых Таин.

После обедни в первой комнате игуменской квартиры был поставлен стул для отца Иоанна. Здесь, по очереди подымаясь бесконечной вереницей по лестнице, подходили к Батюшке сестры монастыря для благословения.

Более 600 сестер прошло мимо Батюшки. После сестер таким же порядком прошли богомольцы, запрудившие всю площадку перед домом игуменьи.

Отобедав при пении монастырского хора у игуменьи, мы все отправились в Кирилло-Белозерский монастырь, отстоящий от Горицкого монастыря в пяти верстах.

Здесь Батюшка отслужил краткий молебен у раки преподобного Кирилла и, выпив у настоятеля монастыря архимандрита Феодосия стакан чая, поехал в город Кириллов делать кое-какие визиты.

В это время наши пароходы уже подошли к городу и ждали нас на реке Поздушке, по которой мы потом и перешли в канал Вюртембергского, соединяющий Шексну с озером Кубенским.

Глава IV. Встреча с пароходом «Св. Николай Чудотворец». – На Кубенском озере. – Спасо-Каменский монастырь. – Печальные последствия ледохода. – Город Тотьма на реке Сухоне

Весь путь наш от Кириллова до Кубенского озера был каким-то триумфальным шествием отца Иоанна. То, что происходило здесь, не поддается описанию. Целые села от мала до велика высыпали навстречу нам и бежали по несколько верст, падая на колени, простирая к отцу Иоанну руки и крестясь.

Встречалась по дороге изгородь – и пестрая толпа, не задумываясь, карабкалась на нее, прыгала вниз и снова бежала за пароходом до тех пор, пока канал не кончался и не начиналось озеро, по которому уже бежать нельзя было. На одном шлюзе я обратил внимание на очень хорошенькую девочку лет двенадцати, которая уже пробежала верст восемь и теперь усердно просила дать ей крестик. Но здесь ей так и не удалось ничего дать, так как брошенные крестики и образки моментально подхватывались другими.

Когда пароход, выйдя из шлюза, пошел по каналу, я опять увидел среди бежавшей толпы неутомимую девочку. Сначала она сняла с головы платочек, потом сняла и кофточку, так как было очень жарко. Под конец я видел ее уже бегущей с развевающимися по воздуху длинными волосами в одной рубашонке. Весь гардероб свой она несла в руке. Я попросил рулевого подойти ближе к берегу и, улучив удобную минуту, очень удачно бросил неутомимой девочке карточку отца Иоанна. Она подхватила ее и, прижав к груди, все-таки продолжала бежать, пока не кончился канал и не началось маленькое озеро.

Наконец, в 7 часов вечера на 12-м шлюзе мы встретились с собственным большим пароходом отца Иоанна «Св. Николаем Чудотворцем», пришедшим за Батюшкой из Суры.

Со слезами встретили нас три молодых монашки – пароходные прислужницы. Оказалось, что уже одиннадцать

дней они ждали нас, так как Батюшка предполагал раньше выехать 15 мая из Кронштадта, но потом отложил свой отъезд.

Перегрузив свой багаж с «Шестовца» и «Кемы» на большой и удобный пароход «Св. Николай Чудотворец», мы простились с гостеприимными и любезными гг. Неворотиным, Лопаревым и И.В. Качаловым и пошли к Кубенскому озеру, до которого оставалось всего несколько верст.

«Шестовец» и «Кема» и присоединившийся к ним потом маленький путейский пароход долго приветствовали нас на прощанье прерывистыми гудками. Вышло оригинально и трогательно.

Ночь нас застала на середине Кубенского озера, где мы, вследствие густого тумана, должны были стать на якорь.

Когда рассвело, перед нами точно вырос из воды очень красивый, окруженный со всех сторон водой Спасо-Каменский монастырь. Весь остров, на котором построен этот монастырь, имеет в окружности около 200 саженей, поэтому, кроме маленького двора, небольшого расстояния между церковью и гостиницей, вся поверхность острова занята монастырскими постройками да приютившейся в восточной части обители спасательной станцией.

Так как было около 8 часов утра, то Батюшка решил отслужить обедню в монастыре и потому распорядился пристать к острову.

Еще издали мы обратили внимание на развалины совершенно нового одноэтажного дома и не могли понять, что за причина разрушения, так как землетрясения быть не могло, а при пожаре должны были бы закоптиться стены и обуглиться бревна, чего здесь не замечалось.

В монастыре нам рассказали, что все сделано ледоходом минувшей весной. Нечто ужасное происходит здесь ежегодно по вскрытии рек. Напором воды льдины, громоздясь одна на другую, точно бесчисленный неприятель, идущий на приступ, ползут на берег, потом на стены и, наконец, взбираются даже на крышу высокого собора. Огромные камни, подхватываемые со дна ледяною массою, поднимаются той же массой на ужасную высоту.

На берегу острова и по сие время лежит камень в 500 пудов весом, снятый после ледохода с крыши монастырского собора.

Грустное впечатление производит в настоящее время древний, основанный еще в XIII столетии, Спасо-Каменский монастырь. Бедность и запустение вопиющие!

Жертвенники в алтарях стоят пустые, и только в одном маленьком приделе, когда мы приехали, шла утреня. Можно себе представить, как были обрадованы те пять монахов, которые составляют всю братию монастыря, когда нежданно-негаданно появился в церкви отец Иоанн. Отслужив обедню и внеся солидную сумму на нужды монастыря, Батюшка простился с осчастливленной братией, и около 10 часов утра мы тронулись в дальнейший путь.

Через час мы вошли уже в реку Сухону, называемую в своем верховье Рамангой.

– Ну, нет, Батюшка, как хошь, а я счастливее тебя. Ты здешний житель, а ён, красное солнышко, кажный год мимо тебя ездит, ну, не диковина, что и заехал. Другое дело я. Я вот из Полтавы теперь в Соловки на богомолье пробираюсь, да к вам в Каменский ненароком и попала, и вдруг такое счастье! У самого батюшки отца Иоанна Кронштадтского причастилася! Да этакого счастья мне и не снилося!

Иеромонах Каменского монастыря, к которому были обращены эти слова, в свою очередь старался доказать богомолке, что он и его братия счастливее ее.

Такой спор происходил на берегу Каменского острова, у нашего парохода, перед выходом отца Иоанна из квартиры игумена, за несколько минут перед нашим отъездом.

Как теперь вижу лицо этой старушки. Сколько искреннего счастья, сколько веры в ее потухших, влажных от слез, глазах! Целое событие произошло в ее жизни. Из ее разговора с монахом я узнал, что давно она мечтала увидеть Батюшку, но в Кронштадт идти не решалась: боялась, что к нему не допустят. И вдруг такая счастливая встреча!

Долго потом стояла она коленопреклоненная на пристани монастыря и смотрела вслед нашему пароходу.

Верховье реки Сухоны, называемое здесь Рамангой, по своему характеру очень напоминает реку Вытегру. Низкие берега, поросшие кустарником и плохим сеном, остающимся обыкновенно не скошенным, тянутся на многие версты. Весною обыкновенно все это пространство заливается водой и, соединившись с рекою Вологдой в одно целое, представляет из себя огромное озеро верст в 75 шириной.

По мере того, как мы спускаемся вниз по течению, берега Сухоны делаются гористее, а течение быстрее.

От Кубенского озера до порога Скородума, на протяжении 266 верст, Сухона падает на 4 $/_2$ – и далее на протяжении 257 верст падение ее достигает 24 град.

Дно Сухоны очень каменисто; то и дело попадаются огромные валуны, а потому от лоцмана требуется большая опытность и осторожность. Наши собственные лоцманы с парохода отца Иоанна хорошо знают безопасную Северную Двину и родную Пинегу, но по Сухоне вести пароход самостоятельно не решаются, а потому нас ведет местный лоцман, взятый в Великом Устюге.

Маленький, тощий мужичонка, с жиденькой козлиной бородкой, стоит он у штурвала, пристально всматриваясь вдаль, в быстрые воды Сухоны, на поверхности которой по едва заметным пятнам и зыби узнают, где скрыты грозные валуны.

Стоит он бессменно двое суток и страдает только потому, что пришлось расстаться с неразлучным другом – милой трубкой, так как отец Иоанн не любит табачного дыма.

– Двое суток – это ничего, выстоять можно – говорит он, – потому – дело привычное; приходилось выстаивать и по трое суток, только это уже трудно: ко сну больно клонит.

Двадцать шесть лет уже ходит наш лоцман по Сухоне, совершая каждую навигацию рейсов 29, и несмотря на это, во все время нашего пути он зорко следит за вехами и очертаниями берегов, боясь наскочить на камень.

Местами мы проходим по реке, оставляя совершенно в стороне путейские вехи. По словам лоцмана, им доверять особенно нельзя, потому что путейские лоцманы, расставляющие здесь вехи, часто ошибаются, несмотря на то,

что каждый такой лоцман должен следить за фарватером своего участка всего лишь на пространстве 25 верст.

Рано утром 2 июля мы уже приближались к городу Тотьме, в 9 верстах от которого в Сухону впадает речка Царева.

Здесь во время своего путешествия на север пил чай Петр I, далее лежит камень «Лось», на котором он обедал.

В Тотьме мы остановились всего на полчаса, чтобы сдать на почту письма и запастись кое-какой провизией. Поэтому осмотреть подробно город и его древности не удалось. Между тем здесь очень много интересного. Город Тотьма широко раскинут на левом высоком берегу Сухоны и ее притоке речке Песьей Деньге, в долине которой, на окраине города, стоит старинная церковь Иоанна Предтечи и Спасо-Суморин монастырь. Этот монастырь основан в 1551 году; в нем почивают мощи основателя его, преподобного Феодосия Суморина, родившегося в Вологде в первой половине XVI века и жившего в Тотьме для присмотра за принадлежавшими в то время Прилуцкому монастырю соляными варницами. Соляной завод в Тотьме существует и теперь, и на нем добывается ежегодно до 100 000 пудов соли.

На северной стороне города небольшой «Царев» луг и вблизи, по речке Ковде, осиновая роща «виселки», где царь Иван Васильевич Грозный расправлялся с тотьмеками.

Начало Тотьмы относится к XV веку. В 1539 году город был разорен казанскими татарами; в 1565 году Тотьма упоминается в числе городов опричных. В смутный период самозванцев Тотьма принимала деятельное участие в делах государственного устройства.

Петром I сюда был сослан в заточение Федор Абрамович Лопухин, брат царицы Евдокии, которая, говорят, сама жила некоторое время в бывшем Тотемском женском монастыре.

Глава V. По реке Сухоне. – Опоки. – Пребывание в г. Устюге Великом

За Тотьмой берега Сухоны подымаются еще выше и сплошь покрыты густым лесом, в огромном количестве свалившимся уже и загромоздившим собою обрывы, круто спускающиеся к реке. Все это работа великих вод и ледохода, который здесь не менее страшен, чем на Кубенском озере.

У селения Порог, над опасным перебором Опоки, берег Сухоны, достигающий здесь 40 саженей вышины, представляет очень интересное зрелище.

Представьте себе огромную, почти отвесную стену на протяжении версты, спускающуюся к грозному порогу, который своим течением описывает здесь почти правильный полукруг. Прослои извести, гипса и песку, правильными линиями идущие один над другим, делают берег похожим на огромный кусок слоистой пастилы, разрезанной острым ножом. Падение воды и ее быстрота видны здесь на глаз. Наш пароход, направленный опытной рукой, шел сначала почти прямо на камни, над которыми кипела вода. Казалось, что еще минута, и мы налетим на самое опасное место, тем более что лоцман не менял направления руля. Но тут-то и открылся секрет. Когда до грозных камней осталось расстояние не более как саженей в пять, наш пароход подхватила какая-то неведомая сила и со страшной быстротой понесла в совершенно противоположную от камней сторону. Минута, и мы увидели грозные пороги уже далеко позади нас.

Оказалось, что если бы мы взяли направление дальше от камней, то боковым течением нас могло бы отнести к противоположному берегу и разбить о камни.

Сделав крутой поворот от порога, река заметно успокоилась, и течение ее стало тише. Мы рассчитывали пройти мимо Великого Устюга ночью, но поднявшийся около 11 часов вечера туман заставил нас стать на якорь. Температура упала до +3°, и все обитатели парохода попрятались в каюты. Только Батюшка, надев шубу и теплую скуфейку, долго еще оставался

на палубе, держа в руках неразлучное Евангелие, и видимо наслаждался величественной тишиной и красотой природы.

В 6 часов утра 3 июня, когда рассеялся туман, мы тронулись в дальнейший путь и к 8 часам уже подходили к Великому Устюгу.

Устюг, подобно Тотьме раскинувшийся на левом гористом берегу Сухоны, очень красив. Его 28 церквей, выкрашенных в белую краску и украшенных бесчисленным количеством глав самой причудливой формы, производят издали впечатление чего-то сказочного. На вас здесь веет стариной. Вам так и кажется, что вы, подъехав к городу, на его берегу, у городских ворот, увидите стражников в кольчугах и железных колпаках, на улицах города у богатых теремов вам попадутся бояре да торговые люди в богатых русских костюмах, а из горенки высокого терема, из причудливого окошечка на вас глянет полузакрытое фатой личико черноокой красавицы. Но это только издали. Вблизи сохранили свой древний вид только церкви да монастыри.

Так как накануне отец Иоанн не служил обедни, что для него всегда составляет большое лишение, то решено было остановиться в Устюге, да и время было подходящее – 8 часов утра.

Мы подошли к полуразрушенной ледоходом бревенчатой набережной и причалили к пристани Северо-Двинского пароходства.

Никем не встреченные отец Иоанн с иеромонахом Георгием сели на первого попавшегося извозчика в очень неудобную линейку и отправились прямо в собор, где их, конечно, никто не ожидал. Не желая терять дорогого времени, я, захватив фотографический аппарат, отправился осматривать город.

Прежде всего я направился в самый большой местный книжный магазин в полной уверенности, что найду там целую серию всевозможных фотографий, открытых писем и альбомов с видами Устюга и его красивых окрестностей. Но увы!.. Кроме двух-трех полувыцветших и разукрашенных мухами фотографий, ничего не обрел. И это в городе, изобилующем

древностями и редкостями, насчитывающем у себя до 9 тысяч жителей!

Невольно вспомнился мне маленький Сердоболь в Финляндии, куда пришлось мне забрести года два тому назад, во время моих странствований по необъятной матушке России. В Сердоболе не более 3 тысяч населения и древностей почти никаких нет, но какое там обилие всевозможных альбомов с фототипическими видами Карелии! Сколько открытых писем и всевозможных изданий! Не доросли мы еще до этого!

А между тем Устюг Великий, занимая редкое географическое положение, постоянно видит у себя массу заезжих гостей, и не только русских, но и иностранцев. Река Сухона соединяет его каналом герцога Виртембергского с Волгой, обеими столицами и низовыми губерниями, а Вычегда – с Сибирью. Бойко торгует Устюг с Архангельском хлебом, салом, льном, мылом, юфтью, щетиной и рогожей; купцы его посещают ярмарки – Нижегородскую, Ирбитскую и Ростовскую, и сам город оживляется ярмаркой в день устюжского чудотворца святого Прокопия, 8 июля. С проведением же Сибирской железной дороги от Перми до Котласа устюжанам открылось широкое поле торговой деятельности.

В древности город назывался Глядень. На нынешнем «Черном прилуке» город основан в 1212 году и в экономической и политической жизни России занимал одно из первенствующих мест, отчего, подобно Новгороду и Ростову, зовется «Великим».

Город не раз выдерживал набеги татар и принимал участие в нашем движении на восток. Устюг – родина покорителя Амура Ерофея Хабарова и знаменитого просветителя зырян в XVI веке святого Стефана, пермского епископа.

Рядом с городским Успенским собором, в котором служил обедню отец Иоанн и куда трудно было проникнуть, так как устюжане, узнав о неожиданном приезде Батюшки, быстро переполнили храм, находится небольшой собор праведного Прокопия, в левом клиросе которого покоятся мощи этого святого.

Праведный Прокопий пришел в Новгород из немецкой земли в половине XIII века, принял православие и образ

юродивого Христа ради. Важнейшим событием в жизни праведного Прокопия было, по преданию, приближение к Устюгу в 1290 году 25 июня страшной каменной тучи, разразившейся в 20 верстах от Устюга в Котовальской волости.

При входе в собор у южных дверей лежит на пьедестале один из упавших из тучи камней, привезенный сюда в 1638 году. В самом соборе замечателен образ святого Прокопия, вышитый жемчугом. Рядом находится небольшая церковь с мощами праведного Иоанна.

Два устюжских монастыря – мужской Архангельский и женский Предтеченский на Соколиной горе – относятся к XIII столетию.

Много в Устюге интересного, но, конечно, мне пришлось ограничиться самым беглым обзором. Спасибо еще молодому местному священнику, который был настолько любезен, что, узнав, с какою целью я путешествую, неизвестно откуда достал мне описи некоторых устюжских церквей, и я кое-что мог записать тут же, в соборе святого Прокопия.

Сняв несколько фотографий и поблагодарив любезного священника за его внимание, я поспешил на наш пароход. Если бы я приехал на пристань часом позже, то рисковал бы и совсем не попасть на пароход, так как город уже знал о прибытии отца Иоанна и набережная была запружена народом.

Но вот прибыл и Батюшка.

Несмотря на распорядительность полиции, несколько человек из публики умудрились проникнуть на пароход. Батюшка всех выслушал, благословил, кое-кому дал денег, и когда на пароходе остались только «свои» – мы отчалили.

Опять та же картина, что и в Кронштадте, и в Петербурге, и во многих других городах: отец Иоанн с палубы кланяется и благословляет провожающих, а с берега тысячи рук машут платками, шапками и до нас доносятся благопожелания и приветствия.

Глава VI. На Малой Двине. – Котлас. – Северная Двина

Вскоре увидели мы устье реки Юга, отстоящее от города в 4 верстах. Здесь уже начинается так называемая Малая Двина. Берега стали заметно ниже, а река шире.

Малая Двина длиною всего в 66 верст и сливается с рекою Вычегдою в двух верстах от селения Котлас, где кончается Пермь-

Котласская железная дорога. С реки виден целый ряд железнодорожных амбаров, от которых спускаются вниз к реке желоба, по которым товары очень быстро перегружаются из вагонов на пароходы.

Две родные сестры – Вычегда и Сухона, первая с востока, вторая с запада – несут свои воды друг другу навстречу и, слившись в одно целое, круто поворачивают на север и под именем Северной Двины продолжают свой путь к Белому морю.

Но восточная и западная красавицы точно не ладят между собой и нет-нет и разойдутся в разные стороны, образуя отдельные рукава и протоки.

Низкие, из наносного песка острова, поросшие тощим ивняком, то и дело громоздятся среди необъятной шири вод северной кормилицы – Двины.

– Вот она, моя милая, родная Северная Двина – тихо шепчет отец Иоанн, с восторгом и благоговением всматриваясь в то место, где Вычегда, встретившись с Сухоной, или иначе с Малой Двиной, повернула налево и разлилась широкой могучей Северной Двиной.

Много раз в своей жизни пришлось отцу Иоанну проплыть по Северной Двине.

Еще юношей, никому не известным студентом Духовной академии, ездил он этим путем из Петербурга на родину. Теперь уже много лет подряд проезжает он здесь, окруженный славой, и всеобщей любовью, и уважением, щедрой рукой помогая нуждающимся. Падет ли скотина у крестьянина, сгорит ли изба,

или в храме нужен ремонт, а своих средств не хватает – вся надежда на Батюшку. Приедет Батюшка – поможет.

Правда, часто и злоупотребляют люди доверием отца Иоанна, и деньги, данные на удовлетворение серьезной нужды, не достигают своего назначения. Но ведь это явление обыкновенное во всякой благотворительности, и искоренить это зло невозможно.

Впрочем, и тут обаяние имени отца Иоанна делает свое дело. Всем известно, что Батюшка, помогая в нужде деньгами, не только не наводит справок о том лице, которое просит помощи, но часто дает деньги, не считая их, так просто, на счастье – сколько попадется в руку.

Только в глаза он взглянет тому, кто обращается к нему, своим чистым хорошим взглядом. Нужно поэтому быть уж слишком испорченным человеком, чтобы решиться обмануть Батюшку. И в этом сила отца Иоанна.

Простой народ подходит к нему со страхом Божиим, видя в нем вдохновенного священника и истинного пастыря-отца, к которому можно преклонить свою усталую, измученную трудовой жизнью, голову.

– Здравствуйте, православные, здравствуйте, дорогие детушки, здравствуй, матка, здравствуй, бабка!

Вот обычные фразы, с которыми обращается отец Иоанн к простому народу, когда наш пароход подходит к берегу. И нужно видеть своими глазами, сколько счастья, сколько тихой радости приносят эти немногие слова, сказанные отцом Иоанном, чтобы понять, что он для русского народа и как сильна вера в этом забитом народе. Скажите этому народу всего два слова: «За веру и отечество!» – и он сразу превратится в такого богатыря, что равного по силе ему не будет.

При входе в Северную Двину мы встретили очень красивый, переполненный возвращающимися из Соловков богомольцами, пароход. На пароходе узнали стоявшего на рубке отца Иоанна, и люди зашевелились, замахали шапками и платками. Это был первый привет Северной Двины, на который Батюшка радостно отвечал, стоя с обнаженной головой и высоко держа в воздухе свою соломенную шляпу.

После пустынной Сухоны, на которой только изредка попадаются селения, Северная Двина кажется очень оживленной. Длинной вереницей тянутся караван за караваном леса, сплавляемого в Архангельске. Русское лесное богатство плывет, главным образом, с реки Вычегды, а потому большинство рабочих на плотах зыряне. Обыкновенно впереди каравана плывет самый большой плот – «караванный». Здесь вы часто видите целое хозяйство: стоит изба приказчика, украшенная флагом, прибитым к высокому шесту, тут же рядом стоят сани, очевидно для обратного пути уже зимой, лежит домашняя утварь, около которой суетится баба. Немного поодаль видно несколько маленьких шалашиков – это уже для рабочих. На остальных плотах большею частью и совсем нет шалашей, и рабочие проводят день и ночь, во всякую погоду, под открытым небом.

Большие села с красивыми, часто очень древними церквами попадаются на каждом шагу. Население занято главным образом судоходным промыслом и рыболовством.

Почти вся команда нашего парохода – уроженцы придвинских сел. Женщины ничем не уступают в работе мужчинам; все лихо гребут и в лодках, и на плотах. Если же в лодке вы увидите несколько мужчин и женщин, то грести непременно будут женщины и разве только на руле будет сидеть мужчина.

– Почему это так? – поинтересовался я узнать и обратился с вопросом к нашему «командиру»:

– Отчего это гребут бабы, а мужчина сидит на руле?

– Ну, а как же иначе – удивился в свою очередь командир. – На то он хозяин, а их дело бабье: подчиняться. Вот оно что.

Настал вечер, а затем и ночь, о чем мы могли узнать только по часам, так как было светло, как днем. Впечатление такое, как будто на солнце нашли тучи и на землю легла легкая тень. Самая мелкая печать читается легко. Но пернатое царство уснуло. Не бороздят воду утки и гагары, и не мелькают в воздухе чайки.

Только на берегу да на отмелях песчаных вы видите часто длинные белые полосы, точно не стаявший снег лежит или

сотни белых шампиньонов покрыли своею массою берег – это спят стаи белых чаек. В природе настало какое-то торжественное затишье и чувствуется ночь.

До двух часов ночи ходил отец Иоанн по палубе, любуясь северной ночью, и только когда уже показалось солнце, ушел на покой в свою каюту.

Глава VII. Красота северной природы. – Река Пинега. – Село Сойла

На следующий день, 4 июня мы прошли мимо заштатного городка Сольвычегодского уезда – Красноборска, известного ярмаркой беличьего меха (30 ноября), и вскоре затем вступили уже в Архангельскую губернию.

В этот день Батюшка обедни не служил, так как мы очень торопились, боясь, что вследствие засухи река Пинега обмелеет и нам трудно будет добраться до Суры на пароходе.

В одном месте у села Ляблова нам пришлось остановиться, чтобы взять дров.

Берег здесь высокий и крутой. Крестьяне, узнавшие пароход отца Иоанна, стали спускаться к нам по покатой плоскости, – как говорится, «в собственном экипаже».

Сядут на четверинки и спускаются, как на салазках с ледяной горы.

Таким же способом спустились с горы и почтенный батюшка, местный священник, со своею матушкою. Подошли к пароходу и, не видя на палубе отца Иоанна, запели «Царю Небесный».

Отец Иоанн вышел на палубу и пригласил их войти на пароход. За своим священником хлынула на пароход и паства. Всех пустить было нельзя, потому что это замедлило бы укладку дров, вследствие чего командир парохода распорядился не пускать остальных. Ввиду этого многие пустились на хитрость: возьмут полена два-три и несут на пароход, а потом прямо к Батюшке под благословение... Много книжек и образков пришлось раздать здесь. Детишки получали и гостинцы.

Погрузив дрова, мы отправились в дальнейший путь и скоро прошли мимо скита Холмогорского женского монастыря. Несколько монахинь, бывших на берегу, заметили наш пароход и бросились к колокольне звонить. Но так как до колокольни было далеко, то, пока они бежали, наш пароход далеко уже ушёл, и мы звона не слышали.

Наконец, около 9 часов вечера вдали показалась деревня Усть-Пинега, подойдя к которой, мы круто повернули и вошли в реку Пинегу.

В Петербурге перед моей поездкой на Север я от многих слышал:

«И охота ехать вам туда; ведь ничего интересного из себя наш бедный, скучный север не представляет». И вот тут, на Пинеге, я убедился, что многие не имеют определенных и верных сведений о нашем Севере.

Мне пришлось проехать от Усть-Пинеги до Суры всего 300 верст, и этот путь показался какой-то волшебной панорамой.

Пинега поражает разнообразием своих берегов: местами вы видите копию берегов Валаамских островов – отвесные, спускающиеся в воду скалы, из расщелин которых подымаются вековые сосны; местами берега напоминают отроги Карпатов на реке Тетерев в Житомире; попадаются и характерные кавказские уголки с пропастями и обрывами, какие мне приходилось видеть в дебрях Дагестана.

В одном месте у Красногорского монастыря я увидел точную копию Киева, в таком виде, как вы видите его, когда подъезжаете с юга по Днепру.

На много верст тянется ряд отвесных, испещренных глубокими пещерами, меловых гор, покрытых сверху дремучим лесом.

Ночью, когда уже все спали, я был разбужен шумом на палубе. Оказалось, мы пристали к берегу, чтобы взять дрова. Выхожу на палубу и вижу, что, кроме команды, носившей дрова, не спит один только отец Иоанн. Стоит он у своей каюты, устремив взор к небу, и очевидно молится.

Чудный лесной аромат действует одуряюще.

Желая взглянуть поближе на лес, я вышел на берег и поднялся на гору. Предо мною открылась чудная панорама – беспредельное море леса. Весь горизонт покрыт густым нетронутым лесом. Хотелось любоваться без конца чудным пейзажем, но тут заявила свои права комариная сила... Миллиарды кровожадных насекомых устремились на меня и заставили бежать на пароход.

Местные крестьяне, которым приходится работать в лесу или у реки, носят так называемые «комарники». Это род башлыка, сделанный из толстого полотна, плотно облегающий всю голову и плечи; только лицо остается незакрытым, но для защиты лица края «комарника» обмазываются дегтем.

В 9 часов утра 4 июня мы подошли к небольшому селению Сойла и пристали к берегу, чтобы отслужить обедню. У отца Иоанна всегда с собою имеется запас просвир и церковного вина, а потому, как бы неожиданно ни явился он в любой приход, – помехи к совершению богослужения быть не может.

Село Сойла дворов в 40, не больше; раскинулось оно по левому берегу Пинеги. Благодаря своим большим избам, просторным дворам и двум церквам, каменной и деревянной, красиво расположенным над самой рекой, село это кажется издали большим селением.

В каменной церкви, вследствие ее ветхости, богослужения не совершаются, а потому встретивший нас старенький местный батюшка провел отца Иоанна в деревянную церковь. Эта церковь с шатровым куполом, сенями, прилегающими к корпусу храма с трех сторон, построенная из толстых могучих бревен, местами уже покосившихся, очень интересна как образец древнего русского зодчества.

В средине храма, прежде всего, поражает вас огромное, почти в рост человека, барельефное, вырезанное из дерева и раскрашенное изображение Святителя Николая Чудотворца, держащего в левой руке церковь, а в правой – меч. Краски потемнели, местами потрескались и обвалились, и строгое лицо святого Чудотворца, на темном фоне, глядит печально на вас своими большими глазами. Так же печально смотрят с иконостаса и почерневшие лики святых. Алтарь маленький и душный, так как окна никогда не открываются.

Отец Иоанн больше всего любит чистый воздух. Он и зимой спит при открытой форточке. Поэтому здесь пришлось выставить оконную раму, прежде чем приступить к богослужению.

Пока отец Иоанн читал канон, в церковь стали входить небольшими группами местные крестьяне. Все это степенные

мужички с окладистыми бородами, умными глазами и плотно сложенными фигурами. Бабы одеты в пестрые сарафаны и стеганые безрукавки; головы их очень красиво повязаны цветными платками. Узнав о приезде Батюшки, все принарядились, прежде чем явиться в церковь. Народ красивый и рослый. Местные крестьяне никогда не знали крепостного права, не ведали рабства, и это отразилось на их характере. Держат все себя с достоинством и независимо.

Выйдя из церкви, я прошел по единственной улице села. Избы здесь одного типа, двухэтажные. В одной половине второго этажа устроен сарай для саней и телег, которые ввозятся сюда по особенному «въезду», пристроенному снаружи избы. Половина нижнего этажа отведена обыкновенно для скота.

В нескольких саженях от избы обыкновенно стоит амбар для хлеба, причем, во избежание нашествия мышей, называемых здесь «гнусом», амбар строится на четырех столбах, имеющих форму грибов. По таким столбам «гнусу» очень трудно пробраться в хранилище хлеба.

Выбрав типичную избу, у которой стояла красавица молодуха в живописном костюме, я стал делать приготовления, чтобы снять фотографию. Видя, что полудикая красавица смотрит на меня не только с любопытством, но и со страхом, я поспешил объяснить ей значение моего аппарата.

– Стой спокойно, я вместе с избой сниму и тебя – сказал я.

Каково же было мое огорчение, когда в ответ на это красавица моментально повернулась и со словами: «Ой, я боюсь!», бросилась в избу и исчезла.

Нечего делать, пришлось снять только избу да подвернувшуюся собаку, очень похожую на волка. Таких собак здесь масса; они очень красивы и довольно прекрасные сторожа.

Проходя по улице вдоль целого ряда изб, из окон которых на меня смотрело несколько любопытных глаз, я встретил пожилую уже бабу, которая, протягивая мне узелок, сказала:

– Послушай, ты, не знаю, как тебя назвать, на вот тебе яйца!

– Да мне, милая, не нужно – возражаю я.

– Ничего, возьми, только уж ты эту твою штуку не наставляй на мою избу.

Нечего делать, пришлось, отказавшись от яиц, пообещать, что больше ничего снимать не буду, и ретироваться с аппаратом на пароход.

Отслужив обедню, за которой Батюшка сказал проповедь, горячо предостерегая местных крестьян от раскольников, совращающих православный люд, отец Иоанн зашел на четверть часа в новый, только что отстроенный дом священника, выпил здесь стакан чая и затем, сопровождаемый всем приходом, направился к пароходу, поддерживаемый по обыкновению под руки кем-нибудь из сопровождающих.

Каково должно быть терпение у этого человека!

Будучи всегда бодрым, сильным духом настолько, что способен сообщать эту силу очень многим слабым людям, он беспрекословно позволяет вести себя под руки по совершенно ровному месту, как расслабленного старика, только потому, что знает, что отказать кому-нибудь в таком усердии – это значило бы обидеть человека.

Я сам видел и слышал, как многие проводившие таким способом отца Иоанна до какого-нибудь пункта, потом с восторгом рассказывали своим знакомым:

«Все время держал дорогого Батюшку за ручку и усадил его и в плечико поцеловал».

Так и тут. Солнце печет. Казалось бы, распахнуть рясу да под легоньким ветерком и пройтись спокойно до парохода…

Но не тут-то было. Плотной массой десятки тел сжали отца Иоанна, и он, покачиваемый этой массой то влево, то вправо, идет неровной походкой по сыпучему песку.

Только когда пароход уже отчалил от берега, Батюшка, сняв рясу, зашагал по палубе своей нервной, энергичной походкой.

Глава VIII

Город Пинега. – Тревожные слухи об убыли воды

Около 12 часов дня мы прошли мимо красивого Красногорского монастыря, расположенного на правом, высоком берегу Пинеги.

Внизу, под горой, среди густого леса, виднеется скитская белая церковь.

Останавливаться, конечно, мы и не думаем, так как воды в Пинеге становится все меньше и меньше; то и дело появляются отмели, все чаще и чаще раздаются выкрики одного из команды на носу, измеряющего глубину воды.

– Пять, четыре, три с половиною... Четыре, пять, шесть – не маячит!

«Не маячит» – это значит мель кончена, можно ехать полным ходом.

Около двух часов дня мы подходили уже к городу Пинеге.

Перед самым городом река расходится на два рукава, а потому в этом месте очень мелка. У самого начала города показались трубы огромного лесопильного завода купцов Володиных. Говорят, у этих Володиных около десяти миллионов состояния, но они известны во всей Архангельской губернии своею скупостью.

– Вот и тут – говорит мне наш шкипер, – ну, что ему, этакому, можно сказать, миллионщику, стоит заложить один рукав Пинеги-реки плотиною! Вся бы вода пошла по одному руслу, ну, и глубже было бы. Ведь своим же пароходам открыл бы свободный путь. Так нет! Жадность эта проклятая одолела!..

В Пинеге пришлось мне видеть и самого «миллионщика». Пришел он на пароход в высоких сапогах бутылками, в серой пиджачной паре и картузе. И первое, что он сказал отцу Иоанну – это было сообщение, чтобы игуменья Сурского монастыря (которая хотела сделать ему какой-то заказ для обители), в случае данного ею заказа, помнила бы, что он, Володин, прежде всего любит аккуратные платежи.

Пинега – маленький уездный городок на правом берегу реки Пинеги – имеет около тысячи человек жителей обоего пола. Город относительно еще молодой, и потому в историческом отношении ничего интересного не представляет. Оживляется город только ярмарками Никольскою и Благовещенскою, на которые съезжаются купцы из Галича, Каргополя, Архангельска и Холмогор и выезжают из тундр с продуктами своих

промыслов: рыбой, жиром, шкурами, мехами и дичью – самоеды и жители Усть-Цильмы, Ижмы, Пустозерска и Мезени.

В Пинеге всего две церкви, да и те своим запущенным видом свидетельствуют о полном равнодушии и нерадении местных толстосумов. А между тем у одного Володина, обладателя огромных лесопильных заводов и целой флотилии пароходов, по общему мнению, около десяти миллионов капитала.

У города Пинеги мы простояли всего полчаса. Необходимо было взять с собой на буксир монастырскую баржу с кое-каким грузом.

В это время на пароход к нам прошло несколько человек, по преимуществу из местной интеллигенции: местный исправник с женой и дочерью, духовенство и купцы.

Печальные вести нам тут сообщили относительно состояния воды в Пинеге.

– Вода падает; дождей нет; вряд ли доберетесь до Суры – говорили нам пинежане.

Много было желающих ехать вместе с нами в Суру, но ввиду того, что каждый лишний пуд тяжести на пароходе затруднял наше путешествие, пришлось всем отказать.

С нами поехали из Пинеги всего два человека: местный диакон да приехавший сюда встретить отца Иоанна лесопромышленник С.К. Кыркалов.

Севериан Кузьмич Кыркалов сам себя называет «мужичком». Это в высшей степени интересная личность. Ходит он просто, как большинство зажиточных крестьян, занимающихся торговлей; держится в высшей степени скромно. Будучи глубоко верующим человеком и видя в отце Иоанне великого молитвенника и образцового пастыря, Севериан Кузьмич настолько чтит Батюшку, что никогда не позволит себе в его присутствии надеть шляпу.

Так у меня и осталась в памяти непокрытая голова Кыркалова. Видел я ее и в Пинеге, и среди сыпучих песков Суры, и потом уже на обратном пути, на пыльных улицах Архангельска.

Это не нравилось Батюшке, и он не раз просил С.К. покрыть голову. Тогда Кыркалов прибегал к хитрости.

– Забыл дома шляпу – говорил он.

В Архангельске у Кыркалова огромнейшие лесопильный и кирпичный заводы; еще один завод строится где-то в Сибири. В ста же верстах от Суры, вниз по течению, в местности, называемой Шотовой горой, находится его резиденция, так сказать, операционная база его. Здесь его родное село, его дом и хозяйство.

С.К. Кыркалов много жертвует на церковь. В Архангельске он выстроил на свой счет подворье Сурского монастыря, в своем родном селе строит каменную церковь и состоит постоянным жертвователем Иоанновского монастыря в Суре. Теперь встретил нас С.К. Кыркалов в Пинеге с тем, чтобы уже не расставаться до самого Архангельска. На пароходе он занял самое скромное местечко, где-то рядом с кухней на сложенных дровах. Трудно было бы предположить в этом человеке дельца, имеющего ежегодный оборот в несколько сотен тысяч рублей.

Около трех часов пополудни мы уже оставили Пинегу и плыли дальше вверх по течению, плыли уже гораздо тише, так как вели на буксире баржу. Встречавшиеся переборы мы проходили благополучно и не теряли надежды доехать до Суры на пароходе.

Больше всего волновались три состоящие при пароходе монахини.

– Помилуйте – плакались они, – для нас ведь какой праздник – приезд дорогого Батюшки. Целый год ведь ждем его, его приездом и живем потом весь год. А ведь если пароход до Суры не дойдет, придется нам остаться на нем и в Суре Батюшку не видать!

Не терял надежды добраться до Суры и «командир» наш.

– Ежели в верховье дожди пройдут, сейчас же вода поднимется, она, Пинега, у нас ведь шальная – говорил он.

Но на дождь надежда была плохая; давно его не было. На прозрачном небе жарило вовсю горячее солнце. На высоких обрывистых берегах в величественном безмолвии задремал могучий лес.

В одном месте увидели мы проходивший по поляне крестный ход. Крестьяне просили Всевышнего о дожде.

– Не дай Бог, если придется нам ехать на лошадях – говорит мне одна из спутниц отца Иоанна, баронесса Таубе, – Здесь что ни верста, то гора, да такая, что страшно и взглянуть вниз. Намучаешься.

Баронесса Т. много лет уже ездит с отцом Иоанном. Я не могу вспомнить без чувства симпатии этого человека. Будучи женщиной из аристократического круга, женою человека и ныне занимающего видный пост в одном министерстве, баронесса оставила свет, надела на себя черный платочек и вот теперь занимает маленькую келью в Доме трудолюбия в Кронштадте, исполняя обязанности библиотекарши и заведуя продажею духовных книг.

Шестнадцать лет, по ее словам, страдала она изнурительной женской болезнью. Все заграничные курорты изъездила в чаянии поправить здоровье, но, увы... все было напрасно. Наконец, решила она обратиться к только что входившему еще в славу отцу Иоанну.

– Батюшка помолился – и болезнь как рукой сняло! – рассказывала она мне. – Тогда я почувствовала, что не могу больше оставаться в окружающей меня обстановке. Я поехала к Батюшке и спросила его совета: что мне делать? И он сказал мне: помогай бедным и благодари Бога. С тех пор я оставила свет и вот счастлива тем, что могу каждый почти день слушать обедню и приобщаться у Батюшки.

В дороге баронесса всегда занимает самое скромное место, не лезет, подобно другим, на глаза отцу Иоанну, сидит себе где-нибудь в отдаленном уголке и старается быть незамеченной.

В каютке у баронессы всегда огромный запас всевозможных крестиков, иконок, брошюр духовного содержания и тому подобных полезных вещей для народа. Все это она закупает по своему почину и на свой счет и при каждом удобном случае раздает. Есть у баронессы и сласти в большом количестве – целые ящики пряников и конфет.

– Это у меня все для ребят – говорит она, – ужасно люблю наделять ребятишек гостинцами. Ведь другой мальчонка и от

рождения пряника не видел.

Зато сама баронесса строгая постница: не только рыбы, но даже и масла в пищу не употребляет. Питается исключительно почти огурцами, картошкой да маслинами.

Глава IX

Неожиданная неприятность. – Веркольский монастырь. – Опустошенные леса. –

Встреча с самоедами

За Пинегой берега реки стали положительно очаровательны. Что ни поворот, то новая панорама, и я просто не знал, что делать; между тем, нужно было сидеть в каюте и работать: проявить фотографии и окончить кое-какие начатые уже рисунки, и в то же время не хотелось пропустить что-нибудь интересное, что было видно с палубы парохода.

Впрочем, в этом отношении меня часто выручал сам отец Иоанн. Встретится какой-нибудь особенно красивый вид, а меня на палубе нет, Батюшка и шлет кого-нибудь за мной в каюту. Иной раз, оторвавшись от работы, взглянешь в маленькое окошечко своей каюты и глазам своим не веришь. Перед окном огромная, почти отвесная стена спускается в воду; верхней части ее и не видно. А ведь только что был низкий берег и на горизонте синела лесная даль.

В Пинеге оба берега одного характера и одинаково разнообразны; нет того, что обыкновенно бывает в реках, текущих с севера на юг или с юга на север, где обыкновенно один берег возвышенный, а другой низменный.

Ночь на 6 июня мы почти совсем не спали, так трудно было расстаться с очаровательной природою.

Я не знал, чему отдать предпочтение: тому ли, что я видел над водою, или тому, что отражалось в гладкой, как зеркало, воде. Хотелось броситься в эту манящую к себе воду и захлебнуться чарующей прелестью северной ночи.

Ночью, когда мы брали у какого-то селения дрова, нас оставил С.К. Кыркалов. Он сел в кибитку и помчался к себе к Шотовой горе, чтобы предупредить домашних о том, что отец Иоанн заедет к ним и отслужит молебен.

На следующий день около 11 часов утра, когда мы остановились всего в нескольких верстах от Шотовой горы, чтобы взять дрова, вдали вдруг показался С.К. Кыркалов на паре лошадей, в легкой плетеной кибитке. Грустные вести привез нам Севериан Кузьмич.

– На пароходе идти дальше нельзя – объявил он, – воды меньше трех четвертей; володинские пароходы не дошли до Шотовой горы и возвратились обратно.

На пароходе у нас поднялась суета, так как никто такого сюрприза и так скоро не ожидал. Это неприятное известие застало всех врасплох.

В самом неприятном положении очутился я, так как все мое вещи были разложены в каюте, как в квартире. Ехать дальше, не взяв с собой всех своих художественных и фотографических принадлежностей, это значило бы прекратить свою работу, и тогда моя поездка свелась бы к нулю. К довершению всего я только что разложил у себя в каюте мокрые фотографические отпечатки, которые нужно было выслать в Петербург.

Нечего было делать, пришлось наскоро сложить самые необходимые вещи в небольшую корзинку и попросить остающихся на пароходе монахинь сберечь фотографические снимки, когда они высохнут.

Пока я укладывал свои вещи, отец Иоанн уже уехал с Кыркаловым в его кибитке. За мной и иеромонахом Георгием вскоре приехала другая кибитка, на которую мы и уселись вдвоем, захватив с собой и свои вещи.

Ехать нам пришлось по наклонному берегу под высоким обрывом. Впрочем, очень скоро мы попали на настоящую дорогу и въехали в село, расположенное под Шотовой горой. Проехав дворов двадцать, мы остановились у огромной двухэтажной избы, сложенной из массивных бревен. Это и был дом С.К. Кыркалова.

Вместо двора перед домом Кыркалова нечто вроде маленькой площади, на которую выходят своими фасадами школа и другие избы. Тут же рядом с домом приютился колодезь под навесом с огромным деревянным колесом.

Подъехав к крыльцу с двумя входами, мы поднялись во второй этаж по лестнице, покрытой красным сукном, и вошли в просторные, обставленные по-городски комнаты.

За обеденным столом уже сидело довольно большое общество, и мы с отцом Георгием поспели прямо к горячей ухе. Уха из свежей семги, пироги со свежей семгой, семга свежепросольная, семга отварная… С этого дня всюду, где бы нам ни приходилось останавливаться, в основании стола была семга.

В царство семги попали. Остальные блюда были только дополнением. В Петербурге свежей семги не бывает: трудно довезти, поэтому нам с отцом Георгием пришлось впервые попробовать ее в таком виде. Не скажу, впрочем, чтобы свежая семга представляла из себя нечто пикантное. Тот вид, в каком она продается у нас в Петербурге, все-таки самый лучший.

Отобедав и напоив, по обыкновению, из своих рук детишек чаем, отец Иоанн поехал с С.К. Кыркаловым осматривать место, на котором последний решил построить на свой счет каменный храм. К этому времени подъехали к нам местный становой пристав и несколько парных и троечных тарантасов, на которых весь наш караван должен был тронуться в дальнейший путь.

В этот день мы должны были сделать переход в 50 верст до Веркольского мужского монастыря, где предлагался ночлег. Так как в нашем пути предстояли паромы, которые очень задерживали, то многие наши спутники отправились заранее. Мы же с отцом Георгием двинулись в путь на приготовленной для нас тройке следом за Батюшкой, который ровно в три часа пополудни выехал тоже на тройке в удобном экипаже, любезно присланном ему навстречу игуменом Веркольского монастыря.

С.К. Кыркалов принял на себя обязанности кучера, и потому всю дорогу не сходил с козел экипажа отца Иоанна. Почти весь пятидесятиверстный путь от усадьбы С.К. Кыркалова до Веркольского монастыря нам пришлось ехать лесом по тяжелой песчаной дороге. Последняя то приближается к реке Пинеге, то удаляется в глубь леса, обходя какой-нибудь овраг или слишком крутую гору. Изредка на нашем пути попадается село. Мы

проезжаем по его улице, сопровождаемые веселым лаем собак и низкими, медленными поклонами степенных крестьян.

При взгляде на эти деревни и села нельзя не восторгаться мощью и широтою размаха. Эта мощь выразилась в постройке просторных двухэтажных изб, сохранивших в своих формах остаток того прекрасного русского зодчества, которое создало Строгановские палаты и Коломенский дворец. Особую красоту избам придают широкие крутые и высокие крыльца с точеными столбиками и перильцами, крытые высокими остроугольными, полубочечными и бочечными крышами, резаными в чешую, и яркая оригинальная раскраска по подзорам, конькам, наличникам. Памятниками древнего зодчества с типичным местным оттенком служат и деревенские сельские церкви.

В их островерхих, крытых шатром чешуйчатых крышах и обнесенных галерейками с узорной резьбой корпусах чувствуется мотив хвойных и еловых лесов. Церкви обыкновенно посвящены, по новгородскому обычаю, Спасу Преображения Господня и вообще праздникам Господним, а не Богородичным, как водилось в Москве.

Проехав верст шесть от дома Кыркалова, нам пришлось остановиться в одном таком селении, так как отец Иоанн обещал навестить тут одну трудно больную бедную женщину. Когда мы остановились, нас окружила толпа крестьян. Со всех сторон посыпались к отцу Иоанну всевозможные просьбы.

Не знаю, чем это объяснить. Народ ли здесь беднее, или, вследствие своей отдаленности от центра, кроме отца Иоанна во время его проезда, обратиться не к кому, но только нигде во время нашего долгого путешествия так много не просили о материальной помощи, как здесь.

В Новгородской, например, губернии мы не знали, как отказаться от всевозможных подношений от крестьян. Одна баба полотенце своей работы принять умоляет, другая – десяточек яиц, третья – хлебец и чашку земляники. От предлагаемых денег отказываются.

– Это ему, красному солнышку; попросите, чтоб не обидел отказом меня, старуху. От своих ведь трудов! – умоляет она.

Здесь, на его родине, совсем другое. Прежде всего просят денег. Так как всем гуртом просить неудобно, то крестьяне очень остроумно занимают позиции в разных пунктах дороги, рассыпавшись на расстоянии нескольких верст в некотором расстоянии друг от друга.

То и дело, заслышав наш колокольчик, из чащи леса выходят на дорогу мужик или баба и, пристав к экипажу отца Иоанна, отходят только тогда, когда получат просимое.

Когда мы плыли по реке, мы видели могучий стройный лес и любовались его свежестью. Точно здоровый богатырь стоял перед нами в зеленой кольчуге.

Теперь, когда нам пришлось проникнуть в самую глубь этого леса и увидеть его перед своими глазами на близком расстоянии, мы с грустью узнали, что этот богатырь сильно болен. Огромные пространства опустошены пожарами. Вместо зеленого бора стоят печально обуглившиеся черные пни да валяются в беспорядке, протянув точно руки свои почерневшие ветки, вековые сосны. Это были своего рода гигантские спруты, которые застыли в предсмертных муках.

Кончается место пожарища, и начинается уцелевший от огня лес. Но и здесь картина не веселее. Гиганты лежат на каждом шагу, иногда еще с совершенно свежими ветками, с не успевшей пожелтеть зеленью. Корни вырвались из земли, захватив с собой часть почвы, и стоят теперь как щиты у своих великанов. Много дерев успело уже покрыться мхом и превратиться в труху. Все это бурелом, никем не убираемый, несмотря на то, что судоходная река протекает иногда всего в нескольких саженях.

Не могли мы не обратить внимания и на часто попадающиеся огромные деревья, стоящие пока еще в вертикальном положении, но у корня своего наполовину уже надрубленные и потому обреченные на гибель.

– Кто это портит так деревья? – поинтересовались мы узнать у нашего ямщика.

– А это крестьяне – отвечает он нам. – Начнет рубить себе бревно, до половины дорубит, а там видит, что сердцевина

неподходящая, не нравится, ну, и бросит – другое пойдет выбирать.

На меня с моим милейшим спутником отцом Георгием подобное отношение к нашим лесным богатствам произвело удручающее впечатление; поэтому, когда на другой день за обедом у игумена Веркольского монастыря мне пришлось встретиться и познакомиться с местными лесничими, первое, о чем я заговорил, это о лесе.

Пришлось выслушать самые противоречивые объяснения печального состояния лесного хозяйства. Одни говорили, что лес поджигают сами крестьяне, так как им горелый материал казна продает дешевле. Другие утверждали, что это абсурд, так как во время пожара крестьян сгоняют тушить огонь, и потому они должны отрываться от работы, что для них невыгодно. На сваленные бурей прекрасные бревна почему-то покупателей не находится, да и казна их эксплуатацией не интересуется. В конце концов один лесничий, прослуживший здесь уже около 8 лет, откровенно мне сознался, что и на него все эти надрубленные и брошенные деревья и вообще состояние всего лесного хозяйства в первое время производило тяжелое впечатление и удивляло, но теперь ничего, ко всему привык и убедился, что иначе и быть не может.

– Да и вы, если пожили бы здесь несколько лет, тоже привыкли, слишком уж много здесь леса – заключил он свою речь.

Может быть, оно и так. Предоставляю судить об этом специалистам по лесному хозяйству...

В Веркольский монастырь мы приехали около 10 часов вечера, отстав от Батюшки и приехав на полчаса позже его, так как пришлось ждать возвращения парома, на котором перед нами переехал через Пинегу отец Иоанн.

На этом пароме чуть-чуть не произошла катастрофа. Когда отец Иоанн со своим экипажем был ввезен на паром, за ним бросилась толпа, состоящая большею частью из баб и ребятишек, и паром, и без того сидящий почти в уровень с водой, стал погружаться.

Многие попрыгали в воду и возвратились на берег вброд, других же пришлось пересадить на лодку и в ней доставить обратно.

Когда мы приехали в монастырь, Батюшка уже ходил по комнатам обширной квартиры игумена.

Веркольский первоклассный монастырь еще издали обращает на себя внимание своею солидностью и благоустройством. Точно маленький город стоит он на высоком берегу Пинеги, обнесенный красивой белой каменной стеной с полукруглыми решетчатыми окнами, выходящими из галереи, идущей вдоль всей стены.

Обе церкви, колокольня и все монастырские постройки окрашены в белый цвет и очень красиво выделяются на темно-зеленом фоне густого бора. Так как утром предстояло служить утреню и обедню у раки праведного Артемия, в честь которого основана в начале XVII столетия обитель, то мы с отцом Георгием, простившись с Батюшкой и засвидетельствовав свое почтение в высшей степени симпатичному и любезному старцу игумену, отправились в монастырскую гостиницу и вскоре заснули под аккомпанемент колотушки монастырского сторожа.

На следующий день, 7 июня в 8 часов утра Батюшка уже служил соборно с местным духовенством и отцом Георгием у раки праведного Артемия.

После обедни в квартире игумена собралась большая толпа просителей, которых отец Иоанн немедленно и удовлетворил. Позавтракав наскоро, мы собрались и тронулись в дальнейший путь.

До Суры нам оставалось еще 50 верст, которые мы и сделали без пересадки и не меняя лошадей в четыре часа. С нами в Суру поехал и игумен Иоанникий.

От отца Иоанна нам опять пришлось немного отстать, так как между Веркольским монастырем и Сурою раза три пришлось переезжать через реки на паромах.

Опять почти все время пришлось ехать нам тайболой[6], изредка проезжая по средней улице встречающегося селения. В лесу все та же печальная картина опустошения. Точно монахи в черных клобуках, стоят на ярком светло-зеленом фоне высокие

обгорелые пни погибших деревьев. Тут же лежат уже покрытые мягким пушистым оленьим мохом свалившиеся великаны.

В одном месте мы обратили внимание на огромный восьмиконечный деревянный крест, задрапированный уже полуизорванной ветром пеленой.

– Это дурное место здесь было, – объяснил нам наш ямщик, – часто беды с людьми случались: то зверь заест скотину, то леший заведет в трясину и человек с дороги собьется, а вот как поставили крест, так теперь ничего, нет больше этого.

Встретили мы в лесу и самоедов[7]. Целое косоглазое семейство проехало мимо нас в кибитке.

– Теперь их здесь мало, – пояснял нам тот же ямщик, – а вот зимой их наедет по замерзшей Пинеге на оленях сила. На ярмарку в Пинегу да Архангельск проездом едут.

Глава X

Пребывание в Суре

Около 4 часов пополудни на противоположном от нас берегу Пинеги мы увидели, наконец, родину отца Иоанна – село Суру.

Совсем небольшое село, но издали вам кажется, что видите небольшой уездный город.

Рядом со старой деревянной церковью во имя Святителя Николая Чудотворца величественно глядит на окрестности большой новый каменный храм во имя того же святого, окруженный красивой каменной оградою с железной решеткой.

Тут же по соседству стоят два больших каменных дома; в одном помещается школа, в другом – монастырская лавка. Немного дальше из-за храма виднеется красивой архитектуры часовня, построенная над могилою родителя отца Иоанна, дом священника и ряд больших просторных изб.

Все это создание отца Иоанна.

– Голое место здесь было – пояснил нам ямщик, – кроме старой церквушки, на голом песке ничего не было. А теперь вон и старой церкви не узнать, так ее подновил отец Иван, а уж новую выстроил – так это всем на удивление.

И действительно, когда я потом осматривал храм, выстроенный отцом Иоанном, я был поражен его благолепием.

Сначала все эти постройки мы приняли за монастырь, но оказалось, что монастыря еще не видно. Монастырь находится на другой стороне села и со стороны Пинеги закрыт крестьянскими постройками. Спустившись по очень крутой горе к реке, мы увидели на противоположном берегу Пинеги разукрашенную флагами и зеленью пристань.

Здесь, за час до нашего приезда, вся Сура с сестрами и игуменьей Иоанновского монастыря встречала своего замечательного односельчанина. Говорят, это была замечательно трогательная и величественная картина, видеть которую нам с отцом Георгием не пришлось, о чем мы потом очень сожалели.

Перебравшись на противоположный берег на пароме, мы медленно поплелись по сыпучему песку на наших усталых лошаденках. Солнце печет немилосердно. Колеса нашего тарантаса глубоко врезываются в песок, и лошади нет-нет и остановятся перевести дух.

Наконец взобрались мы на гору и, проехав мимо двух церквей и школы, попали почти на прямую улицу, с двух сторон окаймленную рядами больших просторных изб.

Возле изб положены доски для пешеходов, так как ходить по песку, в котором вязнет глубоко нога, очень трудно. Улица была совершенно пуста, так как все селение было в монастыре, где находился отец Иоанн.

Наконец показалась и крыша монастырской церкви с куполом из оцинкованного железа, и мы, проехав дворов двадцать, повернули направо и въехали в обширный монастырский двор, окруженный временным деревянным забором.

Въехав в монастырский двор, мы круто повернули налево и остановились у крыльца главного корпуса, соединенного с монастырской деревянной церковью.

Все население Суры было здесь.

Следуя за показывавшей нам дорогу монахиней, мы с отцом Георгием прошли мимо входа в церковь, по крутой

деревянной лестнице поднялись во второй этаж и пошли в квартиру игуменьи монастыря.

За большим столом в просторной светлой комнате сидело человек пятнадцать самой разнообразной публики. Были тут монахини, духовенство, акцизный и лесной чиновники с женами и детьми и несколько человек крестьян. Большинство пило чай.

Отец Иоанн в белом как снег подряснике ходил по комнатам, по очереди разговаривая то с тем, то с другим. Увидев нас с отцом Георгием, он с обычной приветливостью и предупредительностью обратился к нам: «А вот и мои дорогие спутнички, ну пожалуйте, подкрепитесь с дороги!»

Так как мы уже покушали, то отец Георгий сел на диван рядом с рослым мужчиной с окладистой светло-русой бородой, с загорелым лицом и мозолистыми руками, очевидно, хлебопашцем, а я поместился между отцом Георгием и симпатичной добродушной старушкой, одетой так, как одеваются здесь все крестьянки.

– Вот это моя родная сестра, а это мой племянник – сказал мне отец Иоанн, указывая на мою соседку и на соседа отца Георгия.

Сосед отца Георгия оказался родным сыном моей соседки. В отдаленном углу комнаты сидело еще два племянника отца Иоанна – младшие дети его сестры, тоже одетые по-крестьянски и держащие себя в высшей степени скромно.

Два старших племянника женаты и занимаются со своими семьями хлебопашеством.

Тут вот и сказалось наглядно бескорыстие отца Иоанна. Другой на его месте всех бы родственников своих озолотил, дав им возможность жить легко и богато. Но для отца Иоанна все люди одинаково близки, и он не отдает преимущества своим родственникам, которым он помогает, но не больше, чем и всем другим. И родня его не ропщет, потому что с давних пор привыкла смотреть на него как на человека особенного, не от мира сего.

Здесь я узнал, что еще в детстве сын псаломщика Ильи Сергиева, маленький задумчивый Иванушка пользовался среди своих односельчан особенным уважением. Пропадет ли лошадь

у мужика – идут просить Иванушку помолиться, случится ли горе какое, или заболеет кто-нибудь – опять идут к Иванушке.

Но вот дивный мальчик вырос, и слава его, как солнце, засияла над православною Русью.

А в дикой суровой пустыне, среди дремучих лесов у сыпучих песков, где некогда, кроме десятка изб да полуразрушенной деревянной бедной церкви, ничего не было, забелели стены величественного каменного храма, засияли золотые кресты над растущею не по дням, а по часам молодою обителью.

Вся грамотная Россия знала до сих пор на севере родину великого русского ученого Ломоносова. Теперь вся православная Россия будет знать и Суру – родину досточтимого своего пастыря. Всего четыре года тому назад отец Иоанн положил начало Сурской обители.

И вот теперь в Суре уже 120 сестер, большая часть которых приехала сюда, в суровую дикую местность, из самых далеких концов России. Только самый незначительный процент монахинь составляют уроженки Архангельской губернии. Не на легкую жизнь и не в благоустроенный уже монастырь собрались сюда молодые монахини. На сыпучем песке трудно создать в короткий срок хорошее хозяйство. Здесь нет еще ни сада, ни огородов, ни обработанных полей. Все придется создавать тяжелым трудом при самых трудных условиях, так как северное лето коротко.

Пройдет три месяца, в которые солнце почти не сходит с горизонта, и настанет холодная ненастная осень. В начале октября здесь уже все почти покрыто снегом.

Солнце сначала показывается всего на несколько часов, а затем и совсем почти исчезает.

Настает долгая, суровая зима. Почта приходит сюда всего раз в неделю. Сообщение с далекой Россией только на лошадях да оленях. Почти девять месяцев вся природа погружена в непробудный сон. Воцаряется глубокая тишина, нарушаемая только звоном колокола, призывающего сестер в монастырскую церковь, да воем ветра и стоном вьюги, сливающимся с голодным завыванием диких зверей.

В эту-то обитель и собрались молодые девушки, сознательно готовые в то же время на всякое самоотвержение.

Много я видел мужских и женских монастырей на Руси, но такого еще никогда не видел. Не монастырь, а институт какой-то. Что ни монахиня, то семнадцати-восемнадцатилетний ребенок. Самой старшей из них, исключая, конечно, игуменью, – около тридцати лет.

И что же? По словам священника и матери-игуменьи, все сестры замечательно ревниво исполняют свои обязанности. Каждая безропотно несет свое послушание, как бы тяжело оно ни было. Так силен дух, сообщаемый им в горячих проповедях их духовным отцом и покровителем отцом Иоанном.

Среди послушниц Сурского монастыря очень много кронштадтских, петергофских уроженок, решившихся ехать сюда исключительно из чувства глубокого почитания к отцу Иоанну. Можно поэтому представить себе, какой праздник для сестер монастыря представляет приезд отца Иоанна в Суру! Во время пребывания отца Иоанна в Суре многие сестры были избавлены от более тяжелого послушания.

Так, на монастырские лесопильный и кирпичный заводы, где обыкновенно работают сестры, были наняты поденные рабочие, чтобы дать возможность монахиням видеть Батюшку, исповедоваться и причаститься у него.

В день нашего приезда отец Иоанн отслужил здесь вечерню. Наутро для всего монастыря предстояло большое событие: общая исповедь и причастие у отца Иоанна. Отслужив вечерню, отец Иоанн остался ночевать в корпусе, прилегающем к монастырской церкви.

В том же корпусе, только этажом ниже, поместились и его спутники: отец Георгий, игумен Веркольского монастыря отец Иоанникий со своим келарем, пинежский диакон.

Для меня было сделано исключение в виду того, что мне нужно было работать и соседи могли бы мешать. Поэтому мне предложили отдельную комнату в новом только что отстроенном домике монастырского священника, куда я и отправился после вечерни вместе с его хозяином отцом Георгием Маккавеевым.

Мы прошли через палисадник к небольшой калитке, сделанной в деревянном временном заборе, окружающем обширный монастырский двор, и вышли на песчаную площадь.

На противоположном конце площади я увидел красивый двухэтажный с балконами дом отца Георгия. От самого дома до монастырской калитки проложены мостки, точно так же, как и по всему селу, вдоль его изб. Не будь здесь мостков, хождение по сыпучему песку, в котором тонет нога, было бы крайне тяжело. Войдя в дом отца Георгия, я был поражен его благоустройством.

Прекрасная мебель, огромные зеркала, красивые, со вкусом подобранные обои сделали бы честь любому помещичьему дому. Когда я спросил, не найдется ли где-нибудь чуланчика, в котором я мог бы проявить пластинки, отец Георгий провел меня в специально устроенную для фотографии темную комнату с водопроводом и всеми нужными для проявления удобствами.

Священник Маккавеев, как говорится, на все руки мастер, а потому немало пользы принес уже при созидании новой обители. По его инициативе и под его непосредственным наблюдением в Суре построены кирпичный и лесопильный заводы; по его же мысли построен скит в 18 верстах от Суры в роще, пожалованной монастырю Государем Императором.

Отец Георгий сам чертит планы построек, сам наблюдает за ходом работ. Для себя дом выстроил отец Георгий тоже по своему же плану. Мне отвели очень удобную комнату с балконом во втором этаже. Весь монастырский двор со всеми постройками виден отсюда как на ладони.

Между монастырским забором и домом отца Георгия уже проложен каменный фундамент для стены, которая в будущем году будет окружать со всех сторон молодую обитель.

На следующий день утром отец Иоанн торжественно, при переполненном храме, служил обедню, во время которой, обратившись к юным монахиням, сказал глубоко прочувствованную проповедь относительно того, как должны жить инокини, посвятившие себя Богу.

Хорошо зная человеческую душу, Батюшка в своей проповеди коснулся тех вопросов, которые представляют собою

самые больные места в жизни монахинь. К концу проповеди в храме начали раздаваться сдерживаемые всхлипывания, потом перешедшие в сплошное громкое рыданье. Когда же, окончив проповедь, отец Иоанн произнес: «Покайтесь!» – в храме все слилось в один общий гул. Чинно, с благоговением, стали подходить одна за другой монахини к Причастию. Отец Иоанн причастил сам всех бывших в храме.

Когда окончилась служба и народ стал выходить из церкви, я вдруг услышал какой-то шум, в котором нетрудно было различить голос отца Иоанна.

За все мое путешествие я ни разу не видел, чтобы отец Иоанн раздражился на кого-нибудь или возвысил бы свой голос, и потому, крайне удивленный, поспешил вместе с другими в церковь.

Когда я вошел, Батюшки уже не было – он вышел через алтарь.

– Что случилось? – спрашивали все.

– Да тут сумасшедший один – объяснила нам монахиня, – всюду преследует Батюшку и уверяет всех, что отец Иоанн не кто другой, как сам Христос, явившийся на землю. Для Батюшки это сущее горе.

Сумасшедшего вывели из церкви, но это, конечно, делу не поможет. Пойдет он в другое место и будет твердить свою нелепость в народе. Подобные лица – тяжелый крест для отца Иоанна; своими дикими выходками они приносят истинное горе Батюшке.

Пообедав у игуменьи монастыря, отец Иоанн поехал вместе с нею в скит, недавно выстроенный в вековом корабельном лесу.

Желая ознакомиться с Сурою, я, захватив с собою фотографический аппарат и альбом, отправился прежде всего в домик отца Иоанна.

Дом или, вернее, изба, в которой родился отец Иоанн, стоял раньше совсем в другом конце села и теперь перенесен сюда рядом с монастырем почитателями отца Иоанна и покрыт, наподобие домика Петра Великого в Петербурге, чехлом.

Изба, как и все здешние избы, сложена из толстых бревен. Свет проходит в две уцелевшие комнаты через маленькие окна с зелеными мутными стеклами.

Первая, более обширная комната почти сплошь завешана образами и картинками духовного содержания. Тут же висит и портрет отца Иоанна. В углу перед образами стоит простой стол, покрытый скатертью, на котором поставлена чаша с водой и со свечами, приготовленными для молебна.

Во второй комнате из вещей, современных отцу Иоанну, бывших у его родителей, уцелел один только каменный жернов в деревянном ящике. Вот и вся незатейливая обстановка избы отца Иоанна.

Сделав на лошадях путь в Рощу и обратно, 36 верст, отец Иоанн возвратился замечательно бодрый и радостный. Батюшка очень был доволен состоянием недавно только отстроенного и отделанного скитского храма во имя Святой Троицы.

Все только поражались энергией этого замечательного человека. Встать раньше всех, отслужить утреню и обедню и, не отдыхая, по тяжелой дороге проехать 36 верст в страшный зной и не устать, при 74 годах отроду, как хотите, а дело не совсем обыкновенное.

За все наше путешествие нам не раз приходилось встречать ровесников отца Иоанна, его однокашников по семинарии. Но какие это все дряхлые старики сравнительно с ним: он кажется молодым человеком, если видеть его товарища по школе.

Возвратившись из Рощи и напившись чаю, Батюшка сейчас же отправился осматривать вновь отстроенный дом священника отца Георгия.

Из окна кабинета хозяина дома, помещающегося во втором этаже, отец Иоанн мог видеть как на ладони всю свою Суру, на первом плане которой раскинулся широкий монастырский двор со всеми своими постройками, частью уже совершенно готовыми, а частью еще не оконченными и закрытыми лесами.

Влево от монастыря стоял погост со своею старинною деревянною церковью, окаймленною с трех сторон жиденьким сосняком. За сосняком протекает небольшая речка Сура,

впадающая в Пинегу. На берегу Суры находятся монастырские заводы – лесопильный и кирпичный.

В правую сторону от монастыря видно все село Сура, в конце которого белеют каменные дома – школа и лавка и красивый каменный храм во имя святителя Николая Чудотворца.

Батюшка долго не мог оторваться от дорогого его сердцу вида Суры, так преобразовавшейся благодаря его трудам, и наконец, повернувшись к священнику отцу Георгию и его жене, сказал:

«А знаете что, я останусь здесь у вас, в этой комнатке, ночевать».

Конечно, хозяева были несказанно обрадованы этим и засуетились, желая устроить поудобнее постель. Из окон обители монахини видели, как Батюшка долго стоял перед сном у открытого окна в белом подряснике и смотрел на все созданное им, а перед уходом на покой благословил молодую обитель.

На следующее утро, 9 июня, отец Иоанн служил обедню в соборе святителя Николая Чудотворца. Прекрасный, сияющий позолотою дорогого иконостаса храм был переполнен молящимися. Кроме крестьян, здесь собрались и все сестры Сурского монастыря, не желавшие пропустить ни одной службы своего обожаемого благодетеля и покровителя.

После обедни все прошли к часовне над могилою отца Батюшки, где последний отслужил панихиду. После этого почти до трех часов дня неутомимый отец Иоанн делал визиты в Суре: посетил всех священников в их квартирах, побывал у сестры своей, зашел в монастырскую лавку, где благословил сестер-приказчиц, заехал в школу, где одна из учениц прочла ему стихотворение.

Когда Батюшка вышел из школы, дети высыпали на улицу провожать его. Всех учениц около сорока; одеты все по-институтски: в темно-коричневых платьицах и белых пелеринках.

Пообедав в доме отца Георгия, Батюшка задумал осмотреть монастырские заводы, так как на следующий день

вечером назначен был отъезд из Суры, перед которым предстояла еще поездка в скит Рощу, и, следовательно, времени оставалось очень мало.

Пройдя мимо погоста, состоящего из двух кладбищ – раскольничьего и православного – мы вошли в загроможденный досками двор, в конце которого на самом берегу Суры помещаются заводы. Здесь так же, как и в самом монастыре, все еще в зачатке, не достроено и не окончено, хотя завод и работает вовсю. Пыхтит паровик, визжат пилы на нескольких станках, распиливая бревна, несутся по воздуху от вала к валу приводные ремни. Батюшка подробно осматривал каждое отделение. Объяснения давал священник отец Георгий.

Терпеливо прождал отец Иоанн, пока длинное бревно, вставленное при нем в станок, не вышло с другой стороны уже в виде дюймовых досок. Потом все прошли вниз, где полученная из бревна доска была вставлена в строгальный станок, который придал ей форму длинного карниза. Затем приводные ремни были передвинуты на другой вал, и перед нами со страшной быстротой завертелось стальное колесо-пила. Та же доска была теперь подставлена под пилу и в каких-нибудь две-три минуты превратилась в несколько мелких отдельных кусочков, которые тут же и были розданы всем присутствующим на память.

Из лесопильного отделения мы прошли в кирпичное, где на наших глазах из бесформенных кусков глины очень быстро были сделаны, при помощи паровой машины, очень правильной формы кирпичи. Тут же, по соседству, та же паровая машина приводит в движение мукомольный жернов. Благодаря устроенным тут заводам, местные крестьяне получили новый источник заработка и дохода. Окончив осмотр заводов, отец Иоанн поблагодарил рабочих за труды и возвратился в дом отца Георгия.

На следующий день в 6 часов утра отец Иоанн пожелал служить утреню и обедню в скитской церкви во имя Святой Троицы, которая находится в так называемой Роще.

В виду этого он решил встать утром часа в четыре, чтобы проехать по холодку, пока нет оводов, а монахиням, желающим

присутствовать на богослужении, предложил совершить путешествие пешком с вечера. Конечно, не отправились в скит из сестер только те, кому отлучиться нельзя было по каким-нибудь особенно важным причинам. Большинство монахинь, поснимав с ног обувь, немедленно же отправилось в восемнадцативерстный путь. Уехали с вечера и некоторые из наших спутников: иеромонах отец Георгий с С.К. Кыркаловым, игумен Иоанникий со священником отцом Георгием и др. За мной утром обещал заехать становой пристав, чтобы ехать в скит одновременно с отцом Иоанном. К сожалению, он жестоко подвел меня и лишил возможности побывать в Роще.

В 4 часа утра 10 июня отец Иоанн был уже на ногах.

Когда я вышел из своей комнаты, Батюшка уже выезжал из ворот на дорогу.

Сытые монастырские лошадки подхватили легкий экипаж отца Иоанна и почти вскачь понеслись по лесной дороге.

В Суре все уговаривали отца Иоанна остаться еще несколько дней.

– Глядите, какие тучи на горизонте – говорили суряне, – того и гляди вода поднимется и пароход ваш прямо сюда и подойдет.

Но отец Иоанн не создан для праздной жизни. Сидеть на месте без дела для него утомительнее всего. А в Суре уже все было сделано, да кроме того приезда его с нетерпением ждали на Волге.

До Волги же нужно было еще побывать в Архангельске, Холмогорах и Вологде. Поэтому Батюшка торопился, и наш отъезд был решен окончательно.

Возвратился из Рощи отец Иоанн около 4 часов пополудни и лег немного отдохнуть после утомительной дороги. Вскоре подъехали и остальные богомольцы.

Позднее всех возвратились сестры монастыря, ходившие в Рощу пешком. Последних захватил в дороге ливень, и они возвращались совершенно мокрые. Отдохнув не более часа, Батюшка вышел к прощальному обеденному столу, вокруг которого уже собрались все близкие его родные, знакомые и сотрудники по созиданию обители. Суряне ловили каждое слово

Батюшки и не сводили с него глаз, желая насмотреться на него перед прощаньем.

Отец Иоанн по очереди говорил то с одним, то с другим, давая каждому нужные наставления, касающиеся его специальности.

– Пока жив, не оставляю вас своим попечением – говорил на прощанье отец Иоанн сестрам своего монастыря, – а умру, тогда Господь Бог вас не оставит. Будьте только благочестивыми и достойными сестрами своего монастыря.

Глава XI

Обратный путь на Архангельск. – Двенадцать верст – двенадцать гор

После обеда мы с отцом Георгием попросили у отца Иоанна благословения выехать раньше, так как нам предстояло совершить пятидесятиверстный путь до Веркольского монастыря всего на паре неважных лошаденок без перепряжки. Простившись со всеми, мы тронулись в путь.

Никто также не знал определенно, где находится наш пароход. Могло случиться, что, боясь «обсохнуть», как здесь выражаются, он спустился на много верст ниже, и тогда нам предстояло бы слишком долгое путешествие в лодке. Ввиду таких соображений решено было ехать до Шотовой горы на лошадях.

Многие из наших спутников выехали еще днем раньше нас, боясь, что в дороге может не хватить лошадей для всех. Мы с отцом Георгием решили не разъединяться и всюду следовать вместе, так как и ему, и мне одинаково необходимо было быть всегда как можно ближе к отцу Иоанну.

Из Суры мы выехали всего часом раньше Батюшки, в том расчете, что, имея плохих лошаденок и ожидая возвращения паромов, которые будут перевозить отца Иоанна, мы опоздали бы и приехали бы в Веркольский монастырь гораздо позже Батюшки, если бы выехали одновременно с ним. В этот день погода благоприятствовала нам как нельзя лучше. Прошел небольшой дождик, примявший пыль, жар спал, и овода, попрятавшись под листву дерев, не беспокоили лошадей.

Перебравшись на пароме на противоположный берег Пинеги и взобравшись по крутому подъему на горку, мы в последний раз взглянули на Суру.

Улицы села, как и в день нашего приезда, были совершенно пусты: все население было в ограде монастыря, на этот раз ожидая отъезда Батюшки.

Я от души пожалел, что наше пребывание в этом интересном месте было так кратковременно.

Послав последние приветствия родине отца Иоанна, мы уселись насколько можно было удобнее и легкой рысцой покатили по песчаной дороге, поминутно подбрасываемые попадающимися на дороге толстыми корнями дерев.

Проехали мы с версту после крутого спуска и вдруг услышали сзади конский топот. Выглянув из своей кибитки, мы увидели лихо мчавшуюся за нами тройку отца Иоанна. Сам Батюшка, заметив нас, еще издали начал махать нам своей старенькой любимой соломенной шляпой. Точно юноша, промчался он мимо нас, ласково кивая и улыбаясь нам своею доброю чарующей улыбкой.

– Экая благодать дана человеку – говорит наш ямщик, – посмотрит только на тебя и точно рублем подарит.

И действительно, нам всем стало как-то сразу и весело, и уютно, и тепло. Не одним детям нужна ласка! Нужна она и взрослым, только не всякий сумеет обласкать и утешить взрослого человека.

Перед самым монастырем наши измученные лошадки еле ноги тянули. Пятьдесят верст сделать без передышки – не легкая штука.

Наконец, около 11 часов вечера мы въехали в ограду монастырской гостиницы и прошли в монастырь, чтобы перед сном повидаться с Батюшкой, который по-прежнему остановился у игумена Иоанникия. Здесь же у игумена мы застали часть спутников отца Иоанна, выехавших из Суры раньше нас, и между ними С.К. Кыркалова.

Неприятные вести пришлось нам услышать относительно нашего парохода: он спустился за Шотову гору еще ниже по течению. Итак, вместо предстоявших пятидесяти верст до

Шотовой горы нам приходилось теперь проехать до нашего парохода гораздо больше. Это было тем более печально, что за Шотовой горой начиналась самая отчаянная гористая дорога. С.К. Кыркалов предложил поехать к себе в Шотову гору раньше нас и приготовить там баржу, на которой мы все могли бы спуститься к пароходу по реке. Батюшка эту мысль одобрил и благословил С.К. Кыркалова в дорогу, который сейчас же собрался и уехал. Одновременно с ним уехали и остальные наши спутники из опасения отстать от нас наутро. Мы с отцом Георгием, пожелав Батюшке спокойной ночи, отправились на ночлег в гостиницу.

Утром отец Иоанн отслужил соборно с иеромонахом Веркольского монастыря и отцом Георгием утреню и обедню и, отобедав у игумена, около 12 часов дня в последний раз принял целую группу просителей и вышел на крыльцо игуменского дома, где его ждала тройка сытых монастырских лошадей. Когда отец Иоанн уселся в экипаж, кучер-монах тронул лошадей, но сильный красивый коренник почему-то заупрямился и ни за что не хотел двинуться с места. Все усилия монахов, бравших упрямую лошадь под уздцы, и кнут кучера не могли помочь делу. Лошадь с широко оттопыренными ноздрями сопела, переминаясь с ноги на ногу, и ни за что не хотела двинуться вперед.

Тогда, к общему удивлению, отец Иоанн вышел из экипажа, подошел к заупрямившейся лошади и, дернув за челку, что-то ей крикнул. После этого лошадь сразу успокоилась и экипаж отца Иоанна с Батюшкой тихо тронулся по монастырскому двору, сопровождаемый благопожеланиями провожающих.

К 7 часам вечера мы уже благополучно прибыли в Шотову гору, сделав опять без перепряжки 50 верст, и подъехали к дому С.К. Кыркалова. Здесь опять нас ждали неутешительные вести.

Пароход спустился на 80 верст ниже Шотовой горы, а баржа, на которой предполагалось плыть, оказалась непригодной для этой цели. Волей-неволей приходилось на следующий день опять трястись в тарантасе и при этом по гораздо худшей дороге, чем ехали до сих пор.

Отец Иоанн ночевал в доме Кыркалова.

Утром 12 июня я проснулся под звуки колоколов, извещавших окрестных крестьян о скором приезде отца Иоанна в церковь Шотовой горы. Отец Георгий уже давно был на ногах и, стоя в углу перед киотом с образами, творил свое утреннее правило.

Выглянув в окно, я увидел у крыльца дома С.К. Кыркалова серую лошадь, запряженную в маленькие сани, разукрашенные коврами.

– Что сей сон значит: летом и вдруг сани?! – удивлялся я.

Оказалось, что в Архангельской губернии не диковинка встретить кого-нибудь и летом на санях. Есть места, где по мягкому и скользкому мху гораздо легче проехать на санях, чем на колесах, которые глубоко врезываются в рыхлую почву. Для Батюшки, конечно, сани были приготовлены больше для оказания почета. В старину на Руси архиереев так возили. Вскоре показался и сам Батюшка, бодрый, радостный и ко всем приветливый.

Сел он в сани и, сопровождаемый густою толпой, поехал через поле к церкви, где уже собралась огромная толпа народа.

Отслужив обедню, отец Иоанн возвратился к С.К. Кыркалову, где был приготовлен для нас чай и обед. Еще за час до окончания службы в церкви на двор Кыркалова привезли на телеге разбитого параличом крестьянина. Издали увидел отец Иоанн больного и сейчас же подошел к нему и стал расспрашивать, давно ли он заболел и от чего произошла болезнь. Потом, положив ему руки на голову, сотворил молитву и успокоил больного, дав ему надежду на выздоровление. После обеда у С.К. Кыркалова мы сейчас же решили ехать в дальнейший путь в погоню за нашим пароходом.

Это был самый трудный переезд на лошадях, и потому мы с отцом Георгием опять выехали часом раньше отца Иоанна, боясь, что встречные паромы нас разъединят.

Перед самым отъездом ко мне обратился наш молодой ямщик с просьбой снять его молодуху. Я еще раньше обратил внимание на очень красивую молодуху с чисто русским типом, ходившую по двору в своем пестром наряде, но, потерпев уже

раз неудачу в селе Сойле, где хотел снять такую же молодуху, я и не пытался просить ее сняться.

Я моментально исполнил просьбу ямщика и снял его жену, поставив ее у колодца.

– Это дочка моя – подошла ко мне та самая старушка, которая вечером проводила нас на ночлег в школу.

– Красивая у тебя дочка – не удержался я от комплимента.

– Четыре у меня таких-то, – не без хвастовства сказала польщенная старуха, – и все одна другой лучше, и все замужем.

– Ну, прощай, счастливая старуха, прощай, красавица. Из Петербурга пришлю вам карточки, – крикнул я уже из кибитки матери и дочери.

Ямщик тронул свежих лошадок, и мы покатили за околицу.

Слова баронессы Таубе о том, что здесь на протяжении двенадцати верст и гор двенадцать, оправдались вполне.

Поминутно приходится нам спускаться на самое дно оврага и, переправившись по ажурному мостику через ручей, который при первом хорошем дожде превращается в бурный поток, подыматься опять на гору.

С горы мы спускаемся, затормозив заднее колесо, а, подымаясь на гору, часто сами помогаем лошадям тащить нашу кибитку.

– Вот эта гора Архиерейской называется, – указал нам ямщик на самый крутой подъем, когда мы подъезжали к нему.

– Это почему же ее так назвали? – спросил я.

– А потому, что здесь даже архиерея лошади втащить не могли; пришлось и ему на своих ногах подняться.

Но вот двенадцать гор нами пройдены, и мы стали спускаться к реке.

– Теперь, на той стороне, дорога полегче будет, ровнее, – утешал нас ямщик.

Действительно, перебравшись на пароме на противоположный, тоже гористый берег, мы поехали уже спокойнее.

На самой верхушке горы, спускающейся к Пинеге и закрывающей собою селение, мы увидели верхнюю часть

колокольни и на ней несколько человек, выжидавших проезда отца Иоанна, чтобы при его появлении зазвонить в колокола.

Около десяти часов вечера мы, наконец, услышали сзади топот лошадей и нас опять обогнал Батюшка. Как и раныие, он весело кивнул нам головой, что-то крикнул и как вихрь промчался мимо, махая нам шляпой.

– Ну, ямщик, теперь не зевай, а дуй во весь дух, – обратились мы к нашему вознице.

Но лошади оказались слабы, и мы очень скоро потеряли экипаж отца Иоанна из виду. Нас выручил С.К. Кыркалов, догнавший нас на свежих лошадях. Мы наскоро переложили свои вещи в его тарантас и опять понеслись, сидя в наклоненном положении и держась за животы, чтобы не так чувствительны были толчки. Следом за нами неслась еще одна тройка, на которой ехали какая-то женщина и девочка лет двенадцати. Оказалось, это были две больные, опоздавшие в Шотовой горе к отъезду отца Иоанна и теперь догонявшие его, чтобы поделиться своим горем и получить благословение.

Одну речонку еще переплыли мы на пароме, через другую переправились вброд и, наконец, около 11 часов вечера увидели с горы далеко внизу у песчаного берега наш желанный пароход. Отец Иоанн был уже на пароходе, который с разведенными парами ждал только приказания отчаливать. С большим трудом спустились мы с обрыва по сыпучему песку и, прокладывая новую дорогу, кое-как добрались до парохода. Оказалось, что во время нашего пребывания в Суре пароход «Св. Николай Чудотворец» потерпел маленькую аварию: спускаясь по течению вниз, он сел на мель при полном ходе и с большим трудом мог сдвинуться. Как только отец Иоанн отпустил больную женщину с девочкой, пароход отчалил от берега и пошел вниз по течению.

Около 4 часов утра 13 июня мы уже подошли к городу Пинеге, где остановились для служения обедни. Отслужив обедню, отец Иоанн простился с местным диаконом, который ездил с нами в Суру, и сейчас же распорядился плыть дальше.

Около часа дня мы прошли мимо Красногорского монастыря.

Зорко приходилось теперь следить нашему рулевому за фарватером. Вся команда все время была настороже. С носовой части почти не сходил человек с измерительным шестом. Два раза мы хватали о дно реки, но в конце концов все-таки благополучно проходили все опасные перекаты.

В одном месте грустная картина представилась нашим глазам: шедший навстречу нам пароход с пассажирами остановился у пустынного берега, не будучи в состоянии продолжать свой путь по обмелевшей реке, и пассажиры брели по берегу с багажом в руках.

В 9 часов вечера мы, наконец, подошли к Усть-Пинеге и увидели вдали многоводную широкую Северную Двину. Все вздохнули свободнее. Кончились мели, и мы почувствовали себя свободными. Путь наш лежал теперь прямо на север в Архангельск, куда мы по расчетам должны были прийти около 4 часов утра.

Не желая делать тревогу в городе ночью, отец Иоанн распорядился остановиться верстах в пяти от города, а к городу подойти не раньше 8 часов утра.

Глава XII

Маленькая авария на пароходе. – Пребывание в Архангельске

Под утро я услышал сквозь сон, как пароход причалил к берегу, и затем в соседнем с моею каютою машинном отделении поднялась какая-то возня. О чем-то говорили, спорили.

Оказалось, лопнула какая-то труба в машине, а потому добраться до Архангельска, который уже был виден в расстоянии 3–4 верст от нас, на нашем пароходе без основательной починки было невозможно. На выручку нам явился С.К. Кыркалов, предложивший вызвать по телефону из Архангельска володинский пароход, который доставит нас в Архангельск, а наш пароход на буксире отправит на лесопильный завод, где есть мастера, могущие исправить машину. Благодаря любезности С.К. Кыркалова, съездившего на ближайший лесопильный завод и вызвавшего оттуда по

телефону володинский пароход, нам не пришлось долго сидеть на одном месте.

Скоро вдали показался белый корпус большого красивого парохода, быстро приближавшегося к нашему, потерпевшему аварию, «Св. Николаю Чудотворцу». Капитан володинского парохода сообщил нам, что в Архангельске еще вчера, 13 июня, весь день ждали приезда отца Иоанна, а многие, думая, что Батюшка может приехать и ночью, продежурили на берегу Двины до утра. Как только пересели мы на прибывший пароход, капитан скомандовал отчаливать, и мы двинулись к блестевшему вдали куполами своих церквей Архангельску.

До центра города оставалось около пяти верст, но, несмотря на это, на поверхности реки то и дело сновали буксирные пароходы, лавируя между стоящими на якоре огромными парусными и паровыми судами, груженными, главным образом, лесом и мукой; бороздили воду десятки лодок, переполненных рабочими с плотов и барок.

Вся эта жизнь, в преддверии Архангельска, сосредоточена, главным образом, вокруг целого ряда лесопильных заводов, разбросанных по берегу реки. Чем ближе к городу, тем река становится оживленнее и деятельность ее обитателей кипучее. Масса огромных иностранных судов всех национальностей величественно стоит среди реки, окруженная со всех сторон барками разной величины, на которые с шумом и грохотом перегружается товар.

В Петербурге, по Неве, такого оживления не видно, так как вся портовая жизнь сосредоточена здесь за городом. В Архангельске, благодаря ширине и глубине Северной Двины, самые большие иностранные пароходы могут проходить гораздо выше города.

Но вот из-за барок и целой флотилии морских судов показались белые стены самого древнего на всем Севере Архангельского монастыря и за ним, вытянувшийся в одну длинную линию по берегу реки, Архангельск.

Отец Иоанн, все время стоявший на носовой части парохода и не сводивший восторженного взгляда с приближавшегося города, при виде монастыря, с которым мы

поравнялись, обнажил голову и осенил себя крестным знамением.

– Вот здесь прошли мои юношеские годы, – обратился он ко мне, указывая на сад и здание семинарии, показавшееся невдалеке от Архангельского монастыря.

Батюшка с любовью всматривался в каждое здание города и давал мне подробные пояснения.

– Эта обитель во имя Архангела Михаила построена еще за 400 лет до основания города – говорил он. – При ней теперь находится церковно-археологическое общество. А вон деревянный дом – это епархиальное женское училище, за ним виднеется большой каменный дом – это дом архиерея. Теперь смотрите далее, это наше Сурское подворье.

На самой набережной реки я увидел вновь отстроенное двухэтажное деревянное здание с часовенкой. Против этого дома мы и пристали к одной из пристаней, загроможденных кулями с хлебом. С пристани отец Иоанн прежде всего поехал с визитом к владыке, у которого немедленно был принят. Владыка пригласил Батюшку на следующее утро участвовать в сослужении с ним в его домовой Крестовой церкви, пообещав прислать за отцом Иоанном свою карету.

От архиерея отец Иоанн проехал в соседнюю Благовещенскую церковь, построенную жителями Холмогор и Великого Устюга. Там он служил обедню.

В это время в подворье Сурского Иоанновского монастыря собравшаяся толпа народа и немногочисленные сестры, обитательницы подворья, с волнением ждали приезда отца Иоанна. Дело в том, что мы из Суры привезли с собой монахиню, которая должна была заместить находившуюся при смерти «старшую» сестру подворья. По этому случаю в подворье с нетерпением ждали Батюшку, который обещал прибыть из церкви со Святыми Дарами и приобщить умирающую. Я видел эту монахиню, которую провели в комнату отца Иоанна, когда он наконец приехал из церкви. Она висела на руках поддерживавших ее сестер, еле передвигая ногами, измученная, бессильная, с ввалившимися потухшими глазами, с желтым как воск лицом. Казалось, она не дойдет до конца

комнаты и тут же умрет. Но вот ее ввели в комнату отца Иоанна и тотчас же закрыли за ней дверь. Батюшка приступил к святой исповеди. В это время все лестницы и проходы между ними были переполнены публикой. Кого-кого только здесь не было! И чиновник без места с прошением в руках, и учащаяся молодежь, и купцы, и какая-то девочка с атрофированной рукой, и масса других больных и страждущих.

Полицейский пристав суетился изо всех сил, чтобы установить хоть какой-нибудь порядок, чтобы предотвратить давку. Но вот дверь распахнулась, и в ней показалась уже причастившаяся монахиня. Ее по-прежнему поддерживали под руки, но она шла уже гораздо бодрее, с видимым духовным подъемом.

Вечером того же дня, когда отец Иоанн, сделав визиты губернатору и еще нескольким лицам, опять заехал в подворье и вместе с другими сел за общий чайный стол, я, обернувшись назад, к великому своему удивлению, увидел больную монахиню сидящей без всякой посторонней помощи на стуле сзади отца Иоанна. Даже румянец заиграл на ее щеках. Она весело смотрела на окружающих и с жадностью прислушивалась к каждому слову, сказанному Батюшкою.

Я указал на нее отцу Иоанну.

Он быстро обернулся, кивнул ей головой и проговорил:

– Слава Богу, слава Богу, никто, как Бог.

На третий день нашего пребывания в Архангельске я еще больше был поражен, увидев ту же монахиню совершенно здоровой и цветущей, явившуюся к обедне в огромный, переполненный молящимися, Свято-Троицкий собор, где служил отец Иоанн. Она стояла среди толпы без всякой посторонней помощи и горячо молилась.

В день нашего приезда отец Иоанн отслужил вечерню в Архангельском кафедральном Свято-Троицком соборе, построенном на месте, по преданию, указанном самим Петром Великим. Это прекрасный величественный храм, поражающий выдержанностью и строгостью линий своего огромного в несколько ярусов золотого иконостаса. В верхний этаж собора ведет широкая лестница, на которой поставлены три пушки,

пожалованные Петром I в 1701 году архиепископу Афанасию со взятых в том году под Архангельском шведских фрегата и яхты. У правой от входа стены под золоченым балдахином, поддерживаемым тремя колоннами и двумя резными из дерева в человеческий рост ангелами, помещается сосновый шестиаршинный крест, сделанный собственноручно Петром Великим в память избавления от бури в Унских рогах и перенесенный сюда из Пертоминского монастыря с разрешения Императора Александра I. На кресте вырезана Петром голландская надпись: Dat Kruus maken Kartein Piter van a. Chr. 1691.

История сооружения креста и его перенесения в Архангельск изложена на щитах, поддерживаемых ангелами. Около креста штандарт и палестинский флаг со струга, на котором Петр I плыл от Вологды до Архангельска.

После вечерни в соборе отец Иоанн поехал с визитом к ректору семинарии, живущему в здании, в котором когда-то учился сам Батюшка. В коридоре семинарии мы встретили одного из не уехавших на каникулы питомцев ее, который, увидев отца Иоанна, бросился к ректору, чтобы сообщить ему о неожиданном приезде почетного гостя. Сделав визит ректору, во время которого последний передал отцу Иоанну отчет о деятельности тех учебных заведений, которые пользуются его материальною помощью, Батюшка в сопровождении ректора и его семьи прошел в семинарский сад, в тот самый сад, где много лет тому назад еще юношей сидел он с книгами, готовясь к экзаменам. Тогда и деревья в саду были молоденькие, а теперь сад разросся в огромный тенистый парк. Нетрудно себе представить то радостное чувство, с которым отец Иоанн, страстный любитель природы, смотрел на каждый уголок сада, говоривший ему об его давно минувших семинарских годах.

Пройдя в самый глухой конец сада, отец Иоанн вдруг остановился перед высоким стройным и крепким деревом, ветви которого разрослись широко и нависли над дорожкой и соседними кустами.

Отец Иоанн снял шляпу и, как бы здороваясь со старым товарищем, потрогал дерево руками.

– Вот мой сверстник – сказал он, обращаясь к нам. – Здесь было мое любимое местечко в саду. Под этим деревцем я чаще всего проводил свой досуг и читал книги.

Пока мы ходили по саду, в последний стала набираться публика, которая постепенно окружила отца Иоанна и делала уже почти невозможной дальнейшую прогулку. Пришлось проститься с ректором и его семьей и направиться к выходу.

Из семинарии мы проехали в женское епархиальное училище, которое тоже пользуется попечением отца Иоанна. Здесь Батюшка навестил трудно больную воспитанницу и, выпив стакан чая у начальницы, поехал к дому местных купцов Селяниновых, где для него было приготовлено помещение. В доме Селяниновых отец Иоанн останавливался и раньше. Это прекрасно обставленный двухэтажный каменный особняк, выходящий своим фасадом на Троицкий проспект против дома губернатора. В высшей степени симпатичная хозяйка дома оказала нам самый радушный прием.

Утром на следующий день в зале, примыкавшей к комнате отца Иоанна, в ожидании его выхода перед отъездом в Крестовую церковь, собралось несколько человек из знакомых гг. Селяниновых, желавших получить благословение от Батюшки.

Между прочим, пропустили с улицы и какую-то постороннюю старушку.

– Ох, спасибо им, – причитала она, – пропустили! Я, батюшка, ведь из Екатеринодара сюда приехала, нарочито только для того, чтобы добраться до него, – обратилась она ко мне. – Вот видишь эту руку, – протянула она ко мне свою правую руку, шевеля пальцами, – ведь болталась три года тому назад от паралича, а он, милостивец, своей молитвой излечил. Я тогда в Кронштадт к нему ездила и вот теперь три года здорова, да еще как работаю-то! А только вот теперь сынок-то у меня, столяр он, непутевым делом занялся: запойничать стал. Думала я, думала... скопила какую ни на есть копейку и опять к Батюшке приехала. Эх, только бы допустили к нему.

Скоро вышел и Батюшка, и старуха одна из первых подошла к нему. Выслушав ее просьбу, отец Иоанн подошел с

нею к углу с образами и, став на колени, помолился. Окончив молитву, он обратился к другим просителям, выслушивая каждого в отдельности. Старуха подошла ко мне сияющая.

– Этак счастливо все вышло! Недаром, значит, приезжала – говорила она, не сводя глаз с отца Иоанна, который стоял в конце комнаты, разговаривая с каким-то старичком.

– А знаешь что – повернулась она опять в мою сторону, – ведь этакого случая опять не скоро дождешься – не попросить ли мне у него заодно, чтобы он помолился за моего племяша: у него иногда голова побаливает, – так чтобы никогда не болела?

Я посоветовал ей не тревожить больше пустяками Батюшку.

Этот случай напомнил мне эпизод из жизни покойного митрополита Киевского Платона.

Такая же старуха во время какого-то большого праздника в Киевской лавре, после долгих усилий пробравшись в толпе к руке владыки и поцеловав ее, крикнула своей землячке, стоявшей в другом конце церкви: «Акулина, пробирайся сюда; не выпущу, пока не подойдешь!» И действительно, не выпустила руки митрополита до тех пор, пока ее землячка не подошла и не поцеловала ее.

Но вот прибыла карета архиерея, и отец Иоанн поехал служить в Крестовую церковь. Владыка предоставил отцу Иоанну свою карету на весь день, поэтому Батюшка не терпел в этот день так много от ужасной архангельской пыли, как в предшествовавший день.

Отправляясь в Архангельск, отец Иоанн не рассчитывал пробыть там более двух дней.

Но тут его ждала такая масса всевозможных просьб и приглашений, что Батюшка решил остаться еще на один день, пообещав в день отъезда отслужить обедню в кафедральном соборе.

Из Крестовой церкви отец Иоанн опять заехал в свое подворье, где нужно было разобрать целый ворох писем и телеграмм, полученных со всех концов России.

Перед вечером мы совершили очень интересную поездку на завод С.К. Кыркалова в так называемую Маймаксу. Отец Иоанн с иеромонахом Георгием поехали в архиерейской карете, а я с

местным приставом и С.К. Кыркаловым поместились в удобном экипаже последнего. В приставе Андрее Ивановиче Иванове я встретил очень интересного собеседника. Переведен он в Архангельск из Москвы недавно, но, несмотря на это, прекрасно знает не только город, но и все его окрестности, а также хорошо знаком с бытом местных портовых рабочих и их отношением к иностранцам. По его словам, хуже всех относятся к русским вообще, и к русским рабочим в частности, немцы-иностранцы. Живущие в немецкой слободе потомки крупных торговых фирм, составляющие денежную аристократию иностранного населения Архангельска, держат себя замкнуто и чуждаются русского общества. Приезжающие на германских пароходах немцы-матросы почему-то особенно вызывающе держат себя по отношению к русским портовым рабочим. Бывают здесь столкновения у наших рабочих и с англичанами, и с французами, но это всегда имеет другой характер.

– Перепьются, передерутся между собой наши с англичанами или французами из-за пустяков и потом в участке мирятся и протягивают друг другу руку, – рассказывал мне А.И. Иванов. – С немцами дело всегда иначе обстоит. Они и в трезвом виде почему-то стараются показать свое преимущество и высокомерие перед русскими. Да вот недавно был у нас характерный случай. Покупают русские рабочие на рынке яйца; уже сторговали весь остаток по три копейки за десяток и достают деньги. Вдруг стоявшие рядом германцы дают торговке по шесть копеек за десяток и объявляют, что яйца берут они. Наши, конечно, в обиду. Дескать, раньше сторговали, а потому яйца наши. «Мальши, русски свиня», – говорит немец и показывает нож.

Наш – в зубы, а немец его ножом. И пошла свалка. Привозят в участок опасно раненного окровавленного человека. И все из-за того, что господа немцы вообразили, что вселенная существует исключительно для них, а русские мужики лучшего обращения и не заслужили. Конечно, здесь говорится не про тех немцев, которые давно сжились с русским обществом, подружились с ним и даже говорят про себя, что они «кровавые русские».

Выехав из подворья Сурского монастыря, мы покатили по главной и почти единственной идущей параллельно Северной Двине улице – Троицкому проспекту. Проехав мимо собора и дома губернатора, мы обогнули очень неудачный по своему исполнению памятник Ломоносову и попали в Немецкую слободу.

Что ни дом, то деревянное палаццо, окруженное цветущим садом с самыми причудливыми клумбами и фонтанами. Чистота и аккуратность во всем самая немецкая. Многие дома построены в средневековом духе: вместо первого этажа высокий фундамент с рустичной стеной и только во втором этаже окна, за которыми видны шелковые занавески и часть роскошной обстановки.

Переехав по мосту через речку Кузнечиху, мы въехали в известное в истории русского судостроения местечко Соломбалу. При въезде в селение налево от моста видно обнесенное забором обширное Соловецкое подворье, двухэтажный каменный корпус которого вмещает до 1000 человек богомольцев. Далее за березовой рощей виднеется Соломбальский Преображенский собор, построенный в 1760–1776 годах, называвшийся прежде Адмиралтейским или Морским.

Проехав всю Соломбалу, мы попали в местность, называемую Майманкой, получившую свое название от омывающей ее речки Маймаксы, одного из многочисленных рукавов Северной Двины. Здесь начался район лесопильных заводов. Мы едем по дорожке, крытой досками. Слева и справа возвышаются огромные штабели уже обработанного леса. Немного поодаль сложены целые горы обрезков от бревен, которые зимою сжигаются, чтобы очистить здесь место, так как, благодаря скоплению такой массы леса, в нем никто не нуждается, и потому его даже даром не берут.

На заводе С.К. Кыркалова отец Иоанн отслужил молебен, и мы той же дорогой поехали обратно.

В одном месте мы встретили богатое ландо, быстро катившее нам навстречу. Так как место было очень узкое, мы, боясь зацепиться колесами, остановились в полной

уверенности, что и встречный кучер придержит своих лошадей. Но кучер продолжал ехать быстро. Между тем позади нашего экипажа сейчас же находилась широкая архиерейская карета, в которой сидел отец Иоанн и за которую легко было задеть. Ввиду этого, когда поравнялись с ландо, мы крикнули кучеру, чтобы он ехал тише.

– Но, но, но, но! – угрожающе последовал ответ густого баса.

– Вот что вы с таким фруктом поделаете – говорил потом пристав. – Карман у него туго-туго набит, он и чувствует свою силу.

На обратном пути нам пришлось побывать в нескольких домах, где с нетерпением ждали приезда отца Иоанна.

Почти в каждом доме пришлось видеть огромную шкуру белого медведя, разостланную по полу. Говорят, здесь во время ярмарки можно купить прекрасную шкуру белого медведя за 25 рублей.

16 июня отец Иоанн в последний раз служил обедню в кафедральном соборе, во время которой сказал глубоко прочувствованную проповедь о том, как надо воспитывать юношество в вере и охранять его от вредного влияния некоторых писателей, отрицающих все основы православия.

После обедни отцу Иоанну пришлось побывать еще в нескольких домах, и только в пять часов пополудни, отслужив молебен в часовне Сурского подворья, Батюшка, сопровождаемый почти всем городом с губернатором во главе, прибыл на исправленный уже свой пароход, и мы отчалили.

Глава XIII

Поездка в Холмогоры

Весь путь от Архангельска мы прошли в пять часов.

Сначала плыли по Северной Двине, потом свернули в довольно узкий рукав Двины – речку Курью или Куропалку, отделяющую большой песчаный, поросший ивняком Кур-остров от Холмогор.

Куропалка оказалась очень мелководной, и наш пароход то и дело задевал своим днищем за песчаное дно реки.

«Обсохнуть» мы не боялись, так как здесь еще оказывают свое влияние морские приливы, и потому старались как можно ближе пробраться к Холмогорам. Но к самому городу проехать на пароходе нам так и не удалось. Пришлось остановиться верстах в трех от города у небольшого пригорка, куда были уже присланы для нас лошади от Холмогорского женского монастыря.

Отец Иоанн, встреченный несколькими монахинями, объявил им, что поедет на ночлег к своей второй сестре, вдове священника, живущей в нескольких верстах от монастыря, а к 9 часам утра приедет в монастырь служить обедню. Мы с отцом Георгием уселись в линейку и, подхваченные парой кругленьких лошадок, помчались следом за отцом Иоанном.

Вскоре мы достигли города и поехали по его пыльной довольно широкой улице мимо маленьких, большей частью одноэтажных домов, из ворот которых поспешно выбегали их обитатели и низко кланялись отцу Иоанну.

Холмогоры – небольшой уездный городок, имеет немного более тысячи жителей, расположен по берегу Куропалки. Как известно, на холмогорских лугах вскармливается известный своею молочностью и красотой рогатый скот, разведенный при Петре Великом от скрещивания местной породы с голландскою. Местность, известная в наших летописях под именем Колмогор или Холмогор, принадлежит к одним из древнейших поселений новгородцев в Двинской земле и отождествляется некоторыми историками с упоминаемым в скандинавских сагах Гольмгардом. Город возник из нескольких бывших в этой местности селений и погостов, менявших свои названия при перенесениях их с одного места на другое, вызывавшихся сильными разливами Двины.

Нынешний город расположен в версте ниже по реке от того места, где он находился в конце XVII века и где доныне стоят совершенно одиноко на лугу собор и монастырь. Вскоре показался и величественный Спасо-Преображенский собор, стоящий на пригорке в нескольких шагах от монастырской ограды, а потому принятый нами издали за часть монастыря. Увидев приближающегося отца Иоанна, монахини зазвонили на

своей колокольне, и весь монастырь высыпал к нему навстречу. Но Батюшка повернул в сторону и поехал по дороге, идущей к селу, в котором живет его сестра.

В монастырь поехали только мы с отцом Георгием. Несмотря на то, что было уже около одиннадцати часов вечера, в ожидании приезда отца Иоанна в монастыре никто не спал и все ворота его были открыты; поэтому, сдав свои вещи в монастырскую гостиницу, находящуюся за оградой монастыря, мы с отцом Георгием вошли в обитель с тем, чтобы представиться игуменье и осмотреть монастырь.

Небольшой монастырский двор, окруженный со всех сторон постройками, в которых помещаются кельи сестер, трапезная, мастерские, кухня и пекарня, поблизости к собору заканчивается белыми каменными палатами, построенными еще в XVII столетии и предназначенными тогда для помещения архиерейского штата.

В 1744 году сюда было прислано в заточение несчастное потомство царя Ивана Антоновича своим отцом Антоном Ульрихом, который после скончавшейся здесь от родов жены Анны Леопольдовны провел со своими четырьмя детьми 34 года под строгим надзором. Теперь в помещении, где томились узники, находится на покое схимница монастыря.

Во втором этаже палат помещается очень интересная по своему плану Успенская церковь, примыкающая к помещению схимницы. Из предметов, современных семейству Антона Ульриха, кроме нескольких потерпевших от времени портретов, хранящихся в квартире игуменьи, в Холмогорском монастыре ничего почти не осталось. Только каменные своды да крепко сложенные стены остались немыми свидетелями давно прошедшей тяжелой драмы.

Осмотрев церковь, мы прошли в трапезную, небольшую комнату, очень бедно обставленную, и оттуда спустились в пекарню и просфорную.

Из мастерских монастыря за поздним временем нам удалось посмотреть только иконописную. Большая светлая комната была сплошь уставлена мольбертами с начатыми и частью уже законченными работами монахинь. На длинных

деревянных столах лежали рисунки, сделанные с гипсовых масок и частей тела. Я посмотрел на часы; было ровно 12 часов ночи, а мы осматривали работы без лампы и не должны были даже напрягать свое зрение, чтобы рассмотреть мелкие вещи, – до того было светло.

Переночевав в гостинице, мы поспешили в монастырскую церковь, куда со всех концов торопились монахини, так как отец Иоанн, обещавший приехать к 9 часам утра, неожиданно приехал на целый час раньше и уже читал канон.

Маленькая монастырская церковь быстро наполнилась народом, пришедшим сюда из Холмогор и окрестных сел.

– Этакого стечения народа у нас и в день Святой Пасхи не бывает – говорила мне потом казначея монастыря.

По ее словам, окрестное население, состоящее наполовину из старообрядцев, очень холодно относится к церкви и почти не посещает монастыря. Средства обители поэтому крайне скудны и в незначительной только степени поддерживаются заходящими сюда богомольцами, идущими из России в Соловки.

Во время службы в церкви мне пришлось увидеть и двух схимниц монастыря. Они сидели, сгорбившись на своих табуретах, опираясь руками на посохи, и замечательно гармонировали с теми тяжелыми сводами, которые нависли над их дряхлыми, скрытыми под широкими черными с белым плащами схим, телами. Только нос и часть выдвинувшегося вперед подбородка были видны. Остальная часть лица обеих стариц закрывалась их печальным головным убором.

Окончив службу в церкви, отец Иоанн в сопровождении местного духовенства прошел пешком в находящийся всего в нескольких стах шагах от монастыря величественный Преображенский собор.

Собор построен в 1685 году первым архиепископом Холмогорским и Важским Афанасием, известным противником раскола, любимцем Петра I и его сотрудником на Севере. Построенный по образцу московского Успенского собора, холмогорский собор замечателен прекрасным пятиярусным иконостасом, подвешенными над алтарем хорами и прекрасным

резонансом. По обеим стенам собора стоят гробницы умерших в епархии шести архиепископов и четырех епископов с портретами каждого из них над гробницею и эпитафиями, начиная с Преосвященного Афанасия, изображенного безбородым вследствие известного эпизода в его жизни, происшедшего в Москве во время бывшего там собора в присутствии царевны Софии, когда чернец Сергий из Суздаля, известный более под именем Никиты Пустосвята, желавший вести диспут о «правой вере» непосредственно с патриархом и раздраженный возражениями Преосвященного Афанасия, бросился на него с криком: «Что ты, нога, выше головы становишься!» – и вырвал ему бороду.

В алтаре собора местный священник показал нам целую коллекцию драгоценнейших памятников седой старины, состоящих из церковной утвари, воздухов, митр, евангелий и крестов времен Иоанна Грозного и других эпох.

Отец Иоанн подробно осматривал каждый отдельный предмет и выслушивал объяснения, даваемые настоятелем собора.

Когда мы вышли из собора, пошел дождик, и тут Батюшка поразил всех своею удивительною бодростью.

– Ну, братия, нужно убегать от дождя, а то промочит, – проговорил он, обернувшись к сопровождавшим нас, и, подобрав поудобнее рясу, довольно скоро пробежал все расстояние от собора до монастыря. Бывшие с ним старики-священники, несмотря на то, что многие из них были гораздо моложе отца Иоанна, конечно, далеко отстали от него.

Отобедав у игуменьи, мы простились с обителью и возвратились на пароход.

По ту сторону Куропалки раскинулся на много верст усеянный деревнями песчаный Кур-остров, древнее чудское поселение и родина М.В. Ломоносова.

За кустами ивняка на холме виднеется довольно редкий ельник, остаток таинственного дремучего леса, в котором, по сказанию исландского летописца Стурлезона, стояло капище чудского идола Иомалы, богато украшенного драгоценными камнями, державшего на коленях чашу, полную золотых монет и

такой величины, что, если бы ее наполнить водою, то четверо могли из нее досыта напиться. На Кур-острове в то время происходила известная далеко за пределами Биармии меховая ярмарка, и пришедшие на эту ярмарку норвежцы ограбили ночью идола и, чтобы снять с него ожерелье, разрубили его. Проснувшись, стража подняла тревогу, и чудь погналась за норвежцами, но те, как более искусные в ратном деле, одолели чудь при местности, носящей до сих пор название Побоища и расположенной ниже по Двине.

В стороне от дороги, ведущей в Ломоносовскую (прежде Вожкоринскую) волость, стоит небольшая часовня, существующая с 1659 года. Она поставлена, по преданию, на месте погребения трех чудских князей. В деревне Ломоносовке, прежней Денисовке (она же Болото), в небольшом садике стоит основанное в 1868 году и построенное на том месте, где стоял дом отца Ломоносова Василия Дорофеева, училище Ломоносовское, одноэтажное здание в 10 окон с небольшой библиотекой, классом резьбы по кости и помещением для учительницы. Это училище – единственное воспоминание о Ломоносове. Никаких других памятников, воспоминаний или преданий уже ныне не существует о нашем знаменитом ученом и поэте на его родине.

Около 3 часов дня мы опять вышли в Северную Двину и пошли против течения уже обратно на юг. Теперь путь наш лежал на Волгу по той же Северной Двине и Сухоне, причем предстояла остановка в Вологде. Плыли мы теперь медленно против течения и притом ежедневно останавливались для служения обедни в тех селениях, к которым подъезжали около 8–9 часов утра. Таким образом весь путь от Холмогор до Вологды мы совершили в пять дней. В эти дни мне пришлось быть свидетелем двух сцен, которые навсегда останутся в моей памяти.

Мне много приходилось слышать о событиях, происходивших по молитве отца Иоанна. Видел я также и людей, которые на себе испытали действие молитвы отца Иоанна и излечились от той или другой болезни. Сам же я, если не считать того поразительно быстрого выздоровления

монахини, которое произошло в Сурском подворье в Архангельске после молитвы Батюшки, раньше ничего не видел. И вот теперь на моих глазах произошло два случая, о которых предоставлю судить читателю.

Сам я передаю только то, что видел, без всяких прикрас, причем точно называю места, в которых произошли описываемые факты, дабы дать возможность желающим проверить описываемое у местных жителей.

Еще 18 июня вечером, когда мы проходили мимо села Троицкого, находящегося на границе Архангельской и Вологодской губерний, мы заметили далеко на горизонте облака белого дыма. Чем дальше мы подвигались вверх по течению, тем дым становился гуще.

Наконец вскоре мы совсем были окутаны пеленою ароматного дыма и наслаждались его запахом. Горели леса в окрестностях, тундра и можжевельник.

Утром 19 июня мы остановились у селения Ягрыши, в 120 верстах от Котласа. Крестьяне не сразу пришли к церкви, в которую уже вошел отец Иоанн, так как большинство находилось за околицей. Все со страхом ожидали приближающегося пожара, который медленно, но верно делал свою страшную работу, подбираясь все ближе и ближе из тундры к селам, разбросанным на берегу Двины. Однако весть о неожиданном приезде отца Иоанна быстро облетела всех, и вскоре ягрышская церковь переполнилась крестьянами нескольких сел.

Все просили отца Иоанна помолиться о ниспослании дождя, которого не было в этой местности уже три месяца. И отец Иоанн помолился.

Желая снять фотографии, я вышел из церкви раньше окончания службы и занялся установкой аппарата на палубе нашего парохода «Св. Николай Чудотворец». Пока я возился с аппаратами, с юга стали надвигаться тучи и на раскаленную землю пала тень. Когда же кончилась обедня и отец Иоанн, сопровождаемый огромной толпой народа, выйдя из церкви, направился к пароходу, стал накрапывать дождик. Все с радостью смотрели на покрытый темными тучами горизонт и

набожно крестили свои обнаженные головы. Когда Батюшка вошел на палубу и команда парохода стала отдавать якорь, весь берег был покрыт огромною толпою народа. Многие принуждены были войти в воду, чтобы ближе видеть Батюшку, и не отрывали своих восторженных взоров от отца Иоанна.

Наконец из толпы вышел почтенный седой старик и, земно поклонившись отцу Иоанну, сказал следующее: «Ваше высокоблагословение! Три месяца у нас не было ни росинки, засуха истощила нашу землю, наши поля; пожар окружил наши селенья со всех сторон и угрожал нашим жилищам, и вот вы, по просьбе нашей, помолились за нас, и Господь послал нам дождь. Прими же нашу благодарность, ваше высокопреподобие».

При последних словах весь народ как один человек пал на колени. Многие плакали.

– Никто, как Бог, никто, как Бог, – повторял Батюшка, ласково кивая всем головою.

Когда пароход отчалил от берега, несколько человек запели псалмы; народ подхватил, и голоса мощного хора тысячной толпы долго еще летели вслед за нашим удаляющимся пароходом. Только страшный ливень, забарабанивший по крыше нашего парохода, заглушил наконец голос толпы, не хотевшей и под дождем расходиться.

С именем отца Иоанна связано много случаев, где дело касалось не исцеления больных, а вещей, ничего общего с нервною системою и психикою человека не имеющих.

Два таких случая произошло во время нашего путешествия у меня на глазах.

Один из них я только что рассказал, назвав точно место, где он произошел.

Где и с кем произошел второй случай, я не называю, так как не считаю себя вправе предавать гласности имена лиц, в семье которых происходит горе, тем более что здесь интересен самый факт, а не имена причастных к нему лиц.

В одной купеческой семье, ведущей издавна крупную оптовую торговлю, вследствие несчастной страсти к вину главы ее, пошатнулись дела. Подошли сроки векселям, а уплатить по

ним семья не могла, так как в то время весь капитал был в обороте, а наличного не хватало.

Дня через три после нашего приезда в город, где живет названная семья, предстояла опись имущества и всей роскошной обстановки, принадлежащей ей. Семья была в страшном горе. Пригласили отца Иоанна, который и отслужил молебен.

На другой день перед нашим отъездом в дальнейший путь подходит ко мне один из местных жителей, с которым я накануне познакомился, и говорит:

– А вы знаете, какое счастье принес семье N.N. отец Иоанн.

– В чем дело? – спрашиваю.

– Да как же: вскоре после его отъезда явились к ним какие-то купцы и закупили товара на шесть тысяч рублей. Теперь им есть возможность избавиться от описи имущества.

Таких случаев в жизни отца Иоанна происходила и происходит масса.

Около 12 часов ночи 19 июня мы прошли мимо Котласа и поплыли вверх по течению Сухоны. Ночь стала заметно темнее, тем более что небо заволокли тучи, из которых от времени до времени перепадал дождик. К 8 часам 20 июня мы подъехали к Великому Устюгу.

На этот раз Батюшка служил обедню в соборе святого Прокопия Праведного. Когда отец Иоанн собирался возвратиться на пароход, к нему обратились с просьбой посетить одного больного юношу, который был ушиблен лошадью и теперь лежал дома, не имея возможности двигаться. По словам просивших его навестить, доктора отказались его лечить, так как у больного образовалось нечто вроде гангрены.

Когда приехал к больному отец Иоанн, он сказал ему:

– Если можешь с верою помолиться, то молись и надейся – и Господь услышит тебя и поможет.

– Верю, Батюшка, всем сердцем верю, помолитесь обо мне, – ответил ему юноша.

Отец Иоанн начал молиться. Когда после окончания молитвы отец Иоанн, простившись с семьёй, направился к выходу, больной сам поднялся со своего места, отбросил

костыли в сторону и, пошатываясь, пошел провожать к выходу отца Иоанна.

– Смотри, мама, – проговорил он, – я без костылей уже могу держаться.

Такая быстрая метаморфоза заинтересовала даже самого отца Иоанна, и он сказал больному, чтобы тот, когда выздоровеет совсем, написал бы ему о себе письмо.

Глава XIV

От Устюга до Вологды. – Пребывание в Вологде. – Опять на Кубенском озере. – Шексна

Расстояние от Устюга до Вологды мы проплыли в три дня, причем ежедневно останавливались служить обедни в встречавшихся на нашем пути селениях.

Везде, как и раньше, стекался со всех сторон народ и осаждал Батюшку всевозможными просьбами, причем, к чести обращавшихся к нему, нужно сказать, что все эти просьбы были больше об удовлетворении нравственной, духовной потребности, чем о материальной помощи.

В одном месте во время нашей остановки у небольшого поселка, где мы брали дрова, вместе с другими крестьянами вошла к нам на пароход женщина, неся на своей спине какое-то странное существо, плотно прижимавшееся к ней. Обезьянка – не обезьянка, но и на человека походит мало. Сгорбившееся туловище на длинных кривых ногах и с такими же длинными и тонкими руками плотно прижималось к спине матери. Большая продолговатая голова с впалыми щеками свесилась вперед и, казалось, готова была оторваться от тонкой с огромным кадыком шеи. Оказалось, этому странному существу 19 лет. Мать опустила его на палубу парохода у ног отца Иоанна.

– Помолись, родимый, о нем. Давно он к тебе просится. Так ничего не понимает, потому – убогий он, а к тебе вот давно все просится, – обратилась она к Батюшке.

Маленькое убогое существо подняло свои безумные глаза кверху и улыбнулось отцу Иоанну.

Батюшка взял в руки его голову и начал гладить и ласкать его.

– С испугу это с ним приключилось, – пояснила нам мать. – Еще мальчиком, по пятому годку, испугали его на пожаре. С тех пор вот и захирел, и поглупел.

После благословения отца Иоанна маленькое существо заметно оживилось. Оно радовалось. Радовалось, смутно понимая, что его приласкал тот самый, всегда и со всеми добрый кронштадтский Батюшка, отец Иван, о котором в его селе и в его семье с детства так часто упоминали.

Когда наш пароход отчалил от берега, за толпою баб, вошедших по колена в воду, я увидел сидящего на берегу Степушку – так звали испуганного мальчика – совсем веселого. Он подбрасывал кверху камешки и радовался, как радуются маленькие дети. Бабы окружили его и с любопытством смотрели то на него, то на наш удаляющийся пароход. Очевидно, со Степушкой произошло нечто такое, чего обыкновенно с ним не бывает.

21 июня утром отец Иоанн служил обедню в встретившемся нам большом селении Брусницы. Это село оставило в моей памяти сильное впечатление по двум причинам: во-первых, оно очень красиво раскинулось по гористому берегу Сухоны и своими массивными причудливыми избами и чисто русским простым населением, не тронутым еще городской культурою, представляет собою один из тех уголков коренной Руси, которые все реже и реже встречаются на больших судоходных реках; а во-вторых, я здесь чуть-чуть не наступил на покойника.

Странный обычай здесь существует при отпевании покойников. Во время обедни их ставят не посредине церкви, как это принято у нас, а на полу у боковой стены при входе в храм. Когда я вошел в церковь, где служил уже отец Иоанн, густая толпа молящихся плотной массой наполняла храм. Яблоку, как говорится, упасть было некуда. Кое-как протискался я к боковой стене и потихоньку пробирался вперед, с любопытством всматриваясь в старую почерневшую живопись на стенах. Вдруг нога моя ощутила что-то твердое. Думая, что это попалась ступенька перед образом, я уже занес ногу, чтобы стать на нее, но, взглянув вниз, я с ужасом отшатнулся назад. У моих ног, параллельно стене, стоял низенький деревянный гроб

с покойником. Не посмотри я на пол, и моя нога была бы в гробу.

На следующее утро мы были уже в пятидесяти верстах от села Шуйского и служили обедню в селе Иколицах. Здесь народ уже совершенно другого характера, чем в Брусницах. Исчезли сарафаны, и их заменили уродливые кофты городского фасона. Берега Сухоны стали заметно ниже и однообразнее.

Вечером мы вошли в реку Вологду, узкой лентой прорезывающую заливные поля и луга. Все видимое пространство весною покрывается водою, и тогда русло реки Вологды можно узнать только по высоким столбам, вкопанным на ее берегу. Спустилась ночь, и стало совершенно темно. Навстречу нам поминутно попадаются буксирные пароходы с баржами, и мы с трудом лавируем среди них. В полночь мы пристали к берегу в нескольких верстах от города Вологды. Мимо нас прошел совершающий рейсы между Вологдой и Архангельском огромный трехэтажный пароход Северного общества «Преподобный Савватий». Точно огромный дом с массою освещенных электричеством окон, в которых были видны десятки человеческих голов, он быстро пронесся мимо нас, оставив в воздухе след из миллиарда вылетевших из трубы искр.

Около восьми часов утра мы подошли к Вологде, и отец Иоанн сейчас же поехал в Спасоградский собор, где и отслужил обедню. Сделав затем нужные визиты в городе, отец Иоанн проехал в усадьбу городского головы Н.А. Волкова, отстоящую в трех верстах от Вологды. Старинный помещичий дом г. Волкова окружен огромным садом с длинными тенистыми аллеями. Когда мы подъезжали к усадьбе, в сад уже проникло человек сорок самой разнообразной публики; потом это количество возросло человек до трехсот. Все время до обеда, который был назначен в 2 часа дня, отец Иоанн гулял по саду, беседуя с подходившими к нему под благословение, лаская детишек и осматривая все интересные уголки сада. Вскоре приехали вологодский архиерей, губернатор и вице-губернатор. Обед был сервирован на открытой веранде, выходящей в сад. Этим обстоятельством воспользовалась публика, наводнившая

сад и не желавшая расставаться с отцом Иоанном, и окружила нашу веранду со всех сторон. Мы очутились как бы на сцене театра «при полном сборе», и потому чувствовали себя не совсем ловко. Но что было делать с людьми, не хотевшими оторвать глаз от обожаемого пастыря? В конце обеда отец Иоанн сошел на нижнюю ступеньку крыльца, и вся толпа в строгом порядке прошла по очереди мимо него, получая благословение. Из опасения, что при проводах отца Иоанна у той пристани, где стоял наш пароход, может произойти давка, Батюшке предложили сесть на другой пристани на путейский пароход, на котором представители города с губернатором во главе выразили свое желание проводить Батюшку до выхода нашего парохода из реки Вологды в Сухону.

Таким образом, собравшаяся на набережной публика неожиданно для себя увидела отца Иоанна, появившегося на путейском пароходе, проходившем мимо пристани. За путейским пароходом тронулся и наш «Св. Николай Чудотворец» и в таком порядке шел до того места, где отец Иоанн, простившись с провожающими, перешел по трапу на его палубу.

Вечером мы прошли 1-й шлюз и вскоре затем вышли в Кубенское озеро. Тяжелые свинцовые тучи нависли над озером. Порывистый ветер с силою дует нам навстречу и гонит волну за волною. Нас стало покачивать.

На Кубенском озере нас порядком-таки покачало.

Мои спутники рассказывали, что на этом озере в одну из своих поездок на родину отец Иоанн чуть было не сделался жертвою стихии, рискнув переплыть бурное озеро на маленьком лопаревском пароходике «Шестовце», который несколько раз уже был готов нырнуть в водную пучину вместе со своими пассажирами, но каким-то чудом спасся.

Утром 24 июня, выйдя из озера в канал, мы прошли четыре шлюза и остановились у Благовещенского прихода, где отец Иоанн отслужил обедню.

Огромный каменный храм, масса лавок, несколько постоялых дворов – все свидетельствует о зажиточности местного населения, занимающегося главным образом

торговлею. Отслужив обедню, мы сейчас же тронулись в путь. Опять от шлюза до шлюза за нами бежали толпы народа. Бежали бабы, старики и дети, бежали по несколько верст, спотыкаясь и падая от изнеможения.

Вскоре мы вошли в узкий канал герцога Вюртембергского и, пройдя около пяти шлюзов, повернули в Шексну. Здесь нам пришлось пройти еще два огромных каменных шлюза, сооруженных на самой Шексне. На гранитных набережных, по обе стороны шлюзов, при приближении нашего парохода собиралась масса публики. Но это был уже не народ, тот народ, который встречал и провожал нас на каналах, а именно публика. Много дам и барышень, учащаяся молодежь, чиновники и купцы. Большинство – местные дачники. Держат себя все чинно, почтительно кланяясь и подходя за благословением к отцу Иоанну.

Глава XV

Шексна и Волга. – Остановка в Рыбинске. – Имение Ваулово

И вдруг среди тишины раздаются истерические вопли.

К пароходу подводят молодую женщину, поддерживаемую старухой и шлюзным сторожем.

– Батюшка, дорогой, помоги ты ей! – кричит старуха.

– В чем дело, бабка? – спрашивает отец Иоанн и подходит к краю палубы, чтобы ближе видеть плачущую.

– Батюшка, горе со мной случилось, – сквозь слезы рассказывает молодая, – года с мужем не прожила, а он в нетрезвом виде на себя руки и наложил. Вот теперь одна с ребенком и осталась. И не знаю, можно ли за него молиться, можно ли поминание за грешную душу в церковь подавать.

Отец Иоанн сказал ей, что молиться за грешную душу и можно, и нужно и что он и сам за нее помолится, а поминать в церкви не следует. Взяв нового лоцмана, мы вышли из шлюза и довольно быстро поплыли вниз по течению.

После пустых северных рек, где только изредка среди дремучих лесов показывалось какое-нибудь селение, Шексна кажется очень оживленною и населенною. То и дело на берегах ее показываются хорошенькие дачи, густонаселенные села и

высокие заводские трубы. Навстречу нам тянутся бесконечные караваны барж, буксируемые огромными пароходами. В одном месте несколько караванов, каждый барок в 5–6, совсем запрудили и без того неширокую реку, и нам пришлось причалить к берегу и ждать, когда очистится фарватер.

Мимо Череповца мы прошли ночью и остановились здесь на несколько минут в надежде, что нас встретят монахини Леушинского монастыря и передадут нам письма из Петербурга.

Но так как мы плыли не по расписанию, то монахини нас ночью не ждали, и потому нам пришлось продолжать путь, не получив интересовавшей нас почты.

Ночь наступила уже совершенно темная, и потому команда нашего парохода зорко следила за сигнальными фонарями, указывающими фарватер. Утром 25 июня нас догнал большой пассажирский пароход, и с его мостика нам крикнули в рупор, чтобы мы остановились, так как к нам должны пересесть монахини Леушинского монастыря.

Оказалось, что после нашего отъезда из Череповца с пристани сейчас же дали знать о нас в монастырь и монахини с игуменьей во главе, не теряя времени, собрались и пустились за нами в погоню. Когда с парохода на пароход был переброшен трап, к нам перешла игуменья матушка Таисия и с нею две монахини. Еще раньше, как-то в разговоре, отец Иоанн говорил мне, что леушинская игуменья очень умная и образованная женщина, окончившая Екатерининский институт. Будучи внучкой великого Пушкина, мать Таисия унаследовала от своего деда любовь к поэзии, и сама написала много стихотворений, изданных в отдельной книжке и печатавшихся в некоторых периодических изданиях.

Прибытие игуменьи Таисии внесло на наш пароход большое оживление.

Многие получили давно ожидаемые вести от своих близких и радовались тому, что дома все благополучно, все здоровы. Мать Таисия сообщала отцу Иоанну о делах своего монастыря, которыми Батюшка всегда очень интересовался. Теперь же в Леушинском монастыре ждали с нетерпением приезда отца Иоанна около 300 слушательниц педагогических курсов,

находящихся при монастыре. Будущие учительницы перед вступлением в трудную жизнь хотели получить благословение Батюшки. Около двух часов дня мы остановились в одном месте у постоялого двора, чтобы погрузить дрова. Находившийся здесь народ так обрадовался отцу Иоанну, что команде нашего парохода совсем не пришлось носить дрова. Дрова быстро были перенесены с берега на пароход сотнею добровольцев. Носили крестьяне, бабы, старики и подростки, мальчики и девочки. В довершение всего хозяйка постоялого двора и владелица дров наотрез отказалась взять за дрова деньги.

– Помилуйте, этакое счастье на мою голову свалилось – говорила она, – а я вдруг деньги с дорогого Батюшки возьму.

Перед вечером, когда до слияния Шексны с Волгою оставалось не более двадцати верст, мы увидели у левого берега реки полузатопленную груженную хлебом баржу. Несколько человек, находившихся на барже, махали нам шапками и что-то кричали. Увидев бедствующих, отец Иоанн распорядился остановиться. Вскоре с баржи подплыла к нам лодка и в ней три человека: как оказалось потом, купчик – владелец затопленного товара, его приказчик и агент того страхового Общества, в котором был застрахован товар. Все трое были весьма навеселе, а потому сразу и не сообразили, на чей пароход их приняли и что за священник стоял перед ними на палубе. Особенно был весел агент страхового Общества. Взобравшись на палубу, он крикнул привезшему в лодке всю компанию рабочему:

– Там под лавкой корзинка с пивом есть, так ты тащи ее во второй класс, мы ее там прикончим! – и, достав из кармана портсигар, собирался уже закурить.

Кто-то из присутствующих заметил ему, что на пароходе никто не курит, так как Батюшка не любит табачного дыма.

– Позвольте, при чем тут батюшка, – запротестовал было он…

Но тут глаза его устремились на отца Иоанна, ласково смотревшего на него, и он, очевидно, сообразив, что за

Батюшка стоит перед ним, чуть было не выронил свой портсигар.

– Да неужели, да не может же этого быть! – залепетали его уста. – Батюшка, дорогой, простите нас ради Христа, а мы-то думали, что на обыкновенный пароход попали. Экое счастье ведь! Видел не раз вас, да все издалека; за народом пробраться к вам не мог.

Он и его два спутника долго не могли прийти в себя. И радовались они, что так неожиданно увидели отца Иоанна, и совестно им в то же время было, что попали на пароход Батюшки в таком некрасивом виде.

Им предложили чай и проводили в отдельную каюту.

– Это вы с горя, вероятно, так? – не удержался я от вопроса.

– Какое там с горя! С радости, а не с горя, – смеется все тот же развеселый агент.

– Какая же радость в том, что погибло столько товара: ведь это же убыток хозяину, – удивился я.

– Слышишь, это убыток для тебя, – обратился он с ядовитой улыбкой к владельцу хлеба и звонко расхохотался.

Из дальнейшего разговора я понял, что хозяин товара не только не опечален гибелью его, а наоборот, очень даже доволен таким обстоятельством.

– Когда бы там еще прибыла баржа с хлебом в Питер, да когда бы еще покупатель на хлеб нашелся, – пояснил мне агент, – а тут дело готово: ступай да и получай страховую премию.

Вскоре вся компания, устроившись среди сундуков и чемоданов, уснула крепким пьяным сном, а когда пароход пришел в Рыбинск и их разбудили, они как-то незаметно исчезли с парохода, очевидно, конфузясь за прошлое.

В 8 часов вечера мы вошли в Волгу и остановились у Рыбинска. Целый лес мачт и пароходных труб. Целый плавучий город на реке. Деревянные и брезентовые крыши покрывают миллионы пудов хлеба, привезенного сюда в огромных баржах, плотной массой закрывших всю реку. Река скрылась под прибывшими с низовьев матушки Волги караванами. Только узкий проход оставлен для судоходства. Подойти поэтому к

одной из пристаней Рыбинска было очень трудно. Мы причалили к пристани казенного спасательного парохода «Охрана» и, чтобы попасть на берег, должны были пройти через широкую палубу «Охраны», матросы которой помогли сдержать напор толпы, когда отец Иоанн садился в поданный ему экипаж.

Пароход «Охрана» вполне оправдывает свое название. Стоя среди огромных караванов, «Охрана» каждую минуту готова прийти на помощь терпящему аварию судну. На «Охране» несколько самостоятельных машин и для тушения пожара и для водоотлива.

Ночевал отец Иоанн в доме местного крупного хлеботорговца г. Клементьева.

Дом г. Клементьева своим фасадом выходит на набережную, и потому мы долго, перед тем как идти спать, любовались чудной панорамой Волги, по которой сновали взад и вперед десятки различных пароходов, освещенных разноцветными огоньками.

Утром отец Иоанн отслужил обедню в прекрасном кафедральном соборе и затем отправился делать визиты в городе.

Пользуясь свободным временем, я отправился осматривать новую церковь при Баскаковском приюте. О церкви этой в городе все говорили, так как шел горячий спор о том, можно ли ее открыть для молящихся или нельзя. Дело в том, что, выстроенная в новом стиле, по утвержденному и одобренному московскими профессорами проекту учеников Строгановского училища, она не нравилась некоторым местным критикам, и потому стояла закрытою. На меня церковь произвела самое приятное впечатление. Я не могу себе представить более удачного сочетания нового стиля с древневизантийским. Вее горе в том, что местные критики не все поняли. Оксидированное серебро дарохранильницы они нашли очень похожим на плесень, и это им не нравится. Нужно, видите ли, чтобы все блестело, как только что вычищенный самовар. А этого-то здесь и нет. Наоборот, во всем видно старание передать впечатление родной русской старинушки, что блестяще и выполнено строителями. По-моему, в новом храме Баскаковского приюта

город Рыбинск приобрел новую достопримечательность, и будет очень жаль, если по щучьему веленью его начнут «исправлять».

Отобедав в гостеприимной семье гг. Клементьевых, отец Иоанн простился с хозяевами, навестил еще несколько семей в городе и прибыл на пароход. В три часа дня мы уже отчалили от пристани «Охраны» и, кое-как пробравшись между караванами судов на средину реки, поплыли вниз по Волге. Отец Иоанн ехал теперь осматривать одно имение в Борисоглебском уезде, подаренное Иоанновскому Петербургскому монастырю сенатором Мордвиновым. Около 6 часов вечера мы уже подъезжали к Романову-Борисоглебску, на набережной которого в ожидании отца Иоанна собралась большая толпа народа.

Кое-как пробравшись к приготовленным для нас экипажам, мы уселись и поехали сначала по круто спускающемуся к Волге берегу мимо старых полуразрушенных лачуг и одноэтажных, деревянных домиков, потом поднялись на гору, проехали мимо красивого древнего собора, в котором несколько лет тому назад произошла знаменитая катастрофа с богомольцами, и затем выехали на дорогу, ведущую в Ваулово – имение, принадлежащее теперь Иоанновскому монастырю.

Дорога идет по гористой, в высшей степени живописной местности. Тенистые рощи сменяются богатыми нивами. Целое желтое море созревшего хлеба колышется с левой и с правой стороны черной дороги. Высокие ветряные мельницы с полуободранными недавней бурей крыльями стоят на пригорках. За ними виднеются богатые избы зажиточных крестьян. Не избы, а хорошенькие дачки с узорчатыми окнами и крылечками и нередко с железной крышей. Да и неудивительно, потому что хозяева большей частью занимаются торговлей в Петербурге или Москве. Только семьи их живут здесь.

Но вот среди зеленой рощи показались две белые старинные церкви, такая же белая колокольня и большой барский дом. Это и есть Ваулово, бывшая собственность сенатора Мордвинова.

– Хорошее имение; хорошо будет здесь монахиням, – заговорил с нами ямщик. – Вот и колокольня эта замечательная, – продолжал он, – так в ней колокола подобраны, что «Коль

славен» играть можно. И звонарь такой есть, что играет. Вероятно, его при колокольне и оставят. Да и батюшку здешнего, отца Павла, тоже, наверное, оставят, потому что священник редкостный. Не священник, а отец родной! Тридцать шесть лет уже здесь служит. Да как служит-то! И певчих здесь нет, а из других приходов народ к нему идет, – потому служит с душой... Постник он и праведной жизни человек, – закончил наш ямщик, когда мы уже въезжали на широкий двор усадьбы, где мы были встречены хозяином дома с чисто русским радушием и гостеприимством.

В Кронштадт, к батюшке

Ему всегда был присущ дух радостного прославления Бога, как у нас, грешных, в день Святой Пасхи; от него не было слышно покаянных воплей; он больше радовался, чем скорбел; он, видимо, в молодости еще отмолил свои грехи, и в нем постоянно ликовала эта благодатная, духовная победа над грехом, диаволом и миром... Видеть такого человека, слышать сего облагодатствованного христианина, молиться с этим великим пастырем Церкви Христовой составляло великое духовное наслаждение для русского народа. Отец Иоанн проходил в своей жизни пред нами как носитель веры побеждающей, торжествующей.

Вот почему люди так неудержимо тянулиськ нему, так жаждали его.Каждый из них как бы так говорил себе: «Пусть я немощен и весь во грехах; но вот, есть в мире праведник, который препобеждает нашу греховную природу; естъ такая душа христианская, которая все победила и получила благодатную силу великого молитвенного дерзновения, которая только и торжествует о красоте сладчайшего Иисуса...»

Высокопреосвященный Антоний, архиепископ Волынский

Священник Иоанн Попов. Поездка в Кронштадт к отцу Иоанну

(Выписка из дневника сельского священника)

Как хорошо чувствуешь себя, когда обновишься духом... И, если бы не житейская расчетливость, а иногда и прямая нужда, следовало бы каждый год совершать паломничество хотя бы к ближайшей святыне.

В ином мире душа моя витала и блаженствовала неизреченно, неизъяснимо чудесно... Какое назидательное впечатление производят на душу, особенно на душу сельского обывателя, особенно на душу предочистившуюся исповедью, отправление богослужения «по чину» и внешнее благолепие храма Божия!

Такого неземного счастья удостаивает Господь паломника. Благодарение Богу! Был и я паломником. Был счастлив я: за небольшое материальное лишение получил от Господа богатство духовное.

Им-то и хочу я поделиться с читателями.

1892 года, января 21 (вечер), 22, 23 и 24 (утро) я был в Кронштадте, у отца Иоанна. Всем известны его имя, его деяния. Много о нем писано. Но думаю, что и мои просто изложенные строки не будут лишены хотя небольшой доли назидательности и интереса. Делаю выписки из дневника, какой я вел во время поездки в Кронштадт.

Переночевавши в Петербурге, спешу в Кронштадт. За 33 копейки доехал по железной дороге до Ораниенбаума; здесь за 40 копеек нанял извозчика. Что за торжественный поезд был до Кронштадта по морю! Дорога по льду ровная и прямая, со столбами, с будками, и по этой линии гуськом, от самого Ораниенбаума и до Кронштадта, на протяжении восьми верст, почти беспрерывно вытянулись подводы извозчиков с пассажирами: едут в одну лошадь, едут парою, тройкой сани всевозможных сортов, равно как и сами извозчики – русские, чухонцы, как и самые лошади – русской и чухонской породы. Сотни подвод едут в Кронштадт, обгоняют друг друга, и все «к

Батюшке». Едут изредка и обратно: вот летит резвая пара лошадок с санками, а в них сидят какой-то военный и рядом с ним женщина, и платочком последняя закрыла лицо. «Верно, плачет», – подумалось мне. Чем ближе подъезжал я к Кронштадту, тем более и более какое-то радостное чувство охватывало меня. Вот и Кронштадт: поверхность суши, на какой расположен город, почти ровна с поверхностью моря; видны целый лес мачт зимующих судов и трубы фабрик.

При самом въезде в город встречают гостей услужливые хозяйки квартир: «К нам, к нам пожалуйте: у нас Батюшка бывает каждый день», – даже извозчик предлагает подобного же рода услугу, но я, запасшись раньше адресом покойной квартиры, строго приказываю извозчику везти меня на Андреевскую улицу, в квартиру против ворот отца Иоанна. Вот и собор Андреевский... Слава Богу! Вот и дом отца Иоанна! Какое счастье – видеть воочию то, о чем так много читал!.. Величие духовное скромно обставлено внешне. Вот ворота во двор, где надпись гласит: «Церковный дом Андреевского собора»; по обе стороны ворот нечто вроде большого палисадника за высокой деревянной решеткой; во дворе виден двухэтажный дом каменный с железной крышей, и в нем-то, на втором этаже, в нескольких комнатах, живет «он», интересующий тысячи христиан – отец Иоанн.

Вхожу в квартиру; хозяйка радушно встречает и предлагает за недорогую цену комнатку. Осматриваю новое временное жилище. Все говорит о «дорогом Батюшке»: во всех комнатах, кроме икон с горящими лампадами, висят на стенах, в хороших рамках, большие портреты отца Иоанна с собственноручными его надписями; на столах, под иконами, фарфоровые вазы с водою для водосвятного молебствия. Приезжие прибывают и размещаются кто в общей комнате, кто в особых. Характер совместной жизни приезжих между собою чисто семейный, даже с религиозно-набожным оттенком: все объединяются одною мыслью, одним желанием скорее видеть «дорогого Батюшку», помолиться, побеседовать с ним… Около четырех часов вечера. Пора к вечерне. Идем в собор; около полуверсты до него от нашей квартиры и дома отца Иоанна; и припомнил я читанное в

биографии отца Иоанна, что он не может пройти эту полуверсту, а непременно нужно ехать, чтобы не задерживала толпа. Подхожу к собору; на ограде его развешана так называемая «уличная» библиотека: в рамках, за стеклом, по одну сторону собора развешаны «Троицкие листки», а по другую сведения об «Обществе спасания на водах».

Вхожу в собор: чистенький, просторный, светлый, трехпрестольный. Началась вечерня; на клиросе были чтец и три-четыре человека певцов; отца Иоанна нет: в Петербург уехал.

После вечерни возвращаюсь в квартиру. Около 6 часов вечера хозяйка сообщает: «Не угодно ли кому на акафист?» Я поинтересовался узнать более подробные сведения об этом; оказывается, читаются акафисты в доме купца Быкова, читает их «господин» (не духовная особа). Идем «на акафист»: желающих послушать его нашлось в нашей квартире немало.

Входим в дом купца Быкова. Нашему взору представляется нечто вроде часовни: большая молельная комната, впереди множество в ряд икон, как иконостас в церкви, со множеством горящих лампад и свечей. Народу уже было много, и все что-то пели. Протискиваюсь через толпу вперед, к решетке; вижу «господина» – старичка, который, как после оказалось, есть не хозяин дома, а просто чтец «с благословения Батюшки». Стою, вслушиваюсь: поют «Благослови, душе моя, Господа», «Блажен муж», «Господи воззвах», «Свете тихий», «Сподоби, Господи». Обращается затем чтец к толпе и сообщает: «Вот только что получена из Москвы книжечка «Моя жизнь во Христе» – извлечения из дневника нашего Батюшки отца Иоанна; прочтем из нее». И прочитал он предисловие и несколько страниц названной книги. Было чтение и акафиста Пресвятой Троице, причем все присутствующие пели «Свят, свят...» и «Аллилуйя». Читал и я акафист святому Митрофану. Одним словом, это времяпрепровождение напомнило мне наши деревенские внебогослужебные собеседования и очень понравилось.

Этим и закончился 1 -й день, или вернее первый вечер моего пребывания в Кронштадте.

«Он весь в Боге и видимо угоден Богу!» – вот общее выражение того восторженного чувства, которое охватывает всякого, кто имел счастье быть близко около отца Иоанна Кронштадтского.

Слава Богу, что удостоил Господь и меня, грешника, быть около досточтимого Батюшки, видеть его, слушать его и даже быть его сомолитвенником. Я был настолько счастлив, что отец Иоанн был не только дома, но и его седмица служения была, тогда как в другую седмицу он мог бы служить литургию, например, в Петербурге. Начну же описывать по порядку.

Восставши от сна, прочитавши правило ко Причащению Святых Таин, в 5 часов 30 минут утра иду в собор. Нищие уже снуют по улице. Вхожу в собор: еще пуст и темен он; только у ктиторского ящика освещение и люди. Народ прибывает и спешит занять место ближе к решетке, у солеи. Только что успел я осведомиться у псаломщика, можно ли будет и мне служить литургию вместе с отцом Иоанном, и узнал, что этим отец Иоанн бывает доволен, только что успел снять с себя верхнее теплое платье и стать у боковых северных дверей алтаря, как вижу: еще в полумраке, как тень, промелькнула духовная особа в холодной (летней) ряске, небольшого роста, и прямо к престолу, упала ниц, остановилась на несколько мгновений в молитвенно-недвижимом коленопреклоненном положении, приложилась к престолу, так же быстро прошла к жертвеннику... Это он, отец Иоанн! Догадывался я и не ошибся. В алтарь пробрались уже какие-то светские интеллигентные лица, которые через псаломщиков возложили на жертвенник записочки поминальные. Отец Иоанн поспешно просмотрел записочки; заметивши в алтаре присутствие незнакомых личностей, подошел к ним, на несколько секунд остановился, благословил их и выслушал просьбы. Подошел отец Иоанн и ко мне, поздоровались обычно, за руку, расспросил, откуда и кто я, причем я испросил позволения принять участие в богослужении.

Между тем утреню, в боковом приделе, начал другой священник. В алтарь прибывают новые и новые лица, которые и стараются на каждом шагу, на всяком месте уловить, остановить отца Иоанна, высказать ему свои просьбы... Когда

замечает отец Иоанн, что слишком уже много суеты в алтаре, то, вероятно, боясь рассеяться мыслью и отвлечься вниманием от внутренней молитвы, он быстро идет, уже как бы не обращая внимания ни на кого, в третий придельный алтарь, где нет службы, скрывается там и, припадши ниц перед престолом или облокотившись на жертвенник, несколько минут горячо внутренне молится; снова возвращается в главный алтарь, и снова докучливые просьбы с разных сторон.

Пока я вычитал светильничные молитвы, слышу, на клиросе уже начинается канон, пропели ирмос и кто-то читает так необычно – оригинально. «Это он», – подумал я, заметивши отсутствие отца Иоанна в алтаре, и перешел к южным дверям. Позиция самая удобная: вижу лицо отца Иоанна и слышу его чтение...

И что же? Ехал я за полторы тысячи верст сюда, чтобы чему-нибудь поучиться у отца Иоанна, а вот и чтение его – неподражаемое чтение! (А подражать, все-таки, многому у отца Иоанна можно и должно.) Читает отец Иоанн именно как беседует, разговаривает с Богом, Богородицею и святыми. Голос – второй тенор – чистый, звучный; произношение членораздельное, отчетливое, отрывистое: одно слово скажет отец Иоанн скороговоркой, другое протяжно, чуть не по слогам разобьет его; при этом все существо отца Иоанна настолько проникается мыслями, какие содержатся в чтении, что он не может удержаться от жестов самых выразительных; неспокоен он: то как бы блаженная улыбка сияет на устах его при чтении, например, о небесной славе Бога, Богородицы и святых Божиих, то как бы праведный гнев срывается из уст его, особенно при чтении слов «сатана», «диавол», то наклоняется отец Иоанн главой своей к самой книге, то потрясает ею так величаво, так чудно торжественно, то, наконец, во время пения ирмоса или ектеньи отец Иоанн, если не подпевает сам с певцами, преклоняет одно или оба колена тут же на клиросе, закрывает лицо руками и умильно молится-молится, горячо молится. Эта-то горячая молитва и есть вина только что описанных жестов отца Иоанна, и ничуть не свидетельствуют они о каком-то

болезненно-нервном состоянии отца Иоанна, как ошибочно писали где-то.

По шестой песни и ектеньи отец Иоанн восклицает: «Кондак!» – и читает его. Кончив чтение канона, быстро входит отец Иоанн в алтарь и падает пред престолом; укрепив себя молитвою, идет снова на клирос и читает «стихиры на стиховне».

На первом часе мы, шесть священников, во главе с отцом Иоанном, вышли из алтаря, совершили «входные молитвы» и начали облачаться. Отец Иоанн скорее всех облачился и приступил к совершению проскомидии. Имена на записках читали все мы, часть их прочитывает и сам отец Иоанн, а чаще того, вынимая из просфор частицы, он молится вслух: «Помяни, Господи, принесших и их же ради принесоша... помяни всех поименно, их же имена Ты Сам веси...» Целые корзины просфор были снесены в придельный алтарь, и там два священника вынимали частицы.

Началась ранняя обедня.

В камилавке, с сияющим крестом и цепью на груди, с легким румянцем от внутренней теплой молитвы на лице предстоял наш настоятель и крепкий молитвенник. Вот он вдруг, неожиданно, порывисто берет святой напрестольный крест и с любовью целует, или вернее именно лобызает его: обнимет его обеими руками, глядит на него так умиленно, уста шепчут молитву, раза три-четыре облобызает и щекой, и челом своим прильнет к нему!.. При возгласах на литургии у отца Иоанна та же интонация голоса, как и при чтении канона на утрени, хотя некоторые возгласы произносит он и протяжно, но с таким усилием голоса, с таким умиленным взором очей на горнее место, или вовсе зажмурившись и углубившись в самого себя, что стоять в эти минуты около него равнодушно нельзя. Во время литургии отец Иоанн не только внутренне, но и внешне покоен: внимание его всецело сосредоточено на имеющих быть вскоре на престоле Тайнах Христовых, и тело его как бы приковано к престолу. Служебника отец Иоанн почти не касается; все молитвы прочитывает вполголоса на память. Чем ближе подходят минуты пресуществления Святых Даров, тем

более и более возвышенное настроение души отражается в голосе и лице отца Иоанна.

Вот после Херувимской песни отец Иоанн скоро окончил положенную в служебнике молитву, облокотился о престол, объял лицо свое руками, челом своим прильнул к покрову, сокрывшему в себе имеющие вскоре преложиться Святые Дары: отец Иоанн сокрылся от любопытных взоров людских, он как бы застыл в этом положении, а душа горит огнем молитвенным... Дивное мгновение! Незабвенная картина! И это для нас, окружающих престол, а что же чувствовала его душа? Именно горе – к небу возносилась она!

Вот отец Иоанн воспрянул, как бы очнулся, и снова уста его выражают молитву сердца.

«Горе имеем сердца!» – восклицает отец Иоанн, обратившись к Царским вратам и к народу, возведши руки горе, – и тотчас же их опускает: как крыльями хочет взлететь и тело его туда, где витает дух его...

«Благодарим Господа! Достойно и праведно есть поклонятися...» – снова восклицает отец Иоанн, первые слова громче, а последние тише и начинает молитву. «Примите, ядите, сие есть Тело Мое», – делает отец Иоанн особенное ударение и повышение голоса на слове «Тело» и так торжественно при этом указывает перстом. При возгласе «Твоя от Твоих» особенное ударение голосом сделал отец Иоанн на слове «о все-ех»: чувствует душа его тяготу бремени, какое возлагают на него все просящие молитв его, и вот он сам просит у Бога подкрепления немощной плоти своей.

«Преложив Духом Твоим Святым! Аминь!» – искренно верующим тоном возглашает отец Иоанн и, как бы для большего уверения предстоящих в алтаре, дополняет: «Бог явися во плоти!..» И еще что-то шептали уста его, я уловил слухом своим выражение: «Окружаемый ангельскими воинствами!..» Но и без слов, по всем чертам лица отца Иоанна ясно видно, что он всецело занят Святыми Тайнами, это излюбленная тема его молитвенных размышлений и в дневнике. Между прочим, это благоговение к Святым Тайнам проявляет отец Иоанн и в том еще, что несчетное число раз

неспешно, без крестного знамения, преклоняет он главу свою пред великими Тайнами в глубине своего искреннейшего смирения... О, не напрасно я чаще всего упоминаю об искренности в молитве отца Иоанна...

Жалко, обидно вспомнить, что есть люди, не верящие этой искренности! Они сами никогда не испытывали, что значит искренняя, горячая молитва, не хотят ее видеть и в других. А между тем тут ли место подозрению? Полнейшее бескорыстие и нелицеприятие – вот вернейшее ручательство того, что отец Иоанн, его жизнь, его молитва «поразительнейшее знамение времени», как выразился покойный Высокопреосвященный Никанор, архиепископ Херсонский. Тут ли место какому-то притворству дивного пастыря? Опомнитесь, кощунники!.. Подумайте о себе: не уподобляетесь ли вы отчасти тем современникам Спасителя, которые и Его – Спасителя, Святейшую Истину – называли «вельзевулом»? Подобает и тут соблазнам быть, но горе тем, ими же соблазн приходит!..

Вот приобщился отец Иоанн Тела и потом Крови Христовых и, ставши вдали от престола, пока подходили причащаться мы, снова молится – умиленные взоры очей то возведет горе, то опустит долу... Приступил отец Иоанн к раздроблению частей Агнца для приобщения мирян; и тут, хотя в служебнике не положено никаких молитв, но, чтобы при таком святом деле, сохрани Бог, не смутили душу праздные мысли, отец Иоанн снова шепчет молитву, и до моего слуха доносятся отрывочные выражения из канона Симеона Логофета «На распятие Господне и плач Пресвятыя Богородицы».

Литургия кончилась. Отец Иоанн, не разоблачаясь, быстро идет к столику около жертвенника, собирает жертвы – рублевые и более крупные бумажки, поспешно и небрежно кладет их в карман, чрез южные двери спешит на клирос и здесь оделяет чтецов и певцов; последние, особенно мальчики, спешат целовать руку благодетеля. А в боковых алтарных дверях уже ожидают новые просители благословения и молитвенной помощи; заметивши их, отец Иоанн быстро проходит Царскими вратами и, помолившись пред престолом, затем уже выслушав

наскоро просьбы лиц, стоящих в алтаре, выйдя для того же и на солею, в разные концы ее, начинает молебен.

Молебен отец Иоанн совершает поскору, и, однако, молитва его плодотворна. В этом именно месте нелишним я считаю привести выдержку из дневника отца Иоанна о молитве: «Можно ли молиться с поспешностью, не вредя своей молитве? Можно тем, которые научились внутренней молитве чистым сердцем... Но не стяжавшим сердечной молитвы надо молиться неспешно». И вот отец Иоанн, как уже стяжавший от Бога драгоценнейший дар – сердечную внутреннюю молитву, внешнюю обрядовую форму ее выполняет поспешно. А я занимаюсь часто казуистическими вопросами в своей пастырской практике, преследую букву, а «дух» опускаю без внимания. Горе мне, ленивому!

Молебен, совершаемый отцом Иоанном, был без акафиста. Евангелие прочитал отец Иоанн опять тем же разговорным тоном и, кончивши это чтение, с искренним чувством благодарности воскликнул: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!» К Евангелию и Кресту почти никого не допустил.

Теперь кто свободен может уходить из храма Божия, а отец Иоанн остается сам со своими «друзьями», «детьми». Внимание! Начинается общая исповедь, одно из потрясающих явлений в кронштадтском нравственном мире. Я, разоблачившись, стал на левом клиросе, где стояли и некоторые интеллигентные лица.

После начального возгласа отца Иоанна молодой с сильным голосом псаломщик читает отчетливо и скоро «Последование о исповедании». Выходит из алтаря на амвон в смиренном виде, без камилавки, отец Иоанн... Говорит он поучение о покаянии. Дорого тут и то, и другое, и третье: и кто говорит, и о чем говорит, и как говорит. Прямо, без обычного «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», отец Иоанн два раза при мне начинал поучение так: «Грешники и грешницы, подобные мне! Вы пришли в храм сей, чтобы принести Господу Иисусу Христу Спасителю нашему покаяние во грехах своих...» Сказавши несколько прочувствованных слов, отец Иоанн заявляет: «Слушайте… буду читать покаянные молитвы».

И – читает!.. Неописуемо, невыразимо хорошо читает эти молитвы отец Иоанн. «Боже Спасителю наш... – взывает отец Иоанн, умилительно взирая на икону Спасителя, – ...рабов Твоих с-и-х-ъ». Читает отец Иоанн эти слова протяжно, разбивая их по слогам, обратившись к народу, и тут-то... Ах! Какие поразительные жесты делает отец Иоанн всякий раз при слове «сих» или «их»: или всей раскрытой десницею поведет над главами низу амвона молящихся, или – что еще выразительнее – как пророк грозного и праведного Судии, указует перстом в толпу, в ту или другую сторону ее... Ах, как это выходит трогательно, умилительно и в то же время страшно, когда вспомнишь невольно свою нравственную нечистоту.

Прочитавши молитву, отец Иоанн заявляет, что ее нужно «протолковать», и продолжает опять речь о покаянии: как согрешили упоминаемые в молитве цари Давид и Манассия, как каялись они и как нам нужно каяться. Поучение, по-видимому простенькое по выражениям, нехитро витиеватое по изложению и, однако, своеобразное во всем: и в слове, и в изложении, и в самом произношении. Приметил я, что с особенною любовью отец Иоанн произносит имя Спасителя или Святой Троицы и к этому имени непременно присоединит эпитета три-четыре с постепенными повышением и ударением голоса на каждом слове. Впрочем, можно догадываться, что отцу Иоанну присуща какая-то особенная тайна сильно действовать на сердца слушателей.

Начал отец Иоанн читать вторую молитву и на средине же вставил объяснение, так что и самое объяснение, выраженное церковнославянским оборотом речи, составило как бы продолжение молитвы: и все это произнесено сердечно-задушевно, то в обращении к иконе Спасителя, то к народу. А в народе давно уже слышатся молитвенные воздыхания, слезы у многих на глазах, а отец Иоанн именно о них-то чаще всего и напоминает в поучении. Понравилось мне особенно одно выражение: «Да! У нас что за покаяние?.. Все мы только верхушечки, стебельки грехов срываем. Нет! Корни, корни грехов нужно вырывать...» И действительно, своими словами, с увлечением сказанными, своими жестами, естественно и так

выразительно сделанными, отец Иоанн довел кающуюся тысячную толпу до такого настроения, что когда, приблизившись еще шага на два по амвону к толпе, почти в повелительном тоне произнес он: «Кайтесь же! Кайтесь!» – и повел рукою в разные стороны, то по всей церкви поднялся страшный, неслыханный плач-рыдание... Вопит отчаянным голосом какая-то женщина: «Батюшка! прости! дорогой ты наш, помолись!» «Прости меня, Господи, окаянного», – слышится еще сильнее голос с другого конца... Слезы у всех льются неудержимо...

Чем дольше времени, тем больше слез: вот и сзади меня и напротив, на правом клиросе, стояли доселе, по-видимому, равнодушные, более любопытствующие лица, но вот и они преклоняют колена и проливают горючие слезы... У меня самого растеплилось сердце черствое, огрубелое, скатилась слеза и у меня, слеза покаянная, слеза благодатная, слеза живительная, слеза спасительная! Ах, как усладительны те слезы покаянные! А сам Батюшка? А он, высказавши последнюю просьбу: «Кайтесь же! Кайтесь!», повторивши ее на амвоне и на двух концах солеи, стал на амвоне и, не отвращая лица от народа, прислушиваясь к покаянному плачу его, – сам, посредник между Небесным Судиею и кающимися грешниками, сам, земной судия совестей человеческих, стоит недвижимо, поник главою и весь погрузился во внутреннюю молитву. Наконец и сам отец Иоанн пролил слезы, отер их белым платочком и перекрестился в благодарность Богу за слезы покаянные народные... О, незабвенная картина!.. И она была довольно продолжительна, никак не меньше пяти, а то и всех десяти минут (не до точных вычислений было).

Дух сокрушения о грехах проник во все сердца. Перечисления грехов, наименования их я не слышал, а, говорят, бывает иногда. «Тише-тише, братья», – слышится новая просьба Батюшки. Устанавливается тишина, хотя и слышится глухое, затаенное в глубине стесненного сердца воздыхание. «Слу-шай-те! Мне, как и всем священникам, Бог даровал власть вязать и разрешать грехи человеков... Слушайте, прочитаю молитву ра-зре-ши-тельную! Наклоните главы свои: я накрою вас епитрахилью и благословлю, и получите от Господа прощение

грехов». Тысячи голов смиренно преклоняются, читается разрешительная молитва, берет отец Иоанн конец своей епитрахили и проводит по воздуху на все стороны и благословляет.

Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Удостоил Ты и меня, грешника, испытать блаженное состояние: слезы, туга сердечная сменились неизъяснимою радостью, облегчением на сердце. Да, что ни говорите, как ни судите, люди маловерующие, а здесь необычное явление. Здесь же и урок мне, например. Пастырь кронштадтский в общей исповеди достигает несравненно больших плодов, чем я в частной исповеди, хотя бы я не только пять-десять минут, а и полчаса, и целый час говорил бы о покаянии каждому пришедшему ко мне на исповедь грешнику. Вот и осуди, законник, общую исповедь отца Иоанна: Бог заступник его. Равно как нет здесь и поблажки лени моей: за мою общую исповедь Бог осудит меня. Отец Иоанн в исключительных условиях в этом случае.

При таком чтении молитв, при таком толковании их, а главное, при таком наглядном результате всего этого, какой мы уже видели, не представляется особенной надобности читать положенное в требнике увещание «се чадо...», и оно опускается отцом Иоанном.

Слышится новое заявление Батюшки: «Теперь слушайте молитвы ко Причащению» – и молодой псаломщик громко, отчетливо читает их; сам отец Иоанн молится пред престолом. Недолго продолжается чтение молитв; отец Иоанн выносит большой потир, наполненный Святыми Тайнами, отец диакон становит на амвон деревянную устойчивую колонку и поддерживает поставленный на нее потир. «Друзья! Вы будете причащаться. Со страхом Божиим и верою приступите. Кронштадтские сторонитесь, пусть подходят прежде приезжие... не толпитесь, стойте задние по своим местам... Подходите к Чаше со скрещенными на груди руками... Причастившись, целуйте край Чаши, как ребро Господа нашего Иисуса Христа. После этого не кладите земного поклона... Помните, к чему вы подходите: в самой малой частице – всецело Христос», – такое и подобное краткое увещание делает отец Иоанн, и начинается

Причащение не менее тысячи оплакавших свои грехи христиан. Постоявши еще немного, я вышел из храма Божия. А следовало бы еще и еще постоять: быть может, услышал бы еще что-либо. Говорят, что иному отец Иоанн отказывает в Причащении до времени более искреннего раскаяния; многие кронштадтцы объясняют мне это прозорливостью отца Иоанна; верю этому и я.

Слава Богу за все виденное и слышанное!

Сейчас же, непосредственно по окончании приобщения мирян, не заезжая домой, на извозчике, даром предложившем свои услуги «батюшке-кормильцу», отец Иоанн отправился служить молебны по квартирам, где есть приезжие и куда звали хозяева их квартир.

И вот мы так же ждем его посещения. Проходит одиннадцатый час, проходит двенадцатый и первый часы в томительном ожидании отца Иоанна для молебствия. Все приготовлено для этого: лампадки все зажжены, на столе, в «общей» комнате, сложены поминальные записочки, а на тарелочке – жертвы (серебряные монеты), даже ваза с водой открыта...

Вот уже и отец Иоанн в соседнем доме... Мы в тревожно-возбужденном ожидании... Вдруг мимо наших окон промчалась пара лошадей с извозчиком в санках... «Отца Иоанна увозят! Отец Иоанн уезжает в Петербург!» – пронеслась между нами печальная весть... Меня просит хозяйка сопутствовать ей в соседний дом с просьбою к отцу Иоанну посетить и нас. Идем. Меня пропускают в дом и дверь входную на запор, так как на улице уже собралась толпа, которая окружила санки и напирает в двери дома. Стою я в выходном коридоре, прислушиваюсь и наблюдаю: кратко и поспешно совершается молебен в комнате одной, потом другой; замечаю большую суету в доме, особенно самой хозяйки: то быстро подойдет она к выходным дверям и прикажет, чтобы заперли и никого не пускали в дом, в самом доме те двери отворит, другие затворит; сами квартиранты чуть не буквально бегают из одной комнаты в другую, очевидно, за Батюшкою...

Быстро растворяется дверь, и отец Иоанн быстро идет к выходу; какая-то старушка накидывает на него его теплую рясу, и не заметил я, как моментально он надел ее, на ноги калоши, взял шапку и уже очутился совсем у выходной двери, а тут и сани; его преследует толпа, в коей замешался и я; со всех сторон слышатся просьбы: «Батюшка! Зайдите к нам! Благословите! Болящая! Батюшка! Батюшка!» У выходных дверей, несмотря на все старание молодого псаломщика, так стиснули отца Иоанна, что он немного поморщился, но не сказал ни слова; прорвался он чрез толпу, сел в сани; но толпа устремляется к саням, хватает за рясу; отец Иоанн возлагает руку на все стороны, раз даже назад подал руку, и все это так быстро, что едва успеешь уследить; просьбы своей я, оттесненный толпою, не успел высказать... Сани скоро скрыли отца Иоанна из вида толпы... Толпа рассыпалась на две стороны...

И в только что описанной обстановке отец Иоанн сосредоточен на внутренней молитве: он как бы ничего не видит и не слышит, хотя по временам и вслушивается в содержание просьбы, дает краткий ответ и скорее спешит туда, где больше всего и скорее всего нужна его молитвенная помощь.

«Этому Батюшке и поесть некогда! Он весь занят молитвою и нуждами других. Если бы мы имели хотя сотую долю этой самоотверженной любви, любви не к себе, а к другим, то не тянуть отца Иоанна к себе, а напротив, до поры до времени уклонять его от своих докучливых просьб должны бы: пусть-де он справляется да отдохнет хотя немного, а я подожду. Нет, нам хочется в один день все дела сделать и поскорее уехать восвояси, а о том мало думаем, что и у отца Иоанна как ни одухотворенное, а все же пока бренное человеческое тело», – так утешал и укорял я себя и своих сожквартирантов и оправдывал отъезд отца Иоанна в Петербург.

Закончился день вечернею в соборе и чтением акафистов в частном доме для желающих.

Говорят мне, уже на сон грядущему и вопрошающему об отце Иоанне, что он приедет из Петербурга часов в одиннадцать ночи. Вышел я в десять часов ночи на улицу и вижу: толпа

нищих наполнила улицу. Хозяйка поясняет мне, что тысячи до полутора нищих кронштадтских собираются утром, пред утреней и ночью пред приездом Батюшки, получать милостыню, и Батюшка через доверенное лицо высылает крупную сумму; это доверенное лицо меняет эту сумму на рублевки, и рубль выдается на 20 человек: утренний пятачок идет на пропитание, а вечерний на ночлег.

Так и уснул я в эту ночь с мыслью: «Вот истинный благотворитель для бедных и нуждающихся!»

Новый день. Я во второй раз служил литургию вместе с отцом Иоанном. Сегодня отец Иоанн отнесся ко мне настолько внимательно, что, по окончании литургии, дал просфору, и я осмелился просить о посещении им квартиры моей; обещался быть, чем и порадовал я своих соквартирантов, и вот ждем дорогого гостя. Желалось бы принять его с подобающею ему честью. Сегодня отец Иоанн не приобщал; чрез день он приобщает; а потому рано окончил дела в церкви и скоро будет к нам...

Ах, редкое счастье! До доски моей гробовой не изглаждайся из сердца моего и памяти моей ты, отрадное впечатление! Был в квартире отец Иоанн, был, только что ушел плотью своею, но духом своим еще вот-вот, здесь, около меня отец Иоанн!

Начну по порядку описание сего посещения.

В четырех-шести саженях от нашей квартиры стоит подвода отца Иоанна... Он там! Он скоро, скоро будет и здесь!.. Будет, несомненно, будет... Все мы в претрепетно-благоговейном ожидании!.. Несколько раз выходил и я встречать у порога приближающегося дорогого гостя; выходили и другие лица... Уже толпа около саней собирается, подходят и к нашей квартире... «Едет!» Спешу я навстречу. Сходит наш дорогой гость с саней; встречаем его у входа; немного поддерживаю его под руку, ограждая от натиска толпы; с другой стороны то же делает псаломщик. Поднялась суета в квартире. Сняли с Батюшки теплую рясу, а он молчит и только благословляет на все стороны. Входит отец Иоанн в ближайшую комнату, и двери запираются; меня, впрочем, пропускают. Облачается отец Иоанн в епитрахиль и начинает краткое молебствие:

«Благословен Бог наш», а молодой псаломщик поспешно и отчетливо запел баритоном прямо «Бог Господь», тропари Спасителю и Божией Матери, два раза запев: «Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе» (вместо «Иисусе сладчайший, спаси нас» в нашем крае) и «Пресвятая Богородице, спаси нас»; отец Иоанн читает Евангелие; вскоре же отец Иоанн погружает святой крест в воду, псаломщик поет «Спаси, Господи», и отец Иоанн говорит краткую заздравную ектенью, на которой с псаломщиком прочитывают записочки; делает отпуст, кропит святой водой молящихся и приготовленные для освящения овощи (яблоки, виноград и проч.). Благословенные и освященные овощи, как и самая вода, разбираются молящимися и долго берегутся ими.

Предупреждая Батюшкину поспешность, во время самого молебствия, особенно же пред концом его, раздаются слезные мольбы: «Батюшка! болящая! благослови!» Батюшка оборачивается в разные стороны и возлагает руку свою, причем утешает: «Надейся!.. будешь здорова» и что-нибудь вроде этого. При переходе в другую комнату выслушивает отец Иоанн разные просьбы и обещает исполнить или отклоняет их. Особенно поразило меня обстоятельство, бывшее в «общей» комнате, где был более бедный люд.

Была тут крестьянка из дальней губернии, сильно больная, муж водил ее, и она едва передвигала ноги: ходили и они за Батюшкою, не смея обратиться с просьбою и всегда оставаясь сзади толпы... Только вдруг отец Иоанн делает крутой поворот назад, подходит прямо к этой крестьянке и, возложив руку свою ей на голову и потом на плечо, утешил ее, а нас всех умилил словами: «Бог благословит! Бог благословит!.. Будешь здорова» На одном из таких переходов из комнаты в комнату встречаю и я отца Иоанна и прошу зайти в мою комнатку!..

Вошел он, и тут наедине мы побеседовали довольно продолжительно. Много утешил меня отец Иоанн своей беседой!..

Здесь, между прочим, когда увиделся я с отцом Иоанном, так сказать, лицом к лицу, нелишне сказать о его внешности. Глядя, бывало, дома на портрет отца Иоанна – премию

«Русского Паломника», я представлял его более или менее физически крупным человеком; на самом же деле, когда я впервые увидел отца Иоанна в соборе, то он показался мне вовсе небольшого роста человеком; теперь, уже присмотревшись, все же нахожу его человеком среднего роста; лицо его, хотя и худощавое, но приятное по правильности своего очертания, легкому румянцу, разлитому по щекам; а сколько добра светится в голубых глазах его! Немного русые волосы головы редки и коротки: обсекаются они, вероятно, но нельзя и в мысли допустить, чтобы отец Иоанн занимался подстрижкою головных волос; а что он изредка причесывает их и прямым рядом раздвояет их – это я сам видел в соборе. Борода у отца Иоанна тоже не длинная, и в средине начинает пробиваться седина: шестьдесят два года уже. Ряса на отце Иоанне приличная, но не щегольская. Походка у отца Иоанна, как уже не раз приходилось описывать, быстрая, порывистая, хотя, например, во время великого входа со Святыми Дарами отец Иоанн идет прямо, стройно, спокойно, твердою поступью, как будто каждый шаг отсчитывая. Вот, кажется, и все, что можно сказать о внешности отца Иоанна.

Отслуживши еще один молебен в моей квартире, отец Иоанн распростился с нами и уехал в Петербург.

Сегодня же, до вечерни, я посетил Дом трудолюбия, где заходил в школы и спальни для мальчиков и девочек; был и в столовой. Все устроено прекрасно, и рады дети, когда я, указывая на большой портрет Батюшки, основателя сих заведений, спросил: «Кто это?..» Где-то во дворе есть особое отделение для чернорабочих. Жалею, что не пришлось быть в церкви: сторожа дома не было, а хороша, говорят, церковь.

Сегодня же был и у секретаря отца Иоанна.

В военном мундире он. Объяснял он мне, что «вот сейчас у меня под рукою до шести тысяч писем; дни и ночи, не разгибая спины, сижу, делаю разборку им». Раз видел сего секретаря и в соборе с каким-то докладом к Батюшке, а Батюшка, выслушавши его, говорил ему что-то и давал деньги для отсылки кому-то.

Еще новый и уже последний день моего пребывания в Кронштадте. И паки удостоил меня Господь милостей Своих: в третий и последний раз служил я литургию вместе с отцом Иоанном.

Сей же день отъезда из Кронштадта я ознаменовал для себя и тем, что отслужил панихиду на могиле матери отца Иоанна – Феодоры (на общем кладбище, под часовней), там же помянул и отца его чтеца Илию.

Я уезжаю из Кронштадта. О, как жалко, грустно мне расстаться с ним! Покидаю я уголок благословенный, еду на *страну далече...* и буду снова объят суетой мирскою... О, да не погибну, Господи, в волнах житейского моря, утопающему же в них, за молитвы досточтимого пастыря отца Иоанна, простри и мне, яко апостолу Петру, всесильную руку Твою! Каким я был и каким стану? О, если бы иметь мне хотя тысячную долю пастырской ревности отца Иоанна.

Остается теперь сделать еще общие замечания и общее заключение и тем закончить дневник свой.

При всем, по-видимому, подробном описании внешней стороны общественной молитвы отца Иоанна остается обширная область молитвы домашней, область, недосягаемая ничьему наблюдению: как отец Иоанн молится дома – это величайшая для всех тайна! А она – молитва – возрастала там, в уединении...

Хотя дерзновенно, но не лишне коснуться здесь семейных и служебных отношений отца Иоанна. Детей у отца Иоанна не было и нет. Жена Елизавета теперь, за усердные молитвы мужа, видит в нем особенного избранника Божия. Сослуживцы относятся к отцу Иоанну с почтением и уважением не только как к протоиерею и ключарю собора, но и особенно как к крепкому молитвеннику.

Рассказывали мне кронштадтцы: «Батюшка наш часто молится о своей собратии и сильно скорбит о нерадивых пастырях; раз даже выразился: «Если бы все мы, пастыри, были бы как должно... то диаволу нечего было бы и делать».

Не удержусь при этом, чтобы не выписать сюда, в свой дневник, некоторые выражения из дневника отца Иоанна.

«Священник ангел, не человек... Господи Иисусе! *Священники Твои облекутся правдою* (Пс.131:9), да помнят они всегда о высоте своего звания и да не запутываются они в сетях мира и диавола, да отбежит от сердец их печаль века сего, лесть богатства и прочих похотей, входящих в их сердце». «Кто этот ангел, предстоящий Престолу Господню? Ибо ангелам свойственно служить непрестанно Господу и предстоять Престолу Его. Это ходатай о людях, носящий образ Ходатая, Богочеловека Иисуса Христа, это – один из человеков, поставленный на службу Богу, как говорит апостол Павел; но его служение ангельское. Он посредник между Богом и людьми, близкий друг Его, по слову Господа: *вы друзи есте, аще творите елика Аз заповедаю вам* (Ин.15:14); это как бы Бог для людей со властью вязать и решить грехи человеков, священнодействовать для них животворящие и страшные Тайны, обожаться ими и других обожать чрез них; это второй новозаветный Моисей, руководствующий сонм Божий по пустыне мира сего в землю обетованную; это Илия новозаветный, низводящий с неба невещественный огнь Духа Святаго на предлежащие Дары; это Иосиф новозаветный, питающий братию свою хлебом небесным во время духовного глада греховного. Высоко звание священника!»

Не последствие ли таких молитв и молитвенных размышлений отца Иоанна (а их много и как прекрасны они! См. книгу «Моя жизнь во Христе» и «Русский Паломник» с 1891 г.) то обстоятельство, спрашивали меня кронштадтцы, что с каждым годом приезжает в Кронштадт большее и большее число священников?

Таков подобает нам иерей! Таким-то, или хотя подобным, а не иным совсем, и мне иерею быть должно. А я-то, я... Ох, Господи Иисусе Христе, Пастыреначальниче мой! Страшно-страшно становится за себя, когда сравнишь дивное пастырское усердие отца Иоанна и свое холодное небрежение!.. Страшно становится за себя! Недаром сказал некогда святой Иоанн Златоуст: «Не мню многих быти во иереех спасающихся, но множайших погибающих». Страшно слово сие! Увы мне!..

Слава Богу, что в наше время Господь воздвигает среди нас, грешных, такого подвижника, как отец Иоанн.

«Познан буди и прочими людьми Твоими тако, яко же мне явился еси, Человеколюбче!» (231 стр. 1-го издания книги отца Иоанна «Моя жизнь во Христе»),

Буди, буди познан, Господи: се есть истинный и вечный живот всех людей Твоих.

1894 года, июня 24 дня

В.Г. Говение у отца Иоанна

(5-я неделя Великого поста)

Всем известно, какую массу богомольцев привлекает Кронштадт в Великом посту.

А в этом году их приезжает еще более, чем раньше. Народ самый разнообразный. Преобладает, конечно, средний класс (купцы, мещане и другие) и простолюдины. Многие из последних двигаются со всех сторон матушки Руси пешком. Отрадное явление – это паломничество в наше «неверное» время, и великое спасибо самому виновнику его досточтимому протоиерею отцу Иоанну. Народ дружной толпой стремится в Кронштадт.

Один – благодарит Батюшку за совершившееся по молитвам его к Богу исцеление от болезни, другой – тоже благодарит за получение опять же по молитвам его должности какой-либо или за помощь (денежную, материальную и проч.).

Третьи, и самая большая часть, – направляются в Кронштадт, чтобы послушать дивные слова покаяния, столько лет неиссякаемо льющиеся из уст Батюшки, чтобы помолиться с ним, поплакать о грехах и, получив разрешение их на исповеди, приобщиться Святых Таин.

I. Съезд богомольцев

Уже с первых дней недели начинается съезд богомольцев (а на 1-й и на 4-й неделе они съезжаются еще ранее).

Дом трудолюбия скоро ими заполняется. За ним дом бывший Быкова, а там и странноприимные квартиры (частные). Я знаю и был лично в 20 таких квартирах.

Для побывавших в Кронштадте в Великом посту особенно памятны и отрадны дни: пятница (накануне Святого Причастия) и суббота (день Святого Причастия).

II. Пятница

Еще в четверг на вечернем богослужении можно увидать, как собор заполняется народом, большая часть которого говельщики. Народ расходится с вечерни и тянется по всем направлениям длинной вереницей, распределяясь по своим

новым квартирам, иногда не сразу находя квартиры; стараются ходить кучками, имея провожатыми кронштадтцев.

В соборе обыкновенно бывает женщин более, чем мужчин, в дни же исповеди и Святого Причастия мужчин бывает не менее, и сердце успокаивается после упрека, что женщины религиознее мужчин. Оказывается, все благополучно: и те, и другие одинаково религиозны.

Утром в пятницу на 5-й неделе богослужение в соборе началось в 6 часов. Утреню служил уважаемый ключарь собора отец Александр Попов. За деревянную решетку и на клиросы впущено было немного народу. Это признаки того, что очень тесно не будет. Однако собор все же был полон. Только впереди было тесновато, зато хорошо видно Батюшку. Пораньше забрались туда плотной толпой женщины и девицы. Канон читал Батюшка. Народ с умилением слушал канон. Это одна из памятных в кронштадтском пастыре сторон. Батюшка, зная, что канон слушают так внимательно, иногда, не взирая на усталость, не думая служить «дома», приезжает специально из Петербурга прочесть канон и попеть на клиросе своим проникающим в глубину души и вызывающим слезы голосом.

Канон этот раз был дневной на 16 марта святым мученикам, во 2-х, на пятницу, т.е. Святому Животворящему Кресту и Страстям Господним, и в 3-х, покаянный. Батюшка читал канон против Царских врат, потому что на клиросе был народ, а покаянный – обернувшись лицом к народу. На нем была епитрахиль коричневого цвета с образом Пресвятой Троицы, вышитым на груди. На клиросе пели несколько человек. Утреня кончилась в 7 часов 30 минут утра. Многие остались в церкви до обедни.

В 9 часов были великопостные часы, вечерня и Литургия Преждеосвященных Даров (святителя Григория Двоеслова).

Батюшка служил в прекрасной бархатной фиолетового цвета ризе и в черной бархатной митре. Митра шита серебром с 4-мя образами, окруженными белыми камнями, не знаю какими, прозрачными.

Если не ошибаюсь, эта риза пожертвована только в этом году.

В среду Батюшка служил в другой такой же ризе. Ему сослужили еще 5 священников и 2 диакона в бархатных синих и других ризах и стихарях (стихарь на старшем диаконе одного цвета с ризой отца настоятеля). После обедни Батюшка сказал покаянную проповедь. За основание взял то место Святого Евангелия от Луки, где говорится о галилеянах, кровь которых Пилат смешал с жертвами их, о башне Силоамской, упавшей и убившей находившихся в ней, и о смоковнице, которую господин хотел срезать, как не приносившую плода, но по усиленной просьбе ухаживавшего за ней оставил ее еще на год на испытание... (Лк.13).

«Вас Господь укрепляет Пречистыми Телом и Кровию, чтобы сделать своими. Ищет и ждет вашего покаяния...» Но невозможно вспомнить всего, что говорил Батюшка по этому поводу. Слово его было твердо, обличающе. Он умолял каяться, перечислял грехи, говорил о блаженных плодах покаяния и способах, как достигнуть того, чего достигли святые (нужно понуждать себя на добро, в посту хорошо не есть, на мягком не спать) и много другого сказал Батюшка.

Затем отец Александр[8] прочел молитвы приготовительные к исповеди.

Батюшка уехал, и народ стал расходиться.

На этой неделе отцом Александром были прочитаны народу выдержки из знаменитого сочинения святого преподобного Иоанна [Лествичника] «Лествица». Народ внимательно и с удовольствием их слушал.

Так велико и плодотворно влияние Батюшки на народ, что такое серьезное духовное сочинение (самопознание) ему приходится как нельзя более по вкусу и он, выйдя из храма, надолго его запоминает.

После обедни богомольцы расходятся по квартирам, где ожидают отца Иоанна. Батюшка почти каждый день уезжает в Петербург, но каждую пятницу Великого поста он посвящает одному только Кронштадту, чтобы удовлетворить всех богомольцев. После обедни вплоть до общей исповеди в 8 часов вечера, а иногда и после нее Батюшка неустанно объезжает все квартиры для приезжих и свои дома – бывший

Быкова и трудолюбия. Везде его ждут нетерпеливо: кто поговорить, кто и посоветоваться, кто получить утешение или попросить помолиться об исцелении, а кто и попросить помощи. И он один, сколько может, удовлетворяет эти тысячи просьб. До его приезда во многих квартирах богомольцы собираются вместе, читают и поют акафисты, молитвы и разные песнопения. Кроме общей исповеди вечером, с 3 часов дня, а когда много народу, то и раньше, бывает в соборе исповедь одиночная. Исповедуют вплоть до вечера позднего все священники собора, после чего все исповедовавшиеся заносятся в исповедные списки.

Многие, пришедши в 3 часа дня в собор, уходят уже после общей исповеди.

В 4 часа бывает малое повечерие с каноном Спасителю, Божией Матери и Ангелу хранителю, и поочередно читаются акафисты: одну неделю Спасителю (Иисусу Сладчайшему), другую Божией Матери (Радуйся, Невесто Неневестная).

К вечеру народ в соборе прибывает, и в 7 часов уже почти все в соборе. Только тех нет, где не успел еще побывать Батюшка. Вот в главном приделе зажигаются люстры, особенно хороша массивная люстра, спускающаяся с вершины купола против Царских врат главного алтаря святого апостола Андрея Первозванного.

Этот раз Батюшка приехал уже в начале 9-го часа. Вышедши с Евангелием в руках, он сказал: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Слушайте, я прочту вам Евангелие от Матфея, 18-ю главу», – и начал ее читать с 12-го стиха, поясняя некоторые места. Закрыв Евангелие, Батюшка сказал: «Мы прошли 5 седмиц Четыредесятницы, нам осталась еще одна седмица и еще седьмая неделя, посвященная воспоминанию страстей Христовых, следовательно, пора нам подвести итог того, что мы приобрели за пост, сделались ли мы лучше или все так же в нас господствуют те же пороки (здесь Батюшка перечислил многие из грехов). Итак, сделаем поверку так же, как купец иногда поверяет свою лавку и если найдет прибыль, то радуется, убыток, то печалится (но это печаль земная и не угодна Богу), так же, как учителя поверяют своих учеников, и те,

и другие радуются, если все благополучно, так же, как офицеры поверяют своих подчиненных солдат и радуются, когда солдаты окажутся хорошо подготовленными, а солдаты, когда увидят, что приобрели воинские познания.

Наши учителя святые угодники Божии, которые, благодаря своей любви к Богу, победили свои страсти, очистились и стали святыми. Не далее как вчера вы слышали утреню и покаянный канон святого Андрея Критского и моление к святой Марии Египетской. Вот пример покаяния, вот пример победы над испорченной человеческой природой. Святая Мария Египетская победила в себе женственность и из грешницы сделалась величайшей праведницей; она достигла такой святости, что отделялась от земли и несколько раз переходила Иордан-реку как посуху...

На нас смотрит Сам Господь с неба и хочет видеть наше покаяние, наши добрые плоды...»

Затем, посмотрев в Евангелие, Батюшка сказал: «Вот поучительные слова (стихи 15–17 той же главы, говорится об обличении согрешившего брата сперва наедине, потом в присутствии 2-х или 3-х свидетелей, потом в присутствии Церкви, т.е. священников). *Если же и церковь не послушает, будет тебе, как язычник и мытарь...* Вот и нынче после разных увещаний Святейший Синод отлучил от Церкви одного богохульника, и многие говорили, как можно такого великого писателя отлучить, а сами не хотели разобрать, как он вредил Церкви своими верованиями. Святейший Синод это сделал, получив власть от Самого Бога. *Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* (Мф. 18:18). Эта власть дана апостолам, а, следовательно, и архиереям и священникам... Вот и вы собрались сюда не для того ли, чтобы по этим словам Господа получить разрешение грехов от меня, священника...»

В это время народ как один стал каяться, и Батюшка, видя, что каяться уже начали, спросил:

– Итак, каетесь ли вы или нет?

Весь собор ответил «каемся», и начали каяться.

Это покаяние не изгладится из памяти никогда. Есть люди, которые не думали, что будут плакать и высказывать вслух грехи. Но сила слова Батюшки и чистосердечное собственное покаяние заставляли против воли их плакать вслух о своих грехах. Большая часть народа не может удержать себя от рыданий, а некоторые похолоднее иногда и жалуются на свою холодность, желая вместе с прочими рыдать.

Некоторые думают, что плач этот поддельный. О, нет! Доказательство тому – однажды после особенно хорошей исповеди я слышал и видел, как многие долго и после нее продолжали плакать. Впрочем, это можно видеть каждую исповедь, что народ не может сразу успокоиться, чего не было бы, если бы слезы не были такими глубокими.

В 9 часов народ начал расходиться из собора, занимая сплошной толпою на некоторое время площадь и улицы. Многие усердные эту ночь мало спят, а может, и вовсе не спят. Большая же часть, собравшись, читает и поет установленные на Святое Причастие правила. Так кончается пятница.

III Суббота

Еще с 4 часов утра народ начал наполнять собор. Многие пришли и раньше. В 5 часов началась утреня. Согласно великопостной книге «Триодь» за утреней читался акафист Божией Матери «Радуйся, Невесто Неневестная».

Литургия началась в 7-м часу чтением часов, которое было довольно продолжительно.

Обедню служил, конечно, Батюшка в сослужении 10 священников и иеромонахов и 2 диаконов. Батюшка был в светло-голубой шелковой ризе с образом Воскресения Христова, шитым золотом и серебром на оплечье, и в голубой же митре.

Пел очень мелодично хор певчих. «Слава», «Единородный Сыне», «Малая ектения» и «Во Царствии Твоем», переложенные г. Архангельским со старинного напева, хорошо влияя на настроение молящегося народа. Из других песнопений я запомнил «Достойно есть...» входное и во время Причастия священнослужителей в алтаре молитвенные песнопения к

Божией Матери: «Утоли болезни многовоздыхающия души моея», «Не имамы иныя помощи», «Совет превечный»

Эти песнопения и многие другие, посвященные Царице Небесной, уже трогательны по одним словам своим, а если их петь, то они производят умиление и заставляют слушателей еще усерднее просить Матерь Божию о милости к нам, тем более что все слова их слышны народу.

В промежутке между пением псаломщик Батюшки читал правила пред Причастием Святых Таин.

После выхода со Святой Чашей Батюшка еще раз обратился к народу и сказал: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Для чего дал Господь нам вкушать Свое Тело и Кровь? Для того, чтобы дать нам силы победить свои страсти, грехи, дурные наклонности, сделать нас Своими, очистить, освятить, обожить».

В точности не могу припомнить всех прекрасных слов отца Иоанна, вообще он говорил о чудесном значении Святых Таин, обновляющих наши духовные и телесные силы, подающих нам крепость к борьбе с грехами, страстями и пороками.

После того, пожелав всем достижения вечного блаженства и достойного принятия Святых Таин, отец Иоанн сказал, что для удобства и для избегания тесноты будут причащать во всех трех приделах.

Отец Александр прочел молитву пред Причастием «Верую, Господи». Народ громогласно с чувством повторял слова молитвы.

Началось приобщение Святых Таин в 9 часов утра.

В 12 часов причащение окончилось, и народ стал расходиться.

Радостно было на сердце после принятия Святых Таин у причастников. Справляя последние дела свои в Кронштадте, приезжие богомольцы собираются в обратный путь. Некоторые остаются еще до воскресенья. Свободное время они интересуются городом, ходя пешком на кладбище (где некоторые служат панихиды в часовне на могиле матушки Феодоры, родительницы отца Иоанна), заходят в книжные лавки купить карточек, книг, стихов и листков на память о Батюшке.

Другие еще раз желают поговорить где-нибудь с Батюшкой. В воскресенье в 5 часов начинается утреня. Батюшка опять читает канон и затем служит раннюю обедню. К вечеру воскресенья уже почти все приезжие уезжают, остаются только желающие пожить подольше в Кронштадте.

Иларион Княгницкий. Поездка в Кронштадт (Впечатления провинциала)

По служебным делам мне пришлось приехать в Петербург. Вследствие разных канцелярских проволочек в хлопотах по делам у меня оказался промежуток в несколько дней, и я решил употребить эти дни на поездку в Кронштадт, главным образом для того, чтоб увидеть живущего в нем известного православного пастыря.

Еще перед моей поездкой знакомые мои дамы приходили в умиление от того, что я через поездку в Петербург получу возможность побывать в Кронштадте. Я знал, что мне придется отдавать отчет своим добрым знакомым, не скажу, чтоб и самому мне не было интересно побывать в Кронштадте, увидеть прославленного человека, если возможно, услыхать его мнение по волнующим меня вопросам – а у кого таких нет? – и я поехал.

Как я, так и другие провинциалы представляем себе возможность исполнения своих намерений совершенно иначе, чем это есть в действительности. Мы думаем: приеду к уважаемому пастырю и поговорю с ним о том-то и о том-то... Приехать – всецело, конечно, зависит от вас. По приезде увидеть его также имеете возможность, ибо, если он в Кронштадте, то ежедневно служит. Но видеться и говорить с ним – это уж очень маленькая возможность, которая может сделаться и невозможностью.

Приехал я в Кронштадт, никого из бывалых людей ни о чем не расспросив. Я потом несколько пожалел, что не запасся советами опытных людей. По приезде я прямо отправился к церковным домам, в коих проживает причт Андреевского Кронштадтского собора. Во дворе я встретил средних лет женщину, вероятно, прислугу одного из членов причта, и обратился к ней с просьбой сказать мне, как и где я могу увидеться с известным пастырем.

– Батюшки нет теперь в Кронштадте – сказала она мне, – он уехал в Москву. Приедет сегодня вечером.

Как я потом заметил, название «Батюшка» сделалось в Кронштадте как бы собственным именем одного лица. Его здесь иначе не называют, и все уже знают, кого нужно разуметь под этим именем. Будем и мы поэтому в дальнейшем ходе рассказа именовать его этим именем.

– А как мне с ним увидеться? – спросил я. – Есть ли у него приемная для желающих беседовать с ним, или как?

– Нет, на дом к нему не допускают. Как только он приезжает домой, тотчас ворота на запор, и даже во двор никого не впускают. А кто хочет видеть его, то останавливается на квартирах. Есть особые квартиры для желающих видеть Батюшку. Открываются они с его благословения. Только эти квартиры он и объезжает. Вот напротив нашего дома есть такая квартира. В ней он завтра, наверно, будет, а в других будет, в которых успеет, так как квартир много, и в один день Батюшка не успевает объехать все, а бывает один день в одних, а другой в других. А уж в этой он непременно будет.

Поблагодарив словоохотливую женщину за совет, я отправился к указанному мне дому. Войдя в наружную дверь и пройдя длинный коридор, я очутился в комнате, битком набитой народом. Одни сидели, другие стояли, пили чай, галдели. Воздух был спертый. Хорошо еще, что не было накурено, ибо курение табаку здесь, как и в других квартирах для богомольцев, не допускалось. Я остановился при входе в комнату, ища глазами, к кому тут обратиться, кто тут всем заправляет. Стоявшую невдалеке от меня женщину я спросил, где хозяин.

– N. N., – окликнула она кого-то по имени и отчеству, – вас спрашивают.

И передо мной очутился какой-то субъект, невысокого роста, с несимпатичной, угреватой физиономией. Он резким, отрывистым и крайне неприятным голосом спросил меня:

– Что вам угодно?

– Я вот хочу у вас остановиться, чтобы иметь возможность завтра видеть Батюшку, – ответил я.

– Вы как желаете – в общей или отдельный номер?

Я видел, что в общей народу много, да и мое расположение духа в тот момент было таково, что лучше было бы быть отдельно. Эти соображения быстро пробежали в моей голове, и я без колебаний ответил, что желаю занять отдельный номер.

– За отдельный номер заплатите шесть рублей за ночь – сказал субъект.

Если б я наперед слышал что-нибудь о высоких ценах здесь, был предупрежден о дороговизне специальных квартир, то был бы несколько подготовлен к такой баснословной цифре. Теперь же, услышав цену шесть рублей за один ночлег, я положительно ушам своим не верил и не мог собраться с мыслями. Когда вы в городе идете в первоклассную гостиницу, то наперед уже знаете, что с вас сдерут порядочно, если пожелаете иметь роскошнейший номер. Если вам он не по карману, то найдется другой номер, дешевле. А тут дело обстоит иначе. Сюда стекается со всех концов России православный русский народ, наслышанный о славе единственного в своем роде человека. Быть может, иной потратил последние деньги и, по приезде к цели своей поездки и своих мечтаний, не знает, что делать, как и куда обратиться, где остановиться. Он находит, что ему необходимо занять отдельный номер, чтобы иметь возможность наедине побеседовать с человеком, для совета с которым он тянулся из-за тысячи верст, к которому он, как к маяку, направлялся, надеясь получить от него спасение в тревожащих его бурных волнениях жизни. Здесь же понимают душевное состояние и нужду приезжего и хотят воспользоваться случаем. Шесть рублей за один ночлег! И требующий это – тонкий психолог. Он знает, что если вам действительно желательно видеть уважаемого пастыря, то вы дадите шесть, даже десять рублей, как уже дали за проезд, быть может, несколько десятков приезжих сюда паломников.

Но возвратимся к страшному субъекту. Таким он мне показался, как по своей несимпатичной физиономии, так и по той хищнической жадности, сквозившей и во взоре, и во всех движениях, с какими он относился к нуждающимся в нем людям. Он заметил, что внушительная цифра произвела на

меня неблагоприятное впечатление... Должно быть, изумление и испуг были видны на моем лице.

– Что? Аль дорогонько это для вас? В таком случае помещайтесь в общей – сказал он.

– Но ведь общая-то переполнена народом. Там всем и сесть негде... Где же там ночевать? – попробовал возразить я.

– А там, где и все, на полу, – невозмутимо выговорил он.

По его словам видно было, что его крайне удивляет, что, приезжая в такое место, люди могут желать каких-то удобств вроде сносного ночлега.

Тут у меня явилась мысль, за которую я с радостью ухватился, не сомневаясь, что, готовый воспользоваться случаем, квартиросодержатель согласится на мое предложение, ибо интересы его кармана не пострадают.

– Я вам вот что предложу, – начал я. – Сколько платят вам за ночлег в общей комнате?

– Тридцать копеек.

– Я вам уплачу тридцать копеек, даже сорок, уплачу сейчас же. Но ночевать здесь не буду; пойду, переночую в гостинице, а завтра вы меня впустите сюда, когда приедет Батюшка.

– Нет, мы не можем впускать на молебен с улицы. Я так не согласен, – продолжал тиранить меня жестокий человек.

Этого отказа я уж никак не предполагал. Ну, не мучитель ли он?! Он непременно хотел заставить меня спать в общей комнате, на полу, где сравнены полы и возрасты, спать согнувшись, скорчившись, подвергаясь опасности быть облитым кипятком беспрерывно пьющими чай богомольцами, то есть спать при таких условиях, при которых нельзя и помышлять о сне, чтобы таким образом совершенно презреть свою плоть и возвыситься духом.

– Ну, что ж, если не хотите спать в общей комнате, – продолжал он после маленькой паузы, – то вот к вашим услугам сундук.

С этими словами он повел меня в коридор и указал мне сундук, на котором действительно можно было улечься взрослому человеку. Ночлег на нем представился мне

роскошью сравнительно с ночлегом в общей комнате, и я не замедлил согласиться на сделанное мне предложение.

– За этот сундук 75 копеек, – проговорил он.

Я ничего не возражал.

– А то, может, желаете в этой вот комнате ночевать, – сказал он, указывая мне другой узенький коридорчик, названный им комнатой, вероятно, потому, что здесь висела икона и он находился за общей комнатой, следовательно, представлял спящему возможность избежать тех беспокойств, которые были бы неизбежны при спанье в первом коридоре, служившем проходом из общей комнаты к наружным дверям. Мой выбор остановился на втором сундуке.

– За этот сундук рубль, – внушительно произнес квартиросодержатель.

Все у него было взвешено, оценено. За маленькое удобство он прибавил 25 копеек!

– Я оставляю за собою рублевый сундук – сказал я.

– В таком случае, идите вон в тот угол, – указал он мне на общую комнату. – Там вас запишут. Дадите ваш паспорт, если имеете, а если нет, то запишут вашу фамилию.

Я пошел в указанное мне место общей комнаты, где за столом восседал какой-то писака и записывал лежавшие около него паспорта. Я подошел к нему и объяснил, что мне сказано прописать свою фамилию, так как я паспорта не имею. Он медленно поднял на меня свои глаза, посмотрел поверх очков продолжительным и уничижающим, по его мнению, взглядом, так же медленно отвел его от меня и, ничего не сказав, продолжал свою работу. Мне как-то неловко сделалось от такого обращения, я отошел и остановился в стороне от стола.

В комнате стоял гул от множества говоривших, слышался звон стаканов.

– Мария N.! – возгласил писака, читая имя и фамилию из паспорта.

На зов никто не откликнулся: за шумом голосов оклик писаря не был слышен в дальнем углу. Он более громким и властным голосом повторил вызов. К столу спешно подошла какая-то старушка.

– Что это ты оглохла, что ль? Не слышишь, что тебя спрашивают? – гневно напустился на нее писарь. – Сколько тебе лет?

– Пятьдесят семь, родимый, – ответила старушка.

– А почему у тебя в паспорте не прописаны лета? А? Видно, пьян был писарь, когда писал паспорт?

– Не знаю, батюшка, может, и пьян!

– То-то, не знаю! А зачем брала такой паспорт, в котором и лета-то не прописаны?

– Да я неграмотная, родимый! – оправдывалась старушка. – Не знаю, что там написано, а что – нет. Дал мне в руки бумагу, я взяла и пошла. А что в ней написано – Господь ведает. Неграмотная я сама.

Грубое обращение писаря, в связи с прежними разговорами с хозяином, неприятно подействовало на меня, и я поспешил выйти на чистый воздух, чтоб немного освежиться.

Тут предо мной, точно из земли выросший, появился какой-то оборванец.

Нужно заметить, что в Кронштадте такое множество оборванцев, не каких-нибудь немощных, калек, а людей вполне здоровых и даже здоровенных, что это невольно сразу бросается в глаза приезжему человеку.

Местные жители говорили, что тогда их еще, сравнительно, не много было, ибо была еще работа в порту. Когда же там прекращаются работы, то число их значительно увеличивается. Все они толкутся целодневно на улицах, и от щедрого Батюшки каждому выдается ежедневно 8–10 копеек. Он для них и ночлежный дом построил, и кормит, и одевает их. Но они настойчиво пристают к каждому проходящему. Одни из голяков просто просят подать им милостыню, а другие начинают излагать резоны, что вы даже обязаны подать ее. Скоро от вас он не отстанет. Другие, видя, что их коллега с кем-то разговаривает, тоже подходят, или, лучше, подбегают, и вот около вас в один миг образуется толпа босяков, от которой отделаться можете или подачкой, или зайдя куда-нибудь в дом, так как они целой толпой будут сопровождать вас до самого конца вашего путешествия.

Один из голяков стоял передо мной. Без всякой приниженности, даже с чувством сознания собственного достоинства, он заговорил:

– Подайте, милостивый государь, человеку, целый день ничего не евшему, а Батюшка ужо помолится о вашем здравии.

По здоровому виду заговорившего со мной нельзя было думать, чтоб его желудок часто испытывал то состояние, о котором он говорит теперь. А по несколько даже веселому тону его голоса можно было предполагать, что он даже и теперь напраслину возводит, жалуясь на терпимое целый день лишение. Я рад был поговорить с местным жителем и притом таким, как стоявший предо мной субъект, знавшим жизнь своего города во всех подробностях.

– Как он помолится – сказал я, – если и увидеть-то его трудно? Вот я не могу долго оставаться в Кронштадте и, чтобы его завтра увидеть, принужден непременно остановиться в этом доме, у квартиросодержателя, который мне не нравится.

Думая, вероятно, угодить мне, босяк начал неодобрительно отзываться о квартиросодержателе, не жалея густых красок. Он посоветовал перейти в другой дом для богомольцев, содержимый некоей Б., уверяя и клянясь, что завтра Батюшка непременно будет там чуть ли не тотчас по приезде, ибо госпожа Б. его крестница. Я мало придал веры заверениям босяка, но сильное желание уйти от грубого и алчного квартиросодержателя и невежественного и дерзкого писаря побудило меня воспользоваться советом босяка. «Может, и в самом деле его слова правдивы в существенном!..» – подумал я. Мы отправились, и он подвел меня к какому-то довольно большому дому, вызвал хозяйку, которую он назвал по имени и отчеству, и объяснил ей цель нашего прихода, сказав, что я желаю занять отдельный номер. Она, видимо, очень обрадовалась такому моему желанию и повела меня показывать номер. Первая комната, в которую мы вошли, была «общая», также наполненная народом, хотя не в таком множестве, как в прежней квартире. Мы прошли в другую, маленькую комнату, которую хозяйка и предложила мне занять за три рубля за ночлег. Хотя цена и вдвое меньше прежних цен,

но все же не маленькая. Я еще не ответил сразу ничего и продолжал осматривать комнату, как хозяйка, вероятно, опасаясь, что я не захочу занять комнату по дороговизне и она может лишиться постояльца, поспешила сказать мне, что в общей комнате находится какой-то господин, который хотел было занять отдельный номер, но как цена за номер для него высока, то он и остался в общей.

– Вот вам вдвоем, – заключила она, – занять номерок, оно бы и дешевле вышло. Тут вот как раз есть такой – с двумя кроватями.

Такое предложение явилось весьма подходящим, и я на него согласился. Она пригласила названного господина, и мы вдвоем заняли номер в 2 рубля 50 копеек за ночлег. Приходившаяся на мою долю плата 1 рубль 25 копеек показалась мне даже малой сравнительно, конечно, с тем, что с меня хотел за номер прежний квартиросодержатель.

Мой случайный товарищ был интеллигентный на вид, симпатичный молодой человек, приехавший из Херсонской губернии нарочито к уважаемому пастырю. По всему видно было, что какое-то глубокое горе тяготило его. Мы отпили чай, поговорили и собрались укладываться спать. Но вот из соседней с нами общей послышалось пение «Взбранной Воеводе», выводимое одним неуверенным голосом. К нему присоединилось несколько других голосов, затем послышались пискливые женские голоса, и образовалось таким образом общее пение Богородице, унисонное, нестройное. Видно было, что певшие не привыкли участвовать в пении и делают это теперь, только увлекаемые примером одного из начетчиков, расхаживающих всю жизнь по матушке-России с акафистником в котомке. После пения началось одним из богомольцев чтение акафиста, сопровождаемое пением всех присутствовавших. По окончании одного акафиста началось чтение другого, затем читалось Евангелие... Долго ли продолжалось их моление – не знаю, ибо сон, несмотря на пение, овладел мною.

Не было еще шести часов, как мы проснулись и, поспешно одевшись, отправились в собор. Шла утреня. Народу было немного, что нас несколько удивило. Но скоро дело

объяснилось – Батюшка, приехавший накануне поздно вечером, служил не в соборе, а в церкви при Доме трудолюбия. Мы отправились туда. Здесь церковь была уже переполнена народом, несмотря на то, что только что началась утреня. Народ стоял и в коридоре; в церкви места не было. С трудом нам удалось войти в самую церковь. Я был в ватном пальто. Жара и духота стояли в церкви, но я не обращал на это внимания и не думал уходить. Взоры всех присутствовавших напряженно были обращены к алтарю, чтобы видеть «его». Вышел священник говорить ектенью. Все заволновались, стараясь как можно выше приподняться. Кто в России не видал портрета прославленного пастыря! Его вы найдете у крестьян висящим рядом с иконами, найдете у офеней[9] на всех ярмарках, на чайных чашках... Но издали трудно было рассмотреть вышедшего священника, и потому стоявшие вдалеке не могли прийти к несомненному заключению, «он» ли это, или не «он».

– Гляди, Матрена – сказала стоявшая около меня женщина своей товарке: – «он» вышел?

Матрена приподнялась на цыпочки и начала присматриваться.

– Кажись, что не он, – проговорила она.

– Как не он? Он! – настаивала первая.

Стоявший рядом с ними мужчина, может быть, из кронштадтских, решил их спор, сказав авторитетным голосом:

– Это не Батюшка. Это второй священник соборный.

Тут я ясно понял, что слово «Батюшка» употреблялось здесь в приложении к одному только лицу.

Но вот, во время канона, вышел из алтаря уже «настоящий Батюшка» и прошел на клирос. Толпа заколыхалась. Каждый почему-то задвигался, как бы желая показать, что он видит Батюшку, смотрит на него. Батюшка начал читать канон.

Прочитал и ушел обратно в алтарь. Присутствовавшие молились очень усердно, особенно во время его чтения. Многие плакали, и плакали искренне. И это вполне естественно. Многие приехали сюда с глубокими ранами душевными и телесными, о

них они теперь постоянно думают и со слезами молят Бога об избавлении молитвами прославленного пастыря.

Утреня окончилась. Батюшка со сослужащими священниками вышел читать приготовительные пред литургией молитвы. Когда, по церковным правилам, обратившись к народу, он сделал поклон, послышались взвизгивания, восклицания: «Батюшка, благослови, Батюшка!..»

Началась литургия. Мне сделалось невыносимо жарко, и я отошел в заднюю часть храма, где было несколько свободнее. Пели несколько человек мужским хором. Пение было бы довольно хорошим, если бы пели потише и не брались за исполнение непосильных партесных песнопений, а то певцы напрягали все свои голосовые силы и много портили производимое ими впечатление.

Обедня окончилась, но народ не расходился, ожидая выхода Батюшки. Многие прямо перешагнули через низенькую решетку, что сделал и мой товарищ, и стали сплошной колонной около северных и южных дверей алтаря. Как только им удавалось видеть проходившего в алтаре Батюшку, тотчас взывали: «Батюшка, благослови».

Батюшка стал в дверях и спросил толпившихся:

– Чего вы ожидаете?

Послышались неразборчивые просьбы о благословении, многие потянулись целовать его руку, но он не дал возрасти возгласам и тотчас прибавил:

– Вот что, друзья мои: если кто хочет завтра причащаться Святых Таин, идите по домам и приготовляйтесь воздержанием и молитвой.

Сказав это, он немедленно ушел в алтарь. Некоторые из мужчин, более смелые, решились вступить в алтарь. С моим товарищем, желавшим во что бы то ни стало говорить с Батюшкой, случилось маленькое, курьезное обстоятельство. Он видел, что из алтаря вышел какой-то крестьянин. Приняв его за церковника, он сунул ему в руку полтинник, прося его впустить в алтарь и передать Батюшке, чтобы он вышел к нему. Крестьянин полтинник спрятал в карман и сказал, что он сам приезжий, вошел было в алтарь, да пономарь выпроводил его

оттуда. Скоро показались и все остальные, вторгшиеся в алтарь, выпроваживаемые пономарем. Последний объявил, что Батюшка уже уехал из церкви и поехал по квартирам. Народ начал расходиться. Отправились и мы на свою квартиру ожидать приезда туда Батюшки, имевшего, по словам моего вожатого и уверениям квартиросодержательницы, непременно быть сегодня там.

Но увы! Тщетно мы безвыходно просидели в номере, ожидая приезда Батюшки, пока не убедились, что он не приедет, и на вопросы по сему обстоятельству, обращенные к хозяйке, получили равнодушный ответ:

– Не приехал, значит, не успел. Приедет завтра.

Мой товарищ даже и не раздумывал, а решил остаться и на следующий день. Я же несколько подумал о том, оставаться или нет. Но сегодняшний день я не мог назвать успешным в отношении исполнения цели моей поездки. С другой стороны, не хотелось заставлять моего компаньона опять мыкаться по общим, да и расходы по проведению в Кронштадте еще одного дня не так-то велики, при оплате номера двумя, все это склонило и мое решение в ту сторону, чтоб оставаться, и я решил остаться.

Сидеть в номере надоело, а час был далеко не поздний, и мы отправились вдвоем побродить по городу. Очутились мы опять около Дома трудолюбия. Нам интересно было осмотреть в то время новый способ подачи помощи бедному люду посредством предоставления ему возможности всегда иметь работу, и мы попросили дозволения осмотреть Дом трудолюбия, на что администрация дома любезно согласилась.

Весь Дом трудолюбия состоит из двух больших каменных домов, надворного флигеля и разных построек для хозяйства. В двух домах устроены: церковь, пенькощипная, школа шитья и кройки, сапожная мастерская, народная столовая, хлебопекарня, класс ручного труда, ночлежные приюты, богадельня для престарелых, лечебница для приходящих, детский приют на пятьдесят человек, классы для мальчиков и девочек, бесплатная народная читальня, детская библиотека, бесплатная воскресная школа, народные воскресные чтения,

книжная лавка духовно-нравственных книг для народа, рисовальные классы, дешевые квартиры. Всеми этими учреждениями заведует совет Андреевского попечительства. Дом трудолюбия со всеми своими разветвлениями устроен по мысли Батюшки на собранные им средства.

Мы узнали, что здесь есть номера для приезжающих и общая комната. В Дом трудолюбия Батюшка приезжает каждый день после службы и уже отсюда едет на другие квартиры. Узнав, что есть и теперь свободный номер с двумя кроватями, мы решили занять этот номер, в убеждении, что в таком случае наверно получим возможность видеться с Батюшкой, тогда как, оставаясь на прежней квартире, мы не имели на это никаких твердых оснований.

На следующий день утром мы отправились к утрене в собор, где служил Батюшка. Мне удалось упросить старосту, и он впустил меня в алтарь. Сослужили Батюшке несколько священников. Служба совершалась без всяких затяжек и замедлений. Поминания на проскомидии, за множеством их, совершались одним из священников в продолжение всей утрени. Главную часть проскомидии совершал сам Батюшка, которому переданы были полученные на его имя телеграммы и письма простые и денежные, в которых страждущие из отдаленных мест просили молитв пастыря, в силу которых они веровали. Некоторые письма, после поминания прописанных в них имен, он откладывал в сторону, а некоторые прочитывал с особенным вниманием и сосредоточенностью и прятал в карман на груди, а вынимал потом для поминания во время пресуществления Святых Даров. Так же поступал и с телеграммами. Литургия окончилась, но еще никого не причащали. После полного окончания литургии Батюшка обратился к народу со словом, главное содержание которого – призывание всех к покаянию. Говорил он около часа времени, и речь его дышала искренностью и, как таковая, производила глубокое впечатление на народ. Окончив проповедь, он властным голосом сказал:

– Кайтесь все по всех грехах своих без утайки.

Сам же, воздев руки, поднял глаза к небу и начал молиться Господу Небесному о ниспослании прощения грехов грешному народу. Обильные слезы орошали лицо его в продолжение всей молитвы.

Трудно описать волнение, охватившее присутствовавших, и от властного призывания, звучащего приказанием, к покаянию, и от этой молитвы человека, страждущего от грехов ближних его. Поднялся общий вопль, все более и более усиливавшийся. Все начали громко называть свои грехи, ибо каждый был занят самим собою и не слушал слов другого. Батюшка окончил свою молитву, но плач и крик не прекращались. Он смотрел пристально то направо, то налево, смотрел на отдаленных, обращался к кому-то со словами: «Кайся! Смотри, не делай больше так!»

От этих его действий народ еще более плакал, так что после продолжительного времени, когда Батюшка хотел читать общую разрешительную от грехов молитву, то не было никакой возможности сделать это, и только после нескольких окриков Батюшки: «Довольно, перестаньте, слушайте молитву!» – толпа начала стихать. Изредка раздавались отдельные всхлипывания. Разрешительная молитва была прочитана, и началось Причащение покаявшихся тремя священнослужителями. Всем хотелось получить Святые Тайны из рук Батюшки, и потому к боковым дверям мало подходили. Причащение продолжалось часа полтора. По этому можно судить о множестве причащавшихся.

Обедня кончилась. Прочитана и молитва после Причащения. Батюшка начал разоблачаться в алтаре. К нему подходит юноша лет шестнадцати в гимназической одежде и робко протягивает ему какую-то бумагу.

– Скажите так, на словах, чего вы просите – сказал Батюшка, продолжая свое дело со свойственной ему поспешностью.

– За право учения... не имею... – слышатся отрывочные слова, произносимые шепотом.

– Сколько с вас требуют?

– Пятьдесят рублей.

Батюшка опускает руку в карман, вынимает оттуда деньги. Отделив часть их, он готовится передать просителю, опять-таки делая это между прочим, не прерывая прежней работы. Теперь он в первый раз внимательно взглянул на стоявшего перед ним юношу, по щекам которого текли невольно выступавшие слезы, а на лице подергивались от волнения мускулы. Кто знает? Быть может, он уже не в одном месте робко и напрасно подавал свою просьбу и пришел сюда с последней надеждой, при неосуществлении которой должны были разбиться все его мечты о светлой будущности! Если бы ему отказали здесь, то он ушел бы в полном отчаянии. Но его просьбе внемлют без всяких оскорбительных расспросов, без унижения личности, дают ему якорь спасения так просто, как будто он попросил какой-нибудь пустяк. Слезы благодарности хлынули из глаз юноши. О, как счастлив тот, кто может исторгать у людей такие слезы!

– Успокойтесь, успокойтесь, голубчик! Я очень рад, что могу помочь вам.

Батюшка гладит по голове наклонившегося юношу. Глазам его невольно бросаются короткие рукава гимназического пальто, расползающиеся швы, и рука, готовая было уже передать просимую сумму просителю, быстро опять опускается в карман и уже после этого удовлетворяет просьбу.

Радостный ушел юноша, но вскоре вернулся. Его возвратила боязнь ошибки. В смущении он опять подходит к Батюшке, держа еще в руке поданное.

– Батюшка! Вы не ошиблись: тут гораздо больше?

– Нет, не ошибся, – отвечает ему тихо Батюшка, – то вам на пальто... на книги...

Но Батюшке не дают с кем-либо долго разговаривать. Он нужен для многих и многих. К нему подошел священник того же Андреевского собора.

– Батюшка, – сказал он, – там жена одного псаломщика просит помощи; муж сослан в монастырь на епитимью, а она с детьми бедствует.

И опять рука привычно опустилась в карман и через священника передала захваченное бедствующей.

Я поспешил в Дом трудолюбия, чтобы встретить там Батюшку, который вскоре туда приехал.

Отслужив молебен в общей, он начал ходить по номерам.

Останавливаться в Доме трудолюбия очень удобно, ибо в ваш номер не пускают никого больше. Администрация сама заботится об этом.

Батюшка, видимо, куда-то торопился, но нам все-таки удалось задержать его для беседы.

Цель моей поездки в Кронштадт была выполнена, и я поспешил на пароход, боясь опоздать.

Перед самым отходом парохода приехал Батюшка, почти каждый день ездящий в Петербург. С большими усилиями и при помощи полицейских он протиснулся сквозь толпу и скрылся в каюте.

В средине пути я поднялся из нижней каюты наверх. Здесь какая-то женщина лежала на диване, страшно рыдая, как бы в бессознательном состоянии. Я подумал было, что это у нее от качки, хотя и ничтожнейшей, которая была в этот день, но окружавшие ее объяснили мне другое. Несмотря на то, что Батюшка никого не принимал к себе, эта женщина как-то добилась того, что ехавшие с Батюшкой в одной каюте близкие ему люди упросили его допустить ее для беседы. Сидела она там около получаса и вышла оттуда в вышеописанном состоянии, так что ей прикладывали даже компрессы к голове, давали валерьяновые капли…

Наконец, мы прибыли в Петербург. С помощью опять-таки полиции Батюшка прошел к заранее ожидавшей его карете и скрылся из виду.

Скоро я окончил свои дела и уехал из Петербурга, надолго сохранив в душе впечатление от кронштадтской поездки.

Протоиерей Александр Соловьев. Три раза в Кронштадте у отца Иоанна

Удостоил Господь меня три раза побывать в Кронштадте у отца Иоанна. Пребывание в Кронштадте – светлые и важные дни в моей жизни: с ними связано мое настоящее служение, и ими, можно сказать, дано направление моей жизни. Первое пребывание в Кронштадте подробно описано в книге «Два дня в Кронштадте» В.М. – спутником. Но и мне хочется высказаться, чтобы успокоиться. Может быть, и мои воспоминания утешат кого-нибудь, лишний раз напомнив о добром пастыре, и мне самому, может быть, не бесполезно оглянуться назад. Подойду в этом случае под защиту отца Иоанна. «Прекрасное и боголюбезное дело – говорит он, – представлять, чрез какой ряд происшествий в жизни достигли мы настоящего своего положения, потому что, часто представляя себе такую связь происшествий, составляющих жизнь нашу, мы приходим к мысли о своем ничтожестве и смиряемся пред Богом; а Ему, Создателю, восписуем все сцепление многообразных путей или событий, которыми Он вел нас к настоящему положению» (Богопознание и самопознание. С. 121).

Итак, при Божией помощи и во славу Божию, начну свое немудрое повествование, получив на то благословение самого Батюшки – отца Иоанна.

Глава I

Первая поездка в 1893 году

Учитель, где живешь?

Ин.1:38

Живя за стенами учебного заведения вне общественной жизни, я, тогда еще юноша, до 1887 года не слышал ничего об имени отца Иоанна. Помнится, летом один земский врач задал вопрос мне: не слышал ли я чего-нибудь об отце Иоанне Кронштадтском? На мой отрицательный ответ он сказал тогда, что в газетах начинают говорить что-то дивное об этой личности. Поступив в Духовную академию, я и сам стал в печати встречать известия об отце Иоанне.

Желания видеть отца Иоанна у меня, однако, не являлось по самой невозможности и по отдаленности от Кронштадта. Невозможное стало возможным, и отдаленное, далекое приблизилось. Помню счастливый день: один товарищ однокурсник, за несколько дней до окончания экзаменов в 1893 году, подходит ко мне и говорит: не желаешь ли поехать в Кронштадт? Я охотно согласился. Нашим путеводителем был отец М. – житель Кронштадта, моряк – мичман в отставке, затем оптинский послушник и тогда, с благословения отца Иоанна, студент Академии; он снесся с отцом Иоанном, и нам к 19 мая нужно быть в Кронштадте. Собралось нас всего 9 человек. Сборы студентов недолгие, на другой день по Николаевской железной дороге мы уже двигались в Питер. Не успев еще одуматься и прийти в себя после экзаменов, не успев даже закусить в дорогу, я в вагоне почувствовал радостный подъем духа. Если детская радость может быть выше, и чище, и полнее, чем радость взрослого человека, то я готов чувство радости испытанной назвать детской радостью. Ученик, кончивший экзамен, благополучно сваливший как бы гору с плеч, поймет мое чувство радости, усугубленное еще представлением, что я увижу известного пастыря и по пути увижу в первый раз Петербург. Быстрое движение поезда придавало как бы скорость течению мысли. Мне даже и не верилось, что я еду в Кронштадт; и утром, проснувшись в вагоне, я не мог сразу понять, где я. Так неожиданна была эта поездка.

Николаевская дорога к Петербургу очень однообразная и скучная, ранее в воображении рисовалась она мне более оживленною. Местность ровная, однообразная, поселений частых и больших нет, топи да леса, не доставало только разве для красы финна – печального пасынка природы. Широкая Волга, которую я знал от Ярославля до Самары, пересеченная мостом за Тверью, очень невелика и не имеет здесь гордого и величавого вида, смотрит небольшой рекой. Во 2-м часу дня 19 мая со свистком, пыхтеньем и стуком паровоза подкатили к Николаевскому вокзалу в Петербурге. Вот и Петербург – столица России, пред которою склонилась Москва. В первый раз я видел его, но почему-то не было того восхищения, с каким

два года тому назад въезжал в первый раз в Москву. Обилием храмов он не поражает, как Москва; громада домов, правильное расположение улиц, движение народа, конок, всевозможных экипажей поражает после Москвы. Чувствуется жутко в этом городе среди громады домов, и люди, кои снуют, бегут и едут, кажутся маленькими. Я понял, почему москвичам нравится своя Москва.

По Невскому проспекту компанией на извозчиках мы проехали прямо на пароходную пристань – Кронштадт. С пролеток, мимоездом осматривали дворцы: Аничков, великого князя Сергия Александровича, памятники: Медный всадник, Александровская колонна, знаменитые соборы: Казанский, Исаакиевский, здания: Синода, Сената и проч. На пароходе, чрез полтора часа плавания, мы были вечером уже в Кронштадте (расстояние верст 30). Качаясь в отдельном дилижансе, осматривая чрез стекло, насколько можно, город, который, особенного после Петербурга, ничего не представляет, мы проехали к Андреевскому собору, остановились в так называемом «девичьем монастыре», в доме, принадлежащем отцу Иоанну. Тут живут и ухаживают из послушания за паломниками старые девушки во главе с А.Т. Я удивлен был радушию, с коим они встретили знакомого им отца М.; они подошли под благословение к нему, некоторые даже прослезились, и уважение к сану я прямо, конечно, приписал влиянию отца Иоанна. Для нас, как ожидаемых гостей, место нашлось – уделена была светлая чистая комнатка; из окна ее виден церковный дом и во 2-м этаже две-три комнаты отца Иоанна. На наше счастье, на следующий день будет служить и приобщать отец Иоанн, он теперь пока в Питере, к 9-ти часам, может быть, вернется и заедет сюда; если время есть, служит в этом доме вечером молебны и накануне был. Вечер был в нашем распоряжении; отправились мы осматривать Дом трудолюбия, устроенный отцом Иоанном. Он находится вблизи на другой улице; здание громаднейшее, 4-этажное, с церковью и надписью на нем: «От почитателей отца Иоанна». Со всеми постройками он стоит до 500 000 рублей, говорили нам. Вначале было капиталу тысяч до семидесяти, остальное

пожертвовал отец Иоанн, и вечного капитала на этот дом положено 180 000 рублей (теперь до 500 000 рублей). Дом трудолюбия представляет из себя целый город со множеством учреждений: церковь, училище, воскресная школа, школа кройки и шитья, сапожная мастерская, народная столовая, ночлежный и детский приюты, богадельня, читальня, бесплатная лечебница и т.п., всего до 26 учреждений. Получив дозволение от заведующего все осмотреть, мы приступили к осмотру всего Дома трудолюбия. Прежде всего, какой-то Осип повел нас осматривать домовую церковь во имя святого Александра Невского, построенную для отца Иоанна. Церковь сделана со вкусом, под дуб, иконы великолепны, особенно хорошо изображение Спасителя на стекле в алтаре; из алтаря лестница на низ для отца Иоанна. Ризница удивила нас богатством: богатые иконы, чаша, дарохранительницы, золотые богатейшие ризы и другие облачения и все из легчайшей материи (одна риза тысяч в пятнадцать), посохи, шелковые рясы, вещи не церковные: стаканы и др. и все это пожертвования царственных особ и богачей почитателей. «Нам бы в Академию подобную ризу», – сказал кто-то из нас в шутку. «Скажите Батюшке, он слова не скажет и даст, что попросите – сказал на это Осип. – Он и так много раздает». Тут же находится кабинет отца Иоанна, довольно уютный, небольшой, с иконами и картинками: изображения Государя и Государыни, Ярославского епископа Ионафана, матери отца Иоанна, его самого, на столе письменные принадлежности. Редко только, должно быть, отец Иоанн здесь бывает.

Из церкви зашли в третий этаж, в канцелярию, прочитали письмо, присланное отцу Иоанну из Германии с просьбою помолиться об исцелении больного; зашли в приют для малолетних детей (мальчиков было человек 23 и девочек 22). Помещения для них отдельные; все почти они бесприютные сироты, одеты одинаково, чистенько, в спальнях чистота; отдельно устроены классы, и в этот день происходили экзамены. Дети собрались и пропели: «Царю Небесный», «Отче наш» и «Слава в вышних Богу». Поют очень стройно. «Вот

молитвенники за отца Иоанна», – сказал кто-то из присутствующих.

Во второй половине дома, с другим подъездом, находятся вновь отстроенные номера для проезжающих, общие комнаты для мужчин и дам и отдельные для людей состоятельных. Во втором этаже зало для присутствующих при молебне за двойною загородкой. Иконы большие: Александра Невского, Андрея Первозванного, Святой Троицы и др. Зал просторный, везде полы паркетные. Отперли нам и верхнюю горницу отца Иоанна, состоящую из двух комнат, она выходит на двор окнами, на сторону, противоположную Питеру, на море. Ну, что это за вид отсюда открывается? Никогда подобного я еще не видал! Художественные картины не могут точно воспроизвести подобного вида. Я еще теперь в восхищении от этой картины и теперь ее вижу, но разве опишешь ее? Вот что отсюда приблизительно открывалось на море: море сходилось с горизонтом, ничуть не отличаясь от него, и на этом живом и блестящем полотне рельефно с подробностями, с развевающимися парусами выделился корабль – корабль был как бы на небе, иллюзия сильная. Налево виднелся большой каменный форт, построенный, казалось, на воздухе; корабли стоящие, плывущие и другие судна; еще левее вдали виднелся гористый и зеленеющий берег; направо все та же движущаяся вода, а под ногами ближе большой лес, а еще ближе постройки, народ и весь полукруг зеленеющегося острова, на котором расположен Кронштадт. Нужно сказать, что это было вечером при закате солнца. Солнце разными то серебристыми, то золотистыми цветами отражалось на воде. Тишина невозмутимая... Не хотелось отрываться взором от подобной картины, от восхищения я не чувствовал ног под собой.

Отец Иоанн редко бывает в этой комнате: для него дороже красоты и глубины души человеческой.

Но не может быть, чтобы он не восхищался подобными красотами моря и природы! Вот как пишет в одном месте дневника: «Шел я морем вечерней порой на паровом судне и с душой, полной высокого удовлетворения, наблюдал захождение солнца, чудным светом блистающего и озаряющего

подсолнечную. Быстро оно село и, так сказать, спустилось под землю: остался полусвет, перешедший мало-помалу в полумрак; потом появились звезды. Тишина была полная, вода зеркало. Какой чудный вечный порядок! Какая дивная гармония в бесконечном творении! Какие твердые, неизменные законы!.. Какая твердая Рука, предержащая вселенную! Какие щедроты Его источаются всем тварям! Казалось бы, в таком мире должны быть довольны и благополучны все земные твари, особенно разумная тварь – человек, но онто именно и не доволен, и не благополучен... У него-то, у этого разумного существа, человека всякие беспорядки в жизни, всякие неустройства внутренние и внешние, всякие бури и волнения, всякие нелепые учения, часто вредные для семейной, общественной и религиозной жизни, а оттуда всякие нестроения, бедность, нищета, болезни и тысячи необычных смертей...» (Правда о Боге, мире и человеке. С. 204).

И картины природы возводят мысль пастыря к Вседержителю Богу и к человеку, царю природы!

Сверху мы спустились и побывали в надворных строениях: были в аптеке, в мастерской плетельщиков (плетут корзинки до 150 человек, получая no 12 копеек в день). Забавна здесь вышла встреча отца М. с каким-то тоже прежним знакомым моряком. Последний, долго не узнавая бывшего мичмана, когда узнал наконец, прослезился и, не говоря почти ни слова, доказывал свою преданность и радость жестами, не отставая от нас, он рукой все водил по горлу, то есть «вот готов теперь по желанию отца М. положить свою голову». Зашли в хлебную, здесь продается хлеб, чай и сахар по билетикам в полторы копейки и по копейке; эти билетики везде продаются, и нищие по ним здесь получают хлеб. Способ этот – нововведение отца Иоанна, чтобы деньги не пропадали на винопитие. «Сегодня, говорили, по таким билетикам продано рублей на 17–18».

Осмотрев наконец ночлежный приют и читальню, мы удалились из Дома трудолюбия. На улице, как и на следующий день, обе стороны были запружены народом, это ждала голытьба подаяния, ежедневно выдаваемого отцом Иоанном или доверительным от него лицом.

Вечером, при огне читали правило и акафист, приготовляясь к Причастию. Пели хором монастырки, чтение шло долго. Я уж слишком устал за день, ноги подкашивались. Расположившись на хорошей постели на полу, я скоро заснул богатырским сном, впросонках, однако, слышал, что отец М. ездил и видел где-то отца Иоанна, который вернулся из Питера часов в одиннадцать.

В 5-м часу нас разбудили: нужно было идти к утрени и пораньше, пока народу мало. На улице и в Андреевском соборе был уже народ; собирались к общей исповеди. Нас с затруднением провели за решетку амвона в алтарь, там были священнослужители. Ждали отца Иоанна. Минут через пятнадцать-двадцать явился и отец Иоанн неожиданно для меня; я увидел его вблизи уже престола, он вошел в храм чрез боковые двери алтаря: сквозь толпу, находящуюся в соборе, он, конечно, не мог бы добраться до алтаря. И вот в первый раз я вижу пред собою отца Иоанна. Он быстро подошел к престолу, приложился к нему, помолился и стал радушно приветствовать своих сослуживцев. «Это студенты Академии? – спросил он, обращаясь к нам. – Давайте братски поцелуемтесь, по-братски лучше», – благословляя и целуя нас, говорил он. Все это он делал очень быстро. Я всматриваюсь в его лицо; лицо и движения необыкновенны. Росту он среднего, а, смотря на карточки фотографические, я представлял его высоким; необыкновенно добрый, подвижный, свежий и моложавый для своих лет, волоса короткие, не седые еще, и глаза голубые, и много в них выражается любви и простоты, так и хочется в них смотреть.

Облачившись в ризу красного цвета, отец Иоанн начал утреню. Голосом (тенор) резким он произносит возгласы громко, отрывисто, одушевленно, как бы выкрикивает их, оттеняя слова, растягивая слоги и скоро произнося их – речитативом. «Слава Святей... Единосущней... Животворящей, Нераздельней Троице...» Чувствовалось, что эти слова идут от сердца, из глубины души. И молился он также особенно. Внешнее выражение отца Иоанна показывало, что весь ходатай ушел в молитву, он иногда оставлял крестное знамение и лишь

кланялся в пояс, складывая руки на груди, поднимал свои взоры к небу, или в иные моменты облокачивался на престол, закрывая глаза и склоняя голову, или на коленях долго пред престолом стоял без движения. И в алтаре не дают покоя ему: в удобную минуту то один, то другой подходят к нему, кто с запиской, кто со словесною просьбою, всякий со своими нуждами, и тут же в алтаре он давал советы и оказывал материальную помощь. Сам он подходил к иным с расспросами. Подозвал отца М., вручил ему пакет денежный.

«Это гостинец студентам – сказал он, – я знаю, они народ бедный», – и дал, оказалось, 300 рублей. И мне помнится тот величественный момент, как отец Иоанн во время утрени подошел к жертвеннику, пал на колена, положил крестообразно руки на лежавшие здесь всевозможные записки о здравии и за упокой и так неподвижно пробыл минут десять. Понятно, о чем молился отец Иоанн пред Всесильным Господом: без сомнения, подобно Гефсиманскому Страдальцу, он, предавая на волю Божию имена, *их же Ты Сам, Господи, веси,* горел любовью за просимых и, подобно ходатаю – Моисею или апостолу Павлу, готов душу свою положить за немощную и недугующую братию (Рим.9:3). Только ведь такая самоотверженная и неотступная молитва пастыря дерзновенна! *Господи, прости им грех или изгладь меня из книги Твоей,* – молился ходатай пророк Моисей (Исх.32:32). «Господи Иисусе Христе! Ты ведаешь, что не сойду я с сего камня, хотя бы пришлось мне и умереть на нем, и не вкушу ни хлеба, ни воды до тех пор, пока ты не услышишь меня...» – молился святой Павел Препростый (Четьи-Минеи, окт. 4). С такою настойчивостью и дерзновением молится и отец Иоанн. Канон на утрени отец Иоанн читает и поет на клиросе всегда сам. Он переживает то, что содержится в стихах и песнопениях, и это слышится в выразительном и звучном его голосе. Он весь уходит в это чтение. Отпечатлев на душе это содержание, он износит его живым наружу, как фотографическая чувствительная пластинка отпечатлевает предметы. Печаль, радость, умиление, сокрушение, упование, все это слышится в его чтении. Чтение его походит на разговор, беседу. Кончилась утреня, началась литургия, на клиросе пели уже певчие. Отец

Иоанн скоро облачился. За проскомидией вынул три Агнца, а из нескольких корзин вынул лишь несколько просфор. В камилавке, с особенным румянцем на лице от внутренней согретой молитвы отец Иоанн начал литургию соборно. Иногда брал напрестольный крест и, почерпая силу от него, с умилением целовал его несколько раз или преклонял голову на престол.

Чем дальше шла литургия, тем более он воодушевлялся. Во время великого выхода так называемые кликуши подняли сильный крик и топанье. Отец Иоанн, кажется, велел их вывести, и крик стих. Наступили важнейшие моменты, приближалось время пресуществления Святых Даров. После Херувимской песни отец Иоанн облокотился на престол, закрыл лицо свое руками и застыл как бы в этом положении. Думается, что мысли его витали там, где Великий Первосвященник, идущий на самозаклание, оставленный всеми, изнемогал под тяжестью креста Своего. «Христос посреде нас живый и действуяй – говорил отец Иоанн сослужащим после возгласа, – возлюбим друг друга». Воспрянув как бы и укрепившись еще более молитвою, он начинает произносить священные слова и возгласы. «Горе имеем сердца», – восклицает он, воздев руки. Дух его давно уже там витает горе – у Престола Божия, и теперь он при помощи своих крыльев хочет поднять туда, зовет и предстоящих. Произносятся слова Великого Первосвященника Христа при установлении Святого Таинства: «Сие есть Тело Мое... пийте от нея вси: сия есть Кровь Моя...» Глубокая вера и благоговение слышатся в словах произносящего: чувствуется, что он предстоит пред самым Престолом Божиим и возносит всеправедную, умилостивительную жертву Самого Агнца – Христа. Великий момент! Оттененные слова «за вы... о всех и за вся» невольно трогали сердце и сознание молящихся. «И за меня, значит, – пронеслось в сознании, – преломляется Пречистое Тело и изливается Кровь, за всех живых и умерших, и кто приносится в жертву? Сам – Он, «приносяй и приносимый» – Господь?!» Единым сердцем поистине возносилась, горела молитва: посредник, пастырь молитвой и благодатью Христовой возгрел и приблизил сердца к Богу. Слезы обильно лились из

его глаз, и он отирал их то одним, то другим платком. Прочитаны молитвы призывания Святаго Духа и освящения Святых Даров... «Бог явился во плоти», – слышатся его слова, слова веры непоколебимой. Разом сказалась тут как бы и скорбь за уничижение Богочеловека, и близость Его к нам, и любовь к Нему, тако возлюбившему мир, и радость за спасение человека, и желание спострадать Ему, Крестоносцу. Какая-то особенная духовная радость, небесный покой отразились на лице отца Иоанна – утомленности и скорби, которые заметны были ранее, не стало.

«Чудно, – говорит он сам о себе, – обновляюсь я Божественными Тайнами Тела и Крови Христовых всякий день доселе, до 70-го года моей жизни, и как бы не стареюсь, сохраняясь благодатью свежим и бодрым в душе и теле. Благодарю, благодарю, благодарю за сие и за все милости Господа моего, Иисуса Христа. А сколько сил Его, сколько побед совершено Им во внутреннем моем мире – нет числа! Слава, слава, слава Богу в Троице!»

Литургия кончилась, на амвоне поставили аналогий. Отец Иоанн вышел с требником. Собор полон был народом, масса народу от 4 до 5 тысяч, только видны с амвона головы у этого единого живого тела. Мы вышли из алтаря и встали около отца Иоанна, оборотясь к народу. Началась общая исповедь.

«Грешники и грешницы, подобные мне, – начал отец Иоанн, – вы пришли в храм сей за тем, чтобы принести Господу Иисусу Христу, Спасителю нашему, покаяние в грехах и желание приступить к Святым Тайнам. Приготовились ли вы к принятию этого великого Таинства? Слушайте, мы прочитаем покаянные молитвы».

И отец Иоанн начинает читать громко, выразительно и с чувством первую покаянную молитву. «Боже, Спасителю наш... Эту молитву нужно протолковать и объяснить». И начинает просто, удобопонятно изъяснять прочитанную молитву. «В этой молитве к Богу Отцу, Первому Лицу Пресвятой Троицы, Господу Всеблагому, Святейшему, Премудрому, Вездесущему Святая Церковь молит помиловать грешников, простить им грехи, как некогда Господь помиловал царя и пророка Давида, тяжко

согрешившего». Рассказал обстоятельно отец Иоанн о тяжком грехе Давида царя, который, убив Урию, женился на красивой еврейке и не сознавал своего греха... «Господь Бог умилосердился над заблудшим грешником, послал пророка Нафана для вразумления. Царь Давид раскаялся, оплакал свой грех, и Господь по его скорбной молитве простил его. Такой человек, как царь Давид, кроткий, благочестивый, мудрый, святой муж, пророк, глубоко пал. Как легко согрешить человеку! Сколько нужно бдительности за собою при искушениях диавола!..

Отпал от Бога и другой царь иудейский Манассия, впал в идолопоклонство и своими беззакониями прогневал Бога... Долготерпение Господне истощилось: Манассия был взят в плен, руки и ноги его были закованы, и он, как зверь, позорно томился в мрачной темнице. Наказание, посещение Божие смирило его: он в плену опомнился, сознав свой грех, смирился, стал «шелковым». Раскаялся Манассия, стал усердно молиться, день и ночь плакал о своих заблуждениях, и Господь простил и его... В лице этих двух царей, тяжко согрешивших, Церковь представляет нам образцы искреннего покаяния. Господь Бог страшный Судья, пред Ним все равны, и цари подвержены суду... Но можем ли мы осуждать согрешивших царей? Кто из нас без греха, кто не горд? Кто не честолюбив? Кто не обижал ближнего? Как грех силен!..»

Читает и подобным же образом толкует отец Иоанн вторую молитву Первопастырю Господу Иисусу.

Указав на евангельские примеры покаявшихся и прощеных грешников, упомянутых в молитве, отец Иоанн приглашает всех одуматься, поскорбеть и поплакать о грехах своих. «Мы неоплатные должники пред Богом, призваны быть “народом святым”, людьми обновления, царским освящением. Нам сказано: *Святи будете, якоже Аз свят есмь* (1Пет.1:16).

Праведный и страшный Судья Господь не помиловал и падших духов, возгордившихся против Него Самого, осудив их на вечную муку. Мы, грешники, грешим каждую минуту, прогневляем Господа. Отчего нам оказано такое снисхождение? Бог Отец послал в мир Сына Своего возлюбленного, который

принял на Себя грехи всего мира, пострадал за грехи людей, снял проклятие, избавил Своими крестными страданиями от вечной муки. Это мог сделать только Он, Сын Божий, а не человек. Бог Отец дал Ему всю власть суда над людьми. Господь же передал власть апостолам, а те архиереям и священникам, в том числе и мне, грешному – иерею Иоанну, власть разрешать кающихся, прощать или не прощать грехи, смотря по тому, искренно ли и с сокрушением ли сердечным каются или нет. Чтобы получить прощение, необходимо искренне, горячо, сердечно каяться. Прощение только у нас в Церкви, а не у еретиков и сектантов. От пастырей Церкви оно зависит, хотя бы они были и недостойны. Что же такое покаяние?..

Покаяние – дар Божий, дарованный нам ради заслуг Единородного Сына Божия, исполнившего всю правду Божию.

Покаяние – дар, данный для самообличения, самоукорения. Покаяние есть твердое намерение оставить свою прежнюю греховную жизнь, обновиться, примириться с Богом и со своею совестью. Покаяние есть твердое упование, что Милосердный Господь простит все наши прегрешения. Как гнилые сучки и ветви отпадают от дерева, так нераскаянные грешники отпадают от Главы – виноградной Лозы Христа, погибают.

Братья и сестры, каетесь ли вы, желаете ли исправить свою жизнь? Сознаете ли свои грехи? Молились ли Богу? Пьянствовали? Прелюбодействовали, обманывали, клятвопреступничали, завидовали, злобствовали, воровали? Да, много, много у вас грехов, всех их и не перечтешь... Кайтесь, – громко и властно кончил свое слово, отец Иоанн, – кайтесь, в чем согрешили!»

Вот в общих чертах поучение отца Иоанна. Оно, как видите, простое и будто бы, как и все другие поучения досточтимого пастыря, не выделяется из ряда обыкновенных. Но это слово *во благодати, солию растворено* (Кол.4:6), слово властное, сильное (1Кор.2:4; 4:20); это слово как острие проникало в глубины сердечные, освещая все тайники души, это слово жгло сердца людей, представляя пред лице Всевидящего, Светлейшего, Милосердного Господа... Все, что доселе там

было нечистого, самими незримое, несознаваемое, тайное, все это выходило наружу... Так от сильного кипения котла вся грязь выплывает и крутится наверху...

Я, как и прочие, начал слушать поучение без особенного интереса, холодно. Но через несколько минут особенное какое-то настроение как бы откуда-то начинало сходить, охватывать народную душу, что-то начинало подниматься в ней и сильнее и сильнее заставляло переживать, чувствовать правду слов проповедника. Он властно брал как бы душу, влек за собою. Слышатся легкие вздохи.

Сначала вся народная масса притихла, как бы замерла, но вот начинается движение; оно, как лава, идет из глубины души. Вздохи делаются глубже, начинают набегать на глаза облегчающие душевное томление слезы. Еще мгновение, еще несколько слов властного проповедника, и вот раздаются рыдания; душа, загрубевшая, погрязшая в греховной суете, распахивается, видит свою наготу, желает освободиться от грязи и мрака...

Я отдаюсь этому неиспытанному ранее чувству; чувствую, что у меня на глазах слезы, они начинают литься, льются они, чистые, покаянные, благодатные слезы и у всех кругом. Раздаются рыдания все сильнее и сильнее.

Раздаются раздирающие душу крики: «Батюшка, прости, помолись за нас; все мы грешники». Море забушевало, стало так шумно, что не стало слышно и речи отца Иоанна. «Тише, тише – говорит он, водворяя тишину, устремляя взор в разные части храма, делая рукою быстрые жесты, – слушайте...»

Шум и вопли стихают, но потом с новою силою, при сильных жгучих словах проповедника, они увеличиваются и охватывают всех... *Будьте святы, якоже Аз свят* (1Пет.1:16), – произносит отец Иоанн слова апостола и снова как ножом режет сердце, и как гром раздается и перекатывается в соборе народный вопль о помиловании и прощении, и на время бурным ураганом гула народного прерывается проповедь, и проповедник старается водворить тишину... «Безгрешный Господь», – громко снова скажет пастырь, и все собрание грешников снова плачет и вопиет... Когда же в конце проповеди

отец Иоанн произнес слова: «Кайтесь, кайтесь», – то невозможно и передать, что произошло: сдерживаемые и задерживаемые ранее вопли и рыдания разразились, как сильный дождь и поток после грозы; все накипевшее на душе, вся горечь вылилась наружу. Поднялся страшный шум, покаянный вопль. Кто рыдал громко, кто падал со слезами ниц, кто стоял как бы в оцепенении... Многие вслух исповедовали свои грехи... «Грешен, ругался, Бога забывал, гневался, пьянствовал» и подобное. Каждый каялся по-своему, но все составляло покаянный плач и вопль... Эта картина никогда не может забыться... Величествен в эти минуты и отец Иоанн – он, пастырь словесного стада, словом коего возгрет огонь благодати в этих кающихся сердцах, сам стоял на виду у всех на амвоне, растроганный, потрясенный. Взор его был обращен к небу, и он молился, скрестив руки на груди. Что он чувствовал, переживал в эти минуты? Нигде более, как здесь, он чувствовал свою власть и посредничество между Спасителем Господом и между кающимися грешниками, ради коих Добрый Пастырь оставил 99 незаблудших овец, душа каждого из коих приобретена Кровию Иисуса Христа, и он, пастырь, эти души мысленно возносил к Престолу Божию, к Единому Ходатаю, молился об их очищении и возрождении, молился с дерзновением, ибо видел слезы покаяния. Как друг женихов, он радовался за этих заблудших овец, возвращающихся во двор овчий... Величественна, торжественна эта таинственная минута, ни с чем земным не сравнимая. Небо примиряется с землею, грешники с Святейшим, Безначальным Богом. Выше этой радости нет на земле, ей радуются и Ангелы (Лк.15:7:10). «Кайтесь, кайтесь, – послышался снова призыв. – Все ли каетесь, все ли постараетесь исправиться?» Все заговорили в народе. По лицу отца Иоанна катились слезы, он брал на себя бремя грехов, умилялся любви Божией, скорбел за братию, а окружающие его грешники, видя скорбь любимого пастыря, еще более сознали свой грех и разразились большими рыданиями и плачем... Так прошло минут 5–10. Отец Иоанн отер слезы, перекрестился и, когда смолкло все, внимательно осмотрев толпу, громко сказал: «Слушайте... мне, как всем священникам,

Бог даровал власть вязать и решить грехи людей… Я прочитаю молитву разрешительную. Наклоните свои головы: я накрою вас епитрахилью, благословлю, и вы получите от Господа прощение грехов…» Головы тысячной толпы преклонились, и отец Иоанн благословляет и прощает властью, ему данной, народ, возлагая епитрахиль на некоторых близ стоящих.

После этого вынесли Святые Тайны; громогласно за Батюшкой прочитали молитву пред причащением: «Верую, Господи, и исповедую». Очистившиеся покаянием, примиренные с Господом души с тихою радостью и благоговением стали подходить к Святой Чаше, причастились Тела и Крови Господних и тем самым освятились, возродились, ожили для Христа. Я причастился в числе первых. Более двух часов продолжалось причащение многочисленного народа. От большого стечения народа была сильная давка; немилосердно, до потери сознания иных придавливали к решетке. Вышел с потиром из ближайшего придела еще священник, но народ желал причаститься именно из рук батюшки отца Иоанна, к нему шел. После благодарственной молитвы сияющий радостью, укрепленный для житейской борьбы, народ, приложившись ко Кресту, стал расходиться из Андреевского собора... Из собора мы поспешили в фотографию; наше праздничное настроение после духовной трапезы еще увеличилось от того, что батюшка отец Иоанн согласился сняться с нами. Фотография помещается в 3-м или 4-м этаже на Господской улице. В ожидании прибытия отца Иоанна мы рассматривали коллекцию его фотографических снимков, здесь отпечатлелись разные выражения его лица, разные его душевные настроения, но все карточки, в общем, плохо изображают живое лицо отца Иоанна. Мне понравилось одно изображение его, где отпечатлелось его скорбное лицо.

Отца Иоанна мы встретили как уже родного, близкого, подхватили его под руки, и он, тогда уже шестидесятилетний, быстро взошел по лестнице, поздравил нас с принятием Святых Таин, был ласков, весело улыбался и в фотографии с нами неутомимо разговаривал, расспрашивал, кто откуда, и ничего не хотелось утаить от него, хотелось высказаться. Он отечески

ласково обращался с нами, помню, меня похлопал по спине, и мы жались и теснились под его ласку. Как хорошо было на душе у нас, хотелось бы продлить эту минуту, и нас удивило и бросилось в глаза одно совпадение: 20 мая весь день был пасмурный, дождливый, и фотограф, утешая нас, говорил, что все равно можно снимать и в пасмурную погоду. Но вот, когда вошел наверх отец Иоанн и фотограф рассадил нашу группу, солнце как бы только ждало: оно ярко засияло в фотографии. Кто-то из нас заметил: «Где Батюшка, там и свет». «Мой свет, – ответил кротко отец Иоанн, – не мой, а Христов». Помню хорошо, что с утра все было пасмурно и после вечером шел дождь, так что мы должны были скрываться от дождя. Пользуясь временем свидания с отцом Иоанном, некоторые из нас здесь же в фотографии решили вопросы своей жизни: один из нас, только что кончивший курс, брал благословение идти в сельские священники. «Там-то в селе и нужны особенно ученые священники», – сказал отец Иоанн, благословляя его. Другой из сидевших принял благословение принять монашество и тут же взялся за четки. «Я не знаю лучшего пути для молодых людей – сказал отец Иоанн, – как отдать всего себя на служение Церкви со всеми своими еще не початыми, не тронутыми силами, если только избирается этот путь жизни по убеждению». Пока мы снимались, отцу Иоанну гостеприимные хозяева приготовили чай и просили его благословить трапезу; зашли и мы. Отец Иоанн, налив себе рюмку вина, чокнулся с нами, высказывая различные благожелания. Ни на минутку не отступали мы от него, завалили его карточками, прося подписаться, и восторгам нашим не было конца.

Отец Иоанн взял со стола апельсин. «Многие, – заметил он, – пристращаются к богатой трапезе, гордятся ей и едят, как бы священнодействуют, а надо смотреть на пищу свысока: вкушая продукт природы, мы тем делаем как бы ей честь. Что выше – человек или пища, и кто кому должен служить?»

Не мог, однако, долго отец Иоанн быть с нами: его ждали во многих местах, и он спешил, обещая заехать к нам на квартиру; мы проводили его на быстром извозчике, но и тут цеплялись за него и бежали за ним, не отставая от извозчика.

Когда мы пришли в свою квартиру, отец Иоанн был уже там, и комнаты были уже переполнены народом. Он разбирал недоумения какого-то толстовца, читал его письмо, давал объяснения. На укор отцу Иоанну в том, что и он, идеальный пастырь, защищает войну, отец Иоанн сказал: «Я и теперь не откажусь от своих взглядов – христианство не отвергает войны, войны будут до скончания мира, и мы, русские, в большинстве случаев ведем войну не наступательную, а оборонительную». Говорил он потом по поводу письма о значении нашего православного богослужения, его воспитательности, красоте, святости и любви Матери-Церкви. «В храме – говорил он, – в лицах и действиях воспроизводится все домостроительство нашего спасения; а церковные песнопения и молитвы есть дыхание Духа Святаго, беда лишь в том, что они касаются только нашего слуха, а не внутреннего святилища души, потому и не понятны. Церковь для нашей вечно волнующейся жизни – тихая пристань. Христианин без Церкви как рыба без воды, Церковь его родная стихия – жизнь. Как они не понимают духа Церкви! – добавил он о святой Православной Церкви. – Какое несметное число она, как нежная мать, спасла в своих недрах. Видели вы, как и сегодня эта многочисленная толпа пришельцев по благодати Святаго Духа умиротворилась, получила облегчение и укрепилась для борьбы с грехом: отказу здесь никому нет. Меня бодрит и живит богослужение и Причащение Святых Таин. Оно дает мне силы для жизненного пути. Я совершаю литургию ежедневно, если только не нахожусь в пути... О, если бы сектанты и неверующие поняли высоту и красоту христианского идеала и нашего богослужения, забыли бы они свои молитвенные дома и своих лжепастырей, руководителей. Священнослужители в богослужении получают силу и подкрепление для своего служения. Пастырство – великая сила и в настоящее время. Жизнь не худа и теперь. Условия жизни одни и те же, и люди те же, что были раньше, только надо нам трудиться и нести тот же подвиг, какой несли первохристиане. И в далеком будущем жизнь нисколько не изменится. Труженики и деятели всегда возможны и всегда будут всеми приветствуемы. Говорю опять, только нужно

трудиться и работать над собой день и ночь. Царство Божие на земле, внутрь нас, а не где-то там, в далеком пространстве солнца и созвездий и неведомых островах». Несколько минут после чтения письма и беседы по поводу его отец Иоанн еще пробыл с нами; он снова угощал нас из приготовленной почитателями трапезы. На столе была одна рюмка. Он налил ее. «Господа, у нас – сказал он, – одна жизненная чаша». Отпив немного, он стал по очереди угощать нас, подливая вино. Некоторым давал отпивать раза два-три. «Кто из вас всех бледнее?» – говорил он, отдавая отпить остатки, и каждому говорил что-нибудь сердечное, ласковое, милое. Разрезал и раздал нам белый хлеб. «Не уморите их голодом», – сделал он наказ нашей хозяйке. Головы иных исчезали в его объятиях, иных он целовал в лоб, в голову. Хорошо было тогда. Стали прощаться. Благословив еще раз, отец Иоанн поспешил к толпе, ждавшей его в следующей же комнате. Поднялась давка и теснота: все теснились к нему, ловили руку для целования, хватались за рясу со слезами и просьбами, раздался треск шкафа... С трудом отец Иоанн пробирался вперед... у него что-то разорвали. За воротами, которые были заперты, раздавались голоса других, поджидавших его. Началась обычная сцена, какая бывает в народе, где находится отец Иоанн. К вечеру отец Иоанн уехал через Петербург в Москву. После трудового дня можно было бы и отдохнуть, но трудовой день для отца Иоанна только что начался.

На другой день утром я оставил своих товарищей спутников и, через Питер и Москву, направился к берегам Волги, домой... Разбрелись по широкой Руси и все паломники, наполнявшие собор. Разошлись с чувством благодарности к Богу за то, что были на общей исповеди у отца Иоанна, причастились из его рук, видели Батюшку. И долго, долго они будут помнить об утешении, полученном в Кронштадте.

Да, много значит повидать подобную личность – истинного последователя Христова хотя раз. О преподобном Антонии Великом говорили современники: «Кто, приходя к нему печальным, не возвращался веселым? Кто, приходя гневным, не переменял гнева на кротость? Кто не умерял скорби

сиротства при виде его? Какой монах, утомленный подвигами, не получал бодрость от его наставлений? Какой юноша, увидев святого Антония и послушав его, не отрекался от утех и не начинал любить целомудрие? Сколько дев, имеющих женихов, издали только повидав его, перешли в чин невест Христовых? Когда скончался Антоний, как будто все осиротели, лишились отца...» О преподобном Серафиме Саровском тоже говорили: «Всего более усладительна была его беседа... Речь его была столь действенна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного собеседования, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали мир и тишину... сила слова, осоленного благодатью, непременно производила свое действие... для всех довольно было живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца... Все ощущали его благоприветливую, истинно родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце...» (Старчество. С. 82, 83:84).

Вот как благодать Христова действует на доброй почве верующих! Личность духовного вождя народного неотразимо и словом, и своим живым примером действует на восприимчивую почву. По выражению святителя Тихона, монах, выйдя из кельи, возвращается другим. В благоприятном смысле человек другим возвращается из Кронштадта: здесь при свете Слова Божия и силою Духа Божия пастырь на исповеди освещает всю греховную жизнь и зовет властно к другой, святой, безгрешной. Тут же дается у неистощимого источника благодати прощение грехов и радостное ощущение новой жизни... Пророк Исаия, когда почувствовал, как Серафим коснулся горящим углем уст его со словами: *Се прикоснуся устнам твоим, и отъимет беззакония твоя и грехи твоя очистит,* – на призыв Господа: «Кого пошлю, и кто пойдет?» – бесстрашно и дерзновенно воскликнул: «Вот я, пошли меня» (Ис. 6:7:8).

Могуче овладевает сердцем народа и отец Иоанн, и народ на его зов готов откликнуться: «Вот мы», – и готовы идти за ним, куда он, их пастырь, ни повел бы. Много указывалось и в печати примеров, как побывавшие в Кронштадте изменяли совершенно свою прежнюю, греховную жизнь на деятельную, богоугодную. Живой пример неотразимо, сильнее всякого слова, действует на людей. «Сближайся с праведными – говорит преподобный Исаак, и чрез них приблизишься к Богу. Обращайся с имеющими смирение и научишься их нравам. Ибо если воззрение на таковых полезно, то кольми паче[10] учение уст их» (Слово 57). «Идущий по следам святости – говорит святой Григорий Нисский, – может приобщиться сей святости... Как от одной горящей лампады пламя передается и всем прочим светильникам, которые прикасаются к ней, и, несмотря на то, первый свет не уменьшается, хотя чрез сообщение в равной мере уделяется и заимствующим свой свет от него, так и святость сей жизни преемственно распространяется от преуспевшего в оной на приближающихся к нему, ибо истинно пророческое слово, что обращающийся с преподобным, неповинным и избранным и сам делается таковым (Пс.17:26:27)» (т. 5, с. 389).

Из нас, девяти тогдашних гостей отца Иоанна, только двое остались в светском звании, а семь человек вышли на пастырское делание; из них теперь – двое, отец М. и В.М., епископы, двое архимандритов на видном посту и трое священники. Хотя, может быть, нам суждены благие порывы, а совершить ничего не дано, но мы вышли все-таки на делание по зову пастыря отца Иоанна, с его благословения, побуждаемые его словом и примером.

Не говори, что дни былые
Светлей и чище оттого,
Что там Христос дела святые
Творил – и видели впервые
Там Жизнодавца своего...
Он здесь – Христос!
Он между нами,
Он в добром сердце и очах,

Когда правдивыми устами
Ты убеждаешь со слезами
О вечной правде в небесах.

Глава II

Вторая поездка в 1895 году и третья в 1902 году

...судьбы Твоя бездна многа.

Пс.35:7

Кончая курс в Духовной семинарии, я не мог даже представить себя в сане священника. У меня не лежало сердце к нему оттого ли, что семинарская наука не дала мне живого примера, или потому, что я сам не мог еще разобраться в себе. Я содрогался от мысли, что, если не поступлю в Академию, мне придется вступить в жизнь и занять какое-нибудь место в ней. Неясно представлялось мне будущее служение сначала и здесь – во время пребывания в Академии: рясу надевать не хотелось. Но съездил я в Кронштадт, увидел, как достойный пастырь действует среди нашей мятущейся жизни, и в моих убеждениях и стремлениях начался поворот на сторону священнического сана; этому же способствовали пребывание в стенах Лавры Преподобного, лекции по пастырскому богословию, занятия и беседы с товарищами.

В 1894 году к окончанию курса, пред смертью своего отца, я у него – умирающего испрашиваю совета и благословения на это звание, то есть на принятие сана священника...

Дня за три пред окончанием выпускных экзаменов в 1895 году снова неожиданно я надумал с другими, под водительством того же отца М., ехать в Кронштадт принять благословение от отца Иоанна.

2 июня в Кронштадт нас прибыло 9 человек, а накануне опередило нас человек 8 с отцом М.; все мы остановились в Доме трудолюбия. Оказалось, что прежде прибывших отец Иоанн в этот день причащал и побеседовал с ними часа полтора. В своей беседе он, между прочим, сказал: «Советую вам, друзья, принимать сан священства: много хотя искушений и скорби священнику в служении, но много за то утешения». Эти слова отвечали цели моего приезда – принять благословение на служение священника. Назавтра, 3 июня (суббота), назначена

была общая исповедь (она введена, должно быть, отцом Иоанном в 1887 или 1888 году). Утром мы чуть-чуть к шести часам поспели к утрени. Отец Иоанн несколько опередил нас. С вопросом: «Вновь прибывший, или старый?» (из прежде бывших нас было трое) отец Иоанн здоровался братски с нами и любезно благодарил за приезд. Началась утреня. Канон, конечно, как и всегда, он читал сам одушевленно, с умилением. Я по-прежнему стоял в алтаре, и не хотелось мне глаз сводить с отца Иоанна – так дороги для меня стали его черты, и так много в них одухотворенности! Он весь уходил снова в молитву, снова беседовал с незримым миром, внутренний огонь ощущался и проявлялся в его то умиленном, то скорбном взоре, то в порывистых движениях, в самом чтении и возгласах и в его пламенной молитве, проявляемый молитвенными вздохами и внутренними слезами. И снова скажу: как легко молиться с ним, окрыляет он молитву и других молящихся...

Андреевский собор был полон, то есть было от 4 до 5 тысяч человек. За проскомидией приготовлено было три Агнца, в три потира вылито было 7 бутылок вина. Началась литургия. Отец Иоанн весь уходит в молитву. «Единородный Сыне...» – запели на клиросе, отец Иоанн порывисто берет с престола крест, умиленно-восторженно шепчет молитву и при словах: «Распныйся за ны...» – несколько раз лобызает крест. Он молится настойчиво, порывисто, не просит, а требует, иногда склоняет свое чело на престол, как бы в оцепенении. После Великого входа, во время коего, исходя из алтаря, отец Иоанн произносит: «Его же изведоша вон из града и распяша», – он следует по стопам Спасителя в Гефсиманию, на Голгофу и в Сионскую горницу, следует и припадает к Его ногам своею любовью, скорбит с Ним и молит за всю немощную братию. Чувствуется, что пастырь всем существом своим осязательно ощущает присутствие Его Самого, Агнца – Господа. Покаянная скорбь за грехи человека сменяется после освящения Святых Даров любовью и радостью о Жертве. Скорбные слезы пастыря борются и побеждаются радостным восторгом о победе над грехом и смертью. И лицо его просветляется любовью, миром и спокойствием. Некоторые выражения он вполголоса повторяет.

«Днесь Владыка твари и Господь славы на кресте пригвождается...» – слышится, читает он для усиления религиозного чувства. «Вся терпит мене ради, мене ради осужденного...» Сказав возглас, он в тот же почти тон продолжает песнопение клироса... «Победную песнь... глаголюще: Свят, Свят, Свят Господь»... И молящиеся в великие моменты литургии охватываются ужасом, их душа касается страшной Жертвы, душою своею они чувствуют всю важность происходящего и переживаемого пастырем и ими. Ведь их сердце влагается в эту молитву, объединяемую Главою – Предлежащим Агнцем. «Во время «Тебе поем», – пишет отец Иоанн, – вся церковь, все предстоящие в храме должны молиться со священнодействующими, чтобы Отец Небесный ниспослал Духа Своего Святаго на нас и на предлежащие Дары, и читать про себя молитву: Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа. В это время ни одна душа не должна оставаться хладною, но всякая душа должна быть воспламенена любовью к Богу... ибо в эту минуту совершается страшное Животворящее Таинство – претворение Духом Божиим хлеба и вина в Пречистое Тело и Кровь Христовы, и на престоле является Бог во плоти» (т. 6, с. 84). *«Семя свято – стояние мира* (Ис.6:13). Вот это святое семя, которым стоит мир грешный, – думаю я во время литургии, взирая на Пречистое Тело и Животворящую Кровь Христовы. – Вот кем я, грешный, еще стою и не пал окончательно».

После литургии общая исповедь. Впечатление от нее опять неописуемо. Содержание ее то же, что и прежде, то есть чтение и объяснение покаянных молитв, но значительно короче. Пастырь чувствует, когда он своим словом смягчит грубое, нераскаянное сердце и когда можно допустить к Святым Таинствам. Опять он огненным словом жег сердца предстоящих, опять гул сокрушения и раскаяния прерывал и отвечал на его слова, и он призывал к тишине. Особенно, конечно, неописуем важный момент общего раскаяния, сокрушения и рыдания пред разрешительной молитвой. Душа распахнулась, и все затаенное на дне души всплыло наружу в воплях слезного покаяния. Почувствовал каждый, как далек он

от своего Первообраза, как он нечист и безобразен душою от множества прегрешений и как хорошо бы освободиться от этого бремени и ближе встать к Нему – Святейшему Существу.

О нас скорбит по любви Сам Господь, нас ради Распятый, и Его пастырь за нас молится и проливает слезы. Простит Он нас, как блудного сына, мытаря, разбойника, блудницу... И раскрываются раны сердечные – грехи ведения и неведения. И стоящий на виду у всех пастырь отец Иоанн, ходатай, объединяющий всех в молитве и принимающий как бы на себя грехи душ сокрушенных, сам возносит за них слезную молитву и умиленный взор туда, откуда нисходит прощение грешникам, то есть к Престолу Любви и Правды Божией.

Прочтена разрешительная молитва, и дано отпущение грехов; стали приступать к Святому Причащению... По причащении некоторых больных на дому отец Иоанн зашел в наш номер. Благословив нашу трапезу, подписал карточки, высказывал особенное благожелание новым кандидатам, только что окончившим курс. Как и прежде, юнцы студенты радовались отеческой ласке отца Иоанна. О чем говорили, спрашивали, не помню; помню только, что хорошо было сидеть и беседовать с отцом Иоанном. Закусив немного с нами, отец Иоанн пригласил нас назавтра к духовной трапезе, то есть еще причаститься, и вскоре оставил нас.

На другой день, 4 июня служил он утреню и раннюю литургию в приделе; мы снова были свидетелями молитвы отца Иоанна, и он удостоил нас Причащения Пречистых Таин во второй раз[11].

После литургии он по нашей просьбе отслужил нам напутственный молебен. Часов в одиннадцать заехал в ту же фотографию и снялся с нами. Опять мы были в сердечной теплой атмосфере в присутствии Батюшки. Нас снялось 16 человек; я имел счастье и в этой второй группе сесть рядом с ним, хотя и ошую.

Когда провожали отца Иоанна, то на одной из площадок лестницы я попросил у отца Иоанна благословения на принятие сана священства. «Бог благословит», – сказал он, благословляя меня. Тут же на лестнице и еще кто-то из нас испросил

благословения на тот же путь… Не имею сведений о всех лицах этой группы, но знаю, есть и из них принявшие монашество и священство...

«И слава Богу! – говорит отец Иоанн. – Пастыри ныне горячо взялись за свое святое дело пастырства, возбуждаемые и поощряемые своими архипастырями... Ныне шаткое, мятежное, бурное время. Сектанты и раскольники усердно сеют плевелы ложных учений в народе, стараясь отторгнуть от Церкви простодушный народ, но благодать Божия сильнее вражьих козней, ибо: *больше Тот, Который в нас,* то есть Господь, *нежели тот, который в мире,* то есть дух лести и злобы (1Ин.4:4), Господь *положит вся враги* Своя *под ногами Своими* (1Кор.15:25). А мы будем Ему усердными споспешниками, как говорит апостол: *Богу бо есмы споспешники»* (1Кор.3:9). (Слово на 19 октября 1899 года.)

Прошло семь лет. За это время слухи об отце Иоанне и слава его росли. В 1894 году путешествие его по Волге было как бы триумфальным шествием; в том же 1894 году он побывал в Крыму. Не раз он бывал на родине – в Суре Архангельской губернии, бывал и в Астрахани. В 1901 году отец Иоанн побывал в Киеве. ...

За истекший семилетний период исполнено мое желание и намерение о принятии сана священства. Воле Божией угодно было указать мне место служения вдали от родины. Воля Божия, по словам святителя Затворника Феофана, складывает обстоятельства жизни так, что остается только как бы скатиться под гору; так и меня обстоятельства и сердце повлекли в даль неведомую. Из нового места своего служения мысль моя часто уносилась в Кронштадт. Много раз приходилось писать мне к отцу Иоанну в Кронштадт, просить его молитвы за болящих и недугующих. Получал я иногда и извещения от Ш., что отец Иоанн в то или другое время молился. У меня как неопытного пастыря поднимались недоумения, и я обращался с ними к отцу Иоанну. Удостоил он меня раз ответным письмом от 28 марта 1901 года... Обрадовал несказанно, прислав в 1900 году полное собрание своих сочинений с подписью: «На братскую память». В его дневнике нашел я разрешение многих и многих

недоуменных вопросов пастырской деятельности. Но драгоценнее для меня и выше другого подарка не могло быть, как полученная от него в день нового, 1901 года епитрахиль, им ношенная и для меня, конечно, бесценная. Летом 1902 года у меня снова явилась мысль побывать у Батюшки. Пишу в Кронштадт. 16 августа, вечером получаю телеграмму: «Дорогой батюшка, рад вас видеть в Кронштадте – добро пожаловать. П.Ш.» Пятого сентября я снова увидел отца Иоанна пред утреней в том же алтаре Андреевского собора, вместе с другими поздоровался с ним. Постарел он за последние семь лет, но по-прежнему бодрый и быстрый в движениях.

Литургию служить он уехал в Петербург на какое-то подворье. На другой день, 6 сентября назначена была общая исповедь. Утреня состояла из чтения и пения канона; читал отец Иоанн, сказав предварительно громко: «Покаянный канон!» Во время пения великого славословия мы, священнослужители, большей частью приезжие священники, прочитали входную молитву. Кроме отца Иоанна, нас было двенадцать человек. Все приезжие священнослужители пропускаются в алтарь и всегда могут сослужить отцу Иоанну; много их бывает особенно за последнее время. В первый раз я видел отца Иоанна в митре. Хорошо она идет к нему. Сам он вынул четыре Агнца, в четыре больших потира влито было до пятнадцати бутылок вина... Дав благословение диакону начать литургию, отец Иоанн нам, уже облачившимся и стоящим около престола, сказал пред первым возгласом: «Благословите, отцы святии, совершить мироспасительную Божественную литургию».

И я сослужил отцу Иоанну у Престола Божия, и снова я видел и чувствовал, как велика скорбь и любовь пастыря, как всеобъемлюща, горяча и дерзновенна его молитва пред Верховным Первосвященником, Который приходит заклатися и датися в снедь верным. «Приимите, ядите, сие (показывая на все четыре Агнца) есть Тело Мое... сие есть Кровь Моя», – произнес он, вполуоборот стоя к престолу и народу. И сейчас как бы представляется мне воодушевленное лицо его, голос непоколебимой веры и самый жест его. На общей исповеди отец Иоанн сказал и стал объяснять текст писания: *Что есть*

человек яко помниши его (Евр.2:6). Он говорил о величии человека сравнительно с другими бездушными тварями, так как человек один создан по образу и подобию Божию. Но человек согрешил, прогневал Бога, отпал от Бога, преступив заповедь. Господь для спасения человека сошел на землю, пострадал за человека, пролил кровь. Но мы, купленные и искупленные, помним ли свое звание? Нет, мы своими грехами снова и снова гневим Бога... Есть средство нам приблизиться к Богу – очиститься, покаяться... Это слово так и осталось как бы не конченным: поднялся народный гул, и отец Иоанн оставил слово и ушел в алтарь... Покаянную молитву и пред Причащением громогласно и с чувством прочитал отец ключарь, и она вызвала слезы и вопли особенно при упоминании грехов: «Кий грех не сотворих; кое зло не вообразих в души моей; уже бо делы содеях; блуд, прелюбодейство, гордость, кичение, укорение, хулу, празднословие, смех, пиянство, гортанобесие, объядение, ненависть, зависть, сребролюбие, любостяжание, лихоимство, самолюбие, славолюбие, хищение, неправду, злоприобретение, оклеветание, беззаконие».

Отец Иоанн был в приделе, молился, укрепленный молитвою, снова вышел, прочитал псалом 31. «Блажени, коим оставлены беззакония и отпущены грехи... я сказал: раскрою мое беззаконие Господу, и Ты оставил нечестие сердца моего... Радость моя, избавь меня от обышедших меня. Не будьте как конь и лошак, которого силою узды заставляют идти... Сами добровольно приближайтесь к Господу». В объяснение этих стихов отец Иоанн говорил о счастливом состоянии людей безгрешных, о значении Таинства исповеди, где прощаются Господом грехи и беззакония наши. К открытию грехов – к исповеди он и призывал предстоящих. После слов его: «Кайтесь, кайтесь», – поднялся общий покаянный вопль; затем было общее разрешение, и я с чувством сокрушения подклонил голову под епитрахиль, которую Батюшка перелагал с одной головы на другую близ стоявших. Литургия кончилась часам к десяти; более двух часов причащал народную толпу отец Иоанн. Уставать стал он более. В то время как Святой Потир наполняли Святыми Дарами или переменяли, он укреплялся

молитвою: подойдет к престолу, станет на коленях, преклонив голову на престол, и так молится несколько времени. Давка была сильная. Приносили для причащения на руках калек и разных больных. Их вне очереди пропускали или переносили за первую деревянную решетку к амвону и подводили ко Святой Чаше. Лица у иных были исхудалые, бледные, изнуренные скорбью и болезнью, но и в их умиленных взорах святилась вера в животворность Святых Таин и загорался луч надежды на облегчение.

После литургии зашел отец Иоанн и ко мне в номер. Немного, недолго он говорил со мною. Еще дорогой я, чтобы не забыть, о чем спросить, кое-что записал на листочке бумаги, но в данное время большая часть из этих вопросов показалась лишними. Главное-то состояло в том, чтобы повидать отца Иоанна и поблагодарить его за молитву... В тот же день побывал я с визитом у П. О. Я., человека, близкого к отцу Иоанну. Он благоговеет пред Батюшкой. Предметом разговора был, конечно, отец Иоанн. Много, говорил, между прочим, П. О., пришлось отцу Иоанну потерпеть оскорблений и насмешек от лиц, окружавших его; низшим членам причта и то он кланялся, прося прощения. Много, должно быть, повлияла на отца Иоанна серьезная опасная болезнь: он семь недель тяжко болел, и не думали, что он встанет. После болезни он с большей ревностью стал служить поднявшему его с одра болезни Господу. Когда, изнуренный болезнью, он пришел в первый раз в собор, то пригласил всех к молитве: «Братие и сестры, помолимся вместе со мною Господу...» При служении этого молебна было одно знаменательное видение одной женщине, о чем она поведала отцу Иоанну и что знают многие сопричастные и близкие лица. Это видение изображено было потом художником на картине.

Приходил как-то сюда, рассказывал П. О., какой-то босоногий, убогий странник; разговаривая с другими, вдруг он среди разговора поднялся и поспешно, как бы на какой зов, пошел; пошел прямо навстречу отцу Иоанну. Они встретились как будто лица родные и давно знакомые друг другу, хотя ранее и не встречались. Этому страннику отец Иоанн сказал: «Господь открыл мне сердца людей и дал книгу скорби».

На следующий день я испросил у Батюшки позволение служить с ним литургию в Петербурге, куда он хотел отправиться. Заранее забрался я на пароход «Любезный», который возит его в Петербург.

Пароход очень маленький, нас со служащими парохода было человек десять. Утро было прохладное, и ветер сильный и холодный, качка на пароходе сильная. Одна боязливая дама страшно боялась качки и волн набегавших, но я чувствовал как бы задор: мой дух поднимала мысль, что плыву с верным учеником Христа,

Того Христа, Который укрощал словом бурю и обещал пребывать с учениками. Отец Иоанн почти все время был наверху; холод он любит; лишь на 10–15 минут он спустился в каюту, чтобы отдохнуть. В домовой церкви 1-го Реального училища, где служил отец Иоанн, народу было немного, так что служение здесь для него было как бы отдыхом… И причастники были. Поучение отец Иоанн говорил на дневное Апостольское чтение: *Тако нас да непщует человек, яко слуг Христовых и строителей таин Божиих* (1Кор.4:1). В объяснение он говорил о великом значении пастырского звания и служения. Говорил о том, что пасомые должны почитать своих пастырей, особенно трудящихся в слове, если даже они и не достойны. Благодать подается и чрез недостойных пастырей. Если же пастыри нерадиво несут свое служение, то они ведь сами за это несут наказание; наказанием для них служит и самая худая молва о них…

И 8 сентября, на праздник Рождества Богородицы, раннюю литургию я сослужил отцу Иоанну в приделе Преображения Господня.

Удалось мне и еще видеть отца Иоанна и поговорить с ним. После литургии он приехал служить молебен и причастить больного в ту же самую фотографию Ш., где мы снимались и встречались ранее. Я встретил отца Иоанна на лестнице и напомнил ему с благодарностью, что здесь на этой лестнице принял у него благословение на принятие сана священства. «Надо благодарить Бога, а не меня», – сказал он мне.

Истинно родственная, любвеобильная душа отца Иоанна, приветливая ласка в беседе и во всем обращении охватили меня. Я пришел в редкостно восторженное состояние, я как бы весь растаял. Казалось, что нет человека, более близкого мне, как он; ему открыта моя душа, и я в настоящую минуту, согретый его любовью, от полноты восторга готов был на какой угодно подвиг, готов был обнять и других своею любовью. Редкая, светлая, восторженная минута в моей жизни!

Господи! Хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи – говорил когда-то, *неведый, еже глаголаше,* апостол Петр, ощутив радость фаворского сияния (Мк.9:5:6); и для меня радость от ощущения любвеобильной души и близости уважаемого пастыря была необыкновенная, чрезвычайная, и желал бы я долее находиться в подобном сообществе: *добро здесь быти...* Приведен был мною сюда неожиданно встреченный в соборе товарищ по Академии М. В. Г.; он явился к отцу Иоанну взять благословение на принятие священства без вступления в брак, и это благословение им было здесь получено. Проводили Батюшку, он поехал на свое неутомимое делание до вечера, или даже до глубокой ночи. В 12 часов я был на пристани и пароходе. 27 сентября я прибыл в свой город и стучался в дверь своего дома.

Приведет ли Господь еще видеть батюшку отца Иоанна? Ему теперь 74 года, приближается 50-летний юбилей его священнослужения – 12 декабря 1905 года. Да приложит ему Господь дни на дни для блага России.

Итак, три раза волна жизни уносила меня на остров Котлин, и три раза я побывал у отца Иоанна. Все три поездки состоялись для меня совершенно как-то неожиданно. В первый раз я был в Кронштадте как гость и с тревожным вопросом: куда идти, куда стремиться, где силы юные пытать? Во второй раз я, уже избрав путь жизни, просил от пастыря благословения на путь пастырский; а в третий раз я сослужил ему, предстоял вместе с ним у Престола Божия. Так жизненный путь был избран, и я начал идти по нему. Уяснилась мне задача моей жизни, знаю, что требует от меня служение пастыря, которое так

высоко рисуется отцом Иоанном в дневнике, им самим высоко поставлено и осуществлено в его жизни.

Не вы Меня избрали, а Я вас избрал, – сказал Пастыреначальник Господь (Ин.15:16). Как пророк Иона, и я, может быть, бежал бы в Фарсис от лица Господня, но Господь меня, немощного, призвал чрез достойного пастыря на тот самый путь, коим он идет, на то же великое пастырское служение. Целую всеблагую Десницу Божию...

«Петр! *когда ты был* юн, *то препоясывался сам и ходил, куда хотел, а когда состареешься,* то *другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь*» (Ин.21:18). Отдаюсь и я на святую волю Божию, которая приводила меня в Кронштадт и указала жизненный путь. «Да будет воля Твоя – якоже хощеши устрой о мне вещь...»

Священник М. Паозерский. Впечатления первого сослужения отцу Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому) на Божественной литургии

До сих пор мне не случалось видеть вблизи досточтимого отца Иоанна Сергиева (Кронштадтского). Я встречал его несколько раз в Петербурге, но встречи эти были так неожиданны и мимолетны, что я даже хорошенько не рассмотрел его лица. Поэтому я с большим удовольствием принял приглашение причта села Путилова Шлиссельбургского уезда соучаствовать в совершении Божественной литургии отцом Иоанном 27 мая сего года (1897 г. – *Ред).*

Признаюсь, я принял это приглашение не столько из желания разделить животворящую Трапезу страшных Христовых Таин с великим молитвенником, сколько из простого, мелкого любопытства. Каюсь, я был отчасти предубежден против него: все эти нелепые рассказы богомолок; безграмотные и бессмысленные молитвы, распространяемые от имени его; эксплуатация невежественной массы некоторыми из окружающих его лиц, всё это мало говорило моему сердцу и критически настроенному уму. Правда, я боялся осудить Божия избранника, но не в силах был открыть ему и сердце свое и говорил, как древний Фома: «Доколе не увижу – не иму веры».

С такими чувствами поехал я в назначенный день и в Путилово.

Я приехал к началу шестопсалмия. Отец Иоанн был уже в церкви и молился у жертвенника в главном приделе. Мне пришлось стать на правой стороне алтаря, и чтимый всей Россией пастырь был у меня пред глазами. Я жадно устремил на него взоры.

В общем – похож на всюду распространенные портреты, но есть какая-то и разница. В чем именно – за дальностью не различить. Первое впечатление не в пользу его: движения нервные, порывистые; руки то сложит на груди, то быстро-быстро трет одну о другую; голову то опустит на грудь, то закинет назад, то склоняет попеременно на правый и левый бок;

крестится скоро, но редко, зато часто-часто кланяется. Вообще производит впечатление человека, находящегося в крайнем нервном возбуждении.

«Что это: юродство или религиозный экстаз? – думалось мне. – Как узнать?» И боязнь уйти и ныне неудовлетворенным защемила сердце.

В таком настроении оставался я до конца кафизм. Но вот приблизилось время канона, и, скромно поклонившись служащему священнику, отец Иоанн направился на солею для чтения его.

И этот смиренный поклон, поклон светильника Церкви простому сельскому иерею, отданный не с пренебрежением, а почтительно, как равному о Христе собрату, впервые задел в моем сердце какую-то новую, сочувственную струнку.

Раздалось чтение отца Иоанна. Голос резкий, своеобразный, но не скажу, чтобы неприятный. Чтение не выразительное, даже не музыкальное, но подкупает своею прочувствованностью. Вот он читает: «... священницы воспойте, людие превозносите во вся веки», и чувствуешь, что он и сам в это время поет Господа «внутренними своими» и хочет, страстно хочет, чтобы и все люди превозносили Его во вся веки.

Утреня кончилась. Во время первого часа начинаем облачаться к литургии. Мое облачение как раз рядом с отцом Иоанном. Наконец-то я рассмотрю вблизи этого замечательного человека!

Лицо чистое, с легким румянцем, небольшая проседь в бороде, все это хорошо знакомо по портретам. Но в чем же это неуловимое отличие оригинала? Ах, да! В глазах. Глаза тусклые, с красными веками и белками, какие бывают обыкновенно у людей много плачущих или мало спящих.

И эти потускневшие от слез и молитвенных бдений глаза вызывают во мне новую нотку симпатии к этому великому труднику и молитвеннику Русской земли.

Но вот, облачившись во все священные одежды, отец Иоанн резким движением отбрасывает пояс...

И вновь забурлил мой скептический ум: «Что это: оригинальничанье? Пренебреженье церковным уставом?

Бесчинное самовольство? Где же тут добрый пример нам, младенцам в христианской жизни?»

Во время чтения часов к отцу Иоанну подошел местный настоятель и просил его сказать что-либо в назидание народу. Как-то по-детски ухватился отец Иоанн за ризу подошедшего и, любовно заглядывая ему в лицо, стал расспрашивать о наиболее распространенных в народе недостатках.

И этот наивный детский жест, эта любовная улыбка снова растворили мое сердце и так повлекли к уважаемому пастырю, что я не удержался, в свою очередь подошел к нему и просил изредка поминать меня в своих молитвах. «Рад, рад, рад, – отвечал отец Иоанн все с тою же любовною улыбкой: – Как ваше имя?» Я сказал и, поклонившись, отошел.

Началась Божественная литургия. Своим резким голосом, нервной торопливостью, угловатостью и порывистостью манер отец Иоанн не дает того художественного наслаждения, какое испытываешь, например, при служении нашего Архипастыря, где все величаво, плавно, размеренно; но тем не менее как-то чувствуешь, что этот торопливый, порывистый иерей не отправляет только службу, не исполняет известный ритуал, а действительно священнодействует, приносит жертву Богу.

В начале службы отец Иоанн казался довольно рассеянным: подивился вслух тяжести напрестольного креста, причем поднял его и поцеловал крепко, звучно, как целуют особенно любимых лиц; потом попросил открыть и закрыть окно; несколько раз зевнул, характерно крестя рот левою рукою.

«Человек подобострастен нам», – мелькнуло у меня в голове.

Но вот великий молитвенник все чаще и чаще стал кланяться своим характерным поклоном без крестного знамения, все чаще и чаще закрывать глаза. «Сосредоточивается», – подумал я.

И вдруг он опустился к подножию престола и, сложив руки на краю его, приник к ним головой. Как раз в это время запели Херувимскую песнь. Что-то строгое, почти суровое разлилось по лицу его, и я, как в книге, читал на нем: «Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластьми приходити, или

приближитися, или служити Тебе, Царю славы: еже бо служити Тебе, велико и страшно и самем небесным силам...»

И мне страстно, неудержимо захотелось так же вот пасть пред Престолом Всевышнего и плакать, плакать, плакать и «о своих гресех и о людских неведениях». Последние преграды сомнения рухнули, и двери сердца моего широко растворились, чтобы принять в себя этого необыкновенного человека.

Служба шла своим чередом. Отец Иоанн стоял, все еще держа глаза закрытыми. Он весь ушел в себя; мысленно читал не только тайные молитвы литургии, но даже и возгласы, из коих вслух произносил лишь последние слова. Приближалось время пресуществления Святых Даров. Полуоборотясь к народу и указывая на предлежащие хлеб и вино, отец Иоанн взывал: «Приимите, ядите... пийте от нея вси...» Голос его усилился, стал властным, настойчивым. Он звал, он требовал, чтобы все, все без изъятия, шли вкусить от Источника бессмертия.

«Вси, вси насладитеся», – вспомнились мне слова пасхального поучения Златоуста «Телец упитан».

Почтив земным поклоном пресуществившиеся в Тело и Кровь Христову предлежащие Дары, отец Иоанн облокотился правою рукою на престол и, прикрыв глаза ладонью, долго-долго стоял так. Видно было, что он припоминает всех, просивших молитв его, и поминает их.

Запели задостойник Вознесению. «О Божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа! С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе!» – воскликнул вдруг отец Иоанн, как бы напоминая нам, что «Вознесшийся от земли на небо» все же с нами есть «до скончания века».

Как только отец Иоанн приобщился Святых Таин, тотчас же начали читать благодарственные молитвы. И надо было видеть, какая радость разлилась по лицу его при первых же словах. Видно было, что он не устами только, но и сердцем взывает вместе с чтецом: «Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко не отринул мя еси, грешного, но общника мя быти святынь Твоих сподобил еси».

Обедня кончилась. В теплых словах поблагодарил нас досточтимый Батюшка за сослужение ему, «за помощь в

строительстве Божественных Таин» и куда-то скрылся.

– Где же Батюшка? – спросил я.

– Батюшка очень утомился и должен был переменить белье, – отвечал мне один из его спутников, завязывая в платок рубашку отца Иоанна.

Вид этой рубашки, словно вынутой из воды, лучше всяких слов объяснил мне причину того незначительного отступления от церковного устава, которое допустил отец Иоанн при своем облачении.

«Дань человеческой немощи», – подумал я, и в сердце моем не только не стало места осуждению, но нашлось и слово оправдания, и я вспомнил слова апостола: *Никто же плоть свою когда возненавиде, но питает и греет ю* (Еф.5:29).

...Веселый, довольный, с успокоенной душою возвращался я домой. Я рад был, что сомнения мои рассеялись и что отныне я смело и с убеждением могу каждому сказать об отце Иоанне: «Воистину – это великий человек словом и делом пред Богом и всеми людьми».

Протоиерей Ст. О-в. Богослужение в Кронштадте (1903 г.)

4 августа в два часа дня небольшой пароход привез меня на остров Котлин, отделенный от Петербурга 45-верстным водным расстоянием. Этот островок почти весь занят портовым городом Кронштадтом, вмещающим в себе около 60 тысяч разноплеменного населения. По красоте и благоустройству Кронштадт уступит далеко не всем губернским городам центральной России. Но храмов в городе поразительно мало. Если не считать латинского костела и лютеранской кирки, то только один храм Андреевский привлечет внимание пришельца. Соборы военно-сухопутного и военно-морского ведомства мало приметны. Остальные православные церкви – домовые.

Севши в дилижанс, я сказал кучеру, что слезу у Дома трудолюбия. Но близ Андреевского собора в дилижанс вошла расторопная женщина, окинула глазами ехавших и оживленно сказала:

– Вы к дорогому Батюшке, к отцу Иоанну; я вас устрою, я знаю, где он будет завтра служить; он у нас каждый день бывает.

Это была содержательница каких-то плохеньких номеров. Кучеру она приказала ехать к ней, но я твердо сказал ему, что слезу только у Дома трудолюбия.

Раскаиваться в своем упрямстве мне не пришлось. Дом трудолюбия и тамошние помещения для приезжих производят впечатление простоты, соединенной с чистотой, и отличаются полным отсутствием той буржуазной обстановки, которая прискучивает в городских гостиницах. Поместившись в небольшом номере, я почувствовал себя лучше, чем дома, и без всякой видимой причины пришел в радостно-умиленное настроение. Хотя отец Иоанн еще не приезжал из Петербурга, но он уже был моим хозяином. Все здесь о нем говорило: и этот дом, построенный его почитателями, и печатные предупреждения, чтобы приезжающие не встречали отца Иоанна на крыльцах и в коридорах, а ожидали в своем

помещении, и склад сочинений почтенного пастыря, и прислуга дома, радушная и простая, ходящая даже в крестьянском костюме, и вывешенные на стенах запрещения курить где бы то ни было в доме, лампады пред иконами в номерах, зал для общих молебнов, украшенный иконами и живописью наподобие храма, вазы для водоосвящения, стоящие в каждом номере на особом столике, олеография, изображающая убогую хижину, в которой родился отец Иоанн, и самого отца Иоанна с автографом: *Каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих* (1Кор.4:1). Это и многое другое заставляло чувствовать чрезвычайную духовную близость доброго пастыря. Признаюсь, блаженное состояние этого дня уже не повторилось на следующий день, когда я в течение нескольких часов находился в непосредственной близости к отцу Иоанну.

В пять часов я пришел в Андреевский собор на вечерню. Служил один из сослуживцев отца Иоанна, иерей, еще молодой, но уже поседевший после вынесенной им болезни. Богомольцев было не больше 200, и народ, заметно, пришлый. После вечерни были отслужены молебны и началась исповедь. Во время исповеди я осмотрел храм. Он не так велик, как сообщается в описаниях, и едва ли может вместить более 5000 богомольцев. Трапезная часть храма имеет два ряда очень частых колонн, на которых держатся своды трапезы. Есть поместительные хоры. В трех рядом стоящих алтарях обращают внимание наблюдателя окошечки над алтарями, сделанные в зените сводов по одному над каждый алтарем, – среднее треугольной формы, а боковые кругловатые. Заслуживают упоминания висящие в алтарях небольшие люстры и новые серебряные облачения престолов, без сомнения, очень дорогие. К слову сказать, не все находят металлические облачения удобными для престолов и жертвенников. От таких облачений веет, говорят, холодом... На аналое у среднего престола лежит служебник отца Иоанна с ликом Спасителя на верхней крышке и собственноручною надписью владельца. Солея отделяется от храма обыкновенной высоты чугунными решетками. Но по окончании вечерни служители храма стали придвигать к этим

чугунным решеткам массивные и высокие деревянные на колесиках; эти решетки запирались по частям замками. Не трудно было догадаться о назначении этих преград. Известно, например, что за литургией в Харьковском соборе, совершенной отцом Иоанном 15 июля 1890 года, народ занял всю солею, вытеснил певчих с клиросов в алтарь и стоял плотной стеной у Царских врат; «выходы» совершались уже в алтаре около престола. Была, по выражению очевидца, не обедня, а беда.

При выходе моем некоторые богомольцы спрашивали у меня советов относительно исповеди и приобщения. Красивый и хорошо одетый юноша спросил меня: можно ли ему будет завтра приобщиться, приобщившемуся два дня назад. «Жду отца Иоанна, – добавил юноша, – чтобы получить от него окончательное благословение на поступление в монастырь». Чувствовалось при беседах с посетителями Кронштадта, что они привлечены сюда не любопытством и не исканием знамений, а запросами души и пробудившейся совести. Напрашивался сам собою грустный вывод, что эти духовные потребности не находят удовлетворения на месте жительства паломников. «Ключи разумения» там остаются бездейственны по недостатку внимания и любви. Но может ли один пастырь, хотя бы такой одаренный, как отец Иоанн Сергиев, осветить сгустившийся над русскими душами мрак и насытить этот великий душевный голод? Не уходят ли и от него тысячи паломников непросветленными и голодными? Без сомнения, отец Иоанн только с малою частью паломников может прийти в личное общение, но любящим сердцем он чувствует нужды всех богомольцев Андреевского собора и горячо ходатайствует о них в великом евхаристическом служении…

Проходя по соборной улице в 8-м часу вечера, я видел у крылец и ворот группы беседующих горожан и паломников. Вдруг этот народ ринулся навстречу ехавшей с петербургской стороны коляске, везшей отца Иоанна. Коляска быстро неслась испуганною лошадью, а народ стекался к ней и с боков и спереди, хватался и за крылья, и за задок, тщетно пытаясь прикоснуться к отцу Иоанну. При приближении коляски к

присаднику дома отца Иоанна быстро растворились ворота присадника, пропустили коляску и тут же замкнулись.

Подобное же зрелище я увидел, когда шел к утрене на следующий день. На паперти собора ожидала Батюшку большая толпа народа. Но пред его коляской распахнулись ворота церковной ограды и вновь замкнулись, чтобы не впускать народ. Отец Иоанн прошел алтарною дверью. Несмотря на эти предосторожности, в алтарь проникло десятка полтора богомольцев, в числе которых были люди мундирные и воспитанники светских учебных заведений.

Утреню совершал не отец Иоанн, а другой иерей соборный. Отец Иоанн по обычаю читал канон (Преображению). Способ чтения отцом Иоанном канона уже неоднократно описывался с некоторым даже преувеличением производимого его чтением впечатления. Чтение его прочувствованное, сознательное, но не вполне ясное, за выключением отдельных речений. Впечатление же на богомольцев производится не столько содержанием канона, сколько личностью и голосом пастыря. Во время утрени отец Иоанн имел вид порывистый и озабоченный, выходил в боковой алтарь (служба была в среднем), читал записки, исповедовал. Но много осталось неисповеданных богомольцев, и они очень волновались. Вынимание заздравных и заупокойных частиц начато было сослуживцем отца Иоанна ранее проскомидии, во время шестопсалмия, и это было необходимо по причине большого количества просфор. Проскомидию совершать отец Иоанн стал сам после утрени. Пред проскомидией он был очень доступен и приветливо здоровался с прибывшими в собор, еще не знакомыми священниками, расспрашивал их о службе, об архиереях. При этих разговорах обнаружено было, что слух у отца Иоанна значительно притупился, чего он не скрывает и сам.

Но быстрое чтение отцом Иоанном записочек и поминаний показывало, что зрение у старца-пастыря еще очень хорошее. Записок этих было так много, что читать их отцу Иоанну помогали и другие священнослужители. Непрочтенные во время проскомидии записки и поминания во время сугубой ектеньи дочитывались о живых, а во время заупокойной – о умерших

также священнослужителями про себя. Встречавшиеся иностранные имена (Ричард, Эдуард, Виктория) показывали, что в православном храме города Кронштадта молитвенной помощи себе и умершим своим ищут и инославные христиане. Так любовь православного священника несколько раздвинула вековые перегородки между исповеданиями.

Множество записок объясняется тем, что отец Иоанн не любит, чтобы имена поминаемых писались на дне просфор, как это принято в большинстве монастырей. Все вынутые просфоры складываются в большие корзины. Ни один получатель просфоры не может быть уверен, что данная ему просфора есть именно та, в которой вынута частица за него и его сродников. Хорош ли этот порядок? Не утрачивает ли при этом условии значение просфора? Думается, что в таком смешении просфор нет никакой неправильности. Сущность поминовения заключается не в тождестве поданной и выданной просфор, а в погружении вынутых частиц в Святую Чашу. Все приносимые просфоры являются как бы частями двух просфор – заздравной и заупокойной. Даже более: в Греческой Церкви все необходимые для литургии просфоры заменяются одною широкою. Просфоры, таким образом, представляя собою единое по началу, вновь объединяются во Святой Чаше. Самая литургия связывает и объединяет членов Церкви земной и небесной в их общей Главе. В одной из евхаристических молитв по освящении Даров читаем: «Нас всех, от единаго хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг другу во единаго Духа Святаго общение, да обрящем милость и благодать со всеми святыми, от века Тебе благоугодившими...» Просфора – это дары, остатки от Вечери Христовой, сообщаемые и тем, которые по печальным условиям времени ближайшего участия в Вечери не приняли; просфора – это воспоминание об Агнце непорочном, Кровию Своею омывающем грехи людей и объединяющем их всех, это слабое подобие приобщения... В этом ее значение, а не в том, чтобы каждая просфора возвращалась собственнику ее, принесшему ее. Молитва об освящении «принесших и за которых совершено приношение»

читается не над каждой просфорой, но однажды – в конце проскомидии.

Был будневой день – канун Преображения, но Андреевский собор давно уже не знает будневых служений. Литургия совершалась семью священнослужителями при пении хора отца Иоанна в полном народа храме. Началась литургия при отверзтых Царских дверях, которые затворились только пред заупокойной ектеньей. Мы, священники, привыкли молиться лицом к востоку и спиной к народу, но у отца Иоанна примечается постоянное тяготение к народу. Почти все возгласы он произносит, обратясь к западу, и произносит их, должно сказать, с силою многою. Молитвы пред исповедью отец Иоанн читает так же, обратясь к народу. Даже возгласы: «приимите, ядите» и «пиите от нея вси» отец Иоанн произносит к народу, обращаясь к престолу лишь при словах: «сие есть Тело» и «сия есть Кровь»... Поклоны пред иконами, престолом и Святыми Дарами отец Иоанн не всегда сопровождает крестным знамением. К возгласу: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смети призывати Тебе, Небеснаго Бога Отца, и глаголати» отец Иоанн прибавляет «Отче». Это прибавление уясняет мысль возгласа, затемненную употреблением несвойственного русскому слуху двойного винительного. К служебнику отец Иоанн обращается мало, и мы объясняем это не тем, что отец Иоанн знает молитвы служебника наизусть, но его взглядом на молитву как на свободное выражение чувств и настроений. Служебник должен направлять и руководить служащего, но не делать его рабом буквы.

По освящении Святых Даров диакон подал дароносицу отцу Иоанну, и он лжицей из Чаши наполнил дароносицу частицами Тела Христова. Так он делает ежедневно, не имея обыкновения сушить (запасать) Святые Дары. С дароносицей он расстается только на время литургии, в остальное время носит ее в бархатной сумочке, свободно висящей на правом боку на орденской ленте.

При заготовлении Святых Даров для приобщения не вся частица IC была опущена в Чашу, но только корочка ее с

буквами, а остальное вместе с НІ-КА было раздроблено для приобщения мирян. Для причастников отец Иоанн приготовляет сравнительно крупные частицы, хотя вследствие этого многие готовившиеся остаются без приобщения. Припоминаются мне слова одного старого священника, что он в семинарии, при всей своей юношеской набожности, был очень смущен и взволнован, когда отец ректор семинарии приобщил его очень малой частицей, крошкой. Во время приобщения отец Иоанн два раза повторил, что нынешних причастников он завтра не допустит до приобщения. Из этого можно заключить, что в Кронштадте без сторонних воздействий восстановился древнехристианский обычай частого приобщения, так что в интересах порядка и во избежание многолюдства явилась уже нужда сдерживать это искание общения со Христом. Заметим мимоходом, что стража Андреевского собора очень груба с богомолками и причастницами.

По окончании обедни потребление Святых Даров происходило точно таким порядком, как и приобщение священнослужителей, то есть Дары потреблялись не одним младшим священнослужителем, но всеми по очереди, начиная со старшего.

После обедни отец Иоанн объезжал гостиницы и дома для приезжающих для удовлетворения религиозных нужд пришлого люда и служил молебны. На общих молебнах отца Иоанна мне не довелось быть, но его моления по отдельным номерам не могут быть названы молебнами в принятом смысле слова. Пока псаломщик поет тропари водосвятного молебна, отец Иоанн прочитывает записку с именами лиц, о которых его пригласили помолиться, погружает крест в блюдо, окропляет через крест присутствующих и высказывает свои благожелания. Все это совершается не более двух минут. Такая краткость и несогласованность с уставом молений отца Иоанна объясняется тем, что отец Иоанн не имеет никакой возможности совершать молебствия по уставу для всех желающих. Но в этом двухминутном совершении молебнов, как и во многих своеобразных поступках отца Иоанна, сказывается одна выдающаяся черта характера отца Иоанна: он мало заботится о

том, что о нем подумают и что скажут. Идет своим путем, куда влечет его свободный дух, как шел смолоду, навлекая на себя осуждения одних, насмешки других и вражду со стороны третьих. И теперь много осуждающих кронштадтского пастыря то за то, то за другое.

Кратковременность моего пребывания в Кронштадте лишает меня права делать какие-либо заключения о значении отца Иоанна и о причинах его влияния на все классы русского народа; но я не могу не высказать, что у отца Иоанна нам, иереям, полезно поучиться свободной молитве. Пора нам стать выше формального обрядничества и усвоить, что не человек – для обряда, а обряд – для человека. Обряд должен не сковывать священнослужителя, а окрылять его, пробуждать в нем и в богомольцах молитвенную настроенность.

«Хорошо, – пишет отец Иоанн, – на молитве сказать несколько своих слов, дышащих горячей верой и любовью ко Господу. Да! Не все чужими словами беседовать с Богом, не все быть детьми в вере и надежде, а надо показать и свой ум, *отрыгнуть* от *сердца* и свое *слово благо* (Пс.44:2), при том же к чужим словам как-то привыкаем и хладеем. И как приятен бывает Господу этот наш собственный лепет, исходящий прямо от верующего и благодарного сердца – пересказать нельзя... Несколько слов скажешь, а блаженства вкусишь столько, что не получить его в такой мере от самых длинных и трогательных чужих молитв, по привычке и неискренно произносимых»[12].

«Некоторые поставляют все свое благополучие и исправность пред Богом в вычитывании всех положенных молитв, не обращая внимания на готовность сердца для Бога, на внутреннее исправление свое; например, многие так вычитывают правило к Причащению. Между тем здесь прежде всего надо смотреть на исправление и готовность сердца к принятию Святых Таин; если сердце право стало во утробе твоей, по милости Божией, если оно готово встретить Жениха, то и слава Богу, хотя и не успел ты вычитать всех молитв. *Царство Божие не в словеси, а в силе* (1Кор.4:20). Хорошо послушание во всем матери Церкви, но с благоразумием, и, если возможно, могий вместити продолжительную молитву да

вместит. Но *не еси вмещают словесе сего* (Мф.19:11); если же продолжительная молитва несовместима с горячностью духа, лучше сотворить краткую, но горячую молитву. Припомни, что одно слово мытаря, от горячего сердца сказанное, оправдало его. Бог смотрит не на множество слов, а на расположения сердца. Главное дело – живая вера сердца и теплота раскаяния в грехах».

Есть двоякого рода свободное отношение к обряду: одно истекает из омирщенного настроения, лености и недостатка почтения к обряду. От такой свободы избави Бог русский народ и духовенство! Иной характер имеет свободное отношение к обряду, истекающее из стремления одушевить и восполнить обряд, подчинить его духу и истине, сделать его живым, эластичным и действенным. Готовые молитвы в Псалтири, канонниках, требниках, часословах и служебниках должны служить только образцами беседы с Богом. А мы из этих молитв сделали предел молитвы, оградились ими, как стеной, и отвыкли от свободного общения с Богом сердца нашего. У нас есть проповедники, проповедующие живым словом, но не слышно о пастырях, произносящих живую применительно к случаю или воспоминаемому событию молитву. Составлению проповедей у нас учат в семинариях и академиях. Закон Божий – пока обязательный предмет во всех учебных заведениях, уклонение от посещения храма во многих школах строго наказуется, но где у нас учат живой и свободной молитве? Отрока родители приучают читать молитвы без понимания их, а юношу никто не руководит в деле молитвы, никто не наставляет, что молитва не в стоянии, чтении, поклонах и крестах, но в горении сердца и в общении с Богом, в настойчивых просьбах, в искании и стучании... В наших храмах богомольцы не участвуют в богослужении, чего не было в древней Церкви, нет и теперь на православном Востоке, где Символ веры, «Отче наш» и ответные моления ектений произносятся всем народом, правда, не совсем стройно и музыкально, но молитвенно, сердечно и сознательно.

А мы букву блюдем строже христиан других исповеданий и наших восточных единоверцев, а духом не дорожим. «Таковы

мы, что самые назидательные и возбудительные порядки своим невниманием обращаем в бездейственную форму. Следует поставить нам самим себе законом – так пользоваться церковностью, чтобы она не обращалась у нас в форму. Для этого требуется искренняя ревность о Богоугождении»[13].

Для одухотворения отец Иоанн советует неспешное чтение молитв: «Когда совершаешь молитву, правило: не спеши от слова к слову, не прочувствовавши его истины, не положивши его на сердце, но сделай и постоянно себе делай труд чувствовать сердцем истину того, что говоришь. Ожидай, пока каждое слово отдастся в сердце свойственным отголоском. У многих причетников, бегло читающих, образуется совершенно ложная молитва: устами они будто молятся, по всему кажутся будто благочестивыми, а сердце их спит и не знает, что уста говорят».

А. Шуберский. Личные воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском

Молодым офицером я часто бывал в Кронштадте у бывшего тогда начальника крепостной артиллерии генерала Иванова. Отец Иоанн очень уважал генерала Иванова и часто бывал у него.

Однажды, когда я у генерала Иванова завтракал, пришел отец Иоанн. Сидевшие за столом встали и подошли под благословение, после чего все сели за стол совместно с отцом Иоанном.

Это была первая моя встреча с отцом Иоанном, который держал себя просто и разговаривал как обычный священник.

Между тем популярность отца Иоанна уже была настолько велика, что в Кронштадт приезжали тысячи людей со всех концов России. Маленький портовый город, каким был в то время Кронштадт, не мог всем приезжающим предоставить ни ночлега, ни довольствия, и потому вокруг собора образовался целый поселок, где и ютились эти люди.

Особенно много приезжало в посту с целью присутствовать на общей исповеди отца Иоанна.

Приехал и я на первой неделе Великого поста. Собор был задолго так полон народом, что мне с трудом удалось войти внутрь и я оказался у самого входа.

Народу было настолько много, что люди стояли вплотную друг к другу, представляя сплошную человеческую массу.

Собор был мало освещен. Вскоре вышел отец Иоанн в светлом подряснике, и в освещенном алтаре можно было ясно видеть его лицо. Он начал говорить, как бы подготовляя молящихся к исповеди. Говорил настолько внятно, что его легко можно было слышать.

Продолжалось это недолго, и закончил он свое слово возгласом: «ТАК КАЙТЕСЬ!», произнесенным громко. Эти слова отца Иоанна как электрический ток пронзили людскую массу, и она начала шевелиться. Начались выкрики отдельных кающихся. И вдруг в одном конце этой массы вытеснился на

верхнюю поверхность ее человек и по головам стоящих людей побежал к отцу Иоанну, крича: «Я убил, убил!»

Человеческая масса оцепенела, но не двигалась. Эта картина произвела на меня потрясающее впечатление, которого я никогда не могу забыть. Тут я почувствовал, что перед нами находится необычный человек, обладающий силой овладевать людьми.

Ментона, 24 ноября 1958 г.

В.П.. Воспоминание об отце Иоанне Кронштадтском

В 1888 году я, будучи еще 29-летним молодым человеком, услыхал, что в церкви, мимо которой я случайно проходил, служит обедню отец Иоанн Кронштадтский. В то время я был не только не религиозным, но и совершенно неверующим, тем не менее у меня явилось желание посмотреть на отца Иоанна.

Войдя в церковь, наполненную молящимися, которых я мысленно назвал толпой баранов, я пробрался в алтарь, в который вошел так тихо и осторожно, что совершенно нельзя было услышать моего входа, но лишь я увидел стоявшего ко мне спиной и молившегося перед святым престолом Батюшку, как он моментально оглянулся и так пристально на меня посмотрел, что мне стало как-то жутко и я с досадой подумал: что ему нужно? Посмотрев на меня с полминуты, он опять отвернулся, опустился на колени и начал молиться.

Молитва его звучала как бы призывом и настойчивым требованием. До меня доносились только отрывочные фразы: «Прости его, Господи», «Ты милосердный», «Вразуми и спаси» и т.п.

Я чувствовал, что он молится обо мне, и мною овладела внутренняя борьба противоположных чувств. Меня тянуло присоединиться к его молитве, но вместе с тем я как бы со злобой повторил несколько раз: «Блаженный юродивый поп».

Окончив молитву, отец Иоанн быстро подошел ко мне, положил на мою голову свои руки и обратился ко мне со словами: «Сознай свое заблуждение, покайся, Господь нас создал не для зла и отрицания, а для добра и радостного прославления Его великой мудрости. Пусть же очистится твоя душа от всего злого и мрачного и просветлеет разум твой и в тяжелые дни жизни познает не ропот и отчаяние, а утешение в молитве и надежде на милосердие Господне. Будь же хорошим, добрым, и легче будет жить и тебе и твоим ближним».

Когда отец Иоанн положил мне на голову руки, мне хотелось оттолкнуть его и наговорить ему дерзостей, но я не могу дать себе отчета в том, что тогда произошло во мне. Я не в

силах был пошевелиться, сердце усиленно билось, и, ускоренно дыша, я вслушивался в его слова и наконец разрыдался. «Это хорошо, хорошие слезы. Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе!» – громко воскликнул Батюшка.

Я чувствовал себя внутренне переродившимся, словно я избавился от смертельной опасности и возродился к новой, лучшей жизни.

Я опустился на колени и горячо помолился, а отец Иоанн продолжал служение.

Это событие благотворно повлияло на всю мою последующую жизнь.

Протоиерей Владимир Воробьев. Наблюдения и впечатления от молитвенного единения и общения с отцом Иоанном Кронштадтским

Родина отца Иоанна – село Сура Архангельской губернии. Отец Иоанн любил свою родину и далекий север, куда приезжал каждое лето. В Архангельске нам и удалось не один раз видеть его во время ежедневных служений, в домах горожан и в нашем доме.

Отец Иоанн совершал богослужение с некоторыми особенностями.

Им произносились возгласы молитвы не нараспев, как принято, а обыкновенным разговорным языком, но громко, раздельно, отчетливо и необыкновенно выразительно.

Пред каждой обедней отец Иоанн пред Царскими вратами в епитрахили всегда читал канон вслух народу. Канон оканчивался сугубой ектеньей и отпустом. Потом начиналась обедня. Проскомидию обычно совершает младший священник. Отец Иоанн любил сам совершать проскомидию, чтобы помолиться за всех усопших и живых.

Во время песнопения «Единородный Сыне и Слове Божий» при пении слов: «Распныйся же, Христе Боже, смертию смерть поправый», – отец Иоанн целовал крест с изображением распятого Спасителя, который брал с престола.

«Благодарим Господа», «Победную песнь», «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое», «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета», «Изрядно о Пресвятей, Пречистей», «И сподоби нас, Владыко» – все эти возгласы отцом Иоанном произносились при обращении лицом к народу. Страшно сильное впечатление производили на молящихся слова Христа, произнесенные при установлении Таинства Причащения, когда их говорил отец Иоанн, указывая на Дары. И его горящее лицо сквозь Царские врата было видно народу.

Приобщившись Святых Таин, отец Иоанн все время стоял, не отходя от престола, с закрытыми глазами, напряженно благоговейно молился, когда приобщались другие священники.

В эти моменты, несомненно, он созерцал Тайную вечерю, когда Спаситель в иерусалимской горнице преподавал ученикам Свою Плоть и Кровь.

Много желающих находилось всегда приобщиться во время служения отца Иоанна. Замечательно, одних он причащал, другим отказывал, побуждая последних к покаянию и исправлению.

Часть из оставшихся Святых Даров отец Иоанн потреблял всегда сам. И, разоблачившись, он читал коленопреклоненный, склонясь головою на престол, благодарственные молитвы Господу, Его Пречистой Матери за приобщение Святых Таин. В алтаре тогда воцарялась тишина. Прекращалась неизбежная после службы уборка облачений и вещей. Отец Иоанн тогда так живо напоминал молящегося в Гефсиманском саду Спасителя. Господь, по словам евангелиста Матфея, *пал на лице Свое, молился* (Мф.26:39).

Теперь сделаем посильную попытку, на основании своих наблюдений, раскрыть душевное настроение, которое переживалось отцом Иоанном за богослужением.

Перед самым началом литургии отец Иоанн весь преображался, когда начинал читать в алтаре пред престолом с воздетыми руками «Царю Небесный» и «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Он весь неудержимо тогда отдавался молитве. Душа его мгновенно зажигалась огнем. Огонь не опалял души отца Иоанна, но своей теплотой грел его и с ним молящихся. Ничто не отвлекало молитвенного благоговения отца Иоанна. Отец Иоанн почти все время молился с закрытыми глазами. Всю службу огонь молитвы его не оставлял, то ровно горя, то разгораясь сильно, ярко.

Любовь к Христу – Спасителю мира выливалась вовне у отца Иоанна, когда он целовал несколько раз крест при пении «Единородный Сыне», и целовал его огненно.

Молитва умиляла отца Иоанна. Умиленный, он плакал даже и не в самые великие моменты Божественной литургии. Раз во время великого выхода с Святыми Дарами луч солнца упал на слезу, которая покоилась на лице отца Иоанна, и слеза

серебрилась. Была в высшей степени трогательная и душу умиляющая картина.

В 1907 году нам пришлось в последний раз увидаться с отцом Иоанном. В нем уже не было такого яркого горения его молящейся души. Но это вовсе не было понижение религиозного чувства его глубокой веры. Нет!.. Годы жизни отца Иоанна были сочтены. Он переживал уже старость с ее неизбежными болезнями и немощами. А старость есть вечер жизни, ее закат. Вечером и в природе физической, и в природе людей всегда бывает тихо. Солнце не палит, как палило оно в полдень – в дни мужества. И молитва отца Иоанна, как старца, была полна покоя. Это был благодатный мир, который веял глубокой, успокаивающей тишиной.

В это время и нас Господь удостоил быть сослужителями отца Иоанна. Прошло четыре с половиною года, но воспоминание об этой службе настолько ясно, живо, кажется, что она была совершена только вчера. Такие святые минуты в жизни или не повторяются, или повторяются редко.

Не ошибемся, если скажем, что духовенство (нас было тринадцать), сослужившее отцу Иоанну, все объединилось, слилось с ним в тесный, духовный союз. Было тихое, ровное горение душ молящихся священников, которые жили тогда сладостью небесного мира. А около престола ощущалось дыхание Духа Святаго.

Отец Иоанн всегда служил с чрезвычайною силою, дерзновенно, не только запечатлевая слова, но прямо врезая их в души, словно стальным резцом, временами потрясая до самой глубины особенно отзывчивые, чуткие души. Так отец Иоанн потому служил, что он ни на одну минуту не сомневался, что ему дарованы свыше благодатные силы предстоять пред Престолом Божиим и право ходатайствовать властно за весь человеческий род.

Так мог только тот служить, кто верил, что Господь, любящий, всепрощающий, милосердный Отец и служитель Божий есть по благодати Сын Божий, которого непременно услышит Его Небесный Отец.

Вам известно, что от пламенной, как огонь, молитвы в Гефсиманском саду у Христа выступали капли кровавого пота. Молитва отца Иоанна достигала высшего напряжения. Это отражалось и на теле его. Оно покрывалось потом. И отец Иоанн был вынужден после каждой литургии менять свою одежду и даже белье.

Появление отца Иоанна после службы из алтаря на амвоне вызывало взрыв самого горячего энтузиазма в одних. Другие заливались неудержимыми слезами, чая себе утешения. Народ буквально бросался, чтобы получить благословение, поцеловать руку отца Иоанна или даже только коснуться его одежды. Так была велика нравственная сила влияния пастыря идеи на народ.

После своих служений отец Иоанн посещал дома тех, кто приглашал его к себе. Здесь нам приходилось быть свидетелями всех чарующей его простоты. В присутствии отца Иоанна все без различия звания и положения себя чувствовали как братья в кругу одной родной дружной семьи. Такая простота отца Иоанна создалась вследствие его искренности, детской доверчивости к людям и любви к ним. Людей он любил нежною, святою любовью.

Отец Иоанн поражал своею скромностью. Ему выражали удивление, изумление. А он тогда так держал себя и отвечал, как будто он ничего не делал или делал такое обычное дело и делал так, как делают его все другие. Но это все у него было так просто и так естественно.

Благотворительность отца Иоанна была щедрая и обильная. Но до мира долетали только отголоски тех жертв, которые отец Иоанн приносил на жертвенник страдания и нищеты. В газетах об этом изредка проскальзывали лишь отрывочные, краткие сведения. В Архангельске в 1907 году отец Иоанн, окруженный многочисленным обществом, в течение каких-нибудь двух или двух с половиною часов раздал нуждающимся 160 рублей (известна стала эта сумма, а может быть, она была и больше). Но замечательно – раздал деньги отец Иоанн так, что люди, даже бывшие здесь, почти неотлучно при нем, узнали об этом уже после его отъезда. Это –

евангельская благотворительность, когда рука левая не знала, что делает правая.

Мы верим, что с кончиной отца Иоанна наше духовное общение с ним не прервалось. В отце Иоанне мы имеем великого за нас небесного ходатая и заступника. Отец Иоанн, теперь не связанный никакими земными узами, ровно горит пред Господом, как яркое солнце, в своих молитвах за Церковь Святую и нашу родную страну.

Да будет отцу Иоанну светлая и вечная память!

1911 г., 11 декабря Саратов

О.И. Малченко. Из личных воспоминаний

Замечательное видение одного мирянина в храме во имя святого апостола Андрея Первозванного, именно – видение Спасителя, простирающего на всех предстоящих во время общей исповеди и разрешения грехов мною … Божественные руки Свои и объемлющего всех. Благодарю Господа за сие видение, за сию милость, извествующую, что дело общей исповеди Ему приятно и делается согласно с Его Божественною волею.

Отец Иоанн Кронштадтский

(Из книги «О Боге, мире и о душе человеческой»

СПб., 1908 г. С. 80)

Это было в одну из пятниц Великого поста 1903 года, когда Батюшка обыкновенно устраивал общую исповедь. Я говеть не собиралась, в церковь не пошла, а, покормив ребенка, отправилась встречать мужа. Выйдя из дому, пошла по направлению лавки, но вдруг, совершенно машинально, повернула к собору. Подхожу и удивляюсь, отчего это сегодня так долго исповедь продолжается... Вошла тоже как-то машинально... В притворе заметила, что молодежь, там стоявшая, хихикала насчет покаянных криков и вообще вела себя непристойно, но когда обратили на меня внимание и стали заглядывать под шляпу, я поспешила вперед с горьким и тяжелым чувством. Встала на самом пороге храма, так как он был повыше и мне с него было легче увидеть Батюшку на амвоне. Он как раз призывал к покаянию и обращался все больше налево, – видно, особо там кого-то призывал... Потом обратился к образу Спасителя, некоторое время молился про себя... Потом опять к толпе – с тем же призывом и так же все смотрел налево... Я еще подумала – что это он сегодня так необыкновенно долго исповедует... Опять он повернулся к иконе Спасителя и, видно, горячо молился, так как глаза все платком утирал. Вдруг... перед затворенными Царскими вратами, ближе к народу и немного отступя от земли, я наяву, совсем просто увидела Спасителя... Нет слов описать красоту

Его Пречистого Лика, сияние Его Очей. Был Он в белом хитоне, ноги босые, руки воздеты для благословения народа. Я протираю себе глаза, смотрю во все стороны, дрожу вся от страха – и вижу все то же…

В это время Батюшка уходит в алтарь, растворяет Царские врата, и только когда он чрез них выходит к народу дать отпущение – Христос Спаситель поднялся вверх и исчез…

Я вся трепещу, боюсь себе верить...

В это время народ после отпущения спешит к выходу. Я ловлю знакомых, останавливаю, спрашиваю – не видали ли чего? Никто ничего не видел! Я выхожу сама не своя, иду к мужу в лавку. Он сразу заметил, что что-то со мной неладно, хочет, чтобы я там отдохнула, – но не могу долго сидеть... Ведет пройтись по воздуху – не успокоюсь ли я там? Но не могу успокоиться и сказать от страха ничего не могу, так как сама себе не доверяю… Весь день была в таком состоянии. После пришла тетка, приехавшая говеть, я ее спрашиваю, почему сегодня так долго исповедь была, она говорит, что никогда еще такой исповеди не было, да, верно, и не будет...

На другой день после обедни поспешила в Дом трудолюбия, так как знала, что только там смогу застать Батюшку, к которому рвалась всей душой. Пришла, когда все уже сидели с Батюшкой за чаем. Он на меня и головы не поднял… Ему говорят: «Ольга пришла, благословите ей чайку». Он наливает, так нехотя видно, дает не глядя. Я в ужасе, не знаю, что и думать, еще больше начинаю в себе сомневаться... Батюшка уже уходит, берется за ручку двери и только тогда поворачивается ко мне и говорит: «Ольга, разве ты ничего не хотела мне сказать?» Я говорю: «Хотела, да боюсь… может, мне все это только так показалось...» Тогда он подошел ко мне, положил на плечо руку и сказал: «Ну, говори, что ты хотела сказать». Я рассказала все как было... Заставил повторить два раза и сказал: «Иди в следующую пятницу и встань на то же место».

Подошла пятница, я пошла в собор и встала там же на пороге. Батюшка с амвона говорил как раз о том, что мы своими грехами вновь распинаем Господа… Я уже напряженно

всматривалась вперед и, когда Батюшка стал так же молиться, как и в прошлый раз, видала в самых Царских вратах на Кресте распятого живого Иисуса Христа. Я как-то смутилась, не зная, как понять, почему Господь теперь был на Кресте, а не благословлял, как тогда.

На другой день после литургии поспешила к Батюшке в Дом трудолюбия. Он сразу же громко, при всех спросил меня: «Ну что ты видела?» Я и сказала, что этот раз видела Спасителя на Кресте распятого. И Батюшка громко воскликнул: «Значит, ты воистину видела Христа!»

Потом мне Батюшка сказал, что, видно, через меня Господь ему указывает, что Ему угодны его общие исповеди, тогда как он сам хотел их прекратить из-за того, что во время такой давки бывали несчастные случаи... И Матерь Божия раз сказала ему: «Иоанн, продолжай твои исповеди!»

И Батюшка продолжал, но уже проводил их при отверзтых Царских вратах.

Веры воскреситель

Люди потянулись к нему [отцу Иоанну] как к живому свидетельству Небесных Сил, как к живому знаку того, что Небеса живы, *божественны и благодатны. Народ, как апостол Фома, ищет вложить персты и осязает.*

В.В. Розанов

А.В. Круглов. Всея России молитвенник

Имя отца Иоанна известно всей России.

Странствуя по земле Русской, я видел его портреты всюду – и в роскошных кабинетах, и в крестьянских лачугах. Еще не зная лично кронштадтского пастыря, я уже знал его по той молитве, печатной и устной, которая широкой волной расходилась по Руси...

Всюду говорили о нем, везде его имя произносили с благоговением и любовью. И понятно было это благоговение, неудивительна и эта любовь, когда везде являлись живые свидетели отцовской любви и пастырской чудотворной молитвы, той помощи, ласки, которые не знали различия между людьми по их состоянию, положению: кронштадтский пастырь всюду нес свое любящее сердце, свою поддержку и богачам, нуждающимся в целении не менее, чем бедняки, и христианам, и иноверцам. Вера его никогда не была мертва, любовь всегда пламенна и деятельна. Этой верою и любовью и был силен почивший пастырь, в этом и была причина его обаяния, его духовной власти над целым народом.

В избе крестьянина, где я остановился, я увидел портрет отца Иоанна.

– Вы его знаете? – спросил я.

– Лично – нет... Но ведь это наш молитвенник! Им наша земля крепка!..

А другой, бывший солдат, сказал:

– Видел я его... видел...

– И говорил с ним?

– Нет... Где говорить! Тысячи... Да и видеть довольно!.. Глянул на меня и всю душу оживил... словно горе все снял... Истинно сказать тебе: никогда так не молился, как в ту пору, когда он служил... Видно, с ним-то и наша молитва сильней становится!

Знаменательны эти слова простого русского человека о том, кто всю жизнь молился за братьев и был печальником и другом страдающих и обремененных. И отец Иоанн творил чудеса не

только в смысле исцеления. Он творил чудеса над душами и сердцами людей, приходивших к нему. Помню слова писателя из народа Савихина, рассказывавшего об отце Иоанне другому писателю. Да, говорил он, трудно передать словами ту перемену, какая происходила в деревенских жителях, побывавших у отца Иоанна. Там, где прежде стоял гвалт, шум от ссор, он заменялся добрыми отношениями: женщины сходятся вместе, переживают свои впечатления, как бы дышат тем благодатным воздухом, какой *там,* около Батюшки. Помощь нужна – они отзывчивы... Ибо отец Иоанн всегда говорит: «Любите друг друга и помогайте друг другу... всякому, кто нуждается... без различия... у Бога все равны... и *не нам* судить, кто достоин, кто нуждается – помоги, не суди и не рассуждай!»

Встречаясь с людьми интеллигентными, я слышал тоже об отце Иоанне одно хорошее... И тут были *свидетели* благодатных исцелений и сами исцеленные. Интеллигентные люди (например, два врача, инженер, учитель гимназии, профессор) с восторгом делились своими впечатлениями из поездки в Кронштадт. Они шли с сомнениями, с горем к представителю евангельской истины, шли и со злобой, которую не могли угомонить и вырвать из сердца, – и получили исцеление у отца Иоанна. Его слово, ласковое, сердечное, его благостный взгляд, проникавший прямо в душу, снимали бремя скорби, часто злобу и окрыляли на борьбу, на труд, на жизнь... А как умел материально *помогать* почивший пастырь – об этом тысячи рассказов, и многие из них я слышал сам. Отец Иоанн спасал людей от роковой развязки, удерживал от разврата, «ставил на ноги». Один из евреев со слезами на глазах рассказывал, как отец Иоанн выручил его из беды... дал 500 рублей!.. Бедняк не мог себе представить: как это ему, какому-то еврейчику (его собственные слова), отец Иоанн дал, не зная его, столько!..

– И что же?

– Ну, и что же: я пошел с них!.. Я теперь человек. Я вижу, какой это... святой!.. О, если бы все... ваши... священники были

такие! Но и потому, что... есть он у вас... я больше не стану никого других поносить... Вот какой он!

Нужно быть исключительным человеком, чтобы вызвать этот отзыв и эти исключительные слова с уст еврея! Интересно знать: жив ли он теперь и как он защищал отца Иоанна тогда, когда его травили передовые листки.

Чем более я слышал об отце Иоанне, тем более и сильнее интересовал он меня, можно сказать, влек... я читал все, что писалось о нем.

И мое благоговейное чувство к нему росло и крепло... Меня сильно поразил следующий факт из первых лет его пастырского служения. Он вернулся домой от больных. У ворот дома его ждали нищие. Он роздал им все, что имел, и оставил себе только 20 копеек для проезда в Ораниенбаум – к больному же. Более двугривенного у отца Иоанна не было ни копейки. И вот является женщина, муж которой умирал, а дети голодали. Отец Иоанн отдал ей последний двугривенный и вместе с нею отправился в ее квартиру. Служитель алтаря не ограничился денежной помощью, словесным утешением, он сам убрал комнату, пока женщина ходила за покупкой хлеба для детей, и потом начал молиться Богу у изголовья больного. Больной выздоровел, а благодаря материальной помощи отца Иоанна, и выбился из нужды... Где брал деньги отец Иоанн? Он раздавал то, что получал. Одной рукой получал – другой раздавал, не смотря, не считая, часто передавая пакеты с деньгами – не зная, сколько там денег. Он так делал всегда: когда получал мало и когда получал много, когда мог раздать рубли и когда его получения достигали сотен и тысяч... «Бог указывает – я раздаю». И если ему давали много, он многим и делился. Он раздавал чужое, и помимо помощи бедным, он оказывал *благодеяние* богачам, вызывая их на доброе дело... Ему верили, его слово было со властью... И так жил многие годы народный иерей-молитвенник, жил для других, совершая церковные службы с живой радостью, ревностно, находя в этом утоление душевное, утешая скорбных, исцеляя больных, укрепляя слабых, помогая бедным... Жил, не зная почти отдыха, всегда бодрый, радостный, с доброй улыбкой в лучистых

глазах... Жил долгие годы, видел общую любовь, и... дожил до черных дней родной земли, когда и ему, служителю алтаря, ученику Христа, пришлось приобщиться к «страданиям исповедников» – вынести хулы, клеветы и поругания торжествующего злобного неверия... И отошел он на вечный покой под плач не ослепших духовно, под плач прозревших, покаявшихся... и под свист и глумления тех, для которых нет ничего святого, которые с особенным злорадством нападают на все, что высоко, чисто и добродетельно... Я слышал плач одной дамы: «О, зачем я... не узнала его лично! Я слишком поздно прозрела... Он умер, а я не была у него!..»

И я сердечно пожалел ее... Да, она имела причину плакать на панихиде по почившем пастыре: если бы она была у него и поговорила с ним... испытала его отеческую ласку, она не пережила бы и того ослепления, каким болела...

И я считаю себя невыразимо счастливым, что мне удалось увидеть, узнать отца Иоанна и испытать на себе силу его молитвы, силу его влияния... Тяжелая болезнь была причиной моего знакомства с отцом Иоанном, и теперь я благословляю самую болезнь, самые скорби того времени, ибо «оне постигнуть ложь, увидеть свет возможность дали»... Быть может, именно для того и была мне послана болезнь, скорбь, чтобы я не только исцелился физически, но и духовно, соприкоснувшись с носителем небесной истины и чрез него познав благодать Божию, чудотворную и обновляющую.

Впервые я увидел отца Иоанна на масленице в 1886 году. Я тогда заболел, и врачи, лечившие меня (я жил в Петербурге), объявили моим близким, что я или совсем не буду ходить, или буду ходить с костылем. На скорое улучшение болезни нечего было и надеяться – по их словам. Тогда спутница моей жизни обратилась с письмом к отцу Иоанну, прося его посетить больного. Прошло несколько дней, а отец Иоанн не приезжал. Мои нервы были сильно потрясены от болезни, со мной делались истерические припадки, и я впадал в такое мрачное состояние духа, что у меня в эти минуты зарождалась даже мысль «все покончить разом», ибо «это-де лучше, чем страдать всю жизнь». В такую же ужасную минуту раздражения и

душевного омрачения я воскликнул: «Да, праведник, а вот не едет... Масленица, что ли, мешает!» Это было утром. Возбуждение сменилось вдруг успокоением, меня охватило тихое, светлое чувство, и я молча не то молился, не то переживал какое-то сладкое полузабытье. Вдруг раздался сильный звонок в передней. Горничная бросилась отпирать, и через несколько минут мне сообщили, что приехал отец Иоанн. Мною овладело сильное волнение... Я хотел приподняться и сесть, но не мог.

В комнату вошел отец Иоанн. Он был худощав, но лицо свежее, с румянцем. Небольшая борода, русые волосы, ласковый, благостный взгляд.

– Где больной? – спросил он и, увидев меня, сказал громко: – Здравствуйте! – и присел на край кровати.

Добрые, светлые глаза ласково глядели на меня. Он взял меня за руку и промолвил:

– Я не мог приехать раньше... получив письмо... Не думайте, что меня задержала масленица… я не мог раньше!

Хорошо помню, что эти слова отца Иоанна бросили меня в краску. Лицо мое запылало, а мысль: «Так он узнал то, что я говорил», – меня так смутила, что я едва сознавал окружающее; я не мог, не смел поднять глаз на отца Иоанна, а он мягко и ласково спрашивал:

– Чем вы занимаетесь?

– Я литератор! – еле слышно, не поднимая головы, ответил я.

– Это хорошо... ныне так много неверия среди интеллигенции, а вы вот... верите... и обратились к Богу – Ему вот и помолимся вместе.

Отец Иоанн быстро встал, прошел в передний угол, где перед киотом горела лампадка, и стал молиться вслух.

Я не могу передать содержания его молитв. Тут были и те, которые мы все знаем, и другие, которыми он от себя взывал к Богу... Особенно сильное впечатление на всех произвело его громкое восклицание: «Исцели раба болящего Александра!» – после чего он остановился, как бы прислушиваясь к чему-то, и повторил громче еще: «Да, да, Александра!» Одна из женщин,

стоявших в комнате, говорила потом: «У меня дрожь началась... мне казалось, что он... как бы говорит с небом и слышит оттуда вопросы и отвечает на них».

Это очень образно сказано, но это же впечатление переживали многие.

Меня охватило какое-то не испытываемое до тех пор религиозное настроение. Я не шептал молитв, не повторял слов за отцом Иоанном, я совсем не молился устами. Я как-то весь, так сказать, проникся молитвою и молился без слов. Даже слово «молился» не будет подходящим выражением, я скорее слушал молитву отца Иоанна, весь трепеща, весь охваченный какой-то радостью, чувством, которому я не подыщу определенного названия...

Но вот отец Иоанн, кончив молиться, опять подошел ко мне и сел на постель.

– Вот мы и помолились – сказал он, – и Бог поможет, поднимет вас!

Он произнес это тем же дерзновенно уверенным тоном, каким произносил недавно: «Даждь рабу твоему Александру исцеление!»

И за сим отец Иоанн добавил:

– Говейте на первой неделе!

– Но сегодня уже пятница... значит, один день только до поста! А врачи...

Отец Иоанн властно и с упреком перебил меня:

– Какие врачи? Земные? Вы обратились к Врачу Небесному, Он поможет... вы встанете!

Мне сделалось стыдно за свои слова. Я молчал. Отец Иоанн, благословив, окинул меня ласковым, греющим взглядом и вышел.

К понедельнику первой недели я уже встал и ходил, приведя в изумление врача.

Это факт из моей жизни, а не рассказ с чужих слов. Такова была моя первая встреча с отцом Иоанном.

Второй раз я встретился с ним в 1898 году, живя в Любани. В промежуток между 86-м и 98-м годами я ни разу не

встречался с отцом Иоанном, хотя дважды писал ему и каждый раз по его молитвам получал просимое.

Кратко расскажу об обоих случаях.

В 1893 году, проводя зиму в Колпине, под Петербургом, я заболел одной острой болезнью. Меня лечили, но болезнь затягивалась. Я очень страдал. Тогда я послал отцу Иоанну депешу с просьбой помолиться за меня. И на другой же день я был уже здоров.

В 1895 году (мы жили в Москве) заболела брюшным тифом «спутница моей жизни» – употребляю любимое выражение покойного Соловьева. Лечивший врач не давал надежды на выздоровление, говоря: «Пока ничего не могу сказать... надо выждать...». А больной становилось все хуже и хуже... Я опять обратился к отцу Иоанну. Я послал депешу днем. А ночью видел такой сон: в спальню входит отец Иоанн, подходит к окну, берет бутылку с деревянным маслом и наливает масло в лампадку, которая еле-еле теплилась перед иконами. Лампадка вспыхнула и ярко загорелась. Отец Иоанн направился к дверям. Я вскакиваю с постели и говорю: «Батюшка, а что же вы не помолились за больную?» – «Я сделал то, что надо», – ответил отец Иоанн – и скрылся. А я проснулся. Больная лежала с открытыми глазами...

– Как ты? – спросил я ее.

– Мне как будто легче... боли нет...

Приехавший вскоре врач, по осмотре больной, сказал мне:

– Ну, пожалуй, я могу вас порадовать... в ходе болезни заметное улучшение... и оно дает надежду на благополучный исход...

И больная стала с этого дня поправляться.

А теперь о второй встрече с отцом Иоанном, в 1898 году, в Любани.

Я гулял в поле и возвращался домой. Мне навстречу попался бежавший сотский. «Куда ты?» – спросил я его. «А на графскую дачу, там отец Иоанн», – ответил сотский. «Какой отец Иоанн?» – «Да Батюшка Кронштадтский». – «Может ли быть!» – воскликнул я. В это время мимо меня проезжал ямщик. Я вскочил в его тарантас и велел везти меня на графскую дачу.

Когда мы подъехали, отец Иоанн сидел на балконе. Рядом с отцом Иоанном помещался священник любанский, отец Кирилл Озеров. Я вышел из тарантаса и остановился в трех шагах от балкона, отчищая грязь от пальто. Отец Кирилл встал и сказал отцу Иоанну: «Позвольте представить вам, отец Иоанн, живущего здесь писателя А.В. К.» – «А где он, где?» – спросил отец Иоанн. Я подошел к нему. Он меня благословил и обнял; потом налил на блюдечко чаю и сказал мне: «Выпейте!» Я выпил. Он стал меня расспрашивать о том, как я живу, что делаю. Я ему напомнил о посещении меня в Петербурге и о скором моем выздоровлении после его молитвы. «Слава Богу, слава Богу!» – произнес он. Через несколько минут стали служить молебен. В комнату набралось много народу. На улице, запрудив весь луг и двор имения, стояла тысячная толпа. Народ бросал работы и бежал, чтобы получить благословение Батюшки. На кирпичном заводе рабочие-католики также бросили свои работы и побежали на дачу графа. «Да вам-то что?» – попробовал остановить их хозяин. «Как что: он всем Батюшка», – отвечали рабочие. Весь народ во время молебна молился усердно, многие плакали. Когда отец Иоанн вышел на балкон и стал благословлять, воздух потрясли крики: «Благословите, Батюшка! Родной наш! Богомолец наш милостивый!» Отец Иоанн благословлял, некоторых обнимал, детей целовал. Просившим давал денег, кому три, кому пять, а особенно нуждавшимся, расспросив их, он давал по десяти и двадцати рублей. Когда он выходил на балкон и говорил громко, весело: «Здравствуйте, друзья мои!» – то словно христосовался со всеми, так это выходило торжественно, призывно. Вообще картина была величественная, трогательная; невольно слезы умиления навертывались на глаза. Чувствовалась связь народа с пастырем, который «всем Батюшка». После молебна я хотел удалиться, но отец Иоанн остановил меня и пригласил закусить вместе. Я поклонился отцу Иоанну и сказал: «Я, Батюшка, здесь никого не знаю». – «Это все равно – произнес он. – Я вас приглашаю». Хозяйка услыхала это и поспешно промолвила, обращаясь ко мне: «Очень рада, пожалуйста», – и протянула мне руку. И лицо ее показывало, что она рада, конечно, не мне,

а рада исполнить всякое желание отца Иоанна, рада тому, что он в ее доме распоряжался, как у себя. Это мне напомнило доброе отношение богатых женщин, встречавших у себя уважаемых пастырей Церкви в далекие времена христианства. После обеда отец Иоанн ездил в ближайшие деревни и, говорят, там также раздавал деньги. Когда отец Иоанн уезжал, его провожала масса народа. Это был праздник для Любани: лица всех веселые, «словно о Пасхе», как метко выразилась какая-то старуха. Мне в эти минуты невольно вспомнились толпы народа на улицах Константинополя, встречавшие и провожавшие Златоуста. Впоследствии мне сообщала одна дама, что на вокзале к отцу Иоанну, уже сидевшему в вагоне, явился отставной офицер, обремененный семейством, и умолял о помощи. Отец Иоанн вынул заклеенный конверт, полученный им от богатой дамы, приглашавшей его в Любань, и передал этот конверт офицеру. В конверте было 1200 рублей.

В августе 1898 года мне удалось посетить Кронштадт и участвовать в общей исповеди. Поразительное зрелище представлял в это время собор, переполненный народом. Когда отец Иоанн говорил народу пред исповедью, его слова жгли сердца. Да, отец Иоанн не славился ораторским искусством, но его слово обладало могучей силой, потому что: «Каждое поучение – это откровеннейшая исповедь его сердца, его верований. Оно близко подходило к тому, что апостол Павел в проповеди называет явлением духа и силы. Для отца Иоанна говорить и делать, делать и говорить – одно и то же»[14]. И когда отец Иоанн обращался к исповедникам, к кающимся, в его словах слышались скорбь и любовь, и радость, что вот они – тати, развратники, чувственники, пьяницы, чревоугодники – пришли сюда, в эту духовную лечебницу, чтобы врачевать покаянием свою душу, омыть слезами грехи, соединиться со Христом в Таинстве Причащения. Я смотрел на него и не узнал в нем того отца Иоанна, который был в Любани. Совсем другое выражение лица, совсем другой отец Иоанн. Выражение лица отца Иоанна менялось часто, иногда с поразительной быстротой. Вот почему он и выходил на фотографических карточках столь различным. Стоит последить только за отцом

Иоанном во время богослужения. Выражение его лица становилось то скорбным, то радостным, преисполненным силы и мощи. Когда началась исповедь, в соборе поднялись стон и плач. Все, забывши ложный стыд, вслух исповедовались в своих грехах. Это была величественная и потрясающая картина, когда люди, воздевая руки, громко признавались в своих прегрешениях. «Я, я блудница!» – вопила женщина, и слезы бежали у нее из глаз, и полным раскаянием дышало ее лицо. «Не таюсь, не таюсь, видит Бог, каюсь, что я пьяница и вор», – признавался какой-то брюнет в казинетовой куртке, тяжело дыша, поднявши глаза на лик Спасителя. Вблизи меня стоял какой-то инженер. Сначала он улыбался; очевидно, интеллигенту, привыкшему к официальной исповеди, такая всенародная исповедь, такое покаяние показалось странным. Но не прошло и трех минут, как этот инженер рыдал сам и сам каялся вслух, не замечая меня и других: «Развратник я, развратник... Боже мой, да! Многих я погубил, многих я обольстил!» Нельзя выразить словами того, что я пережил и перечувствовал в это время. Я только скажу: так я никогда в жизни еще не молился, как в этот день, и никогда так не каялся, как на этой исповеди. Я не говел, не подготовлялся к исповеди, но я так раскрыл свою душу, как не мог никогда ранее, ни на одной исповеди, к которой готовился недельным говением. В этот момент все земное ушло прочь. Пропало всякое стеснение, всякий страх. И только чувствовалась потребность высказать все то, что тяготило душу, чем она болела. Чувствовалось присутствие какой-то высшей благодатной силы, и когда отец Иоанн стал читать разрешение от грехов, и все опустились на колени, я, если так можно выразиться, потерял сознание, где я нахожусь. Мне казалось, да и не казалось, – я, право, не могу подыскать точное выражение, – я словно был куда-то восхищен, и не отец Иоанн, а кто-то иной, и не здесь, на земле, давал мне разрешение. Я ехал в Кронштадт в будничном настроении, ехал с удрученною душою, с омраченным сердцем. И вот после исповеди и Причастия я точно воскрес и возродился. Я сбросил с души тот камень, который тяготил меня много лет. Я всегда чувствую себя хорошо в святую пасхальную ночь, но то

настроение, которое охватило меня тогда, было еще более светлое, еще более возвышенное. И весь день я чувствовал себя в этом праздничном настроении, да и на улице толпы народа имели тот же вид. Стоял бодрый, свежий августовский день. Солнце сияло, хотя уже грело не по-летнему, воздух был несколько свеж. Улицы запружены народом. Можно было подумать, что город приготовился встречать какого-то особенно важного гостя, флаги нигде не виднелись, но это было излишне. Та радость, что была написана на лицах всех, то праздничное настроение духа у всех, сильнее и красноречивее всяких флагов говорили о том, что сегодняшний день – праздничный для всей этой массы народа. Да это так и было. Отец Иоанн только что вернулся из своей поездки на родину. Сиротевшие без него все лето кронштадтцы вдруг ожили, обрадовались и ликовали. Они снова видели отца Иоанна, с которым находились так долго в разлуке. Без него было холодно и сиротливо, тянулись будни, но вот вернулся он, и снова всем весело, хорошо, словно настали праздничные дни. Рады были и странники, пришедшие издалека и давно ожидавшие Батюшку. Одно слово «вот он» или «он едет» уже волновало толпу, и она бросалась туда, где он. Когда он едет, за ним бегут толпы народа. Это именно какая-то почетная стража. Тут и мужчины, и женщины. Отец Иоанн несколько раз останавливается, благословляет их, упрашивает вернуться. Некоторые возвращаются, а другие продолжают бежать. Отец Иоанн спешит, не может не спешить, ибо все ждут его. Утомленный длинной церковной службой (заутреня началась в 4 часа, за ней обедня, и отец Иоанн приобщал до 12 часов дня), Батюшка снова спешил на службу, но уже на другую: на службу ближнему. Ему некогда было отдохнуть, его ждали больные, обездоленные, странники. Он ездил по частным домам, по гостиницам, по больницам, по всем углам, где останавливались приезжие, желавшие его видеть. Одним он нес слово утешения, другим материальную помощь. А вечером, когда я отправился в магазин за рамкой, чтобы вставить портрет отца Иоанна, подаренный мне им с надписью, он уже уезжал в Петербург. А что дальше? «Если из Петербурга не увезут куда-либо отца

Иоанна на край света, то он вернется домой опять лишь только в первом часу ночи. Так проходит день отца Иоанна – замечает В.М. – С раннего утра и до самой поздней ночи он все на людях и на ногах. Жизнь отца Иоанна не делится на общественную и частную, как у всех вообще людей. У него нет частной, своей жизни. Он весь и всецело принадлежит народу. Генерал, инженер, ученый, оратор, министр, возвратившись домой, перестают быть генералом, ученым, оратором, министром. Каждый из них в это время отдается семье, знакомым, невинным развлечениям, часам отдыха. У отца Иоанна этого не случалось, говорят, в течение 35 лет ни разу. Возвращаясь домой после продолжительного и утомительного труда, он находит у себя множество народа, желающего его видеть, десятки новых неотложных приглашений, тысячи писем и просьб. У каждого из нас, имеющих свой уголок и домашний очаг, есть определенный час для подкрепления себя пищей. Имеет ли такое время отец Иоанн? – спрашивал я некоторых в Кронштадте. Говорят, завтракать или обедать он попадает в году всего, может быть, несколько раз. Где же он обедает? Везде и нигде, всегда и, можно сказать, никогда. По причине множества посетителей он никогда не может назначить часа посещения и никогда почти не может попасть ни на какую вечерю. Поэтому ему приходится терпеливо довольствоваться малым. Там съест что-либо из фруктов, здесь выпьет стакан чаю, тут скушает кусок булки или несколько штучек печения. Нередко случается, что в течение целого дня ему не приходится подкрепиться надлежащим образом. Но он не ищет этого, довольствуясь вполне тем немногим, что Бог пошлет ему там или здесь во время дня. Удивительно мало и спит отец Иоанн. Далеко даже не всегда 3–4 часа глубокой ночи в сутки всецело принадлежат отцу Иоанну. Весьма часто он проводит их в вагоне железной дороги, в карете, а иногда и совершенно не спит. Какой гигантский труд! И этот труд ему приходится нести не в течение какого-либо одного дня или нескольких дней, а в течение целых месяцев, годов, десятилетий. Невольно мне вспомнились в эту минуту наши постоянные жалобы на нервы, недосыпание, недоедание, на пресловутое переутомление.

Если бы каждый из нас так трудился, как трудится отец Иоанн, я не знаю, что было бы с нами и каких бы историй еще не повыдумали мы в свое оправдание и извинение. Может быть, некоторые от одного представления такого труда не выдержали и заболели бы. Говорят немало о чудесах отца Иоанна. По моему глубокому убеждению, уже одна эта многотрудная жизнь отца Иоанна сама по себе представляет собой величайшее чудо. Только человек благодатный может выносить в течение стольких лет такую массу непрерывного труда, напряжения, столь много всевозможных лишений».

Уезжая из Кронштадта, я всю дорогу вспоминал пережитые дни, даже, точнее, переживал снова только что минувшее. В моем воображении восставал отец Иоанн, то служащий молебен в дешевых квартирах, то едущий по улице, окруженный народом, то служащий в храме. Особенно сильное впечатление произвело на меня его служение, из этого служения тот момент, когда он сказал громко, радостно, благоговейно: «Христос посреди нас!» Какая-то электрическая искра пробежала по всему моему телу при этих словах. И я почувствовал, что Христос именно посреди нас здесь, где совершается Бескровная Жертва. Никогда я этого не чувствовал ранее, стоя в алтарях и слыша то же восклицание священнослужителей.

Пароход бежал вперед, стуча колесами, а в ушах моих продолжали звучать слова: «Христос посреди нас!»

Здесь кстати привести слова Василия Лебедева, бывшего в Кронштадте и описывающего так отношения отца Иоанна к простому люду. «По окончании молебна (в Доме трудолюбия) отец Иоанн с крестом в руках повернулся лицом к народу и долго стоял, выслушивая различные просьбы и мольбы подходящих к нему больных, страждущих и несчастных. О, как много надо иметь в сердце любви к ближнему, чтобы так выслушать, понять, а главное, откликнуться так тепло и участливо на все эти отрывочные, робкие мольбы страждущих так или иначе людей, как выслушивал их отец Иоанн и тотчас же, с готовностью любящего и сострадательного отца, удовлетворял все прошения угнетенных недугами и скорбями

духовных чад своих! Боже мой! Какие житейские драмы проходили тут одна за другой. Какие мрачные картины жизни рисовались здесь, пред лицом отца Иоанна. Вот представительница тяжкого горя и безысходной нужды, бедная, плохо одетая женщина, с жгучей болью стыда и болезни, подходит к Батюшке и с трепетно-дрожащими устами умоляет его о милосердии. Но здесь не нужно слов, не нужно объяснений, и один только молящий взор бедной женщины без всяких слов обращает уже к себе чуткое к людским страданиям сердце отца Иоанна, и его щедрая и никогда не оскудевающая рука тотчас же подает ей дар милосердия, присовокупляя при этом благой совет: “Не отчаиваться в скорби и надеяться на Бога”. Обласканная, осчастливленная женщина горячими слезами благодарности облила милосердную руку своего благодетеля и в порыве сердечного умиления упала к его ногам. Вслед за нею подводят болящего, и ему было оказано благодеяние в виде участливой, теплой молитвы, обращенной к Богу отцом Иоанном о здравии болящего. Длинной вереницей еще и еще подходили люди с различными мольбами, и никто не отошел не утешенным, никто не плакал тут слезами скорби, хотя все лица людей были влажны от слез, но от слез умиления, любви и благодарности к своему утешителю и благодетелю. Наконец, отец Иоанн двинулся к выходу, со всех сторон окруженный толпою беспредельно любящего его и глубоко благодарного ему народа. До самого экипажа проводил народ дорогого гостя и, крестясь, со слезами, благодарил Господа за неизреченные дары его благодати, пролитые на землю чрез посредство посетившего нас доброго пастыря, по евангельскому слову Его пасущего словесное стадо Христово. Прямо от нас неустанный труженик отец Иоанн уехал в Петербург, спеша к другим чадам своим, тоже скорбящим и болящим и одинаково дорогим его сострадательному сердцу. По отъезде его Кронштадт точно опустел, замер и принял какой-то печальный вид».

Неизвестный автор . Из гимназических воспоминаний об отце Иоанне Сергиеве

Я помню отца Иоанна законоучителем кронштадтской классической гимназии в начале 80-х годов. Известность отца Иоанна тогда еще ограничивалась пределами города Кронштадта. Быть может, впрочем, что местами в деревнях уже шла глухая молва о добром и святом батюшке, проживающем где-то «за Питером». Отношение детей к человеку – прекрасное мерило его душевных качеств. Душа ребенка чутко подмечает малейшую фальшь и неискренность окружающих его взрослых. Шарж близок и понятен детскому мышлению. Недаром во всех учебных заведениях в таком ходу смешные истории и анекдоты про учителей, карикатуры на них, прозвища и т.п. Участи попасть в герои детского шаржа не избегают, как известно, и учителя «добрые», которых воспитанники любят и уважают. В этом отношении детская смешливость объективна и не щадит ни «своих», ни «чужих».

В фигуре и манере держаться отца Иоанна было много странного, что, казалось бы, должно было действовать на воображение нас, маленьких насмешников 10–14 лет. Резкие порывистые движения, нервный, срывающийся голос, неожиданно повышающийся и понижающийся, периоды столь же неожиданной задумчивости и рассеянности – все это, казалось, должно было бы будить в нас смешливость. Между тем, я положительно не помню ни одного случая, чтобы когда-либо кто-либо из нас хоть улыбнулся насмешливо по адресу нашего законоучителя. Такова была сила того уважения, которое бессознательно чувствовал каждый из нас к этому странному человеку со светлыми и тихими голубыми глазами, конфузливой улыбкой, часто озарявшей его лицо аскета, и резким, пожалуй, даже суровым голосом. Было что-то в личности отца Иоанна, что неотразимо вызывало уважение к нему даже со стороны смешливых, ни над чем еще серьезно не задумывающихся школяров – второклассников и третьеклассников.

Как преподаватель отец Иоанн держался совершенно особой системы. Он не «вызывал» спрашивать урок, а, войдя в класс, обращался к нам: «Кто желает сегодня отвечать?» – и если, что было очень редко, никто отвечать не выражал желания, спокойно садился за кафедру и читал вслух что-либо из своих или чужих проповедей или других книжек, так или иначе относящееся к сегодняшнему уроку. Тем не менее, у отца Иоанна, несмотря на такое «попустительство» ученикам, попустительство, вызывавшее недовольное брюзжание директоров, инспекторов и воспитателей, учились прекрасно. Не только знали весь обязательный годовой курс, но и усердно читали разные вспомогательные к курсу книжки и брошюры, которые часто раздавал нам отец Иоанн. Даже в тех случаях, когда на вопрос отца Иоанна: «Кто желает сегодня отвечать?» – никто не отзывался, это совсем не означало, что урок сегодня классом не выучен. Молчание в этом случае объяснялось тем, что постепенно установился обычай отвечать урок отцу Иоанну безупречно, далеко выходя из пределов заданного по учебнику текста, и вот возможности-то ответить таким образом, «с шиком», никто за собой в тот день не чувствовал, и поэтому никто и не хотел отвечать. Но что все знали урок порядочно, за это можно было поручиться.

Что особенно сближало нас, детей, с отцом Иоанном – удивительное качество его души приходить самому в состояние нервного беспокойства и волнения, как только он видел, что кто-либо из учеников чем-либо расстроен или удручен.

Как только отец Иоанн замечал, что где-либо на задней парте сидит гимназист, которому не по себе, у которого какое-то маленькое детское горе, он начинал нервничать и хмуриться. Рассеянно выслушивал отвечающего урок, от времени до времени беспокойно поглядывал на сосредоточенную фигуру опечаленного мальчика и в конце концов не выдерживал и своей нервной, порывистой походкой сходил с кафедры и отправлялся расспрашивать вызвавшего у него беспокойство, что с ним такое. Спрашивал он, как и все, что делал, резким, порывистым, скорей суровым, чем ласковым голосом, а между тем – странная вещь! – через несколько уже минут разговора с

отцом Иоанном сидевший до того нахохлившись мальчуган приходил в хорошее настроение и начинал улыбаться. Успокаивался и отец Иоанн и с прояснившимся лицом возвращался на кафедру...

Н.Т. Из воспоминаний

В первый раз увидел я отца Иоанна у тетушки, графини Тизенгаузен. Старушка жила в антресолях Зимнего дворца со своей племянницей Ниной Пиллер, которая была безнадежно больна. Помолиться об ее выздоровлении и был приглашен отец Иоанн, который произвел на меня сильное впечатление. Он обратился к больной, а затем и к присутствующим с речью, убеждая всецело положиться на волю Божию и отдаться с покорностью Его благому Провидению. После этого он пригласил всех помолиться о больной и начал читать импровизированную и прочувствованную молитву, тронувшую всех до слез. Плакала больная, плакали присутствовавшие, плакал и сам отец Иоанн. После молитвы он благословил больную, обещал о ней еще молиться, когда будет служить литургию, и ободрил всех ее близких. Всем он советовал молиться, но не ждать чуда и не видеть в христианской кончине чего-нибудь ужасного, а каждому быть всегда готовым к смерти, только бы это была смерть праведная.

Вскоре после этого, недели через три, больная умерла, и отец Иоанн служил по ней панихиду, причем всех снова растрогал своим добрым пастырским словом. Кто хоть раз видел вблизи кронштадтского пастыря, тот никогда не забудет его кроткого взора и его мягкого, теплого голоса, когда он произносил слова утешения. От него веяло миром душевным, и чувствовалась особая благодатная сила в его речах. Он производил неотразимое впечатление, и я помню, как один мой родственник, увлекавшийся лордом Рэдстоком[15] и модными в то время лжеучениями штундистского характера[16], встретив в нашем доме отца Иоанна, бросился целовать его руки, и одного взгляда отца Иоанна оказалось достаточным, чтобы он оставил свое увлечение и выразил желание отправиться в Кронштадт исповедаться и причаститься Святых Таин, к которым не приступал больше десяти лет. После этого он стал искренно верующим человеком и перестал чуждаться Церкви и ее служителей.

Чем более росла слава отца Иоанна, тем труднее становился к нему доступ. Помню, во время болезни моей матери я тщетно писал и телеграфировал отцу Иоанну, и мой призыв до него не доходил. Тогда я собрался к близко знавшему его генералу Богдановичу, отцу моего товарища по корпусу, и тот написал мне телеграмму, заставив подписать: «Паж Двора Его Величества», и действительно, на этот раз телеграмма дошла. В ответ на нее отец Иоанн приехал сам и помолился о нашей дорогой больной, умиравшей от неизлечимого недуга.

Ездил я, будучи пажом, к отцу Иоанну в Кронштадт вместе с одним товарищем. Когда мы садились в Ораниенбауме на пароход, оказалось, что с тем же пароходом возвращается к себе отец Иоанн, к которому мы тотчас же и подошли, и имели счастье всю дорогу с ним беседовать и поучаться его наставлениями.

Когда пароход пристал к Кронштадту, оказалось, отца Иоанна уже там ждали. На улице, прилегающей к пристани, в два ряда стояли шпалерами нищие, человек около двухсот. Отец Иоанн, выйдя на берег, подошел к ним и начал оделять их милостыней. При этом нам посчастливилось быть очевидцами прозорливости отца Иоанна. Кто-то около нас из пассажиров, молодой интеллигент довольно развязного типа, шепнул своему соседу студенту вполголоса, указывая на отца Иоанна, раздающего деньги на другом конце улицы: «Поощрение тунеядства!» Когда отец Иоанн окончил раздачу, то вернулся к пристани, где еще стояли те молодые люди, дожидаясь извозчика, и произнес, обращаясь к ним: «Все мы должны быть милостивыми к нищим, ибо сказано в Писании: *блажен, кто призирает на нищего и убогого, в день лют избавит его Господь* (Пс.40:1), но мы, священники, обязаны еще более заботиться о бедных, так как там же сказано: *тебе оставлен есть нищий!»* И, проговорив эти слова, он отошел, оставив молодых людей в большом смущении.

Перед домом отца Иоанна стояла толпа, через которую нельзя было протискаться. Поэтому мы не решились туда проникнуть, тем более что имели уже счастье видеть отца Иоанна и беседовать с ним, и направились в Андреевский

собор, где тоже уже была масса народа, так как ожидали, что отец Иоанн туда придет служить вечерню. Через несколько времени прибыл отец Иоанн, и народ бросился к нему с такой силой, что не стой тут наряд полиции, Батюшку бы смяли. После вечерни отец Иоанн долгое время благословлял народ, причем мы были свидетелями таких сцен: подходит прилично одетый господин и сообщает отцу Иоанну, что он разорился и ему грозят позор и тюрьма, так как он растратил чужие деньги. В это время какая-то плохо одетая женщина в платке передает Батюшке через головы других какой-то белый узелок. Отец Иоанн берет узелок и, не взглянув на него, передает прилично одетому господину. Женщина вскрикивает: «Батюшка, тут три тысячи!» Отец Иоанн к ней обращается со словами: «Ведь ты жертвуешь Богу? Господь принимает твой дар, и твои деньги спасут человека». А человек с узелком в руках уже стоит на коленях перед иконой Спасителя и сквозь слезы повторяет: «Три тысячи, три тысячи! Как раз та сумма, которую я должен!» После вечерни отец Иоанн принял нас у себя, благословил и, наскоро напутствовав, так как его ждали многие, обещал за нас молиться. Остаться до другого дня мы не могли, так как должны были вернуться в Красносельский лагерь в тот же вечер, и потому уехали из Кронштадта, унося в душе самые светлые воспоминания.

После этого я часто встречался с отцом Иоанном, когда я жил в Москве, а он туда приезжал и бывал у князя Долгорукова. Князь оказывал кронштадтскому пастырю знаки большого внимания и уважения, каждый раз оставляя его у себя обедать, причем, зная, как дорожит временем отец Иоанн, предоставлял ему в его распоряжение свой экипаж и просил не стесняться и уходить тотчас же по окончании обеда, если ему некогда. Один раз князь поручил мне, в то время молодому офицеру, проводить отца Иоанна на Николаевский вокзал и распорядиться, чтобы открыли парадные комнаты. У вокзала стояла несметная толпа, так что экипажу пришлось ехать шагом, и при выходе из кареты мне едва удалось отца Иоанна провести до дверей парадных покоев, до того нас стиснула толпа. Так как опасались, что такая же давка будет на перроне,

где толпа окружила вагоны первого класса, начальник станции распорядился провести отца Иоанна потихоньку через колею и усадить его в вагон с противоположной стороны. Для отвода глаз перед вагоном на перроне стояли шпалерами жандармы, как бы ожидающие его прохода, и публика их обступила. В самый момент отхода поезда жандармы разошлись, а перед изумленной публикой в окне вагона поднялась штора и появилось лицо любимого пастыря, который, ласково улыбаясь, благословил присутствующих. Князь очень смеялся, когда я ему докладывал, каким образом нам удалось усадить в вагон отца Иоанна.

Что опасность давки была не шуточная показывает то, что в предыдущий отъезд отца Иоанна из Москвы вокзальная публика до такой степени смяла его, что погнула его золотой наперсный крест.

Отец Иоанн, бывая в Москве, посещал и командующего войсками генерала Костанду и один раз, приехав туда на второй неделе Пасхи, похристосовался со всеми присутствующими, так как, по его словам, Пасха не прошла, а приветствовать друг друга словами: «Христос Воскресе!» – можно не только всю Пасху, но и круглый год.

Один раз мне посчастливилось ехать с отцом Иоанном из Петрограда в Москву со скорым поездом в одном вагоне. Узнав, что в купе рядом с моим путешествует отец протоиерей Сергиев, я постучался к нему, и он любезно пригласил меня войти и дозволил провести в своем назидательном сообществе несколько незабвенных для моей памяти часов. На следующее утро, подъезжая к Москве, отец Иоанн снова пригласил меня в свое купе, и мы продолжали вчерашний разговор, который закончился только тогда, когда поезд въехал под стеклянный навес Николаевского вокзала первопрестольной столицы. Последними словами, обращенными ко мне, любвеобильного кронштадтского пастыря было обещание вспоминать меня молитвенно за литургией и увещание, я в то время уже был священником, как можно чаще совершать литургии и взаимно молиться за него.

Встретился я еще один раз с отцом Иоанном в Крыму, куда он приезжал осенью 1894 года, вызванный к болезненному одру Царя-Миротворца, и удостоился быть приглашенным им к сослужению в Ялтинском соборе.

Сначала отец Иоанн служил утреню, причем сам читал тропари канона, и по окончании утрени произнес проповедь. После литургии отец Иоанн, по обыкновению, несмотря на сослужение диакона, потреблял Святые Дары, а затем совершил молебен о здравии Государя Императора Александра III.

Скромность отца Иоанна была поразительная. Он никогда не заботился лично о себе, никогда не старался выдвинуться вперед, никогда не приписывал получаемых милостей Божиих своим молитвам, а всегда говорил, что исцеление дается Богом по вере самого страждущего и по молитвам всех с ним молившихся, а не его одного. Чем более он выказывал христианского смирения и старания стушеваться, тем более Господь выдвигал своего праведника, прославлял его. Помню такой случай. Когда он первый раз явился к князю Владимиру Андреевичу Долгорукову, его еще никто не знал из генерал-губернаторской прислуги: его провели в переднюю и там оставили ждать. Никто его не замечал; чиновники проходили мимо него в приемную, не обращая внимания, и никто о нем и не думал доложить князю, и сам он о себе не напоминал, скромно стоя в уголке в рясе и камилавке. В таком виде я его застал в передней и сейчас же сказал о нем дежурному чиновнику, который поспешил доложить о нем князю, и князь его немедленно велел провести к себе. С этих пор князь постоянно приглашал его к себе и выказывал знаки уважения; помню, раз в присутствии архиепископа Амвросия князь подошел к отцу Иоанну под благословение, и тот не отказался ему его дать, хотя не принято, чтобы священники благословляли в присутствии архиерея.

Отношения отца Иоанна к людям, которые к нему обращались за помощью, были трогательны: он страдал со страждущими и плакал с плачущими, но строго и гневно обличал упорных еретиков и сектантов, вроде Льва Толстого и

его последователей. За это последние его ненавидели той непримиримой ненавистью, какой сатана ненавидит ангелов света. А между тем, батюшка Иоанн Кронштадтский вовсе не мог быть назван узким фанатиком, так как благотворил одинаково и православным, и иноверцам, причем мне известен такой случай как раз в Крыму, когда отец Иоанн посоветовал одному позвавшему его больному – поляку, который долго не был у исповеди, исповедаться и причаститься Святых Тайн у своего священника, и когда тот исполнил совет Батюшки, то выздоровел.

Я знаю, что отец Иоанн благотворил даже евреям, и знал евреев, которые его высоко уважали и почитали святым.

За границей слава отца Иоанна возросла с тех пор, как Ванутелли написал о нем в своей книге о России, причем сравнил его с тезоименитым ему жившим в эпоху Наполеона Арским приходским священником Иоанном Вианней, причисленным католическою церковью к лику святых. Лев XIII тоже очень интересовался личностью отца Иоанна и много меня расспрашивал о нем. Точно так же интересовались им и французское духовенство, и английское (протестантское), и мне в бытность мою за границей и в Париже, и в Лондоне, и в Америке постоянно приходилось говорить о кронштадтском пастыре как об идеале священника.

Один раз я, по просьбе пассажиров, прочел об отце Иоанне целую лекцию на пароходе в Тихом океане, и его имя нередко фигурировало в моих проповедях среди иноверцев.

Должен, к сожалению, сказать, что даже в России встречались люди, относившиеся к отцу Иоанну отрицательно. Так, один почитаемый иеромонах одного подгородного монастыря, который я намеренно не называю, выразился в разговоре об Иоанне Кронштадтском: «Он у нас не в ходу». Мне кажется, это говорила известного рода монашеская ревность, что такой подвижник не принадлежал к монашеству, а украшал собой ряды белого духовенства.

Мне часто приходилось выступать в защиту отца Иоанна, особенно когда его упрекали как раз в таких вещах, которых он всего более избегал. Ему ставили в упрек его дорогие

бархатные рясы, которых он никогда себе не заказывал, а носил потому, что ему их дарили почитатели, чтобы их не обидеть – раз, а во-вторых, потому что сыновне помнил преподанный ему покойным митрополитом Исидором урок, когда он явился к нему в простой шерстяной рясе. «Неужели, – сказал митрополит, –вы и во дворец показываетесь в такой рясе?» На ответ, что это его лучшая выходная ряса, митрополит заметил отцу Иоанну, что являться в таких простых одеждах к высоким особам показывает признак недостаточного уважения. Как раз после этого отцу Иоанну подарили новую рясу, и он стал ее носить, когда ему приходилось посещать высокопоставленных особ.

Точно так же отец Иоанн не мог считаться ответственным и за то, что его тесным кольцом окружали и опекали его почитательницы, почитание которых выразилось впоследствии в уродливой форме особого обожания сектантского характера. В сущности, это было то же чувство, которое окружает каждого уважаемого в приходе священника, но доведенное до апогея ввиду обаятельности самой личности отца Иоанна и его все возраставшей популярности. Ни один монарх в мире не получал столько писем и приношений, как отец Иоанн: эти кипы писем и телеграмм сортировались окружавшими отца Иоанна, и только наиболее важные, по их мнению, передавались Батюшке. Здесь, конечно, были злоупотребления, но сам отец Иоанн тут был ни при чем, так как не мог лично, при массе дел, перечитывать в день по несколько сот писем. Впоследствии он завел себе секретаря, и тогда дело пошло глаже и злоупотребления прекратились.

В заключение скажу, что я видел отца Иоанна в последний раз уже после моего возвращения из-за границы незадолго перед его праведной и мирной кончиной. Он отнесся ко мне так же сочувственно и доброжелательно, как и прежде, подарил мне на память свою «Жизнь во Христе» и благословил мои труды, которые я ему почтительнейше поднес. Отец Иоанн всегда был моим идеалом доброго пастыря, и когда я служил на приходе, то так же, как и многие мои товарищи в то время по служению, такие же почитатели отца Иоанна, как и я, мы старались ему подражать и всегда ставили его перед собой образцом всех

пастырских добродетелей и нередко в затруднительных случаях спрашивали себя, как бы отец Иоанн поступил в данном случае, – и старались поступать так же.

Отец Иоанн покинул нас, но память о нем и пример его живы между нами, и мы можем с уверенностью надеяться, что душа этого доброго пастыря и ныне предстательствует за нас пред Престолом Всевышнего и молитвы его о нас, грешных и скорбных, стали еще более действенны, чем они были при его жизни.

В. Микулич. Из воспоминаний

Не помню точно, когда и от кого я впервые услыхала об отце Иоанне Кронштадтском. Помню только, что это было в 1886 году и что очень скоро после того, как я узнала, что есть в Кронштадте замечательный священник, по молитвам которого исцеляются больные, я и увидала отца Иоанна.

Швейцаром в доме, где жила моя мать, был мой бывший денщик, женатый на сестре моей бывшей кухарки; я была их посаженой матерью и трижды кумой; и, когда я проходила мимо их каморочки под лестницей, на порог выползали мои крестники, приветствуя меня. Раз утром, намереваясь выйти на улицу, я спросила швейцара о здоровье тяжело больного жильца в верхнем этаже и услыхала, что ему не лучше; накануне был консилиум, а сегодня ждут батюшку отца Иоанна Кронштадтского.

Я обрадовалась, услыхав это, решила остаться дома и попросила Александра, как только Батюшка войдет в подъезд, сейчас же дать три звонка в нашу квартиру.

На одной площадке с моей матерью, в первом этаже, жила не старая еще, славная вдовушка с двумя дочками и сыном, воспитанником одного из привилегированных учебных заведений Петрограда. Вспомнив о ее набожности, я позвонила к ней, чтоб и ей сказать об отце Иоанне. Софья Семеновна сама отворила мне, еще непричесанная и в капоте. Я сказала:

– Хотите видеть отца Иоанна Кронштадтского?

Она с удивлением посмотрела на меня, говоря:

– Почему вы спрашиваете меня об этом?

– А потому, что он сегодня будет у нас на лестнице. Его ждут к верхнему больному.

Тогда она отступила на шаг и, всплеснув руками, сказала:

– Господи! Ну разве это не чудо?

– Почему чудо?

– Да как же! Я вчера целый день мысленно звала его. Я написала ему... Я вам расскажу; потом все скажу, а сейчас надо скорее убираться, одеваться. Он ведь может утром приехать.

Убравшись и одевшись, она пришла посидеть с нами до возвращения девочек из гимназии и рассказала нам о своем горе и тревоге.

Ее добрый, веселый и хорошенький Павлик был очень любим товарищами. Софья Семеновна всех их знала, любила, звала к себе, угощала, баловала, интересовалась их проделками, их бедами, их взглядами и мыслями и жила одной жизнью с ними.

За последнее время особенно часто стал бывать у них богатый аристократик с громкой фамилией. Софья Семеновна, не чуждая пристрастия к знати, видимо гордилась этой новой дружбой и охотно говорила о молодом человеке. У него не было матери; отец его жил за границей, оставив сыновей с гувернерами и с управляющим их делами. Софья Семеновна жалела мальчика, заботилась о нем и желала, чтоб он чувствовал себя у них как дома. Но вот снится ей странный сон. Целитель Пантелеймон указывает ей на то, что лицо молодого человека темнеет, темнеет и становится черным. Софья Семеновна проснулась с каким-то гнетущим предчувствием, хоть и смеялась всегда над снами. Вечером горничная рассказала ей, что она случайно видела в зеркале, проходя мимо полупритворенной двери комнаты молодого барина, у которого был гость.

Софья Семеновна смутилась, испугалась и поспешила поехать в училище. Совещание с уважаемым воспитателем не успокоило ее, а расстроило еще больше. Она почувствовала себя в положении шиллеровского пловца, ринувшегося в пучину за золотым кубком и увидавшего себя в темной бездне окруженным невиданными и неслыханными, ужасающе-безобразными подводными гадами. Что оставалось пловцу, как не воззвать к Богу, Который и спас его. И Софье Семеновне не оставалось ничего другого. Она отслужила молебен приснившемуся ей целителю Пантелеймону, плакала, молилась и усердно призывала мысленно на помощь отца Иоанна Кронштадтского, о котором она уже много слышала. Намолившись и наплакавшись, она села и написала письмо отцу Иоанну. Она бросила его в кружку вечером, и он, очевидно,

не мог еще получить его. Но не странно ли, что вчера она всей душой звала отца Иоанна, а сегодня ей говорят, что он пройдет мимо ее двери. Разве это не чудо?

Она ушла. Пришли другие гости. Мы сидели за столом и кончали обед, когда раздались условные звонки. Побросав салфетки, все встали, и я бросилась в переднюю. Но пока я возилась с ключом и с цепью, отец Иоанн успел уже пройти мимо нашей двери, и, когда я выбежала на площадку, он был уже высоко; а ближе к нам стояла, опершись на перила, дама среднего роста, в черном пальто и в черной шляпке. Это была Александра Ивановна Зайцевская. Она не входила в квартиру больного и ждала Батюшку на лестнице. Мама и ее гости, Софья Семеновна с тремя детьми и со случайно зашедшей к ним старушкой, тоже вышли на площадку. К нам присоединилась и прислуга из обеих квартир, швейцариха и дворничиха со своими ребятишками. Всем хотелось видеть Батюшку и получить его благословение. Зайцевская спустилась к нам поближе и разговорилась с нами. Мы узнали, что Батюшка чудесно исцелил кого-то в ее семье, после чего она и решила служить ему по мере сил. Она сказала нам, что сегодня им предстоит объехать еще несколько серьезных больных, и просила не задерживать его.

Отец Иоанн довольно долго оставался у больного. Но вот дверь стукнула, распахнулась, зазвучали голоса, послышались шаги. Отец Иоанн спускался к нам.

Я стояла внизу и ждала его не без трепета, чувствуя себя особенно жалкой и отвратительной. Мне было уже двадцать восемь лет, полжизни; сколько хорошего можно было бы сделать в такой срок! И что же? Детей у меня не было. Прожив пять лет с мужем, я давала ему развод, хотя и считала развод грехом и позором. Развод не был еще кончен, но я уже переехала жить к матери. Я помнила, как раньше я часто говорила, когда меня звали в какое-нибудь общество, которое мне было не по душе: «Что мне там делать! Там все какие-то разведенные жены!» А теперь я сама готовилась сделаться бракоразведенной женой. Но этого было мало. Я еще была больна нервами и лечилась у Мержеевского, что тоже казалось

мне неимоверно постыдным и противным. Весной мне сделали под хлороформом операцию. По неблагоприятно сложившимся домашним обстоятельствам я слишком рано встала после операции и слишком рано вышла из клиники. В результате вместо того, чтобы поправиться, расхворалась хуже. У меня делались припадки с судорогами, после которых я чувствовала себя разбитой и полумертвой. Измучившая меня упорная бессонница была особенно тяжела тем, что я каждую ночь слышала музыку и всегда одно и то же – увертюру «Тангейзера». Я могла принять несколько облаток хлоралгидрата, выпить валерианового чаю, все равно никакие порошки, ни микстуры не спасали от этого ужаса. В определенный час невидимая музыка начинала играть, и при первых звуках хора пилигримов, которым открывается увертюра, у меня вставали дыбом волосы, потому что я знала, что я должна дослушать ее от первой до последней ноты. Когда музыка умолкала, я лежала как мертвая. Я боялась сойти с ума; иногда мне казалось, что уже сошла с ума, что мама и доктор знают это. Мама, как святая, переносила мое присутствие и мой житейский провал и старалась помочь мне. Доктор хвалил меня за то, что я себя дисциплинирую, и сулил выздоровление. Угнетаемая стыдом, я глотала цинковые пилюли и все прописываемые лекарства, но не надеялась выздороветь.

В таком состоянии я стояла на лестнице и ждала приближения моего великого современника, пастыря-чудотворца, просиявшего в царствование Царя-Миротворца. Ко мне спускался с высоты человек, который любил Бога и служил Богу, хранил Божьи заповеди и других учил хранить их. Я еще мало знала о нем, я не читала его проповедей и дневника, но я уже знала, что он хорошо живет, ночью молится, а утром встает для радостного труда богослужения, исцеления больных, утверждения людей в трезвости и трудолюбии. Я знала, что отец Иоанн в один день делает больше доброго, чем любой из нас в течение целой жизни. И я не смела взглянуть на него, не смела поднять глаз на его лицо, я видела только его платье, его шубу, которая подходила все ближе и ближе.

О, с какой глубокой и горячей благодарностью поцеловала я благословившую меня руку! Я взглянула на отца Иоанна, когда он благословлял уже других. Он был еще молод, бодр, румян, и выражение его простого лица было серьезно и прекрасно. Взгляд и голос его не были похожи на взгляд и голоса других людей, но слова его были просты, как и его лицо.

Увидав раскрытые двери нашей квартиры, он сказал маме: «Может быть, вы желаете, чтобы я вошел к вам?» – «Очень желаем, Батюшка!»

Он вошел в переднюю, потом в небольшую, всю заставленную мягкой мебелью гостиную. Мы все за ним, и ребята, и старушки, и дворники.

Он сказал: «Вы желаете, чтоб я помолился с вами?» – «Помолитесь, Батюшка, пожалуйста!»

Отец Иоанн взглянул в угол, обвел глазами стены, украшенные картинами, свечами и лампами, и сказал мягко и без укора: «Дайте икону».

Мама бросилась в спальню, вынесла икону и поставила ее перед ним на стуле. Отец Иоанн перекрестился, благоговейно поднял икону, утвердил ее на высокой спинке стула, крестясь, поклонился ей и, отступив на шаг, стал читать молитвы и знакомые, и незнакомые, им самим сложенные, хорошие и трогательные.

Радуясь присутствию нежданного светлого гостя, мы все усердно молились. Изящный Павлик стоял впереди, почти рядом с Батюшкой, а по щекам его матери, как драгоценное миро материнской любви, тихо катились слезы.

Вчера она молилась одна, сегодня с ней молится великий молитвенник. Разве это не чудо? Бог слышит молитвы матерей. Ей хотелось, чтоб и девочки ее стали поближе к Батюшке, хотелось, чтоб они поняли, почувствовали, кто стоит перед ними, чтоб они навсегда запомнили это общее моление о Павлике. Ей казалось, что все присутствующие молятся с ней о Павлике.

Я не знаю, о чем я молилась, но мне было хорошо в присутствии отца Иоанна. Угнетающее меня чувство стыда смягчалось. И чего же, собственно, мне так стыдиться? Только

своего убожества? Кроме себя, я никого не обидела... И никому не желаю зла. Муж мой добрый, честный, хороший человек и всегда таким и останется. У него чудесный характер; прожив вместе пять лет, мы ни разу не поссорились. И теперь расстаемся друзьями, без упреков. Если случилось то, что случилось, может быть, так нужно для него, чтоб каждый из нас прожил свою жизнь именно так, как он ее проживет.

Окончив молитву, отец Иоанн сказал маме: «А у вас нет больных?..» Мама торопливо толкнула меня вперед, говоря: «Вот она больна». Но я, по привычке, поспешила отречься, говоря: «Я совсем здорова. Мама больна. Она больна».

Отец Иоанн снисходительно посмотрел на нас и молча благословил обеих. Потом он подошел к Павлику и дружески заговорил с ним о его занятиях. Софья Семеновна приблизилась к ним и стала тихо говорить ему о своем письме. Батюшка успокоительно сказал: «Бог поможет!»

Все обступили его с любовью, а Зайцевская в передней громко укоряла нас за то, что мы его задерживаем, и мы стали сами прочищать ему дорогу. На пороге он остановился и громко и выразительно сказал: «По вере вашей да будет вам!» – и ушел. Мы бросились на лестницу провожать его. А потом, вернувшись в гостиную, долго еще не расходились, вспоминая, как он молился и что кому говорил. Мы вспоминали его в гостиной, а на кухне оживленно говорила о нем же прислуга. И господа, и слуги были одинаково под обаянием благородного Божьего служителя. Только пьяница-кухарка скептически покачивала головой и в заключение прохрипела: «Так-то так; а только что же это он, сам женатый, а с чужими женами в каретах разъезжает? Уж с бабой в карете ездить – последнее дело!»

Но тут вознегодовало все остальное общество, а высокая, молодая горничная Софьи Семеновны резко сказала кухарке:

– Сама хороша. Оттого так и судишь! Ишь ведь пьяный яд!..

Такова была моя первая встреча с отцом Иоанном Кронштадтским. Узнав Батюшку, я уже не пропускала случая повидать его где-нибудь. Если я видела ожидающую его толпу на улице, я присоединялась к ней и стояла часами, чтоб взглянуть, как он пройдет от подъезда до кареты. Если я знала,

где он служит, я старалась попасть в церковь, если это было возможно.

Софья Семеновна тоже сделалась почитательницей Батюшки. Нежелательную дружбу удалось пресечь незаметно и безобидно, и все пошло по-старому, по-хорошему. В жизни нашей семьи после посещения отца Иоанна произошла перемена. Мать моя вторично вышла замуж, и второй брак ее был счастливее первого во всех отношениях. Я понемножку поправлялась; лето провела на кумысе, после чего еще погостила у сестры в деревне Самарской же губернии. Там я почувствовала себя здоровой и сожгла все рецепты, напоминавшие о печальной поре моей жизни.

Мои молодые взяли меня жить к себе. Зиму мы жили в Петрограде, а лето в Павловске на даче, которую отчим подарил моей матери. От времени до времени отец Иоанн Кронштадтский приезжал в Великой Княгине Александре Иосифовне и служил у нее в дворцовой церкви. Так как мы жили в двух шагах от дворца, то всегда знали о его приездах и могли быть в церкви, куда свободно пускали публику.

Мама попросила отца Иоанна отслужить и у нас молебен на новоселье. Он служил молебен с водосвятием, обошел все комнаты нижнего этажа и благословил всех больных, каких мы собрали к его приезду.

Встречала я отца Иоанна и в поездах, и на улице, и в частных домах, но никогда не дерзала с ним заговаривать или спрашивать его о чем-нибудь. И зачем? Он так много говорил своей жизнью и своим служением, что этого было достаточно для того, чтобы и нам исправлять нашу жизнь. Он мне тоже никогда ничего не говорил. Раз только, в доме Молчановых, тоже в Павловске, когда я попросила благословения, он положил мне руку на голову и сказал ласково: «Радость моя». И я поняла, что это за то, что именно это лето я много молилась, ходила в церковь и работала на церковь.

К. Салтыков. Салтыков М.Е. (Щедрин) и отец Иоанн Кронштадтский (Из воспоминаний сына писателя)

Было это незадолго до кончины отца, месяца за два, не больше. Мать моя, видя, что здоровье его не поправляется, убедила папу в том, что следует пригласить отца Иоанна. Отец согласился, и тогда мама начала хлопотать о том, чтобы отец Иоанн посетил нас. Задача была не из легких, так как все часы пребывания кронштадтского протоиерея в столице были заранее расписаны. Возила отца Иоанна по городу какая-то дама, у которой и принималась запись на его визиты. Дама эта, узнав о том, что отца Иоанна желает видеть мой отец, сделала для нас исключение и назначила его визит к нам в первый же его приезд в Петербург.

И вот в назначенный день кронштадтский протоиерей действительно прибыл к нам.

Это был небольшого роста священник, с добрыми, но вместе с тем пронизывающими насквозь собеседника глазами, с небольшой черной бородой, через которую просвечивала седина. Одет был Батюшка в черную атласную рясу. Вошел он к нам приветливо, как будто посещал нас не впервые, осведомился о том, где находится болящий, и, узнав, что в кабинете, прошел туда, обнял отца, а затем наедине с ним довольно долго беседовал. О чем – отец никогда нам этого не говорил. Затем Батюшка попросил поставить посередине гостиной столик с иконой, поставил папу на колени и начал читать молитву. Читал он ее невнятно, порывисто, особенно ударяя на некоторые слова, как бы споря с кем-то невидимым нам. Это чтение производило какое-то жуткое впечатление на нас, тоже благоговейно опустившихся на колени.

Наконец отец Иоанн закончил свою молитву и, дав отцу приложиться к святому кресту, пригласил и всех бывших в квартире сделать то же самое.

Благословил он всех, маме сказал, что она добра, мне то же самое, сестре – не помню что, но тоже хорошее. Одну лишь кухарку не допустил отец Иоанн поцеловать святой крест,

сказав ей, что она этого не достойна. Впоследствии оказалось, что она была воровкой.

Затем мы пригласили отца Иоанна пить чай в столовую, и здесь произошел интересный инцидент. Отец боялся, что если С.П. Боткин узнает о том, что его посетил отец Иоанн, то он, Боткин, обидится и больше не станет навещать его.

Вследствие этого был отдан курьезный приказ швейцару: в том случае, если Сергей Петрович приедет, сказать ему, что отца дома нет. Курьезен был этот приказ уже по тому одному, что папа никуда не выезжал, так как ему тем же Боткиным было запрещено выходить на воздух зимой. Кроме того, мы не учли того обстоятельства, что раз к кому-нибудь заезжал отец Иоанн, то весть об этом моментально облетала всю округу и около кареты его собиралась громадная толпа народа, ожидавшего его благословения.

Так оно случилось и на этот раз. Едва весть о визите к нам Батюшки разнеслась по околотку, как вся часть Литейного проспекта, на которой мы жили, оказалась запруженной народом.

С.П. Боткин как раз в это самое время задумал навестить отца и немало удивился и даже, как он нам рассказывал после, побоялся, не умер ли папа, когда увидел перед домом такую толпу народа.

Осведомившись у первого же встречного человека о причине такого скопления толпы, он, конечно, узнал, в чем дело, и понял, что Батюшка, наверное, у нас, а потому, не слушая запутанных объяснений швейцара, прямо пошел наверх и, так как двери квартиры заперты не были, вошел в прихожую, снял шубу и появился в столовой. Трудно описать то смущение, которое овладело всеми нами, когда в дверях появилась высокая, плотная фигура С.П. Воцарилось неловкое молчание. Один отец Иоанн был, видимо, приятно удивлен, увидев профессора. Он встал и с доброй улыбкой обнял Боткина.

– Ай, ай, ваше превосходительство, – укоризненно начал по адресу папы Сергей Петрович, – как вам не стыдно скрывать от меня моего друга, отца Иоанна... Ведь мы оба врачи, только я врачую тело, а он душу...

Конечно, после этой фразы неловкость, овладевшая всеми, исчезла, и между взрослыми началась непринужденная беседа. Уезжая, Батюшка поцеловал отца в уста. Как нам потом объяснили, поступал он всегда так, когда видел, что помощь его бесполезна. Это было его последнее напутствие больного туда, откуда, увы, никто не возвращается.

В. Ильинский. Около отца Иоанна Кронштадтского.

Отца Иоанна я видел два раза.

Впервые мне пришлось видеть отца Иоанна в Киевской духовной академии.

Одиннадцатого сентября в конце 90-х годов я, по окончании лекций, был в числе других студентов в академической библиотеке, когда узнал, что отец Иоанн находится в Киеве и собирается посетить Академию. Говорили, что он должен быть в Академии сейчас же. Мы, все бывшие в библиотеке студенты, поспешили сдать свои книги и вышли во двор Братского монастыря. Весть о приезде отца Иоанна обошла уже всю Академию, и студенты отовсюду собирались группами и оживленно говорили между собою по поводу этого приезда. Однако точно никто ничего не знал. Говорили, что он приехал в Киев по приглашению генерал-губернатора графа А.П. Игнатьева и что он прибыл еще накануне, но когда он будет в Академии и будет ли, это достоверно никому не было известно. Видно было, что весть о посещении Академии отцом Иоанном живо затронула всю студенческую массу. Студенты не могли похвалиться своею религиозностью и вообще идеалистической настроенностью. Скорее даже напротив. Дисциплина в Академии в то время была довольно строгая. Студенты более или менее аккуратно посещали утренние и вечерние молитвы, ходили ко всенощной и на обедню в положенное время и вообще более или менее точно выполняли все требования академического устава, но их внутренняя настроенность далеко не отвечала их внешним действиям. Даже постоянный чтец часов за архиерейским богослужением отличался крайней циничностью, смеялся в своей среде над всем церковным и религиозным и к своему аналою для чтения часов на литургии являлся нередко после ночи, проведенной в разгульном кутеже, с заспанными глазами и с запахом перегара изо рта; во время богослужения многие студенты усаживались в церкви на полу и читали газеты или книги, а то и просто вели домашние разговоры; на библейские рассказы сочиняли всякие пародии, и

т.д. и т.д. Кроме того, в общем они отличались крайней подозрительностью как в отношении друг к другу, так и вообще в отношении чистоты намерений и действий отдельных лиц. Глубокое противоречие между словами и делами, между теоретическими задачами и практикой воспитания, вообще между тем, что говорят педагоги в духовной школе и как они ведут воспитание здесь, та атмосфера раздвоения, тупого высокомерия и всякой фальши, в которой пришлось каждому из нас провести более десятка лет, притом в период наибольшей душевной восприимчивости, все это налагало на студентов глубокий отпечаток нравственного пессимизма и нравственной слабости и вместе развивало в них узкий практицизм. Но... лев и мертвый – все же лев, и юноша искалеченный все же носит в самой крови своей задатки высокого идеализма. Под влиянием вести о приезде отца Иоанна у студентов открылись, так сказать, новые нравственные ощущения. Мы как-то сразу почувствовали, что к нам приближается что-то большое, высокое, необыкновенное, но в то же время дорогое всем нам, и от этой близости необыкновенного человека в нас самих зажигался огонек новых нравственных порывов. Все другие интересы как-то сами собою теперь отошли на задний план, стали маленькими и ненужными. Наши мысли были заняты всецело отцом Иоанном, тем великим делом, которому он служит: его постоянной готовностью идти на помощь труждающимся и обремененным, его неустанной благотворительностью, наконец его непрестанным молитвенным горением. О деятельности отца Иоанна каждый из нас много слышал и читал, но доселе отец Иоанн был для нас одною из тех больших исторических фигур, которые из своей дали представляются существами почти что абстрактными. Теперь же, ввиду осязательного его приближения к нам, все мы почувствовали в себе разнообразные живые отзвуки на то, что ранее почти что не трогало или мало трогало нас. Облик прежде хотя и светлый, но в то же время бледный, бесплотный и далекий, почти что внежизненный, теперь материализовался в наших глазах, начинал сиять и влечь нас к себе своею глубокой реальностью... Душевный подъем был несомненный, и

совершился он очень быстро. Как лепестки цветка навстречу свету, раскрывались теперь наиболее интимные уголки молодых, но искалеченных сердец, и в этих уголках обнажались семена высоких мыслей и великих дел...

Однако такое состояние продолжалось недолго. Вскоре стали говорить среди студентов, что отец Иоанн не будет у нас. И этому мы также скоро поверили. Имелось налицо и вероятное объяснение. С начальством в Академии в то время происходили непрерывные «недоразумения». Дошло до того, что инспектору стали бить стекла в окнах; стреляли даже в него, правда из резинового прибора, но все же так, что пробили стекла в двойных рамах. Говорили, что отец Иоанн не захочет посетить среду, столько непочтительную к своим начальникам, и студенты один по одному перешли в столовую – на вечерний чай. Начиналось что-то вроде разочарования. «Если отец Иоанн в самом деле по этим причинам не будет у нас, значит, он не хочет или не может заглянуть в душу поглубже», – говорили студенты. Мало-помалу в нашей среде об отце Иоанне совсем перестали говорить.

Автор этих строк также отдался впечатлениям, не имеющим, пожалуй, ничего общего с отцом Иоанном. В гардеробной комнате три моих товарища пели Римского-Корсакова «Надоели мне ноченьки». Я зашел послушать. Чисто русская грустная мелодия рисовала моему воображению и чисто русскую картину: девушку у окна за прялкой, изливающую свою скорбь о покинувшем ее друге, скорбь с обычным русским терпением, в котором слышится и самообвинение, и примирение с горькою долей, притом особенное примирение, тоже, быть может, чисто русское, без раздирающих душу криков и стонов, проникнутое сознанием неизбежности страданий. Теперь я уже не помню всех слов песни, но память живо хранит заключительную фразу вместе с ее музыкальной передачей: «Я сама ли то его, дружка, прогневала». В этой фразе сказывается целое мировоззрение и законченная бытовая картина, тяжелая, но в передаче нашего талантливого композитора высокохудожественная и захватывающая...

В скором времени мы все сидели по своим комнатам за своими обычными делами, и маленькие наши текущие интересы совсем отодвинули и заслонили собою переживания, связанные с ожиданием отца Иоанна. Мы были уверены, что его нам не придется видеть. Однако мы ошибались.

В 9 часов к нам в комнату зашел студент иеродиакон (болгарин), почему-то всегда хорошо осведомленный касательно особенно интересующих нас в тот или другой момент вопросов общей важности, и сообщил нам, что отец Иоанн сейчас же должен быть в ректорской квартире. Мы немедленно отправились к зданию, занимаемому ректором, ныне покойным епископом Сильвестром.

На ступеньках крылечка здесь сидел пожилой полицейский чин, украшенный разными знаками отличия. Тут же толпились студенты, пришедшие раньше нас; сторонних лиц почти не было. Рассказывали, что публика собралась было часов около шести, но ее уверили, что отца Иоанна не будет, и она разошлась. (Позднее я узнал, что к подобной мистификации прибегали почти всюду, где ждали отца Иоанна, для того, чтобы предупредить большое скопление народа). Настроение у всех было сосредоточенное, более или менее напряженное. Говорили все вполголоса. Духовные студенты – иеромонахи, иереи и диаконы – выстроились по сторонам у крылечка. Наиболее освещенное (фонарем) место занимал иеромонах И., в клобуке, с длинной и густой бородою, если не вполне выглядевший анахоретом, то во всяком случае производивший довольно цельное впечатление хорошего монаха. Его фигура с лежавшей от нее длинной тенью придавала особый характер всему собранию и не оставалась бесследной для подвижной психики собравшегося здесь юношества. У всех было настроение такое, с каким обыкновенно верующие люди встречают святыню, и как-то само собою вышло, что наши мысли, все наши душевные движения снова оторвались от нашей обыденщины и обратились к чему-то внепространственному и вневременному.

Послышался вблизи топот лошадей. Мягко подкатила карета, щелкнула ручка дверцы. Мы все стали одним

вниманием. Никто нам не говорил, но мы знали, что из кареты должен выйти отец Иоанн. Мы ждали, что увидим величавую фигуру или, по крайней мере, человека с величавыми манерами и медлительной речью, также зовущей в сторону от этого мира, короче, думали, что встретим святого, как он обыкновенно рисуется воображению русского человека, воспитанного на Четьях-Минеях и аскетической литературе. Но оказалось иное.

Молча благословив несколько человек, ожидавших у самой кареты, отец Иоанн скорым шагом направился к квартире ректора среди расступившихся студентов. Дойдя до иеромонаха И., он вдруг обернулся к нему с приветствием:

– Честь имею кланяться. Вы не инспектор будете?

Сказано это было твердым, звенящим голосом, отрывисто и выразительно, без всякой слащавости, столь обычной в духовной среде.

Отец И. едва успел ответить «нет», как отец Иоанн, поцеловав его в руку и губы, уже бежал по ступенькам крылечка, слегка покряхтывая, живой, бодрый и веселый. Впечатление получилось неожиданное. Прежняя напряженность у нас исчезла, и мы как-то сразу почувствовали, что в нашу среду вошел человек далеко не чуждый нам и что он вошел не из другого мира, а именно из этого, из того самого мира, в котором мы сами живем и которым мы все, заурядные люди, так интересуемся.

Некоторые из студентов прошли в ректорскую квартиру следом за отцом Иоанном, большинство же осталось ждать его снаружи. Вскоре вышел инспектор и объявил, что отец Иоанн будет в академическом корпусе. Студенты собрались в зале, и сюда, действительно, через двадцать минут пришел отец Иоанн в сопровождении ректора и инспектора. Студенты встретили его пением тропаря празднику (Рождеству Богородицы). Мне удалось видеть отца Иоанна сверху, когда он только подымался по лестнице. Наш уже достаточно обремененный годами Преосвященный Сильвестр поддерживал отца Иоанна под руку с левой стороны. Высокий и представительный инспектор величаво двигался справа. На половине лестницы отец Иоанн сказал Преосвященному Сильвестру: «Мне надо поддерживать

вас», – но как они шли дальше, мне было не видно. Одет был отец Иоанн в черную шелковую узорчатую рясу. Студенты говорили позднее, что он был «обрызган» духами, но сам я этого не заметил.

Когда окончилось пение тропаря, отец Иоанн обратился к нам с речью.

«Здравствуйте, однокашники! Я рад видеть вас, побыть хотя короткое время среди вас». Далее он говорил о православии, о царе, о Синоде, о необходимости твердо держаться заветов Церкви. В своей речи студентов он часто называл друзьями. Говорил он громко, отчеканивая слова, торопливо, даже нервно. Он бросал слова в окружавшую его толпу с уверенностью, что они все будут собраны с большой тщательностью. В его металлическом голосе звучала настойчивость и сила убежденности. О форме речи, видимо, отец Иоанн совершенно не заботился. Для него самое главное было – высказаться. Во время речи он нервно оборачивался в разные стороны, и вообще нервность его выступала довольно заметно, но нервность эта была особого рода, казалась возбужденностью торопящегося человека, а не органической слабостью. Получалось впечатление, что он и речь свою говорил на ходу, в движении, с опасением, что ему не дадут высказать все, что нужно. Даром слова отец Иоанн, однако, не обладал. Он останавливался почти после каждой фразы, и часто можно было слышать в его речи: «гм», «гм». В конце речи отец Иоанн благодарил студентов за их доверие к нему и уважение и назвал себя счастливым, что видит нас. И это он повторил несколько раз.

После речи студенты стали подходить к нему под благословение. Благословляя, отец Иоанн произносил иногда: «Именем Господним». Благословлял он так же торопливо, как и говорил. Под благословение подошли решительно все, не исключая и заведомых религиозных скептиков.

Из зала отец Иоанн с группой окружавших его тесным кольцом студентов двинулся в квартиру инспектора, где у подъезда снаружи ждала его карета. Дорогой на лестнице один

из студентов протискался к нему с просьбой помочь его больному брату.

– Он немой, – сказал студент.

– Зато вы богоглаголивы, – ответил отец Иоанн.

Вышел из Академии отец Иоанн через квартиру инспектора, почти не задерживаясь в ней.

Разумеется, среди студентов отец Иоанн долго был темой оживленных разговоров. Скептицизм, однако, в конце концов одержал верх в душах студентов, и захваченное на момент религиозным движением большинство их скоро перешло к разрушительному анализу, так что в глазах очень многих светлый ореол, окружавший образ отца Иоанна, оказался рассеянным. Эти скептики указывали на то, что отец Иоанн вращается исключительно почти в высших кругах и среди богатых классов, что он привык игнорировать людей низших классов, слишком суров и резок, что в нем нет искренней сердечности, много деланности и светских манер; не нравилось многим, что у отца Иоанна целовал руку архиерей и т.д., и т.д. Были, конечно, и такие, у которых высокое впечатление от отца Иоанна оказалось стойким, но эти высказывались мало. Я, по крайней мере, не слышал, чтобы кто из них так же громко и решительно говорил за отца Иоанна, как говорили другие против него.

* * *

В другой раз мне пришлось видеть отца Иоанна в Кронштадте, года через два. По личным обстоятельствам мне пришлось в то время быть в Петербурге, и даже долго жить здесь.

В Петербурге в то время был едва ли не в апогее своей славы отец Григорий Петров. Я вращался в духовной среде, и здесь о нем много говорили. Отец Григорий в то время читал лекции на курсах для учителей и учительниц, и, судя по тому, что я слышал от одной учительницы, все от него были в восторге. Эта учительница привела мне, между прочим, выдержку из его прощальной речи, которой он закончил чтение своих лекций, действительно красивую. Впечатление от этой выдержки было настолько сильное, что я теперь даже помню

существенное ее содержание. Позволю себе воспроизвести ее здесь.

«Народный учитель в школе – говорил отец Григорий, – это то же, что каменщик в руднике, которому приходится спускаться в глубокое подземелье и разбивать здесь своим тяжелым молотом твердые глыбы, чтобы извлечь из них небольшие блестки драгоценного металла. Тяжела его доля. Как Остап, кричит он из своего подземелья: «Слышишь, батько?» – «Слышу», – раздается сверху в ответ. На положение народного учителя теперь обращено внимание» и т.д. Я передал только существенные черты главных образов. Обработка их у отца Григория была лучше моей передачи. Мне хотелось побывать и у отца Григория, и у отца Иоанна, и особенно – у отца Иоанна, хотя о нем около меня говорили меньше.

Я знал, что попасть к отцу Иоанну очень трудно, но один знакомый священник обещал мне содействие – написать одному из кронштадтских иереев, чтобы тот со своей стороны дал мне нужные указания на месте, в Кронштадте.

В Кронштадт я отправился на пароходе с Васильевского острова. Это было в половине мая. Дорогой я познакомился со священником, бывшим старообрядцем, из крестьян начетчиков, личностью очень интересною по своему отношению как к старообрядчеству, так и к господствующей Церкви. Оказалось, что он также ехал к отцу Иоанну, и мы стали компаньонами. Вместе мы явились и к обещанному патрону – кронштадтскому священнику, но мои или, вернее, теперь наши расчеты оказались напрасными. Священник этот принял нас довольно любезно, но вскоре же и отпустил совершенно ни с чем. Отчасти это было, впрочем, и в порядке вещей. Ряса моего спутника не могла скрыть в нем бывшего мужика-землероба, с типичной крестьянской речью и крестьянскими манерами; я тоже не мог внушить к себе интереса; между тем батюшка жил широко, и в соседней комнате среди гостей я видел морских офицеров... Нас постеснялись показать в хорошем обществе...

Первым делом, когда мы вышли на улицу из-под негостеприимного для нас иерейского крова, мы стали искать для себя помещение. Зашли в Дом трудолюбия. Но тут

слишком дорого запросили за отдельную комнату, а в общей нам не хотелось оставаться. Отсюда мы прошли к собору. Здесь одна женщина, узнав из расспросов, что мы приехали повидаться с отцом Иоанном, стала усиленно звать к себе. Она обещала дать нам отдельную комнату за рубль. Такая плата была посильна для наших тощих кошельков; к тому же женщина уверила нас, что она пользуется большим расположением отца Иоанна и что отец Иоанн непременно будет у нее, как только возвратится в Кронштадт.

«Я и квартиру содержу с благословения отца Иоанна – говорила она. – Я не здешняя, бедная вдова: сильно нуждалась после смерти мужа-офицера. Со своим горем я приехала к отцу Иоанну, а он и сказал мне: благословляю тебя держать квартиры для моих приезжающих, и ты будешь сыта. Я так и сделала. И, слава Богу, у меня добрые люди не переводятся...»

У нашей хозяйки было несколько комнат. Нам досталась последняя свободная и самая маленькая из них. Хозяйка оказалась очень словоохотливой дамой. Она много рассказывала о прозрениях и чудесах отца Иоанна. Нам был представлен и живой пример исцеления от нервного расстройства девушки-служанки, подававшей нам самовар. Девушка эта, родом из Минской губернии, круглая сирота, очень охотно, последовательно и складно, изложила нам тяжелую историю своих скитаний и своих страданий душевных и телесных. Из рассказа ее видно было, что от своего недуга избавлялась она постепенно, да и в то время, по ее словам, она не настолько была крепка, чтобы браться за всякую работу.

Мы заснули очень довольные тем, что случай привел нас в дом, где мы непременно увидим отца Иоанна на другой день. Однако утром его еще не было в Кронштадте. Мы побывали в Андреевском соборе и после молебна (по случаю табельного дня) отправились осматривать стоявшие на рейде военные суда. Мы попали на броненосец «Полтаву». Все здесь представляло для нас большой интерес: и распорядок жизни, и устройство отдельных помещений, и, наконец, разнообразные орудия для истребления людей и неприятельских судов. Мой спутник положительно был подавлен новизной впечатлений.

Объяснения давал нам офицер, и отец Варсонофий то и дело вставлял в его речь свои замечания: «Господи, какая премудрость!», «Какая премудрость, Господи!», «До чего дошел человек! Ах ты, Боже мой! Ну, и человек!» и т.п. А когда мы спустились в машинное отделение, где перед нами были огромные поршни и шатуны, бесконечное число винтов и отдельных механических приспособлений с различными цифровыми показателями – словом, главная двигательная лаборатория судна со своею мускульной и нервной системой и со своими артериями, проводящими пар в различные части металлического организма, отец Варсонофий только вздыхал и качал головой. В его глазах светилась уже растерянность. Было заметно, что все виденное им стало теперь печалить его, хотя смертоносные цели различных приспособлений совершенно затенялись искусством тонких и сложных расчетов механики, так что при осмотре броненосца внимание останавливалось не столько на том, для чего все было сделано, сколько на том, как было сделано...

В свою квартиру мы возвратились часам к шести. Отца Иоанна все еще не было. Мы снова пошли бродить по городу.

Около церковного дома, где жил отец Иоанн, двигались толпы народа. Мы узнали, что его ждут с часу на час, и мы примкнули к ожидавшим. Состав толпы был самый разнообразный. Здесь были и по-праздничному одетые местные рабочие, пощелкивавшие семечки, более и менее веселые и жизнерадостные; эти держали себя «как дома», хозяевами положения. Но было тут немало и приезжих лиц в большинстве угрюмых и державшихся особняком. Были тут простые и кокетливые платочки, но были и яркие шляпки, хотя в незначительном количестве. В мужской половине преобладали картузы; котелков было совсем немного. Большинство ожидавших отца Иоанна ходило вдоль улицы, так что улица стала напоминать собою место общественных развлечений.

Около девяти часов разнесся слух, что отец Иоанн в этот день совсем не вернется в Кронштадт. Другие говорили, что он вернется к полночи. Толпа стала редеть. Отец Варсонофий тоже

ушел на квартиру, но я твердо решил ждать, хотя бы до полночи.

Ночь была светлая, «белая», по местному названию, напоминавшая ранние сумерки или время пред восходом солнца. Движение на улицах стало сокращаться, и группа ожидавших отца Иоанна растянулась теперь длинною лентой, один конец которой небольшим клубком упирал в открытые ворота его квартиры, а другой терялся вдали по направлению к пароходной пристани.

Часов около одиннадцати послышался в конце живой линии человеческих фигур какой-то неопределенный шум. Шум этот быстро рос и приближался. Наконец стал слышен отчетливый крик: едет, едет. Лента колыхалась, свертывалась, запутывалась в большие клубки, снова распрямлялась. Когда все вокруг меня пришло в беспорядочное движение и послышались возгласы: «Батюшка!.. Кормилец наш!.. Вот он!..» – я был уже за воротами, на большом дворе церковного дома. В здание было несколько ходов. У одного из них, налево, стояла группа человек в десять. Не трудно было догадаться, что через этот именно ход должен был пройти отец Иоанн, и я направился в эту сторону. Шум около дома, на улице, между тем как-то сразу оборвался. Сзади себя я услыхал стук колес быстро движущегося экипажа. Я остановился. Ворота были уже на запоре, однако во дворе собралось много народу. Все бросились к пролетке-одноколке, в которой сидел отец Иоанн, поддерживаемый своим домашним секретарем. Он издали раскланялся со мною и что-то говорил при этом, но что именно, я не мог разобрать. Когда он вышел из пролетки, мы поцеловались, и я сказал, что прошу его уделить мне пять минут для беседы.

– Только пять минут, – ответил отец Иоанн, – потому что в эти часы я никого не принимаю.

Я пошел за ним в толпе. Когда отец Иоанн подымался по ступенькам крылечка в свою квартиру, у него стали просить благословения ожидавшие его здесь учащиеся.

– Экзамен у меня завтра. Батюшка, благословите! – говорил гимназист.

– Благословите и меня, у меня тоже экзамены – говорила девочка в форменном платье.

– И меня благословите! И меня, – слышалось со всех сторон. Отец Иоанн что-то говорил детям, но что, я также не мог разобрать. Видно было, что у него были отношения к ним самые сердечные, а мальчика-гимназиста он о чем-то расспрашивал.

Квартира отца Иоанна помещалась во втором этаже. Первая комната, в которую я вступил, была кухня. Из нее дверь вела в столовую, небольшую комнату с обеденным столом посредине и большими киотами с иконами и зажженными лампадами в двух углах. По стенам стояли стулья различной формы без всякой выдержки не только в стиле, но даже и в цвете. Тут же стоял крашеный шкаф для одежды. Стол был покрыт белою скатертью. Из столовой еще две двери вели в две соседние комнаты, но внутренность этих комнат мне была не видна. В общем обстановка напоминала помещение небогатого сельского священника: все было просто, без каких бы то ни было претензий на комфорт, но в то же время здесь веяло теплом и уютностью.

Когда я вошел в столовую, отец Иоанн был в соседней комнате. Он вскоре оттуда вышел и предложил мне сесть. Он снял с себя на ходу свои регалии и рясу и остался в шелковом, небесного цвета подряснике. Рясу он сам же повесил в шкаф.

Светлый подрясник вполне отвечал вообще его светлому виду. Предо мною был человек среднего роста, довольно хорошо сложенный и очень цветущий на вид, с белым чистым лицом и ярким румянцем на щеках, которому никак нельзя было дать его семидесяти лет. Волосы на голове были не густые, короткие и с сильною проседью. Бровей у него почти не было. Небольшие голубые глаза смотрели и сосредоточенно, и живо. От глаз шли к вискам лучеобразные морщины. В общем, у него было большое сходство с известными его портретами. Двигался отец Иоанн быстро, но его ноги, видимо, тяжелели. Слышал он туговато. В движениях рук особенно сказывалась порывистость, но голос его по-прежнему был тверд, звучен, моложав.

Раздеваясь, он сказал мне, что был на освящении санатория в Виндаве и что там была императрица Мария

Федоровна.

Разговаривая со мной, он несколько раз выходил в соседние комнаты. Выходил он и на кухню, и с кем-то разговаривал здесь. Я не видел его собеседника и не слышал, о чем он говорил, но было заметно, что тот был возбужден и по временам говорил с плачем. Отец Иоанн слушал молча и только изредка вставлял свои вопросы. И это, по-видимому, успокоительно действовало на говорившего. «Ну, не в деньгах счастье – сказал, наконец, отец Иоанн. – Ты это помни!» – и отпустил собеседника, еще ранее дав ему поручение принести лафиту. Вероятно, это был местный купец.

Свою беседу с отцом Иоанном я начал сейчас же, как вошел в столовую. Говорил я спешно, чтобы не задерживать его. Выслушав меня, отец Иоанн распорядился, чтобы приготовили самовар.

– Мы с Батюшкой чайку напьемся, – добавил он.

Сам он говорил мало: или только спрашивал, или вставлял короткие замечания в мои слова.

Служанка между тем подала самовар. Чай отец Иоанн сам принес из соседней комнаты, в бумажной обертке, и сам же заварил. Разливал чай тоже сам. Перед чаем распорядился подать хересу. Когда принесли бутылку, он отослал ее назад.

– Мы еще не обеднели – сказал он шутливо и приказал подать какую-то другую. Когда подали новую бутылку, он налил две небольшие рюмки.

– Пей! Это укрепляет, – сказал он, чокнувшись своею рюмкой о другую рюмку.

– Мне доктора запрещают пить – сказал я – не столько, впрочем, для того, чтобы отказаться, сколько затем, чтобы выслушать его мнение.

– А я разрешаю – сказал он решительно.

И действительно, я едва ли когда испытывал более хорошее действие от вина, как этот раз.

Два стакана чаю отец Иоанн выслал кому-то в соседнюю комнату.

За чаем он спросил меня, где я остановился. Я сказал.

– Почему же не в Доме трудолюбия?

– Там дорогие комнаты.

– Вам должны и так дать номер. Скажите от моего имени, чтобы вам дали номер. (Таким добрым предложением я постеснялся воспользоваться, тем более что надеялся видеть его на другой день и на той квартире, которую занимал.)

Я пробыл у отца Иоанна около 40 минут. При уходе он предложил служить с ним наутро литургию. Я сказал, что не был на вечерне и вообще не готовился. «Это ничего», – сказал он.

Еще когда я сидел у отца Иоанна, я слышал по временам стук в наружную дверь его квартиры. Выходя от него, я заметил у дверей на лестнице несколько мужчин и женщин из простонародья. Видимо, они следовали словам Евангелия: *толцыте, и отверзется* (Лк.11:9).

В квартире меня ожидали с большим нетерпением. О том, что мне удалось добиться у отца Иоанна приема, здесь уже знали и, как только я вошел в комнату, меня сейчас же осыпали вопросами.

Что Батюшка говорил? Как принял? Как он себя чувствует и т.д., и т.д.

На другой день народ собрался к церкви в ожидании отца Иоанна еще до звона, к утрени, но отец Иоанн приехал в церковь, когда служба уже началась, часов около шести… Во время утрени он часто выходил в соседний придел молиться. Выходил и на клирос. Из алтаря не было видно его, но когда он показывался народу, это можно было заметить по тому волнению, какое сразу подымалось по временам среди молящихся. По временам слышались истерические выкрики: «Батюшка, дорогой, Батюшка!» Одна женщина так громко кричала, что ее вывели из церкви. Канон отец Иоанн читал сам. Входную перед литургией служащие иереи (нас было пятеро) читали без отца Иоанна.

Служил отец Иоанн своеобразно. Возгласы произносил, по-видимому, с крайним напряжением всего организма; слова не растягивал, но и не сливал, а произносил каждое слово отрывисто и отдельно. Два раза, заметил я, он во время литургии вытер свои глаза платком. Произносил и свои

молитвы. Движения его также были свободны и естественны и, по обыкновению, порывисты. На все окружающее, по-видимому, он мало обращал внимания. Причащал он сам. Двум отказал в Причастии без всяких объяснений. Одна была девушка, почти что девочка лет пятнадцати-шестнадцати. Когда отец Иоанн сказал, что не станет ее причащать, она растерянно осмотрелась вокруг себя, сошла с амвона, потом снова стала в ряды идущих к Причастию. После отпуста отец Иоанн обратился к причастникам с поздравлением. «Имею честь поздравить вас с принятием Святых Таин», – сказал он и к этим словам присоединил несколько наставлений.

Когда окончилась литургия, к отцу Иоанну стали подходить с разными просьбами – кто о молитве, а кто о материальной помощи. С нами служил приезжий откуда-то молодой диакон, больной и плохо одетый. Он просил помощи на содержание семьи. Отец Иоанн дал ему что-то около 80 рублей. О помощи просил еще какой-то светский человек; он много и со слезами говорил о своей больной жене. Отец Иоанн дал ему 28 рублей. Мой компаньон отец Варсонофий получил на свою новостроящуюся церковь 100 рублей. Деньги отец Иоанн доставал из кармана своего подрясника, где они лежали в нераспечатанных еще конвертах. Благотворил он охотно и без какого бы то ни было душевного смущения. Тут же в алтаре он диктовал своему секретарю ответы на телеграммы, получавшиеся в весьма большом количестве.

Вокруг отца Иоанна в общем все были в приподнятом душевном состоянии: кто переживал радость возрождающейся надежды, кто облегчение теперь же удовлетворенной нужды, а кто переживал просто благоговейное чувство при виде нравственной мощи человека, к которому устремлены взоры тысяч и тысяч людей с самыми разнородными и глубоко волнующими ожиданиями. Но хотя отец Иоанн был центральной фигурой и в алтаре, и в храме вообще, все наполнял собою и был предметом исключительного внимания всех молящихся, так что все другие были незаметны при нем, при всем том отнюдь нельзя было чувствовать, чтобы он, единственно большой в среде других, кого-либо стеснял, пригнетал, подавлял. В его

отношениях к другим не было заметно и в малейшей степени величия, сознающего свое достоинство и потому всегда если не высокомерного, то во всяком случае покровительственно-снисходительного. О нем нельзя даже сказать, что он был как отец в кругу близких ему членов семьи. Скорее тут шло бы другое сравнение – он был как старший и ответственный руководитель среди работников, занятых большим и важным делом. В нем не было заметно ни малейшей сентиментальности, столь обычной у людей недостаточно глубоких, хотя и нравственно-высоких. Работа, дело – вот атмосфера, которая, казалось, была наиболее сродна ему и которую он, казалось, всюду хотел бы создавать вокруг себя, работа не в смысле, конечно, материальной производительности, а в смысле проявления лучших сторон нашей нравственной природы.

Наблюдения за деятельностью отца Иоанна после службы еще более убедили меня в этом.

По выходе из церкви он только на несколько минут заехал к себе на квартиру, а затем сейчас же отправился служить молебны по домам и причащать больных. В этот день я видел его в Доме трудолюбия. Здесь он служил молебны в каждом номере. Кое-где присаживался к столу, наливал себе чаю и угощал чаем хозяев номера. Подаваемый им чай принимался как святыня и сейчас же выпивался, судя по лицам, с глубокой верой в его особенную силу.

Стол с чаем и закусками я видел почти во всех номерах. Оставался отец Иоанн в номерах не более 5–10 минут. В коридорах и особенно на лестницах его окружали настолько плотно, что казалось, люди сами его водили и носили, а он был совершенно лишен свободы движений. Иногда он делал усилия, чтобы освободиться от неловкого положения; в этих случаях он приподымал голову, но его лицо всегда неизменно светилось радостным возбуждением. Служение молебнов в Доме трудолюбия он закончил к трем часам. Если считать, что он встал в пять часов, к утрени, то выходило, что он в этот еще далеко не окончившийся день провел на ногах десять часов

подряд. При всем том я не заметил в его лице никаких признаков усталости или просто – чувства тяготы.

Из Дома трудолюбия отец Иоанн отправился на пароходную пристань и здесь сел на пароход, идущий в Петербург. Он занял отдельную каюту и не выходил из нее до самой остановки парохода. На нашей квартире, кстати сказать, он совсем не был.

В Петербурге на берегу его также ждала большая толпа народу и, как только он ступил на землю, сейчас же, по обыкновению, охватила его тесным кольцом. Провожавший отца Иоанна полицейский чин был оттерт, и отцу Иоанну пришлось прокладывать себе дорогу к карете собственными усилиями. И это было нелегко для него. Его не только давили люди своими телами, иные, быть может, поневоле стесняя его движения; но другие, особенно женщины, хватались за полы его рясы, цеплялись за рукава и, таким образом, намеренно удерживали его на месте. Я видел развевающиеся над головами окружавших его лиц то правый, то левый рукав его рясы. Это он вырывался из цепких рук излишне восторженных почитателей и, особенно, почитательниц. Можно было думать, что на небольшом пространстве, отделявшем пароход от кареты, он более устал, чем за десять часов служения, бесед и благотворительности.

Когда отец Иоанн сел, наконец, в карету и поехал, толпа и тут некоторое время двигалась следом за ним; а одна женщина бежала за каретой, когда лошади увозили отца Иоанна уже полной рысью. Мне хорошо была видна с парохода ее фигура. Высокая, с вытянутыми вперед руками, она бежала длинными шагами. Платье на ней далеко отдавалось назад. Платок также развевался сзади ее. Вся ее внешность выражала стремительный порыв. Трудно было решить чего тут больше: болезненной ли истеричности, когда человек теряет способность правильно расценивать впечатления, тяжелых ли душевных мук, оставшихся неисцеленными, или, быть может, глубоких нравственных запросов, для которых, наконец, найдена точка опоры? Над женщиной смеялись, но мне она казалась типичным выражением состояния, переживаемого сотнями тысяч и

миллионами людей нашего времени, нравственно растерянных, страдающих и ищущих то с надеждой, а то и без всякой надежды, с одной мукою отчаяния...

С отцом Варсонофием я распрощался тут же на пристани. Еще в Кронштадте он убеждал меня перейти к старообрядцам. При прощанье свои советы он повторял особенно настойчиво, рисуя передо мною заманчивые, на его взгляд, перспективы. Позднее он даже присылал ко мне и старообрядца для переговоров.

Теперь отец Варсонофий уже покойник, как совершенно случайно узнал я из одного миссионерского органа, где были помещены хвалебные отзывы о его глубокой преданности православию...

* * *

Мне довелось видеть отца Иоанна и третий раз, но уже мертвым, в гробу, или, точнее, пришлось видеть траурную колесницу с его останками у Вознесенского моста на дороге от Балтийского вокзала в Иоанновский монастырь. Народ с пением «Святый Боже» шел многотысячной толпой впереди колесницы и сзади ее, густо заполняя всю улицу и растянувшись на большое пространство. Я стоял на одном месте. Проходящие мимо меня ряды только заканчивали пение начальных слов «Трисвятого», как подходящие новые ряды начинали пение тех же слов. Так на том пространстве, где я стоял, бесконечное число раз повторялось: «святый, святый, святый». Зрелище было очень внушительное. Высокая колесница блестела серебром. Духовенство также было одето в белые ризы. Развевались блестящие хоругви. Таким образом, отец Иоанн и в могилу сходил таким же светлым, каким появлялся живым среди людей.

Священник Василий Шустин. Из личных воспоминаний

Наша семья познакомилась с отцом Иоанном при вступлении моего отца во второй брак, когда мне было семь лет. Молодая невеста очень хотела, чтобы брак был благословлен отцом Иоанном; отец Иоанн приехал и с тех пор стал бывать у нас каждый год на квартире в Петербурге…

Я видел, что вокруг отца Иоанна всегда собирались огромные толпы и буквально рвали его одежду, но я не понимал такого стремления людей к нему. Сердце мое было закрыто до 17 лет. Не только христиане шли к отцу Иоанну, но и иноверцы: магометане, буддисты… И действительно, у отца Иоанна была всеобъемлющая душа, сыновняя Богу, дерзновенная.

Когда Батюшка приезжал к нам – и, бывало, неожиданно – тотчас же накрывали маленький столик скатертью, ставили миску с водой и клали крест, привезенный из Иерусалима; Евангелие, кадило и кропило были у нас свои. Особенно любил Батюшка молиться в столовой, перед образом Спасителя, который он считал чудотворным. Бывало, он встанет и минут пять молча смотрит на этот образ. Когда увидит, что все приготовлено около него к молебну, становится на колени и начинает молиться. Он всегда молился импровизированными молитвами, произнося некоторые слова очень резко, с особенным ударением, дерзновенно прося у Господа нам милости. После такой молитвы, довольно длинной, где он также всегда поминал об искупительной жертве Иисуса Христа, он пел сам: «Спаси, Господи, люди Твоя» и освящал воду. Затем обязательно ходил по всем комнатам и окроплял их и все постели святой водой. Батюшка говорил, что воздух нашими действиями и нашими мыслями загрязняется и надо его очищать: святая вода отгоняет и уничтожает этот нечувствуемый смрад. После обеда всегда накрывали чай. Батюшка любил чай самый крепкий, почти черный, и всегда просил сполоснуть чай и первую воду слить, как он в шутку говорил: «Надо смыть китайскую нечисть». К чаю ставили какую-нибудь рыбную

закуску. Мяса Батюшка совсем не ел. Иногда выпивал полрюмки сладкого вина и, окинув взором присутствующих, давал кому-нибудь допить свою рюмку. Затем ставили перед ним ряд стаканов с крепким чаем, целую стопку блюдечек и глубокую тарелку с кусковым сахаром, и он, благословив, брал сахар целыми горстями и рассыпал по стаканам. Быстро мешал ложкой, разливал по блюдечкам и раздавал присутствующим. Он любил такое общение. К этому времени обыкновенно к нам на квартиру набиралось много квартирантов из нашего дома; все стремились к Батюшке и во время трапезования спрашивали о своих нуждах. Иногда он, задумавшись, ничего не отвечал, а другим давал советы или молитвенно поминал. После чая всех благословлял и торопился в другое место. У подъезда опять собиралась толпа, и приходилось Батюшку прямо протаскивать к карете.

Часто обвиняли Батюшку, что он ездит в карете, что женщины иногда с ним там сидят... Как люди злы в своей извращенной природе! Кто как не женщины окружали Господа нашего, кто как не они служили Ему своим достоянием? Так и здесь находились богатые люди – женщины из духовных детей отца Иоанна, которые считали своим счастьем предоставить свою карету в пользование Батюшки. А ему лично было все равно, в чем он едет: он был выше этого.

Когда я был еще совсем юным, отец мой серьезно заболел горлом. Профессор Военно-медицинской академии по горловым болезням Симановский определил, что у него горловая чахотка. Все горло покрылось язвами, и голос у отца совершенно пропал. Я помню, на Рождество, по случаю такой болезни отца не делали нам и елки. В доме царил как бы траур, все говорили шепотом, царило уныние; нас, детей, не пускали к отцу. Только в первый день Рождества нас подвели к нему, и он, скорбно и молча, раздал нам подарки. Симановский заявил, что ему осталось жить дней десять, а если увезти с большими предосторожностями теперь же немедленно в Крым, то он, может быть, еще протянет месяца два. В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки отец Иоанн. Послали ему телеграмму. Дней через пять он приехал к нам.

Прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул: «Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен?! Я бы привез Святые Дары и приобщил бы его». Мой отец умоляюще смотрел на Батюшку и хрипел. Тогда Батюшка углубился в себя и, обращаясь к отцу, спрашивает: «Веришь ли ты, что я силою Божией могу помочь тебе?» Отец сделал знак головой. Тогда отец Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом, размахнувшись, ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся, и все склянки разбились. «Брось все это, – резко сказал отец Иоанн, – больше ничего не нужно. Приезжай завтра ко мне в Кронштадт, и я тебя приобщу Святых Таин. Слышишь, я буду ждать». И Батюшка уехал. Вечером приехал Симановский, а вместе с ним доктор Окунев, тоже специалист по горловым болезням. Им сказали об отце Иоанне и что завтра повезут моего отца в Кронштадт. Симановский сказал, что это безумие, что он умрет дорогой. (Нужно было из Ораниенбаума ехать на санях по морю, а была ветреная, морозная погода.) Но отец верил Батюшке, и на следующий день закутали его хорошенько и повезли в Кронштадт.

Батюшка приехал на квартиру, где остановился отец, и приобщил его Святых Таин. Еще два дня прожил отец в Кронштадте, каждый день видясь с Батюшкой. Когда он вернулся домой, Симановский был поражен: в горле все раны оказались затянуты; только голос отца был еще слаб. Симановский во всеуслышание заявил: «Это невиданно, это прямо чудо!» Так совершилось дивное исцеление моего отца по молитвам Батюшки. Отец прожил после этого 25 лет.

Через три года после исцеления моего отца родилась у моей второй матери дочь. Еще заранее просили отца Иоанна быть крестным отцом ребенка. Батюшка согласился. Сестра родилась летом, когда мы жили на нашей даче в Финляндии. Отец Иоанн, по нашим сведениям, в то время должен был быть у себя на родине. Решили крестить сестру и записать, как это в некоторых случаях делается, крестным отцом отца Иоанна, так как он дал на это свое согласие. Крещение было назначено на воскресенье после обедни. Вдруг накануне в субботу к нашей

даче подъезжает извозчик-чухонец, из экипажа легко спрыгивает священник. Мы смотрим – это отец Иоанн. «Вот и я на крестины», – заявляет он, распахивая двери. Мы были поражены, началась, конечно, суматоха. Батюшка велел послать за местным дачным священником и принести из церкви купель. Сам же он пошел по нашему саду и восторгался лесом, который окружал нашу дачу. Через час все уже было готово к крестинам. Началось Таинство, которое совершал местный священник отец Симеон Налимов. Отец Иоанн сам держал мою сестру на руках, отрекался сатаны, читал, дерзновенно читал Символ веры, все исполнил, что полагалось крестному отцу. После Таинства он сел на балконе в кресло и говорил: «Ну, теперь радуйтесь. Поздравляю вас с новорожденным младенцем... Теперь я ваш родственник, сроднился с вами. И посмотрите, как я нарядно одет, точно к царю приехал...» И действительно, Батюшка был при звездах и крестах. Со всеми нами он перецеловался и радовался вместе с нами. В это время в саду уже собралась толпа народа, и Батюшка с верхнего балкона благословлял эту толпу. Потом он пообедал вместе с нами. Я снял его своим фотографическим аппаратом. И он стал спешить в Петербург, чтобы в этот же день попасть в Кронштадт. Местный помещик прислал ему свой экипаж, и мы его проводили на вокзал, где дачники и финны уже теснились, прося его благословения. Когда подошел поезд, кондуктора взяли его на руки и поместили в отдельное купе. Впоследствии диакон моей гимназической церкви рассказывал, что он тот раз ехал в том же поезде, в котором отец Иоанн ехал к нам. Диакон, увидав Батюшку совсем одного, удивился очень и, сев рядом, спросил, куда он едет. «К Шустиным на крестины. Они просили меня, и теперь время ехать». Батюшке никто не говорил, что у нас родился ребенок, да и не мог сказать, потому что сестра родилась ранее предполагаемого срока.

Впоследствии эта сестра Аня семилетним ребенком заболела черной оспой. Отец Иоанн безбоязненно провел по ее лицу своей рукой и погладил ее. А лицо ее в это время все было покрыто язвами, девочка очень страдала. По ее

выздоровлении не осталось никакого следа от этих язв, одна только маленькая яминка около глаза.

Один раз мой отец предложил мне проехаться в Кронштадт вместе с ним, так как он захотел исповедаться и причаститься у отца Иоанна. Я поехал с ним. Батюшка приехал в Кронштадт к нам, отслужил молебен, выслал всех из комнаты и исповедал отца. После исповеди мне отец говорит: «Исповедуйся и ты у отца Иоанна», – и просит об этом Батюшку. Но я не готовился к причастию и ел в этот день мясо, поэтому я и сказал Батюшке, что и хотел бы приобщиться, да не могу. Тогда Батюшка мне говорит: «Значит, ты не хочешь». А я опять отвечаю: «Батюшка, я не подготовлен». Он же, не слушая меня, спрашивает категорически: «Хочешь или не хочешь?» Я, конечно, хотел и сказал ему это. Тогда он опять выслал всех из комнаты и сказал: «Маловер, что ты сомневаешься?» – и исповедал меня.

На следующий день я приобщился в храме у него и с легкой душой вернулся домой.

Другой раз мне пришлось приобщаться у отца Иоанна в Великом посту. Я приехал и пробыл в Кронштадте несколько дней. Батюшку трудно было залучить к себе, и мне пришлось исповедаться на общей исповеди. Пришел я с отцом к Андреевскому собору еще до звона. Было темно: только половина пятого утра. Собор был заперт, а народу стояло около него уже порядочно. Нам удалось накануне достать от старосты билет в алтарь. Алтарь в соборе был большой и туда впускали до 100 человек. Полчаса пришлось простоять на улице, и мы прошли через особый вход прямо в алтарь. Скоро приехал Батюшка и начал служить утреню. К его приезду собор был уже полон. А он вмещал в себе несколько тысяч человек. Около амвона стояла довольно высокая решетка, чтобы сдерживать напор. В соборе уже была давка. Во время утрени канон Батюшка читал сам. После утрени началась общая исповедь. Сначала Батюшка прочел молитвы перед исповедью. Затем сказал несколько слов о покаянии и громко на весь собор крикнул: «Кайтесь!» Тут стало твориться что-то невероятное. Вопли, крики, устное исповедание тайных грехов. Некоторые стремились, особенно женщины, кричать как можно громче,

чтобы Батюшка услышал и помолился за них. А Батюшка в это время преклонил колени пред престолом, положил голову на престол и молился. Постепенно крики превратились в плач и рыдания. Продолжалось так минут пятнадцать. Потом Батюшка поднялся, пот катился по его лицу, и вышел на амвон. Поднялись просьбы помолиться, но другие голоса стали унимать эти голоса; собор стих. А Батюшка поднял одной рукой епитрахиль, прочитал разрешительную молитву и обвел епитрахилью сначала полукругом на амвоне, а потом в алтаре и началась литургия.

За престолом служило двенадцать священников, и на престоле стояло двенадцать огромных чаш и дискосов. Батюшка служил нервно, как бы выкрикивая некоторые слова, являя как бы особое дерзновение. Ведь сколько душ кающихся он брал на себя! Долго читали предпричастные молитвы: надо было много приготовить частиц. Для Чаши поставили особую подставку около решетки. Батюшка вышел приблизительно около 9 часов утра и стал приобщать. Сначала подходили те, которые были в алтаре. Среди них подошел и я. Батюшка поднял лжицу, чтобы меня приобщить, поднес ко рту и вдруг отвел и опять опустил в Чашу. Меня захолостнуло, и я застыл: значит, я не достоин Святого Причастия, недостаточно каялся на этой общей исповеди. (Меня, действительно, все оглушило...) Я стою перед Чашей, и Батюшка мне ничего не говорит, а смотрит внутрь Чаши и как бы мешает что-то, потом поднял лжицу уже с двумя частицами Тела Спасителя и приобщил.

Я отошел на клирос и стал смотреть, как приобщается народ. Около решетки стояла страшная давка, раздавались крики задыхавшихся. Батюшка несколько раз окрикивал, чтобы не давили друг друга, грозя уйти. Перед Батюшкой, чтобы не выбили у него Чаши, была поставлена другая решетка, и народ пропускался между двумя решетками. Тут же стояла цепь городовых, которые осаживали народ и держали проходы для причастившихся. Народ причащался. Довольно часто Батюшка прогонял от Чаши и не давал Причастия, главным образом женщин. «Проходи, проходи – говорил он, – ты обуяна

безумием, я предал вас анафеме за то богохульство, которого вы придерживаетесь». Это он говорил иоанниткам, той секте, которая считала Батюшку Иисусом Христом, пришедшим второй раз на землю[17]. Много было Батюшке неприятностей и горя от этих иоанниток. Они кусали его, если это можно было, для того, чтобы хоть капля крови его попала им в рот. Батюшка в соборе обличал их и предавал отлучению от Церкви. Но они, как безумные, лезли к нему и ничего не слушали. И даже от Чаши приходилось их оттаскивать городовым. Несмотря на то, что еще два священника приобщали одновременно в приделах храма, Батюшка с Чашей, которую он несколько раз менял, простаивал на ногах с 9 утра до половины третьего дня. Надо было дивиться его энергии и силе. Я достоял до самого конца обедни. По окончании ее Святые Дары еще остались, и Батюшка позвал в алтарь всех, кто был там, приобщался, но не запивал. Поставив всех полукругом перед жертвенником, держа Чашу в руках, он стал приобщать людей вторично прямо из Чаши. Удивительно трогательная это была картина! Вечеря любви. Батюшка не имел на лице ни тени усталости, с веселым, радостным лицом поздравлял всех. К большому для меня огорчению, я уже съел просфоры и не мог войти в этот святой полукруг. Служба, святое Причастие давали столько сил и бодрости, что действительно мы с отцом не чувствовали никакой усталости. Испросив у Батюшки благословение на возвращение домой, мы, наскоро пообедав, поехали на санях в Ораниенбаум.

Когда я стал студентом, все глубже и глубже я начал понимать отца Иоанна и духовно привязываться к нему... Стали мне вдруг труднее даваться науки, ослабела память, приезжаю в Кронштадт, говорю об этом Батюшке; Батюшка объясняет мое состояние чрезмерными моими занятиями в гимназии и велит дать отдых мозгу. Я начал духовно привязываться к Батюшке, но это были уже последние годы его жизни. Нас он уже стал принимать на своей квартире как родственников. Однажды я приехал к нему, а он был очень болен. Матушка, жена его, говорит, что завезли его в какую-то трущобу и там жестоко избили. Матушка вообще мало рассказывала нам про жизнь

отца Иоанна. Называла она его «брат Иван», так как и в действительности он никогда не был ее мужем. Она хотела даже разводиться с ним и подавала на него в суд. Но он был непреклонен и она смирилась. Теперь она также состарилась, у нее болели ноги, она не могла самостоятельно передвигаться, но о себе не заботилась, а только о брате Иване.

Она меня просила: если сделается отцу Иоанну хуже, привезти к нему доктора.

– Ведь брат Иван докторов не любит, и трудно заставить его принять доктора. Но один доктор, Александров, ему понравился. Когда я вас извещу телеграммой, вы его привезите. Адреса я не знаю, где он живет, но вы так узнайте...

И действительно, спустя недели три получаем мы от матушки телеграмму с просьбой привезти доктора. Я уже заранее просмотрел по книге «Весь Петербург» адреса всех докторов Александровых, съездил к ним и узнал, кто из них был у отца Иоанна. После телеграммы я отправился по определенному адресу. Но оказалось, что доктор уехал на Кавказ. Что тут делать? Сейчас же послал ему телеграмму с просьбой указать заместителя. Тотчас же он нам ответил телеграммой и указал другого доктора. Я отправился по новому адресу. Тот согласился ехать в Кронштадт, но так как было уже 11 часов вечера, то мы решили выехать уже утром и утром же были в Кронштадте. Батюшка чувствовал себя немного лучше, как сообщила нам встретившая нас матушка. Доктор присел, чтобы обогреться. Вдруг дверь из комнаты Батюшки открывается, Батюшка выходит и идет прямо к нам, подходит к доктору и неожиданно говорит: «Христос Воскресе!» – и троекратно христосуется. Я в недоумении смотрю на Батюшку. Потом он подошел ко мне, благословил меня и позвал доктора к себе в кабинет.

Около часа доктор пробыл вместе с Батюшкой. Потом выходит Батюшка радостный и говорит: «А ведь вот доктор велел мне воздухом подышать. Пускай заложат лошадь. Спасибо тебе (Батюшка повернулся ко мне), большое спасибо за такого хорошего доктора», – и поцеловал меня крепко в щеку. Это для меня было так неожиданно и вместе с тем так

радостно, что у меня слезы выступили. Я рад был, что хоть сколько-нибудь услужил Батюшке. А он говорит своей жене: «Хозяйка, распорядись накормить В.В. всем, что у нас есть лучшего, накорми обедом, пирогом, который сегодня принесли!» Усадил меня за стол, а сам отправился кататься вместе с доктором.

На обратном пути в Петербург, когда мы с доктором сели в Ораниенбауме в поезд, доктор мне говорит: «А ведь отец Иоанн действительно подвижник, и все, что про него пишут, все это ложь. Почему он меня встретил возгласом «Христос Воскресе!»? Он воскресил во мне Христа. Я теперь вспомнил: отец Иоанн есть тот священник, который исцелил мою жену от истерических припадков, которые называют беснованием. Она не могла выносить близости креста и икон. Я был тогда молодым врачом в Вологде. Проезжал тогда чрез Вологду к себе отец Иоанн. Я был ветреным молодым человеком, неверующим, а теща моя была очень верующая, и она попросила Батюшку заехать к нам. Он побывал у нас, помолился, возложил на голову моей жены руки и припадки прекратились. Но я считал это случайностью, самовнушением; был, конечно, доволен, что жена моя стала здоровой, но не придал никакого значения силе молитвы отца Иоанна. Даже не поинтересовался, кто он такой и откуда он. И вот теперь, благодаря вашему случаю, я встретил его и убедился, что это действительно подвижник. Мой случай в Вологде Батюшка, оказывается, помнит. Там, конечно, было не самовнушение, а исцеление...» Мне было особенно радостно слышать это признание врача.

Это свидание с Батюшкой было нашим последним свиданием. Как мне передавали, со слов Батюшки, Господь потому не дал ему исцеления, что он сам исцелял многих, а исцеляя, брал болезни на себя и должен был выстрадать.

При втором моем приезде в Оптину пустынь старец Варсонофий сказал мне: «А мне явился отец Иоанн Кронштадтский и передал вас и вашу семью в мое духовное водительство и добавил потом: – Вижу я батюшку отца Иоанна, берет он меня за руку и ведет к лестнице, которая поднимается

за облака, так что не видать и конца ее. Было несколько площадок на этой лестнице, и вот Батюшка довел меня до одной площадки и говорит: «А мне надо выше, я там живу», – при этом стал быстро подниматься кверху...»

Потом отец Варсонофий рассказал про свою встречу с отцом Иоанном в Москве. «Когда я был еще офицером, мне по службе надо было съездить в Москву. И вот на вокзале я узнаю, что отец Иоанн служит обедню в церкви одного из корпусов. Я тотчас поехал туда. Когда я вошел в церковь, обедня уже кончалась. Я прошел в алтарь. В это время отец Иоанн переносил Святые Дары с престола на жертвенник. Поставив Чашу, он вдруг подходит ко мне, целует мою руку и, не сказав ничего, отходит опять к престолу. Все присутствующие переглянулись и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни, и решили, что я буду священником. Я над ними потешался, так как у меня и в мысли не было принимать сан священника. А теперь видишь, как неисповедимы судьбы Божии: я не только священник, но и монах». При этом батюшка отец Варсонофий сказал между прочим: не должно уходить из церкви до окончания обедни, иначе не получишь благодати Божией. Лучше прийти к концу обедни и достоять, чем уходить перед концом.

Другой оптинский иеромонах, Варсис, рассказал мне, что с ним произошел тот же случай, что и со мной, когда отец Иоанн меня приобщил двумя частицами Тела Господня. Это, по его мнению, было указанием его монашества. Отец Варсонофий не мог объяснить сего случая, но сказал, что он, несомненно, означает что-то важное. Вообще старец большое значение придавал поступкам священника после того, как он приобщится. «Бывало со мной несколько раз – говорил старец, – отслужишь обедню, приобщишься и затем идешь принимать народ. Высказывают тебе свои нужды. Другой раз сразу затрудняешься ответить определенно, велишь подождать. Пойдешь к себе в келью, обдумаешь, остановишься на каком-нибудь решении, а когда придешь сказать это решение, то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это есть действительный ответ и совет, которого если спрашивающий не исполнит, навлечет на себя

худшую беду. Это и есть невидимая Божия благодать, особенно ярко проявляющаяся в старчестве, после приобщения Святых Таин».

А. Доганович. Из моих воспоминаний об отце Иоанне Кронштадтском

Много лет тому назад у меня стала развиваться чахотка. Пользовавшие меня врачи и профессора советовали мне отправиться летом на кумыс. Я понимала, что это было необходимо ввиду серьезности моего положения. Со смутным чувством в душе собиралась я в дорогу. В это время вышло в свет первое издание моей детской книжки «Печальник земли Русской». Перед самым отправлением на юг я попросила свою матушку отвезти десять экземпляров моей книжки отцу Иоанну Кронштадтскому для Андреевского приюта (или куда он пожелает) и испросить благословения мне для путешествия. Матушка моя высоко чтила отца Иоанна и давно собиралась съездить в Кронштадт. Она с радостью взялась исполнить мое поручение. Проводив меня на железную дорогу, она отправилась в Кронштадт. Отца Иоанна она увидела в Доме трудолюбия, в чьем-то номере. После молебна она подала Батюшке книги и передала свою просьбу.

Взглянув на книжки, отец Иоанн велел взять их своему псаломщику, чтобы тот одну оставил для приюта, а остальные предоставил в общее пользование. Тот сейчас же роздал их публике. Моей матушке отец Иоанн сказал:

– Да благословит ее Бог... путь ей добрый! Пусть поправляется!

А мне между тем на кумысе врач боялся назначить пить кумыс ввиду появившегося кровохаркания, чтобы не усилить его. Осторожно сделали пробу с полстакана. Но влияние кумыса оказалось для меня благотворным, и порции его быстро увеличивали, пока я не дошла до 20 бутылок в день.

С того лета я начала оправляться от своего злого недуга.

Впоследствии я несколько раз видела отца Иоанна: и когда он выглядел молодым, бодрым, свежим и радостным, с мягким и ясным голосом, проникавшим в самое сердце, и видела его уже постаревшим, с изменившимся от катара горла голосом,

хотя одинаково мягким и проникновенным, и с потемневшею кожею лица...

Я коснусь лишь общей исповеди в Андреевском соборе, на которую я попала при своем посещении Кронштадта.

Мы поехали туда втроем и по прибытии в Кронштадт прямо направились в Дом трудолюбия. Нам отвели прекрасный номер, только что перед тем освободившийся.

Одетая во все черное девушка при Доме трудолюбия объявила нам, что отец Иоанн вернулся из Петербурга и скоро придет служить молебны в Доме трудолюбия.

– Хотелось бы нам отговеть, а мы и не постились, – заметил один из спутников.

– Так вы попоститесь сегодня да завтра – сказала девушка. – Многие так делают.

Мы так и решили сделать. Действительно, вскоре явился отец Иоанн и вошел к нам легкою бодрою походкой. По его свежему цветущему виду, с легким румянцем на щеках, и общему оживлению нельзя было предполагать об усталости после путешествия в столицу, где он провел целый день в трудах, разъезжая по больным и служа молебны. Его светло-голубые глаза проникновенно и в то же время с лаской остановились на нас.

– Здравствуйте, друзья мои! – приветствовал он нас, преподавая благословение.

Его взгляда, кроткого и мягкого, невозможно было выдержать. Казалось, он читал на дне души самые сокровенные мысли, проникал в самую глубь грехов... Невольно поникали у всех взоры.

– Доброе дело, доброе дело, – ободряюще сказал он нам. – Вот сегодня помолимся, а завтра приходите к утрени в собор, на исповедь, а за обедней и причаститесь.

И он встал перед образом, велел своему псаломщику сказать, кто просил его молитв. Пришедший за ним народ столпился у дверей, и там слышались вздохи. Псаломщик, перебирая письма, быстро перечислял:

– Из Томска просят помолиться за болящего раба Василия, из Тулы – за младенца Александру, из Херсона – за отрока

Алексия и т.д.

При каждом имени отец Иоанн, повторяя его, вслух молился, осеняя себя крестным знамением.

– Пошли, Господи, исцеление страждущему рабу Твоему Василию... Буди милость Твоя, Господи, к младенцу Александре... и т.д.

Все присутствовавшие невольно молились вместе с ним. Это подготовило настроение к молебну, который сам по себе произвел особенное впечатление, несмотря на свою непродолжительность.

Затем отец Иоанн так же дружелюбно простился с нами и отправился для молебнов в верхний этаж здания. Необыкновенно легко для своих лет он взбегал по лестнице. Прислужницы и народ желали поддержать его под руки, но он, видимо, совершенно не нуждался в этом, опережая их.

Мы спросили самовар. Подавшая его девушка предупредила нас, что разбудит нас поутру в четвертом часу, чтобы нам вовремя попасть в собор. Мы наскоро напились чаю и снова стали на молитву, охваченные каким-то высоким настроением. Было уже поздно, и волнения дня дали себя почувствовать. Надо было подумать об отдыхе. В одежде мы прикорнули где попало, нарочно, чтобы не проспать службы. И действительно, сами по себе поднялись раньше 3-х часов.

Пришедшая будить девушка удивилась, застав нас бодрствовавшими. В полусвете еле начинавшегося погожего утра вышли мы на улицу, по которой тянулись к собору богомольцы, а самый храм уже окружала густая толпа народа.

Вскоре в воздухе раздался первый удар колокола. Звук его мягко разлился по воздуху. Народ стал креститься. Когда отворились двери храма, толпа хлынула внутрь неудержимой волной. Мы были подхвачены течением, и я вскоре очутилась у решетки солеи, разъединившись со спутниками.

Колокол продолжал гудеть, а народу в храме прибывало все больше и больше, хотя в нем уже было так тесно, что негде было упасть яблоку. Я не без страха озиралась по сторонам.

Вдруг явился сторож от отца Иоанна, который дал разрешение провести меня на солею. Сторож хотел провести

меня одну, но не тут-то было: народ ухватил его и меня за руки, за платье, и мы толпой двинулись к боковым дверцам.

Вскоре вышел отец Иоанн и стал читать канон. Чтение его производило сильное впечатление, слова канона получали как бы особенно глубокий смысл и значение. Несмотря на многолюдство, в храме водворилась полная тишина, все внимательно слушали чтение и проникались им. В устах отца Иоанна каждое слово получало особый вес, несло новое откровение.

Заутреня шла долго. Но усталости не замечалось. Своим оживлением, своей одухотворенностью отец Иоанн поддерживал настроение многотысячной толпы. Все взоры были устремлены на него, и он владел душой каждого.

Меня и на солее тесно прижали к решетке. Рядом со мною стояла нарядная купчиха с дочкой, обе во всем белом, а возле образа почти всю службу лежала, распростершись ниц, изможденная молодая женщина в черном платье и белом платочке на голове.

Но перехожу к самой исповеди. Отец Иоанн вышел к народу в сильном нервном подъеме, и слова его обращения к богомольцам звучали необыкновенной силой и властью.

– Покайтесь Богу во всем – говорил он, – хоть сами-то пред собою не солгите, оправдывая свои грехи!..

Дрожь пробежала по телу от этого вещего голоса, прорезавшего смрадную греховную атмосферу наподобие Божьего грома.

Раздались всхлипывания в толпе, глаза всех увлажнились слезами.

– Кайтесь все, блудники и блудницы!.. – гремел голос отца Иоанна.

– Я окаянная блудница! – услышала я вблизи себя.

Из глаз молодой простолюдинки лились обильные слезы, которых она не вытирала. Седобородые мужики всхлипывали, как дети. Все или шептали что-то про себя, или говорили вполголоса, забыв об окружавших.

– Покайтесь, душегубы и убийцы вольные и невольные! – прозвенел на высокой ноте голос отца Иоанна.

Эти слова обрушились, как могучий удар, больно хлестнув всех по сердцу. Что тут произошло в храме – трудно передать. Из всех грудей исторгнулся вопль, словно каждый чувствовал себя убийцей. Немолчный ропот людских голосов наполнил храм, словно прибой морских волн, на которых, как белые гребешки, взлетали отдельные выкрики каявшихся.

– Я – убийца, окаянная! – как-то взвизгнула пожилая женщина в храме близ решетки солеи.

Плакали решительно все. Покаяния столь искреннего, столь совершенного мне никогда не доводилось ни испытывать самой, ни видеть вокруг себя. Чувствовалось, что не только глаза, но само сердце исходит слезами, омывается ими... Забыто было все на свете. Мир словно перестал существовать, все сосредоточивалось на одном времени – пребывании в храме. Только тут ясно понимались слова: храм есть небо на земле. Кто испытал такие ощущения, тот словно был уже на небе... Оттого и не чувствовалось усталости, хотя обедня отошла поздно, а причащение окончилось лишь во втором часу... Перед отцом Иоанном ставили на постамент Чашу величиною с миску, и таких Чаш подали ему пять, несмотря на то что одновременно с ним, в боковых приделах, причащали народ два других священника. Но все, видимо, стремились причаститься из рук отца Иоанна.

Короткое пребывание в Кронштадте оставило во мне неизгладимое впечатление на всю жизнь.

С тех пор я всегда обращалась к отцу Иоанну письменно или по телеграфу при всяком горе и болезни и всегда неизменно получала или душевное утешение, или физическое исцеление. Из благодарности к почившему в Бозе отцу-молитвеннику, к которому я навсегда сохраню благоговейную память, я не могла молчать и спешно набросала эти строки.

Хочется закончить так: о, как счастливы все мы, видевшие и знавшие кронштадтского пастыря!

Е. Поселянин. Памяти истинного пастыря

Если б вдруг с неба слетел ангел с лицом, озаренным сиянием горнего света, и стал бы нам рассказывать о тайнах райской стороны, если б, насладив нашу душу этими рассказами, он, тихо взмахнув белоснежными крыльями, понесся обратно в родной, святой край, мы бы долгим взором следили за его полетом, нам казалось бы, что он уносит с собой какую-то лучшую частицу нашей души туда, в высоту, и как бы пали пред этим светлым явлением все наши сомнения, с какой бы, казалось нам, осязательностью схватились бы мы за край того неба, куда понесся чудный гость...

Так подобными слету такого ангела с небес были появление и жизнь среди нас на земле чудного пастыря отца Иоанна Кронштадтского.

Он был один из тех людей, о которых можно сказать, что они приносят с собой на землю кусок Неба и заставляют всех приближающихся к ним ясно чувствовать эту окружающую их небесную область.

Тайна его воздействия была в том, что то, во что другие верят как-то смутно и гадательно, то он словно видел своими земными очами, словно осязал своими руками.

Он мог, указывая на иконы, сказать, как сказал с небесной улыбкой на лице незадолго до смерти своей дивный старец саровский Серафим: «Вот мои родные». Небо было для него более близкой областью, чем земля. Здесь, на земле он казался залетным «гостем райской стороны».

И вот, взмахнув крыльями, он понесся в святую отчизну. И мы стоим задумчиво, вспоминая этот счастливый полет и отыскивая в небе, не остался ли след этого его восхождения «в горняя».

Я в первый раз увидел отца Иоанна в Москве в доме полковника Леонида Михайловича Чичагова, теперь Преосвященного Серафима, епископа Кишиневского, и его гостеприимной и милой супруги красавицы Натальи

Николаевны, происходившей из памятной в военной летописи семьи Дохтуровых.

Отца Иоанна долго ждали и в ожидании его шла интересная духовная беседа.

Помню одну особу, которая с большим подъемом долго рассказывала о великом старце Серафиме Саровском и о его Серафимо-Дивеевском монастыре. Рассказ, который заронил в мою душу желание самому видеть это священное место.

Наконец, отец Иоанн приехал и, благословив присутствующих, стал служить водосвятный молебен. И в первом кратком слове, которое он произнес перед началом молебна, меня удивила и властность его тона, и уверенность в то, что он говорил.

Приглашая людей помолиться с ним, о чем всякому нужно, он закончил свою речь словами: «Будем молиться Ему, уверенные, что Он нас услышит, что Он не может нас не услышать. Будем говорить с Ним, как дети со своим Отцом, как созданные со своим Творцом, как искупленные со своим Искупителем».

Затем мне пришлось увидать его через несколько лет уже в Петербурге.

Я еще студентом приехал в Петербург по делам, и мне чрезвычайно захотелось видеть отца Иоанна для того, чтобы поговорить с ним не спеша, с глазу на глаз. Мне советовали сесть в тот поезд Балтийской железной дороги, с которым он вечером уезжал к себе в Кронштадт, и я отправился на Балтийский вокзал.

Когда отец Иоанн вошел, я был поражен одной подробностью, которую не раз замечал и впоследствии, когда видал его в толпе народа. Он шел, окруженный густой кучкой людей, как-то немножко опрокинувшись, словно отдаваясь на волю этой толпы и ею несомый, и вместе с тем казалось, что эту толпу он увлекает сам вперед.

И тут, в эту минуту, я понял значение этого человека.

Он сам как пастырь вел за собою народ, но и усердие к нему народное как бы его воспламеняло и поддерживало. Здесь было чудное воздействие пастыря на народ и народа на

пастыря. И они словно оба помогали друг другу в шествии вперед к Царствию Небесному.

Мне удалось тогда, как я и предполагал, сесть в вагон с отцом Иоанном. До отхода поезда я видел продолжение тех добрых дел его, какие, как из рога изобилия, сыпались у него повсюду, где он появлялся. Нищий с противоположной от вокзала стороны вдруг попросил у него в окно, и он протянул ему несколько рублей. Потом подошли какая-то бедная мать с девочкой. Посмотрев на девочку, отец Иоанн ласково положил ей руку на плечо, потом зорко посмотрел матери в лицо и, подавая деньги, сказал ей: «Нехорошо живешь, не для тебя даю, а вот для девочки».

Поезд, наконец, тронулся. Я мог спокойно поговорить с отцом Иоанном. Время было декабрьское, холодное. Окно, у которого мы сидели в пустом вагоне, было открыто, и я хотел поднять его. Но отец Иоанн сказал со своей ласковой улыбкой: «Оставьте, я люблю воздух, я ведь северный медведь». Ему, напоенному суровым архангельским воздухом, всюду казалось душно. Петербург и Кронштадт, овеваемые морским воздухом, были ему как раз под стать. Мне рассказывали, что, например, в континентальной Москве он чувствовал себя плохо.

Я тогда проехал с ним несколько станций и мог поговорить обо всем, что было мне нужно.

Затем через год я увидел его снова и опять в Петербурге. Это было в первый день моего приезда. Я остановился у большой его почитательницы княгини М., которая мне сказала, что в тот день ожидает отца Иоанна. И пока он, ходя по квартире, окроплял комнаты святой водой, я опять ему наедине сказал несколько слов. Я участвовал в издании только что отпечатанной книги из истории Русской Церкви, и он положил почин, дав за нее, как сейчас помню, один бумажный рубль, где-то у меня хранящийся. Рука оказалась у него легкой, так как пять тысяч экземпляров книги разошлись скорей чем в один месяц.

Потом приходилось мне видать его то вблизи на каких-нибудь молебнах, то издали на улице. Идешь, бывало, по

Петербургу, видишь карету, стоящую около толпу народа, спросишь, чего ждут. Ответят: отец Иоанн в этом доме.

От разных частных лиц в разных городах приходилось слышать о чудной силе его молитвы.

Старая московская барыня Петрово-Соловово рассказывала мне, как безумно мучилась с зубами жена управляющего их тамбовского имения, как послали, наконец, депешу отцу Иоанну, и в тот час, как она должна была быть получена, зубная боль мгновенно и совершенно прекратилась.

Еще сегодня слышал о таком случае. Рассказывал счастливый семьянин.

«Я, к сожалению, не могу назвать себя горячо верующим. Как большинство моих современников, я почти равнодушен к вере. Лет тому двадцать после родов умирала моя жена. Лечивший ее доктор объявил положение безнадежным. Я позвал профессора Л. Он сказал: чрез несколько часов начнется агония. Все кончено. У меня в Кронштадте был знакомый – я послал ему с нарочным письмо, чтоб он лично просил отца Иоанна помолиться за жену. Об этом письме я никому не говорил.

Утром с женой случился страшный припадок. Мы послали за первым попавшимся доктором. Явился господин еврейского типа, что мне было как-то неприятно. Видя мою подавленность, он сказал мне:

– Что вы так унылы? Надежда впереди. Положение вовсе не так уж плохо.

Действительно, жена стала непостижимо поправляться и здравствует доселе. Я получил чрез день ответ от кронштадтского знакомого, что отец Иоанн усиленно молился о жене и время его молитвы совпало как раз с тем страшным припадком, после которого ей стало лучше.

Профессора Л. чрез несколько дней я попросил снова. Доселе помню его, стоящего после посещения жены в передней пред своей шубой с широко раскрытыми от изумления глазами... Он даже денег за визит не взял и, уходя, произнес: «Одно могу тут сказать: значит и теперь бывают чудеса».

И вот я вспоминаю об этом и удивляюсь доселе».

Помню его служащим в разных местах: в церкви Лицея в родной Москве, куда я приехал на праздничную побывку, и в деревянной церкви в дачной местности Сиверской, в великолепном храме Иоанновского монастыря... Помню, как, подходя от престола к жертвеннику, сказал он мне доброе теплое слово ободрения и привета. Помню, как с изумлением наблюдал я за ним после освящения Святых Таин.

Казалось, неверующий мог бы поверить, смотря на то, как радовался и любовался он величайшей в мире святыней. То он преклонялся пред нею, судорожно зажав в свои руки, то припадал к Чаше и дискосу головой, то падал пред ней на колени. И как вечно нов был его восторг во время ежедневно, неопустительно совершаемой им литургии.

«Чем воздам я, – спрашивается в псалмах, – *Господу за все,* что он сделал для меня? *Чашу спасения прииму, имя Господне призову* (Пс.115:3:4)».

И вот это ежедневное причастие отца Иоанна было для него актом величайшей и постоянной благодарности Искупителю Богу.

И было ясно, что во время совершения литургии он словно видит тот Крест, с живым страдающим Богом, к пронзенному ребру Которого Ангел сам подносит Чашу с престола, наполняя ее целительною Кровью, видит сам ту Преславную Царицу небес, Которой произносит трепетно слова: «Изрядно о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии».

Весь секрет воздействия и влияния отца Иоанна на народ, весь секрет заразительности, так сказать, его веры заключался именно вот в этой реальности его веры, очами которой он видел то, что мы только предчувствуем, о чем гадаем.

Он, действительно, был ангел, слетевший свидетельствовать людям о славе Божества. Он был как тот отрок, который тогда в Царьграде во время землетрясения был дивно восхищен на небеса и подслушал там напеваемую Ангелами Трисвятую песнь, принес ее на землю и сам умер.

Только отец Иоанн еще долго ходил по земле, постоянно возносясь на Небо и принося оттуда свидетельства о Божестве.

Я помню в год его болезни, когда я несколько раз, снесшись с ним телеграммой, посещал его в его доме в Кронштадте. Всякий раз одетый в шубу и шапку – дело было зимой – он ждал меня в сенях своего дома и затем проводил в свой кабинет.

В последнее посещение я попросил его дать мне в благословение какую-нибудь икону. Икон в кабинете его стояло много, и взор мой упал на икону Умиления Божией Матери, перед которой скончался преподобный Серафим Саровский. К этой иконе я имел всегда особое чувство. Я подумал: «Ах, если б Батюшка дал мне именно эту икону».

Я не успел выразить эту мысль словами, не успел ничего попросить у него, как он быстро из всех стоявших тут икон взял именно образ Умиления и на исподней стороне доски своим нарядным, мягким почерком сделал надпись.

Я помню и шествие его похорон в темноте декабрьской ночи по освещенным улицам Петербурга, средь несметной толпы народа, стоящей в молчаливом и сосредоточенном ожидании.

Это были не похороны, это было как бы перенесение мощей чтимого чудотворца. И мысль моя потом переносится к той беломраморной подземной церкви, где под большой беломраморной плитой отдыхает земная оболочка этого преславного храма Духа Святаго.

Сколько со всех сторон России сносится сюда слезных просьб и молитв, и как много подается здесь помощи, утешения и исцеления этим пастырем с его сердцем, еще более распространившимся в новой форме его бытия…

И если тогда, в те земные дни свои отец Иоанн с упорством жены хананейской хватался за ризу Христову и не выпускал ее из рук до тех пор, пока не получал просимое, то теперь, предстоя у Престола Вседержителя, как еще сильнее стала его молитва и как чудны те связи, которые чрез эту дорогую могилу с беломраморным надгробием, окруженным усердно приносимыми цветами, связывают русский народ с возлетевшим в небеса и прискорбную землю не забывшим истинным пастырем…

И возможно ли было не кланяться ему земно, не любить его всей душой?! Несомненно, отец Иоанн обладал чем-то нездешним, потусторонним. Говорят, «есть души, которые рождаются раньше времени, и витают они по земле, никем не понятые, и болеет такая душа». Думается мне, не была ли таковая и у отца Иоанна.

К.М. Фофанов. Воспоминания о величайшем молитвеннике народном

Скончался человек великой воли и мысли – это был Иоанн Кронштадтский. Всю жизнь он посвятил тому, чтобы приблизить себя к Богу Совершенства – он так искренне желал этого.

Может быть, о нем были слова Н.А. Некрасова:

«Как архангельский мужик

По своей и Божьей воле

Стал разумен и велик».

Но этот «архангельский мужик», знавший и глубоко понимавший Ломоносова, может быть, еще сильнее, еще глубже своего знаменитого земляка веровал в великую нацию, из которой был рожден и творил чудеса этой верой в живой русский народ. Самый скромный из священников в свое время, этот милый и уважаемый пастырь, теперь перешедший в вечность, точно требует моего слова, и я говорю о нем.

Первое мое знакомство с ним, что я узнал только впоследствии, было в 1882 году.

Мне надо было быть тогда летом по одному личному делу в Кронштадте.

Но лица, к которому приезжал, я не застал дома. Пароход ушел, и меня застала ночь под открытым небом. В досаде и горе я присел на скамье бульвара и задремал. Все уже было тихо и пустынно; должно быть, приближался рассвет. Вдруг я заметил: поспешной походкой пробирается по тихому бульвару невысокого роста человек в темной, коричневой рясе.

– Что ты? – строго и отрывисто спросил он меня. Я опешил; необыкновенная участливость прохожего дьякона или священника удивила меня.

Он стоял минуты две, поговорил со мною, хотел выразить свое участие денежной помощью. Я отказался. Он нервно зашагал вперёд. И вот после, через много лет после этой краткой встречи, я убедился, кто тогда, в летнюю ночь, втретил меня забытого и одинокого на бульваре.

II.

Когда жена моя была девушка, она проживала в Кронштадте гувернанткой в семье купца Н.

В эту купеческую семью был вхож отец Иоанн; тогда слава о нем только начинала греметь и в Кронштадте, и далеко за пределами его. Моя жена, воспитанная с детства в строгих церковных началах, в девушках часто подумывала пойти в монастырь. За советом, между прочим, она обратилась и к отцу Иоанну Кронштадтскому.

Батюшка не одобрил ее намерения.

– Не в монастыре надо спасаться, – строго заметил он ей, – а в миру надо спасаться!

Когда же через несколько времени его духовная дочь была помолвлена за меня, она снова обратилась за советом к своему глубокочтимому духовнику.

Теперь он одобрил ее намерение.

– Женщина спасется чадородием – сказал он ей убедительно.

Жена моя еще колебалась в выборе жениха и, слыша обо мне нелестные сплетни, сообщила и об этом кронштадтскому Батюшке.

– Все равно – пусть хоть и пьет, – выходи за него! Это твое назначение.

И еще раз повторил, что женщина спасется чадородием.

Много еще оправданных предсказаний отца Иоанна слышал я из достоверных источников, и мое уважение уже заочно жило и росло во мне, но лично я сторонился и смущался увидеть его вблизи, хотя уже много раз видел его, окруженного густой толпой народа при случайных встречах, то на вокзале, то при выходе из кареты, когда он не успевал сыпать благословением на окружающих.

III

Проживая в Гатчине, я хорошо познакомился и сблизился с отцом Василием Л.

Этот почтенный священник, человек добрейшей души, обладал многочисленной семьей. Он друг покойного Иоанна Кронштадтского, который, не имея своих детей, крестил у своего друга Василия и бывал нередким гостем в его доме,

когда приезжал в Гатчину. Отец Василий также бывал часто в Кронштадте у Иоанна.

– Вы бы посетили общую исповедь! – сказал мне как-то отец Василий.

Отца Иоанна я уважал, знал очень много о нем понаслышке и как-то особенно боялся.

– Я знаю, что это необыкновенное зрелище, но мне кажется, что я вовсе его недостоин, – возражал я, зная, по слухам, что отец Иоанн – очень строгий догматист, а у меня уже было запрещено стихотворение Святейшим Синодом, напечатанное в 1888 году в журнале «Наблюдатель».

Я выразил свое опасение по этому поводу и отцу Василию.

– Все это ничего! Вы не знаете, какой это добрый и чудный человек.

После некоторых колебаний я согласился ехать в Кронштадт вместе с отцом Василием и еще тремя лицами.

IV

Это было в Великом посту 1901 года. Во время всеобщей исповеди в Кронштадте наезжало отовсюду множество народу. Странноприимные дома, Дом трудолюбия, гостиницы – все было переполнено паломниками. Не обходилось здесь и без того, чтобы не было возмутительных или курьезных сцен, а эксплуатация везде хищно разевала рот.

Вокруг доброго пастыря, как вокруг маститого дуба, развивались лишаи, нечистые грибы, вредные мхи, но много было и добросердечия, истинной молитвы. И легенды о великолепных чудесах перемешивались с анекдотами самого странного, а иногда и цинического характера.

О них часто в мелкой прессе печатали тогда и нет надобности повторять.

Помещение, где заночевали мы, было также битком набито и странниками, и странницами, и, что удивительно, прибывшими откуда-то солдатами, которые не стесняясь ночевали с дамским полом; или вернее: дамский пол ради торжественного случая ничуть не постеснялся постоем целой роты молодых солдат.

Везде горело перед иконами по несколько лампад. Домохозяйки просили постояльцев не курить и даже не

впускали курящих на ночлег. В каждом почти помещении для постояльцев ожидался для молитвы батюшка Иоанн, гонящий курение и потому было наложено строгое вето на табак.

Впрочем, нам с отцом Василием отвели небольшую комнату, отдельную, для молитв, и батюшка Василий почти до утра молился, приготовляясь к Святым Дарам.

V

В шестом часу утра мы были уже в алтаре Андреевского кронштадтского собора. Там собралось уже несколько священников из разных епархий. Ждали отца Иоанна, его меж нас еще не было. Признаюсь, я не без внутреннего трепета ожидал прихода знаменитого пастыря. Входили священники и дьяконы, и при каждом входе я трепетал, думая: вот-вот он! Седые, рослые, кудрявые, с прекрасными шевелюрами и лысеющие, молодые и старые иереи собрались в ожидании любимого пастыря, многие уже облачились, а он все медлил. Наконец бодрой, почти веселой походкой, поскрипывая щеголеватыми башмаками, в малиновой изящной ряске вошел он. Невысокого роста, с гладко расчесанными цвета пеньки волосами – его сразу можно было узнать по портретам, многие из которых очень схожи.

Издали его лицо казалось несколько суровым и строгим, но когда он подошел совсем близко и обнял отца Василия, сказал: «А, и дорогой друг Василий тут!» – тогда я заметил необыкновенно ласковое сияние его глаз и лба, который, казалось, светился белизной. Отец Василий представил меня.

Иоанн благословил меня и посмотрел прямо в глаза, точно стараясь в них прочесть что-то, но я уже от этого взгляда светлых и серых, как осеннее небо, глаз слегка смутился, хотя это были простые, добрые глаза, напоминающие глаза добродушных олонцев.

И я почувствовал, что верую, и это, вероятно, он прочитал во мне, и эта вера, должно быть, умилила его.

Быстрым движением руки он взял мою руку и поспешно повлек в притвор алтаря, отрывисто сказав на ходу:

– Ты на исповедь – пойдем!

Невольная дрожь подгибала мои колени – не от боязни, а от благоговения и недоумения к этой оригинальной власти верующего глубоко христианина.

VI

Я стоял перед ним и смотрел на него; он, слегка касаясь аналоя, тихим голосом, скороговоркой спросил:

– Ты из народа?

Это был первый его вопрос, сказанный с нежностью на слове «народ», и опять я увидел успокоительный взгляд духовника.

– У меня отец был купцом, – пробормотал я.

– Ну да, из народа! – утвердительно сказал он.

И мне было отрадно, что он угадал меня. После нескольких незначительных фраз, к моему удивлению, отец Иоанн сказал вкрадчиво:

– Говорят, что ты пьешь... но ты не пьяница!.. Бросить можешь!.. Только враг тебе завидует, потому что твой дар от Бога!.. У тебя большой дар!.. – глядя утвердительно и странно, повторил он – и продолжал, волнуясь и повышая голос: – А враг завидует и вот так и хочет тебя в бездну!.. в бездну!.. в бездну бросить!.. вот так и крутит, потому что завидует Божьему дарованию.

И отец Иоанн при этих словах нетерпеливо делал жест рукою такой, как будто бы сейчас подо мной должен провалиться пол.

Я был потрясен и обрадован – он так свято поощрил меня, что я сразу вырос в собственных глазах и мне стало легко.

После этого, точно давно знакомый, он стал рассказывать о своем товарище П., его однокашнике – семинаристе:

– Способный, очень способный был; учился лучше меня. Я ведь слабо сначала учился. Я три, а он пять за сочинения получал... и стихи хорошо писал... а потом сбился, женился на девке... начал пить... и погиб молодым... в больнице... а может быть, был бы на моем месте.

Эту простую историю он рассказал просто и так трогательно, что мне показалось: я стал ребенком и слушаю своего доброго отца.

VII

После еще нескольких удачных и прозорливых замечаний, которые не хочу сообщать публично, отец Иоанн просил познакомить с моей женой, узнав, что она здесь и в заключение, пристально, пытливо смотря на меня, сказал:

– А я ведь могу сделать все! Что бы ты хотел? Я могу!

Этого я уже вовсе не ожидал; я был и так счастлив, что вижу с глазу на глаз великого пастыря и беседую с ним, что слезы едва не подступили к горлу, и я отвечал:

– Батюшка, ничего не надо! Я уже и так глубоко счастлив, что вижу вас!

При этих словах, отец Иоанн обнял меня и, целуя, сказал:

– Господь благословит тебя!

Так кончилась эта необыкновенная, и радостная, и незабвенная для меня исповедь.

Потом я молился в алтаре и видел необыкновенное богослужение и необычайную, невиданную мною еще никогда молитву великого христианина.

Много священников в чудных парчовых ризах служили вкупе с отцом Иоанном, здесь были и малиновые, и лиловые, и зеленые, и алые, и голубые парчи; сам отец Иоанн был в белой и митра, сверкающая драгоценными камнями, увенчивала его голову. Ладан, особенно приятный, должно быть пожертвованный богатыми купцами, сотни свечей, дорогие облачения – все это переносило меня во времена Владимира – князя Солнышко, и от утомления ли нерв, или от плохо проведенной ночи мне порою казалось, что в клубах ладана проплывало то одно, то другое лицо из близких и дорогих мне покойников.

VIII

Молился же отец Иоанн так, как бы беседовал с кем-то, зримым только ему одному.

В алтаре он молился так же: со слезами на глазах, почти все время стоя на коленях перед престолом.

И слова выговаривал резко, отрывисто, точно убеждал, точно приказывал, или, вернее, настаивал на своей просьбе.

– Держава моя! Свет Ты мой! – восклицал он, подымая руки, со слезами в голосе и вдруг, мерцая драгоценною митрою, склонялся головой до полу.

Это было так неожиданно и трогательно, что и сам хотел восклицать:

– Боже, Боже! Подай же, подай же все то, о чем молит этот служитель алтаря. Он знает, что хочет, и, верно, хочет истинного.

Его общая исповедь была так же необычайна и величественна, когда он выходил из алтаря к бесчисленной толпе народа и начинал резко и влиятельно выкрикивать:

– Покайтесь! Помните, что Бог все прощает, если с верою помолишься Ему...

И тысячная толпа, как один человек, гудела:

– Каемся, Батюшка, каемся!

Он еще властнее подымал голос:

– Если ты вор, если казнокрад – кайся! Если блудница, если блудник, если разбойник – кайся… Бог простит!

Тут начиналось в храме смятение. Многие плакали навзрыд. Многим делалось дурно, кликуши начинали гоготать, лаять или выкликивать безумные слова.

Отец Иоанн благословенным крестом на некоторое время смирял волнение, и народ опять кричал:

– Каемся, Батюшка, каемся!

–

IX

Перед выносом Чаши с Дарами отец Иоанн обратился к толпе со следующими словами:

– Вот вы теперь примите Тела и Крови Самого Христа – и Он войдет в вас, и вы будете близки Ему, как родные. И если Господь Бог возлюбил Сына Своего, то и вас возлюбит, и простит все ваши грехи... Только искренне покайтесь... припомните ваши грехи... помолитесь... и Бог простит вас.

И когда через некоторое время отец Иоанн вынес Чашу с Дарами, толпа благоговейно молчала.

При десятитысячной толпе такое молчание было поразительно; даже кликуши смолкли, только пестрело море

голов, слегка преклоненных. Многие пали на колени.

Мне показалось, что от тысяч сдержанных вздохов в храме пронеслась волна ветра.

И отрывисто, и особенно отчетливо раздалось: «Верую, Господи...»

Причастие отец Иоанн давал щедрыми ложками. Жене моей, когда узнал, что это моя жена, он дал две частицы. И она, и все изумлялись, почему это сделал он.

И что же? Через десять месяцев у нас родились двойни, близнецы: мальчик и девочка.

К Святому Причастию отец Иоанн относился особенно благоговейно и силу исцеления возлагал на него.

Зато в иных случаях он бывал строг. Я видел, как одна молодая женщина, миловидная блондинка, очень нарядная, подошла к Чаше. Отец Иоанн нахмурился, посмотрел на нее строго и резко заметил:

– Сегодня тебе не дам. Проходи!

Женщина отошла, вспыхнула до слез и упала на колени перед ближайшей иконой.

Говорят, иные поваживались причащаться из его рук чуть ли не каждый день. Может быть, и эту женщину он заметил в чем-нибудь дурном, потому-то она в глубоком стыде вдруг сразу вся преобразилась от его слов.

X

Как был бескорыстен отец Иоанн, хотя деньги текли к нему ручьями – это всем известно. Не могу не привести одного случая, иллюстрирующего его отношения к деньгам. Этому я был лично свидетелем.

После литургии, когда разоблачался отец Иоанн, в алтарь Андреевского собора пришел один кронштадтский адмирал, едва ли не покойный Макаров: полный, среднего роста, лысый, с седеющей бородой.

Адмирал о чем-то просил отца Иоанна и куда-то его звал. Отец Иоанн внимательно выслушал его просьбу; тогда адмирал, вынув толстый бумажник со сторублевыми билетами, взял две или три радужных и вручил отцу Иоанну. Отец Иоанн нервно и

как бы брезгливо скомкал новенькие ассигнации, так что они хрустнули, и бросил их на подоконник церковного окна.

– Буду! Буду! – нетерпеливо выкрикнул он, давая понять, что аудиенция кончена.

Можно было бы привести много рассказов о великом священнослужителе кронштадтском, которые я слышал от достоверных и справедливых людей, но умолчу, потому что это завело бы очень далеко.

Закончу же свои неполные и слабые заметки взглядом отца Иоанна на современную литературу. Вот что пишет он, между прочим, в одном из своих сочинений:

«Ныне нужны сильные и пламенные духом Златоусты, Григории, Василии, а то слово мирское, плевельное взяло большую силу в печати, ибо кто теперь не пишет, не печатается и не читает. Все грамотные, образованные; буквально целое море слов изливается на бумагу, а вдобавок и иллюстрируется картинками, да иногда – какими? Иной читатель заглядится, а другой отвернется или раздерет иной лист» (Путь к Богу. 1895. С. 33).

1909 г., 23 января.

Ариадна Тыркова-Вилъямс. То, чего больше не будет

Когда папа бывал на Вергеже, он каждый вечер после обеда шел в часовню молиться. Изредка приезжал священник, то наш, приходской, из далекого села Коломно, отстоявшего от нас на восемь верст, то ближний, высоцкий батюшка. Служили молебен или всенощную. В открытые окна вливался запах елей, берез, трав, цветущего клевера, только что скошенного сена. Птичьи голоса сливались с возгласами священника, и какая-то светлая легкость расправляла душу. Эти службы в нашей тесной часовенке отстаивались незаметно, без усталости и скуки. Иногда званская игуменья привозила свой хор. На белых штукатуренных стенах четко вырисовывались темные фигуры ее клирошанок. Их лица под черными, бархатными, остроконечными шапочками казались еще моложе, вносили в тихую деревенскую часовню своеобразную художественность. Как у мастеров кватроченто, сквозь небольшие окна с толстыми железными решетками виднелась зелень полей, разрисованных красочными головками диких цветов, верхушки далеких деревьев, голубое небо с белым облачным узором.

Мы любили нашу вергежскую часовню, любили ее бездумно, без покаянных тревог о наших грехах, но далекие от бунта, соблазнявшего нас на торжественных богослужениях Владимирского собора. В этой небольшой папиной молельне, где каждая подробность, каждая икона были с детства знакомы, молитвенные слова легче западали в душу, и даже нетерпеливая юность внимательнее прислушивалась к сердечному красноречию длинных акафистов. Положим, не всегда. Если в этот день у нас гостили наши молодые товарищи, если переведенные с греческого многосложные эпитеты вызывали на их лицах сначала недоумение, потом с трудом сдерживаемую улыбку, то нам нелегко бывало подавить заразительный смех. Но в нем не было ничего оскорбительного, вызывающего. Подданными Небесного Царя мы себя не сознавали, но и бунтовать против Него, как против царя

земного, не собирались. Мы об этом не думали, тем более в часовне, где от стен, от открытых дверей, от пчел, гудевших в траве, от большой красной бабочки, залетевшей в окно, от всего веяло ясным спокойствием, светлым миром. Отец это тоже радостно чувствовал. В часовне приподымались грани, разделявшие нас с ним.

Это случалось не часто, в особые, праздничные дни. Обычно он шел молиться один, даже не пытался звать нас с собой. А как бы он был счастлив, если бы кто-нибудь из детей опустился с ним рядом на колени перед его любимым образом Спасителя.

Иногда он пробовал подойти к нам. Раз, когда я уже была курсисткой, он вошел в мою комнату.

– Вот, я тебе подарок принес – сказал он, неуверенно улыбаясь.

Он был человек волевой, с яркими, решительными желаниями, с гневными, порой необузданными вспышками, но в то же время застенчивый, стыдливый. Он все больше стеснялся с нами по мере того, как мы росли, сбрасывали детскую неопределенность и все явственнее сказывались наши собственные желания и симпатии, проявлялись наши личные особенности и свойства. Эту его неуверенную улыбку я уже хорошо знала.

Я с любопытством развернула тяжелый пакет. В нем было три книги – молитвенник, Евангелие и Апостольские Послания, в роскошном синодальном издании с русским и славянским текстом. Я поблагодарила, полюбовалась красным с золотом сафьянным переплетом, подбитым белым муаром, отличной бумагой, крупным шрифтом. Отец слушал мои вежливые слова. И тени набежали на его смуглое лицо с крупными скулами и темными красивыми глазами. Он поцеловал меня и с легким вздохом сказал:

– Может быть, когда-нибудь почитаешь...

Я поцеловала его руку. Где-то теперь эти прекрасные три книги? Я не догадалась взять их с собой, не ждала таких долгих скитаний. А как хотелось бы теперь их иметь!

Другой раз, тогда я уже разошлась с первым мужем и жила в маленькой квартирке, где только в детской висела в углу икона, папа, который очень беспокоился за меня, вдруг спросил:

– Чей образ ты хотела бы иметь? Я хочу тебе подарить.

Вопрос застал меня врасплох. Об иконах и молитве я совсем не думала и тем торопливее ответила:

– Спасителя.

– Хорошо. А я думал – Божьей Матери...

Непривычное чувство виноватости смутило меня. Эти сдержанные, простые слова приотворяли двери в какие-то покои, куда мне не было доступа... А ведь мы жили, опьяняясь самоуверенным сознанием, что весь мир перед нами открыт, что мы все понимаем.

С годами благочестие отца росло. Он все чаще приобщался, все чаще ездил на богомолье, построил в селе Высоком новую церковь. Постройка этой церкви – яркая страница в папиной жизни. У него до самого конца дней был запас кипучей энергии, но он тратил ее на служебные дела, на хлопоты около гнезда, а общественными делами не занимался. Года два был бесплатным секретарем Общества попечения о слепых. Увлекался этой работой, устраивал сборы, мастерские, распространял брошюры. Два раза в неделю принимал у себя. К большому неудовольствию прислуги, наша передняя в эти дни наполнялась слепыми и их родственниками, зрячими. Папа терпеливо выслушивал просьбы, давал справки, направлял, сам ехал куда-то хлопотать. Не знаю, почему он прекратил эту работу, и не понимаю, почему мама, всегда готовая помочь нуждающимся и обремененным, относилась к папиному секретарству с усмешкой. Сама она никогда ни в каких обществах не состояла и дам-патронесс не любила.

Общество слепых – это был конец 80-х годов. Потом пришло наше обеднение, трудности, оскудение жизни. У отца временно опустились руки. Но после того как мама осторожной, но твердой рукой стала распутывать и налаживать хозяйство, у папы опять скопился запас динамической энергии, и он задумал построить в селе Высоком вместо обветшалой деревянной

церкви новую, каменную. Когда он в первый раз заговорил об этом с мамой, она с удивлением на него посмотрела:

– Сколько же это будет стоить? Откуда же ты деньги возьмешь?

– Деньги найдутся, было бы усердие.

Мама пожала плечами, но прав оказался отец. Деньги он нашел. Сам он дать ничего не мог, кроме некоторого количества леса и кирпича. Денег у него совсем не было. Он и Сережа, тогда студент Лесного института, ютились вдвоем в маленькой квартирке в Петербурге. Но папа неутомимо объезжал знакомых и незнакомых, просил, убеждал, настаивал и по рублям, по копейкам собрал-таки те 40000 рублей, которые нужны были на постройку. Ездил в Кронштадт, сколько-то получил от отца Иоанна, стоял там на паперти со сборной книжкой, как дядя Влас. С седыми волосами, с седой, кругло подстриженной бородкой, с живыми, молодыми, черными глазами, он обращал на себя внимание. Осанистый вид и орден на шее, который он в таких случаях надевал, не оставляли сомнения – барин, настоящий барин. Тем охотнее клали на его сборную книжку пятаки простые люди на паперти Андреевского собора в Кронштадте, в Сергиево-Троицкой лавре, в московских церквях, всюду, где он появлялся. Так трудился он несколько лет. Главную поддержку нашел он в отце Иоанне. С тех пор папа стал духовным сыном кронштадтского Батюшки.

Большая радость изливалась на него от отца Иоанна. Не обращая никакого внимания на погоду, в летние бури и в зимние метели ездил папа к нему в Кронштадт и там в алтаре, а иногда в густой толпе богомольцев выстаивал длинные службы. Отец Иоанн был к нему очень ласков, находил время для личных бесед. Отец возвращался от него успокоенный, просветленный. Никогда никто из детей не сопровождал папу в этих поездках. Я себе этого простить не могу. Но все же я отца Иоанна видела, проведя с ним три дня под вергежской крышей, когда он приезжал к нам на освящение высоцкой церкви.

В папиной жизни постройка этой церкви и появление отца Иоанна в нашем доме были важнейшими событиями. Для всех нас, для всей вергежской семьи, это было только одним из

красочных происшествий нашего вергежского живописного бытия. Так же как встреча с отцом Иоанном была только одной из встреч с незаурядным человеком. Мы не могли не поддаться очарованию, из него излучавшемуся, но понять его дарящую силу мы были не в состоянии. Я была еще очень молода, поглощена собственной плохо налаженной жизнью и брала на веру интеллигентскую предвзятость, предубежденность против чудака священника, который привлекает в Кронштадт со всей России тысячи бездельников, лицемеров и кликуш, распространяющих суеверную молву о его чудесах. Все сказки, одурманивающие простой народ. В наше время чудес не бывает. Понятно, что и к чудотворцу мы подходили с ребяческим скептицизмом. Обманщиком мы его, слава Богу, не считали, но удивлялись, почему он терпит, поощряет этот шум, эту толкотню богомолок и богомольцев вокруг него и его церкви.

А когда он появился, когда по желанию отца мы всей семьей спустились вниз к реке встретить отца Иоанна на прибрежном пороге усадьбы и он заглянул ясными, острыми глазами прямо мне в глаза, какое-то теплое волнение поднялось во мне. Я и сейчас вижу свет этих удивительных, глубоко сидящих глаз. Они сияли, точно две лампадки. Такого непрерывного сияния я никогда ни у кого не видала. И у обыкновенных людей глаза могут иногда вспыхивать, загораться лучами, то темными, то светлыми. Из глаз отца Иоанна лучи струились непрерывно. Я тогда не подозревала, не способна была понять, что это отражение непрерывного внутреннего сияния.

Его появление у нас не только отцу, который был счастлив, как влюбленный юноша, но и нам всем принесло большую радость. При его знании людей и прозорливости он не мог не увидать сразу нашу далекость от всего, чем питалась и горела его избранная душа... Он понял, что во всей большой семье только один православный человек – мой отец. Когда папа, уже в гостиной, по очереди представлял ему всех детей, я прочла в пристальном взгляде отца Иоанна понимание и сожаление, что мы так слепы. Он не попытался нас вразумить, тем более покорить. Но разговаривал с нами иначе, чем с папой. С ним

отец Иоанн, хотя они были близки по годам, разговаривал как отец с сыном, с тихой, внимательной лаской. Когда он обращался к кому-нибудь из нас, это просто был приветливый светский человек. В нем было много светской обходительности. Мы это почувствовали в первый же вечер, когда важные гости еще не съехались и в гостиной, кроме нас, были только отец Иоанн и его старый товарищ по Академии, отец Орнатский из Петербурга. Они давно не видались, отец Иоанн обрадовался этой встрече, обнял и расцеловал своего однокашника. Они вспоминали студенческие проказы, когда по ночам украдкой бегали на концерты и перелезали через высокие стены Александро-Невской Лавры, чтобы не попасться на глаза инспектору. Оба священника наслаждались веселыми воспоминаниями своей юности, а мы наслаждались, слушая их, глядя на помолодевшие их лица. Наша незатейливая гостиная потеплела, сделалась еще уютнее. Потом отец Иоанн замолчал. Лицо его переменилось. Он ушел в себя. Мы не поняли, в чем дело, но папа понял. Быть может, светлый гость заранее предупредил его о часах своей молитвы. Папа подошел к Батюшке:

– Если угодно, Батюшка, я провожу вас в сад. Уже темнеет.

Они вышли вместе на балкон и сошли в аллею. Отец Иоанн особенно любил молиться под открытым небом и, вероятно, еще днем, когда папа показывал ему свою усадьбу, выбрал себе нашу липовую аллею, нашу зеленую колоннаду, как естественную молельню. Туда уходил он каждый вечер и возвращался из сада с лицом утомленным и счастливым.

На следующий вечер ему чуть не нарушили этот порядок. Из Новгорода приехал архиерей со свитой. Сразу стало ясно, что кронштадтский Батюшка им чужд и неугоден. Это происходило в самом начале 90-х годов. Синод с недоверчивой подозрительностью присматривался и прислушивался к деятельности отца Иоанна, к его проповедям, к тому растущему поклонению, которое привлекало со всей России толпы народа в кронштадтский Андреевский собор. Это усердие, это скопление казалось Синоду излишним. Отец Иоанн уже был народным, но еще только простонародным пастырем. Среди

духовенства шепотом говорили, что не миновать ему синодальной немилости. Еще не знали, что он вскоре станет близок к царской семье.

Новгородский архиерей в ответ на почтительную просьбу моего отца разрешить отцу Иоанну отслужить у нас в доме всенощную сухо заявил, что служить всенощную будет священник, которого он привез с собой. Бедный папа. Он так мечтал об этой всенощной в нашей столовой. Пришлось покориться.

Вечером все сидели в гостиной. Мама, как полагается, на диване. Рядом с ней старшая из приехавших монахинь. С другой стороны, в кресле, архиерей, который приветливо беседовал с хозяйкой. Священники расположились на стульях вдоль стен. Отец Иоанн молча сидел далеко, под самым окном. Когда настал час его вечерней молитвы, он подошел к архиерею и, как полагается по церковной дисциплине, попросил разрешения уйти. Стоял он близко, но владыка его не замечал. Отец Иоанн вернулся на свой далекий стул. Я видела, как остальные священники украдкой переглянулись. Они-то понимали все значение этой сцены. Через несколько времени отец Иоанн опять подошел с той же просьбой и опять владыка не обратил на него внимания. Опять отошел отец Иоанн на свое место под окном. Та же сцена повторилась в третий раз. Тут уже мама не вытерпела и тихо сказала архиерею:

– Владыка, отец Иоанн что-то хочет вам сказать.

Только тогда архиерей взглянул на кронштадтского Батюшку и, придерживая широкий рукав шелковой рясы, дал ему отпускное благословение.

Папа открыл перед отцом Иоанном дверь на балкон, и Батюшка ушел в сад, в свою облюбованную липовую аллею. По гостиной прошел совсем не христианский сквозняк недоброжелательных чувств... Наша привычка тянуться ко всему и ко всем, кого не одобряют власти, усилила набежавший холод. Мы насторожились против архиерея, повернулись к отцу Иоанну. Он стал ближе, доступнее, понятнее. Тем более что «Отче наш», единственная молитва, которую архиерей

позволил ему прочесть на всенощной, все еще звучала в сердце. Такой молитвы я ни раньше, ни потом не слыхала.

А кругом дома, в темноте на редкость теплой октябрьской ночи, слышались осторожные шаги, заглушенные голоса, шорохи и шепоты, дыхание нескольких тысяч людей. Они пришли и приехали со всей округи получить благословение кронштадтского Батюшки. Все усадебные здания, все сараи не могли вместить паломников, которые наполняли двор, сад, расплылись по всей усадьбе. Настоящая ночная осада, к счастью, мирная. Присутствие этих богомольцев явственнее приезда почетных гостей, среди которых были и губернатор Б. Штюрмер, и обер-прокурор Синода Саблер, говорило о том, что на Вергеже происходит какое-то большое событие. От этой невидимой толпы в дом просачивалась волнующая, светлая напряженность.

Не знаю, нашел ли отец Иоанн в тот вечер в саду тихое место для своей одинокой молитвы, но на рассвете он вышел к народу. Из ложной стыдливости я не спустилась вниз, не отдалась людскому морю, заливавшему наш просторный двор, осталась в своей комнате во втором этаже и только украдкой из-за занавески смотрела на сиявшие счастливым умилением лица старых и молодых, мужчин, женщин, детей. Все лица были повернуты в одну сторону, к крыльцу, где стоял отец Иоанн. От меня его не было видно. Слышен был мягкий, ласковый голос, но слов разобрать я не могла. В толпе крестились. Восклицания, вздохи, похожие на всхлипывания, проносились над ней, долетали до меня. И заражали смутным волнением.

Еще заразительнее пронеслось через мою душу настроение богомольцев в день освящения высоцкой церкви. По деревенской мерке выстроена она была довольно просторно, но так много собралось народу, что только часть попала внутрь церкви. Огромная толпа стояла за оградой под открытым небом, заполняла широкую сельскую улицу, еще при Аракчееве обсаженную березами и прочно вымощенную. День был тихий, солнечный. Волховская даль раскинулась в своей прощальной осенней красе. Служба кончилась. Надо было сходить вниз, к пароходу, который должен был перевезти нас через реку на

Вергежу, где нас ожидал завтрак, накрытый на сотню гостей. Торжественная процессия во главе с архиереем, окруженным духовенством, вышла из церкви. Новгородский владыка, осторожно двигаясь по крутому спуску, на ходу благословлял народ. Вокруг него на обрывистых, изрытых дождями рытвинах теснились и карабкались люди. Архиерея, губернатора и все их окружение они пропускали вежливо, чинно. Но глаза их искали другого пастыря, искали своего кронштадтского Батюшку. Он шел одним из последних среди духовенства. А для толпы он был первым. Как только его завидели, все ринулись к нему. Стало даже жутко: а вдруг давка, вдруг эти все ближе наплывавшие людские волны его стеснят, собьют с ног? Но они только облили, обвили его и, точно на руках, снесли вниз к реке.

К нему были повернуты лица и сердца, за ним следили тысячи глаз, к нему тянулись невидимые нити, токи. Я шла близко от отца Иоанна и физически эти токи ощущала. Это излучение народной души на мгновение снесло, растопило грубую оболочку равнодушного любопытства, затемнявшего мое сознание. Я не любила и не люблю толпу, но в этот сияющий праздничный день я, сама того не сознавая, растворилась в толпе православных богомольцев.

Отец Иоанн был в своей стихии. Он привык ощущать вокруг себя это струение сердец, которое словами передать трудно, а забыть нельзя.

Вспоминая все это, как я радуюсь за папу, что он в подлинном единении с народом так глубоко переживал, так по-детски отдавался духовной близости с кронштадтским Батюшкой. И как горько думать, что мы, вся остальная тырковская семья, прошли мимо этого источника воды живой.

Сельский священник. Незабвенный Батюшка

Вот уже идет пятый год, как скончался незабвенный наш всероссийский Батюшка. Пройдет и больше времени после его блаженной смерти, но имени дорогого Батюшки оно не предаст забвению. Напротив, как отец Иоанн при жизни своей был носителем благодати Божией, так и после смерти эта благодать в нем не оскудевает.

По известиям многих духовных журналов, на могиле отца Иоанна уже совершаются исцеления. Но это понятно, естественно, так и должно быть: если отец Иоанн при жизни своей утешал страждущих и исцелял больных силою Божией, то теперь-то, уже соединившись с Господом в Царстве Небесном, он тем более молится за всех нас, грешных, и особенно тех, которые помнят его. Но мне думается, что отца Иоанна не могут забыть не только те, которые его знали, но и те, кои его и не почитали. Уж очень светла была эта личность! Уж очень много добрых дел оставил после себя отец Иоанн! Сколько он основал монастырей, сколько построил церквей, сколько открыл школ! Почти нет такой нуждающейся церкви, куда бы он не пожертвовал! А его благотворительные учреждения?! А пожертвования бедным семействам?! Всего не перечесть! Так как же его можно забыть? Из рода в род будет передаваться его имя, хотя бы людьми, им облагодетельствованными, а их миллионы! Отчасти к ним принадлежит и пишущий эти строки, почему и считает своим священным долгом открыть это глубокоуважаемой редакции «Кронштадтского Пастыря».

Я хочу сообщить о двух случаях из жизни отца Иоанна и двух снах об отце Иоанне, виденных мною уже после его смерти.

Когда я еще учился и был мальчиком, то много слышал и читал об отце Иоанне. Тогда уже я представлял его себе утешителем народным и сам со своим детским горем и нуждой часто обращался к нему и мысленно и письменно. Хотя отец Иоанн никогда мне не отвечал, но всегда мне было легче, и

дела мои увенчивались успехом. Я верил, что это мне помогал отец Иоанн.

С летами моя вера в молитвы Батюшки возрастала. Когда в моей жизни наступила пора юности и я, обуреваемый и юношеским пылом, и современными учениями, не знал, куда направить свой путь, хотя и чувствовал влечение к священству, я опять обратился с письмом к Батюшке. Он мне не ответил, но все мои сомнения исчезли, я был извлечен из среды развратителей-товарищей, я был уже накануне священства. Вскоре я был рукоположен во диакона.

После всего этого мне страшно захотелось побывать у дорогого Батюшки. Каково же было мое удивление, когда Господь и жену мне послал единомысленную мне!

Она уже, как оказалось, была в Кронштадте. Нечего и говорить, что у нас не было никаких препятствий, чтобы побывать вместе у дорогого Батюшки.

В мае месяце 1904 года мы поехали в Кронштадт. Как показалась нам длинна дорога! И понятно почему: нас ничто не интересовало, кроме отца Иоанна. Благодарение Богу: вот и Кронштадт! Но что это такое? Город или монастырь? Сколько мы проехали городов, какой везде шум и суета! В Кронштадте же ничего подобного не увидишь: всюду тишина и спокойствие; только все улицы, особенно около собора, переполнены богомольцами с котомками на плечах, очевидно, приехавшими издалека. Они-то и говорят между собою о монастыре. Меж ними можно видеть и интеллигентных богомольцев, но их не отличишь от жителей города, потому что, кого бы вы ни встретили на улицах города, ни на одном лице вы не заметите той «суеты сует», которая видна в жителях всех городов. Отец Иоанн наложил свой отпечаток на весь город, весь город поддался его обаянию. Не знаем, как там теперь. Но как там было отрадно при Батюшке!

Я чувствовал себя как дома и так же был покоен и радостен, как и все, хотя еще и не видел отца Иоанна. Вот где действительно благодать Божия!

Мы остановились в Доме трудолюбия, где также на всем отражалось влияние отца Иоанна. Величие здания, чистота,

устройство номеров с проходными дверями для скорейшего хождения с молебнами отцу Иоанну по богомольцам, накрытые столики в передних углах пред иконами с приготовленными мисками с водой для освящения, портреты Батюшки на стенах – все говорит о нем...

Мы решили повидаться с Батюшкой в своем номере, хотя мне и была возможность, как духовному лицу, видеть Батюшку и на дому.

Мне сказали, что все духовные лица, бывающие у отца Иоанна, служат с ним литургию, для чего прежде исповедуются у кого-либо из священников. Я пошел к отцу Андрею, священнику церкви Дома трудолюбия; это – славный старичок!

Он меня предупредил, что отец Иоанн любит, чтобы ему говорили о своих нуждах громко, коротко и ясно.

Я понял, что с Батюшкой говорить много нельзя, но мне и не надо было этого: я приехал к нему только для того, чтобы помолиться с ним да спросить благословения принять священство.

С нетерпением я ждал следующего дня. Почти всю ночь я не спал, а под утро едва заснул, как ударили в большой колокол к утрени. Я вскочил с постели и тотчас же вспомнил: «Ведь я готовлюсь служить с отцом Иоанном, о котором я когда-то только слышал да читал, а тут буду в тесном с ним общении через Божественную литургию! И отрадно, и страшно. А что если он найдет во мне пороки, которых еще я и сам не знаю, да отстранит от священнослужения?!»

Это-то меня и пугало... А колокол все звонил. Я посмотрел в окно на улицу: она была полна народу. Помолившись Богу, пошли и мы в собор.

С трудом пробрались мы до собора; особенно много народу было около дома Батюшки, где богомольцы дожидались выхода отца Иоанна... В соборе было все полно. Кое-как устроив в храме свою жену, я прошел прямо в алтарь. Но и здесь уже было полно. Как в соборе никто не обращал внимания друг на друга, так и в алтаре на меня даже и не посмотрели. Все ждали отца Иоанна, взоры всех устремлены были по направлению к выходу, к домику Батюшки. Точно магнит какой, он еще до

своего появления привлекал к себе сердца всех. Все были сосредоточены, собраны в себе...

Но вот раздался крик: «Батюшка, помоги! Батюшка, помолись! Кормилец наш родной!» – «Батюшка едет!» Застывшая сосредоточенная народная лава всколыхнулась и ринулась за экипажем отца Иоанна. Страшно было смотреть на эту картину. Можно было ожидать: вот-вот кого-нибудь задавят, но этого не случилось. Только тогда несколько успокоился народ, когда отец Иоанн, тем же боковым ходом, которым прошел и я, оказался в алтаре. Здесь такого смятения не было. Батюшка сам всех благословлял и со всеми здоровался. Я попросил у него благословения служить литургию. Он благословил.

Но начали служить только еще утреню.

Утреню отец Иоанн не служил, но все время то был занят письмами, телеграммами, богомольцами в алтаре; то выходил петь и читать стихиры и канон на клиросе. Я заметил потом, что Батюшка пел и читал, и служил как-то особенно: всем своим существом отдавался молитве, что и заметно было на его лице и движениях. Можно было думать, что на пути к Богу он ведет сильную борьбу с диаволом. Читал он не так, как мы читаем, а просто говорил, беседовал с Богом или святыми. Приятно слышать такое чтение, но мы не умеем так читать: для этого надо быть отцами Иоаннами.

И как же действует такое служение Батюшки на народ! Смятение, которое было пред приездом отца Иоанна, совсем не прекратилось в соборе, и с появлением отца Иоанна из алтаря на клирос шум усилился. Народ, увидев его, не обращал внимания, что идет утреня, громко его приветствовал: «Батюшка ты наш родной, кормилец!» и т.п. Но только начал отец Иоанн читать, как все утихло... Взоры всех были устремлены на него, и все с ним сливались в молитве. Вот кончена утреня. Готовимся к литургии.

Облачается много приезжих священников. Служба у Батюшки всегда бывает соборная. Замечательно то, что и за службой себя все чувствовали, как дома, свободно: потому ли, что все были заняты Батюшкой и сосредоточены в себе, или

почему-нибудь другому – не знаю. Во все время службы лицо его какое-то неземное, светлое, румяное, живое. Отец Иоанн вообще был человек живой, подвижный; движения его были быстры, речь отрывистая, сильная. Но в минуты сильного прилива благодати Божией на него он молчал. Только по лицу его было видно, что с ним Господь, и это все чувствовали почти что видимо. В это время он и не походил на отца Иоанна, и был точно ангел, слетевший с неба; тогда стоял он неподвижно, закрыв очи: вероятно, душа его переносилась на небо и там уже совершала литургию в Небесном Воинстве. Вот настал момент причащения. Как все живо чувствовали присутствие Христа! Точно на Тайной вечери. Как отрадно было на душе! Побольше бы таких минут!.. Отдернулась завеса. Батюшка предстал перед народом. Что тут произошло, описать нельзя! Тут были и плач, и слезы, крики, стоны – все просили молитв отца Иоанна... Он начал говорить слово. Народ умолк. Он говорил, как надо приступать к общению с Богом в Святом Причащении, что такой шум, смятение не угодны Богу, и он, если толпа не умолкнет, не станет причащать. Но только он замолк, как опять поднялся шум. Отец Иоанн причастил только несколько человек, а затем объявил, что отказывает народу в причащении, и ушел в алтарь. Поднялся еще больший шум. Все были в недоумении. Совершенно неожиданно у меня появилась храбрость, и я на весь собор закричал, что из поведения богомольцев можно думать о нежелании причаститься Святых Христовых Таин, что они этим доставляют Батюшке великую скорбь, что, значит, они пришли не за помощью к Батюшке, а чтобы оскорбить его и т.д. Просил и умолял их утихнуть, чтобы загладить свою вину. К моему удивлению, Батюшка вышел, народ стих, и он стал всех причащать. Может быть, и не я подействовал на народ, а молитва Батюшки, но я был до крайности счастлив, что как бы помог Батюшке успокоить народ.

Долго шло причащение, и я с нетерпением ждал, когда оно кончится, чтобы опять ближе быть к отцу Иоанну. Но вот кончилось причащение, отошла и обедня. Народ опять заволновался. Отец Иоанн быстро вышел в боковые двери, прямо из алтаря. Что там происходило, я уже не видел, потому

что был еще в соборе. Когда я пришел в Дом трудолюбия, там уже все были на ногах: ждали с молебнами отца Иоанна.

Настроение опять было такое, как пред обедней: что если Батюшка обличит и отвергнет? Чувство своего окаянства пред такими людьми все испытывают.

Но вот приехал и Батюшка! Молебны начал он служить с нижнего этажа, а потом стал подниматься наверх. Скоро он оказался и в нашем этаже.

Быстро он ходит и служит молебны, но громко и отчетливо, его пение слышно далеко. Все, и мы в том числе, с нетерпением ждали к себе в номер Батюшку, сердце ныло... Вот дверь отворилась! Вошел Батюшка, быстро благословил нас и начал молебен. Чувства страха как не бывало, присутствие отца Иоанна уничтожает его, молиться с ним легко.

Положил я на столик 5 рублей за молебен. Молебен кончился. Отец Иоанн не взял денег; тогда я отдал их псаломщику, но Батюшка быстро возвратил их мне и сказал: «Мы со своих денег не берем».

Я поблагодарил и стал спрашивать его совета, чтобы принять священство.

Он пронзил меня своим взглядом и громко сказал: «С Богом!» Я попросил его еще подписать портрет нам в благословение, он быстро исполнил и это, спросив, как звать меня, жену и нет ли у нас детей. Встав со стула, он благословил нас и хотел уже идти в другой номер, как мне пришло в голову спросить что-нибудь из его сочинений. Не успел я, однако, выговорить слова, как он мне уже ответил: «Хорошо, хорошо!» И быстро вышел. Я был обрадован и опечален. Обрадован общением с дорогим Батюшкой и опечален неполучением книг. Хоть он и обещал мне, но когда же я их получу? Когда он мне их даст? А мне очень хотелось иметь книги именно от него. Тут мне сказали, что отец Иоанн уже кончил служить молебны в нижнем этаже и уже собирается ехать в частные квартиры богомольцев. Я решил, что Батюшка позабыл про книги и еще больше опечалился. Каково же было мое изумление, когда я, еще не опомнившись от всего этого, услышал громкий голос отца Иоанна: «Отец диакон, отец диакон!»

Я думал, что это относится не ко мне, и только недоумевал: что это за смятение по лестнице? А это, оказалось, сам дорогой Батюшка поднимается по лестнице ко мне с книгами и опять кричит: «Отец диакон, отец диакон, вот вам мои книги!» А народ все теснится к нему и окружает его.

Я со всех ног бросился сквозь толпу и очутился около Батюшки. Я взял у него книги, поблагодарил, а он еще меня благословил, и я крепко-крепко поцеловал его руку и, осчастливленный всем, пошел в свой номер.

Я блаженствовал! Счастливее меня не было на свете! А как прост Батюшка! Все время помнил обо мне и сам принес мне книги «Моя жизнь во Христе». Эти книги теперь – мое сокровище. Я и на те 5 рублей, которые Батюшка не взял, купил его сочинения и теперь ими утешаюсь. Удовлетворенные всем и обновленные духом, на другой день мы уже собирались домой. Только ведь всегда с нами так бывает: получив одно счастье, хочется другого. Я вздумал еще получить от Батюшки в благословение карманное Евангелиеце. С этой целью на другой день я отправился опять в собор к отцу Иоанну, где уже он готовился служить. Кое-как протискавшись к нему, я подал ему Евангелиеце и попросил написать на нем благословение. Он меня уже запомнил. Взявши у меня Евангелие, он сказал мне: «Какой ты, Евангелие ему еще надо! Ну, давай напишу». Я не знал, как его благодарить; он быстро сделал подпись и подал мне Евангелие; только подпись еще не засохла; я боялся, чтобы ее не смазать, а дорогой Батюшка сейчас же пошел и взял где-то пропускной бумажки и заботливо приложил к его подписи. Я был тронут его любовью до слез! И не меня одного он ласкал так, а всех, хотя его движения и выговор были грубоваты, но они скрывали Божественную любовь, которую он имел к людям. Поблагодарив его и попросив у него прощения за беспокойство, я попросил его благословить в дорогу. Он благословил. Так мы с ним расстались. Обрадованные, мы простились с дорогим Батюшкой и милым Кронштадтом и поехали домой, унося с собой на вечную память воспоминания о дорогом Батюшке. Да, никто из тех, кто побывал в Кронштадте, не раскаивался в этом! Все здесь чувствовали общение с Богом через дорогого

батюшку отца Иоанна, все чувствовали на себе его любовь, а где любовь, там и Бог!

Может быть, и не интересны эти мои описания, но дороги эти новые штрихи его любви к народу, обрисовывающие его светлый облик. Ради них я это и написал, а не ради себя.

Возвратившись домой, я вскоре был рукоположен во священника, конечно, по молитвам Батюшки.

Через четыре года мы еще собрались поехать к отцу Иоанну. Я был уже священником. По сообщению журналов, здоровье Батюшки уступало уже старческим болезням.

Я предчувствовал, что он долго не проживет, и вот мне, во что бы то ни стало, захотелось повидаться с ним последний раз. Денег у меня на поездку не было. Как тут быть?! Плыть, да быть! У нас в храме был куплен колокол, и мы остались должны заводчику. Вот я и отправился к Батюшке еще и за пожертвованием на колокол, взяв на этот раз свою жену и детей, чтобы Батюшка последний раз благословил всех нас. Денег на дорогу в Кронштадт дали нам церковных, а оттуда я надеялся доехать на пожертвованные, чтобы потом истраченное на дорогу уплатить своими деньгами. Я был уверен, что Батюшка не откажет. Приехали в Кронштадт. Это было в марте месяце 1908 года. В Кронштадте было все по-старому: такое же стечение народу, даже еще больше, такое же монастырское настроение. Остановились мы опять в Доме трудолюбия. Здесь мы узнали, что отец Иоанн очень плох, но все-таки служит ежедневно. Все были грустны, невольно поддались и мы этому настроению: Батюшка – радость наша – собирался в Небесное Отечество, но всем не хотелось этого, всем хотелось, чтобы он пожил еще.

Отец Иоанн, конечно, теперь уже никуда не ездил, кроме собора, для служения литургий. Народ принимал уже на дому, сидя в шубе на лестнице в сенях: ему дома было уже душно. Пошел и я к Батюшке на дом. Народу видимо-невидимо!.. И все толпились около домика отца Иоанна к маленькому крылечку с узкой, высокой, изогнутой лестницей, на площадке которой на табуреточке и сидел в шубе и шапке Батюшка. Скоро обо мне доложили. Я был принят Батюшкой очень радушно. Он

вспомнил обо мне. Так же опять наделил меня своими книгами, за которые я его сердечно благодарил. Но, глядя на него, мне хотелось плакать и о себе, и о нем, и я плакал, плакал неутешно! До того он изменился! Раньше он был всегда веселый, живой, радостный, и тени не было старчества! А теперь вдруг стал слабым, немощным старцем: и манеры, движения, походка – все у него стало уже старческое; лицо – худое, желтое, болезненное, а прежде всегда свежее, румяное; одни глаза, светлые, ясные, остались те же, но и они уже говорили, что «как, мол, я устал от мирского зла и желаю скорее разрешиться и быть со Христом вовеки: смерть для меня приобретение». Я хотел было поговорить с Батюшкой, но он, очевидно, угнетаемый недугом, на все мои слова ответил: «В моих книгах найдешь все, что тебе потребно!» Я еще больше залился слезами, попросил у него благословения служить с ним Преждеосвященную литургию, поцеловались, и я пошел в свой номер. Было действительно грустно!

Наступил следующий день. Я служил в числе других приезжих священников с Батюшкой обедню. Но нет, прежнего настроения не было уже: все прощались с Батюшкой. Да и сам-то он хотя так же читал, пел и служил, как и прежде, но уже по-старчески: голос его был слабый, движения и походка медленные, часто он присаживался отдыхать. Но что замечательно: во время особенного прилива к нему благодати Божией он несколько оживал и походил не на человека, а светлого ангела. Так, когда пели: «Да исправится молитва моя», он до того преобразился, что, глядя на него, так и хотелось плакать от умиления, и я, стоя на коленях пред престолом, чтобы меня никто не видел, плакал за себя и прощался с Батюшкой.

Как ни слаб был отец Иоанн, но, когда настало время причащения, он сам вышел со Святой Чашей – только причастит несколько человек и отдаст Чашу другому священнику, а сам войдет в алтарь, сядет на табуреточке пред жертвенником, отдохнет, а потом встанет и причастится из запасных Чаш, которые стоят на жертвеннике для богомольцев, после этого опять пойдет причащать народ. Так он делал несколько раз. Я

обратил на это внимание, но никому ничего об этом не говорил. Стою так, да и думаю: что же это такое? Мы можем только один раз причащаться за обедней, а Батюшка вот причащается несколько раз. Думаю так, а на него и не смотрю, и он не мог меня видеть, потому что сидел и стоял ко мне спиной. Только причащаясь так, вдруг отец Иоанн громко заговорил, не обращаясь ни к кому и ни на кого не глядя: «Да, да! Я только и питаюсь Святыми Тайнами: мой желудок только и может принимать Святые Тайны!» Я был поражен этими словами и сначала не понял, кому это он говорил, но потом, опомнившись, догадался, что это он сказал на мои мысли, а может быть, и на мысли всех: что вы то так не можете причащаться, потому что желудок то ваш наполнен грубой пищей и всякой всячиной. Этим отец Иоанн обнаружил мои помыслы и объяснил свой поступок... После обедни не было уже такого оживления, как раньше: не спешили в свои номера и квартиры и не ждали там своего дорогого Батюшку, он теперь никуда уже не ездил.

Все спокойно возвращались по своим местам, а потом опять шли к Батюшкину домику. Помолившись с Батюшкой, я мог бы ехать уже и домой, но у меня на обратный путь и расплатиться за номер не было ни копейки, а просить у Батюшки пожертвования на колокол я не решался: мне как-то было все стыдно, а потом, когда я осмелился и пошел просить денег к Батюшке на дом, то обо мне уже ему не докладывали, и я целые дни простаивал у крылечка Батюшки безрезультатно. Что это значило? Испытание ли мне было или просто злоупотребление лиц, окружающих Батюшку?.. Только я страшно томился опасением: неужели Батюшка не пожертвует на колокол и мне придется унижаться и собирать деньги на дорогу у богомольцев? Но как мне было решиться на это, когда я стыдился просить пожертвования на колокол и у добрейшего отца Иоанна?! Положение было критическое. Тяжелое состояние разделяла со мной и жена моя. Мы вместе молились Божией Матери и Святителю Николаю Чудотворцу, чтобы они не покинули нас в дороге с детьми, и надеялись на доброе сердце Батюшки. Только как же спросить у него денег?! На дом не пускают, а в соборе я не смел. Наконец, я уже истомился.

Помолившись Богу, я после четвертой обедни решился обратиться к Батюшке с просьбой. Он стоял у жертвенника. Я подошел к нему и говорю, что собираюсь ехать домой, благодарю его за утешение молитвой и его подарками, а потом прошу и пожертвования на колокол. Каково же было мое изумление, когда отец Иоанн даже мне ничего и не ответил?! Несколько раз повторял я ему свою просьбу, но он все не обращал на меня внимания. Я не знал, что делать. Мне сказали, чтобы я говорил ему громче: Батюшка не слышит. Мне было страшно неловко, но я все-таки преодолел себя и громко, прямо на ухо Батюшке повторил свою просьбу. Тут он встрепенулся, достал из кармана бумажками 50 рублей, подал их мне и сказал: «Часто ко мне батюшки ездят не помолиться со мной, а чтобы спросить что-нибудь: кому на колокол, кому на храм, кому на школу, на сирот!..» Меня это крайне огорчило. Что же это, мол, он говорит?! И я ему уже громко и смело отвечаю: «Батюшка, вовсе я приезжал к Вам не за деньгами, а вот именно последний раз помолиться с Вами, и чтобы Вы благословили мою семью: зачем же я привез жену и детей?» Батюшка ничего мне на это не ответил, но все-таки простился, поцеловавшись со мной. Печальный пошел я в свою семью, хотя и с деньгами, с таким же настроением уехал я и домой. Я все думал: зачем Батюшка так сказал? Неужели он не видел моего усердия к нему, что я только к нему и ехал, а не ради денег?..

Приехавши домой, я не успокоился, хотя и говорил себе, что я, значит, того достоин. Несколько меня успокаивало то, что ведь не я оскорбил Батюшку, а он меня вряд ли желал оскорбить, потому что люди святой жизни никого не обижают, а всех благословляют и всем творят добро. Долго я так томился и не рад был деньгам, которые, конечно, все 50 рублей пошли на колокол, а истраченные на дорогу я возвратил. Думал было я и написать письмо Батюшке, но в журналах уже сообщалось, что Батюшка при смерти, а 20 декабря его уже не стало. Вот тут-то меня Батюшка и утешил. Отслужив по нем обедню, я записал его в свое поминание и всегда молюсь за него с любовью. Как-то, в долгую зимнюю ночь, я засиделся над чтением его же

дневника «Моя жизнь во Христе», который он мне подарил в первую мою поездку. Поздно я уснул. И вот я вижу во сне: будто Батюшка у меня в доме, стоит в зале светлый такой, румяный, радостный. Я упал ему в ноги, обнял их и плачу, говорю ему свои скорби, которые тогда у меня еще были и по приходу, и прошу его помощи. Он поднял меня с полу, сам обнял меня, целовал, ласкал, хлопал по спине и только говорил: «Терпеть надо! Терпеть надо!..» Так мне стало хорошо и отрадно от этого, что я проснулся. Сладостное состояние я чувствовал и наяву. Тогда же, конечно, скорбь моя о словах Батюшки исчезла бесследно: я понял, что Батюшка этим испытывал, смирял меня, и я благодарил его за все! За молитвы Батюшки миновались мои скорби и по приходу. Отрадно чувствовать, что тебя Батюшка и на Небе не забывает, помнит и там тебя и спешит к нам на утешение!

Другой сон о Батюшке я еще видел накануне 20 декабря (день его кончины). Храм у меня в приходе был холодный; только перед этим я охрип, почему и не собирался служить литургию по Батюшке; с тем и лег спать, чтобы не служить: не читал даже и правила. Во сне я вижу, что будто бы совершает соборно всенощное бдение Преосвященный А., который близок был к отцу Иоанну, а пишущий эти строки приходится воспитанником Преосвященному А. по Миссионерским курсам в Казани и до сих пор находится с ним в духовном общении…

И вот этот достойный епископ будто совершает бдение у себя в соборе Спасо-Преображенского монастыря, в числе сослужащих был и я, грешный и недостойный иерей. Народу было бесчисленное множество. Настал полиелей. В соборе великое освещение. Отверзаются Царские двери: выходят Преосвященный А. и весь сонм священнослужителей, все в светлых облачениях и окружают на средине собора аналой, на котором лежит икона – кого она изображала, я не помню. Только весь лик священнослужителей во главе с архиереем, весь народ громогласно пели: «Величаем тя, преподобне отче Иоанне, и чтим святую память твою...»

Наяву слабый, мой голос во сне был сильным, и я очень громко пел вместе со всеми величание преподобному Иоанну.

Нам всем известно было, что это величание мы пели не кому-нибудь, а именно отцу Иоанну Кронштадтскому. Настроение у всех было торжественное и радостное. От этого сна я тоже тотчас же проснулся и, конечно, сейчас же стал готовиться служить литургию по дорогом Батюшке. Как я уже служил, об этом не буду говорить, только холода я в своей церкви не чувствовал и голос мой вскоре совершенно возвратился за молитвы дорогого Батюшки. Каковы эти сны, чтый да разумеет: они говорят о скором, может быть, прославлении отца Иоанна. Но что эти сны не вымысел, а действительная правда, могу подтвердить присягой, а пока прошу поверить и пастырской совести.

О.И. Малченко. Личные воспоминания

Я помню Батюшку лет с шести. Бывая в Петербурге, он нередко бывал и у нас. Я тогда старалась устроиться поближе к нему, и он с любовью ласкал меня. Так и выросла, все больше и больше привязываясь к нему, и он всегда выказывал мне свое расположение...

Раз было мне сделано предложение, и мы поехали к Батюшке просить благословения. Он только спросил: «А нравится он тебе?» Я говорю: «Нет, Батюшка». Ничего он не ответил, но за чаем, ни к кому не обращаясь, прочел целое наставление о замужестве... видно, чтобы я приняла все к сведению.

Моего будущего мужа Батюшка знал и любил давно, он даже был его учеником. Когда родители моего мужа просили Батюшку благословить его жениться, Батюшка сказал, что его невеста еще растет. (Мой муж был на 10 лет старше меня.)

А мне как-то сказал иеромонах Варнава, из Черного скита под Москвой: «Смотри, жениха ищи в церкви!»

И действительно, наше знакомство было в церкви: было освящение храма Воскресения Христова (у Варшавского вокзала), и я была там со своим отцом. Полиция стояла шпалерами, сохраняя в храме проход для духовенства. Я искала глазами Батюшку и, когда увидала, что он идет с другой стороны, недолго думая, проскочила на другую сторону, сквозь полицейских, прямо перед идущим духовенством, лишь бы увидеть отца Иоанна поближе. И конечно, он меня тут заметил (как и многие другие, а в том числе и мой муж – будущий) и, проходя, благословил и даже просунул руку через полицейских, и я успела ее поцеловать. Муж мой потом подошел к общему знакомому, чтобы он его представил нам. Когда он после пошел к Батюшке за благословением, тот сразу сказал: «Вот это твоя судьба!» Потом уже нам говорил: «Я бы вас сам хотел венчать, да я не счастлив на браки, но пусть венчают в моей ризе».

Переехала и я в Кронштадт, где у отца мужа было большое дело. Когда я была уже в ожидании ребенка, Батюшка перед

своим отъездом на родину зашел к нам и сказал: «Дай тебе Бог родить легко, легко, легко...» И действительно, мой первый сын, Володя, родился необыкновенно легко, с ударом колокола.

Это был особенный мальчик – исключительно рано развился: шести месяцев уже все понимал, гуляя, отличал нищих и тянулся им подавать. У него стали сразу прорезываться все зубы, он был болен, и отец понес его к причастию Святых Таин. Несмотря на то, что мальчик был в сильном жару, он всю службу был совсем спокоен и внимателен к окружающему. Когда отец поднес его к Святой Чаше, батюшка отец Иоанн вдруг отогнал его... Муж в большом смущении пошел с ребенком в алтарь и там отец Иоанн, стоя с Чашей у престола, велел поднести к нему ребенка. Муж со страхом подошел, Батюшка причастил Володю и Телом и Кровию Христовой и после сказал: «Ну, чтобы это уж в последний раз!»

В тот же день, вечером, Володя скончался, семи месяцев от роду.

Когда родился сын Николай, Батюшка, точно ожидая этого события, сразу же пришел сам дать мне молитву и наречь ему имя (до того его долго ждали к моей свекрови, которая была больна, он пошел к ней только после меня).

Батюшка порадовался, что мы решили сына назвать Николаем, взял его сразу на руки и сказал: «Спасибо тебе, мать, ты и не знаешь, какого ты сына-то родила!» И сказал, что сам будет его крестным отцом. Во время Таинства Крещения Батюшка не только сам ревностно исполнял обязанности крестного отца, но заставлял и крестную мать так же ревностно отрицаться сатаны... и прочее.

Муж мой был на редкость чистый и глубоко религиозный человек. Раз, во время моего отъезда к своим, у него сделалось ущемление грыжи и пришлось спешно идти на операцию. Мне дали знать сразу же, но операция прошла неудачно, и, когда я приехала, он уже был безнадежен. Отца Иоанна не было, и причастил его другой священник. Отходил он в полном сознании, просил меня молиться и вслух повторял за мной молитвы. Просил Батюшке передать просьбу молиться за него... Вдруг он спрашивает: «Ты ничего не видишь?» Я говорю:

«Ничего!» – «Ах, неужели ты не видишь, какой сад чудесный, какие розы... ах, какое благоухание...» И как бы вдыхая это благоухание, он и скончался. Это было 9 декабря 1903 г.

Батюшка приехал и очень огорчился. «Зачем ты его отдала?» – несколько раз сказал он мне со слезами. Сам служил все панихиды. В день отпевания, 12 декабря, Батюшка всегда сослуживал в церкви святого Спиридония. Там бывал и Государь, так как это была церковь моряков и престол в этот день. Ему очень трудно было освободиться поэтому, но, зная мое горе, зная, как я хочу, чтоб именно он отпевал Сашу, он мне сказал: «Я буду отпевать, если ты дашь мне слово, что не будешь плакать». – «Как же я дам такое слово, а вдруг все же буду плакать?» – «Нет, ты все же обещай мне это».

На выносе было особенно много народа – и из-за мужа, которого очень любили в Кронштадте, и из-за Батюшки... Боясь давки и беспорядка, просили Батюшку самого не ходить, но все же он сам взял икону и пошел впереди гроба. И все прошло чинно и спокойно.

После обедни он вышел сказать слово и начал: «Сегодня мы хороним Александра Ивановича Терентьева, осталась молодая вдова и ребенок...» – но тут он заплакал и ушел в алтарь. Потом, подавая мне просфору, сказал: «Спасибо тебе за послушание!» Тут я только сама заметила, что действительно не проронила слезы и точно какой-то праздник чувствовала. На службу 9-го дня Батюшка потребовал себе красные ризы, и когда я после спросила: «Почему?», сказал, что надо радоваться, так как душа праведника на третий день у Господа...

На 40-й день мне приснился муж в белом хитоне среди святых угодников Божиих и говорит им: «Как бы она не испугалась!» – А я замахала руками и закричала: «Да, да, испугаюсь, испугаюсь...»

После литургии я спрашиваю Батюшку (который сам служил весь сорокоуст): «Где теперь мой муж?» – «Откуда же это я могу знать?» – «Вы должны знать, так как он был ваш духовный сын и вы так за него молились все время!» – «Ну, если ты так уверена, что я знаю, то он с праведниками, он причтен к лику

мучеников (так как умер под ножом), а почему ты меня об этом спросила?» Я ему и рассказала свой сон...

Меня все беспокоило, что я ничего не заплатила Батюшке за сорокоуст, и все думала, как бы мне его вознаградить... Вижу я раз во сне Тихвинскую икону Божией Матери и от нее голос: «Одень мне плат!» Я не поняла, какой плат, и особого внимания на сон не обратила... Но вот вижу его второй раз, вижу этот же сон и в третий раз, и тогда около иконы был и Батюшка. Тут уж я задумалась... Вспомнила, что у нас дома одно время стояла чудотворная Тихвинская икона Божией Матери, принадлежавшая одному купцу. Он разорился, принес икону к нам, и ее после, сделав к ней новую ризу, отправили в церковь в Озерки, которую строили отец и дедушка.

Я, приехав в Петербург, спросила отца, где осталась старая риза с иконы. «Она, – говорит, – наверное, в мастерской осталась». – «Подарите ее мне!» – «Зачем тебе?» Я говорю: «Она же была на чудотворной иконе, нельзя же ее в лом пускать, а я закажу под нее икону и куда-нибудь пожертвую». – «Ну, это благое дело, бери...» Со страхом ехала я в мастерскую – вдруг уже расплавили? Но, слава Богу, она была цела. Я велела ее вызолотить и еще прибавила: «И оденьте ей плат филиграновый», – да сама от своих слов вздрогнула – сон-то и вспомнила!!! Велела еще и камнями украсить. Я знала, что у хозяйки той был знакомый иконописец, очень духовный старичок – заказала ему написать под эту ризу икону. Удивительно, что, написав ее, старичок сразу вскоре умер. Прислали икону ко мне в Кронштадт. Чудной красоты она была! Тут как раз подошла годовщина смерти мужа, и я решила эту икону подарить Батюшке за молитвы по мужу. С бабой Лизой (Елизавета Ивановна Рябова, очень близкая Батюшке духовная дочь его) мы и понесли на руках эту икону к Батюшке, который в это время был болен, лежал. Принесли, позвонили... Жена открыла, выглянула и захлопнула опять дверь: «Батюшка болен, никого не принимает!» Я ей крикнула: «Мы принесли Матерь Божию [икону] и обратно не понесем, возьмите. Она здесь на окне!» А сама я с горькими слезами пошла домой. Баба Лиза все меня утешала, что, верно, уж так нужно...

Не успела я сесть у родных за обед, как прибегает батюшкин дворник Михей, говорит, что Батюшка просит, чтобы я сейчас же пришла. Я вскочила и побежала. И сам Батюшка меня встретил и сразу спросил: «Куда ты хочешь эту икону устроить?» Я сказала: «Вы лучше знаете, у вас там много монастырей... А я вам ее принесла, так как сон видала, что и вы там были...» Тут он жене сказал: «Помни, что для Ольги Ивановны дверь всегда открыта и днем, и ночью!»

Прошло некоторое время – Батюшка опять позвал меня к себе и говорит: «А ведь Матерь Божия меня исцелила! Она будет у меня Игуменьей в Иоанновском монастыре», – и рассказал, что икону поставят как местный образ в верхнем храме, и так как место больше иконы, то снизу напишут тропарь... И пока работают, икона стоит в трапезной и Матери Божией поют акафисты и молебны каждый день. Батюшка не мог дождаться, когда будет икона на месте, и приезжих все расспрашивал, видали ли Владычицу, хорошо ли работают... Кто-то еще пожертвовал чудную бриллиантовую звезду на ризу в иконе.

Вскоре по водворении ее на место одна женщина исцелилась там от слепоты.

Когда я собралась второй раз выйти замуж, поехала к Батюшке за благословением. А он сказал: «Ну если ты уж так хочешь, иди пока за него... Только жалко мне тебя, страдать тебе много придется!»

В начале сентября 1908 года я заболела холерой, и профессор Чистович по просьбе нашего доктора Швердлова, его друга, устроил меня в Военно-Медицинской академии, где, кроме меня, только юнкера лежали. Я была очень плоха. Тогда Дарья Яковлевна – тоже близкая Батюшке душа – помчалась к нему в Кронштадт просить помолиться... Батюшка, когда услышал, все только вздыхал: «Ах, бедняжка, бедняжка!» Но жена его сказала ему: «Ильич, Коля-то сиротой останется... Ты можешь! Помолись!» Тогда он ушел к себе. Часа через два вернулся сияющий и сказал: «Останется! Господь вернул ее к жизни! А уж одной ногой в гробу была!»

В это самое время меня там уже вынесли кончаться в другое помещение. Но сестра, которая меня полюбила, с отчаяния вспрыснула мне громадную дозу камфары, и я ожила и осталась!..

9 декабря я поехала в Кронштадт на могилу к мужу и собиралась потом пойти к Батюшке поблагодарить его за исцеление. Пошла с кладбища к Елизавете Ивановне, а она и говорит: «Оленька, тебе бы надо сходить к Батюшке, тебя-то пустят, а то ведь он уже так слаб, что четвертого последнюю литургию служил, а теперь на дому причащают его – так он плох...» Я попросила Веру Перцову узнать, могу ли я прийти. Батюшка сказал: «Если хочет получить благословение, то пусть сейчас идет, а если хочет побеседовать, то в шесть часов». Так что мне пришлось остаться ночевать в Кронштадте, чего я вовсе не собиралась. Когда я в 6 часов пришла к нему, остановилась на пороге, не ожидая такой перемены... Он сидел в кресле, покрыт ряской, кожа и кости.

«Здравствуй, ангел мой белый, здравствуй, радость моя! Как я рад тебя видеть! Спасибо тебе за веру! Ведь ты из мертвых воскресла! А одной ногой уж в гробу была!» А я говорю, что теперь я не так, как была, хуже стала... А он говорит: «Если ты веру потеряешь, кто же верить-то будет?» и просил меня крепко веру держать...

В комнате горела всего одна лампадочка, у иконы преподобного Серафима, которую тоже я ему привезла из Саровской обители еще. Он долго беседовал со мной. Потом он сказал, видя мои слезы: «Ты не думай, что если я уйду, то все и кончено! Я там у Престола так же молиться буду, и ты так же мне все говори. Я даже еще ближе буду, стоя у Престола Всевышнего; и тебя буду слышать и просьбы твои исполнять... А теперь надо нам за твое исцеление Господа поблагодарить! Буду завтра последнюю обедню служить. Только я очень слаб, так ты бегом беги, не опоздай!»

На прощанье Батюшка встал и еще усадил меня посидеть в свое кресло...

Когда я в Доме трудолюбия сказала, что Батюшка будет завтра служить, никто и верить не хотел, даже и меня уверили,

что я не так поняла, что этого не может быть. Но все же утром, хотя и с сомнением, пошли с бабой Лизой в церковь, не торопясь особо... и вдруг, поравнявшись с домом, где жил Батюшка, видим – распахнулись ворота и оттуда, весь в подушках, выехал он… И пришлось нам действительно бежать…

Итак, 10 декабря 1908 года служил Батюшка свою последнюю обедню и даже проповедь сказал. При совершении Таинства он уколол себя копием и после, стоя на солее, повернулся к близ стоящим и сказал, указывая на сочившуюся кровь: «Вот я себя заклал!» Ему дали платок обвязать... Давая мне Причастие, Батюшка произнес: «Причащается раба Божия Ольга во исцеление и во спасение!» Это были последние слова дорогого Батюшки, которые я слышала от него здесь, на земле.

Расскажу еще о прозорливости Батюшки, которой я была свидетельницей.

Раз при мне пришли к Батюшке две просительницы. Я хотела уйти, чтобы не мешать, но Батюшка велел мне остаться. Одна из них была, видно, богатая дама, другая просто одетая. Обе, когда он вышел к ним, упали на колени, и обе протянули ему конверты. Батюшка взял в каждую руку свою по конверту, немного подержал их так и потом, скрестив руки, подал им же эти конверты, то есть переменил только. Дама сразу вскрикнула: «Батюшка, что вы делаете, ведь там же три тысячи, это же я для вас!» Батюшка говорит: «Если для меня, то не все ли тебе равно, что я с ними сделаю, знаете же, что мне самому ничего не надо. Ты лучше посмотри, что у тебя-то в конверте…» А в том конверте было письмо сына рядом стоящей женщины, где он ей писал, что у него по службе (в государственном учреждении он служил) произошел просчет и, если он не достанет три тысячи рублей, ему ничего не останется, как покончить с собой – просил мать спасти его...

«Вот видишь, – когда она прочла, сказал ей Батюшка, – ведь ты душу спасла! Какая же ты счастливая!» Нечего и говорить о счастье матери, получившей спасение сына.

Второй случай был с моей мамой. Она, приехав раз в Кронштадт ко мне, зовет идти к Батюшке на молебен в Дом трудолюбия, хочет помолиться за брата моего Николая, огорчал

он ее чем-то тогда... Пришли, когда молебен уже начался. Говорит мне: «Поди, Оленька, попроси отца Иоанна помянуть Николая». Я подошла и попросила; Батюшка взглянул, узнал, слегка улыбнулся и стал читать ектенью о здравии раба Божия Иоанна. Мама взволновалась. «Оленька, Батюшка, наверное, не расслышал, что надо Николая, поди и скажи еще...» А я думаю, что Батюшка, наверное, расслышал, хотя и туговат был на одно ухо, так как не переспросил меня... а значит, так и надо... Успокаиваю маму, а она не может уж молиться, почему Батюшка не поминает сына. Настойчиво посылает меня. Пришлось опять подойти, хотя и очень неудобно было. Два раза ему громко шепнула: «Николая, Батюшка, Николая!..» А он так быстро повернул ко мне голову со взглядом, выражавшим легкую укоризну: что, мол, неужели ты думаешь, я не знаю, что надо?.. Я отошла в смущении, а он опять прочел ектенью о здравии Иоанна, а Николая так и не помянул... Мама была очень расстроена. После Батюшка, здороваясь с ней, спросил: «А как Иван Иваныч то, здоров ли?» – А она говорит: «Спасибо, Батюшка, здоров!» – «Да смотри, здоров ли? Ну, передай ему мое благословение».

Вечером мама вернулась в Петербург, встречает ее няня: «Барыня, матушка, что было-то, теперь-то все ничего, видно, обошлось, барин-то ведь чуть не убился!» – Поспешила к папе... Лежит весь забинтованный. «Благодари Бога, что я жив вообще остался!» Оказывается, поехал утром по обычным делам. Рысак на полном ходу столкнулся где-то с ломовым, и отца выбросило на мостовую... Как он не разбил голову о тумбу, около которой оказался лежащим вплотную – знает один Господь, молитвами Батюшки, в тот час помолившегося о рабе Божием Иоанне, отведший от всех нас это великое горе. Папа разбился порядочно, но поправился скоро без всяких последствий. «Прозорливыми очами» отец Иоанн знал, о ком для нас молиться надо было, а о брате Николае, видно, довольно было и одной материнской молитвы.

А вот случай помощи дорогого Батюшки уже после его кончины.

Уже в Финляндии, в годы моего одиночества, Господь привел меня ухаживать за больным отцом Василием Скипетровым в Новой Кирке, бывшим много лет настоятелем русской церкви. Три года назад умерла, тоже на моих руках, матушка и поручила мне батюшку... Сперва я его только навещала, а последнее время и переехала к нему. Болел он долго и тяжело... Великий пост 1927 года, многие церкви финляндской епархии перешли уже на западную пасхалию. Батюшка скорбел об этом и, благодаря своей болезни, избежал этого перехода, так как в нашей церкви редко бывали службы приезжих священников. В Вербное воскресенье должен был приехать кто-то служить – батюшка с нетерпением ждал, так как хотел причаститься. К ночи ему стало хуже, а утром вижу, что он уже просто кончается... Мне стало за него страшно, что умрет без Святых Таин. Видно, уже агония началась. Я ему святой воды, артоса кусочек... уже не может проглотить. Тогда я в отчаянии прямо вскричала, глядя на карточку отца Иоанна: «Батюшка, ты же мне обещал, не дай ему умереть без Причастия!.. Ты сказал, что всегда услышишь меня – помоги же!»

Как раз были тут свои люди, между прочим одна художница, реставрировавшая батюшкину любимую Владимирскую икону Божией Матери и как раз привезшая ее ему. Я попросила ее бежать к телефону, звонить в лавку в ту местность, где тоже была церковь и служил отец Потапий Богомолов, тоже в тот год еще не перешедший на западную Пасху... Но с ним у отца Василия была размолвка и он как-то не хотел его. Но выбирать было нечего, раз никто не приехал другой. Поспешили к телефону с сомнением, что дозвонятся, так как день воскресный и в лавке может никого не быть. Но вернулись с известием, что к телефону сразу подошла сама дочь купца и обещала сейчас же побежать в церковь.

Теперь надо рассказать со слов Эльзы, дочери купца... Она спала... вдруг точно ее кто толкнул и говорит: «Иди в лавку!» Она вскочила в испуге, натянула валенки, накинула пальто и поспешила в лавку, где звонил уж телефон... Побежала как была в церковь, передала просьбу. Отец Потапий сказал, чтобы

приготовили лошадей к половине второго, но когда он стал служить, почувствовал что-то необычайное, точно кто его подгоняет: «Скорей, скорей!» Тогда он из алтаря просит певчих сокращать что можно, – «блаженны» только два стиха пропели… (Он очень благоговейный священник, но тут помимо себя спешит.) Кончает службу после 11-ти и сразу едет – половина первого был у нас... Мы же там все молились около отходившего – всем это было ясно – отца Василия. Подошел к нему отец Потапий со Святыми Тайнами: «Отец Василий, хотите причаститься?» Батюшка открыл глаза, до того совсем уже мутные, почти закатившиеся… теперь ясные, и кивнул головой… Отец Потапий боялся, что вдруг он не проглотит причастие. Я сказала, что тогда я за него проглочу, я еще ничего не вкушала. Отец Потапий прочел глухую исповедь, сам с ним облобызался в знак примирения и причастил отца Василия Святых Таин Христовых. – Батюшка не только что проглотил, но и высунул язык показать, что все проглотил. Видна была большая радость на лице его… Принесли икону Владимирской Божией Матери. Отец Потапий освятил ее и отслужил молебен, а после него стал читать отходную, во время которой отец Василий тихо скончался, получив от Господа сию благодатную христианскую кончину явной помощью дорогого батюшки отца Иоанна.

Давид Озеров. Отец Иоанн Кронштадтский (Личные воспоминания)

С чувством глубокого сердечного умиления приступаю я к изложению личных моих воспоминаний о незабвенном молитвеннике нашем отце Иоанне Кронштадтском. Мое искреннее желание правдиво и благоговейно рассказать все то, что я видел и слышал, все, что я перечувствовал и испытал в присутствии нашего всероссийского пастыря, духовная паства которого простиралась от Белого до Черного моря, от Великого океана до Балтийского моря и в силу молитвы которого верили миллионы не только православных христиан, но и иноверцев.

Жизнь отца Иоанна, его учение, служение и неотразимая сила его обаяния на наш народ заключаются в том, что отцу Иоанну была дана свыше особая благодать: воплотить в себе в самый материалистический век те начала православной веры, духа и любви, которые легли в основу жизни русского народа, его духовного и гражданского строя, его истории. Отец Иоанн в своем пастырском служении воскресил преемственно во всей эстетической привлекательности и во всем великом церковном и общественном значении идеал древних предстоятелей нашей Православной Церкви, святителей, печальников и молитвенников, руководителей жизни народной.

Впервые познакомился я с отцом Иоанном в 1890-х годах у старого его друга, старушки, царскосельской купчихи Барановой. Благочестивая, древняя, оригинальная старушка Баранова принимала у себя отца Иоанна, как в древние времена принимали пророков, святых угодников. Отец Иоанн служил у нее в доме всенощные, молебны, освящал воду и беседовал с простой, но детски верующей старушкой, которая изливала ему все свои заботы, беспокойства, поверяла все свои семейные и торговые дела, безгранично ему доверяла и всей душой верила в силу его молитвы. Отец Иоанн относился к ней с глубоким уважением, терпеливо выслушивал все ее сетования и повествования, отвечал на ее вопросы просто, для нее понятно, говорил с нею, как говорят с детьми, утешал, ободрял ее,

молился о всех ее заботах, часто ее приобщал. Много на Руси было таких друзей у отца Иоанна, и друзья эти готовы были отдать все, что имели, по одному его слову. Дружба отца Иоанна с такими простыми, добродушными, по-детски верующими людьми, их безграничная вера в его святость воздвигли по всей родине нашей такие богоугодные учреждения, о которых на Западе и понятия не имеют.

В Царском Селе, например, другая благочестивая старушка, М.А. Дрожжина, по одному только слову отца Иоанна, на молебне в частном доме назвавшего ее, бездетную, «бабушкой» и благословившего все ее добрые намерения, устроила образцовый родовспомогательный приют для 50 бедных рожениц, пристроив к нему великолепный храм. «Как назвал он меня, бездетную, одинокую, бабушкой, так я и поняла, что должна устроить приют для бедных рожениц, и теперь у меня в доме рождается 600 внучат ежегодно», – рассказывала мне с умилением почтенная старушка. В доме везде красуются портреты отца Иоанна. Таких богоугодных заведений много на Руси, и воздвиглись они не с обдуманными филантропическими целями, а просто «во славу Божию и по молитвам нашего драгоценного Батюшки».

Но не ко всем относился отец Иоанн с таким благодушием. Я присутствовал однажды при крайне суровом обращении отца Иоанна с лицом, занимающим видное положение. Человек этот, пользуясь пребыванием отца Иоанна у старушки Барановой, пришел к ней и просил отца Иоанна зайти к нему на квартиру, на той же улице, к больному сыну. Отец Иоанн наотрез отказал, и, когда просящий стал перед всеми присутствующими на колени и умолял отца Иоанна посетить его квартиру, отец Иоанн, к удивлению всех окружающих, сказал: «Я здесь освятил воду, возьмите ее с собой и окропите ею всю вашу квартиру и тогда только я приду». Безропотно, при всех, человек этот поклонился отцу Иоанну в ноги, взял чайник с святой водой и удалился. Обождав некоторое время при общем молчании, отец Иоанн перешел через улицу и вошел к больному. Выходя из дома, отец Иоанн наотрез отказался от объемистого конверта с деньгами, который умолял его принять хозяин квартиры «для раздачи

бедным», и, сев в экипаж, принял с благодарностью протянутый ему с запиской каким-то оборванцем рубль. Не могу при этом не вспомнить и другой знаменательный случай, свидетелем которого мне пришлось быть. В Царском Селе жил молодой еврей Г., сын портного, кончивший университет, провизор. Жена его тяжко заболела, и доктора объявили ее безнадежной. Пришел ко мне Г. и спрашивает совета, может ли он, еврей, поехать к отцу Иоанну в Кронштадт просить его молитв, так как он, в сущности, никакой религии не признает, но верит в силу молитвы отца Иоанна. «Просить все можно», – ответил я ему.

Через несколько дней зашел ко мне сияющий от радости Г. и объявил, что ездил в Кронштадт. Отец Иоанн выслушал его, помолился о выздоровлении его жены, был с ним ласков, а вернувшись домой, он нашел жену вне опасности. «Еду к отцу Иоанну его благодарить и очень обрадую его, так как мы решили в знак благодарности у него креститься». Дня через два приходит ко мне Г. сконфуженный и смущенный.

«Представьте себе – говорит он мне, – что отец Иоанн не согласился меня крестить. Я ему сказал, что в благодарность за выздоровление моей жены мы с женой решили принять крещение из его рук. «А веруете ли вы в воскресшего Христа Спасителя?» – спросил отец Иоанн. «Нет, – ответил я, – но верю в святые ваши молитвы». – «Ну, в таком случае я вас крестить не могу – сказал Батюшка, – благодарности вашей мне не надо, изучайте Евангелие, обратитесь к любому священнику и, когда вы уверуете в Христа Спасителя, креститесь».

«Так я ушел ни с чем, – с грустью сказал Г., – и теперь не знаю, как быть: отец Иоанн ничего от меня принять не пожелал».

Кто видел отца Иоанна только на молебне в частных домах, тот не имеет о нем понятия. Надо было видеть его перед жертвенником во время совершения проскомидии и перед святым престолом во время литургии, тогда только получалось представление о глубине его священнического подвига. Отец Иоанн во время литургии молился так, что, глядя на него, становилось понятно и ясно, почему столько сердец обширной нашей родины глубоко верили в силу его молитвы. В

кронштадтском соборе почти ежедневно в шестом часу утра начиналась служба утреней. Внутри храма – полумрак, перед образами горят свечи, народу много, все благоговейно, без шума и суеты входят, подают записки, покупают свечи, толпятся у просвирных столиков. «Батюшка уже в пять часов выехал, ездит по Кронштадту» – шепчет сторож. В южном приделе начинается утреня, служит очередной священник. В главном алтаре, у жертвенника, стоит отец Иоанн, перед ним горит свеча, он весь углублен в чтение писем и телеграмм; после каждого письма долго молится и кланяется; в алтаре тихо, сторожа ходят на цыпочках, видно, боятся тревожить общего молитвенника. Собор полон народа, но из алтаря кажется, что никого в соборе нет: тишина и общее молчание. В южном приделе продолжается служба. Вдруг все как будто встрепенулись. По собору проносится волна общего вздоха: это на клирос вышел отец Иоанн, стал за причетника читать и петь канон. Народ толпится у клироса и смотрит в упор на отца Иоанна, а он, не обращая ни на кого внимания, вдохновенно читает, подчеркивая некоторые слова, дирижирует небольшим хором причетников. Кончается утреня, к отцу Иоанну подходят приезжие священники и диаконы, просят служить с ним литургию. Отец Иоанн обнимает их и ласково обходится со всеми, подходит к стоящим в алтаре, всех благословляет. Начинается литургия. Отец Иоанн в светлом, всегда праздничном облачении, с просветленным лицом стоит перед престолом, и душа его беседует с Богом и с Небесной Церковью – со святыми угодниками Божиими. Он порывисто берет в руки крест и целует его, подымает руки, делает движения как бы в немом разговоре, утвердительно кивает головой при чтении Апостола и Евангелия, торжественно совершает выходы; вы видите в нем, во всех его движениях, в возгласах, им произносимых, непоколебимую веру в великое значение священнического сана, преемника апостолов и святителей, в котором горит священный огонь веры в совершаемое великое Таинство Евхаристии, по установленным Церковью правилам, и на которого обильно изливается свыше благодать совершать в святости и чистоте дела Божии. Народ это чувствует, и каждое

появление отца Иоанна встречается общим гулом вздохов и молитвенных возгласов.

Все – священнослужители, клир и народ – слиты в одну общую молитвенную душу, возносящую к Богу все свои нужды и печали, все свои сомнения, радости и горести, и подъем этого общего молитвенного настроения делается все выше и выше. А отец Иоанн при совершении Даров обращается лицом к народу перед закрытыми Царскими вратами, указывает на Дары и, произнося: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое», приглашает всех на Тайную вечерю.

После возношения Даров отец Иоанн несколько раз берет в руки дискос с Агнцем и Святую Чашу, подымает их и слезы так и текут по его щекам. Он весь в молитве, не видит и не слышит, что кругом него происходит, лицо его озаряется светом благодати. Никто не мог в эти минуты без особого умиления и глубокого волнения смотреть на отца Иоанна. Слезы умиления так и льются из глаз, вы чувствуете все ваше ничтожество, всю вашу слабость, всю бедность вашей веры перед этой картиной великой, чистой, непоколебимой веры. Вы проникаетесь чувством, что отец Иоанн молится за всех прибегающих к нему за помощью, скорбит за всех, молит, как бы требует, по обетованию, помощи и заступления от Бога, и вам становится ясно, что молитвы отца Иоанна услышаны, что молитвы его именем Христа Спасителя доходят до Престола Всевышнего, что благодать Божия озаряет его чело, его глаза, весь его облик святостью и небесным светом. Вы постигаете, что в Царствии Небесном преобразившееся человеческое тело, созданное по образу и подобию всемогущего Бога, будет прекрасно, будет сиять, как сияют Ангелы, Архангелы, Херувимы и Серафимы, как сияют все святые, «празднующие глас непрестанный и зрящие доброту неизреченную Лица Божиего».

Во время раздробления Агнца и приобщения духовенства Святых Таин отец Иоанн говорит громко и воодушевленно тексты из Священного Писания: *Слово Плоть бысть и вселися в ны* (Ин.1:14), пророчества, прообразы Ветхого Завета, извлечения из псалмов.

После причастного стиха начинается приготовление к общей исповеди. Отец Иоанн выходит на амвон и становится лицом к народу. Он читает молитву перед исповедью, в которой упоминается о пророке Давиде, и подробно рассказывает всю историю святого царя Давида, затем читает вторую молитву и рассказывает историю царя Манассии. Отец Иоанн говорит громко, звучным голосом, и видно: речь его льется прямо из сердца, речь не подготовленная, а прочувствованная в данную минуту. Еще сердечнее и теплее звучит его голос, когда он переходит к Новому Завету и с умилением говорит о Всепрощающем Христе: «Во времена Христа Спасителя легко было каяться – пришел, поклонился в ноги Спасителю и вылил перед Ним всю свою душу, умыл слезами Его ноги, поверг к стопам Его все свои болезни и печали и сразу получил облегчение и прощение грехов. Теперь не то, теперь труднее, надо веровать, надо каяться с сокрушенным сердцем, надо прибегать к Его милосердию, надо плакать, надо обещать не грешить». Долго говорит отец Иоанн, и все сильнее бьются сердца слушателей, все глубже проникают слова милосердия и покаяния; уже многие плачут и сокрушаются, а простые бабы громко всхлипывают. Отец Иоанн прерывает свою проповедь, обращаясь к рыдающим бабам: «Подождите, не плачьте, я вам скажу, когда каяться. Теперь слушайте меня внимательно» – и бабы успокаиваются, только некоторые безутешно, тихо плачут: видно, очень уж тяжело на душе и очень радостно наконец услышать слова утешения любимого Батюшки. А Батюшка, все более и более сам трогаясь, продолжает говорить о покаянии, приводит примеры из Евангелия, говорит о блудном сыне, о блуднице и останавливается на кающемся разбойнике: «Многие думают, что и они в последнюю минуту покаются, скажут: *Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем* (Лк.23:42) – и этим спасутся. Нет, не рассчитывайте на покаяние при последнем издыхании, надо всю жизнь помнить Христа, следовать Его заповедям и чаще прибегать к слезному покаянию. Разбойник вам не пример: ему было прощено все за то, что он усладил своей живой верой последние минуты Страдальца Богочеловека в то время, когда Спаситель был окружен гонителями, когда

человеческая природа Его невыразимо страдала. Не сравнивайтесь с ним, кайтесь, пока здоровы, пока живете. Я сам, грешный и окаянный, когда каюсь, слезно прошу Бога простить мои беззакония и неправду». Не выдерживают простые сердца слушателей смиренной речи любвеобильного своего пастыря. «Куда нам до тебя! Ты за нас помолись» – раздаются со всех сторон голоса, полные слез и умиления. «Я за вас помолюсь, но и вы молитесь, кайтесь, припоминайте ваши грехи». И отец Иоанн громко начинает перечислять все грехи и недостатки людские, громко спросив: «Каетесь ли вы и обещаете ли стараться не грешить?» – весь народ, все присутствующие начинают громко молиться и плакать, а он, всеобщий молитвенник и печальник, поднимает руки и глаза к небу, и слезы ручьями текут из его глаз, и видно, что он за всех страдает, за всех просит у Всещедрого Господа прощения и помощи, за всех, кто с доверием обращается к нему, кто из дальних окраин нашей родины прибегает к его помощи в дни болезни и печали. Кто видел эту картину молитвы отца Иоанна перед плачущей толпой, тот ее никогда не забудет и в ней найдет нравственную поддержку и утешение во всех тяжелых минутах своей жизни. Подняв высоко свою епитрахиль над народом, отец Иоанн растроганным голосом читает разрешительную молитву и исчезает в раскрывшиеся Царские врата. Затем все присутствующие причащаются Святых Таин.

Все, мной изложенное, относится к общим со всеми знавшими отца Иоанна впечатлениям. Перехожу к своим личным о нем воспоминаниям.

В 1891 году в России был голод, принявший в некоторых губерниях угрожающие размеры. В стрелковом батальоне императорской фамилии в Царском Селе все нижние чины поступали из бывших удельных крестьян, поэтому в батальон начали поступать просьбы о помощи запасных стрелков из голодных губерний – Симбирской, Самарской и Воронежской. Офицеры батальона учредили при батальонной церкви попечительство во имя святителя Николая Чудотворца о семействах отставных и запасных нижних чинов батальона, пострадавших от неурожая. Но что могли сделать офицеры,

когда сотни бывших их сослуживцев стали обращаться за помощью, описывая в ярких красках свое бедственное положение. Зная по опыту, как разрасталось и развивалось каждое богоугодное дело при молитвенном содействии отца Иоанна, я обратился к нему с усердной просьбой приехать в батальонную церковь 9 мая и отслужить молебен святителю Николаю Чудотворцу и этим положить начало делу помощи голодающим стрелкам. Получил письменный ответ от отца Иоанна, что 9 мая праздник в Кронштадте и что он, к сожалению, приехать не может. 7 мая, утром, вдруг получаю телеграмму из Москвы от отца Иоанна, что он приедет 8 мая, вечером, в Царское Село, будет у меня ночевать, рано утром отслужит утреню, литургию и молебен с акафистом святителю Угоднику Николаю, Чудотворцу. Почитатели отца Иоанна могут себе представить, с какими чувствами радости и умиления встретили мы дорогого гостя. Ко мне на квартиру стали приходить солдатики с различными просьбами и записочками для Батюшки, а один сверхсрочный унтер-офицер просил личного свидания. Отец Иоанн его тотчас же принял, и унтер-офицер просил об исцелении своей жены, которая уже несколько лет страдает страшным недугом: она не может подойти к Святой Чаше и потому не может сама приобщить своего ребенка. Отец Иоанн приласкал унтер-офицера, обещал помолиться и велел привести жену в церковь до утрени. Я неоднократно в Кронштадте присутствовал при тяжелой обстановке борьбы отца Иоанна с одержимыми этой страшной болезнью: невозможностью присутствовать при литургии и приближаться к Святой Чаше. Называю это борьбой, так как воочию видел, как тяжело приходилось отцу Иоанну шаг за шагом приближать их к Святой Чаше. Видел я раз молодую, вполне здоровую на вид бабу, которую вели четверо мужчин. Она с большим усилием делала шаг вперед и затем упиралась и никакими средствами нельзя было ее сдвинуть с места. Отец Иоанн целую неделю ежедневно перед началом службы заставлял ее подвигаться вперед на один шаг, молился, кропил ее святой водой, при этом сам видимо страдал, обливался потом, именно боролся с невидимой силой. Я воспользовался

случаем с унтер-офицером и выразил Батюшке мое сомнение, что эти простые бабы одержимы бесом. При этом я выразился так: «Я не верю в беса, который может вселиться в простую темную бабу; отчего же он не вселяется в образованных интеллигентных людей? Самые безнравственные, злые и неверующие люди беспрепятственно присутствуют при совершении таинства, а простые бабы мечутся, кричат и неистовствуют». На это отец Иоанн мне ответил следующее: «Верить надо в Бога, в Воскресшего Спасителя, а в бесов верить не надо, это от христианина не требуется. Вы об этом и не думайте, и вообще это совершенно не ваше дело и не входит в круг ваших обязанностей. Верить в бесов не надо, и чем меньше вы о них думаете, тем лучше. Живите по Евангелию, будьте настоящим христианином, и тогда злой дух для вас не страшен. Но мы, священники, постоянно имеем с ним дело, и я думаю, что каждый настоящий служитель алтаря знает, что злые духи и бесы существуют, и борется с ними.

Что касается того, что вы не понимаете, почему бесы не входят в образованных людей, то вы ошибаетесь. Бесы в простых людей входят по простоте, и горе тем злым людям, которые имеют с ними сообщение и через которых бесы вселяются в простых, темных людей. Эти последние только страдают, виновники же те, которые имеют сношение со злым духом. Горе, горе им!

В образованных и интеллигентных людей злой дух вселяется в иной форме, и бороться с ним гораздо труднее. Вообще, повторяю, не думайте об этом. Бывают люди психически больные, бывают нервы. Этих надо лечить, но бывают и одержимые злым духом, и этим никакое лечение не поможет. Они исцеляются только молитвой и постом. Не следует углубляться в эти вопросы, предоставьте это священникам, которые получили особые Дары Святаго Духа для борьбы со злым духом. Злой дух, или попросту диавол, очень любит, когда ему придают большое значение, боятся его, он лукавый, отец лжи, сейчас же этим пользуется, и тогда беда...»

В первом часу ночи отец Иоанн лег отдохнуть и уже в 4 часа утра встал и предложил выйти на воздух, погулять. День был

чудесный, солнечный, и мы вышли в парк, к озеру. Всю жизнь отец Иоанн любил одиночество, чистый воздух, природу, и вся жизнь его протекала в городах в толпе, в спертом воздухе. Надо было видеть, как он восхищался каждым деревцом, каждым зеленым листиком, как он жадно дышал свежим утренним воздухом, как славил Бога в Его творениях!

Около пяти часов утра мы вышли из парка и на шоссе перед казармами встретили толпу чухонок с молоком. Чухонки, увидев отца Иоанна, окружили его и просили его благословить их кувшины, открывали крышки, и отец Иоанн крестным знамением осенял каждый кувшин, клал руки на головы чухонок, которые плакали от радости и целовали его руки.

Во время прогулки отец Иоанн объяснил мне, почему, несмотря на праздник в Кронштадте, он решил приехать к нам отслужить молебен в попечительстве во имя святителя Николая Чудотворца. Постараюсь как можно точнее передать его слова. «Когда вы мне написали, что помощь голодающим солдатам предполагается устроить во имя святителя Николая Чудотворца, я почувствовал, что должен приехать. Я никогда не забываю 9 мая и того, что для меня сделал в этот день святитель Николай Угодник, Чудотворец! И в этот день всегда особенно его праздную, благодарю и прошу его помощи и заступничества.

Это было давно! Я тогда был студентом Духовной академии. За несколько дней до 9 мая ко мне зашел мой товарищ по Академии и сообщил мне горестную и ввергнувшую его в отчаяние весть, что он совершенно и безнадежно оглох. Все врачи, к которым он обращался, объявили ему, что он неизлечим. Я ему говорю: «А как же выпускные экзамены? Как же ты их будешь держать?» Пишу ему на бумаге; он прочел и говорит: «Как же я могу держать экзамены, когда я ничего не слышу?» Я возмутился духом. Да ведь это невозможно, немыслимо! И пишу ему на той же бумажке: «Приходи ко мне 8-го вечером, и мы всю ночь с тобою помолимся святителю Николаю Чудотворцу, затем отслужим литургию, молебен с акафистом». Так мы и сделали, и мы вдвоем так молились, так просили, так убеждали Николая Угодника нам помочь, что после

акафиста мой товарищ вдруг услышал, и мы друг друга поздравляли, плакали и обнимались. И он успешно выдержал все экзамены. Вот это событие я никогда 9 мая не забываю и всю жизнь благодарю угодника Божия за его помощь и заступление».

Радостно и благоговейно встретили стрелки Императорской фамилии дорогого Батюшку. Во время литургии жена унтер-офицера подошла к Чаше со своим ребенком и радовалась, обливаясь слезами. Громко и проникновенно читал отец Иоанн акафист святителю Николаю Чудотворцу. «Отче Николае, моли Бога о нас», – говорил он, обращаясь как бы к присутствующему здесь, среди нас, лицу. Нижние чины при выходе отца Иоанна из церкви так обступили его, что офицерам пришлось взяться за руки и тесным кольцом его окружить, чтобы огородить его от желающих прикоснуться к нему и получить его благословение.

После 9 мая дела попечительства сразу расцвели, явились жертвователи, и было собрано 8262 рубля и 112 пудов хлеба от оставшихся от обеда нижних чинов кусков. С 1 сентября 1901 года по 1 июля 1902 года попечительство имело возможность снабжать хлебом 330 семей, пострадавших от неурожая и, кроме того, устроило для них, через удельных окружных надзирателей, работы, за которые они получали пособие мукой по числу душ в каждой семье.

К отцу Иоанну, как известно, обращались за советом не только миряне со всех концов России, но и духовные лица. Мне пришлось быть свидетелем выдающегося случая, когда к отцу Иоанну приехал за советом диакон с Дона, молодой красивый казак. Отец Иоанн служил литургию в соборе совместно с приезжими священниками и диаконами. Стоя в алтаре, я невольно обратил внимание на молодого диакона, который все время литургии обливался слезами. Отец Иоанн особенно ласково с ним обращался и после совершения Даров дал ему в руки рипиду, которую он все время держал над Святой Чашей. Из расспросов я узнал, что диакон этот во время пожара на Дону потерял жену и детей и у него остался только новорожденный, которого он вынес на руках из огня. И вот он приехал к отцу Иоанну за советом, что ему делать, бросить ли

ему сан, так как в монастырь он не желает поступить, а ребенка нянчить и воспитывать не может, не имея права в сане диакона жениться. После службы я подошел к диакону, выразил ему свое соболезнование и спросил, какой же дал ему совет и наставление отец Иоанн. «Да вот я уже неделю здесь живу и все спрашиваю у отца Иоанна, что мне делать, а он только и говорит «служи со мной», и вот я и служу ежедневно, молюсь и плачу, а ответа не получаю». Я условился с диаконом, что он по дороге домой заедет ко мне. Недели через две заехал он ко мне, вид у него спокойный, задумчивый, строгий. «Что же, – спрашиваю я его, – сказал в конце концов отец Иоанн?» – «Да ничего не сказал, служил я с Батюшкой, ежедневно приобщался Святых Тайн, молились мы вместе, он меня благословил и отпустил, а на дорогу подарил мне подрясник, теплую верхнюю одежду и шапку». – «Что же вы будете делать?» – спросил я его. «Отец Иоанн так служит, – ответил он, – что служить с ним великая отрада и утешение, я чувствую себя теперь спокойнее, какой-то мир водворился на душе. Решения я никакого не принял, поеду домой, а потом что Бог даст!»

Лет через шесть после этого получил я телеграмму с Дона от этого диакона. Он просил меня навести справку в Синоде, прошло ли особое представление Донского архипастыря о разрешении посвятить его, вдового диакона, в священники на открывающуюся вакансию в какой-то станице. По наведенной мною справке оказалось, что Донской архиепископ просил в виде исключения разрешить посвящение достойнейшего вдового диакона в священники, на что и последовало разрешение Святейшего Синода.

В мае 1900 года Общество приморских санаторий предполагало открыть первую в России приморскую санаторию для хронически больных детей в Виндаве. Комитет Общества поручил мне просить отца Иоанна вместе с комитетом поехать в Виндаву, освятить первый павильон имени Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны и заложить другое здания санатории.

Отец Иоанн, выслушав внимательно мой доклад о всех предположениях комитета для облегчения страданий детей,

больных туберкулезом костей, передал мне, что он согласен ехать. Все было устроено, и отъезд был решен на 10 мая в 8 часов вечера, через Ригу. В 12 часов дня 10 мая приезжает ко мне причетник Андреевского собора Киселев и передает мне собственноручное письмо отца Иоанна. Батюшка пишет, что ему сказали, что в Виндаве лежит глубокий снег, что добраться до санатория очень трудно, что вообще в Виндаве очень холодно и поэтому он не решается ехать так далеко. Я спросил у Киселева, где в настоящее время отец Иоанн. Оказалось, что он в подворье на Бассейной и обедает после обедни у игумены Таисии, которая празднует свои именины. Еду туда и вхожу в большую залу, где обедает масса народу. Отец Иоанн, видя меня издали, говорит: «Получили мое письмо? Ехать не могу». Я подошел к отцу Иоанну и говорю: «Кто мог вам сказать такую неправду, что в Виндаве снег и холод и что добраться до санатория трудно?» – «Да вот они говорят», – сказал Батюшка, показывая рукой на своих соседок, каких-то старушек. «А вы им не верьте, они просто стараются вас отговорить, не желают вашего отъезда. В Виндаве чудная, солнечная погода, снега давно нет, все сухо и начинает зеленеть, от города до санатория у нас конная железная дорога, вагон для вас готов, едут с вами отец Алексеев и все члены комитета. В Риге ждут вашего проезда, а в Виндаве весь город собирается вас встречать». – «Ну, так едем», – сказал отец Иоанн и встал из-за стола. Все встали, и окружающие стали уговаривать его не ехать; отец Иоанн никакого внимания на них не обращал и расспрашивал меня, как устроить, чтобы он мог съездить в Кронштадт. «Я должен с собой взять Святые Дары, без которых никогда не езжу, и захватить с собой некоторые вещи». Решили, что отец Иоанн поедет сейчас же на Балтийский вокзал и с двухчасовым поездом в Ораниенбаум, а я устрою ему пароход с расчетом, чтобы он к шести часам был на Балтийском вокзале, к часу отхода поезда в Ригу. Отец Иоанн сейчас же быстро и порывисто простился с окружающими, сел с какой-то старушкой в карету и приказал кучеру ехать на Балтийский вокзал. Приехали на вокзал, я усадил Батюшку в поезд и уговорился с причетником насчет парохода. Ровно в 6 часов приехал отец

Иоанн на Балтийский вокзал, и мы выехали через Ригу в Виндаву. Приехали в Ригу на другой день в 10 часов утра. В Риге на вокзале встречала отца Иоанна несметная толпа народа, его вынесли из вагона на руках и куда-то увезли. Я успел только просить полицмейстера привезти отца Иоанна на Тукумский вокзал к 12 часам дня. На всех станциях до Виндавы нас встречали огромные толпы, отец Иоанн открывал окно вагона, и ему в окно передавали маленьких детей, которых он благословлял и целовал, и детей возвращали родителям через другое окно.

Замечательно, что ни один ребенок при этом не плакал и не пугался и маленькие ручонки обнимали отца Иоанна за шею. В вагоне отца Иоанна все время сменялись пассажиры, некоторые сидели на полу, у его ног, и только смотрели на него. Отец Иоанн все время читал Библию, громко читал и восхищался пророчествами Исаии, а простые женщины и монашенки, сидящие у ног его, думали, что он пророчествует, умилялись, вздыхали и плакали. Приехали мы в Виндаву в 9 часов вечера. Весь город встречал отца Иоанна на вокзале, даже евреи толпились перед окнами вагона, глядели и кланялись. Отец Иоанн поехал к почтенному старику протоиерею Алякритскому, настоятелю единственной в Виндаве православной церкви при тюрьме. Отец Алякритский спросил отца Иоанна, могут ли на следующий день приобщаться Святых Таин его прихожане. «Конечно, – сказал отец Иоанн, – но исповедовать я никого не буду, это ваша паства, исповедуйте их сами». Поздно вечером приехали со всех сторон православные священники и протоиерей с диаконом от Рижского архиепископа и долго сидели за чайным столом у престарелого протоиерея, вспоминали старики свои бурсаческие годы и пели хором канты. Рано утром отец Иоанн в сослужении со всеми священниками и диаконами отслужил утреню и литургию, после чего отца Иоанна увезли в город. Мы должны были в половине второго сесть в вагон конно-железной дороги, а Батюшки все нет. Наконец в третьем часу привезли отца Иоанна на квартиру отца Алякритского, он по-видимому был страшно утомлен. «Не могу ехать в санаторий, – сказал мне отец Иоанн, – я так устал, что

еле стою на ногах, меня возили по всему городу, я был на месте строящейся православной церкви и в больнице, и в частных домах, меня везде угощали селедкой, так пить хочу, так устал, что не могу двигаться». Сейчас же распорядились дать Батюшке чаю; я обещал, что он более получаса может спокойно спать в вагоне конно-железной дороги. Сели мы в чью-то коляску и поехали на нашу платформу. Я посадил Батюшку на переднюю скамейку вагона, завернул его, усталого и измученного, в плед, и он тотчас же заснул крепким сном младенца. Приезжали приглашенные городские власти и гости, тихо, молча садились в вагон. Когда мы по лесу подъезжали к санаторию, пришлось разбудить усталого отца Иоанна. Он удивленно открыл глаза и, улыбаясь, сказал мне: «Куда это вы меня в лес завезли?» Приезд в санаторий был необычайно радостный, солнце сияло, больные калеки дети и служащие в санатории с массой народа, добравшегося пешком, встречали дорогого гостя. Отдохнув, приступили к освящению санатории. Батюшка совершенно ожил и перед началом молебна сказал прочувствованное слово, окончив его следующими словами: «В природе везде разлита в изобилии жизнь, и человек, находящийся на лоне природы, при известных условиях со своей стороны – умеренности и воздержанности от всего излишнего и греховного – и сам оживляется, ободряется, обновляется, укрепляется, так сказать, воскресает из мертвых. Пожелаем выздоровления всем детям, и настоящим, и будущим, которых сострадательная рука приведет сюда, а отцам и матерям дай Бог и самим быть здоровыми, и рождать детей здоровых».

После молебна отец Иоанн окропил святой водой все здания санатория и места закладки новых зданий, и затем все пошли на высокую дюну над морем. Отец Иоанн видимо наслаждался тишиной, чудным видом на море и чистым, живительным воздухом. Повернул я голову назад и вижу, что поодаль, под дюной, собирается громадная толпа рабочих в разноцветных рубашках, одетых по-праздничному. В это время строился Виндавский порт и на постройках работали артели со всех концов России. Все эти артели собрались около павильона санатория и ждали Батюшку. Отец Иоанн, обернувшись,

заметил их, встал и пошел к ним. Они все, толпой в несколько сот человек, стали на колени и поклонились ему в ноги. «Здравствуйте, труженики, – ласково приветствовал их отец Иоанн, – встаньте; здравствуйте, дорогие друзья». – «Здравствуй, наш дорогой Батюшка, здравствуй, родной наш! – заголосили мужики. – Мы за тобой пришли». – «Как за мной?» – спросил отец Иоанн. Один из старших при общем молчании объяснил отцу Иоанну: «Мы пришли за тобой всеми артелями, мы должны тебя по всем нашим постройкам пронести, ты должен все наши работы благословить, так решили все артели, и мы за тобой пришли».

«Да как же это – сказал отец Иоанн, – ведь вы работаете в порту, на воде, как же я туда пройду?»

«А мы тебя на руках снесем и будем передавать тебя от артели к артели». – «Как вы думаете – сказал мне отец Иоанн, – ехать ли мне в порт с ними?» – «Придется ехать, – отвечал я, – они ведь со всей России здесь на работах и желают, как и все мы, получить ваше благословение». – «А вы поедете с ними на работы?» – спросил отец Иоанн. «Да меня никто не приглашает», – отвечал я. «Ишь, какой хитрый, – смеясь добродушно, сказал Батюшка, – меня уговаривает, а сам не едет». – «Да меня, дорогой Батюшка, никто на руках носить не будет, как же я пройдусь по морю на портовых работах?» Так и не дали отцу Иоанну насладиться покоем, тишиной и видом на море, посадили мы Батюшку в вагон, обступили его рабочие и шагом поехали в город к мосту. Там ждал пароход, и Батюшку увезли в порт.

Мне передавали очевидцы, что действительно отца Иоанна пронесли на руках по всем портовым сооружениям, по молам, в открытое море, и артели бережно передавали его из рук в руки. Тут затем произошло нечто знаменательное, мы все были сконфужены и только впоследствии, через несколько лет поняли, что прозорливый Батюшка был прав. Начальник работ порта, поляк, был ретивый католик. Он, как потом оказалось, все время подсмеивался над восторженным приемом отца Иоанна в Виндаве, но так как он был в главе всех портовых работ, имел под своим ведением все рабочие артели, строил

санаторий и принимал деятельное участие в его устройстве, то он решил у себя устроить для отца Иоанна парадный обед, на который пригласил всех приехавших на освящение санатория. Пригласил же он отца Иоанна не накануне, даже не во время освящения санатория, а когда утомленного и измученного отца Иоанна привезли из порта в вагон на вокзал, когда уже стемнело. Поэтому отец Иоанн отказался от обеда и с ним осталось все духовенство. Так обед и не состоялся. Впоследствии во время революционного движения начальник работ был сменен.

Отец Иоанн, отдохнув, пил чай в вагоне и диктовал отцу Александру Алексееву сказанное им перед молебном слово. Ночью мы уехали из Виндавы и вернулись в Петербург 14 мая рано утром. Часто после этого видел я отца Иоанна, но никогда не видел его таким радостным, сияющим, довольным, как в Виндаве, на берегу моря, на высокой дюне под соснами.

Когда отец Иоанн был уже серьезно болен, за несколько месяцев до его кончины, мне пришлось ехать к нему в Кронштадт по поручению священника и прихожан – карельцев православной Крестовоздвиженской мачусаарской церкви, стоящей как бы на страже православия на скале на острове Ладожского озера. Молодой энергичный священник отец Владимир Никитинский, бывший в детстве моим воспитанником, задумал перестроить ветхую церковь и обновить старую ризу на чудотворной иконе святителя Николая Чудотворца, перенесенной на остров Сальми двести лет тому назад и чтимой всеми карельцами-рыбаками. Церковь эта пришла в полный упадок, крыша текла, ни облачений, ни утвари церковной мало-мальски приличной не было. На престоле двадцать лет лежало то облачение. Все приходилось обновлять, а средства были самые скромные. Рыбаки-карелы и их пастырь решили просить благословения отца Иоанна и приступить к обновлению храма. Приехав накануне вечером в Кронштадт, узнал, что отец Иоанн очень слаб и вряд ли будет служить. Тем не менее, как всегда, в 5 часов утра Андреевский собор был полон народу. К великой радости всех, в 6 часов утра приехал отец Иоанн, но на нем лица не было, он был мертвенно

бледен и не мог уже читать на клиросе. Во время проскомидии и литургии отец Иоанн все время опирался руками на жертвенник и престол, и казалось, что он не выдержит, упадет в обморок. При совершении Даров отец Иоанн ожил, молился, как всегда, душой и после приобщения Святых Таин совершенно преобразился, и перед нами предстал прежний наш дорогой, ни с кем не сравнимый Батюшка. Я просил разрешения у Батюшки пройти к нему на квартиру. «Идите ко мне и ждите меня там, я скоро приеду, буду приобщать всех моих домочадцев», – сказал мне Батюшка. Отец Иоанн всю долголетнюю священническую службу при Андреевском соборе провел в маленькой скромной квартире, отличающейся только тем, что во всех углах всех комнат были киоты с иконами, поднесенными ему со всей России. На шкафах – клетки с воркующими голубями, а перед окнами – канарейки, без устали выводящие свои трели. И те, и другие птички, конечно, подношения его почитателей, не знающих, чем проявить свою любовь к отцу Иоанну. Скоро пришел отец Иоанн, бодрый, веселый, радостный, порывисто вошел в соседнюю комнату, где приобщил Святых Таин всех живущих у него. Первой подошла престарелая жена его, а последним – дворник. В этой же комнате, представляющей из себя скорее склад всевозможных подношений, отец Иоанн принял и меня. Я подробно рассказал ему о карельской мачусаарской православной церкви, о ревностном молодом священнике отце Владимире Никитинском и его евангельской пастве – простых, но глубоко верующих рыбаках-карельцах. «Говорите громче – сказал отец Иоанн, – я что-то стал плохо слышать». Передал я отцу Иоанну, что все они ему низко кланяются и просят его святых молитв и благословения на обновление древней православной церкви и чудотворной иконы святителя Николая Чудотворца. «Скажите отцу Владимиру и его пастве – сказал отец Иоанн громким и звонким голосом и осенил меня большим крестом, – что я от всей души их благословляю и благодарю за доверие. Я знаю карельцев и высоко ставлю их испытанную веру и глубокую привязанность к родной им Православной Церкви. Кланяюсь им и желаю успеха в обновлении древнего храма и чудотворной иконы великого

святителя. Хочу участвовать в обновлении их храма и желал бы от себя пожертвовать им дарохранительницу, но не имею таковой под рукой. Не можете ли вы приобрести дарохранительницу и послать ее им от моего имени?» Я, конечно, с радостью согласился. Отец Иоанн ключом отпер ящик стола и начал искать в ящике деньги, нашел 25-рублевую бумажку, которую отдал мне, сказав: «Больше не нашел, вот все, что у меня есть, боюсь, что будет мало». Я земно поклонился отцу Иоанну от имени рыбаков-карелов, сказав, что на 25 рублей приобрету дарохранительницу и что глубоко верю, что почин дорогого Батюшки, как всегда, оживит все дело, и что я не сомневаюсь, что с Божией помощью по его святым молитвам весь мачусаарский храм обновится во славу Божию.

Действительно, отцу Владимиру и его пастве не только удалось привести храм в должный благоустроенный вид, но в церковь поступили обильные пожертвования со всех сторон; риза к иконе святителя Николая Чудотворца обновлена и украшена, вся церковная утварь: облачения, сосуды, напрестольное Евангелие – все получено с избытком, и, как венчание этого благого дела, мачусаарская церковь украсилась звучными колоколами, звон которых не только возвещает на Ладожском озере благую весть Воскресения Христова, но и служит труженикам рыбакам маяком: чудесный гул большого колокола во время туманов и непогоды ведет их к тихой пристани.

Отец Иоанн Кронштадтский у раненых

В наше тяжелое время общей смуты, неурядицы, человеконенавистничества, всеобщего озлобления, упреков, низвержения кумиров и омрачения идеалов хотелось всех, жаждущих любви, мира, всепрощения и братского единения во имя Христа, привести в здравницу для раненых и больных воинов в Финляндии, около Териок, 26 августа, в день посещения здравницы отцом Иоанном Кронштадтским. Мы так привыкли в последнее ужасное время к страшным кровопролитиям, междоусобицам, взрывам, пожарам, смутам, несчастиям, что не можем себе представить, что у нас здесь, близко, могли появиться чисто библейские картины мира, любви, благодушия и душевного общения. Описать посещение отцом Иоанном раненых и увечных воинов очень трудно, надо было видеть эту удивительную лучезарную картину. Постараюсь описать то, что я видел глазами и сердцем, и то, что и слышал ушами и всей душой.

Здравница, просторный обширный дом, на берегу озера Красавицы, окруженный высокими соснами; тихо в бору – воздух пропитан сосновым запахом; накануне был дождь, солнце греет, парит. У самого крыльца дома собралась странная на первый взгляд толпа. Калеки-солдаты на костылях, большая часть без одной ноги, без руки, с повязанными головами. Все одинаково одеты в темно-синие куртки, на груди у некоторых георгиевские кресты, лица измученные, серьезные, вдумчивые – у каждого нерадостные мысли и заботы, что делается дома на родине, как живут семьи, чем кормятся, как будут кормиться и впредь, когда кормилец увечный, слабый и больной, а тут еще воспоминания: тяжелые часы, проведенные в лазаретах и госпиталях на Дальнем Востоке, операции, перевязки, томления вдали от родины, среди чужих людей, а кругом болезни, страдания и смерть. Рядом с увечными воинами монахини, сестры и послушницы Линтульской общины, все в черном; тесной кучкой стоят они рядом с солдатами: у них нет забот о будущем, о семьях, о детях, они посвятили себя тяжелому

монастырскому труду, но невеселые и у них воспоминания о прошлом: вся их жизнь была так мрачна и безрадостна, что тяжелые полевые работы кажутся им покоем; но и у них бывают минуты разочарования, тоски, даже отчаяния, и сердца их жаждут утешения и духовной радости.

«Едет, едет», – слышится общий говор, все встрепенулись, солдаты сняли шапки. Все они из разных мест обширной России: тут и северяне, привыкшие к тяжелому полевому труду на неблагодарной земле, которая все же им дорога, как мать – родная кормилица, тут и жалкие безземельные витебские и могилевские крестьяне, у которых ничего нет, ни земли, ни дома, а потому и тело слабое, и душа пришибленная, тут и упрямые, неграмотные, но прямолинейные русаки восточных губерний, добродушные, наивные и подсмеивающиеся над собой хохлы, и серьезные, угрюмые, замкнутые полячки, работающие на заводах и фабриках и потерявшие там всякую любовь к дому и земле, и сильные духом, цельные, бодрые, неунывающие сибиряки, потомки тех же разношерстных русских крестьян, но отличающиеся от них верой в себя, в свою мощь и силу, деды которых боролись с природой и людьми и победили. Все эти в настоящее время искалеченные, больные, измученные люди слышали об отце Иоанне, читали о нем, видели его портреты, но не снилось им никогда, что отец Иоанн приедет к ним, посетит их и что они увидят его лицом к лицу. Узнав накануне, что общий молитвенник всей Руси приедет к ним, солдатики-крестьяне приготовили себя к этой радостной встрече. С вечера пропели хором молитвы утрени, помылись, опрятно оделись, ели постное, не курили; монашенки тоже приготовились к желанной встрече, все притихли и жадно смотрели на лесную дорогу, сворачивающую с шоссе на Линтульскую дачу.

Вот и отец Иоанн! Радостно и приветливо кланяется он толпе: «Здравствуйте, дорогие братья, здравствуйте, сестры!» Входит отец Иоанн на высокое крыльцо и все кланяется, внизу все сияют. «Здравия желаем, Батюшка», – хором отвечают солдаты. «Здравствуйте, наш бесценный Батюшка», – говорят сестры. Стою я около Батюшки, всеобщего нашего, родного

отца Иоанна, смотрю на толпу у крыльца, и кажется мне, что тут вся Русь наша, святая, измученная, простая, родная Русь: мужички темные, солдатики измученные, монашенки недалекие, и над ними на возвышении отец Иоанн, всеобщий молитвенник, горячая и непоколебимая вера которого всех утешает, ободряет: просто, бесхитростно, без рассуждений и умствований, по-русски, по-старому, по-древнему, библейскому. Так утешали и ободряли Святую Русь святители всея Руси, так было и во все тяжкие времена: во времена монгольского ига, во времена нашествия врагов, во времена смуты, мора и чумы. Так и теперь и долго еще будет утешаться молитвенниками и святителями наш бедный народ. Придет же, Бог даст, время, когда не утешать надо будет народ, а радоваться вместе с ним изобилию благ земных, общему благосостоянию и духовному развитию всего народа русского.

Все вошли в дом; калеки на костылях торопились подыматься по лестнице, друг другу помогая. Большая, светлая комната с окнами на чудное озеро; солнце всю ее залило; в углу стоит стол с образами и с чашей чистой кристальной воды из колодца, вырытого у самого берега озера; вода, просачиваясь через песок, естественно фильтруется. «Так бы и пил и пил эту воду», – сказал отец Иоанн после молебна. Перед столиком стали солдатики на костылях, сбоку – монашенки. Отец Иоанн стал громко и внятно произносить вылившиеся из его любвеобильного сердца молитвы ко Господу. Вид искалеченных воинов, видимо, особенно растрогал Батюшку, привыкшего постоянно видеть больных и страждущих. Особенно вдохновенно «говорил» отец Иоанн с Господом, именно – «говорил», убеждал, просил, кланялся. «Ты видишь, Господи – говорил отец Иоанн, – перед Собой измученных уязвленных воинов, Ты видишь их раны, Ты видишь их мучения, их тоску, их страдания. Помоги им, исцели их, утешь, ободри. Освяти эту воду, – и Батюшка рукой указывал на сосуд с водой, – и дай всем вкушающим ее, окропляющимися ею здравие, бодрость, утешение». Кончал одну молитву славословием отец Иоанн и начинал другую, и все умилительнее и трогательнее лилась молитва отца Иоанна; вместе с ним молились все от всего

сердца: слезы текли по щекам, сердца взывали к Господу, а молитвенник наш брал в руки крест, целовал его и говорил: «Ты Сам, Господи, страдал до смерти крестно, Ты исцелял наши человеческие страдания, утешь, исцели вот здесь стоящих перед Тобой людей». Затем отец Иоанн произнес: «Благословен Бог наш всегда ныне и присно и во веки веков. Аминь», – и, обратившись к хору сестер, сказал: «Царю Небесный». Начался молебен с водоосвящением. Долго выбирал отец Иоанн, какое прочесть Евангелие, и остановился на 20-й главе Евангелия от Матфея, стихи 1–16. Более подходящего к живущим в здравнице воинам евангельского текста нельзя было выбрать; и какое знаменательное явление, что отец Иоанн именно выбрал это, а не другое Евангелие! Среди раненых и увечных постоянно возникают споры и пересуды, где кто был ранен, в скольких сражениях участвовал, и несчастные больные, не раненые, а захватившие на войне тиф или другие болезни, всегда чувствуют себя как бы неловко перед ранеными и искалеченными. В притче о найме работников в виноградник все получают в конце работы ту же плату. Громко и отчетливо произнес отец Иоанн слова: «Друже, не обижу тебе»...

И еще громче и вдохновеннее: «Тако будут последнии первии, и первии последни, мнози бо суть звани, мало же избранных». «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе».

После молебна все подходили ко кресту. Отец Иоанн всех окроплял святой водой и в это время говорил громко, отчетливо, обращаясь к раненым: «Я счастлив, друзья мои, что вижу вас, я польщен, что вижу перед собой братьев моих, которые проливали кровь за родину, кланяюсь вам и вашим ранам, и увечьям. Многие бы желали видеть столь раненых, пострадавших за нас и поклониться им, поблагодарить их, но не всем это удается. Я счастлив, что имею возможность вас видеть, поклониться вам и поблагодарить вас. Знайте и помните, что все раны ваши, все мучения и страдания ваши записаны в Царствии Небесном, вы своими страданиями, мучениями, ранами своими уже запаслись заранее местами в Царствии Небесном; а что выше этого? Ведь жизнь наша здесь на земле только приготовление к жизни вечной, небесной,

радостной, светлой. Все, что вы претерпели, вам зачтется: смотрите же, не омрачайте того, чего вы достигли, вашей последующей жизнью. Храните то, что вы приобрели, свято и неприкосновенно. Знаю, вы вернетесь домой, много еще будете терпеть, вас, может быть, не будут ценить, будут, может быть, и обижать, и упрекать, забудут ваши мучения и раны, но вы-то сами не забывайте их, помните всегда, что вы уже приобрели себе вашими страданиями награду на небесах, радуйтесь этому всегда, ликуйте, благодарите Бога, благодарите Его за то, что вы подобно Господу нашему страдали, помните, что Он страдал до смерти, до смерти Крестной и что вы сораспялись Ему. Повторяю вам: не омрачайте того, что вы приобрели, радуйтесь и ликуйте, не унывайте, не тоскуйте; благослови вас Господь». После раненых подходили сестры, и их отец Иоанн также ободрял и утешал.

После молебна отец Иоанн перешел в другую комнату – библиотеку; кругом на полках книги и картинки. Тут произошел маленький эпизод, ярко рисующий отношение отца Иоанна к простому, темному русскому мужичку и объясняющий ту глубокую связь, которая существует между отцом Иоанном и простым темным народом. У нас в здравнице оказался один неграмотный пензенский мужичок из запасных, георгиевский кавалер, без ноги. Как его ни убеждали воспользоваться свободным временем поучиться грамоте, он упорно отказывался, говоря, что ему это трудно, что у него голова не работает и что грамота ему не вернет ноги. Мужичок вообще придурковатый, и над ним потешались другие, более развитые солдаты и дразнили его. Я указал на него отцу Иоанну и передал, что вот он не желает учиться читать, а времени свободного много. Мужичок посмотрел на отца Иоанна и сказал: «Где же мне учиться, у меня от войны голова еще кругом идет». – «Правда – сказал отец Иоанн, – где ему учиться, ведь он еще весь болен, ведь сколько мучений и страданий он претерпел, – легко ли? Ноги лишился». При этом отец Иоанн перекрестился и поцеловал его Георгиевский крест, а солдатик также перекрестился и поцеловал наперсный крест отца Иоанна, и они обнялись, а солдат заплакал.

Этим и кончилось мое желание уговорить его учиться грамоте.

Посредине библиотеки был накрыт стол, и подали чай. Полукругом перед столом стали монашенки и пели антифоны, а к отцу Иоанну вереницей подходили раненые на костылях с кружками чая в руках; дрожали бедные усталые руки, держащие кружки, но каждому хотелось подойти к Батюшке, который в каждую кружку опускал сахар, при этом порывисто брал целую горсть сахара и бросал ее в кружку, как бы желая символически подсластить их жалкую, беспомощную жизнь. Батюшка при этом со свойственной ему добротой и лаской трепал их по голове, обнимал, и они умильно и радостно целовали его пастырскую руку.

Пропев антифоны, хор радостно запел дорогому бесценному отцу Иоанну многая лета, подхватили солдатики и долго пели и кланялись отцу Иоанну от всей души и от всего сердца, желая ему долгие, долгие лета на радость и утешение всем страждущим, больным и обездоленным.

Когда мы возвращались и проезжали по лесу, я выразил отцу Иоанну всю скорбь его почитателей на злостные и клеветнические нападки на него жидовствующих газет. Отец Иоанн обнажил голову, осенил себя крестом и сказал: «А я благодарю Господа, что меня поносят! Слава Богу! Наконец! А то все прославляли, к святым причисляли, а в Евангелии сказано: *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески злословить* вас и лгать на вас, *Меня ради* (Мф.5:11). Значит, мой конец близок и Милостивый Господь скоро призовет меня к Себе. Слава и благодарение Господу Богу!»

1905 г.

Мои воспоминания. Митрополит Нестор (Анисимов)

Незабываемое впечатление произвела на меня встреча с известным протоиереем Иоанном Сергиевым. Произошла она вот при каких обстоятельствах.

В перерывах между учением я находился в городе Вятке, в родной семье. Однажды летом такое пребывание мое среди близких, любимых людей было омрачено тяжелой болезнью мамочки. По определению консилиума врачей, она была обречена на неминуемую смерть. Они сообщили об этом отцу и прекратили посещение больной. Мама таяла на наших глазах: болезнь печени не поддавалась лечению, и мама не могла уже даже говорить. В моем представлении тогда никак не увязывалась любовь сына с мыслью о возможности лишиться матери.

В это самое время пришло известие о том, что в Вятку едет протоиерей отец И. Сергиев. Мне приходилось слышать о нем как о молитвеннике огромной силы веры. Мысль о том, чтобы постараться увидеть его и попросить помолиться о здравии и спасении жизни моей мамы, не покидала меня. Не только в Вятке готовились к встрече отца Иоанна Сергиева, но и из окрестностей, из ближайших уездных городов и деревень в огромном количестве собирался народ. С присущей юношескому возрасту пытливостью я смотрел на богомольцев и скорее сердцем, чем сознанием, почувствовал, что это идет вдохновенная молитвой Православная Русь, с добрыми намерениями, как бы подтверждая своим духовным обликом слова песнопения: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение!»

При виде этого множества верующих людей я подумал: как же мне, юноше, осуществить свое решение и пробраться к отцу Иоанну с заботой о моей болящей маме?

Я отправился к Вятскому викарному владыке Филарету и попросил его помочь мне в свидании с отцом Иоанном Сергиевым. Архиерей посочувствовал моему горю. Он предложил перевезти маму в монастырский храм и положить

там на случай, если отец Иоанн туда приедет. Однако она была уже настолько слаба, что ее нельзя было тронуть с постели. Мрачные мысли одолевали меня, когда я возвращался домой от владыки Филарета.

Вдруг во мне созрело внезапное решение. Здесь, в участке, проживает недавно прибывший новый вятский полицмейстер К.К. Коробицын.

«А не обратиться ли к нему за содействием?» – подумал я и постучался в дверь.

Он принял меня довольно любезно и сказал, что отец Иоанн Сергиев, родом из Архангельска, его земляк. И с этими словами вручил мне свою визитную карточку с надписью о том, чтобы меня беспрепятственно пропустили всюду, где будет находиться этот знаменитый в те годы протоиерей.

В день прибытия отца Иоанна в Вятку несметные толпы верующих людей затрудняли движение по городу. Прямо с вокзала гость направился в семью Поскребышевых. За несколько кварталов до их дома улицы были запружены народом. Даже с пропуском полицмейстера мне с трудом удалось пробиться к заветному дому в надежде увидеть отца Иоанна.

По предъявлении визитной карточки Коробицына мне открыли калитку, и я прошел на открытое парадное крыльцо на втором этаже. Там, в небольшой зале перед иконой, стоял в епитрахили отец Иоанн Сергиев и служил молебен.

Я был потрясен огромной силой духа и проникновенностью, с которой он произносил молитвы. Голос его при этом был преисполнен религиозного дерзновения.

Когда по окончании молебствия молящиеся начали подходить ко святому кресту, я был в числе последних. Волнуясь, сдерживая слезы, я сообщил отцу Иоанну о смертельно опасной болезни мамочки. Он спросил у меня ее имя, перекрестился и сказал:

– Дай Бог ей здоровья!

Затем велел мне отвезти ей освященной воды. Я выполнил его указание, но прежде чем уехать домой, наспех написал записку с именами членов нашей семьи и вручил ее старушке

М.П. Медведевой для передачи на молитвенное поминовение отцу Иоанну.

На следующий день я отправился в Дом трудолюбия, где в церкви гость должен был совершить Божественную литургию. И вот снова улицы заполнены народом. Я пробрался с трудом через двор в переполненный молящимися храм. Вскоре колокольный звон и гул голосов возвестил о прибытии отца И. Сергиева. Верующие люди подняли его на руки и сквозь толпу пронесли через двор по той же лестнице, где проходил и я. Он узнал меня, приветливо посмотрел и сказал:

– Ты уже здесь! А как мама?

– Все в том же положении... безнадежном... – ответил я.

– Будем просить у Бога здоровья, и Он услышит, спасет...

Описать восторгающую силу служения Божественной литургии, совершаемой отцом Иоанном, почти невозможно. Это от начала до конца неугасимое пламя дерзновенной молитвы. Резкое, громкое, настойчивое, требовательное обращение в молитвах к Богу потрясало молящихся. В алтарь беспрерывно несли телеграммы и записки с просьбой к отцу Иоанну помянуть перечисляемые имена у престола церковного.

На следующий день я вторично присутствовал на богослужении, совершаемом отцом Иоанном в Иоанно-Предтеченском храме. Туда было привезено много больных и одержимых. Под церковными сводами то и дело раздавались стоны, вопли и мольбы страждущих, чающих исцеления от недугов. А молитвенный голос отца Иоанна звучал так же, как и накануне: дерзновенно, уверенно, напоминая общение с Богом древних пророков.

Опасаясь, что мама может умереть в мое отсутствие, я ушел домой до окончания богослужения. В этот же день, но несколько позже, я не вытерпел и на извозчичьих дрожках отправился на поиски местопребывания отца Иоанна.

Но едва я успел завернуть за угол нашей улицы, как увидел, к удивлению своему, показавшийся мне бесконечным поезд экипажей. На первом из них сидела Матрена Петровна Медведева со священниками. Увидев меня, она замахала руками и закричала:

– Куда ехать-то? К вам отец Иоанн едет!

Я быстро вернулся домой и попросил отца и бабушку встречать гостя. А дворнику сказал, что ввиду тесноты нашего дворика в ворота пропустить только один экипаж, отца Иоанна. Сам же я быстро приготовил столик, воду для освящения и церковные свечи, каковые у меня были в запасе.

Между тем маму на кровати внесли в зал. К моменту начала молебна толпы верующих заполнили не только зал и прилегающие к нему комнаты, но и двор, а также улицу. Но вот вошел отец Иоанн и спросил:

– Где ваша больная?

Получив ответ, он благословил нашу семью и обратился ко мне:

– Ну, вот видишь, я приехал к твоей маме. Будем молиться, и Господь Бог вернет ей здоровье!

С этими словами он подошел к маме, лежащей в бессознательном состоянии, обласкал ее, как малого ребенка, приговаривая:

– Бедная ты моя, больная Антонина...

Отец Иоанн положил ей на голову крест, бывший на нем, прочитал молитву и пригласил всех нас молиться о болящей, а у отца осведомился, чем мама больна. Затем, встав на колени пред столиком с Евангелием и крестом, отец Иоанн громогласно, дерзновенно просил Бога исцелить мать.

– Ради ее детей, Господи, – возглашал он, – яви Твою Божественную милость, пощади рабу Твою Антонину, верни ей жизненные силы и здоровье, прости ей все грехи и немощи! Ты, Господи, обещал просящим исполнить и дать просимое. Услыши же нас, Тебя молящих, и даруй здоровье болящей рабе Твоей Антонине!

Отец Иоанн произносил эти слова, обращенные к Богу, в совершенной уверенности в милости Всевышнего. По окончании молебна он снова подошел к матери, благословил ее и сказал твердо, повелительным голосом:

– Сейчас же позвать священника, он причастит болящую, и она с Божьей помощью будет здорова!

На прощанье отец Иоанн расспросил отца о нашей семейной жизни и, благословив нас, уехал. Когда он выезжал со двора, множество верующих, столпившихся на улице, окружили экипаж. Многие хватали руками колеса, иные пытались коснуться хотя бы края его рясы, некоторые бросали письма, пакеты с деньгами, записки о поминовении.

Когда мы, домашние, проводив отца Иоанна, вернулись к маме, она лежала как преображенная; кто-то из нас спросил у нее, сознает ли она, что сейчас происходило. Мама чуть слышно прошептала: «Оставьте меня одну...»

Мы выполнили ее просьбу, к тому же пришел вызванный мной священник. Перед началом исповеди мы простились с мамой и вышли, а когда после ее исповеди вернулись к причастию, увидели с радостью, что больная сидит на кровати, а после приобщения Святых Таин спокойно встала на ноги.

На следующий день она уже не ложилась в постель и быстро начала поправляться. После этого знаменательного для всей нашей семьи события мама прожила еще около тридцати четырех лет.

Во мне же, юноше, случай плодотворной силы веры и молитвы ускорил процесс моего духовного роста, укрепил мое стремление посвятить свою жизнь Богу и служению на помощь и пользу страждущим.

Мне кажется, что сила веры в Бога и в Его чудесную помощь, дающая действительный, а не мнимый результат услышания сильного внутреннего, глубокого душевного и дерзновенно-настойчивого молитвенного прошения немощного человека у Всемогущего Господа Бога-Творца, здесь явно обнаружилась. Это явление, каковых среди верующих множество, человечеством всегда определялось словом «чудо», чудесная помощь свыше от Бога.

Здесь могут в этом вопросе рассуждать два человека: верующий и неверующий. Но в моем понимании (счастливца, верующего, знавшего весь процесс предсмертной тяжкой болезни в данном случае моей родной, умиравшей на наших глазах, дорогой, любимой матери) все сие едва ли подлежит обсуждению и рассуждению, то есть суждению или суду

человека, когда даже врачи оставили ее, а один доктор А.Ю. Л. в утешение нас, плачущих, сказал: «Мы сделали все, что могли, пусть больше сделает Всемогущий, так как врач лечит, а Господь излечивает», что в конечном итоге и произошло.

Я навсегда покинул родительский дом, удалившись в монастырь, приготовляясь к пострижению в монашество. С особенной трогательностью, со слезами участия провожала меня, напутствуя материнским благословением и добрым словом, дорогая моя мама.

Вскоре из Елабуги возвратился архимандрит Андрей. Я подробно рассказал ему как своему духовному отцу о совершившемся. Вдвоем с ним мы отправили телеграмму архиепископу Владивостокскому и Камчатскому Евсевию с просьбой о принятии меня миссионером на Камчатку, с пострижением в монашество в городе Казани.

Владыка Евсевий немедленно по телеграфу ответил о том, что он радостно ожидает моего прибытия в сане иеромонаха. Одновременно он обратился с просьбой к архиепископу Димитрию Казанскому о моем пострижении и посвящении в сан иеродиакона, а затем иеромонаха, с благословением на камчатскую поездку.

Я обратился за благословением к протоиерею отцу Иоанну Сергиеву, еще в детстве отметившему меня своей отзывчивостью и участливым отношением к больной маме. Вскоре на мое имя прибыл от него ответ. На фотографической карточке с изображением отца Иоанна им была сделана надпись:

«Раба Божия Николая Анисимова благословляю на великий подвиг миссионерства, если он находит себя способным и чувствует в себе призвание к нему. Да явится в нем благодать Божия немощная врачующая. Целую его братски. Протоиерей Иоанн Сергиев. 18марта 1907 года».

17 апреля 1907 года я принял монашеский постриг от руки моего аввы отца архимандрита Андрея. Это произошло в Великий Вторник на Страстной седмице. Отец, мать и брат Иларий присутствовали в церкви на моем пострижении. После пострига мой духовный отец, архимандрит Андрей, сказал мне

назидательное слово как новоначальному иноку. Он благословил меня Казанской иконой Божией Матери. Внизу этой иконы имелись изображения двух ликов святых: мученика Нестора Солунского и преподобного Нестора – русского летописца. Их память совершается 27 октября (ст. ст.) в один день.

6 мая 1907 года в Казанском кафедральном соборе бывший алтайский миссионер, епископ Иннокентий (Солодчин) возвел меня в сан иеродиакона. Личность епископа Иннокентия заслуживала всяческого уважения. Этот почтенный старец, глубокий подвижник и аскет принял впоследствии схиму в Херсонском монастыре. Владыка Иннокентий перед моим отъездом на Камчатку дал мне полезные наставления как бывший алтайский миссионер.

Между прочим, он спросил меня:

– Вот сейчас ты понесешь три креста: монашество, пастырство и миссионерство. Какой из этих крестов легче и какой тяжелее?

После некоторого раздумья я ответил:

– Полагаю, что легче из них – пастырство; за ним следует миссионерство и монашество.

Но епископ Иннокентий возразил:

– Все три креста могут быть одинаково и тяжелы, и легки, смотря по тому, как их нести. Если с верой, благоговением, давая себе постоянный строгий отчет в этом великом и святом служении, то любой из крестов и даже все три сразу будет легко нести с Божьей помощью.

Спустя два дня, 9 мая 1907 года, в день моего небесного покровителя от святой купели Крещения святителя Николая, Мирликийского чудотворца, в том же Казанском кафедральном соборе, я был посвящен в сан иеромонаха. Напутствуемый архиепископом Казанским Димитрием (доктором церковной истории Самбикиным), я вскоре уехал на Камчатку.

Накануне моего отъезда к месту священнослужения из Кронштадта прибыл нарочный посыльный. Он привез мне от отца протоиерея Иоанна Сергиева священническое розовое

облачение Батюшки и устное напутствие от высокочтимого мною отца Иоанна следующего содержания:

«Передай камчатскому миссионеру (я его монашеское имя не знаю) от меня облачение. Бог ему в помощь...

А вот этот сосудик передай ему и скажи – все выпитое (больше половины) это мной выпито за мою жизнь, а оставшееся он будет допивать в его жизни, но пусть переносит все невзгоды терпеливо, да благословит его и спасет Господь Бог».

Так добровольно, по Божественному велению и по влечению христианского сердца моего, взял я на себя три креста: монашество, пастырство, миссионерство, и пошел с ними по тернистому пути, начертанному Господом, неся во славу Его свет Правды и Истины пребывающим в темноте и забвении народам далекой окраины Государства Российского. Эти три креста я нес в сердце своем во все годы моей жизни. Куда бы судьба ни забрасывала меня, с какими бы людьми ни сталкивала, я помнил о том, что я сын моей Великой Родины, добровольно несущий святое это бремя. Я сознательно отрекся от мирских, суетных благ житейских, пренебрег служебной карьерой и отправился в далекую, необжитую, всеми забытую и не ведомую тогда еще мною Камчатку, движимый желанием помочь страждущим там в темноте, невежестве и лишениях людям.

В 1907 году, в первой половине августа, вследствие проливных дождей, от бурных горных потоков в Гижигинском уезде случилось большое наводнение, причинившее много бед и несчастий. Потоками воды были смыты все запасы рыбы, в том числе и корма для собак. Были снесены жилища и юрты тунгусов, с их меховой одеждой и всем домашним скарбом. Ко всему этому, от селения Гижиги до границ Охотского моря был недоход рыбы, которая для коренного населения являлась основным питанием, заменяющим собой и хлеб, которого тогда там не было.

Тунгусы, пострадавшие от наводнения и возникшего вследствие этого голода, не имели оленей, что лишало их возможности добывать пропитание для своих семейств.

Я был очевидцем их безвыходного, бедственного положения. Меня охватывало отчаяние при мысли о том, что я ничем не могу помочь несчастным страдальцам. От связи с центральной Россией я был отрезан по меньшей мере на год и не имел запаса продуктов для оказания срочной помощи пострадавшим от наводнения. В поисках выхода из создавшегося положения я написал призывные письма владыке Евсевию во Владивосток, епископу Андрею в Уфу, а также отцу Иоанну Сергиеву в Кронштадт.

Мои послания достигли цели лишь через год. В ответ я получил ободряющие, воодушевляющие меня письма; кроме того, денежную помощь и продуктовые посылки для распределения среди местного населения, пострадавшего от стихийного бедствия.

Особенно меня ободрило и утешило краткое, но вдохновляющее письмо отца Иоанна Сергиева.

«Отец Нестор! Дерзай и уповай пред Лицем Пославшего Тебя на апостольскую проповедь. Терпи, как апостолы, уповай на помощь Божию, утешай новую паству Твою надеждой жизни вечной.

Переводом посылаю тебе 400 рублей на голодающих. Протоиерей Иоанн Сергиев».

В.Н. Зверев. Памяти отца Иоанна Кронштадтского

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово. Евр.13:7

В девяностых годах минувшего столетия отец мой занимал профессорскую кафедру при Московском университете. Семья наша состояла из отца с матерью и пятерых детей, из которых я был старшим. Годам к 8–9-ти родителями моими были замечены какие-то недочеты в моем развитии. Потребовалось медицинское вмешательство. Товарищи и друзья моего отца – врачи и профессора медицины уделили мне много внимания. Дело шло о носоглоточной области, гландах и железах, действовавших ненормально и пагубно влиявших на весь организм. Предпринятое лечение не дало желаемых результатов, и с общего согласия было решено произвести операцию по удалению злополучных гланд. Сделать операцию взялся профессор Станислав Федорович Штейн.

Произведенная на дому операция протекала довольно болезненно. Два-три дня, проведенные в постели, оказались недостаточными. Вылежав довольно долго, выросший и похудевший, я встал с постели, к беспокойству меня окружавших, с искривленной шеей. Голова моя оказалась пригнутой к левому плечу, и все попытки утвердить ее прямо причиняли мне сильные боли. Были пущены в ход все средства – массаж, электризация, металлический, подложенный замшей ошейник... Чего только надо мной ни делали... Однако все это мало помогало. Голову поднять не удалось, и все мероприятия были оставлены. Мне грозила участь навсегда остаться уродцем. Болей не было. Радуясь тому, что меня оставили в покое, я не замечал постигшего меня несчастья.

Родители мои, конечно, смотрели иначе. Мать моя не могла без слез видеть мою убогую фигурку. Отец хмурился. Советовался с кем только было можно. Дома шли разговоры о необходимости везти меня за границу к какой-то знаменитости... Ничего этого не понадобилось.

Вывезенная еще из деревни, всех нас, детей, вынянчившая прислуга была удручена моим недомоганием не меньше отца с матерью, жалела меня и моих родителей и в своем кругу много толковала о случившемся. С наступившей весной, на фоне ликующе-радостного возрождения всей природы, убожество мое было как-то особенно прискорбно. В один прекрасный день кем-то из них было сообщено моей матери об ожидаемом приезде в Москву батюшки отца Иоанна Кронштадтского, имевшего пробыть в городе очень недолго. Домочадцы наши настаивали на необходимости поручить меня молитвам тогда уже хорошо известного служителя Божия и выражали непреложную уверенность в действительности предлагаемой меры.

Семья наша была верующая. Все выросли и были воспитаны в добрых правилах Православия. Мать неукоснительно смотрела за тем, чтобы в доме соблюдались полагающиеся истовость и порядок в отношении требований Церкви. Все у нас аккуратно говели, приобщались, отстаивали всенощные бдения и обедни без всяких поблажек. Посты, предания и обычаи хранились свято... Однако в семье нашей была замашка как бы сторониться выходящих из ряда вон явлений религиозного порядка. Действовал не дух отрицания, но осторожность, диктуемая боязнью нарушить целость и равновесие душевной жизни. В доме нашем были достаточно известны случаи семейных раздоров – следствие увлечения одних обретенным духовным руководством и страстных протестов такового признать не желавших. Про отца Иоанна знали, что к нему ехали и обращались со своими немощами, печалями, заботами и душевными тревогами люди со всех концов России... Было известно, что все прибегавшие к отцу Иоанну не только получали искомое успокоение, помощь и разрешение мучивших их совесть вопросов, но и становились его духовными детьми, беспрекословно принимавшими к исполнению его указания и руководство. Последнее обстоятельство и заставило иных отгораживаться от возможного в таких случаях раздвоения душевного: обращаясь за советом к опыту духовного руководителя, обращающийся тем самым как бы признает заранее обязательными для него все указания

такового. Если указания приходятся не по сердцу и не согласны с намерениями обращающегося – уклонение от испрошенного руководства рождает чувство недовольства самим собою и душевной тревоги... Примерно так думали и мои отец с матерью.

Я хорошо помню, как мать сообщила отцу о своем решении повидать отца Иоанна. Отец возражений не сделал, но было заметно, что сам он воздержался бы от такого шага. «На что ты, собственно, Надя, надеешься?» – коротко спросил он. «На милость Божию». – «В таком случае, конечно... Однако? Если твои ожидания не сбудутся?» – «Это уж как Богу угодно будет», – решительно ответила мать. К вечеру стало известно, что отец Иоанн завтра должен служить в домовой церкви одного из богоугодных заведений первопрестольной – помнится, во Вдовьем доме графини Шереметевой – очень неблизко от нашей квартиры.

Ранним утром, напутствуемые добрыми пожеланиями всех наших домочадцев, мы с матерью поехали по указанному адресу. Солнце, зелень распустившихся деревьев на бульварах, дышащих еще ночной свежестью, веселый стук колес извозчичьей пролетки по булыжной мостовой – все меня тогда необыкновенно заняло и навсегда запечатлелось в памяти.

Во дворе церкви мы наткнулись на громадную толпу. Храм не вмещал желающих туда проникнуть. Надежды пробиться к отцу Иоанну не было. Разговоры с людьми, оказавшимися в таком же, как мы, положении, привели к решению отстоять службу на воздухе и попытаться приложиться ко кресту по ее окончании.

Стоять пришлось долго. Я устал и порядочно соскучился. Наконец, окружавшая церковный вход толпа пришла в движение. Из церкви начали выходить стоявшие там службу, а навстречу им потекли потоки ждавших своей очереди подойти ко кресту. Давка и толкотня, как водится, поднялись ужасные. Стараниями вошедших в положение наше мы с трудом пробились в церковь, но должны были долго простоять где-то в сторонке, пока вокруг отпускавшего народ отца Иоанна толпа не поредела и не открылась возможность подойти к нему.

Вокруг отца Иоанна стояли полукругом задержавшиеся его почитатели, желавшие насладиться лицезрением любимого Батюшки. По ярко освещенному солнцем храму разместились отдельными группами ожидавшие его выхода, чтобы при проводах успеть получить его благословение. Сам отец Иоанн, сухощавый, живой, с резкими движениями, стоял на нижних ступенях солеи и, подавая крест направо и налево, обменивался с подходившими отрывистыми словами, налету подхватываемыми окружавшими.

Мы подошли чуть не последними. Отец Иоанн обернулся в нашу сторону и вопросительно посмотрел на обоих. Неожиданно лицо его озарилось веселой улыбкой и глаза засияли лаской. «Наконец-то! А ведь я вас давно жду...» Смущаясь перед лицом окружавшего нас народа, мать попыталась наскоро объяснить цель нашего посещения. Отец Иоанн как бы не слушал. Он наклонился ко мне с крестом и положил руку мне на голову. «Да что это у тебя с головой? – заглянул он мне в лицо сверху. – А ну! Подними головку! Ничего… ничего… Все хорошо будет...» Не могу ничего сказать про мое ощущение, но впоследствии я узнал от матери, что, к ее неописанной радости, я голову поднял. Отец Иоанн дал мне приложиться ко кресту, гладил по голове, обменялся краткими речами с матерью и ласково похвалил ее за то, что мы у него побывали.

Мать была потрясена и не находила слов, чтобы выразить свои чувства. Да это было и не нужно. «Благословите, Батюшка...» – она подвинула меня к отцу Иоанну, – на всю жизнь!.. Отец Иоанн широко благословил нас обоих. «Ступайте с миром... А я еще попомню... Нужно будет, непременно вспомню», – ласково погладил он меня по голове на прощанье. Он подал нам крест вторично и обратился к следующим.

Я помню, как затолпились вокруг нас предстоявшие. Помню слезы радости и умиления на окружавших нас лицах. Меня целовали, обнимали. Наперебой обращались к матери. Кто-то совал мне в руку просфорку... Неожиданно все хлынули куда-то в сторону. Отец Иоанн выходил из алтаря южными дверями. Он успел разоблачиться и направлялся к выходу. Все повалили следом, наперерыв подставляли руки под благословение. На

паперти отца Иоанна задержали ждавшие его появления на воздухе. Он с трудом пробился к ждавшему его извозчику. Последнего окружали. Люди становились на подножки, хватались за экипаж и бежали следом.

Обратный путь наш был радостен и светел. Мать дорогой принималась целовать меня, повторяя, чтобы я навсегда запомнил, что сделал для нас отец Иоанн. Везший нас извозчик разделял нашу радость. Я вертел головой во все стороны, не испытывая ни боли, ни неловкости. Радостно были мы встречены и дома. Атмосфера царила чисто пасхальная. За малолетством у меня не сохранились в памяти суждения и разговоры старших по поводу описанного. Потом мне пришлось узнать, что таковых было много. Представители медицины разводили руками. Люди попроще радовались с нами в простоте сердца и благодарили Бога, посылавшего России таких пастырей, как отец Иоанн.

Свое обещание меня вспомнить отец Иоанн сдержал при удивительном стечении обстоятельств...

Жизнь текла своим чередом. Разогнувшаяся шея выправилась окончательно. Мы оставались в Москве. Отец Иоанн подвизался в Кронштадте. Слава его ширилась. По временам до нас доходили вести о чудесных случаях его предстательства пред Богом. Появились его портреты, бережно хранимые почитателями. Не было недостатка и в осуждениях и убогих остротах по его адресу. В этом направлении изощрялись молодежь, студенчество и представители либерально-материалистического образа мышления.

В девятисотых годах отец мой покинул профессорскую деятельность, перейдя на службу по администрации. Мы переселились в Петербург. Я и брат были отданы в гимназию. Кончилось детство, наступило отрочество.

Жизнь изменилась. Близость к церкви стала слабее. Не потому, чтобы что-нибудь изменилось в наших воззрениях, а потому, что весь склад жизни чиновничьего Петербурга коренным образом разнился от склада московского. Церквей в Петербурге было сравнительно мало. Звона колокольного почти не слышно. Рачительно посещающее церкви население само по

себе замкнуто и несклонно к приходскому общению. Благочиние в петербургских храмах, сказать кстати, крепче. Москвичи со своими святынями обращаются гораздо свободнее. Москвич идет в церковь и чувствует, что церковь эта своя. Москвича в церкви окружают знакомые привычные лица. Он чувствует себя «дома», неписанным членом живой общины – прихода. Петербуржец в церковь «является». Состав посетителей храма постоянно меняется; общения взаимного нет, и прихода как органического тела не чувствуется... Все это, а равно и подмеченные нами маленькие особенности петербургского церковного быта, произвело на нас, детей, неблагоприятное впечатление. Мы чувствовали себя предоставленными самим себе, как бы гостями в храме Божием. Теплоты и близости московских церквей мы в Петербурге не обрели. Много пришлось прожить лет в Северной Пальмире, пока мы там сжились и ко всему привыкли, и научились любить наш ни с чем не сравнимый град Петров – «полнощных стран красу и диво» ... Тогда, бывая в первопрестольной, мы каждый раз испытывали чувство возвращения в родную сторону, спешили обойти заветные уголки, побывать там, где когда-то пробудилась наша душевная и духовная жизнь. Мы рано узнали цену воспоминаниям.

В Петербурге отошли от нас и сирые и убогие, простые сердцем. Не стало близости к народу. Народ в Петербурге такой же чинный, как и чиновничество. Каждый живет своим кругом и с другими отношений, кроме деловых и служебных, не имеет. Привычки к многогранной пестроте московского быта изживались трудно. Мы с братом скучали, не умея дать объяснений угнетавшему нас чувству разобщения с народной толщей. Но время шло. Я уже был студентом. Жизнь текла ровно. Мы с братом имели благоразумие дорожить советами отца и матери и не спешили «эмансипироваться». Доверие между «отцами» и «детьми» царило полное. Это избавило нас от многого. Мы сохраняли ясность души и чистоту воображения. Соблазны молодости скользили мимо. Не столько в силу преподанных правил, сколько в силу здоровой домашней обстановки, множеству всевозможных интересов, ненасытной

страсти к чтению и возможности общения с людьми высокой культуры и образованности.

Несмотря на близость Кронштадта, ни съездить туда, ни побывать у отца Иоанна случая как-то не представилось. Видеть его мне пришлось несколько раз случайно и издали, во время его нечастых приездов в столицу. Приходилось иногда слышать в обществе всевозможные о нем суждения – по большей части благоприятные. Доводилось слышать и мнения старообрядцев, ласково посмеивавшихся над горячностью отца Иоанна и относившихся к нему с глубоким уважением. Но напасть на людей, отцу Иоанну близких, не привелось, и личность отца Иоанна оставалась для нас далекой. Неожиданный случай заставил всех нас вспомнить о когда-то нам с матерью данном обещании отца Иоанна.

Ветреным мартовским днем, простояв долго на ипподроме, я вернулся с бегов прозябшим и почувствовал озноб. Дома я согрелся, отошел, и ночь прошла спокойно. Утром, как обычно, я вышел прогулять мою собаку. Мы жили на Знаменской. Дойдя до Греческой церкви, мне случилось откашляться. Густой шмоток запекшейся крови заалел на мокром снегу. Я поспешил домой, но оказался не в силах сделать и нескольких шагов: кровь хлынула и носом, и горлом. Участием сердобольных прихожан я был доставлен к нам на квартиру. Меня уложили в постель. Поднялся жар. Кровотечение не останавливалось. Принятые врачами меры не помогали. К вечеру все осложнилось сильнейшим суставным ревматизмом – нельзя было пошевелиться... Дальше я помню плохо. Придя в себя, я увидел у моей постели знакомых и незнакомых представителей медицины. В комнате царил запах метилсалицила. Ноги и руки у меня были обложены горячими компрессами. Кровотечение то останавливалось, то опять возобновлялось. Я исходил кровью и ослаб до крайности.

Смятенный вид отца и матери, участливое посещение сестры и братьев, осторожные визиты заглядывавших на минутку друзей и знакомых – все указывало, что дело плохо. К вечеру отец мне осторожно предложил утром исповедаться и причаститься. «Не потому, чтобы уж так плохо было – говорил

он, – а все-таки... оно, знаешь, лучше...» Мать плакала. Я совершенно спокойно согласился и, помнится, заснул. Ночью я просыпался несколько раз. Болей не было. Дыхание было чистое. Не отходившая от меня мать тревожно поднималась с кресла и растерянно говорила, что жару больше нет и что кожа влажная. Под утро я заснул вовсе крепко.

Проснувшись, я пошевелился и ощутил, что организм мой как бы оправился от потрясения. Болей я не чувствовал. Легкое откашливание кровотечения не вызывало. Я хотел с чем-то обратиться к матери, но голос меня не слушался... С удивлением я заметил, что лицо и глаза матери сияют счастьем.

– Лежи! Лежи смирно! Слава Богу!.. Ночь прошла спокойно... Теперь только бы не растравить кашлем опять сосуды. И знаешь, как все это необъяснимо и чудесно вышло? – Мать рассказала, что, просидев ночь у моей постели, под утро она задремала довольно крепко. Ее разбудила горничная Наташа и попросила выйти на кухню. Там ее ожидала никому у нас в доме не известная женщина, простоватого обличья. Показывая клочок бумаги с нашим адресом, она сообщила, что разыскивает нас по приказанию отца Иоанна и спрашивала, есть ли у нас болящий по имени Василий. На утвердительный ответ женщина сообщила, что отец Иоанн, «вспомнив» про меня, послал ее сказать, что он обо мне помолился и дает знать, что болезнь моя прекратилась. Женщина передала маленькую просфору, с наставлением дать мне ее вкусить, как только я проснусь.

Мать не знала ни как благодарить, ни куда посадить посланную отца Иоанна. Вместе с ней и случившейся при этом прислугой она возблагодарила Бога и не находила слов, чтобы выразить свою признательность Батюшке за его обо мне заступление. От какого-либо вознаграждения женщина отказалась. На расспросы, как и откуда отец Иоанн узнал о моем несчастии, ответить не могла. Отец Иоанн после всенощной подозвал ее к себе и, дав наш адрес – фамилии не было, поручил ей найти болящего Василия и передать, что сказано выше. Сама женщина была убеждена, что отец Иоанн нас хорошо знает и не могла надивиться действительному

положению вещей. Напутствуемая горячей благодарностью, она взялась пересказать отцу Иоанну нашу благодарность за его заступничество, доброту и чудесную помощь.

Несколько дней меня доктора еще помучили припарками, но силы возвращались и дней через десять я был в состоянии встать. Было решено отправить меня на поправку немедленно в деревню, в Самарскую губернию, на кумыс. Шатаясь от слабости, я едва прошел по коридору вагона до моего купе. Через день, в дороге, я уже передвигался довольно свободно. На маленькой степной станции я вышел из вагона самостоятельно. Солнце, степь, кумыс сделали свое дело. Месяца через два я мог уже принимать участие во всех забавах и развлечениях моих сверстников и к осени вернуться в университет здоровым.

Вернувшись в Петербург, к стыду моему, я не сумел собраться поехать в Кронштадт, чтобы поблагодарить отца Иоанна за его благодеяние, и, откладывая поездку со дня на день, чувствовал себя нехорошо, как человек, не выполнивший своего долга. Неизвестно, когда бы я собрался в Кронштадт, если бы не помог опять-таки случай, напомнивший мне об отце Иоанне.

«Чтобы не откладывать, поеду в Кронштадт завтра же», – решил я. Мой двоюродный брат, Василий Александрович Карамзин, живший по зимам с нами в качестве студента нашего университета, выразил желание мне сопутствовать. Мы были очень дружны и понимали друг друга с полуслова. И на сей раз я сразу понял мотив, им руководивший в данном случае: мы все знали наизусть Лескова и все знали его «Полунощников».

Пароход из Ораниенбаума доставил нас в Кронштадт на другой день под вечер. Стояла поздняя осень с утренниками, бурями и туманами на заливе. Мы продрогли порядочно. Кронштадта мы не знали. Знакомых там у нас не было. Нужно было где-нибудь переночевать, и мы обратились к случайному прохожему, прося указать нам гостиницу. Прохожий – человек в сильно поношенном пальто и самой скромной наружности – посмотрел на нас, нарядных студентов, с некоторым недоумением. «Да вы, господа, откуда? Из Петербурга? И

Кронштадта не знаете. Да уж не к Батюшке ли, отцу Иоанну? В таком случае, пожалуйте! – Он отвел нас куда-то неподалеку. – Странноприимный дом для лиц, к Батюшке приезжающих, – указал он нам на вполне приличный подъезд. – Вам здесь покойно будет, да и к собору близко, если вздумаете побывать за ранней...» Мы поблагодарили за любезность и начали подыматься по достаточно широкой и благоустроенной лестнице.

На площадке нас встретила заведующая домом, пожилая, приветливая женщина. Она отвела нам просторную комнату, с высоким потолком и хорошими кроватями; напоила чаем и пообещала разбудить нас пораньше, чтобы не прозевать обедню.

– Кстати вы пожаловали – говорила она. – Как раз Батюшка служить будет. И позвольте присоветовать: если вы к отцу Иоанну с просьбой – говорите прямо, с чем приехали, не затягивайте разговора. Устает отец Иоанн: народу у него каждый раз множество...

– Да нам, – говорим, – ничего и не надо. Приехали поблагодарить Батюшку и благословиться.

– Не стесняйтесь, – улыбнулась женщина, – говорите прямо... Батюшка студентам не отказывает...

Нам стало смешно. Мы заверили заведующую, что посещение наше не имеет под собой материальных целей.

– Да будет вам! Насмотрелись мы тут, господа, на вашего брата. Привыкли... этак же, вот... как и вы, франты... а платить за ученье нечем. Оно понятно...

Нашим уверениям в противном она не поверила.

– Ну, Бог с вами! Отдыхайте. Убирать комнату не трудитесь. А уж чаю я вам утром перед обедней не дам: не полагается...

Было еще темно, когда мы вышли утром на улицу. Ударивший ночью мороз сковал грязь и лужи. Там и сям пробирались к собору густыми группами стремившиеся попасть к ранней. К нашему приходу собор был уже полон молящимися. Публика была самая разнообразная. Как когда-то в Москве, привычным взглядом мы сразу отметили теснившуюся поближе к солее группу близких Батюшке людей и постоянных

посетителей храма. Не желая проталкиваться сквозь густые ряды впереди стоявших, мы поместились сравнительно недалеко от входа. Наши студенческие пальто привлекали некоторое, не всегда благосклонное внимание. Чувствовалось, что здесь к студенчеству расположения было мало. Нам пришла в голову затруднительность нашего положения: как и где мы сумеем обратиться к отцу Иоанну? Как нам поставить его в известность о нашем желании его увидеть поближе? Занятые такими соображениями, мы службу слушали довольно рассеянно, но с великим вниманием следили за священнодействием самого отца Иоанна. Он служил не один. С ним сослужило несколько священников, приехавших издалека. Сам отец Иоанн двигался быстро. Жесты его были резки и просты. Голос звучал громко; резко и отчетливо, чрезвычайно членораздельно неслось по храму каждое слово. Слова молитвы в устах отца Иоанна звучали напряжением. Казалось, что он служил для самого себя, забывая все окружающее. За расстоянием лик его был виден плохо, но в движениях и манере сквозила как бы некая непреклонная требовательность. Служба отца Иоанна не возбуждала умиления, но неудержимо увлекала своей устремленностью. Рассеяния нашего как не бывало.

За большим выходом мы были отвлечены от нашего созерцания неким небольшого роста, одетым в хороший сюртук господином, с седеющей бородкой и гладко зачесанными назад довольно длинными волосами. Он был заметно хром.

– Отец Иоанн, господа, приказал провести вас к нему в алтарь – сказал он негромко. – Пожалуйте!

Мы удивленно переглянулись и заметили, что окружающие нас тоже удивлены были немало. Одни посмотрели в нашу сторону с нескрываемым любопытством, другие – с явно сквозившим злорадством: вот, мол, будет вам, студентам, на орехи от Батюшки!

Господин оказался старостой Андреевского собора. Прихрамывая и раздвигая народ, он провел нас в левый придел и поставил у прохода, соединявшего малый алтарь с главным. Кроме нас двоих, в алтаре никого не было. Мы с Карамзиным недоуменно переглядывались и, прислушиваясь к

доносившемуся пению, предавались гаданию: как и почему подумал о нас отец Иоанн?

Причастников было много. Отец Иоанн освободился нескоро. Наконец, он вошел обратно в алтарь, поставил Святую Чашу на престол и быстрыми шагами направился к нам.

– Постойте еще немного, – заговорил он торопливо, – я скоро к вам выйду. Пока что выпейте теплоты и поешьте просфорку.

– Да мы, Батюшка, не приобщались!

Отец Иоанн настойчиво повторил свое приказание:

– Поешьте как следует!

Появившийся откуда-то хромой староста поставил в сторонке большой медный кувшин с теплотой и блюдо с нарезанными просфорами. Стесняясь «есть» в алтаре, мы отпили немного теплоты и взяли по кусочку просфоры.

– Нет, это не годится – сказал староста. – Отец Иоанн приказал вам поесть как следует.

Он налил нам по большому ковшику и, к смущению нашему, заставил нас есть полным ртом.

Подкрепившись, мы стали на прежнее место. Отец Иоанн отпускал молящихся. Вскоре он передал крест другому священнику и прошел прямо к нам. Мы попросили благословения.

– Хорошо, что пожаловали... хорошо, – похвалил отец Иоанн, благословляя нас обоих. Он отвел меня в сторону и не дал мне сказать слова. – Здоров? Слава Богу! Приехал? Очень рад… Чего просишь у Бога?

Внезапность неожиданного вопроса на мгновение поставила меня в тупик.

– Слава Богу, – говорю, – Батюшка, за все... а прошу не посылать непосильного и послать сил и крепости, чтобы справиться со всем, что Он дальше пошлет...

Отец Иоанн посмотрел мне в глаза. Несмотря на то, что было совершенно ясно, что он видит меня насквозь, я смущения не испытывал.

– Хорошо! – похвалил отец Иоанн. – Благодари Бога, что Он тебе послал таких отца с матерью… Ваши матери – сестры?

– посмотрел он на Карамзина. Я все-таки пытался что-то сказать о своей благодарности.

– Знаю! Знаю... Это хорошо... но не надо... – и отошел к Карамзину.

Разговора их я не слышал, но хорошо видел весело-смущенное лицо Карамзина, что-то подтверждавшего Батюшке. Отец Иоанн говорил весело и сильно жестикулировал. Подъем духа и сил, охвативший его за службой, не простыл, и признаков усталости не было заметно.

– Ну, вот и хорошо!.. Повидались. Ступайте, приложитесь ко кресту!.. Да не спешите. Успеете... и домой торопиться незачем. От креста ко мне. Гости будете...

– Да, Батюшка, Вы устали...

– Нет, нет! Непременно...

Выйдя из храма, мы стали было рассуждать с Карамзиным: следует ли воспользоваться Батюшкиным приглашением, или лучше, его не беспокоя, уехать в Петербург? Услышавший наш разговор староста чрезвычайно удивился.

– Да что вы, господа? Как это можно? Раз Батюшка велел, о чем тут разговаривать? Не знаете, где живет отец Иоанн? Идите вот за ними, – указал он на порядочную группу, шедшую впереди, – они тоже туда же...

По пути нас обогнал ехавший на извозчике отец Иоанн. Он был в большой шубе и меховой шапке и в этом одеянии показался мне маленьким и тщедушным. Во всей позе его сквозила взявшая свое усталость. Шуба как бы оттягивала ему плечи. Больше всего остались у меня в памяти его глаза, цвета которых я даже не умею описать. Глаза отца Иоанна сияли необыкновенным блеском и живостью. Казалось, что они обнимают так много и видят так далеко, что становилось понятным, что человеку этому все и вся ясно как на ладони.

У его подъезда мы наткнулись на большую толпу. В настежь распахнутые двойные двери вереницей поднимались по крутой, деревянной лестнице стремившиеся видеть отца Иоанна. Им навстречу спускался поток у него уже побывавших. У многих лица были радостные и сияли восторгом. Иные плакали, другие

шли, опустив головы, в глубокой задумчивости. Женщин было немного.

Помещение во втором этаже, занимаемое отцом Иоанном, у меня плохо запечатлелось в памяти. Из небольшой прихожей потоком следовавшие люди вливались в довольно светлую комнату и, раздеваясь, проходили в следующую большую тоже, похожую на гостиную. Двери в квартиру стояли нараспашку. С лестницы несло холодом и ноги стыли. Обстановка напоминала момент сретения чудотворной иконы на дому, когда, бывало, так же широко были отворяемы двери для всех желающих приложиться и клубы морозного воздуха врывались в теплую квартиру. Не спеша, в порядке очереди, мы вошли в гостиную. Находившиеся там стояли большим полукругом, спиной к окнам. У противоположной стены, на диване, сидел отец Иоанн, не снявший шубы за напущенным холодом. Шапка лежала возле. На овальном столе красного дерева, ничем не покрытом, перед ним стоял стакан крепкого чаю. На двух ближайших креслах к отцу Иоанну сидели какие-то люди. Батюшка беседовал с ними вполголоса. Люди сменяли один другого. Одних отец Иоанн отпускал быстро, других задерживал.

Завидев наше появление, отец Иоанн приказал нам сесть на кресла. Я пришелся ему с левой стороны. Карамзин поместился напротив меня, справа. Продолжая разговор с другими, оставшимися перед столом стоя, Батюшка взял нас за руки и приказал подать нам чаю. Мы запротестовали, к явному неодобрению предстоявших. Было очень неловко сидеть за стаканом на виду у всех набившихся в комнату посетителей. Мы хотели выпить свой чай наскоро, чтобы поскорей уступить место другим, но чай был горяч и спешить не было возможности.

– Пейте! Пейте! – оборачивался к нам отец Иоанн, продолжая отпускать притекавших. На полуслове он вдруг обратился ко мне: – А хорошо, что вы любите Николая Семеновича... Великий был мастер слова. – И весело и лукаво засмеялся. Я немного устыдился, вспомнив мелькнувшую мысль о «Полунощниках». – Ничего! Ничего! – смеялся отец Иоанн. – Я и сам Лескова люблю... – И, обернувшись, сурово и как бы с нетерпением проводил какого-то пожилого мужчину,

что-то говорившего о неоднократности своих обращений к отцу Иоанну.

Улучив минутку, мы поднялись и, не стесняясь больше, горячо благодарили отца Иоанна за его доброту и ласку. Приняв благословение, мы облобызали благословлявшую нас руку и в сердечном веселии покинули отца Иоанна, без слов сумевшего понять наши сокровенные мысли и побуждения.

Петербург остается всегда Петербургом. При всей необычности приема у отца Иоанна никто не подал виду, что принятая им манера несколько своеобразна. Подчеркнуто выделявшиеся на общем сером фоне толпившихся посетителей наши студенческие фигуры не вызывали признаков удивления оказанным нам Батюшкой вниманием. Несмотря на то, что отец Иоанн беседовал со всеми достаточно громко, никто не позволил себе обнаружить хотя бы малую долю интереса к чужому разговору. Ни перешептываний, ни комментариев. Самоуглубленность и собственные заботы делали и без того выдержанных петербуржцев совершенно равнодушными ко всему, до них непосредственно не касавшемуся... Экспансивная Москва реагировала бы иначе, не постеснялась бы на выражение ни сочувствия, ни интереса. Тем более, не воздержалась бы от расспросов и истолкования слов и поступков любимого Батюшки.

Перед отъездом мы зашли в странноприимный дом с намерением поблагодарить заведующую за гостеприимство и расплатиться. Увидав наши довольные лица, заведующая сама расплылась в улыбке.

– Повидали Батюшку? Получили утешение? Радуюсь за вас, господа!.. За ночлег? У нас ничего не полагается. Поберегите, господа, деньги... Самим нужны будут...

Мы настаивали.

– Ну, уж если хотите, положите сколько-нибудь в кружку. Она у нас в коридоре висит.

Мы стали прощаться.

– Добрый у нас Батюшка, – провожая, говорила нам заведующая. – Студентам никогда не отказывает. Наградил-то он вас достаточно!

Смеясь, мы уверяли ее, что приезжали не за «награждением». Добрая душа так и не поверила нашим уверениям.

– Бог с вами! Какие вы, право, господа, скрытные...

Давний опыт, очевидно, прочно закрепил славу студенчества, посещавшего отца Иоанна.

Останки отца Иоанна нашли себе покой в Петербурге, в церкви созданного им при жизни женского монастыря, что на Карповке, влево от Каменноостровского проспекта. Боковой своей частью обитель упиралась во владение семьи Гротов, представлявшее тогда среди Петербурга совершенно деревенский уголок, с громадным тенистым садом и видневшимся за деревьями господским домом. Берег Карповки во всю длину участка тонул в густых зарослях ивняка, свесившего свои ветви в тихие воды этой речки.

Могила отца Иоанна помещалась в склепе, под храмом монастыря, превращенном в часовню. Гладкая, большая, достаточно высокая мраморная плита указывала ее место. Часовня была отделана мрамором тоже и украшена многочисленными иконами. Везде горели лампады, а в возглавии надгробия помещался огромный медный подсвечник, неизменно уставленный жарко горевшими свечами.

Часовня была открыта для желавших навестить могилку отца Иоанна с утра до ночи, и я не помню случая, чтобы она оставалась праздной.

Имев счастье видеть и знать отца Иоанна, мне не пришлось при его жизни соприкоснуться с ним более тесным образом. По смерти не было ничего на свете более близкого его могилки. Как многие и многие, и я сам, и семьи наши, и присные шли мы на Карповку со всеми нашими радостями и печалями, часто даже и без этих побуждений – из желания поделиться с Батюшкой тем, что на душе было. И в общении с почившим все мы находили и поддержку, и утешение и обретали покой душевный. Мысленные беседы с отцом Иоанном освежали душу; сами собой отпадали суетные заботы, становились смешными и незначительными казавшиеся неодолимыми осложнения, и ясен, прям и прост становился путь, которому надлежало следовать.

Бизерта. 1948 г.

С.А. Полторацкая. Светлые мгновения

Никогда не забуду моего первого знакомства с дорогим Батюшкой, отцом Иоанном. Это было в Петербурге. Я тогда была нервно больна и, совершенно ослабевшая от болезни, все время проводила в постели. Много докторов перебывало у меня...

Но вот кто-то – кто именно, не помню – посоветовал нашей семье пригласить ко мне отца Иоанна, чтобы вместе с ним помолиться о болящей. Написали в Кронштадт. Ждали довольно долго. Боялись, что Господь не удостоит нас этого счастья. А я все лежала больная...

Как-то муж мой уехал на обед к родственнику. Вдруг бегут с докладом: «Отец Иоанн приехал!..»

Так неожиданно... Я в полном отчаянии, что мужа моего нет дома и он не познакомится с отцом Иоанном.

Вбегает священник... Кроткие, глубокие, в душу проникающие глаза... Подбегает ко мне, кладет свою руку мне на голову, крепко нажимая на темя, и пристально смотрит... Кажется, что нет такой сокровенной мысли, которой бы он не прочел...

Спешит чрезвычайно: «Детки мои, я ужасно тороплюсь на поезд... давайте помолимся!.. Где два-три соберутся – Христос между ними всегда...»

Все мои дети около Батюшки. Встала и я, подошла к нему. Вот он начинает молиться. Так молиться умел только он! Все и всех кругом забыл... Чувствуешь это... Голос такой необыкновенный... Он не читает молитву, а с Кем-то разговаривает, Кого-то видит перед собой, Кого-то просит, усердно просит...

А я, грешная, стоя на коленях около отца Иоанна, не молюсь, а думаю: «Какое несчастье, как неудачно Батюшка приехал: моего мужа дома нет, он его не увидит... Батюшка так спешит уезжать, а я-то мечтала, что он в столовой у нас посидит, благословит нашу трапезу... Главное же, его нельзя

просить пройти в детскую и благословить кроватку моей любимой дочушки!... А мне так этого хотелось!..»

Очнулась – вижу, кончил молиться отец Иоанн, спешно благословляет детей и остальных присутствующих, приговаривая: «Спешу, спешу на поезд, детки...» Поворачивается ко мне. Смотрит пристально в глаза и говорит: «Ты скоро приедешь ко мне в Кронштадт? Скоро?» Затем, идя быстро со мной вместе через столовую, вдруг останавливается, смотрит мне в глаза и спрашивает: «А где же твой муж?» Я отвечаю: «Он не ждал сегодня, не знал, что вы будете... уехал на обед...»

Тогда отец Иоанн приказывает детям скорее-скорее принести портрет отца их. Я сама не своя. Как он узнал мое тайное желание?.. Смотрит на карточку, крестит ее и говорит: «Да, я его знаю давно, знаком с ним...»

Затем хочет опять бежать... и вдруг снова останавливается у стола, где накрыт чай, берет чью-то налитую чашку, отпивает, съедает кусочек хлеба, после себя дает и мне чаю и хлеба, так ласково, улыбаясь. Я не помню себя от удивления и восторга: ведь второе мое мысленное желание исполнилось...

Спешит опять: «Надо, надо спешить: поезд уйдет, детки...» Все бегут вперед через гостиную в переднюю. Оттуда уже выход из квартиры. Но вдруг Батюшка вместо того, чтобы за всеми бежать в гостиную и дальше, круто поворачивается к маленькой, заклеенной обоями двери, бежит по коридору и... прямо в детскую, к Варюше моей, к ее кроватке... Крестит кроватку, лукаво-ласково при этом поглядывая на меня, совсем потерявшуюся от неожиданности исполнения моего третьего тайного и притом самого главного желания...

Бежим опять к выходу. Я помогаю отцу Иоанну в карету войти. Он меня благословляет со словами: «Скоро, скоро приезжай в Кронштадт!» – и уезжает...

Я, как здоровая, по лестнице назад взбежала... О болезни помину нет... Рассказываю обо всем случившемся... Собираюсь в Кронштадт...

Через несколько дней я была уже в Кронштадте, говела там и приобщалась из рук дорогого Батюшки...

Это мои личные, семейные воспоминания.

А сколько могу я рассказать, как очевидица!

Однажды я говела в Кронштадте (а делала я это ежегодно), и уже настала моя очередь идти к аналою, поставленному против Царских врат. Отец Иоанн кончал исповедовать какую-то простую женщину, одетую в сарафан, с платком на голове. Эта женщина уже кончила, получила разрешение Батюшки и начала спускаться по ступенькам вниз с амвона. Отец Иоанн стоял неподвижно около аналоя, глубоко задумавшись... Я почему-то не решалась подойти... И вдруг он достает что-то из бокового кармана, пакет какой-то, бегом догоняет женщину, сует в руки ей его (должно быть, деньги), потом возвращается обратно... еще стоит, задумавшись... опять что-то вынимает из кармана... бежит, догоняет женщину и снова что-то сует ей в руки... Толпа в Андреевском соборе была такая, что я не могла дальше наблюдать, а главное – настала моя очередь исповедоваться.

Сильное впечатление на всех произвел еще следующий случай. Однажды, во время исповеди же, отец Иоанн, прервав исповедь, стал у Царских врат и грозным, властным, непривычным для всех нас голосом приказал взять от себя исповедницу. Это была молодая еще женщина, одетая, как послушница, в черное платье, с черным платком на голове, низко опущенным на глаза... Оказалось, она бросилась во время исповеди на отца Иоанна и начала его душить... Какой ужас был в толпе!..

Помню еще одну старушку, светскую даму, пожелавшую из любопытства посмотреть отца Иоанна и поехавшую со мной в Кронштадт. От Ораниенбаума надо было ехать на лошадях, в кибитке, по льду. В Ораниенбауме дама эта позавтракала рябчиками... Приезжаем в Кронштадт и попадаем прямо в Андреевский собор, где отец Иоанн уже вел исповедь. Народу немного, и всех нас псаломщик впускает за решетку к аналою. Смотрю: здесь и моя спутница... Я ей и говорю: «Здесь ведь только исповедники... Вы разве будете исповедоваться?..»

Заметалась моя соседка, а уйти уже невозможно, псаломщик запер решетку и ушел... Я и говорю: «Верно, Господь хочет, чтобы и вы исповедовались у отца Иоанна!..» –

«Нет, нет, нет! – горячится дама. – Я не могу и не хочу!..» А исповедь продолжается, моя уже кончилась... Батюшка ждет...

Смотрю: моя спутница у аналоя... Что она говорила отцу Иоанну, неизвестно... Долго, долго говорили они... И вот она возвращается громко рыдая, но успокоенная, умиротворенная... Рассказала только, что Батюшка говорил: «Рябчики – это не грех... Грех объедаться... можно и скоромным поститься!..» В тот же день, за поздней обедней, мы с моей спутницей и приобщались, так неожиданно для нее самой!..

Отец Иоанн Великим постом устраивал и «общую, народную исповедь». Один раз мне пришлось участвовать в ней. Впечатление не изгладилось и теперь, после многих, многих лет...

По-моему, эти «народные, общие исповеди» особенно должны действовать на простой народ, глубоко чувствоваться им.

Темный, неосвещенный Андреевский собор в Кронштадте... Дело к вечеру... Народу масса, и самого разнообразного: элегантные дамы, чуйки, офицеры, духовенство, женщины в сарафанах, крестьяне... Еле можно стоять: так тесно.

Вот выходит из алтаря отец Иоанн. Сразу все смолкает, – а то ведь точно в улье жужжанье было, – настает тишина... Точно никого нет здесь, в соборе.

Громким, нервным голосом отец Иоанн кратко объясняет, что такое исповедь, как должно к ней относиться: забывши всех и все, помня только Одного Господа, здесь присутствующего и ждущего покаяния, чистосердечного раскаяния в грехах. Каждый скрытый грех Он видит и знает, разрешит и простит тому, кто ничего не скроет...

И со словами, строго, громко, на весь собор произнесенными: «Кайтесь же!.. Вслух кайтесь!..» – отец Иоанн становится на колени у Царских врат – молиться о всех нас...

Мы же все... (Скажу про себя и думаю, что, конечно, все так же и то же чувствовали). Забыто соседство: вот, рядом со мной, элегантная дама что-то громко выкрикивает и просит, дальше чуйка в смазных сапогах кается во весь голос, офицер что-то вспоминает, не стесняясь присутствием других... Мне все

равно... Ни до кого нет дела... Все эти дамы, мужчины, офицеры, чуйки[18] – какое мне дело до них в эту минуту!.. Стараюсь все вспомнить, ничего не забыть, все сказать, громко покаяться. Ведь Господь все слышит, все видит, все знает... Он ведь слушает...

Гул, крики, рыдания, нервные вскрикивания, даже стоны... Вдруг слышим голос... поднимаем головы – и видим отца Иоанна стоящим уже лицом к нам и говорящим с нами. Все сразу стихло. Тихо, тихо так... Ждем... слышим: «Именем Господа прощаю и разрешаю!..»

Боже, как на сердце легко! Знаешь, ничего не утаила, все Он, Бог Всеведущий, слышал и простил, разрешил... Какой покой, какое счастье на сердце чувствуешь...

На другое утро отец Иоанн всех приобщал, до полного изнеможения доходил, бедняжка. И хотя ему помогали приобщать два священника, но все стремились, конечно, к нему, к отцу Иоанну, и считали себя несчастными, если не попадали...

Случалось, что Батюшка отказывал и не давал Святых Таин, говоря причастнику: «Подожди: ты еще не готов!..» Как этого все боялись!..

И вот теперь нет у нас нашего дорогого молитвенника. Близ Господа он теперь, близ Господа, пред Которым ныне возносит свои молитвы.

Не забудь же, великий молитвенник земли Русской, и нас, грешных, в твоих непрестанных молитвах, нас, которые тебя никогда не забудут!

Душестроительство

Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его...

Пс.126:1

В.Т. Верховцева. Воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском его духовной дочери

Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника?

Лк.17:17–19

В наше печальное время все понятия перепутались, трудно становится разобраться, где белое, а где черное, где высокое, где низменное. Бред сумасшедшего выдают за мысли здравомыслящие, и мир, кажется, при своем конце сходится со своим началом, вступая в тот же хаос, который существовал при его созидании. Число несчастных, страдающих растет не по дням, а по часам, и не только в смысле нужды голодной или холодной, такие никогда не переводились, но и при наиболее благоприятных условиях в общепринятом понятии о счастье. Все наиболее утонченные изобретения культуры, прогресса, всякого удобства внешней жизни не помогают. Внутренний человек все более беднеет и слабеет...

Религия утратила свой вековечный, высокий смысл; всеми путями ее вытравили из души человеческой; в ее целебную, могущественную силу больше не верят современные христиане, по ошибке себя за таковых выдающие, часто стыдятся себя осенить крестным знамением, боясь прослыть за людей некультурных, отрекаясь таким образом от единственного спасительного орудия – Креста, поучаясь мудрости житейской не в Церкви, а в театре, не в Евангелии, а в писаниях наших горькомыслителей, прославленных не умением мудро жить, а только красиво говорить; забираются в беспросветный тупик жизни, из которого только и есть у них один выход – насильственная смерть. А между тем, в действительности нет такой путаницы в жизни, из которой нельзя было бы выйти вполне очищенным, и нет такого грешника и преступника, который бы не мог себе вернуть уважения и доверия людей. Но путь их лежит через религию, только одна она и выводит запутавшуюся душу из самых сложных, преступных падений,

лишь бы душа эта не угасила в себе веры и упования, лишь бы среди наслоившейся грязи и нечистоты мерцал, еще вспыхивая, хотя бы и последними уже вспышками, тот огонь души, который Христос, по Его собственным словам, пришел возжечь. Встречаются люди по виду безупречные, целомудренные, гуманные, отвечающие требованиям самой строгой морали, но опытный духовно глаз видит, что у этих людей, безупречных с внешней стороны, внутри давно уже все безнадежно мертво; вулкан души их потух, и постепенными разрушениями или внезапным стихийным бедствием человек этот выбрасывается за борт жизни, тогда как наряду с подобным случаем последний из последних нравственных отбросов возрождается к новой жизни, являя иногда облик высокой нравственной красоты. Такие примеры служат камнем преткновения для многих, камнем соблазна. Тайна единения души человеческой с Богом не открыта их опыту; их возмущает, что идеальный человек погибает, а негодяй продолжает жить; они не ведают разницы в суде человеческом и Божеском. Внутреннего человека видит и ценит только Око Божие, и только Одно Оно и может правильно и безошибочно определить достоинство, качество и жизнеспособность души. Бывает необходимо иногда и «безгрешного» остановить в его пути, и грешнику предоставить себя сквернить до времени, одному Богу ведомого, ибо Ему все души одинаково дороги – лицеприятия Он не ведает. На спасение всякой души пошлет Господь Свою помощь, и восстановит она в себе Тот светлый образ и подобие, по которому она создана и который в себе ежечасно сквернила, не ведая что творит, лишь бы не потухла в ней искра священного пламени – этого исключительного дара Неба человеку. Обратный путь грешников тяжел. Своих пленников князь мира сего дешево не отпускает; дорогой выкуп требует он с тех, кто пожелает освободить себя от его ига. Без Божьей помощи нечего и думать совершить этот обратный путь. Горе тому, кто на свои силы понадеется и не призовет своевременно Бога; он падет в еще худшее и уже безвозвратное рабство.

Без Бога в сердце человек жить не может, он может лишь временно прозябать на земле. Бог – Солнце души. И как тело,

удаленное от влияния солнечных лучей, увядает, теряет гибкость, красоту и даже гноится, так и душа – вдали от Бога, духовного своего Солнца, гибнет. физический закон мы знаем, нас научили понимать, что на земле без солнца жизнь должна прекратиться; законами же духа мало кто интересуется, а то знали бы, что с утратой духовного Солнца человек или умирает, или приобретает звериный образ. Современная эпидемия самоубийства, самоистребления, чудовищных преступлений как нельзя более свидетельствует о том, что невещественное наше Солнце скрывает от нас Свои лучи и что мир погружается во мрак.

Лично моя жизнь была одною из тех, которым люди завидуют. Высокое общественное положение, большие средства, почет, уважение, вечные праздники и удовольствия – все, казалось бы, способствовало тому, чтобы назвать себя счастливой, а между тем червь неудовлетворенности и безысходной тоски разъедал мою душу. С раннего детства, оставшись круглой сиротой, я познала цену всей этой светской мишуре, а также дружбе людей, их любви; я слишком рано во всех и во всем изверилась. Я знала, что до меня лично и до внутреннего моего мира, как бы ни был богат он содержанием, – никому, в сущности, дела нет, что, пока я молода, интересна, нужна, к моим слабостям будут снисходительны, выгоды ради, им станут даже потакать, но как только я потеряла общественное значение или личный интерес, вряд ли кто из вчерашних друзей останется на высоте своих уверений и обещаний. Зная цену чувствам людей, я глубоко их презирала, а не умея любить и прощать, почувствовала себя вскоре безнадежно одинокой, среди толпы – как бы в пустыне. Бездна лжи, лицемерия, лести, эгоизма в людских отношениях вытравили из сердца моего радость, свет, и вскоре я утратила способность искать счастья, добра и в конце концов даже желать его. Чтобы заглушить свою тоску среди праздника жизни, я кидалась на все. Музыка, искусство, наука, литература, путешествие – все было испробовано, ко всему быстро охладевая, угадывала внутренним чутьем, что все это лишь украшение жизни, суррогат счастья, но где же смысл, сущность,

цель? Ответа не находила, тоска все злее терзала сердце, а тучи над головой сгущались. Я начала метаться в поисках выхода, и вскоре последнее, единственно святое, дорогое – дети – утратили значение и интерес. Из всех призраков то был наиболее зловещий. Доктора определили черную меланхолию, а профессор психиатр Корсаков решительно предсказал паралич или нервное помешательство. Тогда я вспомнила о Боге. К большому моему счастью, мать моя была глубоко верующей женщиной, и обрывки ее наставлений, ее примера мелькали иногда в воспоминаниях моих, и, хотя все последующие впечатления, полученные от учебного заведения и личной жизни, носили характер чего-то только формального и казенного, посеянное семя не заглохло. Много слышать приходится нападок на форму, говорят о ее вреде, неосмысленности. Это ошибочно. В любую минуту она может заполниться, одухотвориться, но утративший и форму теряет уже все.

Так было и со мной. Я сохранила форму преемственно с детских лет, но за отсутствием в ней содержимого она не питала моего духа и не согревала. Около пяти лет я не причащалась Святых Таин, соблазняясь несовершенством и недостатками нашего духовенства; много вредила мне и литература Толстого, которым одно время увлекалась. Не будучи духовно образована, духовно развитой, я не умела отделять форму от сущности, я не постигала силы и могущества Таинства *в самом себе,* я не могла тогда понять, что недостойный священник вредит лишь самому себе, что люди, в простоте сердца ищущие его благословения, идущие к нему на исповедь, получают по вере своей непосредственно все от Самого Бога через Таинство Священства, врученное пастырям. Духовное благополучие этих верующих не зависит от недостатков лиц, не умеющих носить и уважать своего священного сана. Чего бы стоила религия, могла ли бы она существовать на протяжении веков, если бы ее таинственная сила и могущество были в зависимости от совершенства или несовершенства приставленных к ней слуг. Им дана власть быть лишь свидетелями, проводниками или охранителями этой величайшей святыни, ведать ее

формальной, чисто внешней, неизбежно необходимой стороной, но самая сила ее таинственная, всегда живая, от глаз людских скрытая, открывается людям лишь по мере их духовного роста, духовно-умственного развития; нельзя ведь постичь высшей математики без должной подготовки, так нельзя постичь и религии, и ее силы, без внимательного ее изучения и усвоения.

Печально бывает наблюдать, что люди, носящие духовную одежду, не умеют уберечь ее чистоты, эксплуатируют, профанируют ее – тем хуже для них; не менее печально видеть и в других земных учреждениях небрежное отношение к своим обязанностям судей, докторов, адвокатов, а если принять во внимание степень интеллигентности, высокое образование последних и зачастую крайнее убожество первых, то будет ли справедливым предъявленное к ним требование всегда стоять на высоте и твердой рукой держать свое могущественное «знамя». Отчего, видя измену идеям правды, добра, гуманности в правосудии, медицине, адвокатуре, продолжают верить и идеям этим, и носителям, и представителям этих идей, отчего же, видя немощных монахов, священников, перестают верить идее религии и Богу. Где логика? Где последовательность?

Несовершенство духовенства, столь критикуемая внешняя обрядовая сторона религии служат лишь придиркой, самооправданием, внутренней ложью нападающих. Религия, Бог, духовная жизнь требует подвигов самообуздания, борьбы с собой; вот что не нравится, что тяжело и ненавистно нам; мы жаждем свободы для своих прихотей и страстей, мы ненавидим все, что так или иначе напоминает нам об ответе, что вызывает в памяти страшный призрак суда Божия над нами, так называемыми христианами. Не по плечу нам, малым и ничтожным, это высокое «звание», мы умышленно грязним его, позорим и думаем, что, заплевывая его, уничижая, сокрушим его величие и могущество. Но этого нам не удастся, даже если мы самих себя в зверей обратим, по призыву апостолов новой формации; все это не помешает Богу создать новых людей, обновить старую, износившуюся в грехах и преступлениях людских землю. Мой личный опыт умудрил меня и открыл внутреннему взору спасительные горизонты.

Так вот, вспомнив о религии, я решила принять Святые Тайны, и началось тогда мое внутреннее мучение в выборе духовника.

Все казались мне недостойными этого моего доверия. В своем самомнении и гордости я хотя и не считала себя праведницей, но все же была уверена, что на мой призыв Господь должен будет послать Своего светлейшего Ангела, который бережно и нежно станет утешать мою скорбящую душу. Но в Своей правде Господь рассудил иначе и послал мне духовника вполне мной заслуженного.

Случайно ли, или чудесно, однажды, когда я даже в молитве просила Бога указать мне достойного священника, я увидела во сне духовника своей матери, о котором никогда не вспоминала.

Воскресли картины забытого детства, и памяти моей предстала высокая фигура молодого, серьезного священника с красивым лицом, каштановыми кудрями по плечам; какой-то очень большой храм, и я, маленькая, семилетняя девочка, у первой исповеди и причастия, более или менее сознательного. Очень страшно было, особенно когда строгий священник не позволил даже сидеть в церкви. «Кающиеся грешники на коленах должны стоять, а не сидеть», – выслал он мне сказать из алтаря. Все это вспомнила я, кроме имени и фамилии.

Заволновалась страшно, понимая, что сон этот был вещим. В старых молитвенниках и книгах матери нашла я наконец и имя заветное. В тот же день телеграммой снеслась с дружески знакомым мне губернатором города Т., где протекло мое, почти забытое, детство; узнала, что интересующий меня священник жив, и в ту же ночь мчалась по направлению к Т., окрыленная какой-то внутренней надеждой. Не отдыхая, отправилась отыскивать чудом воскресшего в памяти человека и нашла его в стенах гимназии, где он законоучительствовал. Вышел ко мне высокого роста, очень худой священник, со следами былой красоты, но теперь уже седой старик. Мое появление его разволновало.

«Дочь Надежды Феодоровны – очень помню, чем могу служить вам?» – «Да вот хочу у вас поговеть, исповедаться».

«Пожалуйте ко мне на дом в 5 часов. Теперь я занят», – сказал он, прощаясь. В указанное время я звонила у парадного входа, и дверь мне открыл сам батюшка; в руках у него была карточка моей матери, и он, вводя меня в свой кабинет и указывая на эту карточку, сказал: «Бог, мать ваша и я – мы вас слушаем!» Боже мой! Что сделалось со мной! От охватившего меня волнения я утратила способность видеть, наблюдать, соображать; как сноп подкошенный, упала я к ногам его, положила голову на колена его, выплакала и высказала всю душу свою.

То была исповедь всей жизни моей; как на ладони представилась она мне, жалкая, одинокая, какая-то темная; все, что обмануло меня, чему изменила я, – все это представилось открывшемуся внутреннему взору моему в новом освещении, в новой оценке; помню, с какой горячей искренностью обнажала я всю свою изболевшую, исстрадавшуюся душу пред темным ликом Христа, глядевшего на меня из угла... и ничего, в сущности, кроме этого взора, я не видела. Когда я окончила свою исповедь и обернулась в сторону священника, сидевшего в кресле спиной к свету, то увидела его спящим со страшным красным лицом, и вся поза его изобличала совершенно пьяного человека... Меня он не слушал, да и ему ли я открывала душу свою. Он был свидетелем, изменившим долгу своему, клятве своей, недостойным слугой невидимого Господа, – я же исповедовалась Богу, и слушал меня Бог! Если бы тогда я имела свой теперешний опыт и знание, я бы не смутилась представшим моему взору зрелищем, я бы, вероятно, с колен встала здоровой, оправданной, но тогда... я зашаталась на ногах и не понимаю, как не сошла с ума от столь неожиданного, так безгранично меня потрясшего впечатления. Да полно! И вправду существует ли Бог? А если существует, то, вероятно, подобно людям, издевается над доверившейся Ему душой... Да! Он существует! Только сила благодати Его, неисповедимый Его Промысл и охранил эту Ему одному дорогую душу, а если бы не так, то земная мудрость профессора Корсакова должны была бы восторжествовать.

Более удобный случай для помешательства вряд ли и мог еще представиться... Впечатлительная, измученная жизнью, обессиленная страшной болезнью душа могла ли бы без Божьей помощи выдержать такое ошеломляющее впечатление! Где логика, смысл, могла ли и речь зайти, казалось, о Промысле и Премудрости Божией: так должен был путаться среди неразрешимых догадок гордый и вместе такой бессильный человеческий ум, а между тем и смысл глубокий, логика и значение той минуты уяснились впоследствии; теперь же она была роковая.

От резкого моего движения очнулся батюшка и заплетающимся языком велел приехать исповедаться (?!) в 5 часов утра в церковь, к ранней обедне.

Не знаю я, как одолела мой внутренний хаос благодать Божия, но к 5 утра я уже была в церкви. Хотела ли я видеть и знать, чем все это кончится, а может быть, и просто от полученной встряски у меня утратилась способность соображать – не знаю. Войдя в церковь, увидела я своего духовника едва державшимся на ногах, сторожа его поддерживали, он видимо был в полном изнеможении. «Сердечные припадки у меня, я умираю», – сказал он, здороваясь со мной. Обедню служил другой, наемный священник, у которого я и причащалась, а по окончании службы помчалась навестить больного батюшку. Жена его сказала, что доктора опасаются за его жизнь и что это его встреча со мной так разволновала, и что вряд ли даже он выживет. Душа моя до того изнемогла от переживаемых ощущений, что я перестала понимать совершающееся. Может, он и пьян не был, это я его оклеветала, больного от пьяного не умела отличить, проносилось бессвязными отрывками в моих мыслях; виной всему моя подозрительность, мое недоверие, мое злое к людям отношение.

С этой новой мукой в сердце вернулась я в Москву, поручив надежному доброму другу разузнать всю подноготную о батюшке и мне сообщить. Письмо не замедлило:

«Трудно найти священника хуже, – писал мой знакомый, – не стоило по белу свету разыскивать, такого верно и в Москве

бы нашли. Никогда трезв не бывает, а пьяный творит всякие непотребства».

Мысль, что я сама то не стоила лучшего священника, мне тогда в голову не приходила: к себе была я снисходительна, а к нему требовательна, себе я прощала свою греховную нечистоту, а от него требовала кристальной чистоты. Впоследствии обнаружилось, что его ужасная душевная нечистоплотность не мешала прихожанам любить в нем доброго, хорошего человека, не мешала и ему всех любить, много добра делать, – тогда как я, сохраняя внешний вид опрятным и изящным, скрывая в клочья изодранные покровы души своей, опустошив эту душу, расточив все ее сокровища и богатства, не простила батюшке слабому его болезни, оклеветала Бога в жестокости и немилосердии и посылала Небу хулу и ропот.

После этого случая здоровье мое пошло совсем на убыль. Доктора послали за границу, оттуда отправили обратно, находя положение безнадежным.

Становилось очевидным, что медицинская помощь оказывалась несостоятельной. Учебные интересы детей потребовали моего переезда в Петроград и здесь уже моя болезнь приняла колоссальные размеры. Еще молодая по возрасту, я совсем состарилась, поседела, и становилось ясно всем, что катастрофа надвигается. Страдания моей души возросли до апогея. Я не могла сидеть дома, мне казалось, что потолок должен рухнуть и меня задавить, я бросалась на улицу и там пугалась чего-то, на меня надвигавшегося. Я видела вокруг себя как бы вздымавшиеся волны, среди которых бедственно погибали мои дети, а к 7 часам вечера я теряла способность двигаться, меня охватывала неудержимая мучительная дрожь, и я вполне ясно сознавала, что на меня надвигается извне какая-то сила, которая неминуемо меня уничтожит и раздавит, и что мое внутреннее бессилье не может этому противостать. Люди духовного опыта знают, что такая болезнь не что иное, как «одержание», или приражение злой силы, победить которую может только Господь. В это время кто-то из близких посоветовал обратиться к отцу Иоанну Кронштадтскому, известному своей молитвенной силой. Много

чудесного о нем рассказывали, и мне указаны были близкие ему два лица, могущие, по моей просьбе, его привести. Обе эти личности, повидав меня, впоследствии сознались, что не решались даже привести ко мне Батюшку, боялись с моей стороны каких-то безумных выходок.

Об отце Иоанне давно я знала; в моей семье даже заочная его молитва подняла с постели к смерти приговоренного ребенка, страдавшего безнадежной формой дифтерита. «Если врачи бессильны – сказала я в порыве безысходного горя, – то силен Бог помочь, и Он мне вернет мое дитя». Была послана срочная телеграмма отцу Иоанну со слезной мольбой о спасении, и ребенок был спасен вопреки приговору врачей. Воспоминание об этом случае и благодарность к лично мне незнакомому молитвеннику не угасла в моем сердце, и я остаток веры и упования вложила в возможность и для себя от него получить облегчение. «Если откажется Батюшка приехать, значит, проклята я Богом, – больше спасения нет, и я должна тогда уже насильственно прервать свое мучительное существование». Огонь веры и надежды все еще не потухал. Два раза тщетно мы прождали в назначенные дни Батюшку, он не приехал; настал третий, в моем внутреннем решении – последний. Если не приедет – ждать нечего, все кончено! За полчаса до назначенного срока явилась сконфуженная И. О. и объявила, что неожиданно вызвали Батюшку к очень высокопоставленному лицу и что, кроме того, спешно ему вернуться надо в Кронштадт. Прочла ли она нечто очень зловещее в лице моем, но только, стремительно обняв меня, она стала уверять, что следующий раз уж непременно Батюшка заедет.

«Будет уже поздно», – ответила я, но мои слова были прерваны звонком из швейцарской и возгласом швейцара:

– Отец Иоанн Кронштадтский...

Помню, что кубарем слетела я с лестницы и, упав к ногам входившего в прихожую Батюшки, кричала, задыхаясь:

«Не стою, я не стою, чтобы вы перешагнули порог жилища моего».

«За такое смирение и веру – все хорошо будет», – раздался его звонкий, светлый, ласковый голос.

Потеряла ли я затем сознание или притупилось оно во мне, но дальше я уже себя помню лежащей около молящегося пред образами на коленах Батюшки, ни слов его, ни молитвы – ничего не помню, кроме внутреннего своего вопля к Богу:

«Спаси, спаси, ведь я же все-таки создание Твое».

С колен я поднялась совершенно здоровой и вполне ясно ощутила, как что-то вошло в меня благодатное, светлое, светлое...

«В пятницу 26-го вы у меня причаститесь в Леушинском подворье в день Иоанна Богослова – апостола любви и веры – сказал, прощаясь со мной, Батюшка. – Приготовьтесь». А это случилось 21 сентября 1899 года.

О вечно памятный, счастливый день!

Возвращаясь иногда к прошедшей своей жизни, перебирая в памяти своей отжитое, только этот один и светит, его бы только и хотела вернуть.

На другой день проснулась я обновленной и возрожденной – сама на себя дивясь. Я ли это? Ни страха, ни тоски, ни смятения, ни страдания – все исчезло при свете одного только луча Божьего милосердия к грешнику. Я стала радостно готовиться к великому дню. Накануне 26-го, по приказанию Батюшки, я пошла на исповедь к его племяннику отцу Иоанну Орнатскому. Если моя исповедь в городе Т. была огромного значения как подведенный итог жизни, как оценка самой себя, то эта вторая исповедь совершенно отделила прошедшее от будущего, вырыла непроходимую между ними пропасть. Я себя беспощадно осудила, обнажила все язвы своей души, отреклась от себя и предала себя Промыслу Божию, Его спасительному обо мне попечению. Я Ему волю свою вручила! Господи! Вот я какая, смотри на меня, хуже и найти нельзя, но в Твоей власти меня очистить, возродить, сделать из грязной и черной – светлую и прозрачную.

Я поверила Богу, а Он никого не обманет!

Тяжел путь возрождения; прошедшие его знают, что весь он залит слезами покаяния, кровью сердечной молитвы; но только

один он может вывести душу из рабства греху, внутреннего бессилья – к свободе и свету. Блаженны, сто крат блаженны те, кто с начала жизни идет путем заповедей Божиих, их души не коснется подобная мука. На другой день после Причастия я подошла ко кресту. Пристально вгляделся в меня Батюшка, мне одной дал три раза поцеловать крест с каким-то особенно проникновенным взором. «Хорошо теперь тебе, голубушка моя. Ну вот и береги теперь душу свою». Я получила такое впечатление тогда, будто он какую-то печать на меня наложил и что много крестов придется поднять по его благословению. Так воистину и случилось. Князь мира сего за временное пользование его благами берет процент Шейлока. Дешево не откупишься! Либо ему служи – либо расплачивайся. Я сознательно предпочла расплатиться, и не прошло и года, как будто из рога изобилия посыпались на меня всевозможные бедствия.

Умер внезапно муж, с его смертью утратилось все внешнее благополучие, исчезли мнимые друзья, на бирже, благодаря крушению дел Алчевского, лопнуло большое состояние, дела запутались в такой мере, что после роскошной жизни стало грозить нищенское существование. Учебные годы подраставших детей совпали с годами революционного движения и были чреваты крупными недоразумениями и даже опасностью для их жизни, и наконец, стряслось самое величайшее горе – погиб сын мой, юноша 19 лет, в страшном Цусимском бою, и я целый год не могла узнать об его участи.

Избалованная комфортом жизни, едва окрепшая от перенесенной болезни, во всем неопытная, – кто бы мог поверить, из прежде меня знавших, как стойко, мужественно перенесла я все эти невзгоды сама и от всего защитила всецело на моем попечении оставшихся детей. С Богом все возможно, а дорогой отец Иоанн поддерживал, ободрял и укреплял меня все время силой своею духа. Так, незадолго до смерти мужа он настойчиво требовал, чтобы я купила имение, даже и губернию сам указал. «Дольше проживешь и счастливее будешь», – говорил он и для большего поощрения обещал сам приехать на новоселье. Всегда ему послушная, я, вопреки всем

видимым невозможностям, имение купила, и только это и помогло нам впоследствии выйти, сравнительно благополучно, из всех осложнений и бедствий и сохранить здоровье телесное и душевное детей. Исполнил он и обещание свое, приехал освятить нашу покупку, и его благословение принесло плоды воистину чудесные, не только мне лично, но храму нашему, округе всей.

По мере того, как расширялось мое внутреннее духовное благосостояние, крепла и кристаллизовалась моя душа, все внешнее, материальное суживалось; иногда мне казалось, что мир меня вытесняет, выбрасывает из своей среды, уж очень все сузилось вокруг меня. Внутренняя свобода еще не наступила, но путь к ней уже определялся.

Вскоре после моего возрождения и знакомства с Батюшкой, еще задолго до смерти мужа, как-то неожиданно для меня самой воскресла в памяти фигура немощного священника из Т. «Вот бы свести его с Батюшкой, – пришло мне на ум, – авось и его исцелит Господь за праведные молитвы Своего слуги. Может, только для этого и скрестились на мгновенье пути наши». Мысли эти все чаще и неотступнее меня преследовали, и я наконец решила написать без всяких обиняков. *«Вы – свет мира и соль земли* (Мф.5:14:13), – писала я, – а как-то светите вы? В какой соблазн вводите паству вашу, оскорбляя Бога, пренебрегая интересами вверенного вам стада! Приезжайте непременно, доверьте вашу немощную душу батюшке отцу Иоанну, за его молитвы – исцелеете». «Не могу обращаться к другим в деле, где сам себе помочь должен», – ответил он.

Но я не унималась; внутренний голос убеждал меня настаивать, и я снова написала и назначила даже день приезда, обещая, что служить он будет совместно с Батюшкой, которого уже просила усердно молиться о погибающей его душе. И когда наступил день, мною назначенный для его приезда, я впала в безграничное волнение. Конечно, мне не приходила в голову мысль, как много беру я на себя в стремлении спасать других, сама еще едва окрепшая; не знала я тогда, как мстит враг за подобные подвиги, да оно и лучше, что не знала, не удалось бы тогда, быть может, это святое дело до конца довести.

Много лет спустя, имея уже духовный опыт, я оценила мудрый совет одного старика иеромонаха. «Не дразните врага, – советовал он, – лучше пусть поменьше он вас замечает; не выдержать вам борьбы с ним; не только доброго поступка, и молитвы-то горячей он не прощает». Воистину правду говорил монах этот, и если, при помощи Божией, и приходится что-либо брать на себя, то уже сознательно и заранее готовиться к его мести. Но тогда я шла напролом, вверяя себя защите Бога.

Прошло все утро в ожидании тщетном, и я разочарованная ушла из дома по делам. Каков же был мой восторг, когда по возвращении узнала от швейцара, что приезжий священник меня ждет. На крыльях радости влетела я в квартиру.

Навстречу мне поднялась знакомая фигура отца Сергия, но до того зловещая, мрачная, что от страха сжалось сердце мое.

«Ну вот я приехал, сам не знаю зачем», – начал он, не здороваясь и не благословляя.

«Ну и слава Богу, – воскликнула я, – сейчас поедем разыскивать отца Иоанна».

«Да нет, не надо, – перебил он меня, – чего спешить, может, и не стоит никого тревожить, и так обойдется дело. А все же странные вещи случились с тех пор, как получил я ваше письмо. Прежде всего, то была первая ночь за 23 лет, что я заснул и не просыпался, а то, и не поверите, какая мука. Проснешься с 2-х ночи, и тянет пить, а я уж как ни грешен, а пьяный не служил, не оскорблял хоть этим Бога. Бывало, едва уж и службу дотягиваю, и начинаю-то что ни есть раньше, либо за себя найму, – а пьяный никогда не служил, – а тут да утром трезвый встал, прямо самому себе на удивленье. А затем думаю. Как же ехать, денег нет даже ни копейки лишней. Взмолилась тут жена, говорит: «Достанем!» «Нет – говорю, – в долги не полезу», – а сам рад, что помеха нашлась; да вдруг, откуда не возьмись, пришли жене деньги после покойного митрополита Московского 200 рублей – он ей был родственник, отговорки и нет. Смотрю, на счастье, новая помеха. Юбилей 200-летний город справляет, меня архиерей как заслуженного протоиерея назначил в сослужение – вот, думаю, и не пустят, – опять слава Богу! А все же для очистки совести пошел

проситься. «Хочу, мол, в Кронштадт ехать, такого-то числа служить буду с отцом Иоанном», – а сам внутри себя посмеиваюсь: «Как же, пустит тебя!» А архиерей-то был почитателем Батюшки. А тут уж и последнее чудо совершилось. «Такого счастья вас грех лишать – сказал он, – поезжайте с Богом да за меня, грешного, вместе с ним помолитесь». Меня обыкновенно всегда провожают, один я ездить не могу, непременно напьюсь, ну и берегли от сраму-то, а тут некому было провожать, да и дорога стала бы в два дорога, вот и пустили меня на волю Божию – и что ж, доехал, хоть бы единую за дорогу-то выпил, но уж дольше, пожалуй, не стерпеть. Я ведь пью много, – понизил он голос до шепота, и лицо его стало ужасным. – Мне ведь и бочки мало!!»

Я почувствовала, как дрожь меня всю охватила.

«Тогда помнишь, ты-то была, сказали больной – пьяный был, замертво пьяный, а не больной; а напьюсь – не помню, что и делаю; низко я, очень низко пал!

Да знаешь ли, – вскрикнул он вдруг, до боли сжимая мне руку, и глаза его точно кровью налились, – случалось и заболеть, чувствую, что околеваю, ну и что ж? За попом, что ли, посылать, над Богом смеяться: каяться, чтобы завтра сызнова начать, нет, думаешь, – собаке собачья и смерть».

Больше я уж не в силах была выдерживать этой страшной исповеди, мою всю внутренность трясло, зубы стучали, как в лихорадке, и я не могла глядеть больше в его сразу как бы охмелевшее, ужасное лицо.

«Едемте скорее, Бог поможет, я верю, верю, верю», – твердила я в каком-то исступлении и больше всего боялась, чтобы как-нибудь он не отвертелся.

Был ноябрь, на улице гололед, ни в санях, ни на колесах, пронзительный холодный ветер продувал насквозь. В легкой кофточке, почти замерзая, я о себе перестала думать, лишь бы удалось его сдать попечению родного Батюшки, лишь бы до него дотащить. Отец Сергий сидел и упорно молчал, изредка вздыхая и что-то бормоча. «Господи! Сподоби узреть достойного слугу Твоего», – удалось мне раз услышать. Молилась я

внутренне горячо и пламенно. На пристани нам сказали, что по случаю ветра и непогоды отец Иоанн поедет на Ораниенбаум.

По приезде на вокзал я взяла билет для отца Сергия и, имея крайнюю необходимость вернуться домой в интересах детей, а главное и себя, чувствуя от холода и волнения совсем изнемогшей, я, тем не менее, страшно боялась, что в последнюю минуту убежит мой протоиерей и весь мой труд пропадет даром. Подвела я его к стоявшему на платформе образу и сказала: «Клянитесь мне высоким достоинством священника, что вы не убежите, что дождетесь Батюшку, иначе я останусь, рискуя совсем заболеть». – «Даю вам страшную клятву пред лицом Бога, что не уйду; я уже поборол в себе желание бежать, ступайте с миром», – сказал он твердо и покойно. Прошло целых томительных три дня, волнение мое возрастало, мне все мерещилось: либо он умер, либо убежал, невзирая на клятву.

Наконец, на третий день вечером раздался звонок, мое сердце затрепетало, и я, опередив прислугу, бросилась к входной двери. У неё стоял весь сияющий, лучезарный отец Сергий. Истово помолившись на образ, благословив меня, он глубоко посмотрел мне молча в глаза: «Если бы я не был священник и протоиерей, поклонился бы я тебе в ноги и целовал бы их за то, что ты для меня сделала...» Дорогие, святые слова эти сохраняю я в сердце моем, уповая, что за его благодарные молитвы и меня Господь помянет в час моей смерти.

И рассказал он мне, как ехал с Батюшкой в купе, как тот вспомнил, что уже о нем молился. Картина отбытия поезда, толпа бегущих сзади людей, бросание записок с мольбой «помолиться» – все это уже с самого начала поразило своей необычайностью впечатление его; он сразу понял и взвесил, какую силу имеет истинный священник Господа Бога и каким он должен быть.

Отец Иоанн молчал. Молился или дремал; на пароходе он неожиданно взял отца Сергия за руку и повел его к носу парохода. Публика попряталась в каютах, так как необычайной силы ветер бушевал и грозил сбросить в море смельчака,

который бы решился с ним побороться. Палуба была пуста. Отец Сергий, ухватившись за протянутый канат и нахлобучив шапку, едва пробирался за Батюшкой, который шел впереди свободно без шапки, с развевавшимися волосами, с распахнутой шубой. «Ну вот, отец протоиерей – сказал он, останавливаясь, – Бог, очистительная стихия и я – мы слушаем тебя». И упал к его ногам бедный грешник, имея только одно желание в сердце – умереть у ног его. И припомнилось мне, слушая его, как когда-то, по странному совпадению, и он мне сказал те же слова: «Бог, мать ваша и я – мы вас слушаем»; думал ли и он в свою очередь услышать те же слова, к нему обращенные. Случайное ли это явление или звенья неразрывной цепи, объединяющей всех грешников пред Лицем Бога, на какой бы ступени общественной лестницы он ни стоял, какого бы звания ни был, – пред Богом все равны. Всякий несет и тяжесть креста, и тяжесть греха своего пред Богом, и только от Его нелицеприятного суда и примет свой приговор.

Вскоре после этого события отец Сергий заболел гнойным плевритом, и случилось, что в это самое время проезжал отец Иоанн город Т. ко мне в имение; я просила его усердно навестить болящего, и вдвоем с владыкой они исполнили мою просьбу, и оба на коленах у его постели молились о его спасении.

«Болезнь твоя очистительная – сказал Батюшка. – Ею Господь и немощь всю твою очистит». И встал отец Сергий после болезни духовно здоровым, прожил после того еще 10 лет, возрастая и укрепляясь духом, и умер горячо оплаканный безгранично его любившим приходом и семьей.

Почти одновременно с описанным случаем пришлось мне по воле Божией пережить еще более знаменательное событие. Жил тогда в Петрограде старинный знакомый матери моей сенатор С., очень богатый, но анекдотически скупой старик. Поддерживая давние отношения, я его иногда навещала, унося всегда след чего-то холодного, жуткого от его обстановки старого скряги. Давно не видевши его, я почему-то о нем вспомнила и заехала его навестить. На выраженное им удивление, что я до неузнаваемости поздоровела и

помолодела, я ему рассказала о своем знакомстве с отцом Иоанном и моем чудесном воскресении из мертвых и сама для себя неожиданно добавила: «Вот вам бы Батюшке помочь в его постройке монастыря на Карповке, вот уж дешево бы душу спасли за его святое пред Богом предстательство. Хотели же своему дворянству пожертвовать 100 тысяч ради славы собственного имени, а что толку, не только дворянство, да и наследники-то, пожалуй, не вспомнят вас, а уж Батюшка не забудет о вас в вечности».

На мое предложение он, к великому моему удивлению, даже не запротестовал, а сказал: «Что ж, надо подумать», – и вечером того же дня, нигде не бывая, никуда почти не выезжая, приехал ко мне, сам затронул поднятый вопрос, и вся беседа его, вместо обычно иронического, брюзжащего или насмешливого тона, носила характер чуть не исповеди. Коснулся он и личной жизни, и своих колебаний в вере, своего смущения пред фактами, казавшимися ему вопиющими по несправедливости и отсутствию логики в случаях, когда лучшие люди караются Богом, а мошенники торжествуют, и много в том же духе, на что я тогда и сама, еще духовно малограмотная, не могла дать ему разъяснений, а только чувствовала и понимала, что его душа, закоренелая в эгоизме и сребролюбии, как бы пред чем-то дрогнула.

На другой день в Леушинском подворье служил отец Иоанн, и я, всегда посещавшая эти службы, сообщила ему, что имею доброго знакомого очень богатого и надеюсь, что он примет участие в постройке интересовавшей Батюшку обители. «Я об этом знаю, – ответил Батюшка, – и напишу письмо, а ты лично свези ему».

Письмо это, мне врученное, показалось до того странного и таинственного смысла, что какое-то зловещее предчувствие вошло мне в сердце, но я немедленно же поехала и вручила его адресату. Вначале это неожиданное послание, казалось, и не удивило и не смутило С., но на другой день я уже застала его в ином настроении, и раздражению его против меня не было границ.

«Что вы наделали, – кричал он, – ведь не поп же это простой, ведь это Иоанн Кронштадтский, с этим ведь считаться надо».

«Ну и слава Богу – радуйтесь такой чести. Страшно слушать, что вы колеблетесь, за горло вас не берут, суммы не назначают. Дайте сколько можете – ну десять, пять, одну – или хоть просто позовите его, помолитесь с ним, тогда и уяснится, что вам делать». Но ничто не помогало, и меня он едва не вытолкал из квартиры, грозя, что наследники его меня отравят, когда узнают, что я под их наследство подкапываюсь.

Дня через два я снова встретила Батюшку, и, увидав меня, он уже сам спросил: «Ну, а что твой С., колеблется? Скажи ему, что мне денег-то его не нужно, а вот о душе своей ему подумать время настало. «Пора, мол, время о душе подумать», – так и скажи, да и не замедли». С тяжелым сердцем, едва передвигая ноги, входила я в знакомую переднюю. Легко ли было такое поручение исполнить – видел Бог, и действительно, мне казалось, что я в ад попала.

Лакей, отворивший мне дверь, смотрел на меня с ненавистью: обогащаясь за счет своего барина, он боялся постороннего влияния, а сам хозяин впал в неистовство.

«Ваш отец Иоанн думает, что моя душа погибнет, если я ему денег не дам, – пусть же погибнет, не дам, ничего не дам; вон ступайте!» – кричал он вне себя.

«Не знаю и не смею знать, что думает отец Иоанн, но я лично отрясаю прах от ног своих, предоставляю вас самому себе, – ответила я покойно и действительно при этих словах отрясла подол своего платья. – А вы... предстанете на суд Божий, облепленный вашими купонами, тогда, быть может, и пожалеете, да раскаяние то будет бесполезным уже. Прощайте». Ушла я с твердой решимостью больше не возвращаться и об этом категорически объявить Батюшке. Это была среда, а в пятницу снова назначена была служба отца Иоанна в Леушинском. Пошла и я к обедне. Ровно неделя прошла с того дня, как впервые я говорила с С. об отце Иоанне. После службы в игуменской я увидела Батюшку за письменным столом, он что-то писал. Я подошла к нему, стала около него на

колени и передала ему свое впечатление об С. и свое решение больше его не посещать. «Я прямо настрадалась, дорогой Батюшка, за эту неделю, больная стала, не могу больше!» Батюшка взглянул на меня каким-то особенным взглядом, который в редкие минуты мне удавалось наблюдать у него, – какой-то, если можно выразиться, потусторонний взгляд. Зрачки исчезали, и точно голубое небо смотрело из глаз, казалось, что и Батюшка исчезал и только один этот взгляд оставался.

«Милая моя – сказал он, глядя на меня этим взглядом, – да и не нужно больше, уже поздно», – и, снова наклонившись, продолжал писать. Меня ошпарили слова эти, и я прямо из подворья помчалась к С., влекомая неудержимой силой.

«Сейчас будет первая панихида, – объявил отворивший слуга, – два часа назад скончались». Не знаю, как не лишилась я чувства при этом ошеломившем меня известии. Жутким холодом повеяло на меня от всей обстановки, представшей моему взору.

Одинокий скряга, всем чужой, ненужный, лежал на столе; съехавшиеся наследники, счастливые получить в свои руки его миллионы, горсточка приятелей, наскоро оповещенных, более любопытства ради прибывших, несколько сослуживцев, довольных, что вот, мол, умер, а они еще живы, да лакей, на руках которого таким одиноким, беспомощным умер этот богач... Вся эта картина до того поразила мое воображение, что я залилась слезами горькими, прося у Бога милосердия для этой несчастной, грешной души. Впоследствии я узнала, что в среду, тотчас после моего ухода, С. позвал лакея и, волнуясь, ему сказал: «А ведь нехорошо, надо бы дать, – но, не окончив слова, вскрикнул: – Скорее Казанскую» и упал, лишившись речи и движения, пораженный ударом. Два дня сознание его не покидало, и он силился сказать два слова: «Боже и привези» и в пятницу утром скончался, так и не понятый окружавшими его.

Я положительно заболела от пережитого впечатления. Вечером и ночью мне все мерещилось, что кто-то около меня вздыхает, я чувствовала чье-то постоянное присутствие около себя и просила Батюшку ко мне приехать. На выраженное мною опасение, что я своими речами убила С., что я виновница его

смерти, отец Иоанн меня побранил: «Кто же ты, чтобы иметь власть сократить или продлить чью-либо жизнь, это власть Бога, а ты, несомненно, подняла всю муть с души его, и кто знает, может, этим спасла его от вечной муки; три дня огромного страдания и внутреннего, быть может, покаяния могли многое искупить. Молись о нем – это твой долг».

С того времени образ С. перестал меня тревожить. Трудно вспомнить, еще труднее описать все случаи, свидетельствовать могущие о силе благодати, таинственно почивавшей на отце Иоанне, о его проницательности, им несознанной в нем, как бы машинальной, в случаях, когда в ней нуждались люди, но не тогда, когда ему приходилось ограждать себя. Однажды, глубоко негодуя на лицемерие некоторых ему столь близких людей, я имела дерзновение его упрекнуть в отсутствии прозорливости.

«Бога благодарю, что не прозорлив я, а то перестал бы людям верить и не оправдался бы пред Богом, – каждый ведь за себя ответит Господу», – сказал он мне. А между тем, сколько же раз пришлось мне же самой поражаться этой его прозорливости. Так, у меня в имении, благословляя народ, он резко оттолкнул женщину и ее сына, не благословил моего пастуха и впоследствии обнаружилось, что эта женщина и вся ее семья занималась поджогами, но, не будучи до времени уличенной, продолжала благоденствовать, но тут же вскоре была приговорена к ссылке, а пастух и сам потом всенародно покаялся, поняв, за что был лишен благословения. На местного священника личность отца Иоанна произвела такое потрясающее впечатление, что он, сознавая себя по сравнению с ним недостойнейшим слугой Господа, заболел душевной болезнью, которая и очистила его пред смертью от многого порочного и греховного.

Еще на моей памяти, хотя и без личного моего участия, в Петрограде был случай, рассказанный мне братом моего мужа, с его приятелем, неким А., крупным известным коммерсантом. Однажды летом, в отсутствии семьи, у этого господина А. пошла носом кровь и в течение суток, несмотря на принятые меры, не прекращалась. Созванный консилиум докторов

признал неизбежным очень серьезную операцию, могущую иметь печальный исход.

Трое суток кровь не унималась, больной изнемог и дал согласие на операцию. Накануне этого дня приехал управляющий господина А. – человек глубоко верующий и преданный хозяину. «Позвольте съездить к отцу Иоанну, доверьтесь его молитвам» – молил он своего доверителя.

«Ступай куда хочешь» – ответил больной, человек совсем индифферентный к религии.

На другой день, в час, назначенный для операции, съехались врачи, надели фартуки, разложили целый арсенал инструментов и подняли больного, чтобы его омыть пред операцией. Кровь лила неудержимо. Поддерживаемый с двух сторон врачами, больной стоял около умывальника, когда в комнату быстро вошел управляющий с радостным лицом. «Я лично видел Батюшку, – поспешно сказал он, – он шлет свое благословение, сказал, что у Бога милости много, без операции обойдетесь». Его слова остались без ответа как ничего не стоящие и никому не интересные, вряд ли кто и слушал их, кроме глубоко заинтересованного исходом дела брата моего мужа.

– Мне как-то жутко стало, я жалел, что этот управляющий их произнес – говорил мне он. – Я предвидел, что они станут предлогом для насмешек, как вдруг больной, подергав носом, сказал: «Господин профессор, кровь как будто перестала идти».

«Этого не может быть, временная закупорка, – ответил тот самоуверенно, – пойдет снова».

Но кровь не шла, и доктора, прождав около часу, разъехались, оставив ассистента и отложив операцию до другого дня. Но в ней нужды не оказалось – кровотечение не возобновлялось.

Прошло более полугода, но А. не забыл происшедшего и, побуждаемый управляющим, решил ехать в Кронштадт повидать лично дотоле никогда им не виданного Батюшку и его поблагодарить. Приехал он к обедне, отстоял и молебен и затем, подходя к Кресту, хотел было выразить свою

благодарность, как вдруг сам Батюшка, предупреждая его, сказал:

«Ну что же, кровь-то по милости Божией ведь остановилась? Обошлись и без операции?»

Гром без тучи не ошеломил бы так его, как эти слова, сказанные ему человеком, которого он впервые видел.

«Это совсем удивительный человек, этот кронштадтский Батюшка», – рассказывал он впоследствии о своем впечатлении, и его неверие значительно поколебалось. И сколько бы благодарных, вечно помнящих Батюшку людей могли бы подтвердить, насколько воистину он был человек удивительный!

Через полтора года после моей первой встречи с Батюшкой я вернулась из имения в Петроград, куда и муж мой должен был вскоре приехать из города Ч., где он служил; устраиваясь на новой квартире, я ждала приезда мужа, чтобы пригласить Батюшку освятить наше жилище. Знавшие деятельность отца Иоанна помнят, как трудно было и вообще-то добиться его приезда, но, чтобы это могло быть неожиданным, случайным, нежданным, казалось, и во сне бы не приснилось. Была суббота, все дети собрались домой из учебных заведений, зашел случайно с женой и сыном брат мужа; ничто, казалось, не предвещало удара из безоблачного неба, когда была подана срочная телеграмма, извещавшая о внезапной и безнадежной болезни мужа. С ним случился удар, мое присутствие требовалось немедленно. Трудно описать растерянность, подавленность всей семьи; зловещее молчание сразу воцарилось, мы еще не опомнились от неожиданного потрясения, когда раздался в передней звонок и вошел отец Иоанн Кронштадтский, и это в субботу, в час всенощной, нежданно и негаданно!

«Узнал, что ты приехала, ехал мимо...» – раздался его дорогой ласковый голос. Боже мой! Не сон ли это? Через минуту я уже была у ног его; спасительные, облегчающие душу слезы лились из глаз, когда я подавала ему только что полученную телеграмму. «Успокойся! Вот и я с тобой в твоей скорби, будем молиться». И в спальне моей, пред образами,

окруженный так случайно собравшейся во всем своем составе семьей мужа, горячо молился отец Иоанн о болящем страдальце, одиноко умиравшем за тысячу верст от семьи. Как бы отходную прочел ему в молитве своей столь нами всеми чтимый, обожаемый Батюшка, и верю я облегчению моему бедному мужу в страшную минуту исхода его души. «Молитва Батюшки заменила отцу исповедь и причастие», – сказал мой второй сын, моряк, и, по странному совпадению, в свою очередь, получил ту же милость от Бога, ибо в день и час его гибели в Цусимском бою и о нем молился Батюшка, и ему, вероятно, также облегчил страшный час его смерти. «Не проси для него жизни – сказал мне Батюшка, – а благой и промыслительной о нем воли Божией».

Теперь и я уже своим опытом знаю, что не следует своей воли и своего желания противопоставлять Промыслу Божию. Этого самого сына и выпросила я у Бога своей материнской скорбью, когда после приговора врачей обратилась телеграфно к отцу Иоанну с мольбой о его спасении. Тогда он был спасен, а для чего? Чтобы спустя 15 лет, пройдя через горнило учебной страды и много других страданий детской души, в расцвете сил и жизни умереть самой страшной смертью, выпавшей на долю броненосца «Наварин».

Трудно, конечно, не понять и не поверить, читая эти воспоминания, как беспредельно дорога, священна для всей семьи нашей память отца Иоанна Кронштадтского, этого светлого, доброго гения скорбящих, безнадежных и унывающих. Сколько же людей и семей, подобно нашей, хранят в благодарном сердце своем его лучезарный образ, и какой мучительной болью отзываются эти сердца всякий раз, когда это священное имя обливается грязью, помоями безосновательно, бездоказательно, неизвестно даже какой цели ради.

Какое страшное неуважение эти жалкие люди проявляют к чувствам народным, как унижают и позорят самих себя. Более полувека имя отца Иоанна было популярно, уважаемо не только в России, но и за границей; прославился он своей глубокой верой в Бога, любовью к страждущему народу, которому до

конца остается верен, не ища ни почести, ни славы. Его многотрудная, многострадальная жизнь протекала на глазах у всех, среди народа, вечной толпы, за ним бегущей, его искавшей, в суете и сутолоке ее разнородных интересов, не имея для себя месяцами, годами отдыха. Всюду нес он помощь, утешение, отраду, от высоких вельмож до последнего нищего – все спешили к нему и черпали из сокровищницы сердца его всякий по своей нужде. Величайший из величайших людей был отец Иоанн Кронштадтский, в немом удивлении следует остановиться пред выполненной им задачей жизни, и горе тем, кто, не умея этого понять, из маленького, злобного, пустого своего сердца несет ему хулу и поношение, кто смешивает его с толпой, его окружавшей, кто немощи, слабости, грехи этой толпы видит в светлом лице отца Иоанна. Все великие подвижники духа спасались в пустыне – бежали от людей. Отец Иоанн был обречен никогда не иметь часа отдыха и покоя.

Когда он был в моем имении и мне, в силу чуда какого-то, уда лось изолировать его от вечно и всюду за ним следующих и когда он мог свободно читать, гулять и молиться один в течение трех дней, он выражал прямо детскую радость и все благодарил и Бога и меня. «Да воздаст тебе Господь за отдых мой!» Каждый, кто, как я, подходил к нему только с духовной стороны, обогащал душу свою ценными сокровищами его духа, но, к сожалению, большинство ему близких, его окружавших, эксплуатировали его безмерную доброту, мягкость чувств души его, не берегли, досаждали, обременяли и, главное, давали повод злым людям оскорбить, поносить его имя; преследуя свои мелкие ничтожные интересы, сами они темными пятнами ложились на светлую его личность, а он верил и льстецам, и обманщикам, и хищникам, потому что, не имея в сердце своем коварства, лжи и зла, не подозревал его и в других людях, не мог и не хотел подозревать! Это общая участь светлых и чистых людей!

Оканчивая свои воспоминания о дорогом Батюшке, я думаю, что священной обязанностью нас всех, ему близких, но не умевших беречь и дорожить сокровищами его великой, любвеобильной души, нас, омрачавших покой его болевшего за

грешных людей сердца, утруждавших его своими личными мелкими интересами, нам следует, наконец, очистить священную память его от «нашей тени». Не сумела я, быть может, выполнить этой задачи, этой священной пред ним обязанности, слаба моя речь и перо, но Бог, видящий намерение, поможет мне, и Сам уже в сердцах читающих эти строки доскажет недосказанное, осветит затемненное, а дорогой, незабвенный батюшка отец Иоанн, меня возродивший к новой, сознательной жизни, светивший мне в пути моем, помянет мое грешное имя пред Господом и поможет до могилы несть крест моей жизни и исполнить по мере слабых сил моих заветы нашего Божественного Учителя, достойным учеником и последователем Которого он сам воистину был.

Иеромонах Иувиан. Главы из автобиографии

I. Детская вера и кронштадтский пастырь отец Иоанн

Божиим велением книга моей жизни раскрылась 24 января 1880 года в Верхне-Сергинском заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии, в семье местного священника Петра и Августы Красноперовых. Родитель мой, как по долгу пастырства, так и по душевному влечению, вместе с моей матерью были людьми глубоко верующими, в какой вере и воспитали детей своих.

В начальные годы своего пастырства мой отец находился под благотворным влиянием двух старцев-затворников, подвизавшихся в Верхне-Сергинском заводе. Старцы эти были неведомы миру, но высоки перед Богом, ибо дела их свидетельствовали о святости их сокровенной в Боге жизни, о высокой духовной опытности, о подвигах веры и благочестия. Стяжавшие дар прозорливости, они обнаруживали его в исполнявшихся предсказаниях. Так, например, они предсказали страшный пожар, испепеливший весь Верхне-Сергинский завод вместе с церковью и 400 домов.

Когда Господь воззвал меня к сей жизни, старцы сказали моей матери, чтобы она берегла третьего отрока, ибо в жизни его ожидает нечто особенное. На вопрос родителей: что же особенное ожидает меня в жизни, старцы ответили, что о будущем Господь запрещает им говорить, но они дают заповедь моим родителям «беречь третьего отрока». В семье родителей, ко времени моего рождения, было, кроме меня, еще два брата, таким образом, третьим отроком, которого старцы заповедали беречь, был младенец Иоанн, родившийся 24 января 1880 года и просвещенный Святым Крещением 26 числа того же месяца.

Мне было полтора года, когда родитель мой из Верхне-Сергинского завода перевелся в Кунгур, ставший отселе колыбелью моего детства. При отъезде родителей в Кунгур старцы опять напоминали моим родителям: «Пусть мать бережет своего отрока». В этом же смысле они писали потом моим родителям в Кунгур.

Как на один из примеров прозорливости упомянутых старцев могу сказать следующее. Живя уже в Кунгуре, родитель мой, обремененный семейными заботами и многосложными занятиями по службе, позволил себе совершить несколько раз литургию, не вычитав положенное правило. Спустя несколько времени от сергинских старцев явился в Кунгур человек, который от имени старцев предупредил моего родителя, чтобы на будущее время, готовясь к служению, он вычитывал правило, ибо упущение его составляет большой грех. То, что упущено родителем, молитвенно восполнено ими, то есть старцами, которые вычитывали за него правило всякий раз, когда он упускал его.

От этого времени отец с особенным тщанием каждый раз готовился к служению литургии.

Все, что сергинские старцы предсказали моим родителям, впоследствии сбылось.

Кроме меня, в семействе родителей было еще три брата и столько же сестер, но детство свое я проводил одиноко: разница в характере не способствовала сближению, и насколько я помню из глубины детства, оно было предоставлено самому себе и тем случайностям, из которых вытекают пути Промысла Божия, ведущие ко спасению. Мне думается, что не система воспитания, каковая в полной мере не применялась в нашей семье, а именно пути Божьего Промысла укрепили в нас непосредственность и теплоту веры.

С пятилетнего возраста родитель стал меня брать с собою в храм. Служил он тогда в Михайло-Архангельской церкви, что в Кунгурской городской богадельне. Бывая с отцом в церкви, я не принимал никакого активного участия в церковном служении, ограничиваясь только тем, что стоял во время службы в алтаре. Случалось иногда, что, уставши от стояния во время всенощной, я тут же в алтаре укладывался спать на двух табуретках, стоявших за печкою. Однажды было так, что отец, отслуживши всенощную, забыл меня, уснувшего в алтаре, и спохватился уже при отъезде домой. Пришлось вновь открывать храм, будить меня, мирно почивавшего в алтаре, и везти домой.

Однажды на Пасхальной неделе, будучи в богадельне и зайдя перед службою в церковь, я прошел в алтарь прямо через открытые Царские двери.

Страстные богослужения Великой седмицы доставляли мне большое утешение, но какая испытывалась радость, когда в светлую утреню идешь, бывало, во главе крестного хода вокруг храма. Шествовали мы в этих случаях всегда вместе с родителем: в правой руке он нес крест с возженным трехсвечником, а левой держал меня за руку, оберегая от напиравшей толпы молящихся и призреваемых в богадельне. С каким, бывало, торжеством и неземной радостью входили мы первыми в храм, блиставший ярким освещением, при пении чудной пасхальной песни!

Эти святые впечатления счастливого детства никогда не забыть, когда даже само детство и вся обстановка его невозвратно канули вглубь десятилетий: ушли от нас в далекое, милое, родное прошлое.

Любил я в это время устраивать крестные ходы в соучастии с сестрами или братьями: заберем, бывало, боковые доски от наших детских кроваток и идем по комнатам дома с пением известных нам церковных песней, воображая собою крестный ход, а другой кто-либо из нас ударял в это время большим медным подносом, что изображало колокольный звон.

Когда я вырос настолько, что мог выходить один из дома, то любил уходить в близлежащую рощу, и прогулки эти были большею частью уединенные, без участия братьев и сестер.

Ребенком я часто бывал в доме своих дедушки Ивана Тимофеевича и Елены Ивановны фоминых и всегда видел Святый Крест, висевший в зале их дома вместе с прочими семейными святынями. Родные мои относились к сему Кресту с большим благоговением, и вся история с чудом Креста, бывшем при бегстве пугачевской шайки от родного мне города Кунгура, была хорошо известна мне с раннего детства.

С достижением восьмилетнего возраста меня отдали учиться в Кунгурское приходское училище.

Не помню, как и кто, но в эту именно пору мне рассказывали об отце Серафиме Саровском, и образ его,

полный обаятельной силы, навсегда остался в моей душе.

Спустя несколько времени, от читанной в классе книжечки о преподобном Сергии, Радонежском чудотворце, сложились у меня первые впечатления о духовном образе сего дивного угодника Божия, ставшего с этого времени как-то особенно близким. Первые одинокие годы жизни его в глухом лесу, маленькая обитель, неустанная молитва и труд, посещение Божией Матери, чудеса – все это раскрывалось с какою-то притягивающею силою.

Громаднейшее значение для всей жизни имеют впечатления детства и душа обладает удивительной способностью хранить их в себе и через десятки лет воспроизводить с положительной точностью.

Когда мне было одиннадцать лет, просматривая однажды выписываемую тогда у нас газету «День», я обратил внимание на фельетонный рассказ, помещенный в этой газете «Пьяницы у отца Иоанна», где повествовалось о самоотверженном служении кронштадтского пастыря разным отверженным от общества людям. Этот рассказ так на меня повлиял, что с этого времени отец Иоанн Кронштадтский стал для меня предметом любопытства, удивления и благоговения. Личность отца Иоанна меня сильно заняла, и душа моя с этого времени жаждала увидеть этого дивного служителя Бога и человеков. С этих пор у меня впервые зародилась мысль побывать в Кронштадте и самому увидеть прославленного пастыря, отдавшего всего себя Святой Церкви, всем скорбящим и страждущим.

К описываемому времени, а это было в 1891 году, имя отца Иоанна Кронштадтского было известно и в нашем далеком Приуралье как имя пастыря-молитвенника, святого подвижника, слава которого гремела уже тогда по всему миру, кого всенародное мнение окружало ореолом высокой святости, того дивного в наше время человека, который все отдал для Христа и был, так сказать, Илиею своего времени.

Благотворное пастырское влияние отца Иоанна простиралось и на некоторых граждан нашего города Кунгура, которые чтили его как праведника и, веря в его молитвы пред

Богом, просили его совета, помощи, наставления. И для всех них он был истинным светочем веры и жизни.

В нашем доме также благоговейно чтилось имя отца Иоанна. Родитель мой в своих пастырских трудах также прибегал к нему, повергая ему свои скорби, сомнения и нужды. Ответов на свои вопрошения родитель не получал от отца Иоанна, но по вере его случалось так, что терния пастырского служения моего родителя умягчались молитвами пастыря-праведника отца Иоанна и он бодро продолжал дальнейший свой пастырский подвиг.

С достижением 15-летнего возраста у меня укреплялось сознание в том, что способности мои очень плохие и здоровье слабое. Я стал чувствовать нужду в крепкой молитвенной помощи. Несмотря на все мои старанья, ученье мое шло туго, и я всегда был одним из самых последних учеников в моем классе; это доставляло мне много душевных страданий и мук, но предотвратить их было не в моей силе. В это время я учился в Перми, в духовном училище, и сознание своего бессилия особенно угнетало меня пред экзаменами, в этих случаях впервые я стал письменно обращаться к отцу Иоанну, прося его молитвенной помощи к переходу в следующий класс. Для товарищей и родных это оставалось тайною, но за молитвы праведника, как несомненно верую, я благополучно переходил в следующий класс.

В 1896 году Бог помог мне окончить учение в духовном училище, но ввиду слабого здоровья и таких же способностей дальнейшее образование было для меня несбыточной мечтой...

II. Учитель в сельской школе

Спустя после этого один год, который был проведен мною под родительским кровом, чтобы дать себе возможность физически оправиться от трудов учения, в октябре 1897 года я поступил учителем в церковную школу в селе Шагирте Осинского уезда. Село это, расположенное в южной части Пермской губернии, на самой границе ее, довольно зажиточное, но почти все население его подвержено расколу. Отдельного здания для школы не было, а последняя помещалась в притворе местной церкви, но это обстоятельство не уменьшало положительных качеств школьного помещения, потому что в отношении света и воздуха представляло помещение вполне удовлетворительное. В отдаляющееся от нас время, про которое идет речь, существование церковных школ было очень трудное, ибо требований к ней со всех сторон предъявлялось очень много, вознаграждение же за громадный труд учителя в этих школах полагалось от 8 рублей и более. Кроме того, в церковных школах требовались учителя с особо сильной волей, крепкие духом, мощные своей неутомимостью и, как светильники, горящие своими добрыми делами, ибо врагов у этих тружеников церковного просвещения было паче песка морского.

При наличии этих условий тяжесть моего положения в Шагирте увеличивалась еще тем, что население его, враждебно настроенное к Православной Церкви и ее представителям, далеко не ласково встретило меня на первых порах. С Божией помощью и под руководством местного священника отца Анании Аристова, отличного знатока раскола, мне удалось поставить себя в отношении к раскольникам таким образом, что последние, чуждавшиеся до этого церковной школы, теперь стали посылать в нее своих детей и сами стали относиться ко мне доверчивее. Школьное дело понемногу наладилось и было мне по душе. Школа наша была смешанная, из детей обоего пола и разных возрастов, но это не создавало неудобств.

Крестьянские дети отдаленных от городов селений в отношении нравов и поведения много лучше городских и заводских детей.

От усиленных занятий в школе и от переутомления голосовых органов к концу первого учебного года у меня сильно заболело горло, так что я с трудом мог говорить. Медицина не помогала, являлась уверенность, что у меня развилась хроническая болезнь горла, причинявшая мне страдание.

В это тяжелое для меня время я опять обратился за помощью к батюшке отцу Иоанну Кронштадтскому: написал ему скорбное письмо и просил его молитвенной помощи. Прошло две недели после отправки письма, в течение которых я не только не лечился, но ни на день не прерывал своих занятий в школе, как горловая болезнь прекратилась сама собою и более потом не возвращалась. Уразумев молитвенную помощь праведника отца Иоанна, душа моя исполнилась глубокой к нему благодарности. С этого времени мое намерение съездить в Кронштадт созрело в окончательную решимость.

Из книги Сурского-Ильяшевича «Отец Иоанн Кронштадтский» известно о чудесном выздоровлении от смертельной болезни П.С. Воронова и о блаженной кончине последнего, во время которой он удостоился быть зрителем небесной славы отца Иоанна. Село Верх-Буевское, в котором проживал П.С. Воронов, находится в 25 верстах от Шагирта.

Зная об этом исключительном и чудесном случае, в начале 1899 года я списался с П.С. Вороновым и просил его разрешения лично к нему приехать.

Павел Семенович чрезвычайно любезно пригласил меня прибыть к нему в пятницу на Масляной седмице, то есть 26 февраля упомянутого года.

В самый полдень я приехал к нему. Он встретил меня самым радушнейшим образом: необычайно ласково, приветливо и с великой радостью, как родного сына, и в продолжение целых десяти часов непрерывно утешал меня своею духовною беседою, то и дело прерываемою его молитвенными возгласами: «Господи, нас помилуй! Господи, нас прости!»

Подкрепляя, воодушевляя и вдохновляя мою решимость к совершению поездки к батюшке отцу Иоанну, он в то же время подтверждал это многими весьма ценными и практическими указаниями и советами.

Свой акт чудесного исцеления он поведал мне во всех подробностях.

Между собеседованием он угостил меня обильным обедом, ужином и чаем.

Простившись самым сердечнейшим образом, как родной отец с сыном, он вышел проводить меня на крыльцо своего дома с фонарем в руках, и как только лошадь тронулась в путь, он еще вдогонку крикнул мне: «С Богом – в Кронштадт!»

Эта была единственная и последняя встреча с праведным старцем П.С. Вороновым, которая осталась для меня навеки незабвенной.

До конца жизни Павел Семенович поддерживал со мною письменное общение и помогал мне не только духовно, но даже и материально, – по своему исключительному милосердию и редкой доброте.

Эта знаменательная встреча и беседа с П.С. Вороновым имела тот благой результат, что решение мое ехать к отцу Иоанну вылилось после этой беседы в окончательную форму, несмотря ни на какие препятствия.

Уезжая в Кронштадт, я полагал в уме своем через несколько недель вернуться обратно; ввиду этого многие свои вещи оставил в Шагирте, кроме того, не заезжал по пути к родителям, чтобы с ними проститься, даже в самой Перми не простился с двумя родными сестрами, учившимися в епархиальном женском училище, также не простился с прочими родными и знакомыми, жившими в Перми. Мне думалось, что я побываю в Кронштадте, повидаю батюшку отца Иоанна, получу его благословение и совет на избрание мне рода жизни и занятий, а затем с миром возвращусь на свою родину, но Бог судил иначе, ибо *от Господа стопы человека исправляются* (Пс.36:23).

III. «В Кронштадт!»

В полдень 25 мая сел на пароход и отправился в дальний и незнаемый путь. Идя на пароход, зашел по пути в часовню, стоящую на пристани, и с горячим слезным усердием помолился перед иконою святителя Стефана, Ангела родной мне Пермской церкви, и вручил всего себя его небесному водительству. На последние гроши поставил здесь перед иконою чтимого святителя свечу. Это была уже последняя молитва на родной земле!

Следуя по родной мне Каме, пришлось проехать столь же родные места: Оханск, Осу, Камско-Воткинский и Ижевский заводы, Завьялово, Гольяны и Сарапуль. Те именно места, где на протяжении нескольких столетий мои предки служили Святой Церкви, а в селе Завьялове мой прапрадед завершил свой пастырский подвиг мученическою кончиною в черный год пугачевщины.

Местное предание говорит об этом так: священствовавший в черный год пугачевщины в Завьяловском селе священник отец Алексий Красноперов, захваченный шайкой Пугачева, был повешен бунтарями на проселочных воротах, близ села Завьялова.

Когда доблестного пастыря, обличившего разбойника Пугачева в самозванстве, вели на смертную казнь, то теснившийся около него народ давал ему в руки зажженные восковые свечи, с которыми он шествовал на место своей казни. От многих свечей, бывших в руках отца Алексия, руки страдальца были облиты топившимся воском. Повешенный на перекладине сельских ворот, он тут же и был погребен, вместе с другими жертвами жестокого злодейства шайки мятежников.

Воспоминания из нашей семейной хроники целою волною нахлынули на меня по пути следования этих дорогих для меня мест, и я считал великим для себя счастьем выходить с парохода на родную землю, чтобы поклониться ей, облобызать ее и освятиться ее материнским прикосновением...

Спускаясь по Каме, на рассвете 28 мая вступили в Волгу, где вскоре проехали Казань и Нижний Новгород, с их кремлями, древними соборами, гробницами святителей, князей и княгинь – собирателей земли Русской, великие образы которых всею силою чувства воскрешали в душе исторические судьбы отечества.

Кама и Волга были в полном разливе, широки и глубоки. Местами весеннее половодье в Волге достигало необъятных взору размеров. Навигация также была в разгаре: временами целые караваны судов следовали вереницею одно за другим. Погода стояла дивная. По целым часам я оставался на палубе, любуясь на нашу красавицу Волгу. Не мог надышаться живительным весенним воздухом, не мог вдоволь налюбоваться той чудною панорамою, что представляла из себя эта царственная река и окружающие ее восхитительные окрестности, исторические города и богатые села. Вечером с берега веяло запахом растительности, нежным ароматом весенних цветов, слышалось пение соловья, блистали звезды в ярком небе, а на востоке синеватые, полупрозрачные тени, как тончайшим флером, покрывали таинственную даль!.. Такую картину не забудешь!

Смотря на все это, думалось мне: вот она, наша милая, родная, несравненная Россия – тот благословенный край, где хранится еще что-то такое, чего в других странах нет; тот край, где по лицу родной земли рассыпаны бесчисленные храмы Божии и многие иноческие обители, где в таинственном полумраке старинных соборов и церквей почивают в серебряных раках русские угодники, где строго и печально смотрят на молящихся лики святых; тот край, где сохранились еще и дремучие леса, и необозримые степи, и непроходимые болота...

Бывают минуты в жизни, когда вдруг мощным и сильным порывом поймешь, как любишь свою дорогую Родину, как ее ценишь!

После широкого раздолья и виденных на пути красот природы, полных преданий седой старины и легенд, Петербург произвел на меня тяжелое впечатление. Каменные громады

домов прямо давили своей массивностью, а необычайное уличное движение положительно меня оглушило.

В Петербурге мы остановились у родственника, ехавшего с нами мотовилихинского мастерового на Садовой улице в доме № 84. Родственник нашего спутника, человек с видимым достатком, встретил нас очень радушно и вполне безвозмездно. Лично для меня это было большое благодеяние.

Вечером того же дня я был уже в Кронштадте – в давнишней цели моих стремлений, но, к величайшему моему огорчению, не застал в нем того, единственно ради которого была предпринята эта поездка: батюшка отец Иоанн уехал на лето на свою родину, в Архангельскую губернию, и ожидался сюда не ранее 6 августа.

Это известие меня положительно сразило!.. Нет слов передать мое душевное состояние, переживаемое в этот вечер... Это был наиболее тяжкий момент в моей жизни, это было испытанием всей моей веры в отца Иоанна... Чувство беспредельного одиночества, совершенной беспомощности и духовного сиротства облегло меня отовсюду... Крайне опечаленный и подавленный, я стоял одиноко среди необъятной пустыни мира, все свое упование и всю свою надежду возложив только на Господа Бога и на Его всесильную помощь.

Переночевав в гостинице и помолясь в Андреевском соборе за утреней и ранней литургией, продолжая испытывать все то же чувство одиночества и духовной сиротливости, я отправился на могилу праведной старицы Феодоры Власьевны, матери отца Иоанна, где в полном одиночестве помолился на ее могиле, прося ее помощи и заступления в том, чтобы Господь не лишил меня великой милости видеть праведника отца Иоанна и получить его благодатный совет и молитвенное благословение. С теплой надеждою и отрадою в сердце я вышел из часовни, сооруженной на могиле праведной матушки отца Иоанна.

Вечером этого дня от двух лиц, совершенно различных общественных положений, мне был преподан духовный совет – ехать на время на Валаам и прожить в нем до 6 августа, а затем возвращаться в Кронштадт.

Этот совет – ехать на Валаам – батюшка отец Иоанн впоследствии освятил и как бы утвердил святым своим благословением навсегда водвориться мне в Валаамской обители…

IV. Поездка на Валаам

6 июня, в Троицын день на пароходе «Александр» отправился в неведомый для меня Валаам, полный тревожных дум о том, что меня ждет на Валааме и примет ли отец настоятель незнакомого ему человека?

Проезжая по Неве, с понятным любопытством смотрел «на берега Невы великой», столь знакомой мне по историческим описаниям с детства, берега которой представляли совершенно иной пейзаж сравнительно с берегами виденных мною рек: Камы и Волги. Не скажу, чтобы сравнение это было в пользу Невы. Зато меня приятно поразил огромный простор Ладожского озера и необъятная водная ширь этого величайшего озера-моря. До острова Коневца мы доехали, пользуясь тихой погодой, но на другой день, по выезде к острову Валааму, нас так стало трепать и поднялась столь сильная буря, что не только большинство пассажиров, но даже пароходная прислуга, привычная к морской качке, все заболели морской болезнью. Сверх моего ожидания, морская качка на меня нисколько не повлияла: не испытывая ни малейших приступов морской болезни, свободно разгуливая по палубе качавшегося на волнах парохода, любовался не виданною мною картиною разъяренной водной стихии. В это время ко мне подходит один молодой человек, также свободный от приступов морской болезни, и предлагает заняться разговором, чтобы в увлечении им не поддаваться окружающему болезненному влиянию. Стали знакомиться. Собеседник мой, Александр Иванович Жадановский, надзиратель Сумского духовного училища, произвел на меня крайне приятное впечатление как своею располагающею к нему наружностью, так и духовною своею красотой. Он поведал мне, что по благословению отца Иоанна Кронштадтского ищет созерцательной жизни, причем показывал собственноручное письмо Батюшки, в котором он советовал г. Жадановскому принять монашество. Теперь последний ехал на Валаам помолиться и присмотреться к монашеству. Увлекшись беседою с А.И. Жадановским, мы не заметили, как пароход уже

подходил к острову Валааму, который пленил нас величественною красотою своей природы и угрюмою живописностью скал, разбросанных в художественном беспорядке среди зеркала вод, с нежными прорезами зелени.

7 июня в два часа дня Господь благословил мне впервые вступить на священные горы Валаама, освященные молитвенными подвигами преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев.

Здесь мы остановились в одном номере с А.И. Жадановским и первые три дня посвятили на обозрение святынь, храмов и скитов обители. 10 числа г. Жадановский уехал с Валаама далее, оставив по себе память прекраснейшего человека, редкой доброты и душевного богатства. За это недолгое время я так привык к А.И., так искренно привязался к нему, что, проводив его с Валаама, долго испытывал по нем грусть и утрату.

Впоследствии г. Жадановский, завершивши свое образование в Московской духовной академии, действительно принял монашество с именем Арсения, был наместником Чудова кафедрального монастыря в г. Москве и в сане епископа викарием Российской патриархии. Помня первые дни искания монашества, он изредка не оставлял меня своими письмами.

С началом революции, не желая входить ни в какие компромиссы с безбожной властью, пленившей Россию, он устранился от официального служения церковного.

В 1932 году Преосвященный Арсений был арестован большевиками и заключен в лагерь «Медвежья гора», или на большевистском жаргоне «Медгора». Эта ужасная «Медгора» представляла собою такое страшилище большевистского ада, в особенности для православного духовенства, что редкие заключенные выходили оттуда живыми, большинство их расстреливалось втихомолку долгими зимними ночами.

С 1932 года всякие вести о владыке Арсении прервались: очевидно, он завершил свой архипастырский подвиг мученической кончиной.

Проводив А.И. Жадановского, я в тот же день отправился к настоятелю монастыря, игумену Гавриилу, который благословил

мне остаться в монастыре, облечься в монастырскую одежду и приобщиться к братским трудам обители, в исполнении которых время незаметно прошло до Преображенья. На Валааме меня угнетала такая тоска по родине и оставшимся там родным, что положительно не находил места от гнетущей меня тоски. Непосильны были для меня общие работы, но тут было то преимущество, что в этой работе для меня незаметно проходило время, тогда как в праздники было вдвойне тяжелее. Все это время я жил светлой надеждой повидать отца Иоанна, получить его благословение на избрание того или иного рода жизни, а затем уехать на родину.

Наконец наступило давно ожидаемое Преображение. Молитвенно отпраздновав этот любимый мною праздник в святой обители, 8 августа я отправился с Валаама в Кронштадт, куда прибыл на другой день вечером и остановился на этот раз в Доме трудолюбия. Здесь с радостью узнал, что Батюшка уже в Кронштадте и назавтра будет служить обедню в домовой церкви городской думы.

V. Благословение отца Иоанна Кронштадтского

10 августа 1899 года – величайший день в моей жизни, день исполнения заветных моих желаний и многолетних неудержимых стремлений: в этот достопамятный и незабвенный для меня день Господь сподобил, наконец, великой милости впервые видеть праведника и молитвенника земли Русской, отца Иоанна Кронштадтского, и получить затем его святое благословение и совет к избранию рода жизни. Последнее я готовился принять с полнейшей покорностью как прямое определение воли Божией, ибо моя вера мне говорила: что повелит батюшка отец Иоанн, это, несомненно, должно быть велением Самого Бога.

Глубоким утром этого дня с трепетавшим от восторга и нетерпеливого ожидания сердцем направился я в Успенскую церковь городской думы. Последняя была еще закрыта, но большая толпа народа уже стояла пред церковными дверями. В пять часов утра церковь открыли, и толпа стремительно хлынула в храм. Народной волной меня вынесло к самой солее, против Царских врат, где у решетки мне пришлось остаться на все время службы, откуда прекрасно все было видно и слышно.

Утреню совершал один из приезжих священников, но канон вышел читать на клирос сам батюшка отец Иоанн. Худощавый, среднего роста, с чудными голубыми глазами, с выражением великой любви на лице, он казался явившимся из страны света и правды, милости, любви и добра. Тем из нас, которые доселе ни разу не видали отца Иоанна, не нужно было говорить, что это был именно он, ибо из тысячи священников он был узнаваем по своему вдохновенному виду, по этим лучезарным глазам, по этому ясному выражению лица, горевшему огнем внутреннего чувства, на котором отражалась его детски чистая душа.

С первых же слов Преображенского канона, читанного отцом Иоанном: «Моисей на горе пророчески видев облаком и столпом древле огненную славу Господню, вопияше: Избавителю Богу нашему поим», точно электрическая струя

пробежала по толпе молящихся, заставила всех встрепенуться, сосредоточиться и углубиться в молитву.

У меня не хватает слов, чтобы передать то впечатление, какое производил отец Иоанн своим необычным чтением: это было не простое чтение, а живое восторженное прославление Бога, соединенное с плачем о греховности человеческой природы. Умиление, надежда, радость, печаль и глубочайшее благоговение слышались в этом дивном чтении. Читал отец Иоанн громко, отчетливо, резко и нервно, как бы отрывая каждое слово от своего сердца, и голос его проникал в самую душу, действуя как целебный бальзам на ее раны. Священный восторг и умиление Батюшки передавались молящимся, так что все они, горе имея сердца, едиными устами и единым сердцем славили Бога.

Утреня шла своим порядком, по шестой песни канона, при чтении икоса, меня в самое сердце поразил скорбный молитвенный вопль отца Иоанна, вырвавшийся у него в словах:

«Возстаните, ленивии, иже всегда низу поникшии в землю, души моея помыслы, возмитеся и возвыситеся на высоту Божественнаго восхождения. Притецем к Петру и к Зеведеевым, и вкупе с онеми фаворскую гору достигнем, да видим с ними славу Бога нашего, глас же услышим, яже свыше слышаша и проповедаша Отчее сияние».

О, это «Возстаните, ленивии...»! Если бы я был в силах передать, как оно было произнесено! Уверен, что от этого пламенного возгласа дрогнуло в храме, полном молящихся, не одно сердце. Но бледны слова, холодны мои мысли, и нет у меня способов к выражению, чтобы передать то впечатление, какое отразилось на сердце и навсегда осталось в душе от этого скорбного вопля батюшки отца Иоанна.

Прошло уже долгих двадцать лет со времени этой знаменательной в моей жизни утрени, но у меня по сие время в душе и в слуховой памяти неумолчно звучит этот пламенный возглас отца Иоанна, звучит со всеми интонациями его редкого голоса, властно призывая к упорядочению моей жизни – леностной и нерадивой.

Глубоко сознавая свою неисправимую леность и чрезвычайную отсталость в делах веры и благочестия, отношу лично к себе глубочайшую скорбь Батюшки, вырвавшуюся у него вместе с начальными словами икоса, и вижу в этом прямое указание Промысла Божия к исправлению моей жизни...

Кончив чтение канона, Батюшка ушел в алтарь и вышел затем опять на клирос для чтения хвалитных стихир, читанных им с тем же молитвенным подъемом.

Утреня кончилась. Горя святым чувством и сам весь осиянный внутренним молитвенным горением, отец Иоанн приступил к служению Божественной литургии, которая представляла за его службою молитву необычайную, непобедимую, захватывающую. Глубочайшая сосредоточенность и горячность молитвы прорывались в произносимых им возгласах, которые Батюшка произносил с особенным выражением, металлически звучным голосом, оттеняя ударением некоторые слова.

Каким миром и любовью дышали в его устах слова: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами»; каким стремлением на высоту небесную прозвучало слово «горе» на возгласе: «Горе имеем сердца»; с непередаваемым воодушевлением снова последовал громкий возглас отца Иоанна: «Благодарим Господа»; как сильно, торжествующе, воистину победоносно, были произнесены слова: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще!!!»

Видно было, что благодатный пастырь весь отдался священным воспоминаниям последних дней Христа Господа, он как бы сам мысленно присутствовал в Сионской горнице и спешил радостно возгласить народу великие слова обетования.

Поворачиваясь к народу, громко и с глубокою верою Батюшка продолжал следующие возгласы: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов». Произнося эти возгласы, Батюшка особенно подчеркивал слова: «еже за вы ломимое» и «яже за вы и за многи изливаемая». Особенный священный трепет отражался в его голосе и в той силе, с какою он произносил эти слова «за вы». Так и

слышалось в эти минуты в голосе Батюшки: за вас пролита эта Святейшая Кровь; за вас, за тех самых, что вот стоите здесь в храме в эти минуты, а не за тех только, что стояли у Креста Господня. Она пролита не за отвлеченное человечество, а за живых людей и за каждого в отдельности, в том числе и за тебя пролита эта Кровь и за твои грехи!

«Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся», – снова молитвенно возглашал отец Иоанн, делая особенное ударение на слове «о всех», произнося его более протяжно, чем другие. Чувствовала его добрая душа, что люди, отовсюду во множестве собравшиеся в этом храме, особенно нуждались в его молитвенной помощи, и он горячо молился за всех.

Пред молитвою Господнею с великим сыновним дерзновением Батюшка произнес возглас: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смети призывати Тебе Небеснаго Бога Отца и глаголати, – и затем высшим гласом продолжал: – Отче наш», – читая про себя дальнейшие слова этой молитвы.

Выражение лица отца Иоанна во время службы менялось: то оно омрачалось тенью скорби, то освещалось лучами великой христианской любви, то загоралось непоколебимою верою в Бога. Необыкновенная духовная радость, небесный мир и покой, несокрушимая сила и мощь отражались на его лице после приобщения Святых Таин.

Кончилась литургия, представляющая собою непрерывный молитвенный порыв к Богу, великий священнейший момент!

После литургии Батюшка вышел из храма внутренним ходом, сел на поданные дрожки и уехал.

С душой, переполненной высоких благоговейных чувств и святых волнений, с сердцем, полным священного трепета и религиозного одушевления, как очарованные, словно спускаясь с неба на землю, вышли мы от службы отца Иоанна из думского храма.

В Доме трудолюбия, куда мы возвратились из церкви, нас предупредили, что Батюшка сегодня будет здесь. Действительно, около полудня Батюшка приехал сюда, и пока он обходил отдельные комнаты, в это время насельники общих

номеров и посторонние посетители собрались в общем зале, в верхнем этаже здания. Мне посчастливилось встать у самой решетки в этом зале, ограждавшей иконы и приспособления для водосвятия от большой толпы молящихся, собиравшихся обыкновенно в этом зале на общих молебнах. Прошло несколько томительного времени. Общее движение и волнение собравшихся здесь людей возвестили прибытие отца Иоанна. Действительно, Батюшка, в сопровождении своего псаломщика, стремительно вошел в зал и немедленно начал совершать молебен. Его детски благостное лицо, радостное, светлое, с блестящим, вдохновенным, насквозь пронизывающим, но далеким от мира взором, носило в себе отражение того, что открыла ему молитва и богослужение. Вновь раздался его голос, он проникал в самую душу и ложился на сердце. Кончив молебен, всех бывших в зале Батюшка принял ко Кресту и кропил освященною водою. Тут обступили его со всех сторон со своими скорбями, со своим горем и нуждою, с жалобами, со слезами. Много надо было иметь в сердце любви к ближнему, чтобы все это терпеливо выслушать, понять, а главное, откликнуться так тепло и участливо на все эти отрывочные, робкие мольбы страждущих людей, как выслушивал и откликался на них отец Иоанн. Целые житейские драмы проходили тут одна за другою!..

Из массы собравшихся здесь людей особенное внимание привлекала прилично одетая дама: на ее лице отпечатлелось скорбное выражение тяжкого, безысходного горя и ясно отразилось в глазах, с надеждою устремленных на отца Иоанна. Упав перед ним на колени, рыдая, она вслух всем поведала свое горе: муж ее, служивший в одном из коммерческих учреждений, совершил непроизвольную растрату в довольно крупной сумме; все это на днях должно обнаружиться. Помощи ждать не от кого, единственная и последняя надежда на отца Иоанна. Пока дама изливала пред ним свое горе, Батюшка смотрел на нее взором величайшего сострадания и в душе, видимо, молился, потом он вынул из кармана объемистый пакет с деньгами и, собрав с блюда все серебро, подал все это даме

со словами: «Возьмите это! Больше у меня ничего нет. Не отчаивайтесь: никто, как Бог!»

Затем Батюшка утешал скорбную мать, приносившую ему свое больное дитя: последнему было оказано теплое участие в виде горячей за него молитвы; беседовал с афонским иноком, сурово что-то ему выговаривая...

Длинной вереницей подходили к нему люди с различными мольбами, и его чуткая, полная любовной отзывчивости душа сразу замечала, кому нужна поддержка и помощь, и он шел к страждущей душе, неся отраду и исцеление. Никто не ушел не утешенным: со всеми Батюшка был прост, ласков, обходителен; во всех его словах и поступках ясно сказывалась его безграничная любовь к людям, захватывающая душу жалость и та проницательность, которая так свойственна ему.

Я так был переполнен невиданным зрелищем этого самоотверженного служения отца Иоанна страждущему человечеству, что, стоя в двух шагах от него, не находил, что сказать о себе, что просить для себя у Батюшки? В эти минуты для меня довольно было одного: слушать и смотреть на этого дивного человека, к которому душа моя стремилась с самого детства, смиренный вид которого, открытое его мирное лицо, ласковые голубые глаза, сильное слово, задевавшее струны сердечные и вызывавшее слезы сокрушения, и, наконец, благодать Божия, так очевидно действовавшая чрез него, все это неудержимо влекло к нему народ. Поэтому я счастлив был неизмеримо от близости к этому святому человеку, и в этот день у меня не хватило духу спросить Батюшку о себе.

На другой день отец Иоанн совершал утреню и литургию в Андреевском соборе, причем вчерашнее впечатление от его дивного служения еще более усилилось. В этот день Батюшка опять посетил свой Дом трудолюбия и также служил общий молебен в верхнем зале. После молебна к нему опять потянулись вереницы скорбного люда и Батюшка своим метким языком и ласкающим голосом разговаривал с этим теснившимся к нему людом, подавая советы от сердца и ума, только что просветившегося за трапезой Господней.

Стоя близ самой решетки, отделявшей отца Иоанна от народа, я наблюдал, с каким самопожертвованием этот благостный пастырь отдал себя на служение своей многочисленной пастве, с каким участием и добротой он входил во все ее нужды и печали. Отдавшись этим наблюдениям, я как бы забыл о том, зачем приехал сюда, и ни одним звуком не напоминал о себе. Не знаю, хватило ли у меня решимости спросить Батюшку о себе, если бы только окружавшие не напомнили отцу Иоанну про меня: «Что вот молодой человек, приехавший с Валаама, просит вашего благословения, нужно ли ему пожить на Валааме?»

Хотя эти слова не совсем соответствовали тем душевным запросам, какие мне желательно было освятить Батюшкиным благословением, однако я не посмел перебивать эту речь и с трепетом ожидал, что отец Иоанн скажет мне. Батюшка, бегло взглянув на меня, ответил: «Отчего ж не пожить!» И с этими словами, сопровождаемый большой толпой бывших здесь посетителей, он стремительно вышел из залы.

Сперва эти слова меня не удовлетворили: мне думалось, что с моей стороны необходимо выяснить отцу Иоанну мое положение и все те душевные запросы, которые меня тяготили, а также просить его совета и указания на избрание рода жизни. Но, поразмыслив, я убедился, что мне нет оснований утруждать Батюшку вторичным вопрошением и что воля Божия, изреченная его устами, ясна и непреложна: мне нужно было пожить на Валааме до времени, указанного Богом! Кроме того, как только отец Иоанн изрек свои слова, указующие мне путь на Валаам, от этого момента у меня сразу прекратилось неудержимое дотоле тяготение на родину; угасла тоска по родным и тот дух беспросветной грусти, что томил меня это время. На душе стало отрадно, мирно, светло, и как тихим дуновением повлекло на Валаам, ставший с этого момента особенно близким и родным!

Уразумев волю Божию и вполне успокоившись на этом решении, я остался в Кронштадте еще на несколько дней, чтобы иметь возможность исполнить здесь долг исповеди.

Последующие дни Батюшка ежедневно служил в соборе, неопустительно посещал Дом трудолюбия, где постоянно осаждали его толпы людей, нуждавшихся в его совете и молитве. У кого умерло единственное дитя, и родители не могли найти себе места с горя. У кого жена злого характера. Там женщина покинута любимым человеком. Тут вступают в брак и просят благословения. Немощи и грехи человеческие, нестерпимые скорби людские, громадный груз разнообразных дел и отношений житейских – все это кипело вокруг этого священника. Искали чрез него Божия благословения и в чисто мирских интересах, но еще неудержимее искали удовлетворения жгущей душу жажде духовной. И любвеобильный пастырь «всем бых вся», точно не было у него личной жизни, которую он всецело отдал на служение Богу и ближним: болел их болезнями, нес их немощи и был для них земным ангелом утешителем!

Живя эти дни в Кронштадте, в этой скромной, тихой обители благодатного пастыря, считаю эти дни счастливейшими в моей жизни, ибо здесь открылись мои духовные очи к прохождению последующего жизненного пути; это был праздник души, и он навсегда останется запечатленным на скрижалях моего сердца. Я наблюдал за Батюшкой эти дни во время службы и в часы общения его с народом. Мне невольно бросалась в глаза основная видимая черта его характера, составлявшая искренность, кротость и величайшую любовь к ближнему; с этими качествами были неразлучно связаны ласковость в отношении к людям и обаятельность, превосходящая всякие ожидания.

Как отец Иоанн сам однажды свидетельствовал, ему был дан свыше дар вызывать в людях религиозное чувство, и это невольно ощущалось при одном виде на этого святого человека, в присутствии которого у всех окружавших его просыпались лучшие чувства, освежались, оживлялись лучшие идеальные стороны их характера.

Кронштадтский пастырь всегда был мучеником народной толпы. Из множества общеизвестных случаев, доказывающих эту истину, расскажу один случай, свидетелем которого

пришлось мне быть. Однажды Батюшка, посетив названный Дом трудолюбия и направляясь в нижнем коридоре к парадному выходу, вспомнил, что оставил свою шляпу в верхнем этаже и просил окружавших принести ему забытую шляпу. Но не так легко было исполнить эту простую просьбу отца Иоанна: все лестницы в доме, ведущие из верхних этажей, были запружены народом, и, кроме того, на маршах лестниц были перекинуты массивные железные крюки, с целью удержать стремление народное. Пока посланный человек с громадным трудом пробирался в верхний этаж за шляпой, тем временем народ, несмотря на все заграждения, обступил Батюшку со всех сторон и в порыве духовного рвения забывал всякую осторожность в обращении с ним: давил и толкал его во все стороны, спеша получить благословение любимого пастыря. Несмотря на толчки и давку, отовсюду стиснутый, отец Иоанн с кроткою улыбкой смотрел на теснившую его толпу.

Эта картина резко запечатлелась у меня в памяти, и мне как сейчас представляется кроткий вид отца Иоанна, теснимого народом, в глазах которого, в словах, обращенных к народу, и в самом голосе было столько искренней доброты и теплого участия, что сердце детски раскрывалось и невольные слезы подступали к горлу...

Среди таких незабвенных переживаний время незаметно приблизилось к празднику Успения Пресвятой Богородицы, накануне которого была назначена в соборе общая исповедь.

VI. На общей исповеди у отца Иоанна Кронштадтского

Ранним утром 14 августа, в начале 5-го часа, мы отправились в собор, который был еще закрыт, но густая народная толпа богомольцев широкою струей полилась в него. В пять часов приехал отец Иоанн, его подвезли прямо к боковому алтарному подъезду и здесь на руках из экипажа внесли в алтарь, так как иначе его перехватила бы народная толпа, во множестве устремившаяся сюда.

С прибытием отца Иоанна началась утреня, которую совершал Батюшка. Канон по обыкновению вышел читать сам, захватывая и увлекая всех своим молитвенным порывом и живым восторженным прославлением Бога. К концу утрени огромный Андреевский собор, вмещающий свыше пяти тысяч человек, до того наполнился народом, что массивные чугунные решетки, отделявшие алтарь с солеей от средней части храма, с трудом сдерживали натиск многочисленной толпы. Кроме того, солея главного алтаря была еще отгорожена от храма другим рядом толстых дубовых решеток, так как одни чугунные решетки на солее не выдержали бы стихийного напора пятитысячной толпы.

По окончании утрени было прочитано правило ко Святому Причащению, кроме исповедных молитв, чтение которых происходило потом пред самою исповедью. После прочтения правила началась литургия, в начале которой целыми большими корзинами подавались просфоры и записки. Их проносили в алтарь также за решеткой, устроенной вдоль северной стены всего храма, потому что иным путем не было никакой возможности пронести их в алтарь из-за множества народа, густо заполнившего весь собор.

Батюшка с особенным молитвенным подъемом совершал литургию, которая шла своим порядком до момента причащения священнослужителей. Причастившись Святых Таин, во время запричастного, отец Иоанн вышел из алтаря и начал говорить поучение пред исповедью, которое начал прямо

словами: «Все вы изолгались, все развратились, и для вас необходимо искреннее и слезное покаяние», – продолжая в этом тоне о Таинствах Исповеди и Причащения, он говорил просто, без всякой витиеватости, но так искренно и убедительно, что слова пастыря невольно западали в сердце.

Сказав предварительно поучение и продолжая стоять лицом к народу, Батюшка громогласно и умилительно стал читать первую покаянную молитву: «Боже Спасителю наш, иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся Давиду о своих согрешениях оставление даровавый...», по прочтении которой опять продолжал свое поучение. В нем он говорил, что со времен Адама и Евы люди стали подвержены греху, но для всякого человека возможно покаяние и исправление. Бог по Своему великому милосердию прощает и самых тяжких грешников, при этом как на разительные примеры покаяния и исправления проповедник указал на царей Давида и Манассию, в лице которых, тяжко согрешивших и прощенных безмерным милосердием Божиим, мы имеем ясные образцы искреннего и глубокого покаяния.

Кончивши объяснение первой молитвы, Батюшка перешел к чтению второй молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Бога Живаго...», по прочтении которой также последовало толкование ее.

По окончании проповеди отец Иоанн, обратясь к местной иконе Спасителя, стал пламенно вслух молиться о помиловании предстоявших пред лицом Его сих грешников. Народ в храме с трепетом внимал вдохновенным словам молитвы своего пастыря и горячо молился вместе с ним.

Затем отец Иоанн, вновь обратясь к народу, воскликнул: «Кайтесь, кайтесь все чистосердечно, ничего не скрывая перед Богом», – и стал перечислять при этом некоторые грехи, но голос его вскоре был покрыт стонами, криками и рыданиями почти всего собора. Некоторые из кающихся, с поднятою вверх правою рукою, забыв об окружающем, с величайшим сокрушением, вслух всего собора, дерзновенно исповедовали сокровеннейшие свои согрешения; другие же молча обливались

горькими слезами; вся толпа народа, в несколько тысяч человек, прониклась одним великим чувством покаяния...

А он – несравненный пастырь – в это время умолк и с высоты амвона ласково смотрел вниз, на стоявшие пред ним тысячи рыдавшего народа; смотрел бесконечно ласковым, бесконечно властным, радостным взглядом; он смотрел прямо в душу, подчинял ее себе, звал с собою. Сам, видимо возбужденный и как бы приподнятый над уровнем обычного состояния духа, он предстоял всему народу в несказанном величии бесхитростной прямоты веры, в неотразимой обаятельности небесной чистоты и в могуществе всепобеждающей силы Божественной любви, как мощная и несокрушимая христиански нравственная сила...

Глаза людей с великим упованием смотрели на него, и в них были видны сокрушение и радость, восторг и умиление; будто нашли они в лице предстоявшего пред ними отца Иоанна что-то знакомое, родное, бесконечно близкое сердцу; почувствовали, что может человек быть прекрасен и свят, и есть такой человек: вот стоит перед нами! И все, что было в каждом прекрасного, все это поднялось на поверхность души каждого. Какая-то неземная сила поднималась тогда в очищавшейся душе всякого человека: это была сила дивная, сила добра, правды и веры, двигавшей горами, возвышающая над своими пороками!

К концу исповеди неудержимо плакали почти все кающиеся, и сам Батюшка, опять пламенно молясь пред образом Спасителя, плакал вместе с рыдавшим народом: крупные капли слез катились по его лицу... Он плакал о нас! Он своими чистыми слезами омывал скверну грехов наших! Да, отец Иоанн плакал, соединяя свои слезы со слезами каявшейся паствы, и как истинно добрый пастырь стада Христова скорбел душою за овцы своя! Это ли не лучшее доказательство святой, евангельской любви к ближнему? Это ли не любовь глубокая, всеобъемлющая, скорбящая, страдающая, чистыми слезами своими омывающая грехи ближнего своего?.. В этот момент сокрушение каявшегося народа достигло высшей степени: громадный собор, казалось, дрожал от потрясавших его воплей

народа. Волнение духа и теснота народа были столь велики, что некоторые из молящихся, стоявшие близ солеи среднего алтаря, притиснутые громадною толпою к решетке, теряли сознание, и их прямо по головам народа передавали на руках к западным дверям. Самый пол собора сделался совершенно влажным, как бы от обильной росы, выступившей на его поверхности.

Но вот среди этих стенаний и воплей раздался властный голос отца Иоанна, просившего народ утихнуть. Послушные его голосу, все кающиеся сразу умолкли и с радостной надеждой смотрели на него. Тогда Батюшка спросил, все ли покаялись, все ли желаем исправиться. «Покаялись, дорогой Батюшка, желаем исправиться, помолись за нас», – единодушно грянула толпа и смиренно склонила свои головы, ожидая прощения и разрешения грехов. Отец Иоанн наложил свою епитрахиль на смиренно склонившийся народ и прочел разрешительную молитву. Радостный вздох пронесся по всему собору. Затем последовал вынос Святых Даров, и после прочтения молитвы началось причащение. Перед Причастием Батюшка объявил народу: «Кто имеет особенно тяжкие, смертные грехи, тот пусть исповедуется в боковом приделе у очередного священника, а кто вчера совершил блуд, тот не подходи к Чаше Христовой!»

Собор, до страшной тесноты наполненный народом, весь причащался. В течение четырех часов длилось причащение всех исповедников на два придела, и за это время никто из причастников не уходил из храма. По окончании литургии и по прочтении благодарственной молитвы отец Иоанн снова вышел на амвон и радостно всех поздравил с принятием Тела и Крови Христовых, во веки веков служащих освящением и очищением душ наших.

В исходе третьего часа дня кончилось все. Неутомимый Батюшка, находившийся в продолжение десяти часов в соборе в состоянии высшего духовного напряжения *на* своей *божественной страже* [19]*,* по окончании всего чрез боковые алтарные двери вышел из собора и опять поехал в город продолжать свой великий пастырский подвиг.

В этот день Господь сподобил и меня причаститься Его Святых Таин.

Возвратившись в Дом трудолюбия, мы должны были переменить на себе костюм, оказавшийся у каждого из нас совершенно влажным от пережитого в соборе волнения и страшной тесноты. Здесь в кругу прочих посетителей отца Иоанна мы долго делились своими впечатлениями об общей исповеди, и пред нашими мысленными глазами, как живая, предстояла добрая одухотворенная фигура отца Иоанна среди кающейся и рыдающей толпы народа.

На следующее утро, в праздник Успения Божией Матери, помолившись в последний раз в Успенской думской церкви, я направился в Петербург, где нашел себе приют в добром семействе на Садовой улице. В продолжение последующих пяти дней один из детей приютившего меня семейства показывал мне святыни и примечательности нашей северной столицы.

20 августа, горячо поблагодарив приютившее меня семейство, я направился на Валаам, куда меня сильно повлекло после известных слов отца Иоанна. На пути остановился в Коневском монастыре, где еще поговел и помолился.

27 августа в три часа дня прибыл наконец на Валаам и водворился здесь, послушный благословению великого пастыря Церкви Российской. Если во дни моего первоначального жития на Валааме меня томила безысходная тоска и грусть, то возвратившись теперь в сию святую обитель, увенчанный благословением отца Иоанна Кронштадтского, я уже не испытывал томившего меня чувства грусти; напротив, на этот раз я возвратился на Валаам точно в родной дом. Тоска по родине также угасла в моем сердце, и у меня отпало всякое желание ехать на родину, в которой я ни разу не был в течение последующих двадцати лет; полагаю, что совсем не придется мне видеть родные места...

По возвращении из Кронштадта на Валаам, мною были извещены об этом мои родители и шагиртский священник отец Анания Аристов. Первые прислали свое родительское

благословение на водворение мое в Валаамской обители, а отец Анания сообщал, что насельники Шагирта очень пожалели о моем отъезде, дети же моей школы, узнав о том, что мне не придется более возвратиться к ним, «все переплакали», как выразился священник Аристов.

VII. Вторая встреча с отцом Иоанном Кронштадтским

Прожив на Валааме два года, 12 октября 1901 года я прибыл в Петербург для отбывания воинской повинности и, пользуясь открывшейся возможностью посетить Кронштадт, 25 октября приехал сюда и опять остановился в Доме трудолюбия. Здесь застал двоих валаамских послушников Сергия Пахомова и Феодота Игнатьева, также приехавших к кронштадтскому Батюшке за советом. Выжидая возможности личного свидания с отцом Иоанном, мы все трое вместе ходили к службам в Андреевский собор, где Батюшка ежедневно служил.

26 числа была общая исповедь, привлекшая в Кронштадт многих паломников из столицы. Опять нами были пережиты незабвенные впечатления этой дивной исповеди и вдохновенной службы отца Иоанна. И на этот раз Господь сподобил меня причаститься в дорогом для меня Андреевском соборе.

30 октября 1901 года, как и 11 августа 1899 года, для меня незабвенный день, полный самых дорогих воспоминаний и святых впечатлений, ибо в этот редкий в моей жизни день я удостоился вторично принять благословение отца Иоанна Кронштадтского и услышать из его уст решение всей моей жизненной судьбы.

Это произошло так.

Благодаря любезности одного лица из администрации Дома трудолюбия в наше распоряжение была предоставлена отдельная комната № 1, где нам надлежало в этот день увидеть дорогого Батюшку и принять его совет и благословение.

В полдень отец Иоанн приехал в Дом трудолюбия и после общего молебна в зале начал обходить отдельные номера. Мы все трое, уединившись в своем номере, с большим нетерпением, радостью и оживлением ожидали к себе Батюшку. Был уже первый час дня, слышно было, как Батюшка ходил по соседним номерам, постепенно приближаясь к нашему. Вот он в последнем перед нами номере, вот раздался его голос по

соседству с нами. Прошло еще несколько томительных минут, показавшихся нам вечностью.

Вдруг двери в нашу комнату распахнулись. Вошел отец Иоанн. Как сейчас помню, он вошел очень стремительно, молодой и спешной походкой; с горящим, пронизывающим взором, сиявшим юношеским блеском, с ярким румянцем на щеках. Во всей его фигуре, в его движениях, в звуках его голоса, благословившего начало молебна, чувствовалась чудесная вдохновенность человека, еще не остывшего от молитвенного порыва, возвышенно разгоряченного своей великой властной деятельностью и самоотверженно готового на новые бесчисленные подвиги.

Теперь опять предстал пред мною тот отец Иоанн Кронштадтский, к которому стремилась душа моя с самого детства; предстал во всем его неотразимом величии и близости. Обаяние шло на меня от непередаваемого счастья быть так близко, как в этот единственный момент моей жизни, с таким праведником и молитвенником земли Русской, как батюшка отец Иоанн Кронштадтский.

Та теплота чувства и стихия непосредственной веры, которую чрез пространство веков угадывал я, когда думал о первых богомольцах, шедших к преподобному Сергию за советом и благословением; то море необъятной любви, изливаемое на страждущее человечество великим праведником нашего времени преподобным отцом Серафимом, – стояли теперь пред мною живые... Мне было радостно и тепло, и я чувствовал, что правдиво, хорошо и неизмеримо ценно то, что происходит сейчас пред мною. Вместе с тем, для меня было понятно и неопровержимо то, что, если бы отцу Иоанну сейчас сказали, что ему предстоит мученичество за святую веру, он как ни в чем не бывало, так же смело и уверенно вошел сейчас в нашу комнату... И мне воочию представилась трудная жизнь этого дивного в наше время человека и чужие бремена, которые он так самоотверженно поднял на себя.

Пока эти мысли роем проносились в моей голове, Батюшка, войдя в нашу комнату, остановился пред иконою, благословил начало молебна и погрузился в молитву... Слова молитвы в его

устах были проникнуты непобедимою силою веры, невольно вызывая во всех нас молитвенное настроение. Я стоял рядом со столиком, где находилась икона и чаша с освященною водою, пред которыми Батюшка совершал краткий молебен, мною овладел тот же молитвенный восторг, который я испытывал при служении сего благодатного пастыря в Успенском и Андреевском храмах. Видя и слыша, как в числе поданных записок Батюшка поминал и мою записку, где стояло только одно имя: о здравии и спасении скорбящего иерея Петра – моего родителя, невольно увлеченный молитвенным порывом отца Иоанна, я от всего сердца молился о своем скорбном родителе, чтобы Бог помог ему в его трудном жизненном пути и мне самому указал бы путь, которым Он благоволит идти мне в предстоящей жизни. Сладостные слезы накипали на глазах, Бог казался мне таким близким и исполнение моих желаний таким возможным...

В это время отец Иоанн кончил этот незабвенный и единственный в моей жизни молебен. Затем, обратившись к нам, спросил, что нам нужно.

...Последним подошел я и, припав к руке отца Иоанна, сказал, что по его благословению прожил на Валааме два года, теперь приехал в Петербург для явки в воинское присутствие. Для меня возникает вопрос об избрании рода жизни: прожив в обители два года, чувствую склонность к монашеской жизни, а посему и прошу Батюшку благословить меня на Валаам. На это отец Иоанн ответил: «Да, Господь благословит!»

И с этими словами быстро вышел из нашей комнаты. Это было ровно в час пополудни 30 октября 1901 года. Сими словами отец Иоанн Кронштадтский навсегда решил судьбу всей моей жизни: в смысле водворения на Валааме и принятия затем иночества!

Забыть ли мне когда-нибудь это «Да, Господь благословит»? Забуду ли я ту несравненную, умиляющую ласковость, проникновенную до мозга моих костей, с которою были произнесены эти слова? О, никогда, никогда!!! Это тончайшее, неизгладимейшее, драгоценнейшее впечатление всей моей жизни, и оно может умереть только вместе со мной!

Как сладостнейшая небесная музыка, звучат в сердце моем эти несказанно дорогие для меня слова батюшки отца Иоанна: с ними я пошел в монастырскую жизнь, унося навсегда в душе великий образ и неизгладимое впечатление этих слов как неоценимое для меня духовное сокровище.

На другой день, в последний раз помолившись в Андреевском соборе за дивной службой отца Иоанна, я уже навсегда простился мысленно с Батюшкой, не рассчитывая видеть его более в здешней жизни. Действительно, в последующее время мне уже не пришлось более видеть отца Иоанна.

Отец Иоанн Кронштадтский при жизни своей чтил Валаамскую обитель, охотно благословлял желавших подвизаться в этой обители; таким образом многие из валаамских иноков спасаются здесь молитвами и благословением отца Иоанна, величавый образ которого, полный обаяния и неземной красоты, является для них истинным светочем во всех утеснениях, неизбежных в настоящей жизни. Дивный образ этот навеки остался в душах их неизгладимым памятником высоких настроений и незабвенных впечатлений, вынесенных ими от освящающего и поднимающего дух общения с отцом Иоанном, молитвенным предстательством которого да управит Господь Бог всех нас к тихому и *невлаемому* [20] *пристанищу* вечной жизни!

Игуменья Таисия (Солопова). Беседы отца протоиерея Иоанна с настоятельницей Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря

Имев счастье состоять в течение более 35 лет в самых близких духовных отношениях к незабвенному, в Бозе почившему отцу протоиерею Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому), я нередко беседовала с ним, иногда подолгу и обстоятельно, о предметах духовного, возвышенного характера. Пользуясь такими случаями, я старалась предлагать ему вопросы, относящиеся к моей лично духовной, иноческой многотрудной жизни, и, слагая в сердце своем все ответы Батюшки, уединяясь вечером в своей келье, тщательно записывала, стараясь упомнить каждое его слово. Из таких записей составилась целая тетрадь. За последние годы (в точности указать год не могу) я сказала об этом Батюшке, и он пожелал сам проверить записи, нашел их правильными, сделал в некоторых местах поправки, где вписал своей рукой прибавления, а затем сказал мне: «Хорошо, что ты запоминаешь мои слова: *Хвалю вас,* говорит апостол, *яко* слово *мое помните и предания моя держите* (1Кор.11:2). Значит, семя падает на добрую землю и принесет плод, довольный к насыщению и других». Вот эти записи начиная с 1891 года, то есть с первого года, как отец Иоанн стал ездить на свою родину, в село Суру, для постройки в нем приходского каменного храма.

Когда Батюшка, обратным путем с родины по Мариинской системе, вступил в реку Шексну для следования по ней до города Рыбинска, его ожидал в Череповце большой пассажирский пароход, арендованный г-ми Л., приглашавшими Батюшку в Рыбинск. Я накануне этого дня, 17 июля, по своему монастырскому делу прибыла в Череповец, но о предстоящем посещении его отцом Иоанном ничего не знала и не помышляла. К вечеру уже в Череповце я узнала об этом, а поутру следующего дня стало известно, что Батюшка уже приехал и находится у соборного старосты купца Крохина. Я

направилась туда, едва пробираясь чрез огромную толпу народа, и стала убедительно просить Батюшку заехать в нашу обитель, находящуюся невдалеке от берега реки Шексны. Батюшка отказывался за неудобством задерживать пароход, арендованный хозяевами для доставления его к ним, а не для заездов. При этом он прибавил: «Если хочешь побеседовать, так лучше поедем с нами на пароходе и поговорим». И таким образом мы отправились. Но и тут я снова повторила ему свою просьбу, заручившись согласием на то хозяев парохода, и он согласился. На пристани (нашей монастырской) Борки мы сошли на берег и поехали в экипаже в обитель.

Первое слово Батюшки, обращенное ко мне, было:

Отец Иоанн. Что ты так просила меня заехать? Вот мы с тобой виделись, побеседовали – не довольно ли?

Игуменья Таисия. Оттого-то, Батюшка, я и прошу Вас, что имела счастье побеседовать с Вами и видеть Вас. Получив это счастье для себя, я не могу не желать, чтобы и сестры мои удостоились того же. Если не употреблю для сего всех зависящих от меня мер, то это будет у меня на совести; если же сделаю все со своей стороны, но Вы сами не соизволите на это, то я уже не подлежу ответу пред Богом за то, что сестры не получат сего блага.

Батюшка внимательно взглянул на меня и сказал: «Вот как ты говоришь! Ну, вот мы и едем».

На пути мы начали беседовать.

Игуменья Таисия. Желала бы я, Батюшка, открыть пред Вами всю мою душу; я и всегда старалась это делать, чтобы Вы видели ее, как внешнюю вещь, и могли указать, что ей на пользу, ибо это и есть цель моих с Вами бесед. Ведь мы часто себя сами не познаем, снисходя к своим немощам. Впрочем, я вижу, что Вы человек облагодатствованный и сами видите присущим Вам Духом Святым.

Отец Иоанн. Нам, пастырям, дана благодать особенная на дело спасения вверенных нам душ, а благодать сообщает и ведение по мере надобности.

Игуменья Таисия. Да, Батюшка, но не всем одинаково; думаю – по мере личной способности воспринять ее. Вы то

особенно облагодатствованы и духом видите собеседника; я давно замечала это.

Отец Иоанн. А если замечала и понимаешь духовность в человеке, то нечего и сомневаться, а надобно верить. Это враг смущает нашу душу неверием и сомнением, чтобы не дать ей мира.

Игуменья Таисия. Много приходится Вам, Батюшка, видеть людей, выслушивать их разнообразные нужды, грехи, недуги, и чего-чего Вам не открывают, не поверяют люди!

Отец Иоанн. Да, родная, многое и многих приходится выслушивать! (И Батюшка тяжело вздохнул).

Игуменья Таисия. И тяжело же Вам, дорогой Батюшка?

Отец Иоанн. Не легко, но в том-то и заключается исполнение нами заповеди апостольской: *мы сильнии, должни есмы немощи немощных носити* (Рим.15:1). Не легка и широка эта заповедь; и относится она преимущественно к нам, пастырям.

Игуменья Таисия. А ведь встречаются души чистые, святые, совершенные?

Отец Иоанн. Совершенство наше там – сказал Батюшка, указывая на небо, – и «един Свят, Господь Иисус Христос».

Игуменья Таисия. Батюшка, доколе человек во плоти, он не может быть свободен от страстей и искушений и от соблазнов, которые отовсюду окружают его в мире?

Отец Иоанн. Разумеется, не свободен, потому-то и надобно глубоко и неослабно внимать себе. Человек в минуты искушений подобен лежащему на весах – куда его перетянет? Враг тянет его в гибель, а Ангел и сама совесть человека удерживают его. В это время следует вооружиться страхом Божиим, представив себе ужас адских мучений. Необходимо присоединить и тайную молитву сердца, ибо без помощи Божией мы не сильны бороться с искушениями.

Игуменья Таисия. Когда человек внимает себе и следит за собой, то и малейшее уклонение от Бога, волей или неволей допущенное, тяготит душу и нарушает ее мирное состояние (говорю, впрочем, из собственного опыта). С потерей мира

рождается тревога, смущение, теснота. О, как тяжело бывает душе и как трудно ей снова восстановиться!

Отец Иоанн. Потребно немедленное тайное покаяние: *воззовет ко Мне, и услышу его* (Пс.90:15). Господь знает наши немощи. Он готов простить нам все, если мы каемся и просим прощения. Не надобно коснеть, то есть останавливаться на мысли о совершенном грехе, а тотчас же каяться, памятуя милосердие Божие, – тогда породится не тревога и рассеянность, а *сокрушение и смирение сердца,* которое *Бог не уничижит* (Пс.50:19), то есть не презрит.

Игуменья Таисия. Как сохранить в душе мир с Богом, восстановленный в ней чрез таинства или чрез тайное покаяние, или милосердием Божиим?

Отец Иоанн. Ничем так не сохранишь мир, состоящий в общении с Богом, как вниманием к себе. Вообще человек, проходящий жизнь духовную и ревнующий о спасении, должен неослабно внимать себе, то есть замечать все движения своего сердца и ума. За ними сильно назирает враг и ищет уловить их; и когда найдет скважинку, то есть минуту, не занятую вниманием самого домохозяина, тотчас же вторгается и сам начинает хозяйничать в его душе, и много может навредить ей.

Игуменья Таисия. А как тяжело чувствует себя душа, когда, очистившись и восстановив свое общение с Богом, опять нарушит его!

Отец Иоанн. На чистом и белом виднее пятнышко и самомалейшее, так и на душе чистой; а в черном и грязном они не заметны за общею чернотой и грязью. Опять так и выходит, что надобно внимать себе и иметь непрестанное памятование о Боге и внутреннюю молитву.

Игуменья Таисия. Да, Батюшка, невольно приходишь к сознанию, как трудно человеку, особенно поставленному жизнью среди суеты, хотя бы и невинной, например, начальственной, но хранящему самовнимание, устоять на этом пути.

Отец Иоанн. Пожалуй, и трудно, но какое же доброе дело и дается без труда? А с другой стороны, ведь в труде-то и спасение наше, ведь *Царствие Божие нудится* (Мф.11:12), то

есть самопринуждением, силою, старанием берется, и только усиленные искатели достигают его. Потребна молитва.

Игуменья Таисия. Батюшка, научите меня молиться.

Отец Иоанн. Самое простое дело – молиться, а вместе и самое мудрое. Дитя малое умеет по-своему молить, просить своего отца или мать о том, чего ему хочется. Мы – дети Отца Небесного; неужели детям ухитряться просить Отца? Как чувствуешь, так и говори Ему свои нужды, так и открывай свое сердце. *Близ Господь всем призывающим Его во истине... и молитву их услышит* (Пс.144:18:19). *Еще глаголющу тебе, речет: «Се приидох!»* О, как велико милосердие Божие к нам! Но вместе и будь мудра и осторожна, береги ум от рассеянности и скитания или суетности.

Игуменья Таисия. Иногда, Батюшка, я действительно молюсь всем существом, точно бы я стояла пред Лицем Самого Господа.

Все существо мое исчезает в молитве, и сладка и горяча бывает молитва та. Но это бывает не часто; да я и не допускаю себе иногда такового состояния, боюсь, чтобы не прельстил меня враг такою молитвою, как неискусную, еще не могущую понести высоты ее; это дело преуспевших более меня в духовной жизни. Ведь я почти все аскетические книги перечитала, и все подвижники предостерегают новоначальных, неискусных, таких, как я, от созерцательной молитвы; то есть ее необходимо достигать, но с осторожностью, как высшего дара Божия.

Отец Иоанн. Что же и я тебе говорю: «Будь мудра, осторожна», но избегать созерцательной молитвы не следует. Такая молитва есть посещение благодати Божией, ее надо усиленно просить и дорожить ею, а не избегать ни по какой причине. Враг не любит такой молитвы, вот он и пугает тебя, обманывает. Молитва умиряет душу, вселяет в нее тишину и спокойствие.

Игуменья Таисия. С принятием сана начальственного я мало молюсь, Батюшка: вечером не знаешь, как до подушки добраться, так умаешься от дневных дел и забот, а утром,

прежде еще чем я встану, дела встанут, и лишь отворишь дверь, то едва ли вернешься для молитвы.

Отец Иоанн. Не *во многоглаголании* (Мф.6:7) молитва и спасение. Читай хотя и немного молитв, но с сознанием и с теплотой в сердце. А главное, в течение целого дня имей память о Боге, то есть тайную, внутреннюю молитву. Я и сам не имею времени выстаивать продолжительные монастырские службы, но везде и всегда: иду ли я, еду ли, сижу или лежу, мысль о Боге никогда не покидает меня, я молюсь Ему духом, мысленно предстою Ему и созерцаю Его пред собою. *Предзрех Господа предо мною выну... да не подвижуся* (Пс.15:8); мысль о близости Его ко мне никогда не покидает меня. Старайся и ты так поступать.

Игуменья Таисия. А близким к себе Вы Его ощущаете, Батюшка?

Отец Иоанн. Да, родная, близким, весьма близким: Он всегда со мною, по слову Его: И *вселюся в них, и похожду, и буду им Бог* (2Кор.6:16). Иначе как бы я мог так действовать по целым дням, если бы не благодать Божия?

Игуменья Таисия. Да, Батюшка, трудитесь Вы изумительно; Вы всецело приносите себя в жертву на служение людям, забывая о себе.

Отец Иоанн. Пожалуй, ты и слишком уже сказала, но действительно, я стараюсь по мере сил моих, с помощью Божией, служить спасению душ человеческих. Я готовил себя к этому с самого начала своего священствования. Пастыри, преемники Апостолов, должны жить для паствы своей, а не для себя; мы – *соль земли: аще соль обуяет, чим осолится*? (Мф.5:13).

Игуменья Таисия. Ведь Вы, Батюшка, давно священствуете, а открыто явились людям не так давно.

Отец Иоанн. То было время искуса. Можно ли исходить на брань, не приготовив себя и не искусившись?

Игуменья Таисия. Да, не легко Вам было, Батюшка, но зато теперь Вы стоите выше всех искушений и страстей; а что приразилось бы к Вам – сокрушится о камень веры и благодати, присущей Вам.

Перекрестился Батюшка и сказал, вздохнув:

Отец Иоанн. Много сказать – выше всех искушений и страстей; я не бесстрастен. Но Божия благодать, *яже во мне не тща бысть* (1Кор.15:10), всегда подкрепляла и ободряла меня. Наши ведь одни немощи и грехи, а способность наша к служению от Бога.

Игуменья Таисия. Велика в Вас вера, Батюшка, а во мне недостаточна – поделитесь со мною.

Батюшка улыбнулся и сказал:

Отец Иоанн. Бери сколько хочешь, сколько можешь понести. Господь богат милостью.

Игуменья Таисия. Вы шутите, Батюшка, а я часто колеблюсь, не в вере, конечно, в Бога, – о, нет! Я в Него верую всегда твердо и несомненно, а вот, например, в том: могу ли я надеяться на спасение избранным мною путем? От Бога ли было мое призвание и все видения мои, о которых Вы знаете? Да и во многих других вопросах, которые мне хотелось бы проверить более духовным, облагодатствованным взглядом и укрепиться верою и упованием.

Отец Иоанн. Напрасно смущаешься. Первое твое видение Спасителя было тебе еще в детстве – какая же прелесть могла тут быть? Он этим призвал тебя на служение Ему и дал тебе как бы залог спасения.

Игуменья Таисия. Он сказал мне в конце видения: «Прежде потрудись!» Я и тружусь изо всех сил, но так ли, как Ему угодно, тружусь, и примет ли Он мои труды, приятны ли они Ему, – я не могу быть уверена; ведь *ин суд Божий.*

Отец Иоанн. Как не примет, когда уже венчал их успехом? Смотри, какой собор воздвигла ты без всяких средств и в какое короткое время; не Господь ли венчал твои труды таким успехом? А за всю-то обитель, за сестер-девственниц, которыми ты руководишь ко спасению, Господь воздаст тебе сторицею, потому что Он праведен и милостив.

Игуменья Таисия. Да ведь это все внешнее, родной мой Батюшка; ну, построила я собор, чужими, то есть сборными, грошами, чужими руками, да и за это меня все хвалят – ну, вот

и воздаяние внешнее за внешнее. А о душе своей говоря, что я приобрела для нее в течение многолетней жизни в монастыре?

Отец Иоанн. Для души, говоришь, не приобрела ничего? Об этом судить Богу Сердцеведцу. Пока мы на земле, Таисия, душа неразрывно соединена с внешностью, и труды, хотя и вещественные, подъемлемые ради Господа и во славу его, бесспорно, приемлются Им. Говоришь: «чужими грошами построила», да своими-то легче гораздо было бы, чем путем тяжелых сборов добывать эти гроши. А что хвалят тебя за собор, то как же не хвалить за такое великое дело? Ведь тут до скончания века Имя Божие будет славословиться тысячами уст, и твоя память, как храмоздательницы, не перестанет поминаться церковью.

Игуменья Таисия. Я за то ныне с этими строительными и вообще начальственными заботами и трудами не имею ни молитвы, ни поста, ни подвигов монашеских.

Отец Иоанн. Подвиги твои не для твоей одной души, а для общего блага, потому они и велики, и выше частных, собственно для себя. Что же касается поста, ты лжешь сама на себя: ведь пища твоя скудная, простая, а совсем не вкушать невозможно трудящемуся.

Игуменья Таисия. А греха-то сколько в начальственной должности!

Отец Иоанн. А на что же *Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин.1:29)? Проси у Бога *веры и упования. Совершенне уповайте на приносимую вам благодать,* говорит апостол Петр (1Пет.1:21:13).

Игуменья Таисия. Помолитесь за меня, дорогой мой Батюшка, Вашими многомощными молитвами да поможет и мне Господь.

Отец Иоанн. Молюсь и буду молиться. И ты молись за меня, и твоя молитва имеет дерзновение.

Игуменья Таисия. Какая моя молитва? Я молюсь за Вас, отец мой, но только потому, с одной стороны, что хочется за Вас помолиться, как за любимого отца, которому желаешь всякого блага; а с другой, стыдно мне и страшно молиться за Вас, ибо кто я пред Богом сравнительно с Вами?

Отец Иоанн. Что ты, Таисия, неправедно возвышаешь меня? Я первый из грешников. Сам апостол просит верующих молиться о нем: *Молитеся о мне* (1Фес.5:25). И другой апостол пишет: *Молитеся друг за друга* (Иак.5:16). Да и нам легче молиться за тех, кто за нас молится.

Игуменья Таисия. Я однажды писала Вам, Батюшка, просила помолиться об исцелении меня от болезни; получила лишь облегчение, а не совершенное исцеление.

Отец Иоанн. И не надобно, значит. Не ищи избавиться от болезней, надо же и поболеть, и потерпеть, все на пользу, на спасение наше.

Эта беседа наша с Батюшкою в первое наше с ним путешествие в 1891 году июля 18-го дня записана мною почти дословно вечером того же дня; продолжалась она на пути от пристани до монастыря, где Батюшка побыл весьма недолго, вследствие просьбы хозяев парохода не задерживать его, и на обратном пути из обители на пароход.

Когда уже оставалось недалеко до пристани и приближалась минута расстаться с дорогим отцом, мне стало грустно, и я сказала ему:

Игуменья Таисия. Вот мы сейчас и расстанемся с Вами, дорогой Батюшка, а как сладко мне было с Вами беседовать! А теперь Бог знает, когда придется свидеться.

Отец Иоанн. Будем благодарить Бога и за то, что получили; сама ты говоришь, что все это устроилось неожиданно, непредвиденно для тебя, так вот и гляди сама; а разве Господь-то не такой же милостивый будет и всегда? *Иисус Христос вчера и днесь, Тойже и во веки* (Евр.13:8). Что вперед заглядывать? Будем надеяться!

Игуменья Таисия. Вы очень спешили, Батюшка, и даже не покушали ничего; мне очень совестно, что Вы совсем голодны.

Отец Иоанн. Напротив, я сыт больше, чем нужно. Я хотел бы быть голодным: когда голоден телом, то душа сытее, свободнее, легче может возноситься горе, а сытое тело и душу пригнетает, порабощает, да и *не о хлебе единем жив будет человек* (Мф.4:4).

Игуменья Таисия. Удивляться надобно, Батюшка, как это Вы всякий и самый простой, заурядный случай и даже каждое слово обращаете в назидание, в урок. Вот хотя бы и из этого слова какой высокий смысл выносите!

Отец Иоанн. Христианин должен весьма осторожно относиться к каждому слову и стараться обратить его в пользу себе и собеседнику.

Игуменья Таисия. Ну вот, родной Батюшка, подъезжаем к пристани, сейчас разлучимся. (И я заплакала.)

Отец Иоанн. *Кто ны разлучит от любве Божия?* (Рим.8:35.) И нас с тобой, матушка, любящих Господа, ничто не разлучит ни в сей жизни, ни в будущей, – веруй и надейся. *Держи, еже имаши, да никтоже возьмет венца твоего* (Откр.3:11).

Игуменья Таисия. Чем могу я выразить Вам мою искреннюю, глубокую благодарность за посещение нашей обители? О, если бы я могла чем-нибудь послужить Вам или угодить!

Отец Иоанн. Угождай Господу, больше мне ничего не надо, и ничто не может быть для меня более приятного.

Игуменья Таисия. Если бы за Ваши святые молитвы и помог мне Господь преуспевать в духовной жизни, то все-таки это будет не Вам угождение, а прямая обязанность моя и польза для моей души; притом же как Вы узнаете об этом, чтобы порадовалось Ваше отеческое сердце? Ведь мы с Вами не часто видимся и живем довольно далеко друг от друга.

Отец Иоанн. А я говорю тебе, что узнаю – верь этому, и отныне мы будем часто видеться. Я ежегодно буду ездить на родину и обратным путем, может быть, буду заезжать в твою обитель.

С такой радостной надеждой оставил меня Батюшка, сев на пароход, а я, вернувшись в обитель, тотчас же записала всю эту нашу беседу.

Эти слова батюшки отца Иоанна вполне сбылись; хлопоты мои о приобретении места в Петербурге для постройки подворья с целью материальной поддержки нашей обители, не имеющей ни капитала, ни обеспечения, начавшиеся еще при

митрополите Исидоре, требовали иногда моего некратковременного пребывания в столице, где я нередко виделась с Батюшкою, хотя вести с ним духовную беседу никогда не приходилось; но зато во время заездов его к нам в монастырь летом на обратном пути с родины мы получали поистине неземное наслаждение, находясь в непрерывном общении с этим благодатным пастырем в течение нескольких дней и даже недель. Он обыкновенно писал мне с родины, села Суры или из Архангельска о том, куда предполагает заехать, сколько где пробыть и когда приблизительно быть у нас и на своем ли пароходе или на арендованном, и мое дело было встретить его на назначенном месте. Вот тут-то начинался мой праздник, мой отдых, то есть буквально отдых душевный, обновление сил и подъем духа. Едем с ним, бывало, от пристани нашей Борки до монастыря; дорога все идет лесом, а версты за три до монастыря, пересекая дорогу, проходит полоса монастырского леса; и станет Батюшка благословлять его на обе стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в нейже имя Твое святое славословится непрестанно». Дорогою расспрашивает о состоянии сестер, о здоровье их и т.п. Подъезжаем к деревне, расположенной за одну версту от обители и составляющей весь ее приход, а там по обеим сторонам пестреет народ, вышедший на благословение к великому гостю: мужички, с обнаженными головами, кланяются в пояс; женщины, с младенцами на руках, спешат наперерыв поднести своих деток, хоть бы ручкой-то коснулся их Батюшка, только и слышно: «Батюшка кормилец», «родимый ты наш», «красное солнышко». А Батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: «Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами! Христос с вами!»

А как только пойдут монастырские постройки – дома причта, гостиницы и пр., тут встречают сестры с громким стройным пением «Благословен Грядый во имя Господне!» и далее с пением же провожают до самого соборного храма, где встречают священнослужители, а звон в большой колокол

давно уже гудит. Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общий подъем духа, общее торжество! После литургии, за которою всегда бывает много причастников, Батюшка проходит прямо в сад, куда приглашаются и все сослужившие ему священнослужители, гости, приехавшие к нему, туда же является и самоварчик со всеми своими атрибутами, и дорогой Батюшка, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук, старается всех утешить. Потом пойдет гулять по аллеям сада или один, или с собеседником, но никто не беспокоит его. Как только Батюшка проходит через террасу в дом, сад пустеет, так как все расходятся. Но ведь Батюшка слишком любит чистый воздух: не только днем проводит все время или в саду, или катаясь со мною по полям и лесам, но иногда, в теплые, сухие ночи, и спит на террасе. Иногда в саду соберет более близких знакомых своих и некоторых сестер обители и, сам выбрав где-нибудь местечко, станет читать нам книгу, им же самим выбранную, но чаще всего читал Евангелие, Апокалипсис или Книгу пророков и все читаемое тут же объяснял. Иногда чтение прерывалось и беседами на объясняемую тему. Когда устанет сидеть или утомится чтением, скажет мне: «А что, матушка, не худо бы и прокатиться нам в Пустыньку твою». И конечно, это моментально исполняется, и мы едем. Катались мы всегда небыстро, медленно, потому что в это время Батюшка или молился тайно, или беседовал со мною, или просто дремал; да и нужды не было скоро ехать: народ, как бы много его ни было, никогда у нас не бросался к нему, не беспокоил его на дороге. О Пустыньке, этом излюбленном местечке Батюшки, я сообщу после подробно, а теперь возвращусь к его назидательным беседам.

Как-то, между прочим, зашел разговор о вере, и я, со своей стороны, сказала, что вера наша не так темна и слепа, как иные выражаются: «вера слепая».

Игуменья Таисия. Я нахожу, что тайны веры доступны пониманию, не скажу – ума, а – души и сердца. Не слепо, не безотчетно я верую, а сознательно, так сказать, осязательно, понимая – во что, почему и как верую.

Отец Иоанн. Так сказать могут только люди духовные, а мирские, не упражняющиеся в предметах веры, не могут так сознавать таин веры. Да и, во всяком случае, есть тайны вполне непостижимые, недоступные пониманию, например, тайна Святой Троицы – кто постигнет ее? Один – а Три. Три – а Один...

Игуменья Таисия. Это объясняется различием лишь свойств Триипостасного Божества. Богословие объясняет это так: Бог Отец – превечный Ум, Бог Сын – превечное Слово, Бог Дух – животворная, умная, ипостасная, всемогущая Святыня, Живот от Живота, и т.п. Вы сами подобно сему в «Дневнике» пишете: «Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым». Следовательно, эта непостижимость тайны упрощается, уясняется сближениями и подобиями, и непроницаемость ее сглаживается.

Отец Иоанн. Да, для верующих, просвещенных духовно, а все ли могут вместить это понятие? Впрочем, в том и состоит величие нашей веры, что она не так ясна, как познание, иначе она бы превратилась в знание и утратила бы свое величие. Могу ли я благоговеть пред тем, что, чрез мое всестороннее понимание, уступает моему знанию, становится как бы ниже меня? Нет, там, в будущем веке *познаем* более полно, а теперь довольно нам *разуметь отчасти,* как апостол о вере пишет: *ныне разумею отчасти, тогда же познаю, якоже и познан бых* (1Кор.13:12).

Игуменья Таисия. *Видим убо ныне якоже зерцалом в гадании, тогда же лицем к лицу,* – добавила я и продолжала: – Неужели, Батюшка, мы увидим Господа лицем к лицу? Уж, кажется, и не выдержать человеческому бренному естеству.

Отец Иоанн. Не выдержать, пока человек во плоти, пока живет на земле, вращается в земной суете, – помнишь, что Бог сказал Моисею: *Не возможеши видети лица Моего, не бо узрит человек лице Мое и жив будет* (Исх.33:20). А в будущем веке, когда и сам человек одухотворится, Господь явит ему Себя, насколько он может вместить, уж это дело Божие. Чтобы не быть отверженными от Божественного неба, от пресветлых селений святых, вовеки неветшающих и всегда живых, светлых,

благоухающих, всерадостных, надобно здесь приуготовлять себя хранением заповедей Божиих, покаянием и упражнением в добрых делах, нужно ведать и посещать на земле дом Божий, знать великое его воспитательное назначение для душ христианских и заранее приучиться здесь дышать небесным воздухом, облагоуханным духовными ароматами христианских добродетелей, коими благоухает все небо, все собрание святых, ибо в храме непрестанно восхваляют добродетели и доблестные подвиги всех святых Христовой Церкви.

Безмерно много дано людям благодати и милости Божией в воплощении Сына Божия; много требуется взаимно и от них: требуется непрестанное и внимательное размышление о делах домостроительства Божия, благодарность, выражающаяся исполнением заповедей Божиих, послушание, взаимная любовь и снисходительность друг к другу, правда, святость, а для этого необходимо внимание к самому себе, как сказано: *Аще бо быхом себе рассуждали, не быхом осуждени были* (1Кор.11:31). О, как враг двоит душу человека, отвращая ее от Бога пристрастиями и любовью к плоти и всему плотскому, к миру и его благам: славе земной, красоте плотской, к богатству и ко всяким земным удовольствиям, по большей части греховным! Любовь к Богу погашается греховной любовью; поэтому как зорко надобно следить за всеми изгибами своего сердца, чтобы оно не отпало от Бога, этого единственного Источника всякого блага!

Игуменья Таисия. Не знаю, родной Батюшка, может быть я и ошибаюсь, но, часто проверяя свое сердце, я не нахожу в нем пристрастия ни к чему земному. Не могу не сознавать, не ощущать, что мне как бы отвлеченно от земного живется, лишь по обязанности принимаешь во всем участие и вращаешься всюду.

Отец Иоанн. Благодари Господа, что Он даровал тебе это бесстрастие. Это – не твое. Только Его святая сила может держать так человека.

Игуменья Таисия. Главное подкрепление нахожу я в частом приобщении Святых Таин, в чтении Евангелия, которое, право, иногда отвечает на мои мысли и дает вразумление. А

также прибегаю нередко и к Вашему «Дневнику». Какие там светлые, чудные мысли! Например: «Как реки текут в море, так души людей к Богу». Или еще: «Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым». Какая высота!

Отец Иоанн. Это не мое, а озарение свыше. Я чувствовал на себе это озарение и под влиянием его являвшиеся мысли считал грехом не записывать и не предавать памяти; десятки лет я вел эти записи, и составились целые книги.

Игуменья Таисия. Они имеют, Батюшка, какой-то особый характер. Они невольно восторгают читателя и переносят его как бы в глубину чистого Боговедения и света. Не сумею я лишь высказать; на мой взгляд, Вы как будто разрушаете ими средостение между Богом и человеком, объединяете их. Например: «Я живу Богом, в Боге и с Богом, а Бог живет во мне!» Что же может быть выше этого? Ведь это Иоанново богословие: *Бог вселися в ны*... и *от исполнения Его мы еси прияхом и благодать возблагодать* (Ин.1:14:16)! Только оборот речи другой. Если только смею я так выразиться, это есть по отношению ко всему нашему православному учению – как бы продолжение его, изъяснение непостигнутого еще, усовершенствование недоконченного. Вы как бы предвкушаете будущую блаженную жизнь Церкви торжествующей и непостижимость будущей тайны упрощаете до близости и объединения.

Отец Иоанн. Понимаю, что ты хочешь сказать. Однако не лишена и ты духовного разумения. Действительно, он с этою целью, для этого и писан. Какое средостение между образом и Первообразом? Это грех! Но грех разорен Богочеловеком, завеса греха раздрана – кто мешает или что преграждает нам путь?

Игуменья Таисия. При такой мысли о близости единения Бога с человеком невольно прихожу к вопросу: к чему же такие наши подвиги, лишения, труды ради Царствия Небесного, если оно, как и дарующий его Бог, есть только любовь, мир и радость? Тысячи древних подвижников сияли подвигами, и нам, нынешним монахам, предписываются подвиги, а между тем, Бог, это вечная Любовь, для Своего воцарения в сердце

человека требует лишь любви: *сыне, даждъ Ми сердце твое,* говорит Он (Прит.23:26). Подвиги изнуряют, убивают, гнетут, я иногда сравниваю их с буквою по отношению к закону: *писмя бо убивает, а дух животворит* (2Кор.3:6).

Отец Иоанн. Ты смешиваешь одно с другим, между тем как всему свое время и место. Подвиги нужны и необходимы для воспитания своего внутреннего человека, для умерщвления в нем гнездящихся страстей, для выработки себя в ту *меру возраста исполнения Христова* (Еф.4:13), когда сделаемся способными принять и носить в своем сердце Царствие Божие. Бог всегда с нами, у дверей сердца нашего, как сказано: *Се, стою при дверех и толку* (Откр.3:20); да сердце-то всегда ли способно принять Его? Вот и указаны нам и книгами, и примерами подвиги как сила вспомогательная для нашего усовершенствования, чтобы путем их очистить свое сердце для принятия внутрь его Царствия Божия, то есть Самого Христа.

Знаешь ты тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «яко хлеб сладкий Троице принесеся»? Что это значит? Как ты понимаешь эти слова?

Для того чтобы хлеб был сладкий, приятный, надобно прежде всего хорошенько просеять муку, очистить ее от всякой примеси, от всего негодного, чтобы хлеб был чистый, вкусный. Так и сердце наше, чтобы было приятною Богу жертвой, надо прежде очистить от страстей, в нем находящихся, высеять их, тогда и будет оно приятно.

Игуменья Таисия. Дорогой Батюшка, как понимать заповедь о добрых делах? Их ведь необходимо утаивать?

Отец Иоанн. А я так не так это понимаю: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф.5:16). Пусть люди видят твои добрые дела, и чрез то Господа славят, и для себя имеют живой пример, живое побуждение к деланию добра. Вот от кого надобно скрывать (и при этом Батюшка показал пальцем на свое сердце) добрые дела! От него утаивай все, *да не весть шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф.6:3). Шуйцей называется свое личное самомнение, тщеславие.

Как известно, Батюшка имел обыкновение читать канон, а вместе и седальны на кафизмах и антифоны. Был 3-й глас, и, прочитав антифоны: «В юг сеющии слезами божественными, жнут класы радостию присноживотия», Батюшка, обратясь ко мне, сказал: «Вот это тебе на утешение, Таисия, – «сеющии слезами радостию пожнут в будущем веке». Как много утешения Господь возвещает скорбящим и труждающимся Его ради! Помни, что труды для Господа и скорби ради Его – выше всего».

На утрени Евангелие читалось о явлении Господа Марии Магдалине. По прочтении Евангелия Батюшка обратился ко мне и сказал: «Слышала ты, матушка, как Господь-то утешил Марию Магдалину: *Марие, что плачеши, кого ищеши?* (Ин.20:15.) Вот и тебе Он говорит: «Таисия, что плачеши, кого ищеши?» Ищи, ищи Иисуса, и Он предстанет тебе. Много утешений у верующего! Вот, например, за Божественной литургией бывает такое утешение, озарение души, откровение Таин!»

Игуменья Таисия. Батюшка, Вы во время литургисания точно сами переживаете все совершающееся, так возноситесь душою!

Отец Иоанн. Верно, действительно, я все совершаемое стараюсь перечувствовать душой, переносясь мыслью и всей душой к совершаемому.

Игуменья Таисия. Как я счастлива, Батюшка, что Вы у нас совершаете литургию!

Отец Иоанн. Легко и служить в твоем соборе. Дух сестер певчих дышит чистотой, усердием, благоговением; вообще у тебя хорошие сестры, хорошая обитель, и не оскудеет она милосердием Божиим.

Эти слова: «легко здесь служить, чудный собор», Батюшка сказал мне еще и в алтаре, как только приобщился сам; он подошел ко мне и, видимо от избытка сердца, сказал: «Как хорошо здесь, легко служить! Чудный храм!» Мне это было тем более отрадно, что храм этот от первой и до последней копейки строился моими слезными трудами и сборами.

Игуменья Таисия. Да и быть с Вами, Батюшка, так легко; от Вас, как от одушевленного храма Божия, веет миром, спокойствием и радостью. С Вами все забудешь, кроме Бога. Да

еще умоляю Вас, напишите мне хотя словечко, когда Вам Господь внушит. Не забудьте меня, грешную, ведь я Ваша дочь духовная, не оставьте, не забудьте меня, родной мой.

Отец Иоанн. Вот как я тебе скажу на это. Господь сказал чрез пророка: *Если и забудет сих жена* (мать), *Аз не забуду тебе* (Ис.49:15). И я по силам буду помнить тебя и сестер твоих.

Однажды Батюшка сидел углубленный в свои мысли, а я думала о нем: «Господи, что это за человек?» и т.п. Вдруг он обратился ко мне, устремил на меня свои полные кротости и мира глаза и говорит: «Пытай!» Я, в свою очередь, не смутилась этим, ибо не новостью было для меня то, что он отвечает на мысли, и сказала ему, тоже глядя ему в глаза прямо: «Я не пытаю, Батюшка, могу смотреть в глаза Вам прямо, потому что не фальшивлю перед Вами, но не задуматься о Вас не может человек мыслящий и имеющий духовное настроение жизни; вот и я часто о Вас думаю, Батюшка: что Вы за человек? И чем все это кончится?»

Отец Иоанн. Ишь ты, куда заглядываешь: «чем кончится?» Начало и конец – милость Божия. Смотри и суди по плодам, как указано в Евангелии: *От плод их познаете их* (Мф.7:16). И в себе ищи плодов, и в тебе они будут и быть должны. Помни, между тем, что мир от Бога; враг не может дать мира душевного, его дело – смущать, а не умирять.

Игуменья Таисия. Батюшка, я хотела бы и еще Вас спросить: вот я все стараюсь отдаляться от своих родных, редко, очень редко пишу им; вот уже 14 лет как не была у них; они все зовут, все стараются сблизиться со мною, и другие меня уговаривают, что и грех будто бы оставлять своих, если и посторонним делаешь добро, то своим и подавно надобно. А я все стараюсь отдаляться от них, ведь сказано: *Врази человеку домашнии его* (Мф.10:36). Да и что у нас общего? Они только отвлекут меня от моих обязанностей, да я и боюсь, греха с ними много. Как ваш взгляд на это?

Отец Иоанн. И прекрасно делаешь! Остерегайся, отдаляйся от них. Помни: *Нельзя служить двум господам* (Мф.6:24). У тебя теперь другие родные – твои сестры о Христе,

ты за них ответишь перед Богом; а родных раз уже оставила, *не озирайся вспять* (Лк.9:62). Нет сильнее войны духовному человеку, как с родными его: *врази человеку домашнии его.* Так было при Христе, так и теперь, так и всегда будет.

Однажды я исповедовалась у Батюшки, говоря по порядку заповеди. Выслушав, он сказал:

Отец Иоанн. Все это грехи как бы неизбежные, вседневные, в коих мы должны непрестанно каяться мысленно и исправляться. А вот ты мне что скажи: каково твое сердце, нет ли в нем чего греховного – злобы, вражды, неприязни, ненависти, зависти, лести, мстительности, подозрительности, мнительности, недоброжелательства? Вот яд, от которого да избавит нас Господь! Вот что важно!

Я отвечала, что не ощущаю в себе ни злобы, ни вражды, ни мести, ничего подобного, а только могу обвинить себя в подозрительности или, вернее, в недоверии к людям, образовавшемся во мне вследствие многих людских несправедливостей и неправд.

Батюшка отвечал:

Отец Иоанн. И в этом не оправдишься; помни: *любы… не мыслит зла* и доброе око не узрит зла (1Кор.13:4:5) даже и там, где оно есть. Покрывай все любовью, не останавливайся на земной грязи, достигай совершенства любви Христовой; впрочем, и *Христос не вдаяше Себе в веру их, зане Сам ведяше вся* (Ин.2:24).

Игуменья Таисия. Батюшка, как же доверять и верить вполне людям, когда так много от них приходилось терпеть незаслуженно, безвинно? Иногда, из предосторожности для будущего относишься недоверчиво и подозрительно.

Отец Иоанн. Зачем нам заглядывать в будущее? – *Довлеет дневи злоба его* (Мф.6:34). Предадимся, как дети, Отцу нашему Небесному, *Он не оставит нас искуситися паче, нежели можем* (1Кор.10:13). Подозрительностью лишь себя измучишь, да и делу не поможешь, еще повредишь, заранее представив себе зло там, где, может быть, его и не будет. Лишь бы мы не делали зла, а нам пусть делают, если попустит Господь.

Однажды я сказала Батюшке, что иногда подвергаюсь сильнейшему духовному искушению, которое изобразить словом не могу; это как бы уныние, но в самой ужасной степени, едва не отчаяние, – точно туча черная нависнет над головою, и точно нет из-под нее выхода; все представляется так мрачно, так тяжко на душе, что я называю это искушение «адским», и если бы оно было продолжительно, то причинило бы смерть или исступление.

Батюшка отвечал:

Отец Иоанн. Это искушение попускается более сильным, более опытным в духовной брани. Его наносит тебе враг, потому что видит, что подвиги твои подходят к концу, что тебе готовится воздаяние на небе, и хочет сильным толчком сразить тебя и лишить тебя венца. Многих он губит унынием. Крепись и мужайся, борись против козней врага, не поддавайся. Неси со смирением и в терпении и этот крест. Считай, что он послан тебе для твоего смирения, и Господь поможет тебе. Чья храмина души основана на камне, ту никакие ветры вражиих искушений, никакие бури не поколеблют, ибо твердо основание ее, а у кого нет в основании камня, Христа, и основана душевная храмина его на песке, та легко разрушается и малейшею бурею (Мф.7:24–27). Восходи по лестнице духовной вверх, а не вниз. Возвышайся духом, возвышайся умом. Ты призвана пасти свое малое стадо девственниц, избранных Господом на житие иноческое, не считай это дело маловажным или меньшим тех добродетелей и подвигов, какие ты могла бы понести в уединении, спасая лишь свою душу. Ты теперь не имеешь покоя ради служения ближним, твои труды, заботы и скорби – скорби и страдания мученицы, ибо ты распинаешься за всех по любви к Богу и ближним, а что выше этого?

На следующее утро, когда мы с Батюшкой пошли в храм, в котором престол мраморный, Батюшка вдруг, указывая на него, спросил меня: «Это какой престол?» Я с удивлением посмотрела на него и отвечала: «Мраморный». Он продолжал: «Следовательно каменный, да будет же твое сердце как этот камень – мужайся!»

Игуменья Таисия. Иногда, Батюшка, готовишься к принятию Святых Таин, а ночью совсем не можешь бодрствовать: или от дневных трудов утомишься до крайности, или от чего-либо другого, но так и клонит ко сну, потом и смущаешься этим в церкви.

Отец Иоанн. Неужели ты думаешь, что наше неспание или какие-либо подвиги сильны и достаточны дать нам дерзновение перед Святой Чашею? Помнишь разбойника? Один вздох искреннего раскаяния, одна вера в заслуги Распятого – вот наше оправдание, а не мнимые наши подвиги. Конечно, надо и подвизаться, но не с тем, чтобы в этих подвигах видеть и полагать свое оправдание и достоинство. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс.50:19).

Я многократно просила Батюшку принять наш монастырь под его духовное водительство, его покров, отнюдь не разумея тут какой-либо материальной помощи, о чем решительно никогда не беспокоила Батюшку, а просила исключительно его духовного благодатного наблюдения над нашей обителью, веруя и по опыту зная, что ему Господь открывает состояние сердец человеческих.

Батюшка отвечал:

Отец Иоанн. Много ты мне, матушка, приписываешь, слишком высоко обо мне думаешь, если я что и имею, то лишь по благодати Божией. Конечно, *вся возможна верующему* (Мк.9:23). По вере твоей, если будет на то Его святая воля, не отказываюсь содействовать вам в деле спасения, буду, как уже и говорил, молиться за вас; и сам я люблю вашу обитель.

Этот наш разговор происходил во время пребывания Батюшки в нашей обители. Дня через два или три после сего поехали мы с Батюшкой кататься, и, по обычаю, прежде всего в Пустыньку. Когда Батюшка располагал там уединиться для молитвы или для отдыха, он приказывал запереть входные ворота оградки, чтобы никто не входил, не беспокоил его. На этот раз он распорядился так же. Не лишнее здесь пояснить, что все место, огражденное здесь деревянным забором (скиток Пустынька), представляет собою ровный квадрат, посредине которого расположен одноэтажный деревянный дом, на

восточной половине коего – храм во имя святого апостола Иоанна Богослова. С этой стороны от ограды до храма – кельи сестер, а по ту сторону церковного домика – садик с аллеями, где и любил всегда прохаживаться отец Иоанн, совершая свои тайные молитвы.

Из предосторожности, чтобы кто не побеспокоил его, я, во время таких его прогулок, всегда почти сидела на ступеньках крыльца, и, если Батюшке было что-либо нужно, он обращался ко мне. В описываемый мною случай Батюшка недолго погулял по садику, но, видимо, он молился, нередко останавливался, скрестив на груди руки и устремив взор на небо. Затем быстрым движением подошел к стоявшему на одной аллее стулу и потащил его за собою к алтарной стене с юго-востока. Я, от неожиданности такого поступка, растерялась, не успела, да и не посмела помочь ему; смотрю – Батюшка уже и второй стул тащит за собой подобно первому, я поспешила к нему, но он уже поставил его рядом с первым и говорит мне: «Садись, я почитаю тебе». С этими словами он достал из кармана довольно большую книгу, открыл ее, где было заложено, и стал читать. Расскажу вкратце прочитанную историю: в Киево-Печерской лавре, основателем коей, как известно, был преподобный Антоний, один из старцев, занимавший высокий пост и пользовавшийся всеобщим почтением, скончался. Авва, то есть настоятель, особенно сокрушался о нем, так как имел в нем себе ближайшего и верного помощника по управлению. К немалому его огорчению, усопший в первый же день своей кончины так разложился, что невозможно было ни читать по нем Евангелия, ни петь панихиды не только у гроба, но даже и в соседней келье; зловоние наполнило всю (тогда еще небольшую) обитель, и все считали это за наказание Божие. Когда авва в полночь стоял на своем правиле и молился о упокоении новопреставленного, он услышал от иконы Спасителя глас, возвещавший ему о том, что почивший имел многие тайные грехи, не раскаявшись в которых и умер, поэтому не может быть помилован от Правосудия Божия. Наутро авва собрал всю братию, объявил им извещение Спасителя о старце и предложил всем в течении сорока дней особенно усиленно

молиться за него и поститься. Все с усердием стали подвизаться за душу собрата. На 40-й день авва, опять в полунощной молитве пред тою же иконою Спасителя, слышит глас: «Не ради ваших постов и молитв за связанного грехами брата, а ради раба Моего Антония, молившего Меня еще на земле, да не погибнут души подвизающихся в сей обители, созданной им, Я прощаю усопшего имярек». Прочитав это повествование, Батюшка сложил книгу, спрятал ее в боковой карман своего подрясника и, быстро встав, сказал: «Ну, поедем, матушка!» И мы тотчас же тронулись. Долго сидели мы оба молча; зная, что Батюшка никогда и ничего не делает без цели, я раздумывала, чем бы объяснить этот его поступок. Наконец Батюшка начал сам: «Что ж ты, матушка, призадумалась?»

Игуменья Таисия. Да как не призадуматься, Батюшка! Ведь Вы мне словно загадку задали. Ведь я понимаю, что Вы не без цели это мне прочитали, так вот и хочу додуматься, найти эту цель. А может быть, Вы сами мне скажете?

Отец Иоанн. Нет, если нужно, Господь откроет тебе, а сам я ничего не скажу.

Игуменья Таисия. Я пришла только к одному заключению, а иного никакого мне на ум не приходит: как преподобный Антоний умолил Господа, чтобы все, подвизавшиеся в его обители, не были отринуты Им, а спаслись, – так и Вашими святыми молитвами Господь спасет всех живущих в этой обители. Об этом ведь я Вас и просила на днях, да и всегда прошу.

Отец Иоанн. Да, Господь даровал мне эту обитель твою, и я ваш молитвенник всегдашний.

От избытка сильных ощущений, вызванных этим событием, я не могла разобраться в мыслях; я сознавала, что сказанное мне Батюшкою после чтения было делом слишком большой важности, слишком радостным для меня и для всей обители; я сидела, углубившись в свои мысли, и даже забыла поблагодарить Батюшку за его такой духовный бесценный дар. Наконец, я опомнилась и сказала ему: «Батюшка, конечно я бессильна благодарить Вас, да и какое слово благодарности может соответствовать такому великому дару».

Отец Иоанн. Богу благодарение, а не мне, недостойному. Помнишь слова апостола: *Лишше подобает нам внимати* писанным, *да не когда отпадем* (Евр.2:1)!

Игуменья Таисия. Помню, Батюшка, но этот текст мне не очень знаком, а Вы нередко его повторяете; запишите мне его для памяти.

Отец Иоанн. Не хочется, Таисия, я устал. – Но, помолчав немного, он продолжал: – Ну, давай, напишу!

Игуменья Таисия. Нет, Батюшка, если устали, так зачем же утруждать себя? Я и так запомню или сама запишу. – И я повторила текст.

Отец Иоанн. Давай, давай – напишу! Надо нудить себя; слышишь: надо нудить себя на пользу ближних во славу Божию.

Я поняла урок для себя. «Спаси Вас, Господи, – отвечала я, – да мне каждое Ваше слово дорого; я внимательно слушаю Ваши речи и после дома записываю все, о чем говорила с Вами. Это служит и для меня самой утешением и пользою, да и как отрадно прочесть хотя речи Ваши, когда, расставшись с Вами, скучаешь о Вас; кроме того, думаю, и другим полезно слышать (то есть прочитать) Ваши благодатные беседы».

Отец Иоанн. Что ж, можешь давать и другим, но прежде дай мне самому просмотреть, что ты там записала.

Я показала Батюшке эту самую тетрадку. Он прочитал несколько страничек, кое-что поправил и, отдавая мне ее обратно, сказал:

Отец Иоанн. Я посмотрел бы ее в более свободное время, там после подашь мне. Хорошо, что ты запоминаешь мои слова. *Хвалю вас,* говорит апостол, *яко* слово *мое помните и предания моя держите* (1Кор.11:2). Значит, семя мое падает на добрую землю и приносит плод, довольный к насыщению и других.

Игуменья Таисия. Мне думается, Батюшка, что рассеянность, хотя сама по себе и не есть особый вид греха, но едва ли не более других грехов мешает присутствию благодати Божией и заглушает ее.

Отец Иоанн. А разве ты не считаешь рассеянность за грех? Она есть потеря внимания, о ней и Спаситель упоминал, когда

говорил о семени, падшем при пути, и когда сказал апостолу Петру: *Симоне, Симоне, се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу* (Лк.22:31). (Сеял, то есть рассеивал.)

Игуменья Таисия. А разве это о рассеянности, Батюшка?

Отец Иоанн. Как же, о рассеянности.

Батюшка очень любил цветы и вообще природу: ему беспрестанно подносили цветы или из сада, или полевые. Бывало, возьмет в ручку розу или пион, какие расцветут к его приезду, и поцелует цветок, говоря: «Лобызаю Десницу, создавшую тебя столь дивно, столь прекрасно, благоуханно! О, Творец, Творец! Сколь дивен Ты и в самомалейшей травке, в каждом лепестке!» Подержит, бывало, Батюшка в руке своей цветочек и отдаст кому-нибудь из присутствующих, и сколько радости получает с этим цветочком обладатель его! А Батюшка продолжает восхвалять Творца за Его благодеяния к людям. Подадут ли ему ягод из сада, какие поспеют, он говорит: «Какой Господь-то, Отец наш Небесный, милостивый, добрый, щедрый, всеблагой! Посмотрите, поймите – Он не только дает нам насущное, необходимое пропитание, а и услаждает нас, лакомит ягодками, фруктами, и какими разнообразными по вкусу – одни лучше других! Заметьте, вот у каждого сорта ягод свой вкус, своя сладость, свой аромат».

Кто-то из приезжих заметил при этом ему однажды, что ныне культура усовершенствована и дает лучшие сорта продуктов. Батюшка, не глядя на говорившего, а продолжая смотреть на ягоды, ответил: «Культура – культурой, а Творец – Творцом. На то и дан человеку разум, чтобы он работал им, возделывал, совершенствовал, или, как ныне выражаются, культивировал прежде всего самого себя, а затем и другие творения Божии, хотя бы и дерево, и плоды, и все, что предано в его руки Творцом. Из готового-то семени легко выращивать, доводить до высшего качества; а семя-то самое создать, если его нет, одну каплю воды создать там, где ее нет, – попробуйте-ка с вашей культурой! Из готовой воды можно и водопады устраивать, из готовых веществ – земли, песка, глины можно какие угодно громады воздвигать, а при отсутствии этих веществ что вы сделали бы? О, Творче всеблагий, Отче

Небесный, доколе создание Твое не познает Тебя и не падет в прах пред величием Твоим?!»

Любил также Батюшка и сам собирать в саду ягоды и кушать их прямо с веточки. Бывало, заберется в кусты малины или в грядки клубники, кушает, да и позовет: «Матушка, у тебя в садике-то воры, что плохо следишь за своим добром!» Любил он наш садик и всякий раз перед отъездом из обители заходил в него и, как бы жалея его, прощался с ним: «Прощай, садик! Спасибо тебе за то удовольствие, которое ты доставляешь мне всегда! Сколько светлых минут проводил я в твоем уединении!» и т.п. Бывало, скажешь ему на это: «Родной наш Батюшка, да разве Вы уже на будущий год к нам не приедете?» Он ответит: «Будущее в руках Божиих; жив буду – приеду».

Если случалось, что Батюшка приезжал к нам во время сенокоса, то мы с ним ездили и на покос к сестрам, всегда приноравливая к тому времени, когда они там пьют чай. Вот радость-то сестрам! Подъезжаем, бывало, и издали уже виднеются черные фигуры в белых фартуках и белых платочках. Поодаль дымятся и самоварчики, тут же на траве разостлана большая простая деревенская (бранная) скатерть, пригнетенная по краям камушками, чтобы не поднимало ее ветром, на ней около сотни чашек чайных, сахар, подле стоят мешки с кренделями (баранками). Как только подъедет Батюшка, певчие сестры грянут любимый Батюшкин задостойник: «Радуйся, Царице». Батюшка идет к приготовленному для него столику, но иногда прежде погуляет по покосу, посидит на сене, побеседует с сенокосницами и затем начинается чаепитие. Все собираются к кипящим кубам и самоварчикам, садятся на траву, и Батюшка сам раздает им из мешка баранки, многим дает чай из своего стакана и, вообще, старается всех утешить. Когда он уезжает с покоса, все бегут провожать его, певчие поют ему «многолетие», пока экипаж не скроется из вида. Вообще, Батюшка любил наше пение и ежедневно призывал клирошанок петь, по большей части в саду, иногда и в Пустыньке, а при дождливой погоде и в кельях. Ежедневно после обеда подходила к нему регентша, которой он назначал, какие пьесы петь ему. Иногда он слушал их молча, сосредоточенно, в молитвенном настроении; иногда

стоял или даже ходил среди их и объяснял им смысл поемого, особенно ирмосов; иногда же с увлечением сам пел с ними и регентовал рукою. Когда случалось нам с ним кататься по Волге, по его благословению я брала с собою на пароход от 4-х до 6-ти певчих, которые пели ему на пароходе, а также и в побережных церквах, где он останавливался для совершения литургии, без чего не мог провести ни одного дня.

Когда мы с ним катались по нашим лесам и полям, он всегда благословлял поля с молитвою о их плодоносии и изобильном урожае на пропитание обители. Бывало, когда увидит, что нет близко народа, велит остановить лошадей, снимет с себя рясу, положит на свое место и пойдет немножко пройтись в поле. По дорогам между монастырем и скитами у нас поставлено немало скамеечек, так как по этим уединенным дорожкам гуляют монашенки и садятся иногда со своим рукодельем или отдыхают, когда ходят в лес за ягодами или за грибами. Во время пребывания у нас Батюшки все таковые скамеечки служили местом для богомольцев, прибывавших к Батюшке; зная, что с ним ежедневно, иногда и по несколько раз, проезжаем тут мимо, они поджидали нас и, завидев издали экипаж, тихо, в полном порядке подходили к Батюшке на благословение; иные девушки подносили ему полевые цветы, особенно часто фиалки белые и лиловые, которые Батюшка очень любил. Так однажды, приняв эти букеты, он держал в руках один из них и, рассматривая его, сказал Евангельское слово:

Отец Иоанн. *И Соломон во всей славе своей не одевался так, как каждая из полевых лилий. Если* Отец Небесный *так одевает цветок, который сегодня есть, а завтра брошен будет в печь, то не тем ли более вас, маловерные!*(Мф.6:28–30.) Как очевидна истина слова Божия: *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, а все* остальное *приложится вам* (Мф.6:33). Это я испытываю на себе: с тех пор как я начал усиленно искать и исключительно заботиться о благоугождении Господу молитвою и делами милосердия ближним и другими, я почти не имею надобности заботиться о себе, то есть о своих внешних нуждах; меня, по милости Божией, одевают, обувают,

угощают добрые люди и сочтут за обиду, если бы я не принял их усердия.

Я на это отвечала ему: «А если бы Вы знали, Батюшка, как приятно что-либо сделать для Вас, хотя чем-нибудь послужить Вам! Да и поверите ли, Батюшка, что за все, что для Вас сделаешь, так скоро воздается сторицею! Я это и на себе лично испытала, да и от многих слышала».

Отец Иоанн. Верю и сам вижу на деле, да это и в порядке вещей; за все воздает нам Господь, даже за чашу холодной воды, поданную во имя Его.

Игуменья Таисия. А я в этом отношении часто припоминаю слова: *приемляй праведника во имя праведничо, мзду праведничу приимет* (Мф.10:41). Я знаю, что это сказано к апостолам и не в том отношении, о каком мы теперь говорим, а вообще о вере и усердии к праведникам, то есть к людям, всецело отдавшимся Богу.

Отец Иоанн. А помнишь апостольское слово: *Не обидлив бо Бог забыти дела вашего и труда любве, яже показасте во имя Его, послужившe святым* (Евр.6:10). Конечно, не святых, на небесах живущих, надлежит разуметь, а служителей Его, которые трудятся для Него ради спасения людей. А строго же Он и судит тех, кто дерзает злословить их, особенно клеветать безвинно! Как Он чрез пророка Захарию говорит: *Касаяйся вас* (то есть избранников Божиих), *яко касаяйся зеницы ока Его* (Божия) (Зах.2:8). Видишь, Своим «оком» называет их Господь! Да и святые-то как любили Господа! Несмотря на немощное свое плотское естество ужасающееся и мысли о мучениях и пытках, ради любви Христовой охотно шли на всякое страдание и смерть, лишь бы в вечности не быть отринутыми от Него. Вот святой Игнатий Богоносец и лично просил, и писал в своем послании к римлянам христианам, когда они хотели освободить его от предстоявшей ему мученической смерти: «Не возбраняйте ми (то есть не мешайте мне прийти к Господу), хощу быти измолен (то есть измолот), зубами зверей, да буду в жертву благоприятну Господу моему! Вот высокая, святая любовь!»

В 1903 году, в бытность свою у нас, отец протоиерей Иоанн совершил закладку зимнего Троицкого храма при громадном стечении народа, так как в этом году здесь были учительские курсы, в коих принимали участие свыше 70 учительниц.

Грешно было бы умолчать об одном слишком большой важности событии, совершившемся по молитвам отца Иоанна на глазах целой деревни и известном всей окрестности, о котором в свое время все говорили и писали, а теперь, уже после кончины Батюшки, упоминал в газетах случившийся в то время у нас в монастыре г-н М.А. Гольтисон. Это было также в 1903 году, еще в начале июня месяца. Во всей здешней местности появилась «сибирская язва». Коровы и лошади падали ежедневно по несколько голов. Со всех сторон были поставлены карантины, и я с ужасом помышляла о том, как выеду за Батюшкой и как привезу его в обитель, ибо всем приезжавшим к нам на пароходе из более отдаленных местностей приходилось идти пешком все 10 верст от пристани до нас. В монастыре, собственно, скот не падал, не было никакой эпизоотии, но из него-то, окруженного карантинами, никуда нельзя было попасть иначе как пешком. Наконец необходимо стало решить вопрос, то есть или предупредить Батюшку о невозможности посетить наше Леушино, или же, презрев опасность подвергнуть эпизоотии весь наш скот, решиться ехать, и я, помолившись с верою, избрала последнее. Со всякими предосторожностями, ночью, во избежание дневного жара, на легком простом тарантасе в одну лошадку, я поехала на пристань. Версты за две до нее, на карантине, мы едва пробрались, и то лишь потому, что все знали, что в обители пока все еще благополучно. Едва проехали эту заставу, как на беду нам пересекают дорогу двое дрог, везущие павших лошадей для закопки их в отведенном месте. Ужас мой и опасение удвоились, и я почти уверена была, что должна лишиться своей лошадки. Кое-как наконец добрались до пристани и, со всеми предосторожностями, опрыскав и окурив, убрали лошадь в конюшню. Утром я отправилась навстречу Батюшке и еще на пароходе рассказала ему все. Выслушав меня молча, Батюшка встал со своего места и стал ходить по

трапу парохода и молиться. Через полчаса времени он снова сел подле меня и сказал: «Какое сокровище – молитва! Ею все можно выпросить от Господа, все получить, всякое благо, победить всякое искушение, всякую беду, всякое горе». Я уже начинала смекать по этим словам, что и наша беда «сибирская язва» победится его молитвами, что и высказала ему. Батюшка ответил: «Что же, *вся возможна верующим* (Мк.9:23)!»

Когда пароход подошел к пристани Борки, то на ней уже собралась не одна сотня домохозяев и хозяек, намеревавшихся просить Батюшку «помолиться» об избавлении их от такого тяжелого наказания, как потеря скота. «Что мы будем делать без скотинки-то, кормилец? Ведь ни земли не вспахать, ничего, – хоть по миру иди! Уж и без того-то бедно, а тут еще такая беда». – «За грехи ваши Господь попустил на вас такую беду, ведь вы Бога-то забываете; вот, например, праздники нам даны, чтобы в церковь ходить, Богу помолиться, а вы пьянствуете, а уж при пьянстве чего хорошего, сами знаете!» – «Вестимо, Батюшка кормилец, чего уж в пьянстве хорошего, одно зло». – «Так вы сознаетесь ли, друзья мои, что по грехам получаете возмездие?» – «Как не сознаваться, кормилец! Помолись за нас, за грешных!» И все пали в ноги. Батюшка приказал принести ушат и тут же из реки почерпнуть воды; совершив краткое водоосвящение, он сказал: «Возьмите каждый домохозяин себе этой воды, покропите ею скотинку и с Богом поезжайте, работайте, Господь помиловал вас». Затем Батюшка вышел на берег, где уже стояли наши лошади, которых он сам окропил, равно и привезшую меня на пристань лошадку, и мы безбоязненно поехали в обитель. В тот же день все мужички поехали куда кому было надо, все карантины были сняты, о язве осталось лишь одно воспоминание, соединенное с благоговейным удивлением к великому молитвеннику земли Русской. Хотя у нас в обители и не было падежа скота, но мы тем не менее просили Батюшку окропить его и помолиться о сохранении его на общую пользу. И бесценный наш молитвенник, совершив водоосвящение, приказал проводить мимо его весь рогатый скот поодиночке, причем каждого отдельно окроплял святой водою, также и лошадей.

Вообще Батюшка любил животных, в пример этому могу привести случай, коему и я и все бывшие на пароходе были очевидцами.

Однажды мы с Батюшкой ехали на пароходе по Волге вверх, против течения, около 5 часов пополудни, в сенокосное время. Все были на трапе, где Батюшка читал нам книгу, а мы окружали его, сидя кто на стульях, кто на скамьях, а кто и на полу. Прекратив чтение, Батюшка обратился к бывшему тут же капитану парохода А.А. М. и сказал: «Пойдем, друг, помедленнее: чудный вечер, а аромат-то какой от свежего сена – наслаждение!» Идя тихим ходом, мы подходили к большой, широко раскинувшейся по берегу Волги, деревне, а на противоположном берегу находился покос, где еще убирали сено: иные метали стога, иные накладывали его на возы, чтобы увезти чрез реку в деревню на пароме, стоявшем у того берега. Вдруг одна лошадь с огромным возом сена, скативши его на паром, не могла остановиться и ринулась прямо в воду, увлекая за собою и воз, и державшего ее хозяина крестьянина. На пароме произошел невообразимый переполох; и лошадь и сено были обречены на верную гибель. Крестьянин, бросив вожжи в реку, моментально сел в лодочку и направился по течению, куда должно было нести и лошадь с возом. Наш пароход совсем остановился, в ужасе мы все смотрели на погибающее, как мы думали, животное. Но что же вышло? Батюшка, стоявший у самого борта на трапе, все время крестился, молился, произнося вслух: «Господи, пощади создание Твое, ни в чем неповинную лошадку! Господи, Ты создал ее на службу человеку: не погуби, пощади, всеблагий Творец!» и т.п. Он часто изображал крестное знамение в воздухе по направлению к лошади, которая плыла с возом, как будто шла по дну. Когда она доплыла до самой средины реки, где очень глубоко, – просто сердце замерло, глядя на нее: вот-вот, думаешь, скроется под водою, но она продолжала плыть и вот уже была недалеко от другого берега. Крестьянин, плывший за нею в лодке, тоже подплывал к берегу; он подобрал волочившиеся по воде вожжи, опередил лошадь и помог ей поднять воз на берег. Из селения прибежали другие мужички и общими силами стали

помогать потерпевшему. Сначала выпрягли лошадь, и она, почувствовав себя вне опасности, стала стряхиваться, кататься, то есть валяться по траве, и потом бодро встала на ноги. Сено подмокло, но и то не до самого верха, хотя нам и казалось, что уже только верхушка его не в воде. Так как это было у всех на глазах, и все видели, как отец Иоанн молился о спасении животного, то много народа собралось на берегу, во главе с хозяином лошади, чтобы благодарить дорогого молитвенника и общего отца-печальника, но он, избегая этого, тотчас же приказал капитану парохода идти дальше.

Много, весьма много назидательного и отрадного удостоил меня Господь видеть и слышать во время моего пребывания с отцом Иоанном. Он имел удивительный навык и самомалейшие случаи, по-видимому и незаметные, заурядные, не стоящие и внимания, обращать в полезное назидание окружающим. Вот пример. Все мы однажды были с ним на трапе парохода, где, по обыкновению, Батюшка нам читал. Окончив чтение, он сидел молча, приказав лишь убрать столик, на котором лежали книги. Был сильный ветер; опасаясь, чтобы он не смахнул книги в реку, я стала собирать книги, чтобы снести их в каюту. Батюшка, пристально смотревший на пол, окликнул меня и говорит: «Матушка, смотри, как бьется бедная муха! Видишь, вот, вот она! Пришибло ее, бедную, к полу, не может подняться, а все-таки не теряет надежды, борется с ветром: он ее относит назад, а она опять поползет, экая ведь умница! Вот так и враг-диавол борет душу, относит ее как вихрь от пути спасительного, коим она идет, а она борется, не уступает ему. Вот и муха нас учит, урок нам дает».

Бывало, любуется на закат солнца в ясный летний вечер и скажет: «Как дивен Творец в Своем творении! Смотри хотя бы на это солнышко, какая дивная красота! А если творение так величественно, то что же Сам Творец, каков Он-то!»

Да и не исчесть таких и подобных бесед и отрывочных фраз Батюшки, которыми он услаждал дух своих спутников. О том, сколько на глазах наших совершилось исцелений, поразительных, разнообразных, я не стану описывать, потому что они и бесчисленны и всем известны, но не менее достойно

предать памяти и случаи, говорящие о его проницательности и предведении и вообще о близости его к миру духовному. Он, во время своей тайной молитвы, как бы созерцал Бога пред очами и беседовал с Ним как с близким к себе Существом. Он как бы вопрошал Бога и получал от Него извещения. Пример сего могу привести следующий.

Однажды Батюшка сидел на трапе парохода один, читая свое дорожное маленькое Евангелие, которое держал в руках. Я тоже была на трапе, но далеко от него. Вдруг Батюшка, увидев меня, сделал знак рукою, чтобы я подошла к нему, что, конечно, я охотно исполнила. «Послушай, матушка, – обратился он ко мне, усаживая меня подле себя, – какой неправильный перевод: *аз рех во изступлении моем* (Пс.115:2) переведено: «я сказал в безумии моем» – ведь это совсем не то?» Я ответила, что надлежало перевести: «я сказал в восхищении, в восторге чувств», с чем и дальнейшие слова согласуются: *что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми* (Пс.115:3). Батюшка одобрил мои слова и, опустив книжечку, сидел молча.

Пользуясь его спокойным настроением и досужными минутами, я решилась высказать ему свои тревожные мысли о загробной участи моей матери, которая, будучи вполне религиозной христианкой, в то же время сильно противилась моему уходу в монастырь и не хотела дать мне на это своего благословения. Меня тревожила мысль – не вменит ли ей Господь во грех это ее упорство. И вот я, в описанную минуту, спросила о сем Батюшку. Он сказал мне: «Молись за нее», – и, продолжая сидеть неподвижно с Евангелием в руках, сосредоточенно смотрел куда-то вдаль. Я уже более не повторяла вопроса, и мы сидели с ним молча около четверти часа. Вдруг Батюшка, обернувшись ко мне, произнес твердо: «Она помилована!» Я никак не дерзала понять эти слова как ответ на мой вопрос, считая его уже поконченным, и, в недоумении взглянув на Батюшку, спросила: «Кто помилована? О ком Вы это сказали?» – «Да ты о ком спрашивала меня? О своей матери? – возразил он. – Ну, так вот я и говорю тебе, что она помилована». – «Батюшка, дорогой, – продолжала я, – вы говорите, как получивший извещение свыше». – «А то как же

иначе? Ведь о подобных вещах нельзя говорить без извещения – этим не шутят».

Могу привести примеры не только проницательности Батюшки, но и того, что он именем Божиим властно запрещал бесам, козни которых он, очевидно, видел; приведу лишь немногие из них. Однажды мне довелось ехать с Батюшкою по Балтийской железной дороге, только вдвоем с ним, в отдельном купе. Мне хотелось поговорить с ним наедине о каком-то нужном деле. Началась беседа сердечная, духовная, откровенная. Вдруг Батюшка порывисто, быстро поднялся на ноги (не отходя от места, где сидел) и, подняв правую руку вверх, потряс ею в воздухе, как бы грозя кому-то, и, устремив взор вдаль прямо (не в сторону), громко произнес: «Да запретит вам Господь Бог!» Сказав эти слова, он перекрестился, сел на свое место и с обычной своей кроткой улыбкой посмотрел на меня и, положив свою руку на мое плечо, произнес: «Что, матушка, ты не испугалась ли?» – «Испугалась, Батюшка, – отвечала я, – но я-сразу же поняла, что Вы запрещали бесам – неужели Вы их видите?» – «Да, матушка, да! Но что об этом говорить? Лучше продолжим нашу сладкую беседу». Таким образом, в этой беседе мы доехали до Ораниенбаума; Батюшка направился на пароход, идущий в Кронштадт, а я с тем же поездом, не выходя из вагона, вернулась в Петербург, утешенная и ободренная беседою с великим человеком, имеющим власть на *духов злобы поднебесных* (Еф.6:12).

Второй подобный сему случай могу привести следующий. В день храмового нашей подворской церкви праздника святого апостола Иоанна Богослова всегда служил у нас Батюшка; для этого он приезжал накануне ко всенощной, выходил на величание, сам читал акафист и канон. Затем оставался у нас ночевать и в самый праздник совершал соборно с другими священниками позднюю литургию в 10 часов. Вставал он всегда рано, иногда часа в 4 или 5, писал проповедь или свои заметки, а часов около 7–8 ехал освежиться на воздухе, причем брал всегда с собою меня. Ездили мы обычно на острова, где поутру бывает всегда пусто, уединенно, что, при чистом свежем воздухе, действительно составляло отдых и отраду пастырю,

окруженному в течение целого дня людьми и суетою. Эти часы Батюшка употреблял для тайной созерцательной молитвы, и я, зная это, никогда не нарушала ее никакими разговорами, кроме тех случаев, когда он сам заговорит со мною. Однажды ехали мы по Николаевскому мосту, откуда заранее кучеру приказано было повернуть по набережной налево. Когда карета наша поравнялась с часовнею на мосту, мимо вдоль набережной, с левой стороны, везли покойника; дроги с гробом везла одна лошадь, а провожавших было не более 8 или 10 человек, почему каждый из них был ясно видим. Батюшка вдруг изменился в лице, он пристально глядел на погребальное шествие, и так как оно шло по набережной параллельно с нашей каретой с моей (левой) стороны, то ему приходилось наклоняться на мою сторону, причем я не могла не видеть перемены в лице его. Наконец, шествие свернуло на 1 -ю линию, а Батюшка, несколько успокоившись, стал креститься. Потом, обращаясь ко мне, произнес: «Как страшно умирать пьяницам!» Предположив, что Батюшка говорит о покойном потому, что узнал провожающих его гроб, я спросила: «А вы знаете его, Батюшка?» Он ответил мне: «Так же, как и ты». Все еще не понимая ничего, я пояснила ему свое предположение, прибавив, что я никого из провожающих не знаю. «И я тоже – сказал он, – но вижу бесов, радующихся о погибели души пьяницы».

Не могу умолчать о времени пребывания этого праведника у нас в обители в минувшем 1908 году. Это было уже последнее его посещение; он был уже очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал, все больше читал, уединялся, но служил ежедневно в соборном храме, который он всегда так хвалил и о котором говорил неоднократно, что ему легко в нем служить, о чем я уже упоминала. Пробыл он у нас в обители 9 дней и в день отъезда спросил меня: «Сколько дней я пробыл у вас, матушка?» Когда я ответила, то он продолжал: «Девятины справил по себе, уже больше не бывать мне у тебя. Спасибо тебе, спасибо за все твое усердие, за любовь, за все!» Сестры провожали его, как и обычно, с пением и со слезами – всем было ясно, что бесценный светильник догорает. Когда мы с ним

выехали из обители и, миновав деревню Леушино, свернули налево в поля, Батюшка стал все оборачиваться назад и глядел на обитель. Предполагая, что он забыл что-нибудь или хочет сказать едущим позади нас, я спросила его об этом, но он отвечал: «Любуюсь еще раз на твою обитель: тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь, поистине с вами Бог!» Теперь эти чудные, отрадные слова служат нам великим, высоким утешением. С пристани Борки мы поехали на пароходе к Рыбинску и вниз по Волге на далекую Каму, куда приглашали Батюшку. С нами было пять сестер-певчих, которые по распоряжению Батюшки отправляли на пароходе богослужения и в течение дня пели ему по его желанию. Это оставалось уже единственным утешением из обычного препровождения времени на пароходе. Накануне того дня, когда мы должны были расстаться с Батюшкою, он попросил сестер-певчих пропеть все номера Херувимских песней, которые они знают. Таковых набралось очень много (так как ноты были с собою), и сестры, став подле Батюшки, начали петь. Когда дошла очередь до «Симоновской» Херувимской, Батюшка сказал: «Это моя любимая песнь, я сам ее пел, еще будучи мальчиком», – и попросил ее повторить. Затем пропели по назначению же Батюшки: «О Тебе радуется» и «Высшую небес». Батюшка во все время пения сидел в кресле у борта парохода, закутанный в теплую рясу, и, сидя, регентовал правой рукой своей и подпевал. Когда пропели «Высшую небес», он заметил: «Это хорошо, но уже новый напев, а я певал иначе», – и он своим мелодичным, но уже старческим, дрожащим голосом пропел всю эту песнь до конца, то есть до «во еже спастися нам». Все прослезились, да и могло ли быть иначе? Пропев, Батюшка встал и, обратясь к певчим, произнес: «Ну, дай Бог и нам всем спастися! Спасибо вам, сестры, за ваше прекрасное сладкопение, которым вы и всегда утешали меня». На следующий день мы с Батюшкой расстались; это было 6 июля 1908 года.

Заканчивая эти записки бесед моих с незабвенным батюшкой отцом Иоанном, я считаю нелишним прибавить: 1) Цель издания настоящих записей – единственно поделиться с

верующими людьми этим духовным сокровищем, так как и они могут почерпнуть из них немало назидательного. Я здесь открывала перед Батюшкой свою душу, что не стеснилась передать и читателям; но ведь и они – люди, на земле живущие и тоже обложенные немощами, потому будут снисходительны и к моим недостаткам. 2) Прошу верить всему здесь написанному, принимая во внимание, что у меня не могло быть никаких побуждений говорить неправду на усопшего, уже предстоящего Лицу Божию. Если бы я написала это при жизни его, то еще можно бы заподозрить меня как сторонницу и почитательницу Батюшки, но и это было бы несообразно с моими воззрениями, ибо я не могу не понимать важности данного вопроса и в мои преклонные годы это было бы непростительно. Мне уже 70 лет, я готовлюсь последовать за Батюшкой в вечность.

О дорогой Батюшка! Как много утешал ты меня при жизни, услаждал мне горечь житейского моря! Но и по отшествии твоем немало сладких воспоминаний оставил ты мне.

Протоиерей А.М. Косухин. Из дневника

Имея желание послужить с дорогим отцом протоиереем Иоанном Ильичем Сергиевым, я отравился по железной дороге до Ораниенбаума. По выходе из вагона видна была сильная метель и вьюга, что значительно затрудняло путешествие по морю.

Я мысленно просил Господа послать мне резвого коня, дабы поскорее переправиться по морю. И благодарение Богу: вызвавшийся мне возница быстро проехал расстояние по морю, не отставая от собственников, ехавших впереди нас. Остановился у г-жи Герасимовой против Дома трудолюбия. Здесь вечером, между прочими разговорами, я рассказал о бывшем мне сонном видении Тайной вечери.

И вот на следующий день отец Иоанн, в проповеди к народу, объяснил сказанные Иисусом Христом на Тайной вечери слова: *приимите ядите... и пийте от нея вси...* указав на то, что мы можем только Кровью Христовой быть омыты от греха, преподаваемой верующим в Таинстве Святого Причащения, и что если бы Господь Иисус Христос не пострадал и не пролил Кровь Свою за нас на кресте, то мы были бы вечные рабы греха и души не толь ко нас, грешных, но и праведных бесконечно мучились бы в аду. Со времени установления сего Таинства этот благодатный и всеисцеляющий источник Христовых Таинств бьет в православных церквах живительной струей, но жаждущих приходить к нему в святых церквах мало. В случае болезни православные христиане не в храм идут или приглашают на дом священника для причащения Христовых Таинств, от которых бывают дивные исцеления, а прямо посылают за докторами, ибо возлагают больше надежду на людей, чем на Бога.

От этого маловерия и происходит то, что болезнь у страждущего затягивается, он ездит иногда и за границу, излечивает или истрачивает на врачей все свои средства, а помощи все нет. И вот человек и телом, и духом умирает…

Сослужение с дорогим отцом Иоанном в Кронштадте

Опять служил с дорогим отцом Иоанном в кронштадтском Андреевском соборе и слезы лил о грехах своих за литургией. По причащении Христовых Таин, когда я подбирал рукою крупинки Пречистого Тела Христова, рассыпавшиеся на антиминсе, отец Иоанн сказал мне: «Спасибо, отец, – а затем, обратившись ко мне и указывая на крупинки, сказал: – Зерно Божественное, зерно соестественное», – а я ему говорю: «Сладость и радость наша», – и он такими веселыми глазами смотрел на меня. Когда я стал благодарить его за позволение служить с ним, то отец Иоанн сказал мне: «Спасибо, дружище», – и потом дал мне свои сочинения.

Благодарю Господа, яко таковую любовь оказывает мне дорогой отец Иоанн не в этот раз только, но и всегда, и молю Милосердного Создателя, да продлит Он годы жизни дорогого отца Иоанна на много, много лет в исправление, назидание и подражание нам, грешным иереям, и да оградит его ангелами Своими от всякаго зла на всех путех его, аможе аще пойдет по воле Господней.

Болезнь в 1898 году

В Рождество Христово (98 г.) случилось кровоизлияние горлом и продолжалось и на второй день 26-го. По просьбе моих духовных чад, к великой моей радости, опять приехал к нам дорогой отец Иоанн и молился. По его молитвам и Божией милости, я поправился, не переставая каждодневно сподобляться причащения Христовых Таин.

Велика милость ко мне, грешному. Господь Пречистыми Пренебесными Своими Тайнами исцелил меня на удивление всем, так что накануне Нового года все службы служил сам и в самый день новолетия и до настоящего дня продолжаю каждодневно совершать Божественную литургию и наслаждаться неизреченно причастием Пресвятых Таинств.

Господи, милость Твоя во век, дел руку Твоею не презри (Пс.137:8) и *помилуй мя,* грешного, *по великой Твоей милости* (Пс.50:1).

Беседа с отцом Иоанном Ильичем Сергиевым

Господь и Матерь Божия помогли мне повидаться с дорогим отцом Иоанном, и я был с ним продолжительное время, имел с

ним многое рассуждение по духовным потребностям и вопрошал его о следующих предметах, до моей жизни касающихся:

Вопрос. Раньше молился на камне, чтоб стяжать целомудрие, можно ли продолжать это, ибо с болезни я оставил?

Ответ. Молился, чтобы удручать плоть? – Можно продолжать.

Вопрос. Как лучше: можно ли после полночи спать, помолившись в полночь, или спать полночь и вставать раньше?

Ответ. Я ложусь в полночь и встаю в четыре часа утра. А можно и в полночь вставать и далее молиться; вообще делать так, как в данный раз благословит Господь.

Вопрос. Рассказав дорогому отцу Иоанну кратко жизнь свою, и что я претерпел от плотских страстей и от бесов в течение трех лет, думая, что жив не останусь, я вопросил потом: что значит, что во сне я часто будто борюсь с людьми сильнее меня или дерусь с бесами, и как к сему относиться?

Ответ. Это значит, что ты своими трудами и подвигами очень досадил им, но Господь тебе помогает и защищает тебя, как и в житиях пишется о святых, много от бесов терпевших. От бесов ограждаться честным Крестом и молитвою ко Господу.

Вопрос. Как достигнуть целомудрия и бесстрастия?

Ответ. Богомыслием, размышлением о значении Таинств Христовых: обожения, освящения, очищения, просвещения, сочетания со Христом и проч. Затем – воздержанием, молитвою, размышлением о премудрости Божией, о порядке и благоустройстве.

Вопрос. Как часто можно разрешать пасомым приступать к Святым Тайнам – можно ли каждую неделю и чаще?

Ответ. Я причащаю каждую неделю и чаще, но только это возбуждает в них ревность друг к другу, а потому я иногда и не допускаю.

Вопрос. Я часто вижу Матерь Божию на иконе как живую: на Божественных Ее ланитах начинает разгораться румянец, очи Ее глядят в самую душу и только что не говорит, а сердце

исполняется неизъяснимой радостью и так и рвется к Владычице. Может ли это быть, не прелесть ли это?

Ответ. Прелесть всегда сопровождается смущением и страхом, когда же в сердце радость тихая, то это от Бога и быть это может.

Вопрос. Можно ли молиться за графа Толстого, чтоб его Бог обратил, и может ли он покаяться?

Ответ. В нем такая сатанинская гордость, что он уже не обратится, и молиться за него грешно. Его имени буквы дают имя антихриста, как было писано об этом.

Вопрос. Будет время, когда видимого сего мира не станет и откроется жизнь бесконечная, как это будет?

Ответ. Воды не будет – земля сгорит, огнем очистится от всего, и всему дастся новое и новое устройство из тленного нетленное, столь прекрасное, что и вообразить сего невозможно.

Вопрос. Какими молитвами лучше молиться, своими или готовыми?

Ответ. Своими надо в простоте и умеючи молиться, а потому не надо оставлять готовых молитв: у святых отцов богомудро все составлено.

Благодарение о всем Богу и Матери Его Пречистой!

Епископ Арсений (Жадановский). Отец Иоанн Кронштадтский

Господь судил мне принять монашество по молитве и заочному благословению отца Иоанна Кронштадтского. Поступив в Духовную академию (в 1899 году), я стал искать случая повидаться с ним в Москве, куда он нередко приезжал для служения Божественной литургии и посещения больных. Вскоре Господь исполнил мое желание. Мой товарищ Илия Абурус, впоследствии настоятель Антиохийского подворья архимандрит Игнатий, отправляясь однажды к своему покровителю Преосвященному Трифону, епископу Димитровскому, у которого отец Иоанн вознамерился служить в крестовой церкви[21], захватил с собой и меня. В названном храме состоялось первое мое молитвенное общение с великим пастырем. Это было мне так дорого, что до сих пор я питаю чувство признательности к отцу Игнатию и всем тем, кто способствовал потом моему сближению с отцом Иоанном. Таковыми, между прочим, были Александр Семенович и Елена Михайловна Мироновы и особенно Вера Ивановна Перцова.

По переходе из Академии в Москву (в 1903 году) я уже довольно часто виделся и служил с Батюшкой. О каждом его приезде мне сообщали благожелатели. Так, я имел утешение совершать с ним Божественную литургию в общинах «Утоли моя печали»[22], Иверской[23], в Боевской богадельне[24] и на Антиохийском подворье.

Припоминаю порядок и особенности служения отца Иоанна. Он приезжал прямо в храм, боковыми дверями входил в алтарь, опускался на колени перед престолом и, возложив на него руки, находился в таком положении иногда довольно долго. Батюшка каялся в это время во всех грехах, содеянных им за прошедшие сутки, и вставал, когда чувствовал, что Господь прощает его. Обновленный и бодрый духом, он затем приветливо здоровался со всеми присутствующими, надевал епитрахиль, благословлял начало утрени и выходил на солею читать канон и дневные стихиры по книгам, которые

приготовлял обыкновенно протоиерей храма Нечаянной Радости[25] в Кремле Николай Лебедев – друг и постоянный спутник отца Иоанна в Москве. Читал Батюшка порывисто, делая на некоторых местах ударения, часто повторяя слова, а то и целые выражения. Видимо, он употреблял старание, чтобы все самому уразуметь и для присутствующих быть понятным. По той же причине он интересовался впечатлением, полученным от его чтения. После краткой утрени и входных молитв отец Иоанн начинал проскомидию, а иногда предоставлял совершать ее одному из иереев. Служил Батюшка сосредоточенно, на глазах у него, особенно в важнейшие моменты, показывались слезы. Тогда ощущалась сила его молитвы и близость к Господу. После литургии Батюшка обыкновенно заходил к настоятелю храма или к начальствующим учреждений, где священнодействовал; здесь он выпивал чашку чая и подкреплялся трапезой.

При каждом свидании с ним приходилось убеждаться, что настроение отца Иоанна всегда и везде оставалось ровным, возвышенным, духовным, производившим на присутствующих нравственно-отрезвляющее действие. Там, где только появлялся он, атмосфера сейчас же становилась святой. Недопустимы были при нем веселые разговоры, шутки, курение табака и тому подобное. Может быть, вам случалось встречать чудотворный образ, когда собравшиеся благоговейно ведут себя; то же наблюдалось и в присутствии Батюшки: низменные, мелкие интересы отходили на задний план, а душу наполняло одно только высокое, небесное; все объединялись в этом светлом настроении духа, и получалась могучая волна религиозного чувства.

В 1906 году 24 июля отец Иоанн неожиданно посетил Чудов монастырь, и прежде всего зашел в мое наместническое помещение. Сидя в кабинете на кресле у письменного стола, Батюшка беседовал со мной, причем я давал ему читать его письмо от 1899 года, в котором он советовал мне принять монашество. Выразив удовольствие качанием головы, великий пастырь поднялся и стал уходить. Я просил благословить меня.

Проходя по покоям, он рекомендовал мне чаще пользоваться свежим воздухом и не бояться открывать форточки.

Осматривая монастырь, Батюшка заинтересовался ризницей, где обратил внимание на Евангелие, писанное митрополитом Алексием.

Долго держа его в руках, он прикладывал святыню к голове, лобызал ее и восторженно говорил: «Какое мне сегодня счастье – вижу и целую собственную рукопись великого святителя». Затем, приложившись к честным мощам угодника, ласково простился со всеми и уехал. Это посещение было для нас как чудный сон.

На другой день, 25 июля, я служил с отцом Иоанном в церкви при общине «Утоли моя печали». После литургии меня в числе других пригласили в квартиру начальницы, где за столом Батюшка много уделял мне еды со своей тарелки и был весьма приветлив. Отсюда он направился к Мироновым, туда поспешили и мы с отцом Игнатием. Все близкие почитатели кронштадтского пастыря обыкновенно всюду сопровождали его в Москве. У Мироновых мне пришлось быть свидетелем необыкновенной сосредоточенности Батюшки в домашней обстановке.

Попив со всеми чая, во время которого к нему подводили детей, показывали больных и спрашивали советов, он во всеуслышание объявил: «А теперь я почитаю Святое Евангелие и немного отдохну». С этой целью Батюшка перешел в другую комнату, сел на диван и углубился в чтение, несмотря на то что взоры присутствующих были устремлены на него. Тут же, положив под голову подушку, он задремал.

При прощании отец Иоанн подарил мне свой дневник «Горе сердца!» с собственноручной подписью и теплый подрясник на гагачьем пуху, покрытый шелковой розовой материей с цветами, а я, в свою очередь, поднес ему иконку святителя Алексия. Батюшка поцеловал ее и положил в боковой карман со словами: «Глубоко тронут».

Вспоминаю, далее, мое пребывание у отца Иоанна в Вауловском скиту Ярославской губернии[26]. Здесь мне отвели место в гостинице, но я в ней только ночевал, а остальное

время проводил в домике Батюшки. Молитвенно благодарю настоятельницу Петроградского Ивановского монастыря и вышеуказанного скита игуменью Ангелину, оказавшую мне большое гостеприимство и содействие в сближении с отцом Иоанном.

В Ваулове Батюшка ежедневно служил, говорил поучения и причащал народ, во множестве наполнявший храм. Накануне очередными иереями отправлялась для богомольцев всенощная и предлагалась исповедь. По милости Божией в совершении литургии с великим пастырем каждый раз принимал участие и я.

Помню, отец Иоанн сам подбирал мне митру, а однажды, запивая вместе со мной теплоту у жертвенника, спросил: «У вас в Чудове хорошее вино подают для служения?» Я ответил: «Среднее». «Я же – сказал отец Иоанн, – стараюсь для такого великого Таинства покупать самое лучшее».

Когда Батюшка выходил с Чашей, в храме происходило большое смятение: все стремились к солее, он, однако, строго относился к присутствующим.

Часто слышался его голос: «Ты вчера причащалась, сегодня не допущу, так как ленишься, мало работаешь», – или: «Ты исповедовалась? Нужно перед Таинством всегда очищать свою совесть». Бывало и так: видя натиск, а может быть, и недостойных, он уходил в алтарь, объявляя, что больше не будет причащать. Стоявшие по сторонам две монахини дерзали иногда опровергать замечания Батюшки; охотно соглашаясь с ними, отец Иоанн говорил: «Ну тогда другое дело», – и с любовью преподавал Святые Тайны желающим.

На одной из литургий здесь же, в Ваулове, у запертых входных дверей поднялся страшный шум и вопль. Кричали: «Батюшка, вели пустить – причасти ты нас!» Это ломились так называемые иоанниты, которых пришедшая из Ярославля охрана решила не допускать в храм.

Нужно сказать, отец Иоанн от своих неразумных почитателей принял много огорчений и нравственных страданий; последние приобретали особую остроту и силу оттого, что непризванные радетели его чести и якобы заступники

Церкви Христовой **485** нередко в сгущенных красках передавали о злоупотреблениях его именем.

При мне был такой случай. Мы находились на террасе домика. Батюшка, сидя в кресле, отдыхал. Вдруг доложили о прибытии из Ярославля представителей православного русского народа, пожелавших видеть отца Иоанна. Последний разрешил им войти. Пришедшие стали говорить о злонамеренных действиях иоаннитов, указывая, что те собирают для Батюшки деньги, отбирают дома, а главное, проповедуют, что в нем воплотилась Святая Троица, Сам Бог. С великим прискорбием выслушал отец Иоанн это заявление.

– А кто особенно распускает такую ересь? – допрашивал он.

– М.ихаил П.етров[27], находящийся сейчас в Ваулове.

– Позовите его ко мне.

Скоро на террасу вошел М.ихаил П.етров. С поникшей головой он стал на колени перед Батюшкой.

Отец Иоанн, помню, говорил ему так: «Скажи, пожалуйста, когда ты приносил мне даяния, не спрашивал ли я всегда тебя, доброхотные ли они, не вымогаете ли их у кого? Ты мне отвечал: «Нет, Батюшка, для Вас все рады жертвовать». – «Да, правда», – подтвердил М.ихаил П.етров. «А теперь посмотри, какие идут разговоры: вы моим именем обираете людей, целые дома заставляете отписывать, да еще ужасную ересь проповедуете, будто я – Бог. Только безумцы могут так говорить: ведь это богохульство. Покайтесь, в противном случае проклятие Божие падет на вас».

Здесь же составлен был акт обличения, его подписали присутствующие и сам отец Иоанн. Видно было, как во все время разговора он нравственно страдал.

Проходя по двору Вауловского скита, я был однажды задержан несколькими людьми, задавшими мне вопрос: «Разве Вы не верите, что в отца Иоанна вселилась Святая Троица?» На мое недоумение, как понимать подобное вселение, одна из женщин в исступлении сказала: «А это значит – в нем воплотился Сам Бог».

Вскоре после смерти Батюшки мною было получено такое письмо.

«Ты, – писала мне какая-то особа, – почитаешь отца Иоанна Кронштадтского, говоришь: «Дорогой наш Батюшка», служишь по нем панихиды, но я видела сон, явился мне сам отец Иоанн и сказал: «Пойди в Чудов монастырь к отцу Арсению и скажи ему: зачем он называет меня только «дорогой Батюшка», – во мне ведь воплотился Сам Бог Отец; если он не станет так меня признавать, то ему будет плохо».

Тут я убедился, что некоторые люди, не давая себе отчета, благодатное состояние отца Иоанна действительно смешивали с каким-то физическим воплощением в нем Божества, но таких встречалось мало.

Иоаннитство появилось вследствие чрезмерного почитания отца Иоанна, а так как он был истинный пастырь, молитвенник и верный сын Святой Православной Церкви, а его поклонники отличались глубоким религиозным чувством, Господь не допустил развиться подобной ужасной ереси. Прошло немного времени после кончины Батюшки, и по его молитвам так называемое иоаннитство почти рассеялось.

Странным было, однако, поведение ярославских защитников чести отца Иоанна. Нам передавали, что они, приехав с оружием, намеревались разогнать стрельбой неспокойных почитателей Батюшки.

Время, проведенное мной у отца Иоанна в Ваулове, считаю дорогим, счастливым и исключительным в своей жизни. Здесь пришлось видеть великого пастыря в домашнем быту, изучать его характер и настроение. Прежде всего, он отличался гостеприимством: за его обеденным столом располагались все приезжие гости. Меня отец Иоанн усаживал около себя и усердно угощал.

Однажды я сказал ему: «Батюшка, Ваш прием и ласка напомнили мне родной дом и родителей, недавно умерших. Бывало, приедешь к ним на каникулы после трудных экзаменов, и начнут они подкреплять тебя всякими яствами».

Батюшка приятно улыбнулся на это. Тут же мной было замечено его незлобие: по-видимому, он гневался иногда, но очень мимолетно, и скорей от горячности сердца и пламенной души, чем от злобного чувства. Между прочим, я пожаловался

ему на болезнь желудка. Отец Иоанн посоветовал пить чай с лимоном, причем сам клал его мне в стакан и размешивал. Как-то раз, желая сделать мне удовольствие, Батюшка попросил передать стоявший на противоположном конце стола лимон, порезанный на кусочки, со снятой кожицей.

Ему не понравилось такое приготовление, и он резко спросил:

– Кто же так неумело подает? Позовите виновницу.

Подошла смиренная послушница.

– Это ты нарезала? Кто тебя учил снимать кожицу?

– Простите, Батюшка, я не знала.

– А, не знала? Ну это другое дело, вперед же знай, что вся суть в кожице.

Слова: «Ну это другое дело» – были сказаны Батюшкой так робко и ласково, что, думается, провинившаяся рада была получить такой дорогой выговор.

За столом отец Иоанн по слабости сил оставался недолго. Закусит немного и, извиняясь, уйдет в свой кабинет.

«Вы сидите – скажет, – и кушайте, а я устал, пойду к себе, отдохну».

В течение дня он, помимо Нового Завета, прочитывал житие святого, службу ему по Минее, а в конце жизни особенно утешался Писаниями пророков.

По поводу последнего Батюшка в беседе сообщил мне следующее: «Я теперь занят чтением пророков и немало удивляюсь богопросвещенности их. Многое относится к нашим временам, да и вообще хорошо развиваться словом Божиим. Когда я читаю, ясно ощущаю, как в нем все написано священными писателями под озарением Духа Святаго, но нужно навыкнуть такому осмысленному чтению. Вспомнишь себя лет тридцать назад – нелегко мне это давалось. Берешь, бывало, Святое Евангелие, а на сердце холодно, и многое ускользало от внимания. Теперь духовный восторг охватывает мое сердце – так очевидно для меня в Слове Божием присутствие благодати; мне кажется, что я при чтении впитываю ее в себя».

«А что помогает пастырю сосредоточиться на литургии?» – спросил я отца Иоанна на той же беседе.

«Необходимо, – сказал он, – с самого начала службы входить в дух Божественной Евхаристии. Посему-то я и стараюсь почти всегда сам совершать проскомидию, ибо она есть преддверие литургии, и этого никак нельзя выпускать из виду. Подходя к жертвеннику и произнося молитву: «Искупил ны еси от клятвы законныя...», я вспоминаю великое дело Искупления Христом Спасителем от греха, проклятия и смерти падшего человека, в частности меня, недостойного. Вынимая же частицы из просфор и полагая их на дискос, представляю себе на престоле Агнца, Единородного Сына Божия, с правой стороны – Пречистую Его Матерь, а с левой – Предтечу Господня, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных, бессребреников, праведных и всех святых. Окружая Престол Агнца, они наслаждаются лицезрением Божественной Славы Его и принимают участие в блаженстве. Это Церковь Небесная, торжествующая. Затем я опускаюсь мыслью на землю и, вынимая частицы за всех православных христиан, воображаю Церковь воинствующую, членам которой еще надлежит пройти свой путь, чтобы достигнуть Будущего Царства. И вот я призван быть пастырем, посредником между Небом и землей, призван приводить людей ко спасению. Какая неизреченная милость и доверие Господа ко мне, а вместе как велик и ответственен мой долг, мое звание! Стоят в храме овцы словесного стада, я должен за них предстательствовать, молиться, поучать, наставлять их... Что же, буду ли я холоден к своему делу? О нет! Помоги же мне, Господи, с усердием, страхом и трепетом совершать сию мироспасительную литургию за себя и ближних моих! С таким чувством приступаю к служению и стараюсь уже не терять смысла и значения Евхаристии, не развлекаться посторонними мыслями, а переживать сердцем все воспоминаемое на ней».

И батюшка отец Иоанн, добавлю я, действительно, глубоко все переживал, что так заметно было по его молитвенному виду и тем слезам, которыми увлажнялись его светлые очи.

«Далее для сосредоточенности при Божественной литургии – говорил он мне, – имеет значение самая подготовка к ней, в частности воздержание во всем с вечера, предварительное

покаяние и вычитка положенного правила: чем внимательнее и воодушевленнее мы его выполняем, тем проникновеннее совершаем обедню. Не следует пропускать дневной канон; я его почти всегда сам читаю и через это как бы вхожу в дух воспоминаемых событий, а когда оставляю, чувствую всякий раз неподготовленность».

«Как предохранить себя от самомнения и превозношения?» – продолжал я спрашивать Батюшку.

В ответ он взял с письменного стола Библию и прочитал раскрытую страницу из четырнадцатой главы Книги пророка Исаии, где говорится о низвержении с неба за гордость первого ангела.

Возвращая затем книгу на место, отец Иоанн сказал: «Часто я прибегаю к чтению сей Боговдохновенной речи и дивлюсь ужасному падению Денницы. Как легко чрез высокоумие ниспасть до ада преисподнего! Воспоминание о гибели предводителя бесплотных чинов весьма предохраняет меня от тщеславия и смиряет гордый мой ум и сердце».

Тогда же заметил я изношенность листка читаемой главы. Мне показалось даже, будто Батюшка всегда держит на столе Библию раскрытой на указанном повествовании пророка, что произвело на меня неизгладимое впечатление.

«А как спасаться от дурных помыслов и чувств?» – осмелился я далее предложить вопрос великому пастырю.

«Это наша общая человеческая немощь – сказал он. – Крепкая любовь к Спасителю и постоянное духовное трезвление предохраняют от нечистоты. Предохраняют, говорю, но не спасают, спасает же единственно благодать Божия. Вот и я, старый человек, а не свободен от скверны. Правда, днем, совершая Божественную литургию и следя за собой, почти не испытываю ничего дурного, но за сон не ручаюсь. Иногда враг представляет такие отвратительные картины, что, проснувшись, прихожу в ужас, и стыдно мне делается». Так Батюшка укорял себя, да и вообще, когда я ему исповедовался, считал мои немощи как бы своими собственными. Укажу грех, а он скажет: «И я тем же страдаю», – затем уже предложит совет.

Во время нашей беседы отец Иоанн пожаловался, между прочим, на свою мучительную болезнь: «Трудно здоровому представить, как невыносима боль при моем недуге, – нужно большое терпение».

На прощание я просил Батюшку благословить меня, что светильник Божий с любовью исполнил, истово оградив тем крестом, который был на моих персях, а затем подарил мне много своих вещей: подушку, одеяло, верхнюю рясу, смену белья, портрет с собственноручной подписью и последний выпуск дневника.

В свою очередь я предложил ему на молитвенную память привезенные мною из книжной лавки нашей обители некоторые предметы. Между ними были деревянные ложки с надписью: «На память из Чудова монастыря».

Отец Иоанн стал выбирать; заметив на одной из них в слове «Чудова» неудачно написанную букву «ч», отстранил ее, сказав: «Не хочу брать, на ней надпись неясна – можно прочитать «Иудова» вместо «Чудова», а это неприятно». Здесь опять обнаружилось святое настроение Батюшки. По возвращении домой из Ваулова мне вспомнилось, как отец Иоанн благоговейно рассматривал Евангелие святителя Алексия и как он интересовался иметь хотя строчку, писанную его рукой. В благодарность за прием, оказанный мне, я заказал фототипию с названного памятника и послал ему. В ответ на это был осчастливлен получением от него следующего письма:

«Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший отец Архимандрит Наместник!

Сердечно благодарю Вас за великий и священный дар – Евангелие от Иоанна, Св. Алексием, митрополитом Московским, списанное и воспроизведенное способом фототипии. Дивный памятник трудов великого Святителя, который нашел время заняться этим трудом (переписки) среди многих других святительских занятий. Да воздаст он Вам за этот дар неоцененный! Теперь обращаюсь к Вам с просьбой: примите в стены Чудовской обители иеродиакона Мелетия, моего знакомого, человека скромного и трезвого, который, надеюсь, не причинит Вам никакого беспокойства и будет полезным членом

братства. Желаю Вам сугубой благодати, обильного дара живого слова и доброго успеха во всех делах с добрым здоровьем. Да хранит Вас Господь Иисус Христос и Святитель Божий Алексий.

22 сент. 1908 г.

Ваш почитатель Протоиерей Иоанн Сергиев»

Это письмо, полученное за три месяца до кончины Батюшки, явилось для меня как бы последним завещанием. Пожелание «обильного дара живого слова» дало мне смелость чаще говорить в церкви поучения и воодушевило писать по его примеру духовный дневник. Что касается иеродиакона Мелетия, принятого мною в Чудов монастырь, то он, действительно, не причинил для обители никакого беспокойства, так как через несколько месяцев, отправившись на родину, умер.

Благодарю Господа, сподобившего видеть и знать отца Иоанна Кронштадтского в то время, когда я был еще молод и нуждался в духовной поддержке, живом примере. На примере отца Иоанна я убедился воочию, как служитель алтаря близок Богу и как неотразимо может быть его влияние на народ. Откровенно скажу, Батюшка своим молитвенным вдохновением сильно действовал на меня, думаю, также и на многих, особенно при совершении Божественной литургии.

Спроси себя каждый пастырь: всегда ли ты бываешь исполнен благоговейных чувств, всегда ли созерцаешь Небесное? Отец же Иоанн непременно проникался всем этим, что заметно было даже со стороны.

Служить с Батюшкой являлось великим утешением. Причаститься из его рук значило получить наивысшую радость. И нужно было спешить, чтобы не потерять случая вкусить вместе с великим пастырем Небесной Трапезы. И если обычно требуется продолжительное говение, большое воздержание, то при его служении весь центр тяжести заключался в духовном воодушевлении, в духовной свободе. Таково уж свойство благодати Божией – изливаться не на внешнюю праведность, а на смиренное верующее сердце, кающееся и любящее Господа.

Да, счастлив тот, кто знал отца Иоанна и имел возможность входить в молитвенное общение с ним. Впечатление он производил неотразимое. Это поистине был жених евангельский

(Мф.9:15; Лк.5:34:35): так легко и отрадно дышалось при нем! Повидаешься с Батюшкой, послужишь совместно литургию и запасешься на более или менее продолжительное время огнем пастырской ревности; начнет он угасать – опять поспешишь к нему и духовно воспрянешь.

Влияние отца Иоанна на пастырей было так велико, что порождало у некоторых желание ему подражать. Однако в вопросах духа недостаточно одной только копировки. Здесь нужна еще искренность и личный подвиг, чего во многих недоставало, а потому и деятельность таковых сводилась к нулю.

В чем же заключалась сила кронштадтского пастыря? Одни объясняют ее добрым характером, приветливостью и общительностью Батюшки – но мало ли на свете подобного рода людей, однако слава о них не распространяется. Другие видят причину того же в его щедрой благотворительности, поощряемой в наше время, когда ищут христианства деятельного, а не созерцательного. Нет недостатка у нас и в благодетелях, жертвующих миллионы, но кому они особенно известны? Наконец, третьи усматривают в отце Иоанне присутствие жизненного магнетизма, неотразимо действовавшего на всех, с кем он встречался. Но почему бесславны все гипнотизеры? Таковы объяснения мудрецов века сего.

Лица же духовные говорят, что причину влияния отца Иоанна нужно искать в его глубокой вере, любви, преданности Православию, в искреннем отношении к пастырству и личной святости. Да, но перечисленное только привлекает благодать Божию, которая, собственно, и делает человека великим – вот в чем нужно искать разгадку его обаятельности. Благодать прославила кронштадтского пастыря и привлекла к нему сердца многих. С этой стороны он являлся не обычным человеком, а чудом Божиим, духовным сосудом, исполненным многих дарований, имевшим право говорить: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Фил.4:13). Сам же Батюшка, когда спрашивали его, каким образом он достиг такой известности, обыкновенно говорил: «Ничего другого я не имею, кроме

благодати священства, которая получается всяким иереем при рукоположении; возгревай ее и будешь совершать еще большее и славнейшее».

Итак, приосененный благодатью Божией, отец Иоанн, прежде всего, обладал исключительной верой. Мы к ней только приближаемся, только желаем иметь ее, но она не согревает сердца, не занимает всецело ума и, как говорится, «скользит» в нас. Отец же Иоанн вне всяких сомнений и колебаний верил в Спасителя и в Святое Евангелие: вера была его родной и вечной стихией, истинным ведением, а не простым холодным знанием. Он думал и говорил обо всем относящемся к Божественному не как о чем-либо стороннем, вне сознания его находящемся, но как о лично испытанном и виденном, говорил, как очевидец. Верой во Христа отец Иоанн был пропитан, как губка пропитывается водой, а потому мог смело говорить с апостолом: *…уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня* (Гал.2:20).

Вот излияния его души, записанные во множестве в дневнике, свидетельствующие о глубокой вере: «Троица Святая, Отец, Сын и Дух Святый для меня и для всех – дыхание и свет, жизнь, сила, оправдание, премудрость, святость, всякое богатство, помощь, исцеление от всяких болезней, молитвенный огонь, источник умиления, хранение, безопасность, всякое благо… Бьется ли радостью и трепетом твое сердце при воспоминании и произнесении святейшего Имени несозданной и все создавшей, Всеблагой и Всеблаженной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа? О пречудное Имя! О пресладкое и всежизненное Имя! О прекрасная существенная и вечная Троице, давшая неизреченную красоту всему созданному духовному и вещественному миру!.. Единственный и Единородный Сын есть только Сын Божий, и единственный Животворящий Дух есть Дух Божий, Которым «всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Троическим единством священнотайне» (Антифон). Слава же Тебе, Господи, открывшему нам тайну Святой Троицы, елика подобаше. Аминь»[28].

Второе, чем привлек отец Иоанн к себе благодать, это самоотверженная любовь к Богу и ближним.

«Не может надивиться ум – говорит он, – сколь благ, животворящ и всемогущ Творец и Художник их (людей, человеческого рода, всей твари. – *Ред.)* Господь Бог! Как возгорается желание любить Его, лобзать Его творческую руку, благоговеть пред Ним, поклоняться Ему, славословить Его, подобно трем отрокам в печи Вавилонской! О Творец мой! Все твари, сколько их ни есть, все возводят мой взор к Тебе, как Виновнику жизнерадости»[29].

Особенно можно было наблюдать силу любви к Богу Батюшки при совершении им Божественной литургии. После пресуществления Святых Даров, когда на престоле возлежит уже Сам Агнец Божий, вземлющий грехи мира, отец Иоанн не мог оторвать от Него своих глаз, исполненных благодатных слез благодарения. Один сослужитель Батюшки по собору говорит, что отец Иоанн близко-близко и любовно склонялся над Агнцем, плакал и духовно ликовал, взирая на Него; он был в то время подобен ребенку, который ласкается к своей матери, поверяя ей детские радости и печали, зная, что родная мать выслушает его, не отгонит прочь от себя. Нельзя передать всей небесной красоты описанного момента, обаятельно действовавшего на сердце всякого верующего человека. Мы, со своей стороны, были счастливы видеть отца Иоанна именно в таком молитвенном состоянии, когда думалось невольно: «Как Батюшка любит Господа, какой он святой, дорогой!..»

Третье, что было у отца Иоанна, это непоколебимая преданность святой Церкви и ее уставам. Много православных людей, но мало беззаветно любящих мать свою Святую Церковь. Отец же Иоанн ни в чем никогда не упрекнул ее, всецело подчинялся ей и всегда наслаждался духовным богатством, сокрытым в ее богослужении, таинствах, обрядах.

«Братия, други! – говорил он. – Любите Церковь: в Церкви – ваша жизнь или ваша живая вода, бьющая непрестанным ключом из приснотекущего источника Духа Святаго, – ваш мир, ваше очищение, освящение, исцеление, просвещение, ваша сила, помощь, ваша слава, в ней все высочайшие вечные

интересы человека. О, какое благо Церковь! Слава Господу Церкви, изливающему на нее Свои дары в безмерном множестве! О, веруйте, веруйте не словами только, но делами во Святую, Соборную, Апостольскую Церковь...»[30]

Далее надлежит нам сказать о пастырской ревности отца Иоанна. Кто не знает, как он спускался в подвалы и вертепы, отыскивая несчастных и бедных людей? Кто не читал о его бесчисленных дальних и нелегких поездках по России к больным и ищущим духовного утешения? Кто не поражался его строительству обителей и разных благотворительных учреждений? Трудно пересказать, как многообразно и в каких видах проявлялась деятельность отца Иоанна.

Жить и трудиться для ближних, приводить их к Богу, ко спасению было целью всей его жизни; в этом отношении он не считался ни со своим покоем, ни с семейными, ни с другими обстоятельствами. На пастырство Батюшка смотрел как на дело, врученное ему Самим Господом Богом, от которого не имел права отказываться и уклоняться.

Супруга Батюшки еще в начале его священства замечала, что он совсем забывает семью и дом, но отец Иоанн отвечал: «Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно, а мы с тобой посвятим себя на служение Богу».

Когда же домашние выражали опасение, как бы при щедрости Батюшки не остаться им в крайней нужде, он приводил такие доводы: «Я священник, чего же тут? Значит, и говорить нечего – не себе, а другим принадлежу».

Особым видом служения отца Иоанна ближним нужно признать ежедневное совершение им Божественной литургии, на которой он всех звал к покаянию и причащению. Завещание Спасителя о вкушении Пречистого Тела и Крови Его для Жизни Вечной, к сожалению, ныне пришло в забвение и часто подвергается поруганию. Отец Иоанн оживил и восстановил этот завет Христов. Из Кронштадта раздался голос: «Со страхом Божиим и верою приступите к Чаше», приступите не мысленно только, как было доселе, а для действительного, реального соединения со Спасителем в Святых Тайнах. Весь исполненный любви, отец Иоанн не мог переносить холодного

отношения верующих к столь великому Таинству. Он жаждал спасения духовным чадам своим, а потому хотел, чтобы они всегда получали самое дорогое, самое драгоценное, самое необходимое, а именно: Святое Причащение.

Останется сказать еще о личной святости отца Иоанна. Он по настроению и жизни был человек праведный, чего достиг путем глубокого внимания к себе, непрестанным очищением своего сердца от всякой скверны плоти и духа. Свидетелями такой внутренней работы Батюшки теперь являются для нас его дневники. Записывая ежедневно все переживания души, как благодатные, так и греховные, он за все доброе благодарил Господа, а со злом усиленно боролся и заботился об изглаждении его через самоукорение, молитву и тайное покаяние. В последнем отец Иоанн приобрел необыкновенную удобоподвижность: всякое недоброе чувство, всякий дурной помысел непременно сопровождался у него сокрушением и взыванием ко Господу о прощении и помиловании. И за такое вольное и постоянное исповедание Спаситель обвеселял сердце великого пастыря, исполнял его миром, утешением, или, как выражался сам Батюшка, «пространством», вследствие чего господствующим состоянием отца Иоанна была бодрость духа и постоянная свежесть физических сил. Узнав на опыте, какое великое значение имеет тайное покаяние в деле нравственного созидания, он и другим ревнующим о благочестии советовал прибегать к тому же.

Да, удивительная внимательность была у отца Иоанна к своему внутреннему состоянию: всему он придавал значение, все старался осмыслить и оценить с духовной стороны.

Читал ли правило – глубоко вникал в каждое слово, оттого-то и в указаниях его мы встречаем много пометок вроде следующих: подчеркнуто выражение «окаянную мою душу соблюди», а на полях написано: «Действительно, как я окаянен». Приходилось ли ему бывать среди природы, видеть звездное небо, заход солнца, море, горы, луга, красный цветок, тотчас же взор его переносился к Виновнику мира – Богу, творческую десницу Которого он созерцал во всех делах Его. Снилось ли что-либо, он и это запоминал.

Такую внутреннюю жизнь отец Иоанн проводил не год и не два, а более полувека и достиг высокого духовного устроения – святости, так сильно поражавшей всех, кто имел счастье с ним встречаться и молиться.

Самый внешний вид отца Иоанна был особенный, какой-то обаятельный, невольно располагавший к нему сердца всех: в глазах его отображалось небо, в лице – сострадание к людям, в обращении – желание помочь каждому. Неудивительно, что к нему тянулись все болящие, страждущие душой и телом. Из бесчисленного множества примеров приведем хотя один.

Некто совсем сбившийся с пути, окончательно расстроивший свое здоровье пьянством, проходя по Петербургу мимо вокзала, заметил толпу, устремившуюся к подходящему поезду.

Простое любопытство заставило его спросить: «Куда народ так спешит?» Ему сказали: «Сейчас должен приехать отец Иоанн Кронштадтский».

«Вот чудаки, – подумал он, – стоит так толкаться, и что тут особенного? А, впрочем, пойду и я, посмотрю на этого священника, уж очень много о нем говорят». Идет...

Батюшка, несмотря на окружающее кольцо встречающих, обращает внимание на подошедшего, дерзновенно осеняет его крестом и ласково говорит ему: «Да благословит тебя Господь и да поможет Он тебе направиться на добрый путь, друг мой. Видно, много ты страдаешь!»

От таких вдохновенных слов великого пастыря благодатная сила, как электрическая искра, проходит по всему существу несчастного. Отошедши в сторону, он почувствовал, что сердце его полно умиления и расположения к отцу Иоанну.

«И в самом деле, – невольно вспыхнула у него мысль, – как мне трудно жить, до какой низости я дошел, сделался хуже скота. Неужели можно подняться? Как было бы хорошо! Отец Иоанн мне этого пожелал, и какой он добрый, пожалел меня, непременно поеду к нему!» И затем едет в Кронштадт, исповедуется, причащается Святых Таин и с Божией помощью постепенно нравственно восстанавливается.

Повествуя об отце Иоанне, не могу не помянуть добрым словом письмоводительницу его Веру Ивановну Перцову, впоследствии монахиню Иоанну, ныне уже почившую. Она много лет по святой любви самоотверженно служила великому пастырю.

Окончив гимназию, Вера Ивановна стала искать духовного общения с Батюшкой, но даже подойти к этому светильнику, всегда окруженному народом, было не так легко; тогда она решилась терпеливо издали следовать за отцом Иоанном и, как говорится, не спускать с него глаз.

В Кронштадте приходилось ей иногда целыми часами ходить около домика Батюшки, чтобы хотя на минутку увидеть в окне его тень, и, если это удавалось, ликованию ее не было предела. Отец Иоанн сам как-то в храме обратил внимание на столь усердную богомолицу, велел ей зайти за книгой, затем он поручил Вере Ивановне переписку дневника и, наконец, взял к себе в качестве письмоводительницы. Означенное послушание она несла до самой смерти Батюшки и была постоянной его спутницей при путешествиях. Дорожа доверием святочтимого пастыря, Вера Ивановна всеми силами служила ему и однажды, оберегая его покой, едва не лишилась руки.

Дело было так: на вокзале народ ломился в вагон, куда вошел отправлявшийся в поездку Батюшка. Вера Ивановна заграждала вход. Кто-то в порыве негодования захлопнул дверь, прищемив ей пальцы. Но гораздо больше нравственных страданий перенесла она из-за той же преданности. Недовольные почитатели отца Иоанна сильно завидовали близости к нему Веры Ивановны и осыпали ее клеветой и ложными доносами. Отец Иоанн, как прозорливый, зная доброе настроение своей письмоводительницы, не обращал внимания на ее «доброжелателей» и всячески поддерживал верную труженицу.

Когда я гостил в Ваулове, Батюшка дал понять, между прочим, что после его смерти Вера Ивановна будет нуждаться в моей поддержке.

Обращаясь к ней, он сказал: «Позаботьтесь об отце Арсении, он потом пригодится тебе».

Так и случилось: по кончине великого пастыря, всеми оставленная, она приехала в Москву. Мне пришлось хлопотать об устройстве ее, но нелегко это было ввиду той человеческой злобы, которая окружала ее. К тому же я не имел особого веса и не мог чем-либо помочь; даже в женских обителях не встретил сочувствия, несмотря на то, что митрополиты Владимир и Макарий дали Вере Ивановне свои рекомендации. Одна только игуменья московского Новодевичьего монастыря Леонида отозвалась на мою просьбу: определила ее в свою обитель, разрешив принять мантию с именем Иоанны. К сожалению, немного оставалось ей жить, так как от неприятностей и невзгод у нее развилась чахотка. Отправленная на лечение на Кавказ в Команский монастырь святого Иоанна Златоуста[31] в качестве казначеи, она здесь не только не поправилась, но от сырой местности окончательно расстроила свое здоровье. Еле живая, Вера Ивановна вернулась в Новодевичий монастырь, где в скором времени мирно почила о Господе, имея перед собой портрет отца Иоанна, на который молитвенно взирала до последнего вздоха.

По распоряжению игуменьи Леониды похоронили ее с честью. Отпевал я ее в соборе при полном освещении, в присутствии многих сестер и пении всего монастырского хора. Считаю своим долгом всегда помнить Веру Ивановну, облегчавшую мне доступ к отцу Иоанну. Со слов ее и что сам знаю, передаю следующее о великом кронштадтском пастыре.

В отрочестве с трудом давалось отцу Иоанну учение, но детская слезная молитва ко Господу открыла ему разум, помогла окончить курс семинарии первым и поступить на казенный счет в Петербургскую академию.

В молодых годах Батюшка видел во сне храм, в который его кто-то ввел. Когда он был назначен в Кронштадт священником, то, войдя в первый раз в Андреевский собор, крайне поразился тем, что последний именно и снился ему.

Первоначальная жизнь в Кронштадте не благоприятствовала пастырским трудам отца Иоанна. Многочисленная семья, куда он вошел, тесная квартира должны были, по-видимому, мешать духовно сосредоточиться, но

Батюшка и в такой обстановке сумел развить в себе богомыслие: когда ему трудно было молиться, он уходил за город, чтобы в уединении среди природы созерцать Господа.

С первых шагов пастырства отец Иоанн поставил задачей ежедневно совершать Божественную литургию, но, так как местный причт состоял из нескольких священников, исполнение его желания затруднялось. Ему приходилось выпрашивать разрешение отслужить, на что не все собратия его соглашались. Только заменяя очередного, Батюшка чувствовал себя свободно.

По настроению Батюшка всегда склонен был к духовному созерцанию. Будучи еще молодым, он, идя в храм и возвращаясь оттуда, устремлял к небу взор и воздевал руки как бы на молитву. Непривычная к подобным явлениям толпа готова была считать нового священника ненормальным. Такой взгляд на Батюшку едва не утвердился даже среди его сослужителей по собору.

Живая деятельность его в начале пастырства казалась настолько необычной и новой, что высшее духовное начальство неоднократно вызывало Батюшку для объяснений и готово было наложить на него ограничение, но Господь Сам хранил Своего избранника от несправедливых и ненужных репрессий, доводя постепенно всех нападающих до сознания праведности кронштадтского светильника.

Иногда одолевала отца Иоанна туга душевная, как он сам объяснял, вследствие отхода благодати Божией, но он тогда не ослабевал духом, а продолжал бодрствовать и молиться так: «Ты, Господи, оставляешь меня за грехи, но я не отойду от Тебя, а всегда буду вопить о помиловании».

Испытал отец Иоанн в продолжение своей жизни немало преследований и надоеданий от своих мнимых почитательниц, наносивших ему много оскорблений в храме, однако, как истинный пастырь, имевший о людях всегда ровное, молитвенное святое попечение, он вышел незапятнанным от всех козней дьявольских, возводимых на него через людей.

После совершения Божественной литургии отец Иоанн любил уединяться, чтобы почитать Святое Евангелие,

предаться богомыслию.

И это понятно: ум и сердце у него всегда были направлены к горнему, а потому после принятия Животворящих Таин Христовых, когда он входил в реальное единение с Господом, ему особенно не хотелось лишаться духовных плодов Святого Причащения – спокойствия, радости и блаженства, так легко расхищаемых суетой мира. Нередко отец Иоанн читал и объяснял слово Божие и своим близким, что чаще всего случалось в путешествиях на пароходе.

«Благословенны те минуты – говорила мне мать Иоанна, держа в руках Книгу Живота. – Толкования Батюшки были просты, проникнуты глубокой верой и любовью ко Господу. Сердце тогда сильно билось от духовного восторга и утешения».

Спал Батюшка летом и зимой при открытой форточке, так как любил свежий воздух, а если чувствовал холод, одевался потеплее, даже в шубу. Ложась в постель, не снимал подрясника, как бы держа себя всегда наготове к встрече Небесного Жениха, могущего прийти во всякое время; ночью он выходил на прогулку, чтобы насладиться тишиной и полюбоваться звездным небом. Вообще отец Иоанн очень любил природу и особенно растения: остановится, бывало, над каким-нибудь цветочком и долго-долго размышляет, лобызая в нем творческую Десницу Божию. Из всего окружающего он постоянно брал себе повод или тему для богомыслия.

К приносимым деньгам и подаркам отец Иоанн относился различно: от одних отказывался, иными не дорожил, скоро передавая другим, а некоторыми интересовался, очевидно, теми, которые доставляли ему утешение и радость, и все это вне зависимости от их ценности.

Во время Великого поста, по всей вероятности, от чрезвычайных трудов Батюшка почти всегда чувствовал недомогание, так что приходилось бояться даже за его здоровье и жизнь. Но Господь ему помогал. Святая Четыредесятница проходила, и на Пасхе Батюшка поправлялся, расцветал.

Отец Иоанн всех объединял своей любовью; он не страдал узкосословными взглядами. К нему одинаково тянулись священники и монахи, знатные и простые, богатые и бедные.

Было приятно служить с ним, так как тогда Престол Божий окружали чернецы и прихожане пастыря, давая тем чувствовать, что Христос одинаково принимает всех в Свои отеческие объятия. Сам из белого духовенства, Батюшка глубоко ценил монашество и был строителем многих женских обителей. Отсюда неудивительно, что он давал советы на вступление в иночество.

Однажды в Великом посту отец Иоанн тяжело заболел: доктора предписали ему скоромную пищу. Тогда он запросил свою мать, благословляет ли она его на это, и получил такой ответ: «Лучше умри, но не нарушай устава Святой Церкви».

Батюшку часто спрашивали (о Толстом) – может ли он покаяться?.. Он говорил: «Нет, так как повинен в хуле на Духа Святаго», причем предсказывал ему близкую смерть, что действительно и случилось.

Отец Иоанн каждую литургию считал за правило говорить поучение, заранее его обдумав, а иногда и написав. Выходя же на амвон, непременно молился: «Господи, помоги мне сказать слово на пользу слушающим».

Батюшка стремился всегда иметь святое, серьезное отношение к Богу и близким. Мы часто поверхностно рассуждаем о предметах веры, а к людям бываем неискренни и недоброжелательны. Кронштадтский же светильник горел духом ко Господу, а в человеке видел образ Его, и потому каждого ценил, уважал и любил.

Отец Иоанн обладал даром слез, которые часто наблюдались у него при совершении Божественной литургии, тайном молитвенном покаянии и духовном созерцании. Слезы эти, как говорил он, не вредили его зрению.

«Ты, Господи, устроил то, что я не боюсь проливать пред Тобой слезы покаяния и умиления, ибо они не ослабляют, а очищают и укрепляют мое зрение.

Слезы мира сего – от печали мирской – ослабляют и совсем ослепляют человека много плачущего, а слезы благодатные производят противное действие. За сие и за все благое – слава Богу»[32].

Батюшка часто в своих проповедях указывал на близкое Пришествие Спасителя, ожидая его и чувствуя, как сама природа готовится к сему великому моменту. Главным образом он обращал внимание на огонь, которым будет уничтожен мир подобно тому, как древний истреблен водой.

«Всякий раз – говорил он, – как я смотрю на огонь и особенно на бушующую стихию его при пожарах и других случаях, то думаю: стихия всегда готова и только ожидает повеления Творца вселенной выступить к исполнению своей задачи – уничтожить все, что на земле, вместе с людьми, их беззакониями и делами». А вот еще подобная запись: «Когда воды земного шара потеряют свое равновесие с подземным огнем и огонь пересилит водную стихию, непрестанно убывающую, тогда произойдет огненный потоп, предсказанный в Священном Писании и особенно в послании апостола Петра, и настанет Второе Славное Пришествие Господа и суд всему миру. К тому времени нравы чрезвычайно развратятся. Верьте, что Второе Пришествие Господа Иисуса Христа со славою – при дверях»[33].

Отец Иоанн в поучениях, беседах и дневниках часто напоминал, что грех, беззаконие томит человека, вселяет в него тоску, терзание совести, и наоборот, свобода от страстей бодрит сердце и освежает весь организм. Здесь сказался духовный опыт Батюшки, неусыпно боровшегося с греховной природой.

Любил отец Иоанн говорить о пространстве сердечном, коего сам постоянно искал и просил у Господа. А определял он это так: это состояние духа, когда не гнетет тебя ни уныние, ни скука, ни страх, ни какие-либо другие страсти. Оно открыто для восприятия духовных благ и переполняется ими. Ему противоположна туга душевная, происходящая от всякого рода скверны и удаления от нас благодати Божией.

Отец Иоанн восхвалял простоту, указывая на то, что Сам Господь есть Простое Существо. Вера, трудолюбие, обходительность, смирение, незлобие, тихость, покорность, послушание – все это, пояснял Батюшка, возрастает на почве простой души.

Отец Иоанн во всем добивался совершенства. Так, признавал только сердечную глубокую молитву, а поспешную и рассеянную считал одним лишь воздухобиением. Придавал значение каждому своему слову, потому никогда не говорил ничего лишнего. Человеческая речь, объяснял великий пастырь, есть образ Слова Божия, и как таковая она должна быть свята и справедлива. Отсюда не должно быть противоречия между словом и делом: что сказано и обещано, то и следует исполнять.

На все члены организма смотрел как на чистые творения, долженствующие возбуждать только возвышенные чувства.

Все земное отец Иоанн переводил на святое, высокое, всемерно старался, если можно так выразиться, «раствориться небесным». Для него везде и во всем был только Бог; вся жизнь, все силы души его направлялись к этому. Иными словами, в духовном кругозоре Батюшки земля сближалась с Небом, и чувства его являлись органом для восприятия не столько внешних, сколько духовных впечатлений.

Отец Иоанн не любил оставаться в долгу у кого бы то ни было, а в особенности у тех, кто ему оказывал услуги. Перед праздниками Рождества Христова и Пасхи им подписывались списки лиц, которым надлежало выдать так называемые чаевые. Сюда входили телеграфисты, почтальоны, полицейские чины и другие лица. Даже в последний год жизни, уже больной, Батюшка не забыл своего обычая и торопился с составлением списков, а то, говорил он, «не успею».

Перенесши в начале 1906 года болезнь, отец Иоанн, доселе бодрый, неутомимый и жизнерадостный, сразу осунулся, подряхлел и стал чувствовать упадок сил, однако не прерывал своей жизненной задачи – ежедневного служения Божественной литургии и посещения страждущих.

Последнюю обедню служил отец Иоанн 9 декабря 1908 года. С этого дня болезнь его приняла тяжелую форму, так что он был принужден прекратить прием посторонних лиц и почти все время полулежал в кресле при открытой форточке. Неосторожный выезд на прогулку 17 декабря в пролетке случайного извозчика еще более усилил нездоровье

светильника Божия. Он весь ослаб и 19-го утром уже не мог выйти в переднюю для встречи священника со Святыми Дарами, как делал ежедневно. В предсмертные дни Батюшка иногда стонал, что свидетельствовало о его тяжких страданиях, от всяких лекарств отказывался и пил только святую воду из источника преподобного Серафима Саровского.

Последнее распоряжение сделал отец Иоанн игуменье Ангелине об освящении храма-усыпальницы в Иоанновском монастыре.

Ночь на 20 декабря прошла тревожно; в два часа ночи у него отнялись ноги, и он видимо стал угасать. Пришлось поспешить с литургией – в четыре часа священник пришел уже со Святыми Дарами. Отец Иоанн мог принять только Святую Кровь. После причастия он сам вытер уста и на некоторое время успокоился; проговорив затем: «Душно мне, душно», впал в забытье. Дыхание становилось все тише... Пришедший иерей начал читать канон на исход души, и, когда по окончании подошел к Батюшке, последний лежал неподвижно, с руками, сложенными на груди.

Послышалось еще несколько вздохов, и великий пастырь спокойно предал дух свой Богу. Глаза, доселе закрытые, чуть-чуть приоткрылись, и из них показались чистые, как хрусталь, слезинки. Это были последние слезы праведника.

Умер Батюшка в семь часов сорок минут утра 20 декабря 1908 года на восьмидесятом году от рождения. Во время болезни он был молчалив и крайне серьезен: очевидно, молитвенно готовился к переходу в горний мир.

Отец Иоанн после великих жизненных трудов явился поистине спелым колосом на ниве Христовой, а потому уже не мог пребывать с нами, грешными. Вот почему последние слова его были: «Душно мне, душно», то есть душно в этой юдоли земной.

Похоронили Батюшку в усыпальнице устроенного им в Петербурге Иоанновского монастыря.

Один из священников, присутствовавший при погребении отца Иоанна, ранее довольно критически относившийся к его пастырской деятельности, засвидетельствовал в печати

следующее: «Когда я, едва пробираясь через несметную толпу народа, подошел ко гробу Батюшки, то моему сердцу передалось сразу чувство, что здесь молятся не об умершем, а у раки уже прославленного угодника Божия, так как храм оглашался воплями и стонами людей, просивших всевозможной помощи у почившего, в чем, очевидно, сказался духовный инстинкт народа. Еще в большей степени пережил я это во время погребения. Полученное впечатление в корне изменило мой взгляд на кронштадтского пастыря, которого я после этого оценил, полюбил, и молитвою его теперь только и живу».

Я имел счастье видеть и читать дневники отца Иоанна Кронштадтского в подлиннике. Помню, у меня перебывало разной формы и величины шестнадцать тетрадей, исписанных рукой великого светильника. К сожалению, по сложности занятий я не смог в свое время хорошо разобрать и изучить их, а между тем они содержат много интересного. Оттуда извлечены только благоговейные размышления и духовные созерцания, все же дневниковые записи о личных и интимных переживаниях Батюшки – о его непрестанной борьбе с греховными помыслами и чувствами – остались ненапечатанными, тогда как каждая строчка всероссийского пастыря может иметь значение для того, кто по его примеру ищет духовного совершенствования.

Привожу здесь то, что успел выписать из трех тетрадей его дневника за 1904–1907 годы.

На первой странице отец Иоанн делает такой заголовок: «Некоторые заметки о богослужении Православной Церкви на память мне самому и дорогой братии моей – отцам иереям и диаконам, отчасти псаломщикам, 12 мая 1907 года». Написано неразборчиво, и ниже стоит такая приписка: «Едва разобрал слово «отчасти» (читал «о печати»). Как я скверно, неразборчиво, слитно, некорректно пишу, безобразие. 6 июля 1907 г.». (Пример самоукорения. – *Примеч. авт.)*

29 марта [1907 г.]. Четверг. Согрешил вчера вечером, обошедшись раздражительно и гневно с супругой священника А. Э., разбитого параличом. Мне было неприятно, что она пригласила меня к нему, больному, со Святыми Дарами (на

завтра, то есть сегодня), между тем как мне надо [было] торопиться в... в означенные часы. Прошу прощения у Господа в грехах моих. Э. был причащен уже вчера, а сегодня – в другой раз.

30 марта. И во сне я служу предметом насмешливых мечтаний врагов бесплотных, ставящих меня в бесчисленные посмеятельные, глупые положения, недоумения, бессмысленные строительства, потери или устрашающих меня войнами, пожарами, громами, молниями, землетрясениями и всякими неприятными мечтаниями, или оскверняющих сладострастными видами. Окаянен аз человек! Кто избавит мя от тела смерти сея?

4 апреля [1907 г.], среда, 5-я нед. [Великого поста].

Благодарю Тебя, Господи, за вчерашний день и за все дни жизни моей, и за настоящий, встреченный мною во обители моей на Карповке. День пострижения монахинь Анастасии и Анны. Управи их, Господи, во Царствие Твое Небесное.

Молю Господа простить мне вечернее ядение сладкого блюда, которое было для меня нравственно (а не физически) вредно именно как сладкое и очень угодное для плоти многострастной.

1 мая [1907 г.]. Вторник фоминой недели.

Благодарю Господа, принявшего тайное мое покаяние и спасение мне даровавшего. Сколь Ты благ, Господи, и сколь скоропослушлив к кающимся Тебе, Господи! Даруй мне быть верным Тебе всем сердцем моим во все дни жития моего.

5 *мая [1907 г.]. Суббота фоминой недели.*

Благодарю Господа, даровавшего мне благодать написать слово на 6 мая и напечатать [его]. Слава Тебе, Господи, Премудрость Ипостасная и Слове Божий со Отцем и Духом Святым. Аминь.

26 июня. После литургии.

Благодарю всем сердцем Господа моего за принятие моей покаянной теплой молитвы о помиловании меня и исцелении лютой язвы сердца моего, поразившей его за имеющуюся неприязнь к рабе Божией... – за то, что она становится в храме впереди всех (я ее тайно уничижил и подверг лицеприятию –

ведь другим лицам я этого не сделал). Господь исцелил язву мою сердечную и помиловал меня, расположив сердце мое к любви, к миру и уважению ее вместе с другими и дав мне в мире совершить литургию. (Это было во время обедни пред Херувимской.)

28 марта. 10 часов вечера. Благодарю Господа, неоднократно спасавшего меня от грехов моих, от гневных и неприязненных движений сердца моего окаянного после тайных молитв покаяния в экипаже, в обители и в келье моей. Глубоко я сознавал и чувствовал в сердце свои грехи и обличал, укорял, осуждал себя и молил Господа милосердием Его безмерным простить грехи мои, излечить сердце мое добрым изменением, умиротворить, очистить, обновить, растворить его благодатью Духа Святаго – и я не посрамился во все разы, сколько ни призывал имя Господне в покаянии нелицемерном. Слава Господу, в милости непобедимому.

19 августа. Ивановский монастырь.

Ночлег. Во сне пред пробуждением в половине седьмого видел знаменательный сон: не в домах, а на крышах домов или дач видел ликующий народ со свечами; в числе прочих видел своячениц моих Александру и Анну Константиновну, и жену мою. Какое-то общее радостное настроение, праздничное, с коим я и поздравил своих, назвав поименно. Мечта ли обычная или предзнаменование какого-либо торжества? Дай Бог!

Вследствие излишества в пище и сладкопитании (стакан чаю сладкого с сухими кренделями на пароходе «Любезный») и сна на пароходе я удобно подвергся искушению раздражения на ездившую со мной Веру Ив. – за то, что она возила меня по очень грязным квартирам, где я испытал сильное стеснение от народа. Это – раз, другой – за то, что она очень далеко повезла, почти к Воронцовскому подворью[34], к сыну Е.И. В.; тут я крепко рассердился на то, что она не назвала улицы, куда везет. Но я покаялся всем сердцем в своем нетерпении и своенравии, обвинил себя самого, а В.И. оправдал как кроткую и смиренную. Да, я нарушил главизну Закона Божия – любовь к ближнему. Безмерно милостивый Господь помиловал меня от скорби и тесноты, дал мир, исцеление и дерзновение. То же было и в

обители моей, где Господь принял мое покаяние, дал мир и избавил от скорби.

Ловит и ловит, непрестанно ловит вселукавый и всезлобный враг. Сегодня в церкви Дома трудолюбия в Кронштадте ловил и томил меня неприязнью и каким-то уничижением, ревностью и завистью к моему соборному псаломщику из-за того, что он очень резко выделялся своим голосом при пении литургийных песнопений. С трудом я сломил насилие врага, опаление и уязвление и только тайным покаянием и молитвою одолел его, вынимая части из просфоры в умилостивление Господа. Как нужно жалеть род христианский и нехристианский, страдающий волею и неволею, ведением и неведением от диавольского насилия и прелести.

5 *сентября [1905 г.].*

После литургии и елисеевского обеда в СПб.

Благодарю Тебя, Господи, за совершенную в умилении сердца литургию и за прочтенную искренно и громко молитву о победе над врагами, и за одоление благодатью Твоею искушений, во время обеда и после него бывших.

26 сентября. Господь явил во мне сегодня во время литургии безмерную силу Своей благодати и такую же крепость благоутробного милосердия Своего за веру и тайное покаяние мое. Особенно сильно было и быстро, как молния, искушение на великом входе со Святыми Дарами, когда враг приразился к сердцу моему острою неприязнью к жене NN, да и к нему самому, за то, что она стала за решетку на солее, куда запрещено было всем становиться. Но быстрым в тайне покаянием и самоосуждением я привлек милость и помощь Божию и мир душевный и всю остальную часть литургии служил мирно, благодатно, причастился так же. Но с причастниками, неистово подходившими, смутился, раздражился и врага потешил своим гневом. Глубокое мое покаяние, однако, Господь принял и помиловал меня. О как ловит окаянный! Трезвитесь, бодрствуйте, ибо супостат ваш диавол ходит как рыкающий лев, ища кого поглотить.

31 октября. В Кронштадте, в Доме трудолюбия, когда ходил с молебнами и причащал больных приезжих, ходила за

мной из квартиры в квартиру пожилая дева А., домогавшаяся частицы для причащения своего. В запасе оставалось мало частиц – надо было приберегать для больной в Ораниенбауме, – и я очень рассердился на А. и резко отогнал от себя и Е., ее сродницу, ходатайствовавшую за нее; и вот я прогневал своим раздражением Господа, Источника, Основания любви, и ближних моих огорчил, и тяжело мне стало, очень тяжело. Я стал каяться Господу, много каяться и тут, и на пароходе «Любезный». И Господь простил мне тяжкий грех. Вперед урок: относиться ко всем кротко, снисходительно, терпеливо, любезно.

Именующиеся духовные чада мои, доселе уже несколько лет причащаясь ежедневно Святых Таин Христовых, не научились послушанию, беззлобию и любви долготерпящей и предаются озлоблению и непокорности, и это тогда, когда словом церковным поучаются ежедневно вере и христианским добродетелям. Господи! Что мне с ними делать? Научи Духом Твоим Святым, как исправить их? Как с ними поступить? Как и когда их допускать к Чаше Жизни? Не давать ли им епитимии? Не лишать ли их на месяц и более общения, да научатся нелицемерно, со страхом, с глубоким смирением и любовью к ближним сообщаться с Тобою, Небесным Творцом, незлобивым и кротким? Но и меня самого, врача других, исцели, Господи, ибо я непрестанно согрешаю после причащения Святых Таин.

14 ноября 1906 г.

Вспомнил я свою Санкт-Петербургскую академию и жизнь мою в стенах ее, которая была не безгрешна, хотя я был весьма благочестивым студентом, преданным Богу всем сердцем.

Грехи мои состояли в том, что иногда в великие праздники я выпивал вина, и только один Бог хранил меня от беды, что я не попадался начальству Академии и не был выгнан из нее, как был выгнан студент Метельников (Вас. Иванович из Нижегородской семинарии), напившийся до бесчувствия и отморозивший себе руки за стенами Академии. (Ворота были заперты на ночь, и он не мог попасть в Академию.) Благодарю Господа за милость и сокрытие моих грешных поступков. А то еще был случай: в один двунадесятый праздник было приказано

мне за всенощной стоять и держать митру архимандриту Кириллу[35], экстраординарному профессору и помощнику инспектора Академии, и я [митру] не снял и потом, когда товарищи заметили, зачем я это сделал, ответил: «Сам снимет». Как мне сошла эта грубость, не знаю, но только архимандрит, видимо, обиделся на меня и по адресу моему на лекции в аудитории говорил очень сильные нотации, не упоминая меня. Он читал Нравственное Богословие и был родственник ректора Академии епископа Макария Винницкого[36]. Чту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (Владыка Макарий, инспектор архимандрит Иоанн (Соколов)[37], лектор Богословия и профессор архимандрит Кирилл), что вы снизошли ко мне и не наказали меня соответственно вине моей и дали мне возможность окончить счастливо и получить академическую степень кандидата богословия и сан священника. Благодарю Господа, долготерпевшего мне во все время моего воспитания, ибо в училище и в семинарии я прогневал Его грехами, хотя всегда каялся, и часто со слезами самыми горячими. Слава Тебе, доселе долготерпевшему мне!

Благодарю Господа, многократно совершавшего во мне чудеса милости и благопременения мира, обновления, свободы, дерзновения в молитвах за людей в разных домах и квартирах столицы. Слава Его благопослушеству, благоуветливости, милосердию и силе, животворящей нас, умерщвленных грехами различными.

Господи, исторгни из сердца моего жало вражие и росу благодати Духа Твоего пошли мне, оживотворяющую и прохлаждающую сердце мое. Вижу прелесть лукавого.

Господи, отыми от сердца моего вражии наваждения и всегда свободным яви его через покаяние. «Кто Бог велий яко Бог наш! Ты еси Бог творяй чудеса; сказал еси в людях силу Твою» – в бесчисленных делах Твоих, – и Церковь непрестанно воспоминает и прославляет все великие дела Твои в мире и в Церкви Твоей. Слава Тебе, Господи, слава Тебе. Буди! Буди!

19 апреля 1905 г. Вторник Святой Пасхи.

Благодарю Господа, изгнавшего из сердца моего прелесть греха по тайной молитве покаянной и освободившего меня от плена греховного, и даровавшего мне свободу от греха и мир. Просвети, Господи, сердечные очи мои светом разума Святаго Евангелия Твоего.

2 мая. Благодарю Господа за день сей, благоуспешно проведенный милостью и содействием Божиим в молитвах за людей, пригласивших меня в Петербурге. Благодарю и за написанную проповедь на 8 мая (Иоанна Богослова).

24 и 25. Бесплотный злодей искал и ищет сделать для меня противным молодого врача, данного мне профессором, и возбуждает жалость к внушительной сумме денег, которую он выговорил за два месяца. Но Ты, Господи, разруши коварство врага!

8 мая. Искусился лицеприятием, презорством, гордостью, неприязнью к нищим, не имеющим определенного занятия в Кронштадте и часто приступающим произвольно, без спросу у меня, к Чаше Причащения. Каюсь в этом в глубине души, ибо прогневал я Господа моего лицеприятием и диавольскою неприязнью, и впредь делать сего никак не хочу. Прости мне, Господи! Запечатлеваю мое покаяние начертанием сим.

13 сентября 1904 г. Сегодня утром, часа в четыре, во сне как наяву очутился я будто бы в Ясной Поляне; ко мне приходит от графа Толстого какой-то его родственник и говорит: «Граф Толстой очень болен и зовет Вас к себе помолиться». Я с удивлением спрашиваю: «Неужели? Сейчас иду». И думаю: как с ним встречусь и что буду говорить? Впрочем, думаю, Бог научит, что говорить, на Него я надеюсь, Источника премудрости. И стал собираться к нему. Но жаль, что проснулся... Что это значит?

[17 мая] Благодарю Господа, внявшего вчера (16 мая) при служении литургии молитве моей тайной и даровавшего мне вместо тесноты простор и мир сердечный со служением покойным и умиленным. Благодарю Господа, умирившего сердце мое, смущенное клеветой писак «Санкт-Петербургского Листка». Слава, Господи, всегдашнему благопослушеству Твоему к моим молитвам. Но услыши молитвы мои о даровании

совершенной победы Русскому воинству, морскому и сухопутному.

Мне же да не будет хвалитися токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа: имже мие мир распяся, и аз миру (Гал.6:14). Распят ли я миру?

20 мая. Отправляясь из женского Ивановского моего монастыря на машину Николаевской железной дороги, я сильно искусился через нищих мальчиков (лет девяти-десяти), неотступно преследовавших мою карету и просивших подачку. Я рассердился, озлобился на них за вторичное прошение (им дано было по рублю, хотя не всем), и меня оставила благодать Божия, я впал в сильную скорбь и тесноту сердца при воспламенении от адской злобы и с трудом умолил Господа, да простит мне грех неприязни, жестокосердия, скупости и сребролюбия, и только в вагоне при настойчивой тайной молитве покаяния сподобился прощения грехов моих и мира, и простора сердечного. Не попусти, Боже, впредь доходить до подобного состояния душевного и научи меня всегда жалеть нищих и сострадать им, ибо рука моя доселе не оскудела от подаяния.

Сегодня 25 мая. Благодатью Божией изгнал я бесов из женщины, которая восемнадцать лет страдала от них. Господи, благодарю Тебя за милость и силу Твою, явленную в прогнании демонов из рабы Твоей, крестьянки Ярославской губернии.

[1904 г.] Тяжкий нравственный вред я причинил себе 2 мая (в воскресенье), без нужды поев яичницы с черным хлебом и ухи из свежего налима весьма мало; тягота на сердце и пустота были всю ночь, и не мог я покойно спать. Благодать Божия оставила меня, грешного, за чревоугодие и алчность. Впредь не ужинать никогда. Как легко бывает на душе, когда желудок пуст.

В 12 часов ночи (на 23-е мая). Благодарю Господа, услышавшего тайную молитву мою и явившего мне великую и богатую милость, и избавившего от тли падшую душу мою.

Благодарю Господа, избавившего меня во время литургии верных от смущения и тесноты, возникших в душе при виде дыма от задуваемых ветром свечей на престоле, коптивших, как казалось, митру на мне (пожалел, значит, чтобы не закоптилась

– тщеславие и суетность в такие минуты!). Но Господь послал в мое сердце истину Свою и благодать Свою, и я одолел мечту врага, смущавшего меня пристрастием к тлену и праху. Успокоившись, я совершил службу непреткновенно и сказал доброе слово верующим, предстоявшим в храме, об отдании Пасхи, о доказательствах воскресения мертвых из природы, которая зимой цепенеет и мертвеет, а летом оживает, укрепляется и благоухает.

В другой раз Господь избавил меня от большого смущения, скорби и тесноты, постигших меня, когда мне доложили о большой сумме, данной одному человеку за сопутствие мне, которое я ценил гораздо менее, и я было к нему охладел. Но, взвесив в мыслях те суммы, которые получаю даром от других в разное время, и сумму, которую потребовал от близких моих спутник мой и которую не я платить буду, успокоился благодатью Божией и неприязнь преложил на приязнь к нему.

Но вечером, часов в одиннадцать, враг бесплотный еще сильнее напал на меня через тот же помысел, через то же пристрастие к деньгам – я долго боролся с врагом и наконец именем Господним победил его мечту и козни злейшие и успокоился. Благодарю Господа, Победителя ада, за все Его благодеяния духовные и вещественные, благодарю Тебя, Владыко прещедрый! Утверди во мне сие, еже соделал еси, Владыко, и царствуй во мне.

Слышу, старец Гефсиманского скита, что близ Сергиевой лавры, отец Варнава недоброжелательно обо мне отозвался. Что я ему сделал? Нужно помолиться, чтобы Господь примирил наши сердца.

Сегодня ко мне приходила жена моего бывшего секретаря и много мне наговорила дерзостей. И это за то, что я всячески поддерживал ее мужа, заботился о [их] семье. Признаться, я не выдержал и резко попросил ее оставить мой дом.

28 мая [1905 г.] Суббота по Вознесении.

Ночь провел покойно, только чувствовал небольшой озноб в спине. Надел потеплее подрясник. Утром встал здоровым.

Но на душе и в теле было сильное уныние, помолился довольно лениво. Пришедши в церковь, ощущал сонное уныние

и неприязнь невольную ко встречающимся по дороге и в храме. Тайно помолился Богу о моей перемене сердца, о даровании кротости, смирения, любви и сердечном расположении ко всем, и Господь дивно изменил состояние духа, дав спокойствие и незлобие, совершенно к лучшему изменил мой внутренний мир.

Я спокойно, торжественно читал канон и потом совершил Литургию. В середине ее враг усиливался поколебать мой мир пристрастием сердца к блестящему тлену (митре) – пожалел, чтобы не задымилась (от горящих свечей и кадила) – и теснотой и бессилием сердечным, но верою, тайной молитвой и теплым покаянием воспрянув, я одолел вражие наитие и успокоился. О сколь хитер, тонок и неусыпен враг, а наши глупые пристрастия сколь велики!

Затем я умиленно, со слезами совершил Литургию и проповедь сказал смело, сильно и сердечно.

30 мая [1905 г.]. Понедельник перед Троицкой неделей.

Благодарю Господа, принявшего тайное мое покаяние глубокое и помиловавшего меня, и давшего мне благодать мира и обновления, правды и святыни. Близ Господь всем призывающим Его во истине.

12 часов ночи, 31 мая.

Благодарю Господа, принявшего тайное покаяние мое в судительных и резких словах о Правительстве Русском, допустившем своими неправильными действиями Японскую войну; скорбь и теснота отошли от меня, и мир Божий воцарился в сердце моем с простором душевным. Слава Тебе, Всеблагому и Всеблагоуветливому Спасителю моему.

2 июня, вечер, 6 часов.

Согрешил перед Богом, разгневавшись сильно на Е.М., впавшую в большую погрешность против меня и всех плывущих на пароходе: заставила себя ждать долго и напрасно, когда надо было торопиться. Я сильно озлобился. Господи, научи меня благости, тихости, ожиданию в терпении и долготерпению. Измени мое сердце изменением всепрощения, благости, кротости, незлобия. От Тебя ожидаю всепрощения; даруй мне и самому простить виновную. Буди!

15-го служил в … соборе благодатно, со слезами; на литургии верных враг бесплотный сильно отрывал сердце мое от любви Божией и от сознания своей духовной бедности пристрастием к суете – к митре, как бы не задымить ее кадильным дымом; от этого безумия я избавился с трудом только тайною молитвою покаяния. Какое глупое сердце! Какое нелепое пристрастие! А сколько у меня митр – до двадцати! А я уже старик! Кому они достанутся по смерти? Разве износить их? За мишурой ли ты гонишься? За красотой ли прелестной, исчезающей? За узами или путами, связующими твою душу и охлаждающими ее к Богу, и лишающими общения с Ним, как недостойную? Прекрасно охарактеризовал святой апостол Иоанн Богослов всю прелесть плоти нашей и мира грешного: *…все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордостъ житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию, пребывает во веки* (1Ин.2:16:17).

От гордости и тщеславия происходит желание пышно и красиво одеваться, поэтому презирай блеск внешний; блистай тайно, внутри – духом.

2 мая. Убей во мне, Господи, всякое плотское греховное стремление, оскверняющее меня и разлучающее от Тебя, Источника жизни и святыни. Буди!

Господи, болит душа моя грешная тлением. От тли избави мя Духом Твоим Святым. Вижу плоты из многих дерев, и сжимается сердце мое: зачем, думаю, истребляют леса и оголяют землю, а богачи наживают огромные капиталы и плохо, скудно оплачивают труд простолюдинов, крестьян. В Архангельске лесопромышленники наготовили горы бревен и досок для продажи англичанам. Но что тебе за дело, что лесами торгуют и лесопромышленников обогащают? Уж не жаль ли тебе, что и луга косят, и сено убирают, и нивы пожинают, и хлеб в житницы убирают? Уж не жаль ли тебе, что и солнце лучезарное светит и всю землю освещает и оживотворяет? Горняя помышляй, человек, а не земная. О как хитер враг бесплотный, уязвляющий сердце пристрастием к тленным

вещам видимого мира, – сердце, которое должно быть храмом Божиим.

18 июня.

Один день я остался без службы Божией и почувствовал в себе оскудение духовной жизни, оскудение благодати, присутствие греховной силы, нужна была немалая борьба с греховными усиливающимися влечениями. Служба и Причастие Святых Таин обновили мое существо, и я воспрянул, как от сна. Слава Богу! … *Аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе* (Ин.6:53). Истинно слово Владыки и Бога моего.

Утро 19 июня. Во всю ночь тревожили беспокойные сны. Сердце непокойное, холодное, напоенное дьявольским смятением и удрученное теснотой. Не оттого ли, что я ел скоромную треску и нарушил таким образом пост, да еще не помолился усердно на ночь: тайно, без поклонов совершил правило пред причащением. Господи, помилуй.

Вчера (18 июня) в постный день я позволил себе, вопреки церковному установлению, под предлогом физической немощи лакомиться скоромной пищей и поесть более потребности свежей трески и тем дал большую поблажку плоти своей. И она наказала меня тем, что я дурно спал всю ночь, с тяжелыми снами, с холодом и скорбью сердца, с очевидным оставлением благодати Божией, с ненормальным пищеварением, со слабостью во всем теле, с тихостью в выговоре слов при богослужении в сельской церкви (было очень много народу). Но причащение Святых Таин меня оживило и утешило. Слава Богу! Осторожность нужна во всем после бывшей болезни и по преклонности лет.

22 июня. Екатеринбург. В ночь на это число во время следования по железной дороге враг рода человеческого и мой представлял моему душевному взору удивительные адские фантасмагории. (В посту вижу повсюду на улицах множество нарядившихся в самые причудливые маски и костюмы, рыскающих по улицам с диким хохотом, или [вижу], будто бы я пришел служить в Казанский собор, прошу у священника служить с ним, хочу надеть подризник, а в рукава не влезают

руки – рукава зашиты и рук не пропускают, а другого подризника нет, [я] принужден [был] ждать и не дождался, и обедню совершили без меня: досадно и обидно!) Итак, всякие насмешки чинит мне враг во сне; многие и другие призраки были, но не упомню.

22 июля. Служил литургию в Екатеринбурге, в женском монастыре Марии Магдалины[38], при десяти священниках и пяти диаконах. Господь дал обильные слезы умиления. Во время причащения Святых Таин враг бесплотный запнул было меня на минуту, сопротивляясь Истине Божией через дебелость сердечную, но благодать при моем усилии рассеяла мираж вражий, и я успокоился, обновился, возрадовался и проповедь краткую сказал на тему «В дому Отца Моего обители многи суть». Сказал содержательно и складно в присутствии Преосвященнейшего Владимира. Божий он человек: умный, наблюдательный, твердый в правде, скромный, кроткий, благолепный.

Господи, даруй мне благодать не прилепляться к вещам мира сего (потерял гребенку).

Вождь нашего воинства А.Н. Куропаткин[39] оставил все поднесенные ему иконы в плену у японцев-язычников, между тем как мирские вещи все захватил. Каково отношение к вере и святыне церковной! За то Господь не благословляет оружия нашего, и враги побеждают нас. За то мы стали в посмеяние и попрание всем врагам нашим.

Согрешил я пред Тобою, Господи, испытующий сердца и утробы, позавидовал автору сочинения «Начало и конец видимого мира»[40], что он, светский человек, более меня, академика и священника, сведущ в богословии и составил свое сочинение премудро, глубокомысленно, просто!

26 июля. Пять суток (20–24) был в отлучке с судна «Св. Николай», [следуя] по железной дороге из Котласа в Екатеринбург. Благодарю Господа за весь путь и за все, что я испытал в городе Екатеринбурге, за всю любовь населения ко мне, за все горячее расположение, которое я видел в продолжение трех суток. В конце обратного пути Господь скоро и державно избавил меня от тайного искушения по поводу

воспоминания о лукавом отношении ко мне (годов десять тому назад) епископа, ныне архиепископа А.[41], в мире Алексея Добрадина, бывшего студентом Санкт-Петербургской академии в 1851–1852 и 53 годах. Я осудил себя искренно в неприязни и просил Господа изменить мои чувства к нему на приязненные и доброжелательные, что и дал Господь. Другое подобное чувство неприязни и подозрения было к сурской начальнице женского монастыря монахине Порфирии[42], и за покаяние Господь переменил мои чувства к ней неприязненные на дружественные, благодатные и доброжелательные, и я успокоился. *(Утро, 2 часа ночи).*

Недостаток мой. Испытания меня святым Ангелом Хранителем. Спал я днем на пароходе «Св. Николай» в четыре часа. Сон. Будто я в школе, в семинарии, учеником, вместе с мальчиками, коих учитель спрашивает урок; учитель же как будто Михаил Иванович Сибирцев или Михаил П. Деплоранский[43]. Я неисправен и боюсь, что вот вызовет к ответу; и думается – не вызовет, а то думаю – ну как вызовет! Неловко, вызывает. Смущаюсь и думаю: о чем спросит? Вдруг он просит меня отслужить панихиду. Спрашиваю: «За кого молиться?» Отвечает: «За Иоанна Цветкова», а он (товарищ по Академии и священник) протоиерей был в Кронштадте. А я по смущению бесовскому за покойников молиться твердо не умею. Молюсь и робею, диавол смущает и вземлет слова от сердца, кое-как выговорил ектению и даже молитву: «Боже духов и всякия плоти...» Кончил, смотрю – как нравится моя ектения экзаменатору. Вижу, что не совсем доволен, и я не доволен. Да и как же, когда окаянный смущает и крадет слова и я не могу справиться с ним и с собой. Проснулся. А в самом деле надо молиться за отца Цветкова и Михаила Деплоранского. Цветков плохо жил, пиво пил и нечто другое творил. Прости ему, Господи!

28 июня [1905 г]. Вторник. Служил литургию вдвоем с отцом Феофаном без диакона; он был вместо диакона и за второго священника. Читал я каноны: умилительный, покаянный, Предтече и бессребреникам Киру и Иоанну.

Благодарю Господа за дар литургии и за причащение Святых Таин; причастил и служащих на пароходе.

Господи, еще я сильно тяготею к земле, еще я ревную к лукавнующим и обогащающимся быстро за счет бедного русского народа лесопромышленникам архангельским, преимущественно немцам, евреям и отчасти русским (Николай Осипович Шарвин). Последний особенно богат: забыл Бога, Церковь, бедных. Суди их, Боже Праведный!

Господи, за все благодарю Тебя, и за немощи и болезни. Благодарю Тебя, что они сносны и терпимы.

9 июня 1907 г. Доселе еще я не научился ненавидеть грех, доселе еще я сочувствую греху в себе или в других, хотя скоро опамятоваюсь и осуждаю себя и признаю нелепость и противность его заповеди Божией и моему истинному благу. Окаянен я человек, кто мя избавит от тела смерти сея?

Враг бесплотный, внутри нас, в сердце нашем гнездящийся, постоянно старается высмеивать, осквернять мысленно природные необходимые члены, созданные Творцом для естественных отправлений, а то и святые лица и предметы, достойные всякого уважения, а уж какие истории делает над ними во сне, какие строит химеры, описать невозможно. Вспоминаю бесовские хвастовства у Игнатия Брянчанинова: «Наше время, наши годы»[44]. Да, ваше время и область тьмы (Мк.7:21:22)!

Как наяву, так и во сне враг льстит и борет души и мою душу бесчисленными греховными мечтаниями. Господи! Помоги мне побороть его. В Будущей жизни и на ум не придут такие грехи и погибнет память их, но будет тогда только правда и святость, мир и блаженство нескончаемое.

13 июня. Каждый час и минуту я должен внимать себе, чтобы не дать воли дикому ослу – моему ветхому человеку – исполнить свою ослиную пагубную волю и подвергнуть меня бесчисленным опасностям греха и нарушить праведную и блаженную волю Бога моего.

11 июня 1907 г.

Проклинаю мирскую, плотскую страсть неподобную и хочу всем сердцем возненавидеть ее и не мечтать о ней, и

благоговеть пред законом чадородия и пред вратами жизни, коими я вошел по милости Божией.

Господи, проклинаю все сладострастное, бессмысленное и пагубное и не хочу исполнить его. Но грешен я пред Господом, делая уступку плоти, в чем и окаяваю себя.

Ветхий, бессмысленный, страстный человек всем соблазняется и от всего смущается, даже всеми святыми вещами соблазняется и собственным телом. Как надо постоянно презирать своего ветхого человека, не следовать ему, распинать его, по меткому выражению церковной песни: «...и дея учил еси презирати убо плоть, преходит бо...» (тропарь преподобному).

Господи! Прости мне мое сладострастие: я пожалел приготовленного для меня меду для питья, выпитого в пути со мной. *(24 июня 1907 г.)*

25 июня. Каким бедам и насмешкам подвергает меня враг во сне, какие мечтания неподобные, нелепые сновидения внушает – высказать невозможно! Уж и лиходей проклятый! Но причины таких вражьих мечтаний находятся во мне, многострастном. *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей.*

27 июня 1907 г. Ну уж и враг рода человеческого. Хитер он на выдумки и мечтания во время моего сна! То с папами и кардиналами вводит меня в любезное общение, непременно любезное, заискивающее – с моей и их стороны, то с царскими чиновниками разных рангов и на свидание с царем влечет, как бы требующими от меня материальных жертв, а я жертвую скупо, неохотно, ссылаясь на мои монастыри, требующие материального пособия.

Господи, расположи сердце мое к памяти бывшего митрополита Исидора[45], сурово, гордо всегда принимавшего меня, а, впрочем, и не лишавшего меня земных наград и тщетных славиц – крестов и орденов.

Вечная ему память!

23 июня 1907 г. Когда будет конец многострастной, несмысленной, похотливой плоти моей, навыкшей с юности всякому греху? Когда я прокляну и совершенно презрю ее, окаянную, богопротивную, лживую, льстивую, пагубную? Ведь она, окаянная, отвлекает меня от любви Божией и нудит не

радеть о душе бессмертной, которая создана по образу Божию. Что за бессмыслие! Что за безумство! Что за навыки! Господи, помилуй!

Мне ли ревновать, обогащенному Богом всеми дарами Неба и земли, ежедневному причастнику Божественных Таин, имеющему в обетовании Вечную Жизнь, создавшему обители во славу Божию, храм великолепный на родине, школу церковноприходскую, получившему в удел для обителей множество земли с лесом и всякими угодиями, имеющему подворье монастырское в городе Архангельске[46], получившему от Бога добрую славу и великое повсюдное расположение ко мне простых верующих людей русских, имеющему достаток, всякую пищу и одеяние как священное, так и мирское? Главное же это то, что я обладаю Источником Неоскудевающим – Богом, Который дал Себя Самого мне в достояние неотъемлемое. Итак, помилуй, Господи, меня, раба Твоего! И не дай мне ревновать лукавнующим и творящим беззаконие, ибо, как трава, они скоро иссохнут и, яко зелие – злак, скоро отпадут. Да взираю на Небо и на уготовленные мне блага. Господи, *отврати очи мои, еже не видети суеты* (Пс.118:37)!

Господи, благодарю Тебя, ибо Ты изменил душу мою изменением благодатным, даровав мне мир и пространство сердечное с правотой духа моего.

29-е. Утро. Всякую ночь злые демоны поят меня презрением и насмешками. Под видом учителей средних и высших учебных заведений, директора и коллегии преподавателей они посмеялись над книгами моими, прекрасными, духовного содержания, коим я просил дать место в библиотеке. Ловко. А потом, когда я уходил от них с бесчестием, один из них подшутил, сказав, что он выписал мои слова. Я поверил и поблагодарил за честь. Все это будто наяву.

Согрешил: вечером лишний раз попил чаю и поел булочки рыхлой на сахаре. Не надо было. Я раб чрева и раб многострастной плоти! Доколе ты будешь коснеть в узах тления? Доколе не вознесешься к нетлению, к Небу, к вечному, непреходящему? А между тем ты причащаешься почти ежедневно Святых Животворящих Таин!

В городе Кириллове заезжали на подворье Леушинское к игуменье Таисии минут на десять, а оттуда в усадьбу купца кирилловского Григория Александровича Валькова и супруги его Елены Алексеевны; угостившись обедом, отправились оттуда в ферапонтову обитель, где ночую и служу завтра литургию. При въезде в усадьбу Валькова в ветхом человеке моем возникла зависть к дешево купленному имению и благополучию Валькова. Сердце сжалось и лишилось благодати. Я тогда тайно принес покаяние Господу от всей души, и Господь помиловал меня, простил, отъял грех, умиротворил душу, дал ей простор и дерзновение. Слава Господу, скоропослушливому и благоуветливому!

19 июля, 7 час. утра. Во сне ночном враг всяким образом издевается и коварствует надо мной. Молиться надо усерднее на ночь и просить Господа послать мне Ангела святого, чтобы он окружил меня святыми видами и святыми, чистыми, назидательными сновидениями. Нужно непрестанное к себе внимание и хранение ума и сердца от помыслов суетных и чувств греховных, житейских и страстных, и наполнение души своей помыслами и чувствами святыми, образами чистыми, божественными. *Елика суть истинна, елика чиста, елика пречиста, елика достохвалъна, елика прелюбезна... Сия помышляйте, и Бог любве и мира будет с вами...*

2 июля. Положение ризы и честного пояса Пресвятыя Богородицы. Служил в городе Череповце в подворской Леушинской церкви. На утрене каноны (два) читал с воодушевлением; литургию служил благоговейно. Враг усиливался занять душу пристрастием мирским, но я благодатью, призванною тайно, победил. Служил умиленно и со слезами, причастился животворно. Причастников-младенцев множество, мирян не очень много, человек сорок. Под конец раздражился минутно на неумелость матерей – крестьянок и мещанок – подносить ребят и на упорство младенцев. Благодать мира оставила меня; вошел огонь адский, овладели мною смущение, скорбь и теснота. Немедленно осудил себя, призвал безмерную благость Божию помиловать меня и

изменить во благо сердце мое. Господь принял молитву и помиловал. Благодарю Господа!

3 июля 1905 г. Воскресенъе.

Совершил литургию в Леушинском соборе в сослужении отца архимандрита Игнатия (наместника Патриарха Антиохийского), местных священников Клавдия и Николая и двух диаконов Александра и Иоанна. Предварительно прочел: каноны Святой Троице, воскресный, крестный и Богородице, антифоны воскресные и седальны, стихиры на хвалитех, стихиры святым, мученику Иакинфу и канон святителю Филиппу со стихирами на хвалитех.

Обедню совершил благодатно и умиленно; искушения злобного врага на утрене и литургии благодатию Христовою победил; говорил слово о сотнике верующем, просившем Господа исцелить слугу его; говорил о силе веры, о неверах наших русских, об изгнании неверных сынов Царства, или Церкви, об интеллигенции неверующей, о Толстом и его последователях, о развращении нравов русских, о неверии и отпадении от Божьей Церкви, богослужения и [о] неверии в Евангелие.

Причащая народ, согрешил лицеприятием, неприязнью и привередством ко вновь прибывшим в Леушино женщинам, ничего не делающим, а только рыщущим по миру с не внушающим доверия, неблагообразным видом. Я согрешил и глубоко покаялся в этой вине и молил сильно Господа простить мне эти грехи и изменить добрым изменением сердце мое, изменить на любовь, бесстрашие, благость, нелицеприятие – и Господь совершил во мне чудо воскресения души из мертвых, ибо она была умерщвлена греховным чувством злобы и лицеприятия. Благодарю Господа, Жизнодавца Всещедрого.

4 июля [1905 г.]. Понедельник.

Благодарю Господа за утреню и литургию, за мирное и прочувственное служение ее, за неосужденное причащение Святых Таин и избавление от скорби и тесноты, постигших меня за лицеприятие к кронштадтским странникам, без разрешения приходящим к Причастию Святых Таин.

Господи, очисти душу мою от всякой скверны плоти и духа. Аминь. Господи, даруй мне Тебя Единого иметь в сердце моем. Ты – Источник всех благ. Ты – Источник жизни, света, мира, радости, силы!

Чем более держишь себя в постели поутру или днем, тем более хладеет сердце к Богу и молитве, к духовной жизни; то же бывает, когда человек кушает и пьет с наслаждением более надлежащего. Плоть всегда нужно держать в узде, в повиновении духу.

Господи! Сохрани паровое судно наше предстательством святого Николая – Святителя, коего имя оно носит на себе, во все время его плавания и во всех водах. Аминь. Буди! Мне же даруй хранить все повеления Твои.

6 июля. 1 ч. пополудни. Сегодня при великом входе во время литургии подвергся сильному нападению от злых духов из-за петербургской женщины Наталии, стоявшей на неподобающем месте: на мгновение – озлобление на нее, и через то подвергся влиянию лукавого, лишился мира душевного, простора, дерзновения, смутился и подвергся тесноте и огню, и только усердным тайным покаянием возвратил себе милость Божию и вселение благодати в мое сердце. Наука – вперед ни на кого не обижаться, никого не презирать, всегда и всех любить во Христе.

8 час. вечера. Сели на пароход «Владимир». Благодарю Господа, скоро призревшего на тайную покаянную молитву мою в скорби моей по поводу неприязни иеромонаха В. и священника З., оклеветавших меня в газете «Санкт-Петербургский Листок». Я помолился за них.

Исправь, Господи, неисправное сердце мое и даруй мне любовь нелицемерную, никогда не отпадающую; дай мне силу не пренебрегать ни одним лицом, никого не презирать, не иметь ни к кому неприязни, ни к праздношатающимся и скитающимся за мною из конца в конец, каковы некоторые женщины и мужчины, считающие меня за кого-то великого и преследующие меня на пароходах. Научи всех уважать, никого не обижать ни неприязнью, ни враждой, ни одним чувством.

12-го [июля 1905 г.], во вторник, служил утреню и литургию в домовой церкви Якова Михайловича Поздеева, читал каноны мученикам Проклу и Иларию и преподобному Михаилу Малеину. Обедню совершал с умилением, но на Херувимской враг едва не низложил меня, смутив тяжко неудовольствием на певчих – монахинь Леушинского монастыря, певших Львовское переложение «Иже Херувимы», которое мне очень не понравилось. Покаялся тайно и умолил Господа помиловать и умиротворить меня, грешного, своенравного, капризного. Господь простил и умиротворил. Говорил слово о пшенице и плевелах свободно, ясно, убедительно. В конце сказал о снисхождении Господа, даровавшего нам Пречистое Тело Свое под видом пшеничного хлеба и Кровь Свою под видом и вкусом красного виноградного вина.

Следуя по реке Мологе на пароходе «Владимир» и на лошадях в Устюжну, я поражен был приятным удивлением и тронут до умиления горячею верою граждан и простых людей обоего пола всех возрастов ко мне, грешному, просивших у меня благословения. Особенно это зрелище трогательно было при обратном моем путешествии на лошадях в вечернее позднее время, [почти] ночью. При этом позднем возвращении меня встречали взрослые и дети, мальчики и особенно девочки и девицы, ожидавшие меня с самого утра и до ночи. Какая горячая вера! Какие слезы! Какое доверие ко мне – детское, горячее! Плакать самому хотелось при этом. Девочки просили, чтобы я молил Бога хорошо, успешно им учиться. Помоги им, Господи! Это Ты расположил их сердца, детские, простые, ко мне, недостойному!

14 июля [1905 г.]. Четверг.

Утром, в половине десятого, прибыл в Санкт-Петербург в женский Ивановский монастырь и служил [там] литургию, предварив ее чтением стихир и канонов из Миней, а частью из Октоиха. Причастил всех монахинь. Обновился духом и телом.

За мною гоняются из города в город какие-то странствующие девушки и женщины худощавые. Они, слышал я, признают меня за Христа, и я не допускал их иной раз до Святой Чаши Тела и Крови Христовых. Надо их испытать. Они

ничего не делают и только перекочевывают с места на место: где я, там и они. Господи, вразуми их и спаси!

Искушение при проезде в карете на пароход «Царский». Гнались за каретой нищие ребята. Иным дал по полтиннику, а одному мальчику два раза по двадцать копеек. Он пренебрег ими, оставил на дороге и, желая получить рубль, долго гнался за мною; я рассердился и крикнул: «Ступай прочь». И мое сердце лишилось простора, мира и благодати; стало печально и больно на душе. Я стал каяться Богу и молить о прощении мне греха озлобления, пристрастия к деньгам и жестокосердия к нищим. Горячо каялся, и Господь простил наконец и дал мир и дерзновение.

Грех мой, в коем я покаялся. Когда подходили к причащению Святых Таин послушницы монастыря и мирские люди, то между последними я заметил некоторых бедных женщин и девиц немолодых, без дела живущих, перебегающих из города в город, бывающих в церквах, где я служу, и причащающихся без исповеди и спроса. Я их в душе осудил и [ими] пренебрег.

7 августа [1905 г.], вечер, воскресенье.

Благодарю Господа, внявшего милостиво тайной моей молитве покаянной о прощении греха неприязни к некоторым взрослым юношам, бежавшим за моей каретой с целью вынудить милостыню (некоторым я подал раньше). Я покаялся тайно в том, что сущность Закона, главную заповедь о любви, смирении и нестяжании я презрел и поступил вопреки ей; молил Господа утешить сердце мое изменением всепрощения, оправдания, мира, свободы, нестяжания, простоты и незлобия.

27 августа, 10 часов вечера.

Благодарю Господа, услышавшего скоро тайную покаянную молитву мою на пароходе в каюте после огорчения моего на Веру Перцову за предложение мне профессора Федорова. Какое чудное претворение совершил Господь внутри меня, в сердце моем, в душе моей, воспаленной гневом! Как преложил огонь страстный в росу прохладную благодатью Своей! О сколь спасительна наша вера! Какой мощный всеотверзающий ключ к сердцу Божию, к сокровищнице Его благодати и щедрот всяких!

Какая связь человека с Богом! Благодарю Тебя, Господи, Спасителя грешных! Спасай так всех, как меня, многогрешного, Ты всегда спасаешь на всяком месте. Сердце у меня самолюбивое, алчное, жадное, завистливое, корыстолюбивое, ленивое на молитву и на всякое добро.

Господи, отыми от меня зависть к автору книги «Начало и конец видимого мира» и даруй мне благодать сорадоваться ему и благодарить Тебя, Господи, Источника разума и премудрости.

27 июля, 1905 г.

Господи, Ты все мне даровал, преисполнил милостью и щедротами – и благодарю Тебя! Дай мне в достояние Тебя Самого, да ничего, кроме Тебя, не желаю, не ищу и не хочу, не жажду, никому не завидую.

Чего ты не имеешь, чтобы завидовать кому-либо – богатому и знатному человеку? Ты все имеешь по милости Божией: и здоровье, и богатство, и славу добрую, и, что всего дороже, веру живую и созерцательную, действенную, освящающую, укрепляющую душу и тело, грехи очищающую, с Богом соединяющую, твердое упование на Бога дарующую. А ты завидуешь преуспевающему в делах своих богачу, корыстолюбивому, немилосердному, жестокосердному, собирающему себе, а не в Бога богатеющему! Покайся, осуди, обличи себя и впредь не будь безумен, а разумен. Все земное считай за сор.

Как чудно изменяют к лучшему, обновляя и укрепляя мою душу и тело, Святые Тайны – Тело и Кровь Христовы! Удивляюсь Благости и милосердию Божию, и Премудрости Божией, всемогуществу Божию и Правде Божией, снисхождению и Смотрению Божию. Слава Тебе, Господи, слава Тебе!

2 июня [1905 г.], четверг.

...Скажи только слово, и выздоровеет слуга мой... (Мф.8:8). Какая простая и твердая вера сотника! Ее похвалил Сам Господь. Господи, повели и мне сказать Тебе: «Если мало воды в реке Пинеге, то Ты только скажи слово, и она наполнится водою, и мое судно, пароход «Николай» свободно пройдет по ней до родины, Суры, и обратно. Аминь».

...Юноша! Тебе говорю, встань! Мертвый, поднявшисъ, сел и стал говорить; и отдал его Иисус матери его (Лк.7:14:15). Какая сила Божия! Одно слово повеления, и оцепенение смертное прекращается, и возвратившаяся душа снова оживляет умершее тело. Дивны дела Твоя, Господи!

Господи, Ты и меня, почти мертвого в моей тяжкой болезни, воскресил и дал мне снова жизнь. Благодарю Тебя, Всемилостивого! В безмерном избытке пред всеми богачами мира сего наделила меня милость Божия духовными и вещественными благами. Она облекла меня саном священства, обожением непрестанным, властью отворять и затворять Небо для людей и всякими земными благами.

Силу и животворность покаяния по милости Божией ощущаю на себе непрестанно. Без числа я одолжаю Господу Богу моему прощением бесчисленных грехов во все дни жизни моей вот уже семьдесят лет, если не считать грехов детских до семилетнего возраста по невменяемости их.

15 ноября 1904 г. Понедельник. Сегодня я вознес к Господу Неба и земли тайную мольбу о даровании нам большого участка земли близ моего Паданского монастыря[47] в вечное владение, как необходимого для обители во многих отношениях. Такую же мольбу вознес и к Владычице Богородице, как владычествующей всеми тварями, как Матери Творца. Уповаю и не сомневаюсь. Аминь. Я молил Господа в простоте веры о ниспослании дождя и обильной воды в реке Пинеге для беспрепятственного следования до Суры и обратно и уповаю на обычное скоропослушество Владыки, что он даст достаточную воду.

Половина 12-го ночи. Молился о том в 10 час. вечера.

Благодарю Господа, снявшего нас с мели общими усилиями команды, бродившей в воде и стягами сдвигавшей пароход с места. Полчаса бились, а я в это время молился Господу. Слава Тебе, Господи! От гнева и раздражения на командира Бог избавил меня, я за сие благодарю Господа!

Письмо отца Иоанна к духовному сыну Филиппу Павловичу Иванову, написанное с пути. (Этот раб Божий Иванов подвизался потом в Саровской пустыни. – *Примеч. авт.)*

«Мой сердечный привет и благословение от Господа за твою живую веру, благочестие и приверженность к храму Божию и причащению Святых Христовых Таин.

Извещаю тебя о своем путешествии на родину мою. Вот уже и одиннадцать дней в пути, а все еще не достиг родины! Только через два дня буду, Божией милостью. Это, впрочем, не значит, что путь мой неуспешен; нет, вполне успешен и покоен, а дело в том, что путь очень и очень далекий, и я не тороплюсь, а остаюсь в иных местах по три дня или по одному дню, по желанию моих добрых знакомых, и служу литургии.

Во все время нашего путешествия стоят холода и были дожди, оттого вода в реках везде высоко поднялась, – и это к нашему благополучию. Мы надеемся дойти пароходом до самой родины моей Суры.

Взял ли твой отец Павел Иванович подряд и работаете ли вы вместе? Трудитесь во славу Божию и на благополучие и довольство семьи. Я молюсь за вас и вспоминаю особенно о твоем усердии ко мне. Благодарю Господа, утешающего меня через вас, добрых людей. Кланяюсь маме твоей и шлю ей благословение с чадами ее. Екатерина и Семен с прочими все здоровы и кланяются вам усердно. На родине будем, Бог даст, 3 июня. До вожделенного свидания. Да хранит Бог Россию, Петербург, Охту вашу и все грады и села.

Ваш молитвенник – протоиерей Иоанн Сергиев

31 мая 1904 г.

Северная Двина Пароход «Св. Николай Чудотворец»

Господи! Бесконечно, безмерно я одолжаю Тебе за каждое дыхание воздухом, Тобою разлитым для нашего существования, каждым глотком питья и каждой коркой хлеба, каждым древесным и кустарным плодом или другими бесконечными плодами земными, каждою мыслью доброй, чистой, святой, возвышающей от земли к Небу, каждым чувством добрым, каждым добрым делом, и за все, за все благодарю Тебя, непотребный раб Твой!

В рукописных дневниках отца Иоанна, разбросанных по сохранившимся после него тетрадкам, можно встретить много еще мелких заметок о погоде, поездках, разных лицах и

случайных обстоятельствах. Имея в своих руках почти все указанные тетради, мы, к сожалению, далеко не все то переписали, что не вошло в печать, но и приведенного здесь довольно для полной характеристики великого пастыря. Дух его весьма запечатлелся в оставленных им письменных памятниках.

Если ты начнешь читать их, то по примеру славного светильника Церкви и сам возымеешь веру ко Господу, полюбишь нравственную чистоту, почувствуешь свежесть, бодрость сил душевных, – словом, станешь переживать то высокое, святое, божественное, чего искал всю жизнь свою приснопамятный Батюшка. Больше того, если поедешь в Петербург в Иоанновский монастырь к его гробнице, где он продолжает призывать к тому, чем жил, – к молитве, покаянию и причащению Святых Животворящих Таин Христовых, то и сам воодушевишься всем этим, ставши как бы реально лицом к лицу с никогда не умирающим духом отца Иоанна.

Вечная память тебе да будет, великий российский наш пастырь.

Кончина и погребение

Не умре, но спит.
Лк.8:52.

Протоиерей П.П. Левитский. Памяти протоиерея И.И. Сергиева

Отец Иоанн скончался 79 лет от роду. Возраст весьма преклонный, указанный еще Моисеем, человеком Божиим: *дние лет наших в нихже седмьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет* (Пс. 89:10), но для отца Иоанна как будто небольшой. Кто видел его прекрасное моложавое лицо, юношескую подвижность и изумительную кипучую деятельность его за девять лет до кончины, тот и подумать не мог, что Батюшка уже недолгий житель на этой земле. Наоборот, всем почитателям отца Иоанна хотелось думать, что ему и веку не будет. В этом предположении не было ничего невозможного: один из товарищей отца Иоанна по Академии (XXI выпуска), маститый столичный протоиерей Леонид Петрович Петров пережил его на шесть лет и скончался лишь 27 октября 1914 года на 85-м году жизни, сохранив до самой смерти крепость и свежесть духовных сил для своих многочисленных литературных, законоучительских и наблюдательских трудов. Тяжелый недуг преждевременно свел отца Иоанна в могилу. По имеющимся у меня данным, любезно сообщенным мне нынешним настоятелем кронштадтского Андреевского собора протоиереем П.И. Виноградовым в письме от 22 декабря 1911 года, «прихварывать дорогой Батюшка стал с 18 марта 1902 года, в 1904 году болезнь его усилилась настолько, что 25 ноября этого года отец Иоанн за слабостью уже не мог служить в соборе, и так болезнь его, то ослабевая, то усиливаясь, продолжалась до февраля месяца 1905 года, когда Батюшка опять мог служить»[48]. Справедливость этих сведений вполне подтверждается, с одной стороны, письмом самого отца Иоанна в редакцию газеты «Котлин», где он пишет, что, имея досуг и возможность заниматься во время своей болезни религиозно-нравственным чтением, в одной из книжек «Христианского Чтения» (за 1824 год) прочел поразительную статью, озаглавленную: «Обмиравшая женщина из раскола», каковую статью отец Иоанн и прилагает для напечатания в газете[49]; с

другой стороны – оглавлением печатных слов отца Иоанна за 1905 год: в этом оглавлении нет ни одной печатной проповеди за январь месяц, а первым стоит Слово на день Сретения Господня 2 февраля. Очевидно, весь январь отец Иоанн был так тяжко болен, что не служил, и лишь к Сретению Господню несколько оправился от болезни и написал проповедь, но служить в этот день еще не мог.

В начале января 1905 года болезнь отца Иоанна настолько усилилась, что он пожелал пособороваться и свое желание изложил в следующем трогательном письме к отцу ключарю собора протоиерею А.П. Попову от 2 января:

«Ваше Высокопреподобие! Достопочтеннейший собрат, отец Александр Петрович.

Пришло мне на мысль принять Святое Таинство Елеосвящения по чину святой Церкви, которое и прошу соборную братию совершить завтра, после поздней литургии, взяв с собою из храма обеденные дары в потире. При этом моя покорная просьба всей братии совершить Святое Таинство, громко выговаривая все, чтобы я мог слышать, чувствовать и молиться с Вами»[50].

Согласно просьбы Батюшки соборовали его 3 января после поздней литургии. Для совершения соборования назначены были три священника из причта Андреевского собора, именно: протоиерей А.П. Попов, священники П.И. Виноградов и Н.В. Петровский, затем духовник отца Иоанна церкви при кронштадтской военной тюрьме протоиерей Феодор Бриллиантов и церкви при Доме трудолюбия священник Андрей Шильдский. Наконец, по просьбе протоиерея Петра Петровича Преображенского и священника Николая Николаевича Вертоградского, служившего в то время в Кронштадте при кладбищенской церкви, соборный священник П.И. Виноградов хлопотал перед отцом Иоанном, чтобы им было позволено участвовать в соборовании, на что отец Иоанн выразил свое согласие. Таким образом, соборовали Батюшку семь священников во главе с протоиереем П.П. Преображенским[51]. Соборование происходило в кабинете. Молящихся здесь было немного, а именно: живущие на одном дворе с Батюшкою и из

Иоанновского монастыря игуменья Ангелина с начальствующими сестрами. Весь народ со слезами и с молитвою стоял стеною на Михайловской улице пред окнами квартиры отца Иоанна. В конце соборования Батюшка устал и просил сократить. Час или два спустя после соборования мы с женою приходили проститься с отцом Иоанном: он лежал на постели в подряснике, с закрытыми глазами и, казалось, сильно страдал. Все среди глубокой тишины по очереди подходили к нему, кланялись и целовали его руку, прощаясь с ним, может быть навсегда, ибо надежды на выздоровление по человеческим соображениям почти не оставалось. Но невозможная у человек, возможна суть у Бога, единого Врача душ и телес, Который воздвиг от одра болезни раба Своего болящего протоиерея Иоанна и продлил жизнь его еще на четыре года. 27 февраля, в Прощеное воскресенье, Батюшка служил первую литургию после болезни, затем служил весь Пост и Пасху – все четыре года до своей кончины.

Весьма знаменательную подробность из времени болезни Батюшки рассказывает Высокопреосвященный Антоний, ныне архиепископ Харьковский. По его словам, в день Сретения (1905 г.) ему сообщили, что отец Иоанн, «тогда тяжко болевший», спрашивал о нем и пожелал его видеть. Обрадованный драгоценным вниманием Батюшки, владыка приветствовал его такою телеграммою: «Поздравляю досточтимого батюшку отца Иоанна с праздником Сретения Господня. Прошу вас, подобно праведному Симеону, не покидать земли и своего народа, доколе не воссияет снова через вас возрожденное благочестие – свет в откровение языкам и слава людей Божиих». Спустя несколько дней архиепископ Антоний прибыл к отцу Иоанну в Кронштадт и здесь имел утешение услышать от него намек на то, что высказанное в приветствии пожелание исполнится.

Итак, Батюшка стал служить, но полученный им недуг не покидал его до самой смерти, пресекшей его страдания.

Что за болезнь была у отца Иоанна и где ее причина? Тяжелая и неожиданная болезнь отца Иоанна тогда же

породила много толков в Кронштадте и в Петрограде. Сущность их сводится к следующему.

В день святой великомученицы Екатерины 24 ноября 1904 года отец Иоанн вечером возвратился из Петрограда и, не заезжая домой, проехал прямо к кронштадтскому купцу Я.К. М-ву, жена которого была в этот день именинницею. Ужасный, совершенно больной вид Батюшки, еще накануне цветущего здоровьем, поразил и напугал всех. Отец Иоанн ничего не говорил о том, что с ним произошло, но был так слаб, что с трудом, в сопровождении Я.К. М-ва, доехал до дому и слег в постель совершенно больным. Оказывается, в этот день отца Иоанна в Петрограде пригласили якобы служить молебен в одну квартиру на Николаевской улице. Квартира принадлежала сектантам-пашковцам. Последние, когда отец Иоанн приехал к ним, вытолкали или даже не впустили в комнату лица, привезшего Батюшку, заперли двери и начали Батюшку мучить: бросили его на пол, топтали ногами, в нос набили нюхательного табаку, в рот вставляли папиросы, мяли и давили его так, чтобы повредить внутренние жизненные органы в области живота и чрез то причинить ему ежечасные страдания и ускорить смерть. Отец Иоанн молча переносил все. Замучить его до смерти, по-видимому, не входило в расчеты злодеев: они или боялись ответственности пред законом за вопиющее преступление, или успокаивали себя мыслью, что Батюшка теперь уже не опасен для них и что смерть его есть вопрос недалекого будущего.

Как относиться к сему рассказу? Признать ли его заслуживающим внимания за ту долю правды, которую он в себе заключает, или считать его за праздную выдумку, одну из многих, около имени отца Иоанна?

Теперь, когда прошло десять лет после описанной болезни отца Иоанна, трудно восстановить истину, тем более что Батюшки уже нет в живых. Желая быть беспристрастным повествователем, приведу некоторые соображения: а) как будто подтверждающие правдоподобность сих слухов о причине болезни Батюшки и б) отрицающие возможность рассказанного случая.

а) Что случай истязания отца Иоанна имел место и был причиною его тяжелого заболевания в ноябре 1904 года, это подтверждают: 1) удивительное совпадение идущих из разных источников сведений об усилении болезни Батюшки к 25 ноября 1904 года, в каковой день за слабостью он уже не мог служить в соборе, причина же слабости была в том, что Батюшка претерпел накануне; 2) характерные признаки болезни: как будто бы все отдавлено внутри и оборвано, что-то попорчено в желудочной области, почему Батюшка после болезни почти ничего не ел, совершенный упадок сил, указывающий на механическое повреждение, нанесенное Батюшке *извне, со стороны,* 3) распространенность и живучесть рассказов о сем случае до настоящего времени среди лиц, близко знавших отца Иоанна. Так, на двух торжественных довольно многолюдных собраниях почитателей отца Иоанна в 1911 и 1914 годах здесь в столице я оглашал вышеприведенный рассказ о причине болезни Батюшки, и никто из присутствовавших не возразил мне ни слова и не сказал: «Батюшка, вы говорите неправду» или «ничего подобного не было», а между тем на собраниях было много лиц, близко знавших отца Иоанна по Кронштадту и по Петрограду и дороживших, как святынею, всеми подробностями его жизни. Наоборот, и во время своего сообщения я слышал неоднократные чистосердечные восклицания слушателей: «Верно, батюшка!» – и после сообщения, беседуя с ними, выносил убеждение, что переданный мною рассказ им известен даже с большими подробностями и что он относится ко второму случаю изуверства, учиненного над отцом Иоанном, а что... первый случай, более ранний, имел место в Вятке, где Батюшка был «помят» изуверами[52]; 4) как дыма без огня не бывает, так и подобные слухи не появились бы, если бы не было самого факта; 5) с попущения Божия сатана, этот «коварный старец», как называет его преподобный Варсонофий Великий, наученный тысячелетним опытом борьбы с христианскими подвижниками, воздвигает против них или свои темные бесовские полчища, как, например, против преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, в самом начале его пустынного подвига, или злых

людей, как против преподобного Серафима, Саровского чудотворца, на которого злодеи напали в лесу, повергли на землю, ударив обухом по голове, отчего изо рта и ушей страдальца хлынула кровь, и в беспамятстве лежавшего потащили к сеням кельи, продолжая яростно бить кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами. Врачи, свидетельствовавшие старца после этого истязания, нашли, что «голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана и все тело по разным местам покрыто смертельными ранами». Удивлялись они, как старец мог остаться в живых после таких побоев[53].

Не напоминает ли нам это мучение преподобного отца Серафима злыми людьми такого же мучения батюшки отца Иоанна? Через злых людей, своих сообщников, исконный человекоубийца хотел погубить великого праведника и молитвенника Русской земли и затем торжествовать свою диавольскую победу, вместо того нанес себе жестокое поражение: претерпев страдания за Христа, отец Иоанн на земле восшел в сонм мучеников Христовых и на небе получил уготованную мученикам «преимущественную и высокую степень блаженства»[54].

б) Против достоверности случая 24 ноября 1904 года говорит то обстоятельство, что рассказ о нем исходит не от самого отца Иоанна, а от других лиц, которые не были очевидцами.

Считаясь с указанным обстоятельством и желая узнать истину о причине болезни отца Иоанна, я обратился с письмом к хорошо известному мне по Кронштадту врачу А.В. К-му, лечившему тогда отца Иоанна и затем оказывавшему врачебную помощь Батюшке до самой его кончины. Служа здесь в Петрограде в Морском корпусе, Алексей Васильевич очень любезно сообщил мне 12 декабря 1914 года по телефону несколько сведений и между прочим о том, что тогда во время болезни он спрашивал отца Иоанна: «Насколько достоверны слухи, ходившие в Кронштадте, что вас, Батюшка, помяли»? И что отец Иоанн ему ответил: «Друг мой! Все, что рассказывают, вздор: никто меня никогда не трогал. Был случай: одна женщина

укусила мне палец, и только»[55]. По словам Алексея Васильевича, болезнь отца Иоанна, объяснимая его старческим возрастом, требовала для лечения продолжительного времени и покоя, которых он не имел, к тому же и не любил лечиться. Приезжая из Петрограда поздней ночью, усталый, измученный и недугом, и дневными трудами, Батюшка хотел отдохнуть часок-другой – вставал он около четырех часов, а между тем сейчас же необходима была ему врачебная помощь, лишь мучительным путем доставлявшая некоторое облегчение страдальцу. Болезнь его усиливалась и осложнялась другими, находя благоприятную почву в некрепком от природы старческом организме. Приглашенные к больному знаменитости медицинского мира лейб-хирург Н.А. Вельяминов и профессор Военно-медицинской академии С.П. Федоров находили нужным произвести операцию, но отложили ее из опасения, что отец Иоанн ввиду почти восьмидесятилетнего возраста своего не переживет операции, умрет во время ее, а ответственность за неблагополучный исход и неизбежные нарекания падут на них; да и сам Батюшка, по-видимому, был против операции, предав себя воле Божией. Скончался он от старческой немощи 20 декабря 1908 года.

Вкратце изложенное сообщение представителя медицинского мира о ходе болезни Батюшки заслуживает полного внимания за его спокойный деловой характер. Весьма ценно и приведенное здесь свидетельство отца Иоанна, что «его никто никогда не трогал» и что слухи о каком-то нападении на него, ходившие в Кронштадте, недостоверны.

Но возможно еще одно предположение: может быть, отец Иоанн не хотел говорить о нападении на него изуверов? Может быть, претерпев от них все по заповеди Господа: *не противитися злу* (Мф. 5:39) и простив им от всего сердца как своим личным обидчикам, он оградил уста свои молчанием, дабы дать им возможность избегнуть наказания со стороны правосудия человеческого? Ведь одного слова, одной малейшей жалобы отца Иоанна было достаточно тогда, чтобы злодеяние их сейчас же было раскрыто, виновные найдены и понесли наказание, но отец Иоанн не обмолвился ни одним

словом и предоставил отмщение Господу Богу, поступив так, как поступил преподобный отец Серафим Саровский с напавшими на него крестьянами. Когда эти крестьяне были найдены, повествует летопись Серафимо-Дивеевского монастыря, они оказались крепостными людьми помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Отец Серафим не только простил их сам, но упрашивал и настоятеля обители не взыскивать с них и такую же просьбу написал помещику. Все были до такой степени возмущены поступком этих крестьян, что считали невозможным простить их, но отец Серафим настаивал на своем. «В противном случае – говорил он, – я оставлю Саровскую обитель и удалюсь в другое место». Строителю же отцу Исаии, своему духовнику, он говорил, что лучше бы его удалили из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. Отец Серафим предоставил отмщение Господу Богу. Гнев Божий действительно постиг виновных: в непродолжительном времени пожар истребил их жилища, и они со слезами раскаяния пришли к отцу Серафиму просить его святых молитв и прощения[56].

Различие в действиях преподобного Серафима и отца Иоанна в том, что преподобный отец Серафим, придя в обитель, не мог скрыть от братии своего избитого лица, смоченных кровью, смятых, спутанных, покрытых пылью и сором волос на голове и на бороде, запекшихся кровью ушей и уст, нескольких вышибленных зубов, измятых и окровавленных одежд и, по долгу иноческого послушания, рассказал обо всем случившемся настоятелю и духовнику[57], а батюшка отец Иоанн ничего не говорил и даже отрицал самое нападение на него, ибо бросающихся в глаза наружных повреждений на его теле, как у преподобного Серафима, не было, о внутренних же, более существенных повреждениях, только ему одному ведомых, старец Божий хранил молчание[58].

Кроме изложенного случая, если только он имел место в жизни отца Иоанна, при объяснении его болезни в 1904–1908 годах надо иметь в виду то, что отец Иоанн не берег себя: живя для других, он не имел времени подумать о своем здоровье и не мог поддерживать его правильным образом жизни, например,

чтобы в положенный час быть дома, обедать, заниматься или отдыхать. Почти целые сутки Батюшка был вне своего дома, в разных домах, где должен был принимать угощение, чтобы не обидеть хозяев. Никакая погода его не останавливала от путешествий в Петроград: ни зимняя метель и стужа, ни буря на море весною и осенью. В дороге, на своем пароходике, в вагоне или в экипаже Батюшка забывался кратковременным сном, да и то не всегда, и это был его единственный отдых. Пятьдесят лет такой беспримерной жизни для других унесли с собой и силы и здоровье отца Иоанна.

Но и другие, для которых он жил и которым вымаливал у Господа здоровья и всяких милостей, почитатели Батюшки, не всегда относились к нему деликатно и бережно, и сами того не замечая. Их любовь к дорогому Батюшке проявлялась с такой неудержимою стихийною силою, что требовались и в церкви, и на улице меры для его охраны, без них можно было опасаться, что народ в своем неудержимом стихийном порыве может смять, придавить, сбить с ног и растоптать дорогого Батюшку. Человеческая охрана нередко оказывалась бессильной против тысячной толпы, и только Господь хранил всех от большого несчастия. Что приходилось испытывать отцу Иоанну от народной любви, видно из следующей яркой картины, нарисованной очевидцем[59] и изображающей выход Батюшки из Андреевского собора после литургии.

«Вдруг вся толпа, переполнявшая церковь, колыхнулась как один человек, и радостный шепот пронесся над нею:

– Батюшка! Батюшка!

Действительно, одна из боковых алтарных дверей приотворилась, и на пороге показался отец Иоанн. Что тут произошло – трудно даже себе и представить! Лишь только показался любимый пастырь, как весь народ неудержимой волной, тесня и давя друг друга, хлынул в его сторону, а стоявшие за решеткой (пред амвоном) вмиг очутились на амвоне и чуть не сбили отца Иоанна с ног.

При помощи псаломщика и двух сторожей Батюшка быстро перебрался на левый клирос и сделал шаг вперед, чтобы пройти с этой стороны... В одно мгновение та же толпа, точно ее

толкнула какая-то стихийная сила, стремительно шарахнулась влево и, простирая вперед руки, перебивая друг друга, крича и плача, настойчиво скучилась у церковной решетки, мешая своему доброму пастырю пройти.

О чем кричали, о чем молили – трудно было разобрать, потому что все эти крики и мольбы сливались в один неясный, оглушительный вопль.

Отец Иоанн, затиснутый в угол, стоял покорно, прижавшись к стене. Пройти ему от алтаря до паперти оказалось делом долгим и даже небезопасным. Предвидя трудности этого пути, двое городовых, два сторожа и несколько человек из именитых купцов стали по обе стороны намеченного пути и протянули толстую веревку, за которую крепко уцепились руками.

Но лишь только отец Иоанн двинулся вперед, эта веревка с треском лопнула, городовые и купцы в одну минуту были отброшены в сторону, и толпа, смешавшись и сбивая с ног друг друга, плотной стеной окружила Батюшку. Теперь отец Иоанн вдруг как бы исчез, и некоторое время его было вовсе не видно. На минуту, когда кричащая и волнующаяся толпа колыхнулась в сторону, я увидел отца Иоанна. Смертельно бледный, сосредоточенно печальный, медленно, шаг за шагом, точно в безжалостных тисках подвигался он вперед, видимо с трудом освобождая руку для благословения. Чем ближе подвигался он к выходу, тем толпа становилась настойчивее, беспощаднее, крикливее... У меня дух захватило от этого зрелища, и я невольно закрыл глаза.

Когда я открыл их снова, отца Иоанна уже не было в церкви, да и народу тоже почти не было. На полу там и сям валялись обрывки веревки, перчатки, клочок вязаной косынки и другие следы недавнего урагана. Глаза мои сочувственно встретились со взглядом старика сторожа.

– Господи, что же это такое? Неужели это всегда так?

Сторож вздохнул:

– Эх, милый барин! Ежели бы всегда так... А то вот намедни, на Успение, нашло народу так, что как есть сшибли с ног Батюшку.

– Как это сшибли?

– А так, сронили наземь и пошли по нем...

– А он что?

– Известно, агнец Божий, встал, перекрестился и пошел, не промолвив ни словечка»[60].

Описанный случай относится к тому времени, когда отец Иоанн выходил из собора через среднюю часть его и по пути благословлял богомольцев, но в 1902–1905 годах этого не делал вследствие явной невозможности и опасности для себя и для окружающих[61].

Выйдя из алтаря боковой дверью в соборный садик, Батюшка садился в экипаж, который быстро трогался, и уже из экипажа по дороге одних благословлял, с другими приветливо раскланивался.

Передавали из Кронштадта еще об одном случае, свидетельствующем о недостаточном внимании к Батюшке окружавших его лиц. Однажды зимнею ночью он возвращался в кибитке из Ораниенбаума. Была метель, выл ветер. Ямщик вез быстро, как мог в такую погоду, по изрытой ухабами и с раскатами дороге, и не оглядывался на своего седока. Подъехал к воротам соборного дома и хотел Батюшке помочь выйти. Взглянул: в кибитке никого нет. Сейчас же поехал назад искать Батюшку и встретил его недалеко от города: отец Иоанн шел по льду пешком. Оказывается, на ухабе сани так сильно подбросило или накренило набок, что отец Иоанн выпал в снег и даже не успел вскрикнуть, как ямщик, ничего не заметивший, угнал лошадей.

Наконец, были у отца Иоанна и тайные недоброжелатели, и явные враги, которые заносили на него свой меч: это враги всякой правды, враги Церкви Христовой, обрушившиеся на него с 1905 года и не оставлявшие в покое до самой смерти. Борьба с ними ухудшала здоровье семидесятипятилетнего старца, по-прежнему сильного духом, но заметно слабевшего телом.

Возвращаюсь к рассказу.

Встав с одра болезни в феврале 1905 года, Батюшка не переставал болеть до самой кончины. Ежедневно служил, но только в Кронштадте, откуда выезжать стал редко. Под влиянием, с одной стороны, слухов о том, что Батюшка по

болезни не служит и приезжих не причащает, а с другой стороны, освободительной печати, потоками грязи обливавшей безупречное имя кронштадтского пастыря, меньше стало приезжать в Кронштадт и священников, желавших послужить с ним, и мирян богомольцев[62], уменьшился приток пожертвований на имя отца Иоанна, отчего сократилась его благотворительность, в печати реже появлялись сообщения об исцелениях по его молитвам. Такое уменьшение кипучей деятельности Батюшки недоброжелатели его объясняли тем, что он отжил свой век и пережил свою славу и что яркая звезда его померкла и закатилась. На самом же деле телесная храмина его, истонченная недугами, отказывалась служить великому духу, а своей славы отец Иоанн никогда не искал, а искал славы Божией.

Особенное ликование и злорадство в лагере врагов отца Иоанна вызывал его отъезд из Кронштадта 27 октября 1905 года, в день кронштадтских беспорядков. Но ликование было совершенно напрасным, и обвинение отца Иоанна в том, что он проявил недостаток мужества, испугался и бежал из Кронштадта в минуту общей опасности, было неосновательным: обстоятельства и время отъезда отца Иоанна из Кронштадта свидетельствуют, что поведение его было вполне безупречным и исключавшим всякие нарекания.

В то время я еще жил в Кронштадте и могу подтвердить, что самой страшной была ночь с 26 на 27 октября и что 27-го ранним утром уже приняты были решительные меры к прекращению беспорядков и всякая опасность для мирных жителей миновала. Между тем ночь с 26-го на 27-е отец Иоанн провел в Кронштадте, осведомленный о том, что совершалось кругом, как видно из следующего.

Вечером 26-го некоторые из морских офицеров были у отца Иоанна, просили у него благословения и молитв и, что легко допустимо, поведали Батюшке свои опасения относительно ближайшего будущего. Позднее у отца Иоанна были мои родные, которым он говорил: «Кажется, в нас стреляют!» – и утешал их, будучи в обычном бодром настроении. Возвращаясь от отца Иоанна по Николаевскому проспекту в одиннадцать

часов вечера, они слышали в стороне гостиного двора ружейную пальбу и жужжание пуль. Это было начало беспорядков. Завладев ружьями, матросы вышли из экипажей и первым делом разбили буфет Морского собрания и уничтожили его содержание, затем открыли беспорядочную стрельбу на улицах. Позднее ночью взбунтовавшиеся хотели идти к нам, в гражданскую тюрьму для освобождения заключенных, которые, по-видимому, сего ожидали, но, смешав гражданскую тюрьму с военной, сбились с пути и пришли в совершенно другую часть города, на Северный бульвар к военный тюрьме, где и были схвачены[63]. Благодаря такой счастливой случайности и положению нашей тюрьмы на окраине города, мы ночь провели спокойно и только утром узнали, какая опасность быть под выстрелами нам угрожала. Когда около пяти часов утра духовенство Андреевского собора шло к утрене, то выстрелы еще продолжались; посему шли с опаской. Один из псаломщиков рассказывал, что видел на улице валявшихся убитых. Перед утренею, между четырьмя и пятью часами отец Иоанн в сопровождении ключаря собора отца А.П. Попова пешком пришел к коменданту крепости, генералу Тимофею Михайловичу Беляеву (проехать по улицам в экипаже было невозможно) и просил его разрешить служение молебна в Андреевском соборе по поводу переживаемых событий, на что и получил разрешение. От коменданта отец Иоанн отправился в собор, в котором по обычаю своему служил и утреню, и литургию. Еще ночью комендант крепости приказал у Северного бульвара поставить пушки и пулеметы и направить их вдоль Николаевского и Михайловского проспектов, чтобы в случае надобности продольным огнем очистить улицы, но надобности в этом не представилось. Принятыми мерами утром порядок в городе был окончательно восстановлен, и мирные обыватели, в том числе, конечно, и отец Иоанн, могли спокойно оставаться в нем, не опасаясь за свою жизнь. Отслужив литургию, отец Иоанн около девяти часов утра ездил на Песочную улицу, в район морской Богоявленской церкви. Упоминаю об этой подробности потому, что она опровергает ходивший в Кронштадте слух, что Батюшку еще до заутрени или

насильственно, или обманом, сонного посадили в карету и увезли на пароходную пристань для следования в Петроград. Ничего подобного не было, а в двенадцатом часу дня отец Иоанн на обыкновенном извозчике приехал на пристань и затем на пароходе уехал из Кронштадта, через Сестрорецк, в Петроград[64]. Таким образом, как добрый пастырь стада Христова, отец Иоанн *стоял на божественной страже* в часы наибольшей опасности от вторжения хищных волков, именно вечером, когда успокаивал приходивших к нему, ночью, когда пламенно молился Господу, не смыкая очей, и ранним утром, когда под выстрелами пешком шел к коменданту крепости и от него в собор; не успел еще Батюшка кончить литургию и выйти из собора, как явились помощь и избавление. Исполнив свой пастырский долг в Кронштадте, отец Иоанн, шесть дней перед этим не выезжавший из него, поехал туда, где присутствие его было более необходимо. Без него около часу дня в Андреевском соборе соборным духовенством во главе с протоиереем А.П.Поповым был отслужен молебен для искавших подкрепления в молитве. ... 28 октября состоялось мое перемещение в Петроград. Надо было уезжать из Кронштадта, где в молитвенном общении с отцом Иоанном счастливо протекли первые годы моего священства. 12 ноября вечером, накануне отъезда, я пришел к Батюшке проститься. Никогда не забуду того трогательного радушия, с которым меня приняли в семье отца Иоанна все, начиная с его супруги, матушки Елизаветы Константиновны, в то время уже почтенной старушки, отличавшейся кротостью и смирением. В объяснение трогательного приема, естественного при прощании с отъезжающим, могу указать на то, что у меня в реальном училище учился внучатый племянник матушки, прекрасный мальчик И.Ш., очень ко мне привязавшийся и очень сожалевший о моем уходе. Он постоянно бывал у своих «дедушки и бабушки», как называл отца Иоанна и глубокоуважаемую матушку Елизавету Константиновну, рассказывал им об уроках Закона Божия, обо мне и о том, как утром 12 ноября учащиеся прощались со мною и на прощание поднесли мне икону, а он при этом говорил речь своего составления. Матушка Елизавета

Константиновна очень любила и баловала своего маленького внука, славного и способного второклассника-реалиста и свою любовь перенесла и на меня, его законоучителя. Меня провели в столовую – небольшую комнату с двумя окнами, между которыми стоял стол, а над ним в простенке висел писанный красками во весь рост портрет отца Иоанна, сохраняющийся на этом месте и по сие время. С правой стороны стола у окна в кожаном кресле сидела супруга отца Иоанна, тут же был ее внучек. Чрез несколько времени из кабинета вышел отец Иоанн: он был в светлом шелковом стеганом на пуху подряснике. Струя холодного воздуха вместе с ним ворвалась из открытой двери кабинета. Вся фигура отца Иоанна дышала свежестью и небесной чистотой: он явился, как светлый ангел из горнего мира, в сиянии неземной красоты, и принес с собою радость и счастье. Батюшка узнал меня и назвал по имени. Ласково поздоровавшись, посадил около себя, начал расспрашивать о моей новой службе и припомнил, что он бывал в Мариинском институте по приглашению начальницы института[65]. Как радушный хозяин, отец Иоанн сам налил мне стакан чаю и положил в него сахару, затем налил рюмку прекрасного вина и угостил любимым кушаньем жителей Архангельской губернии – тресковыми котлетами. В разговоре и в угощении принимала участие и матушка. После чаю я попросил отца Иоанна подписать купленный мною его большой фотографический портрет. Батюшка сейчас же написал на нем: «Достопочтенному собрату и сослуживцу, отцу Законоучителю Мариинского Института, Иерею... в знак братского молитвенного общения. Кронштадтского Собора Настоятель, Протоиерей Иоанн Сергиев. 12 ноября 1905 года». Затем Батюшка пошел в кабинет и вынес оттуда две книги своих проповедей и дал мне их на память. Это были: 3-й том его сочинений, издание первое, СПб. 1892 года, и слова, произнесенные им в 1903 году, издание первое. Кронштадт 1904 года[66]. При прощании отец Иоанн несказанно обрадовал меня тем, что изъявил полное согласие на исполнение моей просьбы частного, семейного характера. Те недолгие минуты, которые мне пришлось провести в семье отца Иоанна, были счастливейшими в моей жизни. Сам отец Иоанн,

его ясные лучистые глаза, света которых невозможно было выносить, его голос и обращение; матушка Елизавета Константиновна в черном шелковом платье и с черной кружевной наколкою на голове, с любовью и внимательно слушавшая каждое слово своего супруга, с которым протекла вся ее жизнь[67]; наконец, вся обстановка столовой с печатью достатка во всем, но без роскоши, живо встают перед моими глазами. Как будто бы их видел вчера, а не десять лет тому назад. Матушка Елизавета

Константиновна ласково простилась со мною и уже простилась навеки. Мне не пришлось больше видеть ее в живых, а видел ее умершею, участвуя в служении заупокойной литургии, в отпевании и погребении ее тела в ограде кронштадтского Андреевского собора и в молитвенном поминовении ее в сороковой день после кончины, чем до некоторой степени отблагодарил ее за привет и гостеприимство. Вечная ей память![68]

13 ноября директора Тюремного комитета подносили мне на прощание святую икону и адрес. Эти знаки внимания мне очень дороги, между прочим, потому, что соединяются с именем отца Иоанна: на адресе первая собственноручная подпись принадлежит ему как директору Тюремного комитета, точно так же на обратной стороне святой иконы имя отца Иоанна стоит первым среди директоров комитета, почтивших меня такой высокой честью.

18 ноября, согласно своему обещанию, отец Иоанн приехал ко мне на крестины моей дочери и был ее восприемником. Чин крещения предположено было совершать в моей бывшей тюремной квартире, куда Батюшка и прибыл около часу дня со своим псаломщиком И.П. Киселевым. Для своей крестницы Батюшка привез даже золотой крестик.

Все положенные для восприемника слова и действия он произносил и совершал истово, с глубоким благоговением, стоя около святой купели рядом с восприемницею. Особенно умилительна была минута, когда отец Иоанн, восприняв младенца от святой купели и с нежностью и любовью держа его на руках, предшествуемый священником, ходил кругом купели и

пел вместе со всеми: «Елицы во Христа крестистеся...» Пение было одушевленное и прекрасное, ибо собрались знатоки этого дела: голос Батюшки как бы покрывал всех. В его голосе, как и во всем его существе, чувствовалась живая радость, что отроча, родившееся в мир, соделалось чадом Божиим, крестившись и облекшись во Христа. По окончании крещения сам Батюшка отнес младенца к матери, поздравил ее, затем откушал чаю и вместе со всеми разделил трапезу. Рассказываю об этом случае потому, что он дает право увенчать преподобный лик отца Иоанна еще одним чудным благоуханным цветком: любовью к собратьям-пастырям, готовностью доставить им радость и самому радоваться с радующимися.

С переселением в Петроград я лишился возможности часто видеть отца Иоанна и принимать его у себя в доме; виделся с ним лишь в Андреевском соборе, когда приезжал в Кронштадт послужить с Батюшкою, но ни разу не встречал его в Петрограде и ни разу не беспокоил его просьбами посетить меня здесь, как бывало ранее в Кронштадте. С каждым приездом к Батюшке замечал, что здоровье его становилось все хуже и хуже: розовый цвет лица его сменился темным и болезненным, продолжительные церковные службы были ему уже совершенно не по силам[69], служил он поскору и причащал немногих. Тревожные вести об ухудшении его здоровья особенно в последний год жизни достигали до Петрограда, но не хотелось им верить; наоборот, хотелось успокоить себя мыслью, что болезнь еще не так опасна и что Батюшка поживет. В последний раз мне пришлось служить с ним после Пасхи 1908 года, перед отъездом его в Вауловский скит, где отец Иоанн прожил с мая по август месяц. По словам матушки Евпраксии, игуменьи сего скита, отец Иоанн очень любил живописный Вауловский скит и по летам приезжал отдыхать сюда. Окруженный здесь любимыми цветами, среди зеленеющих лугов, на полях, покрытых золотистым хлебом, среди темного шумящего леса Батюшка чувствовал близость Творца вселенной и Ему воссылал восторженную молитву. О себе рассказывал, что умеет косить и жать, чему научился на родине в молодые годы, и что еще в детстве не любил сидеть без дела. По просьбе

матушки Евпраксии – благословить жниц перед отправлением их в первый раз на жатву, отец Иоанн благословил серпы и сам раздал их всем, причем, вручая серп, каждой в отдельности говорил наставление. Молитвам Батюшки сестры приписывают то, что имеют теперь хорошую воду для питья. Узнав от сестер, что скит в первое время нуждался в хорошей воде, отец Иоанн помолился Богу и указал место, где надо было рыть землю: стали рыть и открыли источник хорошей питьевой воды.

Живя в Ваулове летом 1908 года, Батюшка тяжко страдал от усилившейся болезни: целые ночи проводил без сна, сидя в кресле, ибо лежать не мог. «Однажды, – рассказывала мне матушка Евпраксия, – я пришла к Батюшке и вижу: сидит он в своем кресле с закрытыми глазами и творит умную молитву. Тяжело ему, но ни ропота, ни стона. Жалко мне его стало до слез, а как помочь и утешить? Думаю – помолюсь за него. Читаю в уме тропарь Успению Божией Матери, у меня в угольнике икона этого праздника, и вижу, что Батюшка лицо свое обратил к этой иконе и поклонился. Начинаю читать: «Заступнице усердная», – Батюшка поклон Казанской иконе Божией Матери. Видимо, дорогой Батюшка читал в моей душе»[70].

По возвращении из Ваулова в Кронштадт отец Иоанн среди тяжелых страданий прожил всего четыре месяца.

Известие о кончине его утром 20 декабря, с быстротою молнии в тот же день распространившееся в столице, побудило меня с семьею ранним утром 21-го выехать в Кронштадт. Я уже не застал выноса тела отца Иоанна из квартиры в Андреевский собор, а участвовал в служении панихид и парастаса[71], который со всею торжественностью и благолепием совершен был Преосвященным Кириллом, епископом Гдовским[72]. Всю ночь без перерыва у гроба служились панихиды кронштадтским и приезжим духовенством. Всю ночь непрерывною лентою прощались с почившим его духовные дети и прихожане. Весь Кронштадт от мала до велика перебывал у дорогого гроба. Каждому хотелось в последний раз приложиться к исхудавшей деснице Батюшки с небольшим деревянным крестом в ней. Литургию в 7 часов утра совершал Преосвященный Кирилл с

сонмом духовенства. Мне Господь судил принять участие как в служении литургии, так и в проводах тела почившего до столицы. Особенно трогательно было то, что почившему оказаны были воинские почести. С крестным ходом, под печальный перезвон колоколов, под величавые звуки «Коль славен», духовенство, военные и светские власти и бесчисленное множество народа провожали смиренного служителя церкви и вместе доблестного слугу Царя и Отечества. Путь пешком от кронштадтских ворот до Ораниенбаума был не из легких, ибо лежал по неокрепшему и гладкому, как зеркало, льду, покрытому по местам водою, при свежем ветре с моря. Дубовый гроб с телом почившего в городе везли на погребальной колеснице, а по льду на дрогах, установленных на полозья. Когда подходили к Ораниенбауму, уже начинало темнеть. Местное духовенство, во главе с Преосвященным Кириллом, на берегу моря встретило погребальное шествие. Весь Ораниенбаум собрался к вокзалу. Стоявшие на площади пред вокзалом войска воздали усопшему военные почести. Гроб был внесен в траурный вагон, отслужена лития, и поезд отошел в столицу по тому пути, по которому так часто отец Иоанн проезжал живым. В этом же поезде следовали Преосвященный епископ Кирилл, духовенство, провожавшее гроб из Кронштадта, и родственники почившего. Не описываю встречи и проводов гроба в Петрограде, ибо не был очевидцем и не участвовал в них, утомленный как продолжительным богослужением накануне и в этот день, так особенно непривычным путешествием по льду из Кронштадта в Ораниенбаум.

В.Б. Бертенсон. Об отце Иоанне Кронштадтском

В начале мая 1908 года, когда из Кронштадта со всех сторон шли слухи о серьезном заболевании отца Иоанна, вдруг получаю я оттуда же телеграмму за подписью одной особы, в последнее время возившей отца Иоанна по больным, в которой значилось: «Батюшка просит вас приехать как врача». Немного удивившись такому приглашению, так как я сознавал, что в распознавании болезни и особенно лечении болезни, которой страдал, по слухам, отец Иоанн, я совершенно не был компетентен, я все-таки на другой день поехал в Кронштадт.

Только живые еще глаза на страшно похудевшем и покрытом мелкими морщинами лице отца Иоанна освещали его выразительные и умные черты. Отца Иоанна я не видел больше полугода.

– Вот, наконец, и вас, как доброго своего знакомого, я решился побеспокоить – сказал, расцеловавшись со мною, отец Иоанн. – Хочется мне знать откровенно, можно ли мне помочь и есть ли какая-нибудь надежда хотя бы на неполное выздоровление? Мне доктора-специалисты уже давно называли мое основное страдание. Человек, однако, жив надеждою. Быть может, вы, как врач, пользующий внутренние болезни, взглянете на мою болезнь не с узкой точки зрения специалистов?

Осмотрев тщательно отца Иоанна, я, хотя и не сделал специальных исследований, все-таки мог сказать с достоверностью, что заболевание предстательной железы и мочевого пузыря, которым в последнее время страдал бедный Батюшка, по-видимому, достигло высокой степени.

– Вы хотите знать мое вполне откровенное мнение? – сказал я отцу Иоанну по окончании моего осмотра.

– Я его требую; я уже зажился на свете, мне ведь восемьдесят один год[73], – проговорил отец Иоанн. – Смерти я не боюсь!

– Специальное лечение под руководством врача-специалиста, полнейший отдых, постоянное пребывание на чистом деревенском воздухе, строжайший режим, отказ от

всякого богослужения – могут в настоящем облегчить ваши страдания и даже на некоторое время отдалить неминуемый конец, – со смущением произнес я свой грустный приговор...

– Спасибо, – ответил мне совершенно спокойно отец Иоанн. – Но от богослужений, от постов и от молитв за болящих я никогда не откажусь, покуда болезнь окончательно не прикует меня к постели. Только один из ваших советов я исполню: поеду, как и каждый год, в Архангельскую губернию, но находиться под постоянным наблюдением специального врача – этого я сделать тоже не могу.

Затем, еще раз поцеловав меня, произнес твердым голосом, без малейших признаков волнения:

– Спасибо, спасибо!

Выйдя потом в следующую комнату, где восседала Батюшкина жена, небольшого роста, молчаливая, тучная женщина, только на несколько месяцев пережившая своего мужа, и еще какие-то невзрачные с виду, совсем простенькие женщины, отец Иоанн тем же спокойным голосом, даже скорее довольным, сказал им всем, дожидавшим, видимо, с некоторым волнением результатов моего осмотра:

– А меня доктор обнадежил, но посоветовал поскорее уехать на родину.

Протоиерей Иоанн Орнатский. Кончина и погребение отца Иоанна Кронштадтского

20 декабря 1908 года, в 7 часов 40 минут утра, в Кронштадте скончался на 80-м году от рождения настоятель Андреевского собора, митрофорный протоиерей и член Святейшего Синода Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Отпевание и погребение высокочтимого пастыря, согласно его завещанию, состоялось в С.-Петербургском Иоанновском женском монастыре, который основан и благоустроен отцом Иоанном.

Все знавшие почившего привыкли видеть его не по летам бодрым и живым, не знавшим покоя на службе Богу и ближнему, но года три назад он заболел. Хотя болезнь причиняла много страданий, однако Батюшка не изменял своему правилу – ежедневно совершал богослужение, причащаясь Святых Христовых Таин. Только в последние дни своей жизни он не мог совершать литургии и причащался на дому. В последний раз он отслужил литургию в Андреевском соборе 9 декабря. В этом соединении со Христом он всегда находил себе отраду и утешение среди тяжких трудов и болезни. В последние годы были периоды, в которые он не принимал никакой пищи. «Только и живу причастием Святых Таин», – говорил он всем посетителям. Вместо всяких лекарств Батюшка пользовался святой водой из источника преподобного Серафима, Саровского чудотворца.

В последние три дня болезнь приняла особенно тяжелый характер. 17 декабря он пожелал быть на воздухе и поехал покататься в экипаже случайного извозчика, который привычек Батюшки не знал, катал его очень долго, и Батюшка простудился. Болезнь осложнилась. На другой день он почувствовал сильную слабость и 19 декабря утром уже не мог выйти в переднюю, чтобы встретить священника со Святыми Дарами, как делал это ежедневно, и причастился только Святой Крови. Весь этот день пастырь-мученик находился как бы в забытьи, с закрытыми глазами, оставаясь почти все время в

кресле. По временам были слышны его стоны, которые говорили присутствующим о тяжких страданиях. Однако сознание было ясным у Батюшки до конца. Последнее свое распоряжение он сделал 19 декабря в 8 часов вечера. Настоятельница Иоанновского женского монастыря игуменья Ангелина, проведшая при Батюшке весь этот день, просила у него благословения освятить храм-усыпальницу, который был давно готов, но не освящен. На эту просьбу Батюшка ответил: «Да, да, освятить», – и поднял руку в знак благословения. Игуменья, приняв благословение, уехала в монастырь готовиться к освящению. (Освящение храма было совершено 21 декабря благочинным монастыря архимандритом Макарием с причтом монастыря.)

По просьбе престарелой и больной супруги отца Иоанна Елизаветы Константиновны в квартире Батюшки остался на ночь священник Иоанн Орнатский, а также Р. Г. Шемякина (сродники почившего), которые вместе со слугами Батюшки не отходили от него всю ночь. Но они не могли облегчить страдальца. От всякой врачебной помощи Батюшка решительно отказался, и после 8 часов только два раза согласился принять по несколько капель святой воды. В 10 часов Батюшка выразил желание встать с кресла. Его подняли и помогли лечь в постель, но через несколько минут он опять пожелал встать и оставался в кресле до часу ночи в том же положении, как прежде. Где были в это время мысли страдальца-пастыря, неизвестно. Вероятнее всего, он молился в последний раз тою умною молитвою, которой любил отдаваться в то время, когда, измученный целодневными трудами, возвращался в Кронштадт в вагоне и на пароходе.

Во втором часу ночи Батюшка дрожащею рукою сделал знак, что он желает встать. Его опять подняли; на этот раз ноги отказались служить ему. Болящего уложили в постель. Вместе с тем, видя тяжелое его положение, просили ранее обыкновенного времени совершить литургию, которая и началась в 3 часа утра, а около 4-х часов священник Иоанн Аржановский, заменявший болящего духовника Батюшки, и соборный священник Николай Петровский прибыли со Святыми

Дарами. Батюшка в последний раз причастился Святой Крови. После Причастия он сам утер уста свои и некоторое время был совершенно спокоен, потом произнес последние слова: «Душно мне, душно», – и знаками просил освободиться от лишней одежды, будучи в теплом подряснике. Просьба была исполнена. Вскоре Батюшка впал в забытье. Дыханье было спокойное, но становилось тише и тише. Священник Орнатский стал читать канон на исход души, а затем отходную, и когда подошел к одру умирающего, он лежал неподвижно с руками, сложенными на груди; едва заметны были последние вздохи, и великий пастырь совершенно спокойно предал Богу дух свой. Глаза, доселе закрытые, чуть-чуть приоткрылись, и из них показались чистые как хрусталь слезинки. Это были последние слезы великого молитвенника-страдальца. Стало очевидно, что праведная душа его перешла в тот мир, где «нет болезни, печали и воздыхания, но жизнь бесконечная».

Рыдания и слезы, доселе сдерживаемые, вырвались у очевидцев великого таинства смерти, и весть о ней с быстротой молнии стала передаваться из уст в уста.

Первым прибыл к одру почившего ключарь Андреевского собора протоиерей А. Попов, сам заболевший в этот день воспалением легких, и другие члены причта Андреевского собора. Все они вместе со священниками Орнатским и Аржановским совершили положенное для священников по уставу Церкви помазание елеем всего тела почившего, причем дивились крайнему истощению страдальца; желудка как будто совсем не было – одни косточки.

После помазания в Бозе почивший одет был во все священные одежды, им самим для этого предназначенные; на главу возложена митра, как победный венец. Лик почившего принял величавый и спокойный вид, и весь он, одетый в полное священническое, белое облачение и в белой митре, напоминал собою светлого Ангела. Верим и надеемся, что Господь принял ангельскую душу верного раба Своего в светлые обители Свои и что православная Русь будет иметь в нем молитвенника и предстателя у Престола Господня.

После облачения почивший на руках священнослужителей, в предшествии клира, перенесен был с ложа смерти в другую комнату, где и отслужена была тотчас же первая панихида. В то же время торжественно-печально загудел колокол Андреевского собора, извещая жителей Кронштадта о великой, невознаградимой утрате. О кончине высокочтимого пастыря было немедленно сообщено по телеграфу в Царское Село, в Гатчину, митрополиту С.-Петербургскому Антонию и обер-прокурору Святейшего Синода. На всеподданнейшем докладе последнего о кончине протоиерея Иоанна Ильича Сергиева Государю Императору благоугодно было 21 декабря собственноручно начертать: «Со всеми почитавшими усопшего протоиерея отца Иоанна оплакиваю кончину его». От имени Их Императорских Величеств Государынь Императриц Марии Феодоровны и Александры Феодоровны на гроб почившего были возложены венки.

С соизволения Высокопреосвященнейшего митрополита Антония в Кронштадт отправился Преосвященный Кирилл, епископ Гдовский, о чем просил его сам Батюшка пред своей кончиной. Преосвященный Кирилл прибыл в Кронштадт 20 декабря около 5 часов дня. Приехав прямо в квартиру отца Иоанна, он совершил третью панихиду. Вторая была отслужена в час дня в присутствии Главного начальника г. Кронштадта генерала Артамонова, главного командира Кронштатского порта контр-адмирала Григоровича и других начальствующих лиц.

Вечером тело почившего было положено в дубовый гроб и отслужена панихида Преосвященным Кириллом, при участии местного духовенства.

В тот же день весь Петербург уже знал о кончине Батюшки. Немедленно во всех почти церквах начались служения панихид.

Ранее других церквей получено было печальное известие в Иоанновском монастыре. Тотчас все сестры собрались в церковь, и их рыданиями сопровождалось все служение панихиды.

Утром 21 декабря на Балтийском вокзале несметные толпы народа брали билеты, устремляясь в Кронштадт. Никаких разговоров слышно не было; все ехали молча, изредка,

перекидываясь отрывочными замечаниями. Создалось особое, благоговейное настроение. До самых сумерек поезда подвозили все новых и новых паломников. В Ораниенбауме спрос на извозчиков был огромный. Кибитки, дровни, сани тянулись по льду черной вереницей целый день.

В 9 часов утра на квартире почившего совершили последнюю панихиду. На панихиду собрались представители местной администрации и многое множество почитателей. Небольшая квартира далеко не могла вместить всех собравшихся. После панихиды гроб на руках духовенства был вынесен из квартиры. На дворе его приняли на руки главный начальник Кронштадта генерал-лейтенант Артамонов, кронштадтский военный губернатор контр-адмирал Григорович, комендант крепости, городской голова, соборный староста Я.К. Марков и другие лица. Под печальный перезвон колоколов собора процессия, в предшествии икон и хоругвей, направилась по Андреевской улице к Андреевскому собору. Вдоль улицы стояли сухопутные войска шпалерами, с трудом сдерживая многотысячную толпу. Окна, заборы и даже крыши домов были усеяны народом, жаждавшим взглянуть на перенесение тела высокочтимого пастыря.

Когда печальная процессия приблизилась к Андреевскому собору, гроб опять взяло на руки духовенство во главе с Преосвященным Кириллом и внесло в церковь, украшенную тропическими растениями.

Собор был переполнен, но тысячи народа толпились еще на площади и Николаевском проспекте. Началась литургия, которую совершал Преосвященный Кирилл при участии многочисленного духовенства. После литургии служили панихиду. Трогательное впечатление производила эта панихида. Рыдания народа, порою заглушавшие возгласы священнослужителей, производили потрясающее впечатление. После панихиды началось прощание с почившим пастырем. В собор впускали по очереди. Длинная очередь стоит у правого бокового входа в собор, куда пропускают только по двое. Выходят с левой стороны. Приходилось в очереди стоять целыми часами. В самом соборе панихида идет за панихидой.

Гроб стоит на высоком помосте. Ярко горят свечи вокруг него. Лицо почившего закрыто воздухом, как это делается у всех умерших священников; видны только исхудавшие руки, к которым сегодня приложились многие тысячи народа. В правой руке небольшой позлащенный крест.

В 7 часов вечера начался парастас (заупокойная всенощная), который продолжался до 11-го часа ночи. Всю ночь с 21 на 22 декабря до 6 часов утра собор был открыт. И всю ночь народ беспрерывно шел для прощания с почившим. У большинства на глазах слезы. Слышатся сдавленные рыдания и возгласы: «Закатилось наше солнышко! На кого покинул нас, отец родной? Кто придет на помощь нам, сирым, немощным!»

В 6 часов утра 22 декабря Андреевский собор закрыли, и впуск желавших проститься с Батюшкою был прекращен. Сегодня предстоял длинный путь – перевезение тела почившего пастыря в С.-Петербургский Иоанновский женский монастырь.

В 7 часов началась литургия. К окончанию литургии весь собор, площадь пред ним и прилегающие улицы оцеплены войсками. За чертой оцепления народ густыми массами виднелся по улицам, в окнах домов, по крышам, заборам и деревьям. Петербургские ворота, через которые ведет морская дорога в Ораниенбаум, в 9 часов утра закрыты, всякое движение по льду легковых экипажей и саней прекращено в 10 часов утра, а с 11-ти и движение пешеходов.

Полицейские чины озабоченно суетятся возле собора; шеренги войск стоят на площади; народ притих и терпеливо ждет выноса гроба на площадь. Всю эту картину ярко освещает холодное зимнее солнце.

Священник собора отец Павел Виноградов произнес простое, но сердечное и трогательное надгробное слово. «Мы ничем другим не можем отблагодарить нашего дорогого усопшего, как земным поклоном», – закончил он свою речь. Почти вся церковь после этих слов опустилась на колени. Епископ Кирилл в своем слове охарактеризовал отца Иоанна как личность, окруженную ореолом небывалой славы. Трудно передать все, что происходило в соборе. Возгласы духовенства

и пение певчих часто прерывались рыданиями. Временами в соборе слышен глухой гул.

Ровно в 11 часов 30 минут утра начался вынос тела из собора. Дубовый гроб был обнесен крестным ходом вокруг собора и под перезвон колоколов установлен на колесницу. Военные оркестры играли «Коль славен». В рядах войск были знамена. Для участия в процессии собрались хоругвеносцы из всех кронштадтских церквей. Во главе процессии шли драгуны с знаменем и хором музыки. Далее следовали певчие, духовенство, колесница с телом почившего и начальствующие лица во главе с генерал-лейтенантом Артамоновым. Шествие замыкала рота 94-го Енисейского полка и народ в числе по крайней мере 20 тысяч людей обоего пола. У Морского собора, у церкви Богоявления и возле часовни у Петербургских ворот, выстроенной в память адмирала Макарова, были совершены литии. По всей дороге через город стояли войска шпалерами. Лютеранская церковь на берегу моря почтила память дорогого покойника продолжительным погребальным звоном.

Далее предстоял путь через море. По приказу Главного начальника Кронштадта всем желавшим проводить усопшего по морю предписано следовать рядами друг от друга не менее как на два шага, в виду непрочности льда.

На всем морском пути устроили пять спасательных станций, а через обнаруженные на льду трещины соорудили особые мостики. Епископ Кирилл с некоторыми священнослужителями проехал вперед в Ораниенбаум, чтобы там встретить процессию на вокзале. Весь путь пройден менее чем в три часа. Погребальное пение и звуки «Коль славен» не смолкали ни на одно мгновенье. В Ораниенбауме процессию ожидали и стар, и млад, богатый и бедный, словом, все население. Местное духовенство, во главе с Преосвященным Кириллом, отправилось крестным ходом на встречу процессии на берег моря. По всему Ораниенбауму раздался перезвон колоколов. Гроб внесли на платформу и поставили в траурный вагон специального поезда.

Начались краткая лития. Платформа огласилась рыданиями ораниенбаумцев. В 4 часа поезд тронулся. Многие на коленях

крестились вслед уходящему поезду.

Приближаясь к каждой станции, поезд замедлял ход, но не останавливался. На всех станциях была масса народа, встречавшего последнее путешествие дорогого Батюшки по Балтийской дороге, по которой он за всю свою жизнь совершил множество поездок.

Около 5 часов дня траурный поезд прибыл в Петербург.

Полна скорбного умиления и величественной печали была процессия перевезения тела отца Иоанна с Балтийского вокзала в Иоанновский женский монастырь, на место упокоения.

По Обводному каналу и по всему Измайловскому проспекту уже с трех часов шпалерами стояли тысячи народа.

В парадных комнатах вокзала собралось духовенство. Здесь облачились в белые ризы Высокопреосвященный Сергий, архиепископ Финляндский, епископ Архангельский Михей и епископ Нарвский Никандр, архимандриты: Феофан, ректор Духовной академии, и Вениамин, ректор семинарии, благочинный Иоанновского монастыря архимандрит Макарий, специально прибывший из Москвы настоятель Патриаршего Антиохийского подворья архимандрит Игнатий, председатель Общества религиозно-нравственного просвещения протоиерей Ф. Орнатский и настоятели или представители от всех столичных приходов. К вокзалу же прибыли исаакиевские хоругвеносцы с хоругвями, были хоругви от приходских церквей, от Иоанновского монастыря и освященное отцом Иоанном знамя-хоругвь от «Союза русского народа». По всему пути похоронного шествия до монастыря движение по улицам было прекращено.

Когда поезд остановился под сводами Балтийского вокзала, из салон-вагона вышел Преосвященный Кирилл и сопровождавшие тело священники и присоединились к встречающим. Сонмом епископов и священников перед открытым траурным вагоном совершена лития. Пел хор певчих Семеновского полка.

На руках духовенства дубовый гроб был вынесен из вагона и поставлен на печальную с серебряным балдахином, увенчанным митрою, колесницу.

Лишь только печальное шествие двинулось с вокзала, как пронесся в воздухе печальный удар колокола; народ на площади начал креститься, раздались рыдания, которые перешли в общий плач, когда печальное шествие выступило на площадь.

Процессию открыл отряд конной полиции, что было необходимо ввиду громадного стечения народа. Затем несли хоругви, шли певчие, духовенство парами и упомянутые архипастыри; далее следовала печальная колесница, окруженная хоругвями. За колесницей шел С.-Петербургский градоначальник Д.В. Драчевский и бывший Главный начальник Кронштадта, ныне командующий войсками Киевского округа генерал-адъютант Н.И. Иванов. Из среды певчих и духовенства всю дорогу слышались трогательные напевы канона «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение». Шедший за гробом народ образовал несколько хоров, которые пели «Святый Боже», «Вечную память» и другие духовные песнопения.

Увидели колесницу стоящие по пути шествия, на площадях и тротуарах, неисчислимые толпы народа, услышали пение, и воздух оглашается плачем, и так громок был иногда этот плач, что прорывался сквозь мощное пение, заставлял дрожать голоса поющих. Чувствовалось, что голоса эти достигают неба и что достойнейшему пастырю действительно будет вечная память. Так народ провожал пастыря, который был сам народной добротой, народной совестью, народной верой. Пока будут подобные пастыри, будет и вера в России.

Не бывало еще, кажется, похорон с такой огромной, плачущей толпой из людей всевозможных званий, начиная от простолюдина до высших сановников.

Из Воскресенской церкви Общества религиозно-нравственного просвещения, что у Варшавского вокзала, вышли священники храмов Общества с крестным ходом; председатель совета совершил литию, и священники присоединились к процессии. У Измайловского собора Святой Троицы, у Вознесенской церкви перезванивали колокола, выходило духовенство с хоругвями и совершались литии. У Исаакиевского собора во главе многочисленного духовенства с хором

исаакиевских певчих вышел для служения литии маститый настоятель, митрофорный протоиерей И.А. Соболев. Затем процессия направилась, по особому повелению Государя Императора, по набережной Невы мимо Зимнего дворца. Благодаря этому Высочайшему повелению процессии необходимо было следовать мимо здания Святейшего Синода и остановиться пред ним на краткое время для служения литии. Здесь нам вспомнилось предуказание Батюшки на эту остановку, сделанное им за три недели до кончины. Батюшку приехали навестить его давние усердные почитатели купцы В.П. Крутов и А.А. Забелин. В беседе с ними Батюшка, между прочим, говорил: «Ведь в монастыре-то меня очень ждут и сестры хотят причаститься. Ну, да к празднику-то (Рождества Христова) я соберусь, только причастить, пожалуй, не придется. Просят меня также побывать и в Святейшем Синоде. Побываю и там, хотя на полчаса или на несколько минут. Только ведь я там никогда не бывал, не знаю, как войти; а, впрочем, покажут».

Эти предсказание действительно исполнилось. Позднее Батюшка еще точнее предсказал день своей кончины. 18 декабря, как бы забывшись, он спросил игуменью Ангелину: «Которое сегодня число?» Она ответила: «Восемнадцатое». – «Значит, еще два дня», – сказал в раздумье Батюшка. Незадолго до смерти он разослал всем почтальонам, рассыльным и т. п. людям, исполнявшим его поручения, праздничные на Рождество Христово. «А то и вовсе не получат», – прибавил он.

Но возвратимся к описанию похоронного шествия.

По набережной Невы процессия следовала до Троицкого моста, на котором не было народа. За мостом у древнейшего столичного собора Святой Троицы также совершалась лития. Шествие направилось по Каменноостровскому проспекту. Поредевшие на набережной, здесь снова скопились массы народа. Десятки тысяч народа – десятки тысяч слез. По пути в нескольких местах на Каменноостровском были отслужены литии, присоединились хоругви от Матвеевской церкви и Института принцессы Ольденбургской.

Шедшие впереди гроба четыре архиерея весь путь совершали без отдыха.

Лишь только процессия стала подходить к Карповскому мосту и была уже недалеко от монастыря, многие ясно видели, как с небосклона быстро упала звезда. Ее путь был как раз по направлению к монастырской обители. «Это душа Батюшки слетела с неба», – проговорила какая-то бедная женщина. В народе случай обсуждали на разные лады – в падении звезды видели небесное знамение.

В 8 часов 30 минут вечера прибыла к монастырю печальная процессия при печальном перезвоне монастырских колоколов.

Иоанновский монастырь в это время представлял из себя вид маленькой крепости. Вся набережная Карповки была очищена от публики и экипажей.

Только по билетам пропускали в церковь, которая еще задолго до прибытия погребальной процессии наполнилась молящимися.

При входе в церковь стояли все сестры обители во главе с настоятельницей, игуменьей Ангелиной, а также духовенство. Все вышли встретить дорогого покровителя и молитвенника, прибывшего в свою обитель к празднику Рождества Христова, но уже бездыханным и безгласным. На руках духовенства, в предшествии сестер, поющих «Помощник и Покровитель», гроб был внесен в большой соборный храм и установлен посреди храма на катафалке, обтянутом белым глазетом. Кругом у колонн стояли живые растения. С большим трудом гроб был поставлен на место; все устремились прикладываться. Немало пришлось употребить усилий, чтобы водворить порядок.

Что могло бы произойти сейчас и во время отпевания при разрешении доступа в церковь всем желающим? Очевидно для всякого. Поэтому-то монастырская администрация со стесненным сердцем должна была решительно запретить впуск в церковь лиц, не имеющих билетов. На это распоряжение несправедливо роптали. Говорят, отчего не пропускали даже духовенство? Но если бы в день погребения пропускать всех желающих, то несомненно одно только духовенство могло бы

переполнить храм. Вот почему многие тысячи не могли быть допущены в эти дни в монастырский храм.

В 9 часов вечера в соборном храме начался парастас, который служил епископ Архангельский Михей, духовный сын и усердный почитатель Батюшки. В служении участвовало до 40 священников и диаконов. Величественно и трогательно было это богослужение, особенно в те минуты, когда пели все священнослужители, собравшиеся вкупе движением горячей любви и усердного почитания к новопреставленному отцу протоиерею Иоанну.

В 12 часов ночи окончилось богослужение, и тотчас начался впуск по очереди всех желающих проститься с дорогим Батюшкой.

Первыми подходили сестры, обливаясь горючими слезами. Можно ли изобразить их душевное состояние при этом последнем целовании? Они прощались с тем, кто был им ближе отца родного. Он принял их в обитель. Большинство жили в бедности и в суровой обстановке. Батюшка их пригрел, во всем помогал, учил их, руководил, питал телесно и духовно...

После сестер подходили миряне. Много прошло их, целуя истощенную десницу досточтимого пастыря, но еще более осталось таких, которым не удалось исполнить страстного желания – проститься с Батюшкой. В 6 часов доступ ко гробу был прекращен. В это время в церкви-усыпальнице началась ранняя литургия, которую совершал архимандрит Игнатий, при участии многих других священников. В соборном храме необходимо было прибраться и приготовиться к литургии и отпеванию.

Около гроба всю ночь продолжалось чтение Святого Евангелия и непрерывно служились панихиды. Многие, приложившись к руке Батюшки, зажигали свечу, которую уносили себе на память.

В 8 часов 30 минут утра начался благовест к поздней литургии. Из архипастырей первым прибыл Кирилл, епископ Гдовский. Вскоре прибыли: Сергий, архиепископ Финляндский, Михей, епископ Архангельский, ректор С.-Петербургской духовной академии архимандрит Феофан, ректор семинарии

архимандрит Вениамин, митрофорные протоиереи А.А. Дернов и Ф.Н. Орнатский и другие священнослужители, назначенные владыкйю митрополитом для служения литургии, в числе 12-ти архимандритов, протоиереев и священников. В 9 часов прибыл Высокопреосвященнейший Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский, и началась Божественная литургия, на которой присутствовали: товарищ обер-прокурора Святейшего Синода тайный советник Рогович, управляющий канцелярией Святейшего Синода С.П. Григоровский, С.-Петербургский градоначальник Д.В. Драчевский, тайный советник В.Н. Мамонтов, генерал-лейтенант граф Н.Ф. Гейден с супругойю и много других высокопоставленных лиц, представителей купечества и людей разных званий.

Через несколько минут после начала богослужения в храм неожиданно, словно знаменуя победу света над тьмой, проглянуло солнце и ярко осветило своими лучами гроб и стоящих около почившего. В конце литургии, по благословению владыки митрополита, известный проповедник протоиерей философ Орнатский вдохновенно произнес следующую речь:

– Дорогие братья!

Умер дорогой наш батюшка отец Иоанн.

А мы-то думали, что еще долго-долго будет он жить. Ведь кого любишь, тому желаешь долгой жизни. Тем более что мы не привыкли его видеть старым, больным. Он и в 75 лет был всегда бодр и юн духом.

Вот он, бывало, быстро всходит по лестнице и еще в дверях дома громко приветствует всех своим свежим, резким голосом: «Здравствуйте, друзья мои; здравствуй, мамочка; здравствуйте, детушки; няня, здравствуй».

И, входя во внутренние комнаты, одного погладит, другого потреплет, иного поцелует и всех благословляет.

А потом подходит к заранее приготовленному столику для молитвы и освящения воды, и когда молится, не только просит Господа, а иногда требует об исполнении просьбы, ради великой голгофской Жертвы Сына Божия, и молится часто своими словами.

Когда же кончит молитву, то начинают подходить к нему присутствующие, чтобы поведать ему, и непременно на ушко, о чем-то важном, чего вслух и сказать нельзя. И на кого он взглянет строго, другому улыбнется, иного побьет по больному месту, кому и денег даст, не считая их. И все отходят от него ободренные, успокоенные, обласканные.

И дни, месяцы счастливая семья вспоминает потом о посещении отца Иоанна, о том, что и кому он сказал, как посмотрел, что сделал.

И вот умер отец Иоанн. И везде, где ни скажут эти три слова – умер отец Иоанн, везде поймут, кто умер. Умер вот он, бездыханно предлежащий пред нами пастырь, отец Иоанн Кронштадтский. Ибо везде знали его и всюду чтилось имя его, и в городах, и в селах, и в столицах, и в самых глухих углах нашей родины. Даже за границей знали нашего великого пастыря и почитали его. Когда смертельно болел в Крыму Государь Император Александр III и отец Иоанн был вызван к нему, тогда все газеты мира писали и о нашем знаменитом молитвеннике и чудотворце. Потом отец Иоанн получал много писем на всех языках из разных государств Европы и даже Америки. Вот писал ему один мальчик из Швеции: «Я слышал, что ты лечишь людей молитвою, моя мама сошла с ума и лежит в больнице; мне скучно без мамы. Помолись, чтобы моя мама выздоровела». Молодые из Америки писали, что они очень счастливы и просят отца Иоанна помолиться, чтобы и впредь им жить так же счастливо. Из Германии просили прислать освященной отцом Иоанном воды или масла, просили и денег. Присылали свои волосы, прося благословить их, и выражали веру, что его благословение распространится и на все их существо...

Что же это за явление – отец Иоанн в конце XIX – начале XX века, во времена безбожия и безверия? Как объяснить его происхождение и дивный подвиг его жизни?

Для верующих ответ на эти вопросы так же прост, как объяснение Пресвятою Девой Марией Ее величия: «Призрел Господь на смирение рабы Своея» и «сотворил Мне величие

Сильный». Так же точно и величие отца Иоанна есть дело Божией благодати, пребывавшей на нем со дня его рождения.

Вспомните некоторые случаи из его жизни. Вот он родился болезненным, хилым. Его наскоро окрестили, опасаясь, что умрет, а он дожил до 80 лет.

Вот он в духовном училище захворал смертельно. Врач советовал ему в пост есть скоромное. Но мать не согласилась, и он не нарушил закона церковного о посте. Ныне этому случаю не придадут значения, но вспомните, не так ли строго блюли закон о посте и пророк Даниил, сохраненный Богом от челюстей львиных, и его три друга, спасенные в разжженной печи вавилонской.

Вот он в Академии, юноша богобоязненный, скромный, чистый, самоуглубленный. Первая книга, которую он приобретает на заработанные им первые деньги, была «Беседы святого Златоуста на Евангелие от Матфея». И он, уединившись в аудитории, читает их с восторгом, как бы живого представляет себе великого христианского проповедника и рукоплещет ему.

Вот он окончил курс и решается принять священный сан. И ему, никогда ранее не видевшему кронштадтского Андреевского собора, представляется он в видении, в ясных очертаниях. В этот собор поставляется он пастырем, с ним не разлучается в течение 53-х лет, здесь совершает он свой трудный пастырский подвиг.

Какими началами руководится в своем пастырском служении отец Иоанн? Прежде всего, живой пламенной верой в Бога. Его вера не есть лишь дело ума, нет! Она переполняет его сердце, объемлет все его существо, он живет ею каждый миг, во всяком положении. Он зрит пред собою, в себе и в людях Бога Благого, Милосердого, Спасающего. Вот Он подает тебе спасающую десницу, наказует тебя и милует, питает, одевает, животворит. Не может Он, – думал и верил отец Иоанн горячо, – не отозваться на моление Своих нежно любимых детей!

Этой верой жил, дышал, горел отец Иоанн, в особенности при совершении им «мироспасительной», как он выражался, литургии. Тут он преображался, делался светлым, радостным. Он сознавал и чувствовал, что совершает Жертву,

спасительную для всего мира. Когда пели «Распныйся, Христе Боже, смертию смерть поправый», он стремительно брал с престола святой крест и многократно лобызал его. Пред произнесением слов – «приимите, ядите» и «пийте от нея вси», как бы слыша их из уст Самого Господа, он предварял их словами: «О любезного, о сладчайшего Твоего гласа!» Когда совершался момент пресуществления Святых Даров, он торжественно произносил вслух, падая на колени: «Велия благочестия тайна – Бог явися во плоти», – и другое: «Слово плоть бысть и вселися в ны...» При этом одушевленном возгласе пастыря-молитвенника чувствовалось всеми, что да, действительно, здесь на престоле возлежит истинное Тело Христово. И когда затем отец Иоанн обеими руками, с глазами, полными слез, с величайшим умилением брал то святой дискос, то потир и как бы восторженно любовался содержимым в них, то думалось: да, он воистину причащается как бы из рук Самого Господа, пьет животворящую Кровь как бы из Его пречистых жил. Этой пламенной верой в животворность Святых Таин Тела и Крови Господа объясняется то, что отец Иоанн так любил причащать людей и, будучи 75-летним старцем, бывало, простаивал по 3–4 часа, чтобы причастить тысячи богомольцев. Это он называл – прививать бесплодные ветви к плодоносной маслине – Христу.

Живая вера в Бога толкала отца Иоанна в мир, в среду тех несчастных людей, которых Господь благоволил именовать Своими меньшими братьями. По принятии священного сана отец Иоанн входит в среду так называемых «посадских», босяков, бывших людей, пьянством и пороками лишивших себя образа Божия. Из пастырского сожаления к ним он учит их и благотворит им: кому даст сапоги, кому пальто, кому денег – каждому по нужде его. Он не руководится расчетами холодной филантропии и не разбирает, что привело человека к пропасти, он помогает всякому нуждающемуся в куске хлеба, но он же полагает начало и разумнейшему способу христианской благотворительности: устраивает в Кронштадте Дом трудолюбия, послуживший прототипом теперь нередких повсюду в России домов трудолюбия и работных домов.

Его подвиг не ограничивался молитвой и служением слова. Возвращаясь к себе домой, часто после целодневного, тяжелого труда среди множества людей, когда, казалось бы, естественным дать себе отдых, он садился за перо и изливал свои задушевнейшие мысли и чувствования о Боге и правде, о Церкви святой и таинствах, о грехе и благодати, об искуплении рода человеческого. Это – дневники отца Иоанна, дневники не в смысле ежедневных записей внешних событий его жизни, но показатели его внутреннего роста, его борений с внешним человеком, его устремлений к Богу. Это – «Богопознание и самопознание отца Иоанна, приобретаемые из опыта», как он выразился сам о своих дневниках. Из них составилось впоследствии знаменитое сочинение отца Иоанна «Моя жизнь во Христе». Оно должно быть настольной книгой каждого христианина, не только почитателя приснопамятного Батюшки. Из черновых ежедневных записей отца Иоанна можно видеть еще одну черту его подвига: это – постоянное бодрствование над собой, держание себя на виду, Енохово «хождение пред Богом». Заметив за собою малейшее падение, он тотчас же бичует себя, оплакивает свой грех и кается пред очами Всевидящего Господа.

Непрерывное горение отца Иоанна верой, как горение свечи пред иконой, постоянный самосуд над собою, жизнь во Христе, принесение всего себя в жертву меньшей братии, – все это и создало отца Иоанна. Его дела – плоды духа. Представьте их себе не как слова, не как даже качества, но в живом воплощении, и вы поймете кронштадтского пастыря.

Это – любовь, радость, мир, долготерпение, вера, кротость, воздержание.

Был ли отец Иоанн чудотворец? «Кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог, творяй чудеса един». Чудо может творить только Бог. Но отец Иоанн был то же, что чудотворная икона: ее прославил Господь, пред ней люди верующие горячо молятся и от нее получают исцеления. Она как бы особенно намолена и источает исцеления. Так и отец Иоанн: сам – пламенеющий верою, он со всех сторон получает мольбы о предстательстве пред Богом. На нем встречались благоволение Божие и людское

горе, воздыхающее о Божией помощи, и милосердие Божие обильно изливалось чрез него на людей. Сам отец Иоанн был чудо, как кто-то хорошо сказал о нем.

На самом деле, не чудо ли собирать к себе в наше маловерное время тысячи людей со всех концов России, заставлять их каяться, плакать о своих грехах, молить Бога о помиловании?

Не чудо ли одним своим появлением вызывать радость, восхищение и надежды тысяч людей, где бы он ни появлялся?

Не чудо ли основать четыре обители[74], не говоря о многих других, получавших помощь от отца Иоанна, молитвенную и материальную, тогда как основание и одной обители считается лучшим камнем в венце преподобных отцов, основателей монастырей?

Не чудо ли получать по 500–600 тысяч в год от людей, считавших за счастье жертвовать руками отца Иоанна на храмоздательство, на расширение религиозно-просветительной и благотворительной деятельности, в пользу бедных?

Вот какого пастыря, дорогие братья и сестры, мы потеряли в лице отца Иоанна, потеряли и горько оплакиваем свою потерю!

Но не будем плакать! Он не умер, но жив. Жив Бог, жива душа почившего. Он переселился к Источнику благодати и, стоя у Престола Господня, будет действеннее ходатайствовать за нас пред Богом.

Ныне день печали только по внешнему человеку, по духу же – великий праздник, праздник веры и святой Церкви Православной. И я скажу, хотел бы сказать чрез ваши головы на всю Русь:

Вы, хулители святой Церкви, говорящие, что Церковь отжила свой век и должна быть заменена иными руководящими началами жизни!

Вы, имеющие очи, чтобы не видеть, и уши, чтобы не слышать, вы, одебелевшие сердцем!

Вы были ли вчера в Кронштадте, чтобы видеть проводы того, кто в морской крепости России был ее крепостью духовною? Вы видели ли вчера встречу бездыханного пастыря,

какую уготовала ему столица? Нет, вы смежили очи свои. Так придите же к гробу сему и по нашим увлажненным слезами очам, по нашим разрывающимся сердцам узнайте, что дала нам Мать-Церковь, какое дитя породила и воспитала она!

Братья сопастыри мои! Это – наш праздник, праздник пастырства. Отец Иоанн был наиболее полным и совершенным воплощением идеала доброго пастыря, душу свою полагавшего за овцы, под которым Господь Иисус Христос разумел Себя Самого. И если мы хотим быть солью земли и светом мира, если хотим вести людей к совершенству, быть духовными вождями народа, мы должны идти путем отца Иоанна, изучать его творения, подражать ему и в вере, и в благочестии, и в труде, и терпении, и во всем.

Дорогие сестры святой обители сей! Вы плачете, потому что лишились своего отца и благодетеля, считаете себя осиротевшими!

Не плачьте! Теперь он ближе к вам и никогда уже не уйдет от вас. В нем вы приобрели себе игумена. С вами будут его честные останки; вместе с останками его здесь будет витать и его бессмертный дух. Ходите на его могилку молиться, плакать, каяться в своих грехах, просить его совета и наставления! Водите к нему и паломников, которые непрерывной чредой пойдут к нему! Сюда не зарастет народная тропа.

Дорогие братья! Мы должны почитать себя счастливыми, что присутствуем при его погребении. Будем же помнить его наставления, подражать его вере глубокой и жизни святой!

А ныне соединимся все в одной молитве, чтобы Господь Бог очистил отца Иоанна от всякой пылинки греха, убелил его белее снега и принял его в сонм небожителей, ближайших к Престолу Своему, да ходатайствует отец Иоанн у Престола Царя Небесного за Русь Святую, за Церковь Православную, за Царя – Помазанника Божия, которого он так горячо любил, за всех нас, да славится и чрез отца Иоанна и чрез нас пречестное и

* * *

Слово пастыря несколько раз прерывалось громким плачем присутствовавших в храме. Сквозь слезы говорил и сам

проповедник.

В три четверти двенадцатого окончилась литургия и началось отпевание, весьма умилительное, положенное только для священнослужителей.

На отпевание кроме упомянутых иерархов вышло до 60 священников и до 20 диаконов, почти столько же присутствовали как простые богомольцы за недостатком места и облачений. Едва раздались умилительно-скорбные слова заупокойных песнопений, как в руках молящихся по всей церкви начали возжигаться, словно звездочки, восковые свечи. Плач молящихся смешивался с молитвенными возгласами архипастырей и пастырей. «Со святыми упокой» было коленопреклоненно пропето всеми присутствовавшими при отпевании вместе с хором. Во время отпевания «Непорочны» читал Преосвященный Кирилл, а канон – протоиерей Ф. Орнатский.

После трогательного последнего прощания с почившим Высокопреосвященного митрополита и духовенства открытый гроб с телом почившего руками священников был вынесен из верхней церкви в нижнюю церковь-усыпальницу. Трудно передать скорбь инокинь при виде этого выноса. Все они плакали навзрыд. Многие при этом потеряли сознание. Плакали несшие гроб, плакали и все стоявшие на пути печального шествия.

Много горьких слез пролилось и в самых отдаленных местечках России при вести о кончине приснопамятного пастыря.

Впрочем, эти слезы, обильно пролитые у гроба отца Иоанна, имели другой смысл, чем слезы, проливаемые при гробе простого смертного человека. Присутствовавший на похоронах отца Иоанна В.М. Скорцов излагает свои впечатления, между прочим, в следующих словах: «Во все время литургии и отпевания чувствовалось, что стоишь у гроба не того близкого, дорогого, но простого смертного, безвестная участь которого за гробом гнетет душу трепетом ужаса и отчаяния. Нет, у гроба отца Иоанна не было места этому обычному ни ужасу, ни отвращению к мертвому телу; вам

хотелось долго, долго еще стоять и молиться, хотелось, прощаясь, еще и еще целовать, как это бывало при жизни, эти как бы озябшие, высохшие, но не омертвевшие, не вспухшие, какие обычно бывают, руки покойников...

Лицо почившего, как священнослужителя, было закрыто воздухом, но возлагавший венчик на чело почившего священник – духовник отца Иоанна говорил нам, что лицо, как и при кончине, совершенно покойное; глаза приоткрылись, и зрачки устремлены вверх, как бы у молящегося. И это чувство живой связи и неразрывности единения в любви и вере с дорогим покойником еще осязательнее напечатлевалось в сердце там, в нижнем храме у мраморной гробницы, куда опущен гроб с останками дорогого Батюшки в 2 часа 15 минут 23 декабря».

Делаем краткое описание храма-усыпальницы.

Вход в усыпальницу ведет из главного вестибюля направо по коридору, не доходя до дверей церкви преподобного Иоанна Рыльского. От небольшой площадки, на которой устроена продажа свечей, идет широкая лестница в 16–18 ступеней вниз. Здесь, в подземелье, под могучими сводами, поддерживающими все колоссальное здание храма, построен чудный по красоте храм. Все стены, столбы, колонны и потолки покрыты полированными плитами белого мрамора или сделаны под мрамор. Храм невелик, занимает всего 35–40 квадратных сажен и очень низок, всего около 3-х аршин в самых высоких местах. Иконостас весь высечен из белого мрамора, с чудной отделкой, выдержанной в русско-византийском стиле. Масса электрических лампочек заливает светом весь храм, отражаясь в белоснежных мраморных стенах.

Этот храм, как и весь монастырь, построен по плану и указаниям архитектора Н.Н. Никонова. Мраморные работы производил А.А. Баринов, а все иконы писаны известным художником Ф.К. Платоновым. Пред иконостасом с правой стороны находится гробница отца Иоанна. Стены и пол могилы состоят из сплошных цельных плит белого мрамора. За плитами мрамора сплошной каркас из толстого котельного железа. Стены могилы возвышаются над полом храма на пол-аршина; они тоже обложены мрамором. На дно могилы посыпано на два

вершка мелкого песка, и на песок поставлен гроб. Гроб не зарыт в землю, а покрыт только массивной мраморной плитой.

Храм-усыпальница освящен, как уже сказано, 21 декабря во имя святого пророка Илии и святой царицы Феодоры – имена отца и матери Батюшки.

В этом чудном, белом и светлом храме, соответствующем светлой личности дорогого Батюшки, он теперь и почивает мирным сном. С первого же дня после погребения сюда началось настоящее паломничество петербургских жителей и многих приезжих богомольцев. Уже с утра по малолюдной Карповской набережной от Каменноостровского проспекта к монастырю ежедневно начинается оживленное движение: то и дело проезжают кареты, извозчики, простой народ идет пешком группами. В усыпальнице с утра до вечера непрерывно совершается служение панихид у гробницы. Пение хора монахинь прекрасное.

Тысячи богомольцев идут к гробику Батюшки, как бы к живому своему утешителю, целителю и наставнику. Идут не только для того, чтобы вознести молитвы об упокоении его чистой души «в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, в недрах Авраама, Исаака и Иакова», но и себе чают получить здесь утешение Христово и избавиться от всякия скорби, гнева и нужды.

И это вполне понятно.

Изумительная деятельность отца Иоанна Кронштадтского давно уже привлекла к нему общие симпатии и распространила известность о нем – о его доброте и силе его молитвы, во всех слоях населения от царских палат до убогих углов бедноты. Сам глубоко верующий, Батюшка имел великий дар от Бога – укреплять в людях веру, окрылять надежду. Молитва его ставила на ноги и исцеляла часто таких больных, которым врачи не могли оказать уже никакой помощи. Многочисленные случаи исцелений по молитвам отца Иоанна сделались общеизвестными и засвидетельствованы в печати. Имя почившего, как чудесного духовного врача, собирало в Кронштадт отовсюду неисчислимое множество богомольцев. Вера, что отец Иоанн может вымолить у Бога прощение грехов,

являлась для них путеводной звездою в Кронштадт. Эта же вера теперь направляет почитателей Батюшки к дорогой могилке его.

Священник Иоанн Альбов. Достопамятные дни моеи жизни (Из воспоминаний о похоронах отца Иоанна Кронштадтского)

Смерть! Где твое жало?
Ад! Где твоя победа?
1Кор.15:55

С какой неотразимой силой и яркостью сказалась правда этих пророческих слов в кончине и погребении приснопамятного пастыря отца Иоанна Кронштадтского. Кто имел счастье быть у его гроба в день его погребения, для того тайна христианской смерти как бы наглядно разрешалась уже в таинство воскресения. Глубоко понятными становились слова: «Лестница к небеси гроб бывает...»

Вот уже три года прошло со дня кончины отца Иоанна, а впечатления от его гроба с неотразимою яркостью живут в душе, и хочется поделиться ими. Тем более хочется поделиться, что я попал на погребение отца Иоанна совсем неожиданно, «каким-то чудом», выражаясь народным языком.

Дело было так.

За три дня до кончины отца Иоанна я вижу сон, необыкновенно яркий по силе переживания и отчетливости впечатления.

Мы в алтаре с отцом Иоанном, и он обильно причащает меня из Святой Чаши Святой Кровию так, как обычно епископ причащает священников за литургией. И при этом так нежно, так любовно обходится со мной, говорит мне такие чудные слова утешения, что я проснулся весь под впечатлением этого сна и стал думать, что значит сон. Он был совсем неожиданным. Отца Иоанна я не видал перед этим уже несколько лет. Об ухудшении его болезни я ничего не знал. Правда, лет 10–8 назад мне приходилось 2–3 раза служить с отцом Иоанном литургию. Однажды он был у меня и обедал... Но это было так давно. Почему же теперь этот необыкновенно яркий сон? «Верно, отец Иоанн вспомнил почему-нибудь обо мне», – подумал я и успокоился.

На третий день узнаю, что отец Иоанн скончался.

В день перевезения тела его в Петербург я твердо решил пойти попрощаться с добрым пастырем, то есть зайти в церковь Иоанновского монастыря на несколько минут, положить поклон у его гроба и отдать последнее целование почившему. Я даже не взял с собою риз, думая, что там будут служить только по назначению или по особому приглашению.

Еду. Каменноостровский проспект полон народу. И чем ближе к Карповке, тем толпа гуще. Так же полны были и все улицы, по которым шла процессия с телом отца Иоанна от Балтийского вокзала до Иоанновского монастыря. И целыми часами народ стоял на улице под мокрым снегом, в благоговейном молчании, ожидая любимого пастыря. Зато надобно было видеть удивленные, искаженные злобой отдельные лица некоторых, едущих в трамвае людей, наблюдающих эти огромные толпы народа. Это, очевидно, те, кто думал, что слава отца Иоанна похоронена их злостными клеветными словами.

Еду дальше. У поворота на Карповку, где находится монастырь, сильный наряд полиции, и никого не пропускают без билета. Подхожу к толпе городовых и говорю:

– Пропустите меня.

Тотчас пропускают.

Иду далее. Вторая застава из полиции. Говорят:

– Позвольте билет.

– У меня нет билета.

– О, так невозможно, невозможно. Никого не велено пропускать без билета.

– Я священник, – отвечаю я, – вот посмотрите: на мне священнический крест.

– Все равно, батюшка, не можем, не можем… Идите назад и просите пристава.

– Да ведь меня уже там пропустили – говорю.

– Ну, Бог с вами, идите.

Теперь я шел уже беспрепятственно еще через две заставы.

Вхожу в храм. На лестницах сидят монахини и послушницы монастыря, начиная с самых младших, по две на каждой ступеньке и с печальными лицами дожидаются «своего» Батюшку.

Наконец я в алтаре. Ждем часа 2–3, и около 9 часов вечера печальная процессия приближается, и крестный ход входит в храм. Все мы, ожидавшие в храме, стоим с горящими свечами в руках. Вносят гроб с телом отца Иоанна, и церковь оглашается громкими рыданиями сестер обители.

Начинается всенощная – парастас. Служит Преосвященный Михей, епископ Архангельский. Поют монахини.

Мне очень захотелось принять участие в богослужении. Но нет риз. Монастырские все разобраны. Но вот один батюшка, пришедший с крестным ходом, не будет выходить на литию и уступил мне свои ризы.

Выходим на литию. Преосвященный Михей и человек 20 священников, все добровольно пришедшие.

Но что это за служба? Песни печальные, а настроение благоговейно-праздничное. Есть что-то, напоминающее светлую заутреню. И чем дальше идет служба, тем это праздничное настроение все растет и поднимается. Какая-то благодатная сила исходит от гроба и наполняет сердца присутствующих неземною радостью, словно окрыляет их, возвышает, освобождает от чего-то.

Чувствуется, осязательно чувствуется, что в гробе лежит праведник. Побывши у его гроба, нельзя было сомневаться в этом. Из гроба его исходило какое-то духовное благоухание, и именно духовное, не вещественное, не воспринимаемое обонянием, но ощущаемое духом...

Теперь я уже не мог уйти до конца службы. Я опять вышел в облачении на средину храма на «Непорочны». Знакомое уже благодатное чувство переполняет душу, и сначала я молился за усопшего, затем является потребность молиться у его гроба за других. Я стал мысленно поминать близких и знакомых, живых и усопших, особенно больных лиц, просивших помолиться за них, и являлась уверенность, что его молитвами примет Бог моления наши.

Кончилась эта чудная служба. Духовенство пошло прикладываться к усопшему – и опять это чувство благодатной силы.

Кончилась всенощная в первом часу ночи. Не хотелось уходить из храма. Хотелось остаться там на всю ночь. И многие остались.

Выхожу. Громадная многотысячная толпа народа ждет очереди, когда ее пропустят в храм проститься с отцом Иоанном. Всю ночь народ наполнял храм по очереди. Всю ночь служились панихиды. Затем ранняя, затем поздняя литургия…

Всенощная была так хороша, что я решил непременно попасть на литургию и отпевание и выпросил у матушки игуменьи билет.

– Только два билета осталось – сказала мне мать Ангелина, вручая мне один из них.

На другой день я поспел к отпеванию. Вхожу в алтарь. Облачаюсь. Служит митрополит Антоний и целый сонм священнослужителей.

И снова знакомое уже вчера ощущение наполняет душу. Чем ближе к концу службы, тем сильнее и сильнее. Когда же я приблизился ко гробу, чтобы поцеловать руку доброго пастыря, благодатное чувство заполнило всю мою душу. И, прикладываясь в последний раз к отцу Иоанну, я уже молился ему в душе словами пророка Елисея к пророку Илии: «Отче! Дай мне от духа твоего! Дай твоей пламенной веры, твоей дерзновенной молитвы, твоей всеобъемлющей любви к людям, твоей нежной ласки ко всем…» И живо, осязательно чувствовал, что дух праведника витает и благодатно объемлет всех собравшихся.

Еще минута. Подняли гроб, храм огласился рыданиями сестер обители. И понесли тело праведника. Вместе с другими и я нес этот гроб. Он уже был для меня драгоценен.

Вот мы в склепе, в новой, только что освященной, церкви-усыпальнице, которая вся сияет белым мрамором и электричеством.

Совершается лития. Запаяли крышку гроба и поставили в гробницу, устроенную на полу храма. Поверх гроба любящие

руки набросали песочку, который и был вскоре разобран «на память» присутствующими. А сверху покрыли гробницу металлической доской.

Отец Иоанн и по смерти телом остался с народом, который при жизни так теснился всегда к нему.

Несколько дней и ночей я был весь полон тем ощущением, которое пережил в храме у его гроба. Первый раз в жизни я до осязательности пережил и перечувствовал живую связь почившего праведника с нами, оставшимися еще здесь.

Сколько раз за это время был я в мирной белой усыпальнице отца Иоанна. И всякий раз она была полна народа до тесноты, и народ всегда был умилен и растроган. Что же влечет сюда народ? Что умиляет его? Нельзя уже было объяснить это явление какими-нибудь корыстными делами, как некоторые объясняли прежде. Нет. Здесь была только бескорыстная любовь к усопшему пастырю и вера в его праведность, в силу его молитвы за гробом. И тепло становилось тогда на душе. Очевидно было, что жива, воистину жива Православная Церковь и держится своею внутреннею, ни от кого и ни от чего независимою силою духовною, силою веры, надежды, любви.

Живым ключом бьет здесь жизнь русского народного духа в самых заветных его тайниках, тайниках веры в воскресение, в жизнь будущего века, в абсолютную правду Божию.

...И нет печали у его гроба, но веет миром и утешением.

«И верится, и плачется,

И так легко, легко»...

Яснее ощущается наше бессмертие, светлее светится заря нашего воскресения, и над лежащим здесь пастырем как бы наглядно исполняется слово Спасителя:

Великий светильник церкви Христовой

Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; о теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его.

2Тим.4:7, 8

Епископ Серафим (Чичагов). Слово перед панихидой в сороковой день кончины отца Иоанна Кронштадтского

В Бозе почивший дорогой нам всем отец Иоанн Кронштадтский, великий праведник и всероссийский молитвенник, истинный друг всех страждущих, труждающихся и обремененных, всегда останется близким сердцу русского народа и чистейшим источником вдохновения для служителей и предстоятелей у Престола Божия. Столь исключительные люди, как отец Иоанн, всегда пользуются при жизни более народной любовью, чем земной славой, так как против нее восстают явные и тайные силы, но после кончины они особенно возвеличиваются потомством того просвещенного общества, которое не могло своевременно распознать их духа по разным причинам, но больше по своему малому духовному развитию. Для большинства образованных людей, чуждых заповеди апостольской о необходимости уметь различать людей по их духу и избирающих более легкий способ познания, почти всегда ошибочный, по внешнему облику и по первому впечатлению, дорогой любимец русского народа отец Иоанн был всегда загадкой и какой-то тайной. Поэтому в своей труженической жизни он дважды подвергся жесточайшему гонению, в начале своей деятельности – по зависти окружающих и в конце жизни – по злобе врагов Православия. Модная известность, на которую столь падки высшие круги общества, привела отца Иоанна в богатые и знатные семьи, где ожидали видеть в нем величественного, изящного пастыря, производящего впечатление интонацией голоса, пронизывающим взором и таинственностью изречений. Но небольшая худощавая фигура его, быстрота и нервность в движениях, затрудненность в речи, характерные особенности сельского батюшки производили на многих неблагоприятное впечатление. От внешности его еще более увеличивалась та загадочность, с которой носилось образованное общество в своих бесконечных и возмутительных пересудах.Первые пятнадцать лет служения и подвижничества

отца Иоанна в Кронштадте возбуждали не только опасения высших иерархов и блюстителей в православном ведомстве за судьбу этого необыкновенного пастыря, но смущали, по совершенно другим уже причинам, живших в то время великих духовных деятелей, как, например, Преосвященного Феофана Затворника. Мне, как состоявшему в послушании отца Иоанна в продолжении тридцати лет, все эти факты хорошо известны. Несколько раз строгий митрополит Исидор допрашивал отца Иоанна, заставлял его служить при себе и доискивался, что есть в нем особенного, даже сектантского, как уверяли и доносили ближайшие священнослужители. К.П. Победоносцев вызвал его к себе, и первое их объяснение настолько характеризует обоих замечательных людей, что я не могу умолчать. К.П. сказал: «Ну вот, вы там молитесь, больных принимаете, говорят, чудеса творите, многие так начинали, как вы, а вот чем-то вы кончите?» – «Не извольте беспокоиться, – ответил дивный Батюшка в своей святой простоте, – потрудитесь дождаться конца!» Преосвященный Феофан счел необходимым отнестись к отцу Иоанну письменно со словом любви и наставления и высказать, что он взялся за такую подвижническую жизнь в миру, среди всех житейских соблазнов и невзгод, которая неминуемо должна привести его к страшному падению или окончиться ничем, что никто еще, со времени принятия христианства, не только в России, но и на Востоке, не решался на подобный путь, будучи не монахом, а священником, живя вне ограды и устава монастырских, и непременно это породит величайший соблазн в духовенстве и в народе.

Действительно, если подробно вникнуть в жизнь отца Иоанна и проследить за его постепенным духовным восхождением и сравнить общеизвестное аскетическое трудничество наших подвижников и преподобных с обстановкой и условиями пути, избранного отцом Иоанном, то нельзя не поразиться, насколько ему было труднее совершенствоваться и пребывать в невидимой духовной брани. На своем необыкновенном пути он явился первым среди мирской обстановки, столь опасной и полной преткновений; он был всегда поразительным примером для наших пастырей, которые

теперь так нуждаются в возрождении для современной деятельности, и поэтому каждому из священнослужителей необходимо ныне заняться изучением и исследованием столь необыкновенной подвижнической жизни незабвенного русского богатыря духа. Как было ему не казаться загадкой, величайшей тайной, когда он остался в положении простого приходского священника в многоштатном соборном клире и избрал путь совершенства, по заповеди Христа Спасителя, дабы оправдать непреложность слова Божия. Вот этого-то и не могли понять ни духовные, ни светские люди!

Аскетический монашеский дух требует первоначального усовершенствования в отрешенной от мира обстановке для того, чтобы человек переродился в этой новой тяжелой и духовной школе, сам укрепился внутренними силами и только тогда открыл к себе вход ищущим утешения, наставления и руководства или появился вновь в миру для служения людям. Но отец Иоанн обладал иным духом, имеющим свои отличительные черты и дарования. Дух отца Иоанна, так сказать, жаждал покорения внутренними человеческими силами, внутренним усовершенствованием всей этой окружающей его внешности, затрудняющей духовный путь в развращенном и извращенном миру, не прекращая исполнения никакого долга, возложенного на него обстоятельствами жизни, никакого служения людям, а, наоборот, совершенствуясь в обыденном труде, который, безусловно, необходим для всякого духовного пути, если суметь его соединить с непрестанною молитвою. Дух отца Иоанна требовал сохранения всей своей естественной внешности, чтобы избежать в духовной борьбе столкновения с легко вкрадывающимся лицемерием, отвлекающим от внутренней работы, когда монашеская одежда, обстановка, условия жизни дают без труда преимущества и приобретают кажущиеся достоинства, его дух стремился к самой искренней, чистой правде, к тому, чтобы никогда не казаться лучше, чем есть, а только быть действительно таким для Бога, людей. Поэтому он предпочитал скорее внешностью заслуживать осуждения, чем похвалу; одевался, не смущаясь, в богатые одежды, которые ему дарили; пил и ел для друзей и

гостеприимных хозяев все, что ему ни предлагали, конечно, в ограниченном количестве, и все покрывал своей любовью. Несомненно, отец Иоанн был блаженного духа, который в крайних формах у простого народа доходит до юродства Христа ради. Избрав такой трудный путь совершенствования, он любил бывать в обществе, беседовать и находил всегда в этой общественной жизни себе нескончаемую, непрерывную духовную работу.

Никто не мог понять в обществе, каким образом батюшка отец Иоанн достиг в светской жизни таких совершенных качеств? В ответ позволю себе вкратце начертать то, что мне известно. Отец Иоанн достиг всего самым простым способом: исполнением заповедей возлюбленного Господа Иисуса Христа. Приняв священный сан, он, прежде всего, поставил себе за правило исполнять свои обязанности пастыря, учителя и проповедника с величайшим усердием и строго наблюдать за своей внутренней жизнью, для чего не ложился спать без исповедания всех своих прегрешений за день, изучал Священное Писание, употреблял на это все досуги и свободные минуты, даже в поездках и путешествиях, и так до конца жизни. Ничто так не вразумляет, не учит, не наставляет и не вдохновляет, как чтение Святого Евангелия и посланий святых апостолов, вечно новое, радостное и назидательное, если изучать в них свои обязанности как человека, как священника и как члена общества. Затем, для наблюдения за своей внутреннею жизнью отец Иоанн ежедневно вел дневник, в который заносил все свои сокровенные мысли, чувства и молитвы к Богу и записывал внутреннюю борьбу с самим собою. Эти дневники, вошедшие в известную теперь книгу «Моя жизнь во Христе», есть величайшее достояние наше, оставленное пастырям и обществу в назидание. В-третьих, будучи сам бедным человеком, сыном сельского причетника, он имел потребность заботиться о всех нуждающихся и страждущих. Известно, что он делился всегда последним своим с бедными, так что митрополит Исидор был вынужден приказать выдавать жалованье не ему, а жене. Наконец, стремясь к тому, чтобы его душа не двоилась на добро и зло, он в обращении с людьми и в

молитве к Богу достигал поразительной, младенческой простоты. Простота, истина и истинность – эти три качества любви составляли цель его духовного трудничества, и отец Иоанн молил Господа об этом со слезами, говоря: «Господи, даруй мне сердце простое, незлобивое, открытое, верующее, любящее, щедрое, достойное вместилище Тебя, Всеблагого!»

Обладая чрезвычайной простотой и искренностью, отец Иоанн имел величайший дар молитвы. Это его отличительная особенность. Он глубоко верил, от всего сердца в благодать, данную ему как священнику от Бога молиться за людей Божиих и что Господь настолько близок к верующему христианину, как собственное его тело и сердце, ибо *тело наше есть храм живущего в нас Святаго Духа, Которого мы имеем от Бога* (1Кор.6:19). Он веровал на молитве, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело нераздельны, и, не допуская ни малейшего сомнения в исполнении Богом его прошений, просил совершенно просто, искренне, как дитя, с живой, ясновидящей верой в Господа, представляя Его не только стоящим пред собою, но и себя как бы находящимся в Нем, в такой близости. Он считал сомнение за хулу на Бога, за дерзкую ложь сердца, и говорил: «Разве мало для нас видеть бессилие в человеках, что хотим еще видеть бессилие в Самом Боге и тайно помышляем, что Бог не исполнит нашего прошения?»

Когда отец Иоанн молился, то старался вообще больше молиться за всех верных, чем за себя одного, не отделяясь от верующих и находясь в духовном единении с ними. Если видел в человеке недостатки или какие-нибудь страсти, то всегда молился тайно за него, где бы ни было: во время служения литургии, в пути ли, в беседе ли. Проезжая по улице и видя порочных людей, он тотчас возносил ко Господу свою сердечную молитву и взывал: «Господи, просвети ум и сердце раба Твоего сего, очисти его от скверны!» или иными, более подходящими к данному лицу словами из псалмов. Он не пропускал случая помолиться за человека по чьей-либо просьбе, радовался такой просьбе, считая, что молитва за других есть благо и для него самого, потому что она очищает

сердце, утверждает веру и надежду на Бога, возгревает любовь ко Христу и ближнему. Отец Иоанн молился по вере в его молитву просящих и никогда не приписывал себе ничего. Если ему приходилось вразумлять заблудших, утешать впавших в отчаяние, он в конце беседы непременно приглашал вместе помолиться за того человека, искренне сознавая, что одними словами нельзя исправить недостатки других, а надо еще вымолить помощь и силу Божию.

Особенность молитвенного подвига отца Иоанна заключалась еще в том, что он необыкновенно внимательно следил за сердечностью своей молитвы и тотчас прекращал ее на время, если сознавал, что молитва становится только внешней, механической, так сказать. Он упражнялся в движении своего сердца на молитве и этим подтверждал ту особенность его духа, о которой я говорил вначале. Считая одну умственную или поверхностную молитву оскорблением Бога, призывающего к Себе человечество словами: *Даждь Ми, сыне, твое сердце!* (Прит.23:26), отец Иоанн учил, что хорошо оказывать послушание во всем Матери-Церкви, читать длинные молитвы, положенные по уставу, акафисты, но следует это делать с благоразумием, и кто может вместить продолжительную молитву, да вместит, но если эта продолжительность несовместима с горячностью духа, то лучше сотворить краткую молитву, ибо, как святой апостол говорит: *Царствие Божие не в слове, а в силе* (1Кор.4:20). «Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу, но никогда не допускать ни одного возгласа к Богу, не исходящего из глубины сердца. Когда мы научимся во время молитвы говорить из сердца только истину, то, что действительно сознаем и чувствуем, то искренняя или истинная молитва очистит наше сердце от лжи, и мы не позволим себе лгать и в жизни».

Поэтому отец Иоанн считал полезным во время служения и на молитве иногда сказать несколько своих слов, дышащих горячей верой и любовью к Господу.

Дорогой батюшка отец Иоанн поражал и иногда потрясал всех глубиной своей молитвы. На основании моих бесед с ним я могу только изобразить его молитвенное состояние. Он

становился пред Господом, как перед солнцем, и, чувствуя невыразимый блеск света Божественного, закрывал глаза и ясно ощущал свое нахождение в лучах этого света и от них теплоту, радость и близость к Христу Спасителю. Во время молитвы после причащения Святых Таин Батюшка иногда чувствовал, как Господь проникает сквозь его тело в сердце, подобно тому, как Он по Воскресении прошел сквозь стены дома к апостолам, и тогда он получал сознание, что невидимая душа его успокаивается в невидимом Боге.

Но чтобы уразуметь веру и дух батюшки отца Иоанна, надо было с ним молиться в алтаре во время литургии. Вначале он усердно поминал у жертвенника всех живых и мертвых, со слезами молился о всех, дерзновенно просил Господа за скорбящих и страждущих, по временам отходил, потом опять возвращался и снова молился, становился на колени, обнимал дискос и видимо страдал вместе с людьми, за которых молился. Когда начиналась литургия, он продолжал еще поминать у жертвенника по многочисленным запискам, которые ему читались, но к чтению Святого Евангелия всегда возвращался на свое место и с полным вниманием прослушивал слово Божие, вникая во всякое слово, покачивая головою в знак непреложности и истинности благовестия. По перенесении Святых Даров на престол великий молитвенник начинал как бы готовиться к радостному свиданию с Господом и уже помышлял более о присутствующих в храме, о соучастии их в общей молитве и в общей радости с ним и так молился иногда о них: «Господи! Многие из предстоящих в храме Твоем стоят праздны душами своими, как сосуды праздные, и не ведают, о чем подобает молиться; исполни сердце их ныне, в этот день спасения, благодатию Всесвятаго Духа Твоего и даруй их мне, молитве моей, любви моей, исполненных познанием благости Твоей и сокрушения, и умиления сердечного, даруй им *Духа* Святаго Твоего, *ходатайствующего в них воздыханиями неизглаголанными* (Рим.8:26)!»

По пресуществлении Святых Даров в Тело и Кровь Христовы отец Иоанн совершенно преображался. Мысль о людях сперва как бы отлетала от него, он начинал

славословить Господа, благодарить Его за бесконечное милосердие, за беспредельную любовь, за спасение рода человеческого, за вочеловечение, крестные страдания, за дарование сего хлеба насущного, и в доказательство своей веры, что хлеб и вино непременно преложились в Тело и Кровь Господни, по воле Самого Господа и по действию Святого Духа, он возглашал с великою внутреннею силою, что «небо и земля мимо идут, словеса же Господни не мимо идут!» Затем отец Иоанн углублялся в молитву свою за верных, о которых ему надлежало с дерзновением просить Господа Христа. Бывали дни, когда он в эти минуты превращался в какую-то неподвижную тень, точно замирал, стоя на ногах, и лицо его из живого постепенно превращалось в бледное, а затем и в темное. Как только наступало время ему сказать возглас, он моментально приходил в себя, открывал глаза, и из них катились по ожившему уже лицу крупные слезы. В такие моменты его службы присутствующим делалось жутко и страшно.

Батюшка всегда приобщался очень долго, со слезами, по его словам, сосредоточиваясь на твердой вере и на представлении, что перед ним Кровь и Тело Самого Христа. Он, приобщаясь, умственно препровождал их до глубины сердца. Быстро просветлялось его лицо при этом. Радостный, счастливый, он складывал ладони рук своих, незаметно побивал их, в своих быстрых и нервных движениях, и всегда оканчивал свою службу торжествующим. Пока Святая Чаша стояла на престоле, он над нею наклонялся, обнимал ее руками, прикасался к ней головою и радостно молился, переживая святейшие часы в жизни своей. По отнесении Святых Даров на жертвенник при первом свободном мгновении он приближался опять к ним и снова молился. «Хорошо молиться мне о людях, – писал он в своем дневнике, – когда причащусь достойно, сознательно, тогда Бог мой во мне, и я имею великое пред Ним дерзновение!» Отец Иоанн всегда сам употреблял часть Святых Даров и затем, разоблачившись, опять становился на колени пред престолом и, склонив на него голову свою, молился довольно долго. Совершая литургию,

незабвенный Батюшка обретал для себя величайшее наслаждение и блаженство. «Я угасаю, умираю духовно – говорил он, – когда не служу несколько дней в храме, и возгораюсь, оживаю душою и сердцем, когда служу, понуждая себя к молитве не формальной, а действительной, духовной, искренней, пламенной. Люблю я молиться в Храме Божием, в святом алтаре, у престола и жертвенника, ибо чудно изменяюсь я в храме благодатью Божией, в молитве покаяния и умиления спадают с души моей узы страстей, и мне становится так легко, я как бы умираю для мира, и мир для меня со всеми своими благами, я оживаю в Боге и для Бога, для Единого Бога, и весь Им проникаюсь, и бываю един дух с Ним, я делаюсь как дитя, утешенное на коленях матери, сердце мое тогда полно пренебесного сладкого мира, душа просвещается светом небесным, все светло видишь, на все смотришь правильно, ко всем чувствуется содружество и любовь, к самым врагам, и охотно их извиняешь и прощаешь! О, как блаженна душа с Богом!

Церковь – истинно земной рай! Какое дерзновение имеешь к Господу и Богородице! Какую чувствую кротость, смирение и незлобие! Какое беспристрастие к земному! Какое горячее желание небесных, чистейших, вечных наслаждений! Язык не может изречь того блаженства, которое вкушаешь, имея Бога в сердце своем! С ним все земное – прах и тлен».

Много будут теперь писать и говорить о возлюбленнейшем нашем батюшке отце Иоанне, великом подвижнике и всероссийском молитвеннике.

Сотни тысяч людей его видели, знали, молились с ним, многие получили исцеления по его молитвам, но я не ошибусь, если скажу, что не многие образованные люди понимали его, были настолько опытны и развиты духовно, чтобы понять его дух, главным образом уразуметь необыкновенный его путь к совершенству. Он стал пользоваться известностью уже почти после пятнадцати лет великих подвигов, и то в простом народе; двадцать пять лет подвижничества, проведенных как один день, не убедили образованное общество в его праведности. После пятидесяти лет этой замечательной жизни просвещенное

общество еще продолжало в нем сомневаться и даже позже обрушилось на него с обвинениями и преследованием, выражая свое осуждение и сомнение в нем. После этого можно ли подумать, что люди понимали великого пастыря Русской Православной Церкви?

Передать свои воспоминания о посещении Кронштадта нетрудно, описать виденное и слышанное также легче всего, чувствовать к такому человеку горячую любовь за ласки, добро, за помощь совершенно естественно, все это будет печататься и сообщаться, но в моем сердце, скорбящем этой тяжелой разлукой, теперь явилось желание ответить на недоуменные вопросы, которые служили поводом к несправедливым отношениям столь многих людей к этому действительному русскому богатырю духа. Мне казалось, мой прямой долг разъяснить духовно то, что не понималось многими при его жизни и считалось какою-то тайною. Этот духовный вывод из многолетней подвижнической жизни незабвенного учителя нашего, подтверждаемый собственными его описаниями, особенно необходим и важен в данное время для всего русского духовенства, ибо кончина великого молитвенника земли Русской и любвеобильный призыв глубоко верующим Царем священнослужителей к вдохновению примером и подвигами почившего праведника должны привести к возрождению всех сил русского духовенства для великого служения пред Престолом Божиим и на ниве народной.

Еще несколько слов... Дорогой батюшка отец Иоанн переносил все гонения с удивительным смирением. За тридцать лет я не слыхал от него ни слова упрека врагам, ни слова обиды на кого бы то ни было, как при первом преследовании еще в молодых годах, так и теперь в жестокие годины его предсмертного испытания. На все это он смотрел истинным духовным взором, считая всегда виновником состарившееся древнее зло на земле. Борьба его с духом злобы в молодых годах была поразительная: сотни раз я видел, как враг связывал его невидимо у Престола Божия, и он не был в силах несколько минут сделать шагу, а потом резкими движениями после горячей молитвы освобождался от посрамленного его

верой князя мира сего. По окончании подобных искушений он начал подвергаться совершенно неожиданно насилиям изуверов, его и душили, и кусали, и били, и злословили некоторые в припадках исступления. Чего только он не перенес! Поэтому воздвигнутый ему позор в печати, позор в театрах, позор между людьми, даже им облагодетельствованными во время безумной революции, это было оскорблением не ему, конечно, великому всероссийскому молитвеннику, догоравшему еще яркой свечой за Святую Русь пред небесным алтарем Всемогущего Бога, но невыносимым оскорблением нам, православным русским людям, всей России, которая имела право считать свою веру, свое Православие, своего дивного богомольца и Праведника неприкосновенными. Болезнь его быстро развилась в последние годы вследствие влияния на него испытаний родины. Один Бог был свидетелем его пламенной мольбы, стенания, бесконечных слез и дерзновенных молитв за Царя и Россию, за спасение Русской Православной Церкви, которые он возносил с одра болезни или сидя уже в кресле со Святым Евангелием в руках, преследуемый жестокими болями, воспламененный лихорадкой и изнеможенный и высохший от подвигов и страданий. Православие – вот о чем он больше говорил последний год и при изнеможении шептал, как бы завещая нам защиту этого великого сокровища русского и вознося еще последние мольбы за всех нас, оставшихся для продолжения его святого дела.

Но теперь уже все кончено: мы можем говорить, плакать и просить, искать утешения, жаждать этой любви, истины, правды, только припав на могилу нашего возлюбленного отца, друга и наставника!

Страшно за будущее. Он так долго и много учил, но все ли его слушали? Он был истинный служитель Божий, но многие ли у него восприняли эту истину? Он был искренним, правдивым богоносцем, но отчего же не все внимали его правде? Он просил, молил… Отчего же не исполнили?

Молитвами твоими да вразумимся, угодниче Божий! Аминь.

*Протоиерей Иоанн Восторгов.*Пасхальный Батюшка

Радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир.

Тропарь Спасителю

Вот церковное молитвословие, которое напрашивается само собою на уста у тех, кто имел счастье лично знать пастыря – праведника отца Иоанна Кронштадтского и иметь с ним общение.

Много раз и многими ставился вопрос: в чем тайна обаяния отца Иоанна, в чем тайна его великого и вглубь, и вширь влияния на сердца людей? Конечно, ответов много: и чистота его жизни, и искренность веры, и цельность духовно-нравственной личности, и простота обращения, и горячность молитвы, и дерзновение пастырского слова и авторитета, и дар чудотворений, и доброе сердце. Все это – чудный венок духовно-благоухающих цветов в похвалу незабвенного Батюшки.

Но есть одна сторона в его духовном облике, мало отмеченная или, правильнее сказать, мало истолкованная.

Отец Иоанн обаятелен был тем, что он явился среди шума жизни и уныния сердец в наш век живым носителем и проповедником христианской радости. В этом отношении он очень близок по духу другому праведнику своего века, ныне уже прославленному, святому преподобному Серафиму Саровскому.

Люди малоцерковные, те, что судят о Православии и жизни православного народа только по внешности, нередко, а в последнее время особенно усиленно, говорят и пишут, что Православная Церковь проповедует только печаль и скорбь жизни, что она говорит только о суете всего земного, наводит на своих сынов дух уныния и малодушия, заставляет их больше думать о смерти, чем о жизни. Говорят, самый образ и образец святого и праведника, в представлении русского человека, под влиянием монашеских склонностей учителей Православной Церкви – это непременно постник, схимник, ушедший от живых

людей, полумертвец... Он уныл и молчалив, он отделен от людей, он даже ненавидит и осуждает все земное, все живое, отрицает жизнь со всеми ее интересами и радостями, со всем ее разнообразием.

Говорят это люди, легкомысленно болтающие в газетах о вере и Церкви, упражняющиеся в хитросплетенном словесном красноречии в разных так называемых религиозно-философских кружках и обществах, но далекие от настоящей жизни действительного, а не выдуманного русского народа, чуждые живой веры и живой Церкви. Если бы они на самом деле были детьми церковными, они бы так не говорили. Объясним вопрос наглядным примером. Мы, верующие люди, действительно постимся, молимся, сокрушаемся о грехах, плачем при священных воспоминаниях Великого поста, Страстной недели. Тогда черные одежды, тогда печальные песнопения, тогда все носит печать скорби... Но приходит Пасха, и церковь вся сияет огнями торжества и радости, и льются дивно-радостные песни, и все облечено в одежды веселия, и все исполняется света, Небо же и земля и преисподняя. Тогда мы все переживаем величайшую радость Воскресения, и эту радость могут понять, представить и пережить только люди знающие, что они, со Христом страдавшие и умершие, Им искупленные, со Христом воскреснут, что они спасены во Христе Иисусе, в Его новом Сионе и новом Иерусалиме, во святой Церкви. С такой радостью не сравнится ничто в мире – и как ничтожна пред нею та языческая жизнерадостность плоти и чувственности, которую желали бы видеть в христианстве те мудрецы, что обвиняют Церковь за дух скорби и уныния! Живым укором и показателем неправды их лжемудрствований служат такие люди, как преподобный Серафим и отец Иоанн Кронштадтский. Эти сыны Православной Церкви, ею вспоенные, глубоко напечатлели в своих сердцах именно радость веры, упований и сознания спасения во Христе. И что же видим? Преподобный Серафим так и встречает всех, так и называет всех: «радость моя». Постоянно в устах его пасхальные песни, постоянные приветствия – «Христос Воскресе!» И великая духовная радость его переливалась в души приходивших к нему скорбных и

кающихся людей, и они оставляли его убогую келью окрыленными в вере и надежде.

Отец Иоанн очень любил преподобного Серафима и очень его почитал. Он был близок к нему и по своему настроению. Та же спокойная радость никогда его не оставляла. Та же улыбка привета и любви играла на его устах. То же слово привета: «друзья мои», «дорогие мои», «братцы мои», обращал он ко всем приходившим к нему. Подумать только, сколько поведано ему скорбей и печалей, сколько он выслушал тяжких признаний, сколько пред ним пролито слез, сколько несчастных бились у его ног, ища успокоения мятущейся совести, исцеления душевных ран... Море народной скорби поднималось до него своими волнами – и все он выслушал, все пережил и перечувствовал в своем сердце, все разделил со своими ближними. Как часто осуждали и осуждают его за то, что он приближал и ласкал людей недостойных, худых, обманщиков, злоупотреблявших его именем; как часто он и сам видел, что пред ним стоят люди, нравственно опустившиеся, подонки общества, обманщики и вымогатели. Но в великом сердце жила и сияла та святая любовь, что завещана была со Креста Тем, Кто сказал о Себе: *Аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе* (Ин.12:32). Злоба совсем умерла в его сердце, и всех этих страждущих, падших, несчастных, отравленных горькою жизнью он встречал приветливо, с радостным словом и взором, будил в них сознание и веру, что они искуплены Христом, спасутся в Его Церкви и что не все для них погибло. Глубоко в его душе напечатлелась молитва к Искупителю: «радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир».

Духом пасхальной радости постоянно веяло от его слова, от его молитвы, от его обращения с братьями во Христе, даже от его внешнего вида, от этих светлых и богатых одежд, орденов, что ему дарили, которые он принимал, возлагал на себя, не прилагая к суете сердца, за которые его осуждало мрачное злоречие... Духом радости веяло и от всего его духовного облика, и как бы верный пасхальному зову знаменитого Огласительного слова Пасхи, и он вещал во всю свою жизнь: «Все насладитеся пиршеством веры, все получите

богатство благодати. Трапеза Божия обильна; все насыщайтесь, телец велик; никто не уходи голодным… Пусть никто не плачет о бедности: открылось общее царство; пусть никто не плачет безнадежно о грехах: прощение из гроба Христова воссияло; пусть никто не боится смерти: нас освободила смерть Спасителя».

И как в день пасхальный доступно благодати всякое, самое зачерствелое сердце, и как в день пасхальный не остается равнодушным к общей радости и чуждым ей самый закоренелый невер, так пред батюшкой отцом Иоанном, от его привета, от радости, что жила в его душе, обретала умиление всякая душа христианская, скорбящая и озлобленная. И всем хотелось видеть и пережить этот живой праздник среди унылых будней жизни, и всех тянуло к этому богатому источнику христианской радости и бодрости.

Радость и бодрость духа заповедует нам отец Иоанн из-за могилы. И говорит он нам, что Церковь Православная дает человеку и спасительную печаль по Бозе, но не мрачное отчаяние, и великую радость спасения, но не веселье гибельной беспечности. Где бы могли получить это настроение преподобный Серафим и отец Иоанн, если бы Церковь, которой они были верными сынами, вливала им в душу только ненависть к жизни и ко всему живому?

Такая ясность и уравновешенность духа даются верующим только в той Церкви, которая в годы неверия минувшего столетия, в век господства самого ужасающего пессимизма в философии, литературе и в настроениях людей, в пору тягчайших испытаний народной жизни воспитала таких высоких носителей и проповедников духовной радости, которые знали науку из наук – уменье передавать сокровища своей души другим своим собратьям.

Верные заветам батюшки отца Иоанна, помянем и мы его молитвою упования и радости о вечной жизни. Верим, что сонмы и *духи праведных,* скончавшихся и *достигших совершенства* (Евр.12:23), встретили его в селениях небесных, и *ходатайствы многих* (2 Кор.1:11) пред единым Ходатаем и вечным Искупителем Христом. Он и ныне предвкушает ту

радость, которая обетована верным слугам Христовым и которую предначал он здесь на земле и исповедовал в чудной и бодрящей молитве Церкви: «радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир».

Е. Поселянин. Что сделал для нас отец Иоанн?

Мы, его современники, жили при нем, быть может, немногим лучше, чем жили бы, если бы он среди нас и не появлялся.

Происходила та же трагедия людского существования. В редкие лучшие минуты – устремление в высоту, желание служить Богу, воплотить в себе Его заповеди, славить Его своей чистой и Ему отданной жизнью.

А в общем распорядке жизни – то же забвение Бога, так же ничтожная крупица дел добрых на пуды дел злых.

Порывы туда, в высоту, к свету; изредка освещающее мозг сознание, как ничтожно и преходяще все земное, как исчезает и меркнет оно перед счастьем духа, доступным и в величайших земных страданиях, и, вместе с тем, гоньба за внешними благами, расчеты себялюбия и корысти.

Вечный разлад жизни и идеала, стремление, расходящееся с делами, и над всей этой слабостью жизни, над вечными невольными и вольными изменами, – чувство своей заброшенности, чувство отчуждения от всего земного, какие-то воспоминания иного мира, предчувствие лучшей светлой и блаженной жизни там, вдали от зла, под Божьим покровом в вечном царстве.

И вот над этим унылым существованием временами проходила какая-то светлая стихия.

Появлялся человек, который был весь сила, одушевление, который на несколько хоть часов, минут быть может, но все же властной рукой отрывал нас от мелочей и ничтожества жизни и вел за собой в высшие духовные миры.

Он появлялся – и ближе чувствовался нам далекий, непостижимый, страстно нами желаемый, но так холодно нами призываемый Христос!

Он появлялся, и молитва вдруг сходила на сердце, и чувствовалось, что слышит нас Тот, Кому мы молимся, слышит до последних слов нашей молитвы, до последнего вздоха сердечного, и в эту минуту земное теряло для нас цену и словно небо приоткрывалось и лились из него лучи

Божественной славы... И в жизни становилось так светло, словно из этой земной тюрьмы тебя оторвали и унесли в Божье царство...

И так ходил он из дома в дом, из города в город широкой Русской земли, принося с собой то же настроение и всех на время отрывая от земли и поднося к небу.

Представитель христианства торжествующего, полный радости Кровью Христовой искупленного человека, он ходил всюду со светлой безмятежной радостью искупления, воскресения и будущего, нескончаемого блаженства, прикрывая все те ужасы, муку и уродства, которые ему открывались глубже, чем какому-нибудь другому человеку.

С того самого дня, как отец Иоанн отслужил первую свою литургию, с того дня, как он одел первого встреченного им мерзнувшего человека и привел к себе в дом и накормил первого голодного, и произносимыми им молитвами впервые потряс сердца, началось торжественное шествие по России этой победы веры.

Мы верим холодно, косно, нет у нас личного отношения ко Христу. Чужд, далек, непонятен нам светлый мир святых, которому мы случайно молимся, обращаясь лишь к ним в трудные минуты.

И весь этот мир веры отец Иоанн к нам придвинул силой своей веры, освятил его нам с яркостью чрезвычайной, стараясь, чтобы мы его как бы осязали руками и воочию видели.

Он молился, и мы чувствовали, что перед этой душой стоит живой Бог, с Которым эта душа беседует, прося у Него, уговаривая, требуя с настойчивостью, неотступностью: «Исполни, дай. Не отойду от Тебя, пока не сотворишь по молитве моей».

Он говорил о Богоматери и о святых как о существах близких, родных, которые тут вот находятся при нас, нас слышат, о нас заботятся, готовы нам протянуть руки и вести нас.

Он совершал Таинство, и надо было видеть его в алтаре в эти минуты, чтобы понять, как дорога для него тайна Пресуществления, как реально для него это чудо.

«Он молится, он берется молиться за нас Богу, и Бог его молитвы исполняет, и то, о чем он просит, он получает: вот, значит, Бог есть, если он Ему молится и его слышит». Вот какое невольное умозаключение рождалось, когда мы думали об отце Иоанне, и вера наша крепла.

Когда доктора отказывались от больного, тогда звали отца Иоанна, чтобы его великий дух победил природное течение вещей, и предания скольких семей хранят благодарные рассказы о тех делах, которые называются чудесным исцелением.

Как разнилась его любовь от той любви, которой мы любим людей в миру! Для него все были одинаково дороги, всякий человек, к нему подошедший и в нем нуждавшийся.

Говоря с ним, вы чувствовали, что всю ту полноту привязанности, заботы и благожелания, которые человек может дать человеку, он вам в эту минуту дает и что никого больше вас любить он не может, потому что отдал вам всю полноту и цельность своей любви, как отдал ее и всякому другому. И великая победа любви была в том, что люди, никогда его не видавшие, чувствовали с первого взгляда какую-то с ним близость, и он с ними говорил, и они с ним говорили, точно знали друг друга десятки лет, и открывали ему все самое затаенное в своей душе, и ждали и требовали от него во всех своих нуждах – помощи.

Все к нему бросались, все к нему тянулись, и никто не мог на него пожаловаться, всех он грел, всем светил, как светит высокое солнце в небе, которое всех озаряет, которого на всех хватает.

Тому, кто говорит, что «Церковь мертва», что дело христианства не удалось, можно указать на этого церковного человека.

Он был истинное дитя Церкви, ее соками вскормленное, ее духом одушевленное, ее мудростью полное, ее путями шедшее. Он был плод Церкви, ее питомец – и могла ли мертвая Церковь родить такое дитя?

Отраден был его прямой, дышавший русской искренностью и простотой образ. Гордыни не было, не было самолюбия,

себялюбия; была какая-то детскость, что требовал Христос, говоря: «если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное».

Великое смирение, то отсутствие гордости и личных побуждений, которые мы видим в малых детях, собственная личность стерта, упразднена, ничего не осталось кроме Божией, действующей в нем воли, Божией, действующей через него благодати, Божьего, им глаголющего гласа.

Светлый, радостный лик, ласково улыбающийся, обдающий вас невыразимым обаянием любви и привета, какая-то вообще во всем радость и уверенность.

«Господи, – думалось, глядя на него, – ведь как, в сущности, жизнь хороша!

Здесь при всем грехе людском, всех наших слабостях и падениях, веющая над миром, все разрешающая Божья благодать, нескончаемые волны этой благодати, а там впереди Царствие Божие!»

И вот, его не стало...

Он ушел.

Но разве любовь его разгоралась все более и более бурным пламенем для того, чтобы потухнуть в высшем виде его бытия?

Или теперь неужели ослепнут его так уже на земле много видевшие глаза, и слух, так чутко различавший всякий земной стон, теперь ли огрубеет и не услышит зова?..

Нет! – Есть огни, которые, раз зажженные, не гаснут уже никогда, и цветы есть, которые, раз расцветшие, никогда уже не отцветают. Это чудеса духовного, горнего мира, и пастырь добрый, взяв на руки овец, уже никогда их не бросит.

Протоиерей Иосиф Фудель. Дело жизни отца Иоанна

Будущие беспристрастные историки жизни России, описывая вторую половину XIX века, остановятся с изумлением на необычайном в истории явлении, на том, как простой православный священник в течение четверти века приковывал к себе внимание населения всей России, а отчасти и за пределами ее, какое он имел влияние на православноверующих, начиная с первого сына Церкви – Царя и кончая миллионами безвестных мирян, какое дивное *сочетание* выразителей национального духа дала жизнь в лице этого пастыря и его современника, в Бозе почившего на руках его – Александра Третьего!

В самом деле. Разве это не необычайное, не единственное явление? Были у нас великие святители Церкви, страдальцы за Русскую землю, устроители ее. Были иноки-подвижники, скрывавшиеся в скитах и лесах, но своими подвигами воспитавшие дух народный. Были великие молитвенники среди них же и целители. Были красноречивые народные проповедники, как, например, Тихон Задонский[75]. И только пережитая нами последняя четверть века дала *священника* необычайной духовной силы и влияния. Разве это случайно?

В то время, когда среди освобожденного народа в переходную эпоху его истории появилась масса сект, когда под влиянием этого, а также начавшегося развала нравственных устоев жизни авторитет пастырей в глазах народа был подорван, казалось, окончательно, явился пастырь, поднявший этот авторитет своей личностью на небывалую высоту. Когда сами пастыри, под влиянием переживаемого унижения, опустили головы, сами стали оплевывать себя и даже стыдиться сана своего, в это время рядовой приходской священник показал, *чем* должен быть пастырь и какое влияние он может иметь.

Разве в этом не виден путь Промысла Божия о России? *Вижу* этот путь и в *чудесном* росте популярности отца Иоанна, и

в том, что этот светильник не оставался на одном месте «на верху горы», а как бы невидимой рукой *постоянно* передвигался с места на место, дабы *все* видели и получали от него потребное для себя. Это последнее доставляло отцу Иоанну множество страданий, но *это же было и его миссией.*

Что делало его великим? Когда говорят об отце Иоанне, обыкновенно вспоминают его исцеления, прозорливость, широкую благотворительность. Все это – дары Божии. Великим делало отца Иоанна не это, а его *жизнь во Христе,* то, что он всецело без остатка отдал себя на служение Господу и Его Святой Церкви. Отсюда уже и его молитвенные подвиги, и исцеления, и безграничная щедрость. Он *принес себя в жертву* за свою паству, и его сердце вместило нужды, страдания, слезы миллионов людей. В этом и заключается *подвиг пастырский.* И множество пастырей с безмерной радостью тянулись к отцу Иоанну за утешением и укреплением своего поникшего духа и всегда находило это. Тысячи учеников духовных школ, на школьной скамье изучавших пастырство по учебникам, с изумлением видели в отце Иоанне живое осуществление *идеи* и поучались и вдохновлялись им...

Нет отца Иоанна... и он *есть.* Умерло все временное, тленное, забудется все неважное. Но *жив* дух, всегда живший в Господе. *Все* члены Церкви Христовой имеют теперь нового молитвенника за себя, а мы, пастыри Церкви, кроме того, – и *живой образ* и неувядаемый пример для себя.

Архимандрит Константин (Зайцев). К чему зовет нас святость отца Иоанна Кронштадтского

Святость человека, выделяя его из рядов человечества, делает значительными каждое его слово и жест, каждую мелочь жизни и быта. Нет ничтожных событий в жизни святого. Это не значит, что каждое его действие безгрешно и заслуживает подражания. Это значит лишь то, что не безразлично никакое явление, имеющее отношение к жизни святого, образуя одно из звеньев неповторимо индивидуального пути восхождения его на горнее место, к Престолу Божию.

Одно обстоятельство обособляет отца Иоанна Кронштадтского от сонма святых. Недомыслимо высоко звание святого, изымая каждого святого человека из подчинения законам естества. Но нечто такое усматриваем мы в образе отца Иоанна, что на особое место выдвигает его даже среди святых.

Святость священника – вот особенность, можно даже сказать, единственность явления отца Иоанна. Не то существенно, что был отец Иоанн священником, а то, что сан священника, в его образе, оказался залит светом святости. Ничего исключительного не было бы, если бы отец Иоанн, быв священником, на каких-то дальнейших этапах жизненного пути обрел святость или, и будучи священником, в мученичестве обрел нимб святости. Знаменательно то, что отец Иоанн стал святым – во всех мыслимых проявлениях обыденной деятельности пастырской. В этом единственность, неповторимость, неизъяснимость – можно было бы даже сказать, загадочность личности отца Иоанна, если бы она не была раскрыта нам до доступной нам глубины его внутреннего человека и до последней мелочи его внешней жизни.

Не найдем мы, за редчайшим исключением, в святцах святых священников. Почему так? Чтобы это понять, достаточно обратиться к словам Златоустовым, посвященным священству. Здесь с силой недосягаемой показан контраст между заданием священника быть постоянно на людях, с одной стороны, и той

высотой духа, которая должна отвечать величию звания священника. Дело спасения *собственной* души становится для священника задачей исключительной трудности, с которой далеко не все священники успешно справляются. Что же говорить о святости? Отсюда поймем мы то недоумение, исполненное недоверчивости, с которым отец Иоанн был встречен людьми исключительно высокой духовности: не прелесть ли?..

Два светила сияют нам из глубины веков, сумевших явить собою величие священнического сана и выразить его в слове: то Иоанн Златоуст и Григорий Богослов.

Всмотримся в этих двух колоссов.

Иоанн Златоуст воплощение светлой воли пастырской. Его слова до сей поры – живое пастырское слово, и это при всей пространности их, так сейчас непривычной. Его голос проникает в сердца, как зов ко спасению – тут же указующий путь этого спасения и дающий средства для его осуществления. Это – властное, могущественное слово, дышащее благодатью священства. Это голос пастыря, нарочито поставленного на то, чтобы нас, овец стада Христова, вести, вопреки грехолюбивой природе нашей, ко спасению. Златоусту достаточен любой повод. Отправляясь от случайной точки, раскрывает он необозримый горизонт домостроительства Христова, центром имеющий кого? – тебя, к которому обращено слово. О тебе идет речь. Ты ощущаешь это всеми фибрами твоей души. Пастырски заостренная обращенность к человеку и создавала то, что слово Златоуста не только влекло толпы людей в храмы, и способны были они часами внимать ему с восторгом, неожиданно разряжавшимся взрывами неудержимого рукоплескания. Люди искали это живое слово хотя бы написанным, и это и обусловило то, что обладаем мы словами Златоуста в таком обилии. Не он сам записывал их, а за ним записывали скорописцы, чтобы удовлетворить этой потребности, не угасшей до сего дня. Будучи студентом Духовной академии, другой Иоанн, будущий Кронштадтский, в своей келье, читая эти слова, разряжал свой восторг рукоплесканиями...

Только ли то успех красноречия и духовной глубины?

Любишь ли Меня – паси овцы Мои (Ин.21:16).

Этими словами исчерпывается природа пастырства.

Любил свою паству Иоанн Златоуст. Прорываются у него порою признания многозначительные. «Вы все для меня – говорил он однажды своим пасомым. – Если бы сердце мое, разорвавшись, могло открыться пред вами: вы бы увидели, что вы все там просторно помещены – жены, дети, мужчины...». «Хотя бы ты шестьсот раз бранил меня – говорит он при других обстоятельствах, – от чистого сердца, чистым помыслом говорю тебе: МИР, и не могу сказать худого, ибо любовь Отца во мне...» «Тем более буду любить вас, чем, более любя, менее буду любим вами...» «Я умираю тысячей смертей за вас всякий день: ваши греховные обычаи как бы разрывают мое сердце на мелкие куски». С подвигом мученическим сравнивает святой Иоанн служение пастырское. «Мученик однажды умер за Христа, а пастырь, если он таков, каким он должен быть, тысячекратно умирает за свое стадо». Кровью любящего сердца напоено слово святого Иоанна – потому и остается оно живым и через полторы тысячи лет, находя живой отзвук в сердцах тех, к кому обращено.

Если кто из смертных рожден был пастырем, так это именно святой Иоанн. Пусть бежит он от священства, оставляя своего друга Василия в недоумении, ибо тем предавая связывавшую их дружбу. Он вынужден оправдываться – отсюда и возникли знаменитые слова о священстве. И каким же признанием заключаются они? Раскрыв пред изумленным, встревоженным, в конечном счете испуганным даже, сознанием своего друга величие несказанное пастырского служения – чем кончает свою исповедь святой Иоанн? Свидетельством неожиданным: не оттого бежал он, что не хотел стать священником, а оттого, что он слишком горячо этого хотел. Вот тогда-то и привело его в страх величие сана: подавленный страстями, не станет ли он игралищем темных сил, вместо того чтобы быть водителем ко спасению?

Пришли сроки – и стал все же отец Иоанн пастырем. Раз погрузившись в эту благодатную стихию, ею только живет и дышит святой Златоуст до последнего вздоха, отданного, как

известно, в предстоянии священническом Богу – в условиях изнурительного, беспощадного, последние силы отнимавшего влачения в ссылке.

Иное – святой Григорий Богослов. И он бежит от пастырства, подавленный величием этого звания. Бежит не от посвящения, а уже в сане священническом. Бежит, чтобы, опамятовавшись, вернуться, будучи влеком сознанием долга. Он раскрывает душу перед отцом и паствой. Показывает он психологическую вынужденность бегства для его натуры. Не мог поступить иначе он, Григорий, какой он есть – способный видеть, вместе с тем, все величие священнического сана. Но если с такой убедительностью оправдывает он свое поведение, то для того лишь, чтобы тут же поставить это в ничто. Он повинную приносит. Он видит себя вынужденным все превозмочь, лишь бы соблюсти главное, в чем он было погрешил, – соблюсти послушание. Не без воли Божией совершено над ним то, что совершено. Почти что чувство обреченности звучит в его согласии остаться на пути пастырском. В отличие от святого Златоуста святой Григорий не пастырь по призванию. Натура робкая, он влечется к созерцанию. Он человек чувства, а не воли. Он поэт в высшем смысле этого слова. И если силою обстоятельств пастырский жезл влагается в его руки, первой возможностью пользуется он, чтобы уйти в любезное ему безмолвие. Это безмолвие не есть молчание. Молва – значит суета. Слово – высший дар Бога человеку. Его и несет святой Григорий Богу, изливая в слове свою обращенность к Нему. Слово для святого Григория не орудие пастырского воздействия на людей, как для святого Иоанна, а благодатный орган Богообщения. «Словом владею я – говорит он, – как служитель Слова, никогда не хотел я добровольно пренебрегать этим богатством... оно спутник всей моей жизни... вождь на пути к Небу и усердный сподвижник». Одновременно и утешением служит святому Григорию поэтическое слово: «Изнуряемый болезнью, находил я в стихах отраду, как престарелый лебедь, пересказывающий сам себе звуки крыльев».

Отвращенность святого Григория от людей не холодность сердца. Увидев себя пастырем, связанным с людьми, он

пламенеет любовью к пастве. Как выразительны в его именно устах слова, обращенные к константинопольской пастве, от которой он был оторван! «Ноги сами шли», – говорит он. «Подлинно один день составляет целую человеческую жизнь для тех, кто страдает любовью». Не достало ему терпения далее жить в разлуке. Этот порыв святого Григория так же свят, как свято было сознание им обреченности своей, когда он видел себя призываемым к пастырству. «Снова на мне помазание и Дух, – раздается его стенание, – и опять хожу плача и сетуя». Он покоряется, чтобы быть, а не только казаться угождающим Богу. Но внутреннее равновесие обретает он, когда может всецело обратиться к Богу: тут, действительно, мир и покой. Прекрасны слова последнего его прощания с паствою и с кафедрою, этой завидной и опасной высотой. «Вот я, дышащий мертвец, вот я, побежденный и вместе (не чудо ли?) увенчанный, взамен Престола и пустой пышности стяжавший себе Бога и божественных друзей... Стану с ангелами... Сосредоточусь в Боге... Что принесу в дар церквам?.. Слезы». Так будет, пока не произойдет вожделенного слияния со Святою Троицею, – «Которой и неясные тени приводят меня в восторг».

Рядом с этими двумя гигантами духа бледнеет все. Много было сказано ценного и важного, боговдохновенного и возвышенного, поучительного и назидательного о пастырстве теми, кто носил этот высокий сан во спасение себе и людям и на основании личного опыта писал о нем. Но ничто не способно быть поставленным рядом с тем, что словом и делом явили нам святые Иоанн Златоуст и Григорий Богослов. Одно только явление выдерживает сопоставление с этими колоссами и возвышается рядом с ними, как нечто равноценное и самоценное, как нечто рождающее некий новый опыт священства и нас в этот опыт вводящее, с силой не меньшей, чем то, что мы видим на примере святых Иоанна Златоуста и Григория Богослова. Это – наш батюшка Иоанн.

* * *

Все тут иное. Только что перед нашим духовным взором вставали гениальные люди, воплощавшие современную им культуру человеческую – высшую из когда-либо человечеством

создававшихся. Богатейшее наследие приносили они к подножию Христа Бога, отдавая себя на всецелое служение Церкви в этом великолепном всеоружии. И рядом с ними кто? Деревенский паренек северного русского захолустья, сын бедного причетника, с немалым трудом преодолевавший деревенскую школу. Там самоотвержение в расцвете гениальных дарований. Здесь исходное убожество и от него рост, подъем, восхождение, совершающееся с какой-то естественностью и постепенностью растительного процесса. Если сознание в нем участвует, то не в смысле ответственных решений, принимаемых по глубоком и разностороннем рассуждении, а в образе смиренной молитвы, творящей дивные чудеса преодоления человеческой немощи. Да и что решать? Все течет в русле послушания и следования своему от рождения предназначенном уделу, в котором все ясно и просто.

Есть непереводимое русское слово – «быт». Оно применяется иногда ко всякой привычно житейской обстановке. Так говорят о быте применительно к театральной жизни, даже применительно к миру уголовному. Здесь – непродуманное перенесение понятия, рожденного в одной стихии, в другую, иноприродную. Быт, в первоначальном и подлинном своем смысле, есть отверждение жизни в ее прочных, богоустановленных, добротных, внутренне просветленных, выдерживающих стойкую и добрую наследственность, проявлениях. Быт есть такой порядок жизни, который, в основных своих элементах, способен быть возводим преемственно к истокам человеческого общества и способен быть донесенным до его конечного предела. Элементы быта в этом смысле присущи каждому жизнеспособному человеческому строю, являясь основой и обнаружением этой жизнеспособности. Но с особенной силой это благое жизненное начало хранилось в древнем Израиле, в избранном народе Божием, который, даже изменив своему назначению, сохранил в себе это живоносное начало, очевидно для того, чтобы мог этот народ в последние времена, как то предсказано апостолом Павлом, всенародно возвратиться к Богу. В новые времена Россия, как Новый Израиль, впитала в себя это живоносное

начало с какой-то особенной силой – притом, конечно, в новой, просветленной духом христианства, форме. Цельность церковно-православного сознания Россия сумела воплотить в жизненном укладе, в своем «быту». С чьей-то легкой руки появилось словосочетание знаменательное: «Бытовое исповедничество». Так восприняли русскую действительность своим западническим, утратившим целомудрие исходное, сознанием те русские люди, кто оказались способными оценить, уже со стороны, благодатное содержание, впитавшееся в русский жизненный уклад. Глубоко это определение. Да, отечество наше всей полнотой быта исповедовало веру Христову. Оно жило в полном согласии с заветами Церкви, не словом только, не отдельными делами отдельных людей, а всей жизнедеятельностью, всем существом, всеми отправлениями народного и государственного организма – будь то домашний обиход, будь то воинское дело, будь то государственная служба или земская работа. И так – применительно ко всем, будь то Царь или просто селянин. Этот святой быт укоренен был в сердце каждого. Его с собою уносил русский человек, даже отрывавшийся от Русской земли. Чем привязан был неотрывно к России вольный казак, если не этой бытовой связанностью, под собою имевшей глубокую духовную основу? Так росла, крепла Русь, от каждого, самого малого, участка своей грандиозной «жилплощади» возносясь «умом к Небу» и оттуда принося на землю там обретенный, общий для всех, язык, который рассыпанную храмину превращал в единую семью.

Крепче всего хранил русский быт наш Север, веками его утверждая в сменяющихся поколениях, умевших, не изменяя ни одного слова, ни одной интонации, ни одного оттенка, ни одного намека, передавать от отцов к детям и так донести неприкосновенно до наших дней киевскую былину, забытую, в силу испытанных потрясений, в месте своего возникновения. Этот Север и вскормил в своем благодатном лоне благоуханное явление отца Иоанна, за своими плечами имевшего трехсотлетнюю преемственность церковного быта в роде, неизменно служившем Церкви.

Можно высокомерно говорить о «провинциальной» ограниченности нашего Севера, о его суженности горизонта местной колокольней; можно со снисходительной улыбкой воспринимать эту узость, позволявшую безошибочностью памяти, свойственной только «анальфабетам», передавать из века в век вереницы слов и понятий, рожденных на другой почве и никакого конкретного представления не рождавших у местных людей; можно свысока смотреть на монотонность жизни, единственную отраду находившей в созерцании рожденных ею деревянных храмов, сочетавших причудливую монументальность целого с еще большей причудливостью филигранно отделанных мельчайших частей; можно отчужденными глазами взирать на неторопливость однообразно текущей жизни, открывавшей долгие досуги, наполняемые памятью о прошлом, в неизменной точности воспроизводимого.

То была замкнутая узость желоба, по которому текла из святого источника ничем не замутняемая живая святая вода, самим Промыслом оберегаемая от всяких внешних воздействий.

Культура святости! Есть и такая. Если наше отечество по праву получило именование Святой Руси, то не потому ли, что она, единственная из всех стран света, своим заданием историческим ощутила именно насаждение этой культуры и рачительное ее хранение? Этому заданию отвечал русский быт, каким мы его знаем в его повсеместном блюдении благоговейном – и в царских палатах, и в крестьянской избе, и в казачьем стане, и в помещичьей усадьбе, и в купеческом доме. Западническая культура Императорской России обязана своей внутренней красотой подпочве русского быта, ее вскормившей и питавшей. Но жила и цвела и подлинная Святая Русь, не терявшая, и в окружении этой блистательной новой культуры, своей целомудренной силы. Только в этом плане поймем мы благоуханную чудесность явления Царской Семьи. В этом плане встанет перед нами во всей своей значительности и батюшка Иоанн.

Отец Иоанн Кронштадтский есть лучшее и высшее произрастание нашей отечественной культуры святости. Не

случайно Господь избрал для высшего обнаружения русской святости не отшельника, не юродивого, не архипастыря, не жертвующего своей жизнью воина, в образе коих обычно находила свое воплощение русская святость. Во всех этих обнаружениях святость отвлекается от обыденной жизни, задача которой только воспитать это обнаружение святости и должным образом впоследствии ублажить это явление. Отвлечено от жизни прославление; оно предполагает истечение достаточно длительных сроков, дающих возможность забвения живой личности святого в обыденной конкретности его житейского облика. Иначе отец Иоанн. Скромный священник, плоть от плоти и кровь от крови русского патриархального быта, он, оставаясь таковым, вывел на свет, раскрыл, обнаружил, доводя до предельной напряженности, потенциальную святость, заключенную в этом быте. Являя эту святость, отец Иоанн, естественно, и вокруг себя вызывал, из всей обнимавшей его жизни, в масштабе всероссийском, таящуюся в ней устремленность к святости. Двоякая была реакция. Куда бы он ни шел, с кем бы он ни встречался, навстречу ему неслась на крыльях нездешних душа каждого, кто оставался еще в русском быту. И тут же непонимание, невнимание, даже враждебность обозначались со стороны всего того, что уже всецело погрузилось в новые формы культуры, сохранив в лучшем случае лишь внешность русского быта. Конденсатор святости русского быта, отец Иоанн, как сильный магнит, притягивал к себе разрозненные частицы этого быта в сохранившейся его святости, разбросанные по всему лицу Русской земли. Элементы «чуда» содержатся в так называемой популярности отца Иоанна. Как и элементы сатанинского бунта, некой злой одержимости противления, пусть порою и в формах благостных, выражаются в популярности Толстого. Толстой и отец Иоанн воплощают две России, между которыми делали выбор люди. Всероссийский плебисцит возник. Решала Россия, сама того не ведая, свою судьбу, в одной своей части устремляясь со стихийной силой, с каким-то порывом энтузиазма, в который бессознательно люди вкладывали уже и прощание с русской святостью быта, – к отцу Иоанну, а в другой солидаризуясь с

Толстым. А как глубоко проникло зло противления, о том ничто так ярко не свидетельствовало, как выступление против отца Иоанна правого русского писателя и знаменитого бытописателя Лескова, толстовца.

Хождение отца Иоанна по Русской земле было смотром русской святости, отвержденной в нашем быту. Эта святость получила в революции, в ее неприятии, новое обнаружение в новомучениках, и это в такой массовости, что, как свидетельствовал один святой старец, ангелы не успевали принимать души усопших... Россия и тут оправдала свое именование Святой Русью. Святость, присущая русскому быту, не выветрилась и сейчас, свое бытие обнаруживая и в том не умаляющемся потоке чудес, который продолжает изливаться от отца Иоанна.

Это – явь наших дней, сомнению не подлежащая.

Но что это – не догорание ли русского костра, точнее сказать, русского жертвенника, возженного пред Престолом Господнем и в образе Третьего Рима, своим светом и теплом питавшего вселенную до своего разгрома?

Под этим углом зрения особое освещение получает вопрос прославления отца Иоанна.

Не тогда ли оно должно произойти, когда сомнения уже никакого не станет в возрождении русского быта, в его присущей ему святости? Не должно ли прославление отца Иоанна, как и прославление Царской Семьи, быть свободным актом возрожденной Святой Руси, готовой утвердиться вновь в образе Третьего Рима, культуру святости имеющего основой своей жизнедеятельности?

Исключительное значение, под этим углом зрения, получает в наши дни «культ» отца Иоанна, наравне с «культом» Царской Семьи! Не новое ли это голосование пред Престолом Божиим, определяющее наше будущее, национально-государственное? Наше почитание батюшки Иоанна не просто молитвенное обращение за помощью и не просто благоговейный знак внимания нашему святому прошлому, в отце Иоанне воплощаемому. Это и свидетельство о нашей воле к жизни, о нашем уже овеществляющемся церковно-национальном

возрождении. И самое наше общение под покровом имени отца Иоанна получает значение некоего завета, взаимно даваемого. И в мыслях, и в делах принимаем мы как бы обязательство ощущать себя причастниками святого русского быта, в нем видя своего рода вещественный символ веры, дающий церковный ответ на основные вопросы совести, применительно ко всему течению нашей жизни. И тогда не вольноотпущенниками будем мы себя считать, готовящимися на новых началах, в новой обстановке строить новую жизнь, а ратью Христовой, свернувшей знамена лишь для того, чтобы по первому зову развернуть их либо в подвиге исповедничества на чужой земле, либо в походе за освобождение земли родной, к Христу возвращающейся.

Пусть мы грешны – быт наш свят. Это нашу грешность делает он особенно наглядной. Но путь к святости только грешникам и открыт – честно сознающим свою греховность пред лицом святости. Увидеть святость и возжелать ее – это было свойственно русскому человеку. Этому учит нас отец Иоанн каждым своим словом, каждым своим жестом. Хотим ли мы восыновиться ему? Своей помощью нам показывает он свою близость – ответим ему должным образом. … Помоги Бог!

Старец Силуан (Антонов). Об отце Иоанне Кронштадтском

Отца Иоанна я видел в Кронштадте. Он служил литургию. Я удивлялся силе его молитвы и доселе, а прошло почти сорок лет, не видел, чтобы кто служил так, как он. Народ любил его, и все стояли со страхом Божиим. И не дивно: Дух Святой влечет к Себе сердца людей. Мы видим из Евангелия, как множество народа ходило за Господом. Слово Господне привлекало народ, ибо оно говорится Духом Святым, и потому оно сладко и приятно для души.

Когда Лука и Клеопа шли в Эммаус и на пути к ним приблизился Господь и говорил с ними, то сердца их горели любовью к Богу. И отец Иоанн имел в себе обильно Духа Святого, Который согревал его душу любить Бога, и тот же Дух чрез него действовал на людей. Я видел, как народ бежал за ним, как на пожар, чтобы взять от него благословение, и, получив, радовался, ибо Дух Святой приятный и дает душе мир и сладость.

Некоторые плохо думают об отце Иоанне и этим оскорбляют Духа Святого, Который в нем жил и живет после смерти. Они говорят, что он был богат и хорошо одевался. Но они не знают, что в ком живет Дух Святой, тому богатство не вредит, ибо душа его вся в Боге, и от Бога изменилась, и забыла свое богатство и наряд. Счастливы те люди, которые любят отца Иоанна, ибо он будет молиться за нас. Его любовь к Богу горяча; весь он в пламени любви.

О, великий отец Иоанн, молитвенник наш! Благодарю я Бога, что видел тебя, благодарю и тебя, пастырь добрый и святой, ибо ради твоих молитв я расстался с миром и пришел на Святую Гору Афонскую, где увидел великую милость от Бога. И теперь пишу, радуясь, что Господь дал мне понять жизнь и подвиг доброго пастыря.

Приложение

Из истории Иоанновского монастыря

Своим возникновением Иоанновский монастырь обязан святому праведному Иоанну Кронштадтскому – великому молитвеннику и светильнику Церкви Христовой.

В 1899 году отец Иоанн основал в своем родном селе Сура Иоанно-Богословский женский монастырь. Сестры новой обители часто приезжали в Санкт-Петербург по монастырским делам, и поэтому отец Иоанн решил устроить здесь подворье.

Проект постройки был составлен епархиальным архитектором Никоновым и утвержден императором Николаем II. Строительство подворья началось весной 1900года.

Батюшка Иоанн с большим вниманием следил за ходом работ. Заботясь о том, чтобы все делалось как можно лучше, он не жалел средств, посылая в распоряжение комиссии по строительству большие суммы. Как только стала распространяться весть о построении отцом Иоанном новой обители, потекли пожертвования на монастырь деньгами, различными материалами и вещами.

И уже 17 декабря 1901 года по благословению митрополита Антония самим Батюшкой был торжественно освящен новый храм во имя преподобного Иоанна Рыльского – в честь Небесного покровителя отца Иоанна. Батюшка часто служил в нем до освящения большого собора.

17 декабря 1902 года был освящен главный престол соборного храма во имя Двенадцати апостолов.

В начале 1903 года определением Святейшего Синода Сурское подворье получило статус самостоятельного женского монастыря, который был назван Иоанновским – во имя преподобного Иоанна Рыльского, а матушка Ангелина – духовная дочь отца Иоанна, возглавлявшая Сурское подворье, была назначена настоятельницей обители.

В апреле и октябре 1903 года были освящены боковые приделы храма Двенадцати апостолов – в честь Казанской иконы Божией Матери и во имя преподобного Андрея Критского и преподобной Марии Египетской.

На втором этаже под алтарем храма Двенадцати апостолов были устроены покои основателя монастыря, которые сохранялись в неприкосновенности вплоть до закрытия обители.

Позднее было возведено еще два монастырских корпуса. В них размещались мастерские – иконописная и рукодельная, приют для девочек-сирот, фотография, типография, лечебница, где около двухсот человек в год получали бесплатное лекарство и лазарет на 10 коек.

В 1903 году трудами Кронштадтского пастыря был устроен Вауловский Успенский скит в Борисоглебском уезде Ярославской губернии, где отец Иоанн часто бывал.

Сам Батюшка любил называть себя «Божией милостью строитель Иоанновского монастыря».

Эту поистине свою обитель праведник выбрал местом своего упокоения, на что получил разрешение митрополита Антония и Государя Николая II.

Постепенно состояние здоровья отца Иоанна все ухудшалось, и 20 декабря 1908 года великий праведник и молитвенник отошел ко Господу. 22 декабря при многочисленном стечении народа тело почившего было перевезено из г. Кронштадта в Санкт-Петербург и погребено в храме-усыпальнице, устроенном усердием Анны Яковлевны Лежоевой в подвальном этаже здания монастыря.

С первого же дня после погребения Батюшки к его гробнице началось массовое паломничество. Православные люди стремились сюда со всех концов России.

Обитель быстро росла, и ко времени революции число насельниц вместе с Вауловским скитом составляло 350 человек.

Всем обширным монастырским хозяйством и жизнью обители руководила игуменья Ангелина.

За свои труды матушка была дважды удостоена золотых наперсных крестов из кабинета Его Императорского Величества. Впоследствии Патриарх Тихон наградил игуменью Ангелину почетной грамотой в связи с 15-летием ее игуменства.

После октябрьского переворота в 1919 году монастырь реорганизовали в трудовую артель, а в 1923 – закрыли. В

здании монастыря располагалось рабочее общежитие, а позднее – институт. В это нелегкое время духовное руководство сестрами, расселившимися небольшими общинками по разным адресам, старалась осуществлять до своей кончины (8 февраля 1927 года) игуменья Ангелина.

В начале 1930-х годов, когда начались массовые репрессии против духовенства и монашествующих, многие сестры и священнослужители монастыря были арестованы и осуждены на ссылку в лагеря на Север и в Среднюю Азию.

В 1931 году расстрелян духовник отца Иоанна Кронштадтского архимандрит Иаков (Аржановский), до своего ареста окормлявший часть сестер Иоанновского монастыря. Протоиерей Иоанн Орнатский был арестован в 1936 году и приговорен к 5 годам лагерей, а ранее был расстрелян вместе со своими двумя сыновьями большой почитатель отца Иоанна Кронштадтского, близкий к Иоанновскому монастырю настоятель Казанского собора, новомученик, протоиерей философ Орнатский.

Так трагически прервалась история Иоанновской обители.

Молитвенным предстательством святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, трудами и авторитетом Его Святейшества, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в бытность его митрополитом Ленинградским и Новгородским, была вновь открыта эта обитель. Монастырь был передан как подворье Пюхтицкому Успенскому женскому монастырю.

В ноябре 1989 года началось его восстановление. Не покладая рук трудились пюхтицкие монахини во главе со старшей сестрой – монахиней Георгией. В храме Иоанна Рыльского стала совершаться служба, к всеобщей радости открылся для паломников храм-усыпальница отца Иоанна Кронштадтского.

Возрождение монастыря промыслительно началось во время прославления святого праведного отца Иоанна.

7 июня 1990 года Поместный Собор избрал владыку Алексия Патриархом Московским и всея Руси, и на этом же

Соборе было принято постановление причислить к лику святых Русской Православной Церкви отца Иоанна Ильича Сергиева.

Летом и осенью 1990 года в монастыре велись большие ремонтно-реставрационные работы. Здание находилось в плачевном состоянии, так как ремонт не производился здесь со времени изгнания монахинь, то есть все 70 лет. Были укреплены купола, с которых еще в довоенное время сбросили кресты; состоялось поднятие первого креста на купол храма Двенадцати апостолов; в храме-усыпальнице были установлены воссозданный по старинным фотографиям иконостас и надгробие над могилой Кронштадтского пастыря; была восстановлена келья первой настоятельницы игумении Ангелины и проводилась реставрация покоев отца Иоанна Кронштадтского.

21 марта 1991 года были подняты 3 креста над малыми куполами храма во имя Двенадцати апостолов.

По сохранившимся старинным фотографиям восстанавливался интерьер главного собора. Был изготовлен резной дубовый иконостас – точная копия прежнего. Для него были заказаны и написаны иконы. 12 июля 1991 года на престольный праздник Святейший Патриарх Алексий II совершил освящение храма в честь Собора Двенадцати апостолов.

25 декабря 1991 года Иоанновский женский монастырь по определению Святейшего Синода стал самостоятельным и приобрел статус ставропигиального. 29 апреля 1992 года старшая монахиня Серафима была возведена в сан игуменьи и назначена настоятельницей.

Явственно чувствовалась помощь Божия во благом и богоугодном деле возрождения святыни. Как и при жизни Батюшки, обитель получала народные пожертвования. Не только отдельные граждане, но и организации стремились материальной поддержкой участвовать в возрождении монастыря. Благодарные насельницы за каждым богослужением молятся о благодетелях.

По милости Божией восстановление главной части монастырского комплекса вместе с храмами произошло

довольно быстро, но остальные корпуса постепенно возвращались обители, и поэтому для восстановления всего архитектурного ансамбля потребовалось более 10 лет. И сейчас, уже в наши дни, сестры стараются не только возрождать, но и продолжать традиции устроителей обители.

В 1999–2000 годах по благословению Святейшего Патриарха Алексия II в ограде обители воссоздан храм-часовня в честь Покрова Божией Матери, также возвращен обители и отремонтирован последний из оставшихся монастырских корпусов. Теперь в его стенах разместились классы воскресной школы, монастырские мастерские и гостиница для паломников.

В 2002 году к 100-летию освящения храма Двенадцати апостолов был произведен его капитальный ремонт.

В 27 км от Санкт-Петербурга в 1992 году началось восстановление храма святой мученицы Софии, освященного 9 июля 1996 года Святейшим Патриархом Алексием II.

Чудесным знамением Божественного Покрова над Иоанновской обителью явилось обновление иконы «Покров Пресвятой Богородицы».

Позже на обратной стороне холста обнаружили надпись: «Писал сию икону священник Иоанн Смирнов. 1908 г. Лесна». Как известно, Леснинский монастырь, расположенный на территории Польши, находился под духовным окормлением святого праведного Иоанна Кронштадтского, который так трогательно отзывался об этой обители: «Она – моя питомица была и есть».

В 2000 году для иконы были переданы в дар частицы покрова и пояса Пресвятой Богородицы, которые были помещены в ее киоте.

Воистину духовным центром всего монастыря можно назвать Усыпальницу дорогого Батюшки Иоанна Кронштадтского. Одним из самых глубоких впечатлений, неизгладимо врезающихся в душу народную, являются подвиги благочестия праведных людей. Сколько-нибудь верующая, сколько-нибудь способная к восприятию благодатных впечатлений душа радостно трепещет при приближении к месту погребения праведника. И сестры во всех своих монашеских

скорбях и бедах обращаются с молитвой к Батюшке и всегда чувствуют его незримое ходатайство.

Тысячи и тысячи богомольцев-паломников стекаются сюда. Имя Кронштадтского пастыря известно ныне во всем мире.

Еще одним из подтверждений святости Батюшки Иоанна являются многие дивные чудеса, творящиеся по его молитвам. Совершались они при его жизни, совершаются они и поныне. Множественные случаи благодатных исцелений записываются и хранятся сестрами. Зафиксированы исцеления от паралича, раковых опухолей, психических заболеваний, ожогов, туберкулеза, расслабления мышц и другие. Велико чудо исцеления телесного, но неоценимо выше преображение души человеческой! Сколько приходило к гробнице Батюшки людей с искалеченными судьбами, запутавшихся в земной суете... И открывалось их сердце к Божественному Свету, к Благовещению Христову.

Чудеса по молитвам святого праведного Иоанна Кронштадтского в наше время

Мы приводим лишь некоторые случаи благодатной помощи отца Иоанна в наше время. Одни из них записаны сестрами обители со слов очевидцев, другие – сообщены самими людьми, получившими эту помощь. Их безыскусные, искренние повествования говорят о, может быть, самом великом чуде – воскрешении омертвелой, не знавшей Бога души, обращении ее ко Господу.

Прославляет Бога, дивного во святых Своих, благодарит Батюшку Иоанна за предстательство Валентина Николаевна Красавцева из Санкт-Петербурга. Случай ее исцеления поразителен! 5 декабря 1990 года ее с приступом желчно-каменной болезни увезли в больницу. При операции у нее обнаружили в печени раковую опухоль в очень запущенном состоянии. Предварительный диагноз гласил: «...цирроз печени и аденома поджелудочной железы 4 степени». С начала марта 1991 года больная помещена на обследование в НИИ онкологии им. проф. Н.Н. Петрова. 16 апреля 1991 года консилиум врачей пришел к заключению: «Раковая опухоль забрюшинного пространства. Множественные метастазы печени». Больная выписана под наблюдение онколога домой, умирать... А ведь Валентине Николаевне было всего лишь 46 лет, у нее двое детей, младшему – 8 лет. Вскоре врачи ей предложили химиотерапию, но надежды было мало. Смерть стояла перед ней холодно, ясно, неумолимо. «Ну что ты кричишь? – однажды сказала ей соседка по палате, родом из Измаила. – У вас же на Карповке монастырь Иоанна Кронштадтского. Сходи туда!»

И в конце апреля, прежде бывшая неверующей, Валентина Николаевна, опираясь на руку матери, пошла в монастырь. Добралась с трудом, хотя жила совсем рядом. Подошла к священнику, попробовала перекреститься. «Ну вот, даже креститься не умеете», – укорил батюшка. «Я – умирающий человек...» – начала Валентина Николаевна и подробно поведала о своем горе. Священник посоветовал ей поговеть и

причаститься Святых Христовых Таин. Через четыре дня, впервые в жизни покаявшись, Валентина Николаевна причастилась. Потом вместе со всеми пошла на молебен в усыпальницу и долго там молилась и плакала. Еще несколько раз в течение месяца ей удавалось приходить в монастырь и испрашивать у дорогого Батюшки Иоанна помощи. Всего лишь через полтора месяца после первого появления Валентины Николаевны в Иоанновском монастыре в медицинской карте появилась запись, датированная 13 июня 1991 года: «По данным УЗИ объемных образований под печенью в настоящее время отчетливо не выявляется». Повторные УЗИ, проведенные 12 августа и 26 сентября, вновь подтвердили отсутствие образований в печени. И вот, 3 октября 1991 года в мед. карте появляется необычайно эмоциональная (что не характерно для подобного рода документов) запись онколога: «На данный момент, если ориентироваться на УЗИ (а именно эхография объективировала опухолевое поражение), больная излечена от опухоли? От какой? За счет чего произошла регрессия опухоли?» – не скрывает врач своего удивления и далее, перебрав все возможные причины столь радикального улучшения, ни одну из них не признает удовлетворительной.

Но прекрасно знает истинную причину исцеления сама Валентина Николаевна – это явление милости Божией по молитвенному ходатайству святого праведного Иоанна Кронштадтского.

С момента чудесного исцеления прошло уже несколько лет. В настоящее время Валентина Николаевна – постоянная прихожанка Иоанновского монастыря, бодрая и энергичная.

* * *

У жителя Подмосковья Владимира Васильевича Котова в течение целого года сильно болела правая рука, а к весне 1992 года она почти перестала двигаться. Владимир неоднократно обращался к врачам. Те установили предположительный диагноз – тяжелый артрит правого плеча, но существенной помощи оказать не сумели. Сам Владимир, потеряв надежду на излечение, стал усердно молиться Богу, испрашивая облегчение в болезни. Однажды к нему попала книга о святом праведном

Иоанне Кронштадтском. Читая ее, Владимир поразился тем дивным исцелениям, которые совершал Господь по молитвам великого праведника. «Вот бы и мне поехать на Карповку в монастырь, а Батюшка меня бы исцелил», – подумал он в простоте сердца. Поездка в Петербург устроилась, и 19 августа 1992 года, на Преображение Господне, Владимир вместе со своим другом молился в Иоанновском монастыре, исповедался, причастился, отслужил молебен святому праведному Иоанну Кронштадтскому и смазал больную руку освященным маслом от гробницы святого. По окончании богослужения друзья, выйдя из монастыря, направились к трамвайной остановке. Владимир повесил сумку на правое плечо и аккуратно уложил на нее беспомощную руку, как это он обычно делал в последнее время.

При ходьбе сумка начала спадать и он машинально поправил ее правой рукой, не почувствовав никакой боли. Остановившись как вкопанный, еще не веря самому себе, он снова начал двигать рукой. Она оказалась совершенно здоровой. Друг Владимира – свидетель этого чудесного исцеления.

С тех пор Владимир Васильевич регулярно приезжает в монастырь. На вопрос: «Как рука?» – он отвечает: «Слава Богу, все хорошо. Приехал к Батюшке помолиться».

* * *

Иногда Господь, по особому смотрению, вразумляет человека через болезнь его детей.

В семью военного музыканта Григория Андреевича Василевского пришла беда: смертельно заболел единственный сын, десятилетний Сережа. Осенью 1992 года у мальчика начались сильные головные боли. Ребенок был положен на обследование в нейрохирургическое отделение областной больницы г. Мурманска. Магнитно-ядерная томография выявила опухоль головного мозга. Врачи не стали скрывать от потрясенных родителей, что при таком заболевании дети обычно умирают или остаются инвалидами.

В начале января 1993 года Сережа был направлен в Санкт-Петербургский нейрохирургический институт им. А.Л. Поленова. Предстояла тяжелейшая операция. Надежды на излечение

практически не было. Впервые в жизни Василевские переживали большое горе. И – обратились к Богу, хотя прежде были практически неверующими.

Течет жизнь благополучно и спокойно, и не испытываем мы особой нужды в Боге, но лишь пред лицом испытаний, которые спасительно посылает нам Господь, осознаем свою немощь и глубочайшую зависимость от Творца. Так было и с Сережиными родителями. В скорби своей они возложили надежду на Бога, и Он не замедлил помочь.

Прежде чем выехать в Петербург, Василевские пришли в Мурманскую церковь, один из клириков которой, узнав об их беде, рассказал о святом праведнике Иоанне Кронштадтском и о дивных исцелениях, бывших по его молитвам, и посоветовал обратиться в Иоанновский женский монастырь в Санкт-Петербурге, где покоятся под спудом мощи великого пастыря.

Приехав в монастырь, они обратились к священнику, который сказал им о необходимости исповеди и причастия и посоветовал со всем усердием молиться отцу Иоанну Кронштадтскому. На следующее утро все трое, впервые принеся покаяние, причащались. В этот же день мальчика положили в больницу.

Предварительные анализы подтвердили наличие опухоли. Каждый день муж и жена Василевские приходили в усыпальницу и молились перед мощами Кронштадтского праведника. Сережа в больнице тоже молился, просил Бога об исцелении. Как глубоки и искренни были их молитвы! Сколько раз мама припадала к гробнице дорогого Батюшки, испрашивая его молитвенного заступления. Позже она вспоминала: «Однажды ночью мне приснился очень старый седой Старец. Я стояла с Сережей и плакала, просила его, чтобы он исцелил моего сына. Он долго слушал меня, и я очень боялась, что он откажет мне. Но он встал, подошел к Сереже и стал что-то говорить и гладить его по головке. Что он говорил, я не слышала. Но проснулась я впервые за два месяца очень счастливой и радостной, и почему-то я уже в душе точно знала, что Сережа будет здоров!»

Через два дня, 21 января 1993 года, ребенка направили на повторную томографию мозга в диагностический консультативный центр № 1 Санкт-Петербурга. Компьютерная томография показала невероятное – опухоли не было!

Удивлению врачей и радости родителей не было предела. Мальчика выписали из больницы здоровым. Вскоре все трое снова причащались в Иоанновском монастыре. Как сияли глаза Григория Андреевича, когда он рассказывал о чудесном исцелении сына!

Через год Сережин папа приезжал в монастырь, молился в усыпальнице, принося благодарение Господу Богу, Матери Божией и Батюшке Иоанну Кронштадтскому за избавление от беды. Рассказал, что сын здоров, учится в школе, головные боли больше его не мучают. Тяжелое испытание пережили Василевские и вынесли из него самое главное – веру.

* * *

Украинка Ольга Сойлук страдала болезнью носоглотки, 12 лет она не могла нормально дышать носом. Весной 1993 года течение болезни обострилось; приходилось через каждые полчаса пользоваться каплями. Больной сделали операцию, но безрезультатно. Врачи сказали: без трех последовательных операций не обойтись, так как сильно искривлена носовая перегородка и омертвела слизистая оболочка.

В Страстную седмицу Ольга отправила письмо с Украины в Иоанновский монастырь, прося помолиться у мощей святого праведного Иоанна Кронштадтского, и на Светлой седмице уже дышала свободно. «Даже не верится, – пишет она в благодарственном письме, – что теперь я свободный человек, не привязанный к аптеке».

* * *

Чудодейственную силу по благодати Божией имеет масло из лампады от гробницы Батюшки Иоанна. Одна женщина, несколько лет болевшая бронхиальной астмой, стала смазывать себе этим маслом грудь, и болезнь прошла... Другая женщина, помазавшись, исцелилась от сильной экземы на лице.

* * *

В сентябре 1993 года умирал от сильных ожогов отрок Виктор. Ребенку сделали четыре пересадки кожи, но приживление шло очень плохо, раны не затягивались. Витю стали смазывать освященным маслом от Гроба Господня и из лампадки от гробницы святого праведного Иоанна Кронштадтского, и произошло чудо – кожа стала интенсивно приживаться, а через неделю после помазания раны почти полностью зажили.

Семья мальчика живет в Киеве. Оказалось, что его прадедушка по маминой линии был диаконом и несколько раз служил вместе с отцом Иоанном Кронштадтским. Отец Виктора был не крещен, но после исцеления своего сына уверовал, приехал в монастырь и принял крещение в день своего Небесного покровителя – святого благоверного князя Олега Брянского, 3 октября 1993 года.

* * *

На протяжении нескольких лет в Иоанновский монастырь приезжает женщина по имени Ольга, живущая в Подмосковье. С особым усердием молится она святому Иоанну Кронштадтскому в его усыпальнице. Приводим ее письмо, в котором она рассказывает о нескольких случаях помощи Батюшки Иоанна.

«Господи, благослови! В 1992 году я заболела депрессивной язвенной болезнью желудка и двусторонним воспалением легких. Сильные боли и слабость не давали покоя. Я не могла вкушать пищу: мешали тошнота и боль, теряла сознание. Молитвы не шли. Только вспоминала одну единственную молитву – Иоанну Кронштадтскому. Поняла, что надо срочно брать билет и ехать в С.-Петербург, в святую обитель отца Иоанна. С трудом добралась до монастыря. Три раза подряд посещала литургию, заказывала молебен святому праведному Иоанну Кронштадтскому и прикладывалась к святым мощам. На третий день исчез страх, прошла боль, появился аппетит, вернулись силы и бодрость, желание работать и как можно чаще ходить на исповедь.

С тех пор каждый день благодарю Батюшку Иоанна Кронштадтского, каждый день молюсь ему и утром, и вечером; читаю ему акафист и все свободное время пою тропарь, и за

все благодарю Господа. Дарю всем его иконы и акафист, прошу всех молиться ему в любой ситуации. Ведь он говорил, что земных врачей надо ждать часами, и когда придут, неизвестно, помогут ли, а святые угодники Божии приходят на помощь мгновенно. И много-много раз, призывая на помощь отца Иоанна, я в тот же день получала исцеление.

В 1993 году у меня было сильное отравление. Я не могла подняться с постели, а только твердила: «Отче Иоанне, Батюшка миленький, приди на помощь, исцели меня, прости меня, грешную, и помолись за меня Господу, не оставь в своих святых молитвах. Некому больше мне помочь, только ты и Владычица Пресвятая Богородица, скоро услышьте меня и придите на помощь». Через несколько часов я встала, смазала маслом от святых мощей живот и горло со словами: «Святый праведный отче наш Иоанне, моли Бога о нас». Несколько капель закапала внутрь, в горло. И очень скоро мне стало лучше.

В 1994 году у меня появилась опухоль на ноге в виде твердой шишки, было больно ходить. Моя сестра сказала, чтобы я срочно шла к врачу, так как это может быть тромб. Я на ночь помазала эту опухоль маслом Батюшки Иоанна Кронштадтского со словами: «Господи! По молитвам святого праведного Иоанна Кронштадтского исцели меня!» – и прочла Батюшке сорок раз тропарь. Заснула, а утром, когда проснулась, то от опухоли и следа не осталось.

Слава Богу за все!»

* * *

Часто болезни тела – следствие наших грехов, поэтому исцеление даруется человеку после искреннего, глубокого покаяния. Вот один из таких случаев.

Женщина из Москвы по имени Любовь, 45 лет, летом 1996 года приехала в монастырь благодарить Батюшку и рассказала о своем спасении.

Около полутора лет перед тем врачи нашли у нее опухоль и сказали, что ей срочно, в течение трех дней, нужно ее вырезать. Но Любовь решила отложить операцию на две недели, с тем, чтобы по-христиански подготовиться к ней – причаститься,

собороваться. По благословению своего духовного отца она поехала на исповедь к архимандриту Амвросию (Юрасову), духовнику Свято-Введенского монастыря в г. Иваново. Там она принесла очень подробную исповедь, в ходе которой пересмотрела всю свою жизнь. С помощью о. Амвросия она исповедалась во всех забытых грехах, в том числе связанных с ее болезнью, и причастилась Святых Христовых Таин. Затем она отправилась к блаженной Любушке, которая посоветовала ей не делать операцию, а взять святого масла от Батюшки Иоанна Кронштадтского и мазать место опухоли.

Когда Любовь сообщила врачу, что отказывается от операции, он назвал ее «несерьезным» человеком, видимо, сочтя за полусумасшедшую. Миру, далекому от Бога, всегда кажется безумной жизнь по Христовым заповедям! С верой, положившись всецело на волю Божию, Любовь стала ежедневно мазать больное место маслицем. Примерно через две недели она ощутила, что внутри у нее словно что-то разорвалось, после чего стала чувствовать себя сразу лучше. Вскоре исчезли отеки, пропали все признаки заболевания. К врачам Любовь больше не обращалась – настолько явным было чудесное исцеление по молитвам Батюшки Иоанна.

* * *

Раб Божий Евгений свидетельствует: «Боже, милостив буди мне грешному! 14 августа 1996 года со мною произошло исцеление от страшных болей и колик в правой почке.

10 августа прямо с работы я был увезен на “скорой” в больницу. Была суббота, и два дня до прихода врача я терпел приступы боли. 12 августа врач, осмотрев меня, назначил обследование.

На следующий день я обратился за молитвенной помощью к Батюшке Иоанну Кронштадтскому через жену Нину. Она принесла масло из лампадки в усыпальнице Батюшки, и 14 августа, в 15 часов мы помолились и помазали больное место. В то же мгновение боль прошла, и через два часа вышли очень мелкие камни, легко и просто.

Надо сказать, что двое суток, 12 и 13 августа я пил льняное семя через каждые два часа, но приступы, однако, повторялись

все чаще и чаще. А при прикосновении масла из лампадки Батюшки Иоанна боль исчезла сразу!»

* * *

Однажды в Иоанновскую обитель пришла женщина и поведала о своем исцелении. Сестры попросили ее записать свой рассказ. Вот эта запись:

«В октябре 1996 года я заболела. Сначала лечилась лекарствами, но они не помогли. Прошло полтора месяца. Мне было все хуже, я уже и из дома не могла выходить. В болезни читала книгу об отце нашем святом праведном Иоанне Кронштадтском, и меня поразил случай исцеления от цветка от его раки. Я вспомнила о том, что в доме есть масло из лампады от о. Иоанна Кронштадтского. Бросила пить лекарства и начала мазаться этим маслом. Через неделю полностью выздоровела. Дала обет прийти поблагодарить Батюшку Иоанна, но по своему окаянству сделала это только сегодня.

14 июня 1997 года.

Людмила А.»

* * *

Раба Божия Раиса 25 декабря 1996 года садилась в вагон метро, ее ударила закрывающаяся дверь и перебила ребро. Врач сказал, что перелом очень опасен, т. к. находится под самым сердцем и лечить его крайне трудно. Раиса очень расстроилась. Но тут она вспомнила, как однажды на богословских курсах услышала рассказ о Батюшке Иоанне Кронштадтском настоятеля монастырского храма о. Николая. Священник говорил о том, как быстро откликается угодник Божий на просьбы людей. Этот исполненный теплой любви к дорогому Батюшке рассказ произвел на нее тогда глубокое впечатление. И Раиса решила просить его о помощи. С трудом, превозмогая боль, она стала приходить на Карповку, заказывала молебны, ставила свечи в усыпальнице. И постоянно молилась Батюшке дома, читала акафист, начинала каждый день с молитв к Кронштадтскому чудотворцу – словом, только и думала о нём. И он не замедлил откликнуться на столь горячую и искреннюю веру. Спустя месяц тяжелая травма исцелилась без всяких последствий. Теперь Раиса старается

чаще приходить в обитель, чтобы снова и снова поблагодарить милостивого чудотворца, делится своей радостью: «Батюшка спас меня, и я буду помнить это всю жизнь».

* * *

Фотиния, певчая храма из Тамбова, прислала в Иоанновский монастырь следующее письмо: «Матушка Игуменья, благословите!

Сообщаю вам о чудесном исцелении, которое я получила по молитвам нашего праведного Иоанна. 31 декабря 1996 года я упала и сломала два ребра, получила ушиб костистого отростка и почки. Удар был настолько сильный, что все внутренности мои сотряслись. Врач-травматолог, очень опытный, сразу определил мое состояние. Я не могла ходить, лежать, сидеть, только стоять, иначе дикая боль. Мне дали больничный. Я певчая в хоре Скорбященского храма бывшего Вознесенского женского монастыря. 2января у нас на территории нашего храма открывали новый храм-крестильню в память праведного Иоанна Кронштадтского. Лежа в постели, почти не двигаясь, я начала читать житие этого святого праведника, о его чудесных исцелениях. Я подумала, может и мне он поможет, и горячо со слезами помолилась ему. И – о чудо! – 3 января потихоньку встала, боли почти не было. Дошла самостоятельно до храма. Исповедовалась, причастилась в новом храме, отслужила благодарственный молебен.

Через десять дней я пошла к доктору. Он сразу же послал меня на так называемый “телевизор”, чтобы подтвердить диагноз. Врач, которая меня смотрела, сказала: “Я у вас ничего не нахожу, все чисто... Но через десять дней ни переломы, ни тем более ушибы не могут пройти!” Она пригласила коллегу, но и вдвоем они ничего, совершенно ничего не обнаружили. С их заключением я пришла к лечащему врачу, он не поверил и сказал: “Бывает, что и приборы халтурят”. Сделал повторный снимок – ничего! Он был потрясен, а я ликовала от радости! Врач сказал, что я родилась под счастливой звездой. А я знала, кто мне помог. Из кабинета я чуть ли не выбежала. Вот такое чудо в наше время я получила, грешная и недостойная. В подтверждение моих слов высылаю мой больничный.

Матушка, я должница перед святым праведным Иоанном. Благодарю его за милость ко мне. Дай Бог Вам и Вашим сестрам духовной радости в Боге и многая лета.

С низким поклоном Фотиния, г. Тамбов».

* * *

«Дорогие сестры о Господе! Давно хотела сообщить Вам, что наша семья не раз получала помощь от святого Иоанна Кронштадтского – великого чудотворца. Первый случай был 2 года назад, когда тяжело заболел мой 10-летний сын. После реанимации у него рука болталась как плеть. Врачи ничего не могли сделать, сказали, что перерезали, наверное, жилу в плече. Я не отчаивалась, а причастила сына у Вас в монастыре и горячо помолилась Батюшке, потом записочку подавала о здравии. И сами не заметили, как рука у него заработала. Это было чудо. Но мы знаем, что для нас это чудо, а для Бога и Его святых все возможно.

Второй случай произошел год назад с моей 76-летней матерью. Ей хулиган кастетом (трижды был нанесен сильный удар) раздробил голову. Я сразу обмыла голову святой водичкой, помазала маслицем святым, какое было у меня, затем пришла к Вам в монастырь заказать молебен. После взяла святого маслица и цветочки с гробнички Батюшки. Заварила чай и пошла в больницу. Все заросло как у молоденькой. Врачи только удивлялись, что ее так рано (через неделю) выписали.

И вот недавно я сильно обожгла руку паром – и опять, Слава Богу. Получила помощь от Его Великого Святого. Слава Богу за все.

Нечепурук Лидия Ивановна, г. Санкт-Петербург».

* * *

Скибицкая Раиса из Московской области давно страдала ревматизмом. С 1993 года стала с трудом передвигаться, так как все пальцы на левой ноге деформировались, и она не могла ходить. По ночам она часто просыпалась и по 2–3 часа читала книгу о жизни отца Иоанна Кронштадтского, а также акафист Иоанну Кронштадтскому. В 1998 году она опять ночью читала и вдруг увидела, что пальцы ног распрямились. Она поняла, что

чудо произошло по молитве святого отца Иоанна, и теперь она нормально ходит.

* * *

Раба Божия Тамара С. из Москвы пишет, что пришла к Господу недавно, в 1993 году. В храм Божий ее привел святитель

Николай, спасший ее от лютой смерти. В своем письме, исполненном горячей любви к Батюшке Иоанну, она сообщает о чуде исцеления:

«1 января 1997 года мне сделалось плохо, вся правая сторона туловища заболела. Не могла вздохнуть от боли. В ночь на 4 января адская боль с новой силой вернулась ко мне. Утром вызвала врача. А пока плакала, мучилась, просила святителя Николая и отца Иоанна спасти – ведь рушились все запланированные дела... Книга К. Сурского об отце Иоанне Кронштадтском стояла у меня на полке. Последний раз открывала ее полгода назад, а потом читала другие духовные книги. Я подошла к полке, взяла книгу, открыла на заложенном месте и стала читать. И, переживая свое и читаемое на стр. 502, я вместе с тем священником возопила: “Родной Батюшка, помоги!” И в то же мгновение все у меня прошло, как и не было. Лежу, прислушиваюсь к себе – все в порядке. В праздник Рождества сходила в храм, причастилась. 9 января вечером появилась та же боль, только слева. Но я тут же попросила отца Иоанна о помощи, и все прошло.

Смиренно прошу вас отслужить благодарственный молебен на гробнице великого праведника и чудотворца отца Иоанна Кронштадтского; попросить его молитв об исцелении меня от страстей и болезней, и помочь в моих делах, и укрепить мою веру Христову.

У меня много книг о нем и его полное собрание сочинений, а я все больше и больше хочу о нем знать. Покупаю и дарю знакомым, родным и храмам его иконы и книги. Считаю, что мало еще знают о нем и чтут его в Москве, в России».

Конечно, здесь мы приводим лишь некоторые из многих и многих чудесных случаев. Но не для внешних эффектов и славы, к которым так привержен мир сей, совершаются

исцеления силою Божией по молитвам святых. Совершаются они для нас, для прямой пользы нашей, дабы вернуть нам целостность телесную, но самое главное – здравие духовное.

Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

Святый праведный отче наш Иоанне, моли Бога о нас!

Примечания

[1] - В настоящее время Кронштадт совершенно переменился – пьяные матросы и дикий разгул их явление чрезвычайно редкое. Ревность отца Иоанна поборола зло.

[2] - Насколько отец Иоанн не искал известности, видно из того, что Параскева Ивановна Ковригина, распространявшая слухи об исцелениях чрез отца Иоанна и посылавшая к нему лиц, нуждающихся в особенной помощи Божией, получала строгие выговоры его за огласку, и некоторое время он не хотел иметь с нею общение и беседу.

[3] - Вопрошавшему очень хорошо известно, что отец Иоанн в первое время священства, вследствие своей необыкновенной нервности, совершенно не мог быстро сосредоточиваться после того, как был отвлекаем чем-нибудь от своей глубокой молитвы.

[4] - Так у отца Иоанна. – Ред.

[5] - Юлиан Флавий Клавдий – римский император (361–363) известный также под именем Отступник. Молодой император, окруженный философами, учеными и жрецами, ревностно взялся за восстановление язычества. Язычество снова стало государственной религией. Первое время по отношению к христианам Юлиан держал себя снисходительно. Он думал, что без кровавых преследований, путем хитрой политики сможет ослабить и уничтожить христианство, а когда это не удалось, то перешел к жестоким преследованиям, но вскоре в одной из битв в походе на Персию был убит (363). Вместе с его смертью закончилось и его дело восстановления язычества. – Ред.

[6] - Тайбола – дремучие леса. – Ред.

[7] - Самоеды – старое название народов, говорящих на самодийских языках, – ненцев, селькунов и др. – Ред.

[8] - Ключарь собора А.П. Попов.

[9] - Офеня, афеня – коробейник. – Ред.

[10] - Кольми паче (церк.-слав.) – тем более, особенно.

[11] - У нас частое Причащение Святых Таин считается чуть ли не грехом. На вопрос: сколько раз можно причащаться в году,

– слышишь: раз. Женщины и больные некоторые спрашивали: можно ли причащаться, не дожидаясь сроку шести недель? Кто положил этот срок? Можно причащаться всем каждый пост, но с должным, конечно, приготовлением, а больным чаще.

[12] - Данную и послед. цитату см. в кн.: Отец Иоанн Сергиев (Кронштадтский). Моя жизнь во Христе: Извлечение из дневника: В 2 т. СПб., 1893. Т. 1. С. 155; Т. 2. С. 416–417.

[13] - Преосвященный Феофан (Говоров). Письма к разным лицам о предметах веры и жизни. М. 1892.

[14] - В.М. Два дня в Кронштадте.

[15] - Речь идет об английском проповеднике, приехавшем в Петербург в 1874 г. Лорд Рэдсток был последователем евангельских христиан – одного из течений в протестантизме, родственного баптизму. Он учил, что для спасения достаточно одной веры, при этом отвергались: церковная иерархия, Таинства, почитание креста, икон, мощей святых и др. – Ред.

[16] - Штундистами называли представителей разнородных религиозных движений (пашковцев, молокан, духоборов и др.) в России сер. XIX века. – Ред.

[17] - Сколь более эта оценка может относиться к людям, считающих разных бесплодных индусов новыми воплощениями Сына Божия.

[18] - Вероятно, чухонцы. В Петербурге так называли финнов, живших в окрестностях города. – Ред.

[19] - Ср.: Ирмос 4-й песни Пасхального канона.

[20] - Непоколебимому, спокойному. – Ред.

[21] - Вероятно, сломанная в 20-е годы XX века домовая архиерейская церковь Спаса Нерукотворенного на Никольской улице в Московском Богоявленском монастыре, управляющим которого был епископ Трифон (Туркестанов).

[22] - Община сестер милосердия «Утоли моя печали», основанная в 1898 году княгиней Н.Б. Шаховской, находилась в Лефортове напротив храма святых апостолов Петра и Павла.

[23] - Иверская община была основана в 1894 году, находилась на Большой Полянке.

[24] - Боевская богадельня, построенная в 1894 году на пожертвования московского купца Н.И. Боева, находилась на Стромынке.

[25] - Разрушенная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Житном дворе в Кремле, где находилась чудотворная икона Нечаянной Радости.

[26] - Успенский скит Санкт-Петербургского Иоанновского женского монастыря в селе Ваулове, учрежденный в 1903 году.

[27] - Вероятно, Михаил Петров, признаваемый иоаннитами за святого Архангела Михаила.

[28] - Живой колос с духовной нивы о. Иоанна Кронштадтского. Пг., 1918. С. 2–3.

[29] - Живой колос с духовной нивы о. Иоанна Кронштадтского. Пг., 1918. С. 9.

[30] - Мысли о богослужении Православной Церкви протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского). М., 1894. С. 20.

[31] - Василиско-Златоустовский монастырь находился в двенадцати верстах от города Сухуми, на месте древнего города Команы, где в 407 году преставился святитель Иоанн Златоуст.

[32] - От смерти к жизни. СПб. 1904. С. 36.

[33] - Созерцательное подвижничество. СПб., 1907. С. 88.

[34] - Подворье Воронцовского Благовещенского монастыря находилось в Петербурге на Очаковской улице. – Ред.

[35] - Архимандрит Кирилл (Наумов), впоследствии епископ Мелитопольский (†1866).

[36] - Епископ Винницкий Макарий (Булгаков), впоследствии митрополит Московский (†1882).

[37] - Архимандрит Иоанн (Соколов), впоследствии епископ Смоленский (†1869).

[38] - Вероятно, в Новотихвинском женском монастыре в Екатеринбурге; этот монастырь имел во владении Булзинский хутор, при нем был храм с приделом во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. – Ред.

[39] - Генерал А.Н. Куропаткин (1848–1925) в русско-японскую войну командовал войсками в Маньчжурии. – Ред.

[40] - Возможно, речь идет о книге: Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса. Ч. I. СПб., 1900; Ч. II. СПб., 1901. – Ред.

[41] - Вероятно, Воронежский архиепископ Анастасий (| 1913), обучавшийся в СанктПетербургской Духовной академии в 1849–1853 годах. – Ред.

[42] - Начальница, с 19 июля 1905 года – игуменья Иоанно-Богословского женского монастыря в селе Сура Архангельской губернии. – Ред.

[43] - Священник церкви технического морского училища в Кронштадте (| 1864). – Ред.

[44] - Воспоминание навеяно событием, описанным в 3-м томе Сочинений святителя Игнатия (Брянчанинова). Ямщику федору Казакину, выжигавшему уголья в лесу, троекратно являлись бесы, сидящие на деревьях, играющие на разных музыкальных инструментах, торжествовавшие и бесчинно припевавшие: «Наши годы! Наша воля!» (СПб., 1905. С. 252). Ред.

[45] - Санкт-Петербургский митрополит Исидор (Никольский; + 1892). – Ред.

[46] - Имеется в виду подворье Сурского Иоанно-Богословского женского монастыря. – Ред.

[47] - Паданский Введенский женский монастырь Олонецкой епархии был учрежден в 1900 году. – Ред.

[48] - Газета «Котлин», начиная с 28 ноября 1904 года и кончая 6 февраля 1905 года, ежедневно сообщает о состоянии здоровья Батюшки, печатая и Высочайшие телеграммы ему в № № 288 и 289 за 1904 год, и официальные бюллетени врачей, и впечатления лиц, посещавших больного.

[49] - Письмо отца Иоанна в редакцию газеты «Котлин» и статья «Обмиравшая женщина из раскола» напечатаны в № 17 газеты (от 22 января) за 1905 год, очевидно немедленно после того, как отец Иоанн прислал их в редакцию, в сочинениях же

самого отца Иоанна указанные письмо и статья помещены в конце Сборника слов за 1904 год. С. 138–141.

[50] - Котлин. 1905. № 2.

[51] - Именно протоиереи: Преображенский, Бриллиантов, Попов, священники: Виноградов, Петровский, Вертоградский и Шильдский.

[52] - «Вятка дала мне мятку», – будто бы говаривал отец Иоанн. В Вятке отец Иоанн был летом того же 1904 года. Приехав 16 июня вечером из Котласа, он пробыл в ней 17 и 18 июня и оба дня служил литургии и ездил из дома в дом по приглашению учреждений и частных жителей, чтобы «в одном месте благословить семью на добрую жизнь, в другом – возложить руку на голову исстрадавшегося больного, в третьем – успокоить мятущийся дух несчастного, в ином – подать добрый и благовременный совет в духовной жизни». Всюду от дома к дому, из конца в конец города, за коляскою Батюшки спешили толпы народа (Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 14, отд. Неофиц.: «О. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) в г. Вятке». Р. С. 811–814). Если правда, что изуверы «помяли» отца Иоанна в Вятке с злым намерением повредить его здоровью, то они могли сделать это в означенный, а не в другой, приезд Батюшки. По рассказам известных мне лиц выходит, что после первого случая изуверства над Батюшкою в Вятке он поправился, а после второго случая изуверного нападения, более жестокого, имевшего место через пять месяцев в Петрограде (24 ноября), Батюшка тяжело заболел, поправиться не мог и страдал до самой смерти.

[53] - Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Сост. свящ. Л. Чичагов. М., 1896. С. 83–86.

[54] - Пространный катехизис митр. филарета (Дроздова), о 9-й заповеди блаженства.

[55] - Этот случай был в Петрограде в начале марта 1898 года: описан в газете «Киевлянин» (№ 74 от 15 марта). Оказывается, после него отец Иоанн несколько дней не служил из-за опухоли руки.

[56] - Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. С. 87.

[57] - Там же. С. 84.

[58] - В Кронштадте ходил слух, что Батюшка с некоторых близких ему лиц взял слово, что они не будут рассказывать о случае нападения на него.

[59] - Цитируется по воспоминаниям псаломщика Иоанна Алексеева. – Ред.

[60] - Отец Иоанн Кронштадтский. Изд-во Русского Народного союза имени Михаила Архангела. 1909. С. 35–38.

[61] - По этой причине – для избежания несчастных случаев – вероятно, отец Иоанн никогда не участвовал в крестных ходах.

[62] - Мне не раз приходилось служить раннюю литургию только с отцом Иоанном вдвоем, других сослужащих Батюшке иереев не было. О таком же служении литургии вдвоем мне рассказывал протоиерей Димитрий Гаврилович Любимов, искренний почитатель Батюшки, часто приезжавший к нему в Кронштадт в 1905–1908 годах.

[63] - В благодарность за избавление от опасности на другой день (27-го) вечером я служил молебен в коридоре нашего дома по просьбе и в присутствии тюремных надзирателей и всех наших семейных, причем советовал им ввести обычай – служить такой молебен ежегодно. Не знаю, исполняется или нет мой совет в настоящее время.

[64] - Об этом рассказывал мне очевидец, бывший на пристани во время отъезда Батюшки, ныне священник С.П. Преображенский.

[65] - Это была Мария Сергеевна Ольхина, вдова артиллерии генерал-лейтенанта, занимавшая должность начальницы с 1863 по 1903 год, теперь уже покойная. По приглашению ее отец Иоанн был в институте не менее четырех раз и каждый раз в ее квартире, в зале служил водосвятный молебен. По желанию Батюшки к молебну собирались служители с женами и детьми. «Пусть и они придут, – говорил отец Иоанн, – им, может быть, в другой раз не придется помолиться со мною». Приложиться ко кресту и принять окропление святою водою от Батюшки в

квартиру начальницы приходили и воспитанницы вместе с классными дамами.

[66] - Этот дар отца Иоанна оказался мне, как законоучителю, в высшей степени полезным, особенно же первая книга, содержащая прекрасные образцовые речи отца Иоанна, сказанные им на молебнах в Кронштадтской мужской гимназии. С чувством глубокой благодарности дорогому Батюшке я перечитываю их, когда по долгу законоучительской службы мне приходится говорить перед богослужениями то в институтской церкви, то в мужской гимназии.

[67] - Осенью 1905 года исполнилось 50 лет со дня венчания Иоанна Ильича Сергиева с дочерью кронштадтского протоиерея Елизаветою Константиновною Несвицкой.

[68] - Матушка Елизавета Константиновна скончалась, сколько я помню, в мае 1909 года, спустя четыре месяца после смерти отца Иоанна.

[69] - Так, прибыв к отпеванию тела протоиерея П.П. Преображенского, скончавшегося 19 октября 1905 года, отец Иоанн прочел первое Евангелие и сейчас же, разоблачившись, оставил церковь.

[70] - Слышано мною от матушки Евпраксии в Иоанновском монастыре 20 декабря 1914 года. Ее интересные воспоминания о Батюшке следовало бы записать и напечатать. «Милость Свою Господь мне послал!» – говорил отец Иоанн о своей болезни епископу Евдокиму, приезжавшему в Кронштадт за год до кончины Батюшки (из речи архиепископа Евдокима «Отец Иоанн у постели болящих», сказанной 21 декабря 1914 года на торжественном собрании в память отца Иоанна).

[71] - Парастас – заупокойное всенощное бдение, совершаемое в церкви накануне погребения.

[72] - Ныне архиепископ Тамбовский и Шацкий, уроженец Кронштадта, в миру отец Константин Смирнов, одно время служивший настоятелем кронштадтской кладбищенской церкви.

[73] - Так в оригинале. – Ред.

[74] - Разумеются монастыри Иоанновский в Санкт-Петербурге, Сурский на родине отца Иоанна, Воронцовский в

Псковской губернии и Вауловский скит около Рыбинска.

[75] - Святитель Тихон Воронежский, Задонский (Соколов; 1724–1783) – иерарх и богослов, духовный писатель. Его духовное наследие представлено многими трудами. Причислен Церковью к лику святых в 1861 году, день памяти 13/26 августа. – Ред.